Степи Евразии в эпоху средневековья

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

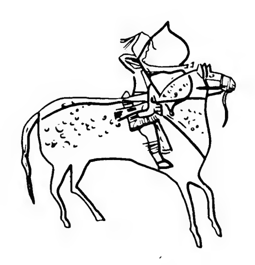

АРХЕОЛОГИЯ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1981

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Степи Евразии в эпоху средневековья

Ответственный редактор тома
С. А. ПЛЕТНЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1981

Издание в 20 томах

Авторы тома:

А. К. АМБРОЗ

В. Б. КОВАЛЕВСКАЯ

И. Л. КЫЗЛАСОВ

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

Н. А. МАЖИТОВ

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

С. А. ПЛЕТНЕВА

|А. П. СМИРНОВ|

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

Книга включает археологические материалы, относящиеся к раннему и развитому средневековью, т. е. охватывает древности целого тысячелетия, с IV по XIV в., распространенные на огромной территории степей — от Забайкалья до низовий Дуная. Труд создан ведущими археологами СССР и является первым коллективным обобщением огромной работы, проведенной русскими и советскими археологами в последнее столетие, по изучению средневековых кочевнических древностей нашей страны.

С $\frac{10602-359}{042(02)-81}$ Подписное. 0507000000

Введение

С эпохи бронзы степные и лесостепные просторы Евразии стали колыбелью кочевого скотоводства. Письменные источники рассказывают нам о смене этносов, народов, языков, о бесчисленных войнах и передвижениях по степям отдельных племен, орд и союзов орд, о возникновении и гибели могущественных государственных объединений, так называемых империй или каганатов. Археологические материалы дополняют отрывочные и нередко весьма скудные сведения древних хроник, касающихся, как правило, внешней политической истории степных народов и государств; кроме того, они позволяют нам судить об экономике и культуре, об этническом составе и общественных отношениях населения степей в различные периоды истории.

Данные палеогеографии, палеоботаники, палеозоологии, антропологии конкретизируют, а нередко являются основными при восстановлении истории и культуры того или иного кочевнического образования. Огромное значение для реконструкции добытых археологами остатков материальной и духовной культуры имеет этнографическое изучение современных кочевых и полукочевых народов азиатских степей.

Об экономике и общественных отношениях кочевников в настоящее время этнографами написано множество статей и монографий. Характерно, что именно в результате огромной работы советских этнографов и археологов в последние полтора-два десятилетия в кочевниковедении получило почти всеобщее признание убеждение в том, что «чистых» кочевников, т. е. степных народов, единственным типом хозяйства которых является кочевое скотоводство, вообще не существовало и даже практически не могло существовать.

Противники этой точки зрения приводят пример непрерывного кочевания в степях монголов и некоторых других кочевых народов евразийских степей. Однако следует помнить, что монголы всегда были связаны с соседними народами, имея с ними как бы «общую» экономическую базу. Получается своеобразный разноэтничный «симбиоз» кочевого и оседлого населения, много аналогий которому можно найти и в древности.

Благодаря сообщениям, сохранившимся в письменных средневековых источниках, мы знаем, что в период военной демократии, когда кочевые орды осваивали новые пастбища или силой овладевали новой территорией, кочевало или, вернее, передвигалось по степи все население: воины, их семьи, стада. В войне также участвовал весь народ — мужчины и женщины, способные держать оружие.

У оседлых, нередко значительно более цивилизованных народов при виде этой неотвратимо двигающейся на них массы возникало убеждение в ее несокрушимости. Появлялись новые легенды о жестоких и неистовых кентаврах, возрождались рассказы об амазонках — беспощадных степных воительницах. Тем не менее «симбиоз» кочевого и оседлого населения даже на этой «военной» стадии мало-помалу налаживался, так как он был абсолютно необходим кочевникам и выгоден земледельцам.

Взаимоотношения, как правило, развивались в двух направлениях: военном и мирном. При этом, естественно, сокращение одного из них приводило к расширению другого. Придя на вновь захваченные земли, кочевники разоряли, грабили, захватывали в плен. Затем отношения усложнялись. Совершать набеги и походы становилось все тяжелее, поскольку сопротивление растерявшихся и испуганных первоначально народов постепенно возрастало и ответные удары их становились все ощутимее и опаснее. Все чаще кочевники удовлетворялись откупами, пошлинами с купеческих караванов, проходивших на юг и с юга по степям. Кочевники и сами втягивались в торговлю, поставляя на рынки скот и рабов. Мирные отношения проникали не только в экономику, но и в быт: налаживались личные связи — браки, побратимство. Степняки проникали в поселения и в города и оседали там. Оседлые же земледельцы шли в степь и превращались в полукочевников.

Так возникало в степях одно из существенных условий перехода кочевников к полуоседлости, носившее скорее внешний, чем внутренний характер. Однако внутренние причины были значительно глубже. Они заключались в перестройке всей экономической и социальной структуры общества. Если в периоды активной захватнической деятельности, когда тяжесть войны одинаково падала на всех членов общества, распределение добычи было сравнительно равномерным, то в удлиняющиеся мирные периоды росло экономическое неравенство. Угоны скота соплеменниками — главами соседних более сильных родов (обычай баранты), потеря всего стада во время вражеского набега или массовый падеж скота часто разоряли кочевников. Поскольку войн, а следовательно, и необходимой для восстановления экономического положения добычи не было, кочевник, потерявший стадо, вынужден был переходить к оседлости или, во всяком случае, полуоседлости.

Захваченные земли в мирные времена распределялись между сильными и богатыми родами. Перекочевки проходили уже на определенных территориях со строго очерченными границами: с зимовок — на летовки. На лето в зимовищах оставались больные, старики, пленные и неимущие, которые, чтобы прожить, начинали осваивать земледелие. Зимовища обрастали пашнями. На окраинах зимовищ располагались обширные постоянные кладбища-могильники. Многие жители поселков, помимо земледелия, осваивали ремесла. Так начинала формироваться у кочевников своя материальная культура. На собственной гармонически развитой экономической базе возни-

кают государственные образования. Такие полукочевые «империи» под воздействием ряда обстоятельств и прежде всего сокращения необходимых пастбищных земель в результате роста пашен, увеличения населения и, главное, стад, которые негде было пасти, постепенно превращались в земледельческие государства с некоторой специфической склонностью к специализированному скотоводству (разведение особых пород коней, овец и пр.).

Однако, если развитие этих государств прерывалось нашествиями (тотальным разгромом экономики и культуры) или резкими климатическими изменениями, ведшими в конечном счете к гибели экономической базы, население «империи» полностью, а чаще частично садилось на коней и начинало массовую перекочевку в поисках «свободных пространств». И вновь колесо истории двигалось по проторенной тысячелетним опытом дороге — от круглогодичного кочевания к полуоседлости. Следует отметить, что нередко путь этот прерывался в самом начале или в середине. Кочевники не успевали осесть, создать культуру, государство. Непредвиденные обстоятельства меняли историческую обстановку, прежние обитатели исчезали, уходили или растворялись в новых этнических и политических образованиях, которые также далеко не всегда завершали сложный и длительный путь «от кочевий к городам».

Какие же следы оставляют археологам обитатели степей, находившиеся на разных стадиях социально-экономического развития?

Совершенно очевидно, что кочевники, ведущие круглогодичное кочевание, находившиеся на стадии первичного освоения захваченных территорий, практически почти ничего не оставляют для археологии. У них не было ни постоянных зимовищ, на которых должен бы был откладываться культурный слой, ни постоянно функционировавших кладбищ, расположенных на определенных территориях. От таких кочевников остались только разбросанные по степи отдельные погребальные комплексы, нередко впущенные в курганные насыпи более ранних эпох (бронзы, скифов, сармат и пр.). Находят их обычно случайно при сооружении каких-либо современных построек или обвалах берега. При этом сведения о рядовых погребениях, как правило, не доходят до ученых. Только богатые комплексы, с золотыми и серебряными вещами, часто полуразоренные и растащенные местными жителями, попадают в музеи, а затем и в руки ученых. В таких случаях обряд погребения всегда остается невыясненным, а значит, научная ценность сохранившихся вещей теряется не менее чем на 50%. И все же эти разрозненные и слабо документированные находки нередко являются единственным источником для восстановления целых исторических эпох, для установления путей следования и разнообразных связей того или иного степного народа.

Относительная стабилизация жизни, появление постоянных зимовищ хорошо прослеживаются археологами благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, в результате образования в районах зимовок кладбищ (бескурганных и курганных), погребения на которых ориентированы в соответствии с зимними отклонениями стран света. Во-вторых, из-за образования вдоль берегов рек и лиманов так называемых полос обитания — длинных, почти сливающихся друг с другом остатков кратковременных стойбищ без культурных слоев и с редкими находками на поверхности обломков керамики и костей животных. Такие «полосы обитания» археологи начали находить в настоящее время всюду, где, согласно письменным источникам, действительно обитал в средневековье народ, находившийся на первых ступенях стадии полуоседлости. Итак, уже первые шаги кочевников к оседлости позволяют археологам обнаруживать оставленные ими следы.

Характерно, что на этих двух стадиях — сплошного кочевания и кочевания с постоянными зимовищами — культура населения обыкновенно имела много общих черт с культурой, которая была у этого народа в районах прежнего обитания. Эти районы находились в пределах «материнских империй», от которых по той или иной причине откололись и отошли на новые пастбища несколько орд, объединившихся в военный союз. Военный союз, созданный для завоевания, не мог, естественно, создавать культуру. Его члены были воинами, они захватывали земли и пленных, грабили и привозили к себе в кибитки драгоценные ткани и украшения, новое оружие и роскошные золотые и серебряные сосуды. Все это формировало новые вкусы, новые представления, что, в свою очередь, было одним из основных условий при сложении у оседающего населения новой культуры.

Превращение зимовищ в постоянные поселения и занятие населения земледелием приводило вновь обращенных земледельцев к освоению самых совершенных для того времени орудий труда, самых эффективных злаковых культур, к разведению садов, виноградников, бахчей. Сочетание достаточно эффективного земледелия с отработанными веками навыками скотоводческого хозяйства позволяет говорить об очень высоком уровне экономического развития осевших степняков, объединенных на этой стадии уже в государственные образования (империи).

На этой экономической и политической базе стремительно вырастают в поселках ремесла: гончарное, кузнечное, ювелирное и др. Ремесленники создают новую материальную культуру, всегда в значительной степени синкретичную, поскольку она складывается из слияния прежней культуры воинов с культурой населения захваченной страны и под мощным воздействием всех соседних стран, с которыми новое полукочевое государство имело активные и разнообразные связи.

Таким образом, археологи во всей полноте изучают культуру только тех кочевников, которые практически уже не являются кочевниками, поскольку подавляющее большинство их полностью или частично перешло к оседлости и земледелию.

В то же время чисто кочевнические памятники (отдельные погребения, клады, могильники и остатки зимовищ) настолько малочисленны и так широко разбросаны по степям Евразии, что говорить об их этнической принадлежности, о сохранении устойчивых этнографических признаков не представляется возможным.

При исследовании памятников, оставленных кочевниками всех стадий развития (включая полуоседлый — оседлый), следует учитывать необычайную

для земледельческих государств «нивелировку» синхронных древностей, находимых на отдаленных одна от другой территориях. Причины этого явления кроются, во-первых, в подвижности кочевого населения, в его способности быстро покрывать тысячекилометровые расстояния; во-вторых, в сравнительном единообразии быта; в-третьих, в традиционности приемов ведения войны, выработанных тысячелетиями; в-четвертых, в характерном для эпохи средневековья единстве языка на всей необъятной степной территории от Алтая до Дуная (в основном разные диалекты тюркского и иранского).

Единообразие древностей позволяет привлекать для их датировки самые отдаленные аналогии, что наряду с установлением относительных дат отдельных памятников или целых культур дает археологам, как правило, достаточно аргументированную хронологию.

Однако то же единство экономики, быта и культуры затрудняет разделение степных древностей по этническим группам, тем более что, как уже говорилось, исследуемые культуры являются обыкновенно культурами разноэтнических государств или союзов различных племен, находившихся на стадии перехода в государственные образования.

Итак, самая специфика кочевнических древностей, неравномерность их распределения в степях, различия в количестве доходящих до нас разновременных материалов не позволяют исследователям пользоваться одинаковой методикой при работе над их исторической интерпретацией. Естественно, что «государственные культуры» изучены много лучше, чем единичные памятники периодов сплошного кочевания.

Археологическим исследованием кочевнических древностей (сибирских и восточноевропейских) начали серьезно заниматься уже в первые десятилетия XX в. Полученный в результате раскопок материал сразу заинтересовал археологов, обычно стремившихся как-то интерпретировать его. Крупнейшие дореволюционные археологи — Н. Е. Бранденбург, Н. Е. Макаренко, В. А. Городцов, А. А. Спицын не только пытались датировать открываемые древности, но и предлагали свое этническое их истолкование.

В 1929 г. вышла из печати первая типология сибирских древностей, созданная С. А. Теплуховым. Вот уже полстолетия археологи пользуются этой типологией, внося в нее только частные изменения.

Средневековое кочевниковедение было продолжено в Сибири С. В. Киселевым и его школой, в Средней Азии — А. Н. Бернштамом, в Восточной Европе — М. И. Артамоновым с учениками и в Поволжье — экспедицией А. П. Смирнова. Интересно, что все они занимались исследованием культур крупных полуоседлых-полукочевых государств: Тюркского и Кыргызского каганатов, Хазарского каганата, Волжской Болгарии и Золотой Орды.

В последнее тридцатилетие неизмеримо выросло количество раскопанных кочевнических памятников. Вместе с тем много было сделано и в исследованиях добытых материалов.

И. П. Засецкая впервые небезуспешно попыталась выделить гуннские древности, А. К. Амброз создал хронологическую систему V—VIII вв. степной зоны Восточной Европы, Л. Р. Кызласов обнаружил и обработал памятники Тюркского и Уйгурского каганатов и средневековых (X—XIII вв.) хакасов, Н. А. Мажитов раскопал и разделил на несколько культур огромный башкирский материал, Н. Я. Мерперт, А. Х. Халиков, В. Ф. Генинг нашли, раскопали, издали и интерпретировали могильники ранних болгар на средней Волге, а Е. А. Халикова и Е. П. Казаков там же раскрыли могильники и отдельные погребения, которые не без основания пытались связать с древними венграми. С. А. Плетнева провела большие полевые исследования памятников салтово-маяцкой культуры, разделила ее на несколько вариантов и проследила на материалах этой культуры общий для всех кочевников путь развития «от кочевий к городам». Она же датировала и впервые предложила деление по этническим группам древностей так называемых поздних кочевников восточноевропейских степей. Работа по созданию хронологии восточноевропейских позднекочевнических памятников была продолжена Г. А. Федоровым-Давыдовым, который затем возглавил огромную работу по исследованию золотоордынских городов. Большие исследования аланских памятников провел на Северном Кавказе В. А. Кузнецов, а в Дагестане нашел, раскопал и интерпретировал древнехазарские городища и могильники М. Г. Магомедов. В эти же годы ряд исследователей занялся обработкой отдельных категорий кочевнических памятников, до того почти не привлекавших серьезного внимания. Такими в первую очередь являются каменные изваяния — тюркские, уйгурские, кимакские, половецкие. Серия работ о них была открыта блестящей статьей Л. А. Евтюховой (1952), посвященной каменным изваяниям Южной Сибири и Монголии. После нее каменными статуями занимались А. Д. Грач, Я. А. Шер, Л. Р. Кызласов, С. А. Плетнева, Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков. В настоящее время можно сказать, что каменные изваяния стали полноценным историческим источником, позволяющим решать важнейшие вопросы кочевниковедения, касающиеся рождения и гибели союзов племен и государств, расселения, религиозных представлений и искусства кочевников. Весьма существенным историческим источником могут стать и воинские пояса (пряжки, бляшки, наконечники), своды которых издает В. Б. Ковалевская.

Несмотря на несомненные успехи в исследовании кочевников Евразии, достигнутые к настоящему времени советскими археологами, белых пятен и нерешенных проблем в кочевниковедении значительно больше.

В данном томе отразились все достоинства и недостатки кочевниковедческого направления советской археологии. Этим объясняются неравномерность и различия в подаче материала в разных главах.

Хорошо изученные культуры, материалами которых давно пользуются как источником наряду с письменными свидетельствами, достаточно полно отражены в томе как в текстовой части, так и в таблицах. Датированные и этнически определенные комплексы дают возможность составить хронологические или эволюционные таблицы, а картографирование выявленных признаков культуры позволяет сопроводить текст настоящими историческими картами,

демонстрируя тем самым превращение археологических данных в исторический источник.

С другой стороны, малочисленные и почти не изученные материалы, естественно, отражены в томе слабо. Сопровождающие текст таблицы в таких случаях носят скорее иллюстративный, а не обобщающий характер. Это в первую очередь относится к таблицам по искусству средневековых кочевников. Искусству их до сих пор не посвящено ни одного большого серьезного труда. Помимо этой темы, явно недостаточно в томе представлены собственно тюрки (тугю), поскольку погребения их раскапывались спорадически, поселения же их вообще неизвестны. Единственной, в какой-то мере синтезирующей тюркские материалы работой является вышедшая более 10 лет назад книга А. А. Гавриловой «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен». Несмотря на несомненные достоинства этого труда, ставшего фундаментом классификации и периодизации тюркских древностей, в настоящее время, в свете новых данных, полученных, в частности, раскопками Тувинской экспедиции (А. Д. Грач, С. И. Вайнштейн), классификация и датировки А. А. Гавриловой нуждаются в значительных дополнениях. Сделать такую работу в этом издании невозможно, поскольку, как мы уже говорили, в рамках этого тома помещены, по существу, только результаты исследований кочевниковедов, а не сами исследования, проведенные и опубликованные авторами тома и их коллегами в монографиях и больших монографических статьях (см. Библиографию в данном томе).

Таким образом, мы можем с полным основанием говорить, что в томе констатируется состояние кочевниковедения на сегодняшний день, в нем подведены итоги проделанной работы и отчетливо выявлены проблемы, которые ждут исследователей и нуждаются в решении.

Громадный хронологический период (конец IV — начало XIV в.), степные древности которого освещены в томе, разделен на два этапа, соответствующих двум частям книги.

Первый этап знаменуется появлением гуннов в европейских степях, началом великого переселения народов, началом раннего средневековья. В IV — первых десятилетиях VI в. степь беспрерывно бурлила, выбрасывая на Запад — в Подунавье, к границам Римской империи орду за ордой. В VI в. жизнь немного стабилизировалась: сначала в Азии, потом и в Европе появляются в степях каганаты — Тюркские, Кыргызский, Уйгурский, Хазарский, Аварский и др. Одни из них быстро погибали, просуществовав два-три десятилетия. «Погибоша аки обре; их же несть племени ни наследка»,— писал о них русский летописец (ПВЛ, 1950, с. 14). Другие превращались в великие державы, диктующие соседям свою политику и несущие свою культуру.

Однако на рубеже первого и второго тысячелетий положение изменилось. В результате развития и роста могущества полукочевых «империй» они как бы «взрывались» изнутри. Такие «взрывы» вели к полному или частичному распаду полукочевых «империй», население в массе откочевывало, занимая пустующие земли или земли, которые уже слабо держали прежние хозяева.

X век — начало движения, известного в истории под названием «сельджукского». Открылось оно перекочевкой потесненных огузами печенегов из заволжских степей на земли Хазарского каганата. Это событие стало концом каганата. Восточноевропейские степи вновь стали кочевыми.

Один за другим распадались и азиатские каганаты. Давно исчезли Тюркские каганаты, погиб Уйгурский каганат, разваливался Кимакский, от которого откололись и начали откочевку на запад кипчаки-половцы. Осталось только Древнехакасское государство (Кыргызский каганат), бывшее вплоть до монголо-татарского нашествия сильным объединением с развитой социально-экономической системой и самостоятельной внешней политикой.

Итак, X—XIV вв.— второй этап средневековой истории степей, этап развитого средневековья. Заканчивается он столетием, в котором главной действующей силой в степях Евразии стали монголо-татары, а в европейских степях — Золотая Орда.

Гибель Золотой Орды под копытами коней Тамерлана можно считать началом эпохи позднего средневековья.

Археология степного позднего средневековья — отдельная большая тема, тесно связанная и переплетенная с этнографическими материалами. Многочисленные письменные источники достаточно полно освещают этот период истории евразийских степей. Археологические материалы этого времени уже не являются подчас единственным источником, необходимым для восстановления целых этапов в истории того или иного народа и государства, а потому и не представляют для историков исключительного интереса, в значительной степени лишь дополняя сведения, которые дают нам письменные свидетельства.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Степи в эпоху раннего средневековья

(IV—первая половина X в.)

Глава первая
Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв.

Глава вторая
Сибирские древности VI—X вв.

Глава третья
Восточноевропейские степи во второй половине VIII—X в.

Глава четвертая
Северокавказские древности

Глава первая
Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв.

Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в.

На рубеже IV—V вв. в степях Восточной Европы произошла коренная смена археологических культур. На Волге, в Приуралье и Западном Казахстане в конце IV в. исчезла культура кочевых сармат, в степях Украины, Молдавии и на придунайских равнинах Румынии прекратила существование оседлая черняховская культура. Их место заняли одиночные погребения совсем иного облика.

Эти важные изменения связаны с событиями гуннской эпохи.

Вторжение гуннов в Европу в 70-х годах IV в. вызвало грандиозное передвижение народов, справедливо названное великим, ибо оно сокрушило Западную Римскую империю и ускорило конец рабовладельческой формации в Европе. В этом его всемирно-историческое значение в отличие от предыдущих и последующих не менее грандиозных передвижений масс населения. Великое переселение явилось важным этапом в сложении многих современных народов, а в степях к западу от Арала положило конец многовековому преобладанию иранцев и открыло не менее длительный период движения на запад тюркоязычных кочевников.

По созвучию с гораздо более древними азиатскими хунну европейские гунны (хуны, хунны) считаются их частью, ушедшей на запад, возможно, после поражения в 155 г. Предполагают, что на новом месте небольшая группа гуннов обросла местными кочевниками и постепенно усилилась. Более чем через 200 лет после ухода с востока они вторглись в Европу. К сожалению, материал по кочевникам IV в. еще очень невелик и археологам пока не удалось выявить за Доном и Волгой такой группы степных древностей, которая была бы преемственно связана с азиатскими хунну I—II вв. или с европейскими гуннами V в. Культура последних зафиксирована в уже сложившемся виде и представляет своеобразный сплав самых разнородных элементов, отразивших участие в ее создании многих народов, покоренных гуннами в Восточной и Центральной Европе. Азиатские элементы в ней немногочисленны (конструкция седел, любовь к чешуйчатому орнаменту, имитирующему перья, узорные бронзовые котлы). Прочие кочевнические элементы, представленные в этой культуре, были до гуннов известны и у европейских степняков, но в меньшей степени или в других сочетаниях.

Степные древности IV—V вв. в Центральной Азии почти не изучены [Уманский А. П., 1978]. Только на окраинах степи хорошо представлены по сути оседлые культуры таштыкская, берельская (и «переходная» верхнеобская), шурмакская, джеты-асарская и каунчинская. По своему облику они слишком далеки от степных памятников, связанных с гуннским или позднее тюркским объединениями. Вероятно, лишь дальнейшие исследования в степи, особенно в соседней Монголии, прольют свет на археологию двигавшихся из Азии на запад кочевых племен IV—VI вв. Отдельные элементы в культуре кенкольского типа в Киргизии, имеющие некоторое сходство с европейскими времени господства гуннов, синхронны им или даже более поздние и не пригодны для изучения пути гуннов на запад.

На современном этапе исследования археологии кочевников лучше изученные памятники их западной группы во многом служат ключом к пониманию находок в Азии (особенно до полной публикации последних, нередко очень ярких, как в Киргизии). С запада и приходится начать рассмотрение, несмотря на то что истоки всех этих народов и культур были далеко на востоке [1].

В изучении археологических памятников V — первой половины VIII в., оставленных кочевниками европейских степей, очень много спорного и невыясненного. В 20-е годы нашего века ошибочно думали, что гуннам конца IV—V в. принадлежала обильно представленная на среднем Дунае культура кочевников с литыми ажурными принадлежностями поясов, украшенными изображениями животных и растений. Поэтому находки позолоченных вещей с инкрустациями типа обнаруженных в Унтерзибенбрунне (Австрия) и на Госпитальной улице в Керчи предположительно считали готскими. М. И. Ростовцев столь же предположительно написал, будто бы их оставили аланы на своем пути из Причерноморья в Северную Африку, когда они уходили от гуннов в конце IV — начале V в. Он датировал эти вещи догуннским временем [Rostovtzeff M., 1923, p. 145—160].

В первой сводке степных памятников с полихромными украшениями Т. М. Минаева отнесла их уже к эпохе гуннов, концу IV—V в., и пришла к выводу, что «претендентом на них могут явиться гунны и сарматы» [Минаева Т. М., 1927, с. 114]. Она считала наиболее вероятной принадлежность рассматриваемых ею древностей сарматам только потому, что западные ученые связывали с гуннами совершенно другую культуру. Также П. Д. Рау, П. С. Рыков, И. В. Синицын, К. Ф. Смирнов, Е. К. Максимов приписывали памятники кочевников в основном сарматам. Вопрос о следах алан на западе вновь рассмотрели В. А. Кузнецов и В. К. Пудовин (1961).

---

[1] В тексте не даются ссылки на публикации степных памятников V—VIII вв.: они указаны в легенде к рис. 1.

Иное хронологическое и историческое истолкование тех же древностей дал в 1932 г. венгерский исследователь А. Алфёлди. Он показал, что могилы с ажурными литыми украшениями оставлены кочевниками-аварами, а полихромные украшения на западе относятся к несколько более позднему времени, чем думал М. И. Ростовцев, и принадлежали долго жившему на Дунае населению, а не проходившим мимо беглецам. Далее он писал, что в культуре, огульно отнесенной М. И. Ростовцевым к аланам, сплавлены воедино аланские, северо-причерноморские, римские, подунайско-варварские, германские и гуннские элементы, изученная же Т. М. Минаевой «группа могил с трупосожжениями народа с бесфибульной одеждой сменила позднеаланские подбойные погребения в степях Поволжья» и принадлежала кочевым племенам гуннского объединения [Alföldi A., 1932, S. 15—16].

Гуннской проблемой занимался также и Н. Феттих [Fettich N., 1953].

Подробно изучая азиатские элементы в культуре кочевников гуннского союза, И. Вернер пришел к выводу, что погребения собственно гуннов выделить пока не удается. Небывалое распространение золотых украшений с камнями связано с быстрым обогащением кочевников и их оседлых союзников во время грабительских походов против Ирана и Рима. Дата этого нового стиля украшений — не ранее рубежа IV—V вв., в основном первая половина V в. [Werner J., 1956, S. 86, 87].

В последние десятилетия советские археологи также все чаще высказывали предположение о наличии в степях отдельных несарматских погребений эпохи переселения народов. Наконец, И. П. Засецкая на большом материале показала, что степные погребения в основном связаны с приходом нового населения в эпоху гуннов [Засецкая И. П., 1968а; 1971; 1977].

Письменные данные по теме подробно рассмотрены в ряде обобщающих монографий [Thompsen E. A., 1948; Артамонов М. И., 1962; и др.].

В 376 г. римляне на дунайской границе узнали от беглецов, что новый кочевой народ покорил танаитских алан и остготов. Косвенные данные позволяют предположить, что эти кочевники-гунны в последней четверти IV в. жили в завоеванных степях Восточной Европы и только в первые два десятилетия V в. какая-то часть их откочевала в области к северу от нижнего Дуная, на равнины к востоку и югу от Карпат. С начала 430-х годов центр гуннской политики переместился на среднее течение Дуная. (В 432 г. прибытие туда Аэция, в 435 г. переговоры около г. Маргуса в устье р. Моравы Сербской. В 440 г. гунны обвинили епископа этого города, что он перешел на их сторону Дуная и ограбил могилы гуннских царей.) Прилегающий район империи был опустошен гуннами и стал опорой их набегов на другие области. Но до сих пор историки не могут решить, в какой области находилась ставка Аттилы и какова более точная хронология расселения гуннов [Bóna I., 1971, S. 266—273; Párducz M., 1959; Tejral J., 1973]. Столь же спорна и пока бесполезна для археологов рисуемая историками картина провинций Панноний [Várady L., 1969]. Занимали ли их гунны, какую роль играли там варварские федераты, как долго сохранялась там власть Рима?

В Восточной Европе оставалась в первой половине V в. часть гуннов, прежде всего акациры. Они жили в степи, так как севернее них Иордан называет «аэстов» (айстов, древних балтов), далеко заходивших в лесостепь, по данным археологии. К 463 г. акацир покорили сарагуры, уроги и оногуры. В VI в. византийские авторы сообщают имена разных крупных народов, противореча друг другу. Иордан в середине столетия говорит об альциагирах и болгарах к северу от Черного моря, Прокопий тогда же — только о кутригурах западнее р. Танаис (Дона и Донца). В Крыму степь занимали «варвары из племени гуннов», к востоку от Азовского моря и р. Танаис — утигуры. До начала VI в. от гуннов зависел и г. Боспор. К сожалению, неясно, насколько отнесение всех этих народов к гуннам отражает реальную связь. Во всяком случае, частая смена названий народов, вероятно, была следствием смены главенствующих племен, не сопровождаясь существенными изменениями в составе основного населения [Артамонов М. И., 1962, с. 79, 82, 87, 98].

К 555 г. под власть I Тюркского каганата с центром в Монголии попали степи до Приаралья, в 567—576 гг.— до Северного Кавказа, область утигуров и г. Боспор. Неизвестно, сопровождалось ли это появлением нового населения в степи. В 558 г. с востока ненадолго пришли авары, с 567 г. переселившиеся на Среднее Подунавье [Bóna I., 1971, S. 283—329]. В 630-е годы с ослаблением тюрок их власть прекратилась и в Восточной Европе сложилось объединение болгар. С 60-х годов преобладание в степях Восточной Европы надолго перешло к хазарам. Восточная часть болгар им покорилась, западная ушла на нижний Дунай, основав Дунайскую Болгарию.

Письменные источники не дают подробной и ясной картины расселения кочевых народов, с помощью которой можно было бы интерпретировать археологические находки. Поэтому надо сначала средствами археологии выявить былые общности в степи, проследить их судьбы и затем найти им соответствия в известиях древних авторов. Эта задача затруднена малочисленностью степных находок (рис. 1), плохой документированностью многих из них, а также отставанием темпа публикации новых материалов.

Стойбища V—VIII вв. еще не выявлены. Лишь отдельные амфорные черепки VI—VII вв. на восточном берегу Азовского моря показывают, что маршруты кочевания тогда были те же, что и в салтовское время [Плетнева С. А., 1967, с. 13—19]. С этим совпадают сведения середины VI в. об альциагирах: «Летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю» [Иордан, 1960, с. 72. § 37].

Погребения единичны, не образуют кладбищ. Чаще они впущены в насыпи более древних курганов, реже имеют свою насыпь или вообще не имеют внешних признаков. Целенаправленный поиск таких могил почти невозможен, археологи находят их случайно. По одному погребению эпохи переселения народов оказалось, например, на 385 погребений разных эпох из 142 курганов на 17 могильниках [Синицын И. В., 1959, с. 39, 40, 109, 178—181], 218 погребений из

38 курганов иа двух могильниках [Смирнов К. Ф., 1959, с. 208, 221] и ни одного на 253 погребения из 62 курганов Калиновского могильника [Шилов В. П., 1959] или среди многих курганов, опубликованных Доиской экспедицией. Поэтому среди материалов по кочевникам значительная часть происходит из случайных иаходок при земляных работах (комплексы сохранены иеполностью, не всегда достоверны, нет данных об обряде погребения и расположении вещей в могиле). Могильники же этой эпохи образовались лишь иа окраинах кочевой зоны (долины Тянь-Шаня, Кавказа, Башкирия, Карпатская котловина), но из-за их местной специфики они лишь частично освещают культуру огромных степей Евразии.

Кочевникам, несомненно, принадлежит подавляющее большинство могил в степи. О безраздельном господстве кочевников в степной зоне сообщают письменные источники. Поэтому каждое степное захоронение с конем и оружием можно уверенно считать кочевническим. Вне степи такого определенного вывода делать иельзя, так как появление оружия, сбруи, захоронений коней в могилах оседлых народов объясняется прежде всего внутренним социальным развитием общества (возникновением дружины). Устойчивым признаком степных кочевников V—VIII вв. является отсутствие фибул, обычной находки в погребениях их оседлых соседей, а до V в.— и степных сармат. Зато только степные женщины носили диадемы (рис. 2, схема 1) [Alföldi A., 1932, S. 59; Werner J., 1956, с. 62—68; Тиханова М. А., Черняков И. Т., 1970].

В большинстве найденных на территории СССР степных погребений эпохи великого переселения народов имеются украшеиия, обтянутые тисненой фольгой или инкрустированные цветными вставками. По этому признаку археологи относят их к гуниской эпохе «конца IV — первой половины V в.» (рис. 3; 5, *1—14*, *19*, *24*, *26*, *27*, *30*, *31*, *33—35*; 6, *1—13*, *16*, *20*, *21*, *23*, *27*, *32*; 7, *1—15*. *17—22*, *24*, *26*; 10, *14—18*). Они делают исключение только для четырех богатых могил перещепинской группы, где инкрустированные украшения были совсем другими и имелись монеты VII в. (рис. 4а, *10—24*; 5, *15—18*, *21*, *22*, *29*, *32*, *36*; 6, *30*, *34*, *38*, *41*, *42*, *44*; 7, *23*, *25*, *27*). Так же немного могил без инкрустированных украшений датируют «VI—VII вв.» на основании бывших в них поясных и уздечных принадлежностей так называемой геральдической формы (рис. 5, *20*, *25*, *29*; 6, *14*, *18*, *22*, *33*, *35—37*, *39*, *40*, *45—47*; 7, *16*). Получается, что почти все степные могилы V—VII вв. связаны исключительно с началом этого периода. Так, по данным И. П. Засецкой, в Нижнем Поволжье обнаружено до сих пор 27 могил «конца IV — первой половины V в.» и только пять — «VI—VII вв.» [Засецкая И. П., 1968, с. 60]: полувековой отрезок времени представлен в пять раз большим числом иаходок, чем последовавший за ним двухсотлетний. То же иаблюдается и в остальиой степиой зоие. Между тем доказано, что кочевники оставляли особеино мало следов своего пребывания в том случае, когда состояние войны, враждебное окружение заставляли их собираться в большие группы и непрерывио переходить с места иа место в поисках корма для своих огромных объединенных стад. В обстановке мира и стабильности наблюдалось обратное [Плетнева С. А., 1967, с. 181, 182; Вайнштейн С. И., 1972, с. 71, 72, 75—77]. Поэтому преобладание в степи могил гуннской эпохи должно было бы означать, что тогда жизнь восточноевропейских кочевников протекала гораздо спокойнее, чем в периоды существования сильных местных объедииеиий кутригур, утигур, болгар и хазар.

Возможно и другое решение вопроса: детальнее, чем это делали до сих пор, подразделить кочевнические погребения иа группы по сочетанию разных вариаитов вещей одного назначения и по особенностям их декора, а затем на этой основе еще раз рассмотреть данные для их датирования и исторической интерпретации.

Во всех найденных до сих пор могилах I—III групп представлены золото и инкрустации. Ими украшены оружие, головные уборы, пояса, обувь, седла и сбруя (рис. 3—7). Создается впечатление особой пышности и богатства. На самом деле вещи из массивного золота редки и невелики. Обычно это серебряные и бронзовые предметы, обтянутые тонким золотым или даже позолоченным листком. Сравнительно недороги красные и лиловые камни инкрустаций. Листовая обкладка загибалась по краям вокруг основы. Зернь и филигрань напаяна или имитирована тиснением. Узор то штампован на золотом покрытии и бронзовой основе одновременно, то на гладкую основу напаяна рубчатая или крученая проволока, оттиснувшаяся в наложенном сверху мягком золотом листке. Выпуклые камешки, стекла или пиленые пластинки из них укреплены в гнездах из напаянной на ребро ленточки, между перегородками или в прорези покрытия. Формы предметов несложны. Мотивы орнаментов ограничены набором рубчатых прямых валиков и петель. Эффект производит блеск золота и многочисленных камней. От сарматской полихромии типа иаходок в Новочеркасске новый кочевнический стиль отличается преобладанием красного цвета вставок (там — бирюзового) и почти полным отсутствием зооморфных мотивов, а от позднеантичной манеры исполнения — свободным расположением камней на плоскости (как бы россыпью), слабо связанным с формой предмета.

В наиболее простом и чистом виде новый стиль представлен в I группе (рис. 3, *1—23*; 5, *1—14*; 6, *1—13*; 7, *1—5*; 8, *1*, *2*; 9, *1*, *2*). Здесь очень мало зерни, формы вещей просты, многие восходят к прототипам IV в. Вставки — из гранатов (альмандинов), иногда сердолика. Янтарных вставок иет, или они очень редки. Ведущие памятники — VIII и IX курганы в Новогригорьевке, вокруг них группируется много случайно найденных мужских могил, сохранившихся с разной степенью полноты: из совхоза Калинина, Феодосии, сборов у г. Цюрупинска и на Дону; за рубежом к ним близки комплексы из Печюсёга (Венгрия), Эйджыховиц (Польша), Мундольсхайма (ФРГ), в меньшей мере — Якушовиц (Польша). Раскопками изучены только погребения в Беляусе и у колхоза «Восход». Женские могилы случайно обнаружены в Березовке, Антоиовке и др. Наличием больших двупластинчатых фибул, серег с многогранником и серебряных вещей с пунсонным орнаментом от кочевнических погребений резко отличаются входящие в ту же I группу женские моги-

лы и клады типа Унтерзнбенбрунна, Регёя, Эрана, Синявки, Качина, Шимлеул Сильванея, доходившие на западе до Франции и принадлежащие оседлому населению [Kubitschek W., 1911; Fettich N., 1932; Werner J., 1960; Bóna I. 1971; Tejral J. 1973; Mészáros Gy., 1970]; их особый вариант — аланские находки на Северном Кавказе (Гиляч, могила 5 из раскопок Т. М. Минаевой в 1965 г., Брут, Вольный Аул, Рутха).

Итак, при отличиях в костюме и некоторых местных ремесленных традициях изделия I группы удивительно близки по сумме важнейших признаков. Занимаемая ими основная область — от Волги до Рейна, одно погребение есть даже в Португалии (рис. 2, схема 2).

II группа отличается иными формами пряжек, формой и орнаментом блях сбруи, деталями седел, возможно, луков и стрел (рис. 3, *24—28*, *30—52*; 5, *19*, *26*, *27*, *30*, *31*, *34*, *35*; 6, *15—17*, *21*, *23*, *27*, *32*; 7, *7*, *20*, *22*; 8, *4*, *7—9*; 9, *3*, *8*). Многие могилы этой группы раскопаны археологами. Ведущие комплексы — курганы 2 и 3 в Шипове на р. Урал, курганы 17, 18 и 36 около г. Энгельса на Волге, курган VII у Новогригорьевки на Днепре, по ряду признаков есть сходство с Макартетом на Украине и Верхне-Погромным Оренбургской области, с турбаслинскими и позднебахмутинскими находками в Башкирии, вещами из Гижгида и Пятигорска на Кавказе, Сахарной Головки в Крыму (рис. 2, схема 2). Западнее Днепра погребения II группы пока не найдены.

III группа отличается обилием зерни на украшениях, частым применением вставок янтаря, своеобразными сложными формами лучевых «колтов», гривен, «кулонов» и диадем (рис. 3, *29*, *43*, *53*; 5, *24*, *33*; 6, *20*; 7, *6*, *8—15*, *17*, *19*, *21*; 8, *5*, *6*; 9, *5—7*). Археологами раскопаны погребения женщин в Кара-Агаче, Ленинске, Канаттасе, остальные найдены случайно. Могила воина одна (Боровое), но, вероятно, сюда же относятся погребения воинов с менее богатым инвентарем и маленькими лучевыми подвесками со средней Сырдарьи и из района г. Джамбула. Ареал III группы — от гор Киргизии до самых низовьев Дуная (Варна, Бэлтень) (рис. 2, схема 3).

До сих пор все такие древности считались единым целым. Первый шаг к их делению сделал И. Вернер, выделив женские украшения с обильной зернью и отметив их отсутствие к западу от Варны [Werner J., 1959, с. 64, 65]. А первая попытка обосновать традиционное мнение об однородности и одновременности (конец IV — первая половина V в.) рассмотренных находок сделана только недавно [Засецкая И. П., 1978]. Фактически И. П. Засецкая признала существование трех групп (им соответствуют ее «подгруппы А, Д, В»), а ряд ее возражений основан на недоразумениях, которые объясняются как искусственным исключением из подгрупп А (I) и Д (II) женских могил с диадемами, так и нечеткой классификацией. На самом деле во всех трех группах представлены мужские и женские могилы (в III группе — Боровое). Коллекция из Здвиженского — не комплекс, поскольку в ней имеется гораздо более поздняя средневековая серьга с грузиком. Серьга V в. из Беляуса иная, чем украшения подгруппы В (III). В Боровом и Мелитополе нет предметов подгруппы А (I). Следовательно, выделение I—III групп находит еще одно подтверждение в отсутствии веских контраргументов. Все же предложенная мной датировка первой группы V в., второй и третьей VII в. и, может быть, отчасти VI в. [Амброз А. К., 1971а, с. 101—105; 1971б, с. 114—117, 119, 120], конечно, предварительна и дискуссионна. Понадобится много новых фактов, чтобы получить хронологию, в равной мере убедительную для всех.

IV группа немногочисленна и небогата: Большой Токмак, Аккермень, Рисовое, Белозерка, Иловатка, Бережновка и др. (рис. 2, схема 3; 6, *14*, *22*, *31*, *33*, *35—37*, *39*, *45*; 8, *3*, *10—12*; 9, *4*, *9*). Это могилы рядового населения с пряжками и накладками ремня в так называемом геральдическом стиле (многие бляшки имеют форму гербового щита). Прочие предметы обычно невыразительны, оружия и конского снаряжения мало. Богаче прочих погребение из Арцыбашева (рис. 5, *20*, *25*, *29*; 6, *18*, *19*, *26*, *29*, *40*, *46*, *47*; 7, *16*).

В могилах V группы похоронена высшая знать того же времени (Малое Перещепино, Келегейские хутора, Глодосы), набор ценных предметов в них очень богат и разнообразен (рис. 2, схема 3; 4а, *10—24*; 5, *15—18*, *21*, *22*, *32*, *36*; 6, *25*, *30*, *34*, *38*, *41*, *42*, *44*; 7, *23*, *25*, *27*, *28*; 9, *10*, *11*).

В VI группе объединены только по признаку одновременности несколько комплексов (Вознесенка, Романовская, Ясинова, Бородаевка). Это наиболее поздние из рассматриваемых памятников. Романовская датирована византийской монетой (рис. 2, схема 3; 4а, *25—43*; 5, *37—42*; 6, *48—53*; 8, *13*, *14*; 9, *12—14*).

Находки в мужских погребениях наиболее полно характеризуют конское снаряжение, оружие и отчасти костюм кочевников.

От кочевнических седел I—III групп сохранились часто находимые в могилах треугольные и трапециевидные парные обкладки размером 13×6,5; 14×7,5 и 16×7 см, сделанные из золотой или позолоченной фольги с чешуйчатым орнаментом (рис. 3, *7*, *44—48*, *51*, *52*). Конец многолетним спорам об их назначении положил А. В. Дмитриев, впервые найдя такие пластины на скелетах лошадей (на р. Дюрсо близ Новороссийска). Вероятно, он прав, говоря о деревянном седле с луками, поставленными на длинные полки. Пластины, по его мнению, покрывали передние концы полок. Дуговидные оковки находят реже (Мелитополь, Мундольсхайм в Эльзасе, Печюсёг в Венгрии) (рис. 3, *8*, *50*). Судя по ним, седла V в. уже должны были иметь наклонную заднюю луку, как у седел VII—VIII вв. из Сибири. Именно такое совершенное седло было в Бородаевке (рис. 4а, *43*) (вероятно, VIII в.) и его обломок (рис. 3, *49*) в Шипове (II группа). Шиповское седло соединяло признаки седел двух периодов. Узорные обкладки лук и, возможно, связанные с ними фигурки львов из Малого Перещепина датируются не ранее 641 г. по монетам, обнаруженным с ними (рис. 4а, *18*).

Седельные бляхи I—II групп не одинаковы: во II группе часть блях делается продолговатее, приближаясь к низкой трапеции, появилась узорная кайма из 3-образных оттисков, псевдозерненых треугольников, миндалин. Аналогии шиповским бляхам (рис. 3, *47*, *48*) имеются в комплексах периода ге-

ральдических пряжек из Дюрсо, Уфы (улица Тукаева), Галайты в Чечено-Ингушетии (рис. 3, *44—46, 51, 52*). В последнем фигурные накладки ремней относятся ко времени не ранее VII в., а может быть, к VIII в. [Багаев М. Х., 1977, рис. 1, *5*]. На западе трапециевидные пластины с широкой каймой хорошо датированы первой половиной VI в. (Равенна в Италии, Крефельд-Геллеп в ФРГ).

Никаких следов деревянных или металлических стремян древнее находки из Малого Перещепина, т. е. второй половины VII в., нет, хотя у соседних авар на среднем Дунае стремян множество. Перещепинские серебряные и глодосские железные стремена (рис. 4а, *17, 23, 24*) типологически позднее наиболее ранних аварских [Амброз А. К., 1973б]. Таковы же стремена из Кудыргэ и Кокэля. Вероятно, кочевники пользовались стременами, но в VII в. не было принято класть их в могилы. В Вознесенке (первая половина VIII в.) в жертвенной яме было помещено 61 стремя с петлей или с пластинчатым ушком, отделенным снизу фигурными вырезами (такое же в Ясинове; рис. 4а, *39—42*). В следующий затем период стремена — обычная находка в кочевнических могилах.

На удилах I группы концы железных грызл обложены серебром или бронзой, часто с гранением, и завершаются небольшими толстыми ребристыми кольцами (рис. 3, *4, 6*). Такая техника появилась в предшествующий период и на Боспоре и в Северной Европе. Вероятно, она связана с Римом, но в гуннскую эпоху приобрела специфические формы. Редко она сохраняется во II группе, где большинство грызл уже простые железные, а кольца — простые или восьмеркообразные (рис. 3, *37—43*). У последних наружная петля меньше внутренней, часто «восьмерка» не сомкнута и имеет вид трилистника (много в Башкирии, есть в некочевническом Лебяжье на Украине и, судя по описанию,— в Макартете). К малому кольцу подвешено колечко или трапециевидная с перехватом петля. Грызла с восьмеркообразными концами связаны с периодом существования геральдических пряжек у авар, в Башкирии, в Крыму, в тушемлинской культуре, на Северном Кавказе. Их формы VIII в. представлены в Вознесенке (рис. 4а, *25—27*). Единственные грызла III группы (Боровое) — простые, тонкие, близки сибирским «переходного» этапа на Оби, их форма необычна для I группы (рис. 3, *43*).

Псалии I группы обычно имеют вид большого толстого кольца (до 4 см и более) из цветного металла (рис. 3, *4—6*). Во II группе они изменились (рис. 3, *37*; Федоровка) и почти не встречаются. Стержневые Г-образные псалии бытовали долго (есть в Кудыргэ). В I группе их скобы обычно приварены сбоку, а загнутый железный конец украшен шишечкой из цветного металла (рис. 3, *2, 3*). Во II группе псалии целиком бронзовые, часто с граненой шишечкой, или костяные. Железная скоба вдета в два отверстия в расширенной середине псалия (рис. 3, *38, 39*). Верхний конец отогнут слабее. Южные экземпляры (Сахарная Головка, Дюрсо, северокавказская коллекция ГИМ) имеют гладкий или рассеченный («бахромчатый») валик на широком конце и ребристую шейку (рис. 3, *39*), а серебряный псалий из Куденетова (Былым) богато украшен золотом, стеклом и обнизью из шариков. По украшениям ремней они синхронны Шипову и хорошо дополняют картину конского снаряжения времени II группы. Прямые стержневые псалии также бытовали долго. В I группе есть гладкие утолщенные к концам (Гатидомб в Венгрии), ребристые на концах (Мёртвые Соли) и ребристые целиком (Печюсёг). Все они существовали и в более позднее время. Первые S-овидные псалии VIII в. (рис. 4а, *27*) были обнаружены в Вознесенском погребальном комплексе.

Ремни оголовья и повода в I группе прикрепляли к псалиям с помощью металлических пластинчатых скреп (рис. 3, *1—6*) — прием, появившийся по всей Европе задолго до V в. Редко доживают типичные для III в. маленькие овальные скрепы с большими заклепками (Муслюмово). Обычны прямоугольные скрепы. У кочевников Восточной Европы и на Боспоре они или очень длинные, или одна значительно короче другой. Их прототипы есть в III в. на Боспоре [Ашик Б. А., 1849, с. 72, рис. CCIX, *209а*]. Пластинки обтянуты золотом и покрыты камнями в гнездах, а на Боспоре — сплошной перегородчатой инкрустацией. Иногда камни заменены выпуклыми шляпками заклепок (Беляус и керченские склепы, разграбленные в июне 1904 г.). На западных уздечках I группы (Качин, Якушовице, Унтерзибенбрунн и др.) пластинки одинаковы по длине, обычно невелики, сделаны из серебра с позолотой и украшены пунсонным орнаментом (рис. 3, *6*), отражая ремесленные традиции римских провинций. Во II—V группах скрепы маленькие, простейшей формы и встречаются очень редко (рис. 3, *37*).

Украшения сбруйных ремней в I—III группах состояли из многочисленных золотых и позолоченных прямоугольных пластинок разных размеров, оформление которых менялось. В I группе — это камни в гнездах и несложные выпуклые узоры: полоски, кружки, подковки (рис. 3, *5, 13—15*). Во II и III группах они редки, в Чечено-Ингушетии есть в комплексах VII в. (Галайтинский клад и погребение 19 в Харачое) [Багаев М. Х., 1976, рис. 3, *Б*; 1977, рис. 1, *7*]. В Мелитополе (III группа) узкая пластинка с луки седла имеет необычный для I группы узор из трех поперечных валиков, как на пряжке VII в. из Бирска (рис. 3, *24*). На большинстве степных сбруй II группы — бляхи нового типа: густые поперечные ряды рубчатых валиков создают своеобразный рогожный узор (рис. 3, *26—28*). Чужды I группе обильные ромбы и треугольники зерни на пластинах II и III групп из Ровного и Борового (рис. 3, *25, 29*). Бляшки-тройчатки I и II групп также различны (рис. 3, *17, 33*). Полностью сменились наборы накладок в богатых могилах перещепинской группы (рис. 4а, *14—16, 20—22, 28—38*): ленточки исчезли, фигурные рельефные бляшки разнообразных форм сделаны в византийских и отчасти аварских (?) традициях. Менее дорогие сбруйные наборы украшены геральдическими бляшками, как на поясах. Среди них есть золотые с зернью, иногда со стеклами (Арцыбашево, Белозерка, Камунта).

Перекрестия ремней в I группе и в позднеримских древностях рубежа IV—V вв. закрывались различными крестовидными бляхами (рис. 3, *18—20*). Восточноевропейские кочевники пользовались бляхами, обтянутыми золотом и усаженными камнями; запад-

ное население — серебряными. В Шипове (II группа) перекрестия закрыты четырьмя большими квадратными рельефными бляхами с «рогожным» орнаментом (рис. 3, *35*). Совсем иные квадратные и круглые бляхи с маленькой выпуклостью в центре были в Унтерзибенбрунне. Рельефные квадратные бляхи разных размеров VII—VIII вв. оказались в Галайты и Верхнем Чир-Юрте. В перещепинской группе, у авар и один раз во II группе (сбруя из Сахарной Головки) перекрестия накрывали бляшками разных форм с «бахромчатым» краем (рис. 3, *34*; 4а, *22*, *38*) (László Gy, 1955, pl. LX, LXI; Смiленко А. Т., 1965, рис. 29—31]. Налобные бляхи в виде срезанного сверху ромба («сердцевидные») и шарнирные с лопастной или лунничной подвеской, известные с III в., есть только в I группе (рис. 3, *11—12*; Новогригорьевка, курганы VIII, IX; совхоз Калинина, Феодосия, Нижняя Добринка и Печюсёг). Изображения лиц, украшавшие сбрую разных эпох, встречены на прямоугольных пластинах в I и II группах (колхоз «Восход» и курган 18 у г. Энгельса), на круглых — пока только во II группе (рис. 3, *23, 30—32*).

Характерные для более поздних кочевников костяные подпружные пряжки с подвижным язычком (рис. 3, *53*) известны пока только в Канаттасе (III группа), Бородаевке (с седлом) и Верхне-Погромном (в погребении 12 кургана 1, якобы с обломками стремян). В I группе подпружные пряжки (?) — железные (Беляус, рис. 3, *10*).

Двулезвийные мечи имеют длину клинка 70—80 см, ширину — 4—4,5 см (рис. 5, *1—6*). Встречены они пока только в I и II группах. Перекрестия в основном низкие, гладкие, иногда слабо граненные. Более высокое инкрустированное гранатом перекрестие меча, найденного в Поволжье, на территории колхоза «Восход», вероятно, относится к концу времени существования I группы (рис. 5, *5*). Б. Аррениус, специально изучавшая историю гранатовых инкрустаций, находит аналогии для ступенчатых вставок этого перекрестия только на западе во второй половине V в. и поэтому относит меч к концу эпохи Аттилы, т. е. примерно к 450 г. [Arrhenius B., 1971, S. 104—108]. В пользу мнения Б. Аррениус может говорить и то, что второе перекрестие этой редкой формы, тоже с двумя свешивающимися головками орлов, но сделанное в иной технике (рельефной резьбой), найдено в Валя луй Михай в Румынии с монетой 443 г. и относится к последней четверти V в. [Werner J., 1956, Taf. 56, *6*). Не исключено, что поволжский меч был привезен с запада. Возможно, к тому же или к немного более позднему времени относится меч с высоким и длинным перекрестием из Дмитриевки в Приазовье (рис. 5, *3, 6*). Мечи I группы часто имеют подвеску из большой бусины (рис. 5, *1, 3, 14*).

Ножны кинжала I группы из могилы VIII у Новогригорьевки обложены золотом, а две П-образные накладки с сердоликами [Засецкая И. П., 1975, табл. V], вероятно, обрамляли такие же прямоугольные выступы для подвешивания, какие много раз изображены в согдийской живописи V—VIII вв. Еще красивее согдийский или иранский кинжал из Борового (III группа), определенный и реконструированный благодаря любезному содействию В. Анадзава (Япония). Он имел обоюдоострый плоский клинок, ножны сильно расширялись к концам. Перекрестие, трапециевидное устье и охватывавший их сбоку Р-образный выступ (рис. 5, *24*) покрыты гранатами, альмандинами, зеленым стеклом и зернью, низ ножен и рукоять — округлыми сердоликами в оправах [Бернштам А. Н., 1951; Засецкая И. П., 1975, № 15—17, 19, 27, 28, 30—32, табл. III]. Реконструкция опирается на целый кинжал с еще более пышной отделкой, найденный в Корее, и на изображения в живописи Афрасиаба третьей четверти VII в.

Однолезвийные мечи (палаши) преобладают в IV—VI группах (рис. 5, *20*). Однако возможно, что именно от таких мечей сохранились обломки в погребениях у Нижней Добринки (I группа) и кургана 17 у г. Энгельса (II группа). У авар на Дунае хорошо прослежена смена двулезвийных мечей однолезвийными в VII в. Во второй половине VII в. клинок получает изгиб, иногда очень сильный, и превращается в саблю. Характерно короткое перекрестие с высоким массивным ромбом в середине и расширенными концами (рис. 5, *23, 36*), а такие перекрестия, как в Перещепине (рис. 5, *16*, *21*), архаичны и уже редки на саблях. Рукоять совсем без навершия или с кольцом (рис. 5, *21—23*). Сабель найдено много в могилах II аварской эпохи на среднем Дунае [Амброз А. К., 1971б., с. 128, рис. 14, *4, 5*; Čilinská Z., 1973, Taf., XXX, *12*, LIII, *11*; LVII, *1*; LXIII, *16*; LXXIV, *26*; LXXXIII, *17*; XCI, *12*; CXXX, *12*; CXXXI, *1* — из одного могильника]. Их изображения известны в живописи третьей четверти VII в. на Афрасиабе. Такой же изогнутой саблей вооружен всадник на пластине из Верхнего Чир-Юрта [Магомедов М. Г., 1975, рис. 3, *2*]. Тем более удивляет, что их так мало обнаружено в степных погребениях — только в Перещепине и Глодосах. С VIII в. здесь и у авар на Дунае сабля надолго стала почти прямой или прямой (рис. 5, *37*). С какими изменениями в тактике или в защитном вооружении связаны эти колебания кривизны сабли — пока неясно.

Деревянные ножны мечей IV—VI вв. имели длинные брусковые скобы для ремня, на котором они, судя по изображениям, висели вертикально [Амброз А. К., 1971б, рис. 14, *1, 31—34*]. Единственная такая скоба из нефрита относится к древностям I группы (рис. 5, *7*). Вероятно, в степях преобладали более дешевые деревянные скобы. На Боспоре известны железные скобы, украшенные инкрустацией. С VI в. преобладают ножны с плоскими боковыми выступами в виде буквы «Р» или трехлопастными, часто окованными металлом. За петли на тыльной стороне выступов прикреплялись ремни, и ножны висели наклонно, более удобно для всадника. Оковки таких выступов (рис. 5, *15, 18, 21, 22, 24, 25*) найдены в Арцыбашеве, Малом Перещепине, Глодосах (IV и V группы), Боровом (III группа), и, может быть, такой скобе принадлежат обломки из Иловатки [Смирнов К. Ф., 1959, рис. 7, *4*]. Со второй половины VII в. на Западе преобладали полукруглые выступы (рис. 5, *23*), но в наших степях раньше второй половины VIII в. они не найдены (хотя их изображение есть на упомянутой пластине из Чир-Юрта).

Лук — основное оружие кочевников. В комплексах I группы костяные накладки не найдены (предполо-

жительно к этой поре относят накладки из римских крепостей на Дунае: Интерцизы и др.). Только на Западе есть золотые обкладки двух сложных луков: большого боевого из Печюсёга и маленького из Якушовиц (рис. 5, *10—11*) [László Gy, 1951]. Последний считают символом власти, а погребенного в Якушовицах — наместником гуннов. Но, возможно, что это просто модель, сделанная для погребения, подобно таштыкским моделям мечей и луков. Известно, что многие сложные луки вообще изготовлялись без накладок, и, может быть, поэтому в могилах I группы нет остатков лука. Судя по западным находкам и по золотым обкладкам, луки V в. не отличались от сарматских [Хазанов А. М., 1971, табл. VIII; Alföldi A., 1932, S. 18—24; Salamon Á., 1976). Во II группе у концевых накладок чаще стали делать относительно массивные концы (рис. 5, *26—27*), а у накладок VII—VIII вв. из Верхне-Погромного в Поволжье концы вновь сделаны неширокими (рис. 5, *42*). Аммиан Марцеллин подробно описал костяные отравленные наконечники гуннских стрел, вероятно, из-за их необычности для римлянина. В погребениях они не представлены. Там, как правило, находятся обычные железные ромбические трехлопастные стрелы с черешком. Во II группе они немного крупнее (рис. 5, *31, 34, 35*), разных очертаний. В I группе есть массивная бронебойная стрела (рис. 5, *12*), во II и III — плоские и уплощенные (рис. 5, *30, 33*). В Глодосах и Вознесенке — вытянутые наконечники (рис. 5, *40, 41*), бытующие и позднее. В восточноевропейских степях пока не найдены крупные наконечники с отверстиями в лопастях и с костяными свистульками, которые хорошо известны в Сибири, встречаются в хазарском Верхнем Чир-Юрте и у авар с VII в. В Арцыбашевском комплексе была скоба для подвешивания (рис. 5, *29*), в Перещепине — золотые обкладки дна и устья колчана (рис. 5, *32*).

Кольчуги найдены в погребениях у колхоза «Восход» (I группа) и Федоровки (синхронная группам II и IV), обрывки кольчуг — в Вознесенке (VIII в.). Их редкость, вероятно, связана с какими-то особенностями погребального обряда. У авар встречались в погребениях пластинчатые шнурованные доспехи, распространенные тогда во всей Евразии [Werner J., 1974]. Остатки их попадаются и в Верхнем Чир-Юрте в Дагестане.

Мужской костюм известен слабо. В I—III группах воины носили золотые шейные гривны, реже — браслеты и одну серьгу слева, а позднее — две. Этот обычай сохранился до VIII в. (Глодосы, Перещепино, иранское блюдо Пур-и-Вахмана, живопись Средней Азии). В Шипове (II группа) были кусочки цветной шелковой рубахи или халата, запахивающегося на груди (рис. 8, 7). Правый край обшит золочеными ромбическими бляшками, как и край подола (выше колен) и края длинных рукавов (?), свисавшие ниже кистей рук. Ремни обуви часто заканчивались металлическими застежками, иногда разными на правой и левой ногах. Пряжки обычны в мужских и реже встречаются в женских погребениях. Хорошо видно различие обычаев. Например, древнегерманские женщины носили широкий (до 7 см) пояс с большой пряжкой. Кочевнические женщины погребены с небольшой пряжкой или без нее, а более широкие пояса и пряжки носили мужчины. Пряжки с массивной утолщенной спереди рамкой, с хоботковым язычком, срезанным высокой ступенькой на утолщенном основании, безраздельно господствуют в I группе. Многие из них отличаются от пряжек IV в. язычком, далеко выступающим вперед за рамку. Новы также обтягивание золотым листом, инкрустации в гнездах и перегородчатые; нова форма обойм с тремя заклепками по сторонам (рис. 6, *1—5, 10—12*). Пряжки I группы удивительно стандартны по всему ее ареалу от Волги до Рейна. Эти формы сохранялись еще очень долго, до VI—VII вв., причем поздние образцы отличаются в основном деталями обоймы [Амброз А. К., 1971 б, с. 107, рис. 9, *12—14, 29, 34—38, 62, 63, 70*; табл. III, *7, 13, 20, 34, 35, 37, 40—42*]. Из них у степных кочевников найдены пока только крупные пряжки с небольшой овальной обоймой (рис. 6, *32*; Мертвые Соли, Федоровка). В древностях Прикамья и Федоровки они использованы на наборных поясах с поперечными пластинками и коротким широким наконечником с валиком (рис. 6, *27, 32*). Более разнообразны пояса с поперечными пластинками из Казахстана (Зевакино, курган 1; Кзыл-Кайнар-тобе, Канаттас). Их синхронизация с поясом из Федоровки пока спорна. Но ареал пластинчатых поясов совпадает с областью распространения полых серег с гроздью шариков (Харино, Бирск, Уфа, Таш-Тюбе, степное междуречье Иртыша и Оби, откуда, по предположению С. И. Руденко, происходят серьги коллекции Витзена), вероятно отражая реальные связи.

Геральдическими названы пряжки и накладки ремней, имеющие элемент в форме гербового щита. Из найденных в степи только одна относится к византийскому типу Суцидава второй половины VI в. (рис. 6, *14*), прочие датируются более поздним временем [Амброз А. К., 1973а]. Пояса с геральдическими деталями исследователи считали изобретением кочевников Азии, однако их прототипов не оказалось ни там, ни в европейских степных древностях эпохи Аттилы (в последних пояса не имели подвесных ремешков, а встреченные в комплексах узкие наконечники ремней связаны или со сбруей, или с обувью). Зато в Риме солдаты в первые века нашей эры уже носили пояс с подвесными ремешками и металлическими накладками. В IV в. в римских провинциях попадаются B-образные пряжки с выступами у основания, поясные бляхи с фестончатым краем, позднее прослеживаемые в геральдических украшениях VI в. Во всяком случае, самые ранние геральдические пояса найдены в комплексах второй половины VI в. в пограничных владениях Византии, в полуварварской среде готских (?) федератов. Позднейшие образцы несут рудиментарные признаки преемственности с ними. Характерно, что чем дальше от границ Византии, тем более они изменялись. У восточноевропейских кочевников таких поясов найдено мало, не всегда на них есть подвесные ремешки.

Группа геральдических пряжек очень разнообразна, так как разные народы видоизменяли их в соответствии со своими вкусами и традициями. Общий признак более поздних из них — очень толстая (широкая) рамка при относительно узком отверстии для продевания ремня (рис. 6, *16, 23, 35*). Характерны

полые с обратной стороны рамки, выгнутые из пластины или из совсем тонкого листка металла, а также неподвижные рамки. Именно ко времени массового распространения геральдических пряжек относятся пряжки из ведущих комплексов II группы (курганов 2 и 3 в Шипове, погребения с диадемой из Верхне-Погромного на Волге, рис. 6, *16, 23*). Близки шиповским пряжки из поздних могил Бирска в Башкирии (рис. 6, *24*), встречающиеся вместе с пряжками VII в.

Особую группу составляют пояса с псевдопряжками (рис. 6, *42, 44*) [Мацулевич Л. А., 1927; Fettich N., 1937, S. 280—293; László Gy., 1955, p. 219—238, 252—256, 275—284]. Вопреки общепринятому мнению они не были прямым развитием обычных геральдических поясов. Их нет в главной области распространения последних: на Кавказе, в Крыму, в Италии и в Византии. В степи рядовое население носило обычные пояса (Бережновка, Иловатка, Акермень и др.) и только высший слой — с псевдопряжками (драгоценные пояса из Малого Перещепина, Келегейских хуторов, со среднего Дуная, из Тепе, Бочи, Кунбабоня, Пакапусты и др.). Необычна сама идея делать шарнирные бляхи в виде поясных пряжек с неподвижно приделанным язычком (отлитым с рамкой или припаянным) и обшивать ими пояс. По внешнему виду такой пояс похож только на дальневосточные с ажурными шарнирными бляхами (рис. 6, *43, 44*). Их делали в Корее, Китае и Японии в IV—VI вв., им подражали в «таштыке». Такой пояс, по-видимому, изображен в 663 г. на стеле монаха Дао-инь. Появление их в Восточной Европе можно предположительно объяснить азиатскими связями одной из кочевых групп, поселившихся в Восточной Европе. Псевдопряжки переняли некоторые из соседей кочевников: анты и население Керлье в Венгрии, хотя они делали их по-своему. Позднее простые псевдопряжки появились в Прикамье, Приаралье (Джеты-асар № 3), Сибири.

Для всех поздних геральдических поясов характерна многоцветность: роскошные золотые псевдопряжки украшены большими вставками камней и эмали, обнизью из шарнков, иногда рельефным орнаментом (рис. 6, *30, 38, 42, 44*), более дешевые серебряные детали поясов — гнездами со стеклами, вставками в прорези золотых пластинок или окантовкой из золотой проволоки (Белозерка, Мокрая Балка); самые дешевые — очень большими прорезями, сквозь которые виднелась цветная кожа пояса (рис. 6, *18, 26, 31, 33*). В этом сказался подъем ювелирного дела у кочевников в период сложения болгарского и хазарского объединений. Полихромным бляшкам сопутствуют золотые наконечники с обильной зернью (рис. 6, *46, 47*). Во второй половине VII—VIII в. усилилось влияние Византии (византийские пряжки и целые пояса в богатых могилах, с VIII в.— двухчастные бляхи со щитовидным верхом) (рис. 6, *50, 51*). Большую византийскую пряжку и такой же наконечник из Перещепина принято относить к одному поясу с псевдопряжками. Но в Перещепине, как и в Кунбабоне [Tóth E. H., 1971], Боче, Урдомбе, псевдопряжкам сопутствовал местный узкий длинный наконечник с перегородчатой инкрустацией и обнизью из шарнков (рис. 6, *44*).

Женские могилы I группы находили только случайно, и их инвентарь и обряд погребения известны неполно. В Березовке сохранились диадема, зеркало с радиальным орнаментом и ушком в центре, янтарные бусы; в Антоновке — диадема и железное ботало. Из других находок не уцелело ничего, кроме диадем, обтянутых золотым или позолоченным листком. Они имеют вид широкого обруча, цельного или составного, укреплявшегося на кожаной основе с завязками сзади (рис. 7, *1, 3*). Только на одной диадеме имеется сверху выступ в форме трилистника (рис. 7, *2*) — обычного у многих народов символа древа жизни и плодородия. При общей симметричности композиции видно стремление мастеров избежать монотонности: камни подобраны так, чтобы их форма варьировалась, их осям придан разный наклон (рис. 7, *1—3*). Центр обычно выделен более крупными камнями. Зерни нет, имеется лишь скромная филигрань или ее тисненая имитация. Серьги найдены пока только в двух мужских могилах. Одна из них — в виде утолщенного снизу колечка («калачиком»), другая — богато украшенная, с полым корпусом, без шарнков, имеет античные и сарматские прототипы (рис. 7, *4, 5*). В европейской степи нет типичных для эпохи переселения народов серег с многогранником. Возможно, правы те исследователи, которые считают их провинциально-римским нововведением и достоянием оседлых народов.

Самый яркий комплекс II группы — курган 2 в Шипове (рис. 8, *8*). Голову погребенной в нем женщины увенчивала бронзовая диадема (рис. 7, *7*), под которой уцелели остатки шелка с аппликациями из позолоченных кожаных ромбиков. На шее находилась позолоченная бронзовая гривна, у левого виска — золотая серьга «калачиком», на поясе — две пряжки, на левой ноге — пряжка от обуви, на правой — глиняный диск с отверстием (пряслице или застежка?). Диадема и серьга «калачиком» сохранились от убора женщины в Верхне-Погромном на Волге (рис. 8, *4*). В кургане 36 у г. Энгельса (рис. 8, *9*) голову погребенной покрывали следы позолоченной кожи и бусы, по бокам располагались две серьги с полым корпусом (рис. 7, *20*), костюм дополняли поясная пряжка, пластинчатые браслеты. От закрывавшей щиколотки кожаной обуви сохранились на каждой ноге по позолоченной пряжке и наконечнику ремня. Набор украшений женского костюма отличается от мужского лишь диадемой. Листовое покрытие шиповской диадемы почти не сохранилось: вероятно, здесь не было гнезд, а круглые стекла были закреплены под прорезями в тонком покрытии, как это характерно для пряжек и фибул VI—VII вв. из Бирска, Турбаслы и с Северного Кавказа. Напротив, диадема из Верхне-Погромного весьма близка диадеме I группы из Антоновки, но пряжки погромненской сбруи имеют все признаки геральдических, определяя тем самым ее более позднюю дату (рис. 6, *23*).

Украшения III группы полнее всего представлены в Кара-Агаче. Бывшая на голове захороненной там женщины диадема, сплошь усыпанная треугольниками зерни, имела высокие проволочные «усики», с которых свисали трубчатые подвески (рис. 7, *9*). От шейного украшения, сделанного из какого-то органического материала, сохранились только два золотых наконечника в виде фигурок рогатых зверей

(рис. 7, *11*). Комплект дополняли серьги (рис. 7, *19*). Шестнадцать янтарных бусин, лежавших у поясницы, возможно, когда-то украшали косы. В Ленинске, кроме узкой диадемы и «рогатого» наконечника от истлевшего шейного украшения (рис. 7, *8, 12*), обнаружены 12 золотых подвесок, покрывавших грудь в два ряда, обломки двух железных пряжек на талии, браслет и перстень на левой руке (рис. 8, *5*). В Канаттасе женщине была положена только диадема. Прочие находки предметов III группы случайны (рис. 7, *6, 10, 13, 14, 17, 21*). На золотых украшениях треугольники зерни заполняют все свободное пространство. Это усиливает впечатление симметричности и сухости, отличающей ювелирные изделия III группы от I. Изменился набор вставок: место гранатов часто занимают сердолик и особенно янтарь.

Большинство диадем III группы имеет ряды фигурных выступов, изображающих растения. В центре мелитопольской диадемы — более сложный символ древа жизни: два «ромба с крючками», поставленные друг на друга (рис. 7, *6*). Подобные растительные мотивы до наших дней сохранились на металлических женских украшениях у кочевников. Дуги с подвесками, отдаленно напоминающие кара-агачские, есть на головных уборах богинь в живописи Шахристана (Уструшана). Узор узкой золотой диадемы представляет собой оттиски З-образного штампа (рис. 7, *8*), широко распространенного на бордюрах седел II группы из Шипова, Уфы, Дюрсо и Галайты (рис. 3, *46—48, 51, 52*), а также на фибулах VI—VII вв. из Абхазии и Кабардино-Балкарии. На изделиях из погребений I группы его нет. Золотые трубчатые наконечники шейных украшений заканчиваются оскаленными мордами рогатых животных (рис. 7, *10, 11*) [Скалон К. М., 1962; Засецкая И. П., 1975, табл. II]. Они напоминают не только дракона в резьбе Варахши, но и фантастические урало-сибирские изображения мамонта, занимавшего видное место в космогонических представлениях и культах народов Сибири. С тем же кругом образов, возможно, связаны роговидные мотивы (рис. 7, *12*).

В Восточной Европе были распространены большие плоские с длинными лучами височные подвески (рис. 7, *21*), а на средней Сырдарье, в Семиречье, на Таласе и в Кетмень-Тюбе известны маленькие, с едва намеченными лучами (рис. 10, *14, 18*). В двух случаях маленькие подвески происходят из мужских могил, об остальных нет данных. Серьги в виде знака вопроса со скрученным стержнем из Борового (рис. 7, *17*) и Зевакино подобны верхнеобским [Амброз А. К., 1971б, с. 120—121, рис. 12, *15*], а серьги из Кара-Агача — харинским, бахмутинским, сибирским из коллекции Петра I (рис. 7, *19—20*). Полые серьги I группы иные (рис. 7, *5*). Арочные подвески из Борового (рис. 7, *14*) можно предварительно сопоставить с подвесками, найденными на усадьбе Уфимского медицинского института [Ахмеров Р. Б., 1951, рис. 38, *3*]. Очень своеобразное искусство III группы связано с Азией больше, чем изделия остальных групп. Недаром один из его очагов находился в предгорьях Тянь-Шаня и в Восточном Казахстане.

Погребения IV группы в восточноевропейской степи почти не содержали украшений, кроме деталей поясов и обуви. Судя по богатым могилам (Арцыбашево, Перещепино, Глодосы), в это время под влиянием Византии появились серьги с перевернутой пирамидкой зерни, серьги с бусами, надетыми на стерженьки снизу и на ободе сверху (эту форму кочевники варьировали потом в течение столетий), и перстни с шариками вокруг вставки (рис. 7, *16, 25, 27, 28*). В кочевническом мире и в земледельческих странах Востока во второй половине VII — первой половине VIII в. очень распространены браслеты с утолщенной серединой (рис. 7, *23*). Через степи в Башкирию и Среднее Поволжье попали византийские прототипы роскошных золотых колтов (Уфа, Койбалы) и цепей медальонов (см. раздел этой главы о турбаслинской культуре). Более грубые подражания таким колтам обнаружены в противоположных концах кочевнического мира: в Кудыргэ на Алтае (могила 4) и в Веспреме-Силашбалхаше в Венгрии. Вероятно, к тому же времени относятся золотые вещи из Морского Чулека в Приазовье. Их перегородчатая инкрустация сделана не в напаянных перегородках, а в цельных прорезных пластинах техникой, применявшейся в Византии в разные эпохи. Искаженный мотив трилистника (рис. 7, *24*) характерен для бляшек VII в. из Херсонеса и долины Чегема, подвеска в форме перевернутой капли с пирамидкой зерни внизу (рис. 7, *26*) встречена в Джигинской на Кавказе с монетой 527 г., а перстень такой же, как в Уфе (с колтом) и в Шамси в Киргизии (рис. 7, *13*; 10, *17*).

Бытовая утварь почти неизвестна. Лишь в курганах Киргизии сохранилось много деревянной посуды, столики и даже детские колыбельки обычного в этнографии Средней Азии типа с костяной трубочкой (сувак) для отвода мочи (рис. 10, *1, 2*). Кружка из Шипова и корытце из Бородаевки показывают, что эти вещи мало различались во всем кочевом мире. Среди деревянных изделий небытового характера выделяются статуэтки лошадей, золотые обкладки от которых найдены в мужских могилах I—III групп (Беляус, Кзыл-Кайнар-тобе, Новогригорьевка, курган IX), где они лежали справа у бедра или колена (рис. 8, *1, 2, 6а, 6*). Обычай класть статуэтку нельзя считать датирующим, так как еще в кыргызских трупосожжениях VIII в. из Капчалы и Уйбата есть статуэтки баранов, у которых, как и в Кзыл-Кайнар-тобе, золотом обложены лишь голова и шея.

Глиняная посуда кочевников I группы пока не изучена. Керамика из Новогригорьевских курганов известна только по описаниям. Во II— IV группах керамика представлена слабо профилированными горшками разных пропорций, иногда кувшинообразными с более узким горлом и ручкой (рис. 4а, *7, 8*). Некоторые горшки покрыты грубой штриховкой (рис. 4а, *5*). В Вознесенке (VIII в.) найдены обломки лощеных кувшинов с налепленными валиками. Большие мастерские для массового производства их и другой лощеной керамики раскопаны в Канцырке на Днепре (Мінаєва Т. М., 1961; Сміленко А. Т., 1975, с. 118—157). На Северном Кавказе, по данным Г. Е. Афанасьева, такие кувшины известны с VIII в.; есть они и в салтовской культуре в VIII—IX вв.

Богато украшенные бронзовые литые котлы на ножке, которые археологи называют «гуннскими»,

имеют далекие прототипы в Сибири и Монголии. Однако, как показала И. Ковриг, европейские котлы существенно от них отличаются деталями формы и орнамента. Первый тип (рис. 4а, *1*), характерный для Восточной Европы, на западе найден лишь в 1 экз. в Энджыховице в Польше, второй тип обнаружен в Подонье (1 экз.) и в Подунавье (9 экз.) (рис. 4а, *2*), третий — только на Днестре, на Дунае и 1 экз. во Франции (рис. 4а, *3*; Kovrig I., 1972). Область распространения котлов совпадает в общих чертах с территорией государства европейских гуннов и хорошо отражает три этапа их продвижения: в Восточную Европу, в район к востоку и юго-востоку от Карпат и, наконец, в Карпатскую котловину (рис. 4б). Котлы из римских крепостей в Подунавье, возможно, связаны с пребыванием варваров на римской службе. На нижней Сырдарье в джетыасарской культуре есть глиняные подражания металлическим котлам, очень похожим на европейские первого типа, но не литым, а клепаным [Левина Л. М., 1971, с. 17, 72, 73, рис. 3, *194*, *195*; 16, *15*].

Погребальный обряд не позволяет выделить локальные группы кочевников прежде всего из-за малочисленности данных. Трупоположение I группы изучено специалистами только в Беляусе (рис. 8, *1*, *2*). Мальчик лежал на спине, в вытянутой позе, головой к северу, в узкой яме, вырытой в полу разрушенного античного склепа. Части костюма располагались, по-видимому, так, как их носили при жизни. У ног была сложена сбруя, а над ней на покрытии могилы лежали кучкой череп, нижние части четырех ног с копытами и бедро лошади: возможно, остатки скомканной шкуры, снятой с головой и копытами, и кусок жертвенного мяса. Упоминания костей человека и лошади нередки для случайных находок I группы.

Вытянутая поза сохранилась и позднее, как и ориентация на север, северо-восток и в виде исключения на запад или восток (рис. 8, *3—13*). Во II—IV, VI группах ямы простые, разной ширины или подбойные (с дном ниже входа); только раз встречена яма с продольными заплечиками на высоте 0,35 м от дна (Большой Токмак). В Казахстане есть наземные погребения под каменной засыпью, ямы под каменными плитами (рис. 9, *5—7*). В долине Таласа и на средней Сырдарье два погребенных лежали на полу более древних заброшенных сводчатых зданий. Встречаются следы гробов, нередко решетчатых (рис. 8, *7*, *12*), а также покрытие берестой. Сосуды расположены чаще у головы, шкура жертвенного животного и конское снаряжение — у ног. В Шиповском кургане 3 на крышке гроба над ногами обнаружены седло и сбруя, а над ними, на засыпи ямы на уровне почвы,— кости животных и овечий череп. Дно ямы было посыпано мелким углем. В могилах V—VII вв. целых скелетов лошадей пока не найдено. Во всех документированных случаях это лишь череп и концы ног, вероятно остатки шкуры, снятой тем способом, который был принят у многих народов для жертвоприношения [Засецкая И. П., 1971, с. 65—70]. Обычно они лежат кучкой у ног; если есть входная яма, то в ней, как бы на ступеньке по отношению к покойному. Растянутая шкура барана была только в мужском погребении 7 кургана 1 в Бережновке. В могилах встречаются отдельные кости от кусков жертвенного мяса.

Трупосожжения изучены лишь в Новогригорьевке (I и II группы). В ямах (?) глубиной 0,70—1,23 м и диаметром до 7 м, опущенных до материковой глины, рассыпаны остатки, принесенные с погребального костра: уголь, пережженные лошадиные, овечьи и человеческие кости, меч, стрелы, обкладки сбруи и седел, пряжки, иногда глиняная или стеклянная посуда. Сверху на гораздо большей площади слоем до 35 см набросаны камни, перекрытые слоем чернозема. Иногда поверх камней в центре бывают кости и посуда от тризны. Из описания неясно, были ли здесь такие широкие ямы или все остатки и камни первоначально находились на поверхности и затем опустились в слой чернозема (схема на рис. 9, *1, 2*). Близ Новогригорьевки раскопано семь таких сооружений, в большинстве своем перекопанных и ограбленных [Самоквасов Д. Я., 1908]. Интересно, что известный по письменным данным обычай тюрок VI — начала VII в. сжигать человека с конем и вещами до сих пор не представлен археологически. Если верить самоквасовскому определению костей, в Новогригорьевке обнаружены пока единственные в степях настоящие трупосожжения.

В степи сейчас известно уже немало следов сооружений поминального культа, связанного с применением огня. В Нижнем Поволжье раскопаны небольшие курганы с кострищами, поврежденными огнем вещами, с костями животных (чаще без следов огня) и совсем без человеческих костей (Ровное, курган Д-42; г. Энгельс, курганы 17, 18; рис. 9, *3, 8* — II группа, прочие разграблены и группа неизвестна) [Минаева Т. М., 1927; Рау П. Д., 1928; Засецкая И. П., 1971]. В Макартете на Украине вещи II группы лежали, по-видимому, кучкой, несли следы огня, костей не было [Пешанов В. Ф., Телегин Д. Я., 1968]. На среднем Дунае для времени употребления геральдических поясов известны изолированные находки конского снаряжения, оружия и украшений со следами огня [Csallány D., 1953]. Не было человеческих костей и в поминальных ямах Вознесенки (VIII в.). Там в восточной части огражденного участка раскопано полуразрушенное каменное кольцо окружностью около 29 м. На его северном краю была вырыта яма размером 0,55×0,40 м при глубине не более 1 м. На ее дне лежали три стремени из разных комплектов, выше — поломанные ножны от трех палашей, обложенные золотом, вместе с богато украшенными портупеями, а также части сбруи с более чем 1400 узорчатыми украшениями из позолоченной бронзы (рис. 4а, *28—38*; 5, *38, 39*; 6, *48—50, 53*). Среди этих вещей находились поврежденные огнем серебряные литые фигурки льва и орла (последний с византийской монограммой «Петрон»), бывшие, вероятно, навершиями отнятых у византийцев военных штандартов. Еще выше были сложены железные вещи: 40 удил, более 60 сбруйных пряжек, гвозди, 7 стрел. Над ними находились 58 стремян, среди них три — парных лежавшим на дне, и обрывок кольчуги (рис. 4а, *25—27*, *39—42*). Многие вещи несли следы огня. Сверху в эту кучу вещей с силой вбили три палаша, так что они погнулись и их концы сломались, и яма была засыпана землей (рис. 5, *37*; 8, *14*; 9, *12—14*). Западнее нахо-

дилась вторая яма, размером 1,25×1 м при глубине 1,55—1,63 м, заваленная 10 слоями камня, взятого из кольца и перемешанного с горелыми и сырыми костями лошадей, черепками, стрелами, угольками, древесной трухой и кусочками обожженной глины. Вокруг ямы с камнями было разбросано более 800 обломков лошадиных костей и немного черепков посуды. Предполагают, что в Вознесенске погребен целый отряд воинов, поскольку там не один комплект оружия и снаряжения [Грінченко В. А., 1950, с. 61; Сміленко А. Т., 1975, с. 106—109]. Но в Глодосах было два набора стремян, а в Малом Перещепине — несколько наборов оружия, украшений и множество сосудов. Скорее всего, это обильные дары одному умершему, игравшему выдающуюся роль в обществе. Несколько комплектов оружия (два меча, два кинжала) бывает в могилах сармат и апсилов, в погребениях мужчин встречается кучка женских украшений — дары покойному от близких людей. Вероятно, такой же обычай был у раннесредневековых кочевников.

Неясно, чем были знаменитые находки в Малом Перещепине и в Глодосах — могилами или поминальными жертвами. В первом вещи, не имеющие следов огня, лежали в куче. Там были части двух или трех сабель с портупеями, пояса, колчан и седло с золотыми обкладками, серебряные стремена, сбруя с более чем 200 узорными позолоченными бляхами, браслеты, гривны, перстни, подвески из золотых монет, 17 золотых и 19 серебряных сосудов IV—VII вв. из Византии, Ирана и местных кочевнических (рис. 4а, *10—18*; 5, *15—18*, *21*, *32*; 6, *25*, *30*, *34*, *38*, *41*, *42*, *44*; 7, *23*, *25*). В Глодосах в яме диаметром 1 м и глубиной 0,7 м, по рассказам нашедших «клад», были две кучки жженых костей. Над одной кучкой находилось конское снаряжение, около второй — украшения. Там были три золотых ожерелья, серьги, браслеты, перстни, сабля, кинжал, копье, двое удил, три стремени, сбруйные бляхи (рис. 4а, *19—24*; 5, *22*, *36*, *40*, *41*; 7, *27*), оплавленные обломки четырех серебряных восточных сосудов, железная мотыжка. Среди немногих мелких костей, попавших в руки специалистов, определены кости мужчины и овечьи.

Кочевнические могилы, как правило, одиночны, что объясняется не столько редкостью населения, сколько его подвижным образом жизни в тот беспокойный период [Плетнева С. А., 1967, с. 180, 181; Вайнштейн С. И., 1972, с. 72—77]. Часто погребения впущены в насыпь древнего кургана, возможно принимавшегося за небольшое естественное возвышение — нередко в стороне от курганной группы. Насыпанные самими кочевниками курганы невелики (рис. 9, *7*, *8*). В Шипове диаметры курганов — 9 и 15 м, высота — 0,5 и 0,55 м, их полы соприкасались. Лишь в Новогригорьевке каменные насыпи достигают 10—21 м в диаметре (рис. 9, *1*, *2*). Небольшие каменные курганы «с усами» в Казахстане (Канаттас, Зевакино) имеют направленные к востоку многометровые каменные выкладки (рис. 9, *7*).

В конце VII — первой половине VIII в. от Монголии и Тувы до Украины (Глодосы и Вознесенка, рис. 9, *10—15*) кочевники сооружали грандиозные поминальные храмы в честь умерших царей. В Глодосах участок с ямой огражден двойным рвом, соединявшим концы двух оврагов. Памятник расположен на склоне, нижняя часть которого теперь затоплена. Поэтому неизвестно, имелись ли рвы с этой нижней стороны. Так же, как в Глодосах, по линии восток — запад с отклонением к северу ориентирован двор размером 62×31 м в Вознесенке, окруженный валом из камней и земли шириной 11 м и высотой 0,9 м. В его восточной части расположено кольцо с жертвенными ямами, о которых говорилось выше. Оба сооружения принято считать укрепленными лагерями военных отрядов хазар или славян, а круг — основанием шатра предводителя. Но в вознесенском «укреплении» нет культурного слоя, нет следов костров и сооружений. Лишь в юго-западном углу (частично под валом?) были два разбитых сосуда и 11 обломков конских костей. Скопление более 800 конских костей на небольшом пространстве вокруг жертвенной ямы и над ней — явно не бытового характера (рис. 9, *13*, *14*).

Близкая параллель вознесенскому лагерю — укрепленный поминальный комплекс, выстроенный в 732 г. в Монголии в честь Кюль-тегина, второго по власти лица в Тюркском каганате (рис. 9, *15*). Ориентирован он примерно так же, окружен толстой глинобитной стеной и рвом глубиной 2 м при ширине 6 м. Площадь двора — 1934 кв. м (в Вознесенке — 1922 кв. м). В каркасном павильоне со статуями Кюль-тегина и его жены — три глубокие обмазанные глиной ямы для жертвоприношений. К западу от павильона — большой каменный жертвенник с отверстием, под этим отверстием на земле обнаружено кострище [Jisl L., 1960]. На памятнике в Сарыг-Булуне (Тува) имелись следы круглой каркасной юрты (?). Кроме гигантских храмов тюркских царей, изучены меньшие сооружения знати и маленькие каменные поминальные оградки для рядовых людей. Погребений в них тоже нет. Естественно, обычаи кочевников Поднепровья и Сибири должны были во многом отличаться. В Сибири вещи в поминальных оградках встречаются не часто (см. главу 2). Храмы владык там разграблены и разрушены врагами, ценных вещей в них не осталось. Но в храме тюркского сановника Тоньюкука были найдены золотые вещи. Интересно, что в некоторых поволжских курганах, как и в Вознесенке, остатки жертвоприношений (кости животных, битая посуда, а в Иловатке — скопления камня, с попавшими в них отдельными украшениями) расположены к западу и юго-западу от большого жертвенного кострища или погребения (рис. 9, *3*, *4*). Именно так размещали жертвенные оградки тюрки в Сибири: западнее или юго-западнее изображения покойного.

Было ли сооружение в Глодосах в отличие от столь похожего на него вознесенского надмогильным, пока выяснить не удается. Однако следует учитывать, что пережженные кости человека со следами рубящих ударов на черепе и бедре могли и не быть останками князя. При оплакивании тюркского хана Истеми, по словам Менандра, ему в жертву были принесены четыре пленных «гунна» вместе с их конями [Византийские историки, 1860, с. 422]. Случайно ли следующее соотношение? В Перещепине «клад», зарытый на небольшой дюне, без следов сооружений, содержал более 21 кг золота; в Глодосах при довольно скромных сооружениях — золота

2,6 кг; в грандиозном храме в Вознесенке — 1,2 кг. Возможно, этот факт является своеобразным отражением процесса развития социальных отношений и складывания государственности. Исчезла примитивная варварская роскошь в погребениях, и формировались сооружения публичного культа умерших ханов. Новые находки внесут ясность в загадку этих памятников.

Со стороны Средней Азии зона степей ограничена течением Сырдарьи с густо заселенными областями джеты-асарской, каунчинской и отрарско-каратауской культур, имеющих монументальные поселения из сырцового кирпича, окруженные большими курганными могильниками [Левина Л. М., 1971]. Скотоводческая область без оседлых поселений, родственная по керамике и погребальным сооружениям каунчинской культуре, расположена в горных районах верховья Таласа, долинах Чаткала и Кетмень-Тюбе [там же, с. 189—193]. Обширные курганные могильники, иногда до тысячи насыпей, расположены в горных, подчас трудно доступных долинах с прекрасными пастбищами на склонах и возможностями для земледелия внизу. Погребальный обряд в них — трупоположение в подкурганных катакомбах с дромосами или реже в подбойных могилах. Обычно их относят к I—V вв. [Кожомбердиев И., 1963, с. 76; 1968; Левина Л. М., 1971, с. 192], а VI—VIII вв. датируют погребения с конем. Однако эти последние, имеющие соответствия в кудыргинской и катандинской группах Южной Сибири, следует датировать не ранее конца VII—VIII в. До полной публикации огромных материалов из могильников этого района трудно говорить об их периодизации, но уже сейчас можно предполагать, что часть опубликованных вещей из катакомб относится ко времени позднее V в. (вплоть до VII в.).

Раскопки курганов показали сильное имущественное расслоение оставившего их населения [Бернштам А. Н., 1940; Кожомбердиев И., 1960а, б; 1963; 1968]. Многие богатые курганы выделялись и размерами. В них обнаружены все виды оружия (мечи, палаши, стрелы, щиты, панцири, кольчуги — рис. 10, *3*, *5—13*), богатая сбруя, золотые украшения с инкрустацией и зернью. Замечательно случайно найденное катакомбное погребение женщины в Шамси (Чуйская долина) [Jamgerchinov B. D., Kozhemyako P., Aitbaev M. T., Kozhemberdiev E., Vinnik D. F., 1963; Кожомбердиев И., 1968]. На голове ее была серебряная диадема с красными инкрустациями, обвешанная бахромой из трубочек, и золотая маска с глазами из сердолика и, возможно, изображением татуировки в виде деревьев (рис. 10, *15—17*). Кроме того, в погребении найдены серьги и ожерелье с гранатовой инкрустацией (близкое ожерелью из храма в Пенджикенте), нефритовые браслеты и другие украшения, инкрустированная конская сбруя, золотая чаша, бронзовый котел на ножках. Аналогии золотым перстням с альмандинами, известные в Морском Чулеке в Приазовье (рис. 7, *13*) и в Уфе на усадьбе мединститута, датируют Шамси в пределах VII в.

При тесных связях со среднеазиатским междуречьем, своеобразие вещей говорит о развитом местном ювелирном производстве, близком, но не тождественном III группе степных древностей. Пока неясно, были ли маленькие лучевые подвески отсюда (рис. 10, *14, 18*) и из Семиречья (Кетмень-Тюбе, Алай, Актобе-2, Кзыл-Кайнар-тобе, Сатах) прототипами больших лучевых подвесок III группы (рис. 7, *21*) или они сделаны небольшими специально для мужчин.

Хронология степных древностей изучена неравномерно. I группа преимущественно относится к первой половине V.: по всей области распространения ей предшествуют хорошо датированные памятники IV в. (самая поздняя монета в склепе 31 Инкермана — 379—395 гг.). После I группы на западе был период Турнэ—Апахиды, датированный второй половиной V в. (вещи в Турнэ зарыты в 482 г.).

К середине V в. в степи относится могила у колхоза «Восход» (рис. 3, *23*; 5, *5*; 6, *2*; 7, *4*), далее следует пробел около столетия. Возможно, второй половиной V в. или VI в. можно датировать могилу у Дмитриевки в балке Вольная Вода (рис. 5, *3, 6*). Ко второй половине VI в. относится погребение у Большого Токмака (с пряжкой типа Суцидава) (рис. 6, *14*; 8, *3*). Остальные могилы с геральдическими пряжками из степи, судя по южным аналогиям, VII в. Княжеские сокровища в Малом Перещепине и Келегейских хуторах не могли попасть в землю ранее 641 г. (по монетам) [см.: Bóna I., 1970, S. 262, 263]. Сопоставление с другими материалами показывает, что они отражают быт кочевой знати второй половины VII в. Романовская (по монете), Вознесенка, Ясинова, возможно, Бородаевка датированы первой половиной VIII в.

Спорна дата II и III групп. Обычно их не отделяют от I группы. Однако набор наиболее важных признаков и территория их распространения говорят против такого отождествления. Уже Т. М. Минаева основные аналогии для шиповских вещей находила в керченских склепах с пальчатыми фибулами и пряжками VI—VII вв. (№ 152/1904 г., № 6/1905 г., № 78/1907 г.) [Minajeva T. M., 1927, S. 207—208] (правда, она их датировала V в.). Хорошие аналогии для II группы известны среди могил с геральдическими пряжками в Башкирии, Крыму и на Северном Кавказе. Они определяют ее дату в пределах VII в. III группа, как мы видели, характеризуется Р-образной скобой ножен, костяной подпружной пряжкой, очень широкими короткими наконечниками ремней с бахромчатым орнаментом, изогнутыми полыми серьгами с шарами, узорами — З-образным и состоящим из трех поперечных валиков. Все это обычно для VII в., лишь отчасти свойственно для VI в. и совсем чуждо I группе. Основная масса украшений III группы вообще не имеет аналогий или имеет их в лишенных узкой даты древностях Таласа и Тянь-Шаня. Сами по себе не определяют дату и редкие находки вещей V в. или их обломков в комплексах III группы (Марфовка, Ленинск): ведь отдельные стеклянные сосуды и другие предметы римской эпохи известны в комплексах VI—VII вв. и на западе. Их или долго берегли, или помещали в могилы, находя случайно при рытье ям.

I группа по времени и территории распространения принадлежала народам, объединенным на короткое время европейскими гуннами (рис. 2, схема 2). Грабительские войны и огромные контрибуции (о которых сообщают письменные источники) позволи-

ли гуннам собрать баснословные богатства. Следы этих богатств — клады не бывших в употреблении римских золотых монет первой половины V в.: более 6 кг около Ходмезёвашархея в Венгрии (1440 монет), 108 монет в Бине (Словакия), 201 в Рублевке на Полтавщине. Подданные и союзники гуннов участвовали в дележе этой добычи. В I кладе из Шимлеул Сильваней (Румыния) было 2,5 кг золотых предметов. Послегуннский (гепидский?) клад в Петроссе (Румыния) содержал 18,8 кг золотой посуды и женских украшений. Эти цифры говорят, как богата была разноплеменная правящая верхушка гуннского государства. В этой среде и возникла у варваров мода покрывать все золотом и камнями — своеобразное всеобщее упоение богатством, небывалое ни до, ни после. Неверно считать, что воины с позолоченными вещами I группы принадлежали к высшей знати, поскольку вещи из кочевнических могил, блистая золотом и камнями, не дороги: под тонким листком золота или позолоченного биллона скрыты серебро и бронза, не дороги и камни (альмандины, сердолик, позднее янтарь). Цельнозолотые вещи редки и невелики по размерам. В великих империях юга усыпанные драгоценностями одежда и предметы обихода, являвшиеся привилегией только высшей знати (см. портрет императора Констанция на блюде из Керчи), были исключением. У подражавших этому варваров золотой убор стал правилом. Таким образом, вполне вероятно, что все известные до сих пор в степи могилы I группы принадлежали рядовым воинам, основе могущества гуннов, а могилы знати еще не найдены.

По косвенным данным источников, исследователи так рисуют развитие общества европейских гуннов: 1) племена под водительством своих вождей образовали временный союз для завоеваний; 2) этот союз упрочился для господства над покоренными народами; 3) превратился при Аттиле в кочевое государство с неограниченной властью главы [Thompsen E. A., 1948; Harmatta J., 1951, 1952; Werner J., 1956, S. 2—3]. Это произошло за короткое время в условиях войн, поэтому здесь не развивалась глубокая социальная дифференциация (не обеднела рядовая масса), общество в значительной мере сохранило свой варварский, доклассовый характер. Отсюда — «золотой» убор большой массы воинов, которые подражали правящему слою, носившему действительно драгоценный убор. Изучение фибул, одного из основных компонентов I группы, показало, что они, а с ними и стиль I группы у оседлого населения в основном складывались в дунайский период государства гуннов, т. е. на этапе превращения союза племен в государство — в первой половине V в. Тогда же сложился золотой убор кочевников.

После изгнания гуннов из Подунавья местное население сохранило многие традиции первой половины V в. и они сказывались по всей области расселения древних германцев до VI—VII вв. Как показывает кочевническая группа II, то же явление происходило в степях Восточной Европы: кочевники до VII в. сохраняли традиции V в., постепенно их трансформируя (рис. 2, схема 2). В VII в. новое южное влияние принесло моду на пояса с геральдическими украшениями, позднее на серьги с подвеской византийских типов и т. д. В степи пока плохо представлен VI в.; а в VII в. кочевники предстают уже сильно дифференцированными в социальном отношении. С одной стороны, могилы без оружия, с несколькими дешевыми бляшками на поясе, с другой — богатейшие комплексы типа перещепинского. В конце VII — начале VIII в. появились даже обширные поминальные сооружения (Глодосы, Вознесенка), не уступавшие каганским II Тюркского каганата. Именно в VII в. на базе этого процесса восточноевропейские кочевники смогли основать уже не эфемерные, а прочные государства.

Наиболее трудно дать оценку III группы. Она не связана с эпохой Аттилы ни по занимаемой области от нижнего Дуная до Киргизии (рис. 2, схема 3), ни по формам и декору вещей (совершенно чуждым общеевропейской I группе), ни по весьма еще малочисленным датирующим признакам. Внутри нее выделяются две зоны: восточноевропейская и тяньшаньская — со своими особенностями. Еще совсем неизвестен быт знати I каганата тюрок, объединившего во второй половине VI — начале VII в. степи от Гоби до Приазовья. Кочевнические трупоположения с конем катандинского и кудыргинского типов (последний соответствует Вознесенке и II аварской группе на Дунае) отражают эпоху II Тюркского каганата, но не ранее. Возможно, что явно азиатская культура кочевников III группы связывается с наследием I каганата, как I и II группы с наследием гуннской державы. Тогда становится понятным ее появление на самых низовьях Дуная: ведь болгары Аспаруха были возглавлены тюркской династией Дулу и могли иметь в своем составе группы азиатских степняков (восточноевропейские компоненты представлены у них II поясом из Мадары и бляшкой перещепинского круга из Ветрена). Такая трактовка III группы — пока только предположение. Ясно одно, что в степи одновременно обитали кочевники разного происхождения, антропологического облика, с разными обычаями и культурой. Но материал еще так мал, что нельзя очертить локальные группы и сопоставить их с названиями народов в письменных источниках.

Кто были эти народы этнически? Источники, сообщив о присоединении к гуннам части алан, после этого больше не называют их среди населения. Аланы остались на Кавказе и в конце IV—V вв. упоминаются также на западе. Кавказские аланы, усвоившие культуру I группы, по своим обычаям сильно отличались и от степняков, и от группы Унтерзибенбрунна (Рутха, Вольный Аул, Брут, Гилячская могила 5 из раскопок Т. М. Минаевой в 1965 г.). На западе пока не удается внутри I группы разделить могилы готов, алан, потисских сармат, гепидов, ругов и других живших там народов. Об участии алан в создании культуры I группы говорит появление в ней зеркал и некоторых форм сосудов [Кузнецов В. А., Пудовин В. К., 1961]. Украшения из Северной Африки, приписанные аланам М. И. Ростовцевым, оказались местными и притом датируются временем на 100 лет позднее. В восточноевропейской степи на смену могильникам сармат пришли одиночные могилы с совсем новыми обычаями и традициями. Вероятно, правы источники, относя степное население V—VIII вв. к гуннам. Правда, неясно, кто были сами гунны конца IV в. Культура I груп-

пы появилась внезапно, без прямых предшественников. Археологи и историки до сих пор не выяснили, где жили европейские гунны перед вторжением в Восточную Европу: в восточных степях не выделяется пока особой локальной группы. Вполне вероятно, что после поражения азиатских хунну (гуннов) в 155 г. на запад ушла лишь кучка воинов, принесшая название народа, язык, военные обычаи, но усвоившая в новых местах другую материальную культуру [Гумилев Л. Н., 1960].

Отношения кочевников с покоренным населением варьировались от рабства до союзничества и совместных походов. Кочевники нуждались в продуктах земледелия, в ремесленных изделиях. Война с оседлыми соседями сменялась дружественными отношениями, экономическими связями, заключались браки между представителями знати. Гунны вытеснили из степи алан, привели к исчезновению черняховской культуры, ограбили многие античные поселения на Боспоре, вероятно оказавшие им сопротивление. Но, судя по некрополю столицы Боспора, местная знать в период зависимости от гуннов сохранила свои богатства, оставив великолепные наборы украшений в стиле I группы. Лежавший более 100 лет в развалинах Танаис при гуннах был вновь заселен на всей площади и лишь позднее угас окончательно [Шелов Д. Б., 1972, с. 307—335]. Известно, что на Дунае гунны, а позднее авары уводили к себе и поселяли в своих владениях население целых византийских городов. В пределах Аварского каганата отдельные группы оседлого населения достигали в VII в. большого благосостояния (Кёрнье и памятники кестхейской культуры вокруг Балатона).

Спорен вопрос о роли Боспора в жизни кочевников V—VII вв. Считается, что он и в эпоху переселения народов был законодателем моды для огромных пространств Европы и Азии и снабжал их своими ювелирными изделиями. На самом деле у кочевников нет специфически боспорских предметов. Боспорское влияние на степи прослеживалось до середины III в., после чего быстро исчезло из-за варварских нашествий и натурализации боспорского хозяйства. Во владениях кочевников VI—VII вв. только изредка встречаются настоящие боспорские вещи: таковы две пальчатые фибулы и серьги с многогранником из женской могилы в г. Жданове, детский антропоморфный амулет с Белосарайской косы, обломки двух двупластинчатых фибул с золотыми накладками в Волобуевке [Сибилев Н. В., 1926, табл. XXXI, *8*, *11*). Эти чуждые кочевникам находки отражают или брачные союзы, или плен, или обмен подарками (что менее вероятно, учитывая чуждость этих вещей кочевникам). Возможно, на окраинах степи имелись и отдельные небольшие оседлые поселения выходцев с юга. Кочевническое же влияние на соседей проявилось в появлении псевдопряжек у антов и в Приуралье, а также кочевнической керамики на поселениях типа Пеньковки.

Южный Урал в VI—VIII вв.

В раннем средневековье сохранилось характерное для многих эпох близкое соседство оседлого и кочевого населения в Южном Приуралье, обусловленное природными условиями и географическим положением этого района. Здесь возник ряд новых археологических культур, созданных, по-видимому, при участии групп населения, пришедших из степей юго-востока (Сибири) и юга. Поселения с мощным культурным слоем, многочисленные городища, большие могильники, следы земледелия, черты преемственности с более древними местными земледельческими культурами — все это отличает рассматриваемые памятники от тех, что оставили кочевники в степи. Но обилие южных степных элементов в костюме, посуде, обычаях населения говорит о большой, подчас решающей роли кочевников в сложении этих культур [Мажитов Н. А., 1977].

Турбаслинская культура

Турбаслинская культура занимает бассейн среднего течения р. Белой с устьем р. Уфы в центре (рис. 11). Наиболее полно исследован могильник у д. Новотурбаслы, по которому культура получила название. Кроме этого могильника, раскапывались Дежневские, Салиховские курганы, Уфимские погребения, Кушнаренковский и Шареевский могильники, а также поселения Новотурбаслинское II и Романовка.

Первоначально турбаслинская культура была датирована V—VII вв. (Мажитов Н. А., 1968, с. 68), а согласно мнению Г. И. Матвеевой, она существовала в VI—IX вв. (А. К. Амброз основные захоронения из новотурбаслинских курганов отнес к VII в., а самое позднее из них — к VIII в. [Амброз А. К., 1971б, с. 107]. Последняя поправка сейчас может быть принята как вероятная основная дата всей культуры — VII—VIII вв. Важными датирующими признаками здесь являются остатки поясных наборов с накладками геральдических форм, встреченные почти во всех могильниках (рис. 12, *25—29*, *31—44*, *46*, *48*, *49*, *51—56*, *60*, *61*, *63*). В этот набор входят пряжки с литыми щитками, чаще всего с В-образной передней частью, а также бляшки сердцевидные, ланцетовидные, Т-образные, узловые, трехлепестковые, квадратные и другие с вырезом или без него на плоской поверхности. Время их наибольшего распространения, судя по аналогиям [Амброз А. К., 1973б, с. 288, 298], приходится на VII и начало VIII в. В комплексах встречаются еще бронзовые пряжки с гладкими пластинчатыми щитками (рис. 12, *15*) и бронзовые пряжки, обтянутые тонкой золоченой штампованной фольгой, иногда со стеклянными вставками на щитках (рис. 12, *8*, *10*, *14*, *30*). Период бытования пряжек с золоченой фольгой и накладок ремня из такого же материала А. К. Амброз определяет VII в. [Амброз А. К., 1971б, с. 107, 110—111, табл. III, *52*]. Вместе с ними встречаются также серьги с многогранником (рис. 12, *62*), с грузиком в виде пирамидки из спаянных шариков (рис. 12, *50*), серьги так называемого харинского типа (рис. 12, *16*), а также единичные экземпляры серег с грузиком в виде трех выпуклых лепестков из пластины (рис. 12, *67*). Среди турбаслинских памятников одним из долговременных (VII—VIII вв.) является Шареевский могильник [Матвеева Г. И.,

1968б]. В нем, например, наряду с пряжками с литыми щитками представлены колокольчики, кольцевые подвески с боковыми отростками или без них, с длинным перехватом у основания ушка. Подобных предметов нет в памятниках Южного Урала VII в., но зато они есть среди материалов Манякского могильника, датируемого VIII в. (рис. 15, *25*). Ко времени не раньше VII—VIII вв., по-видимому, относится и часть Салиховских курганов, которые оказались сильно ограбленными и дали очень мало датирующего материала.

На основании намечаемых хронологических различий между памятниками сейчас можно говорить о существовании двух этапов в турбаслинской культуре. Так, например, если в материалах Дежневских и Новотурбаслинских курганов VII в. отражена культура ее носителей периода прихода и ранней поры их расселения по Южному Приуралью, то поздние погребения Шареевского и Салиховского могильников можно рассматривать как памятники времени их окончательного оседания здесь. Черты преемственности между этапами в культуре позволяют говорить о сохранении здесь той же группы населения.

Турбаслинские племена жили в открытых поселениях, расположенных на низких берегах озер и рек. Жилищем им служили прямоугольные полуземлянки размером в среднем 6×5 м, углубленные в землю до 1—1,20 м (рис. 12, *1*). Они отапливались печами типа чувал, построенными на деревянных подставках на высоте 60—80 см от пола [Мажитов Н. А., 1962, с. 154, рис. 4]. Остатки пяти таких жилищ, построенных в ряд по краю берега, выявлены на поселении Новотурбаслинское II, известны они также на поселении Кушнаренковское (раскопки В. Ф. Генинга) и на Имендяшевском городище, расположенном на высоком мысу и укрепленном валом и рвом [Матвеева Г. И., 1973, с. 250, рис. 3]. Тем же племенам принадлежало городище Уфа II — один из уникальных памятников Южного Урала раннего средневековья. Как показали пробные раскопки, мощность культурных отложений, содержащих главным образом керамику турбаслинской культуры, достигает местами 3 м.

Это свидетельствует об особенно интенсивной и продолжительной жизни на памятнике [Ищериков П. Ф., Мажитов Н. А., 1962].

Своеобразна керамика турбаслинской культуры. Это большие круглодонные и плоскодонные сосуды с сильно раздутым туловом и высоким горлом, а также горшки с невысоким широким горлом и плоским дном. Типы сосудов в могильниках все представлены примерно одинаково. На поселениях круглодонной посуды очень мало; в основном она найдена в погребениях. Кувшины — редкая форма посуды на памятниках этой культуры (рис. 12, *73*, *78*). Среди них на поселениях встречаются экземпляры, изготовленные на гончарном круге (рис. 12, *74*, *88*). Последние исследователями не без оснований сопоставляются с кувшинами из древностей Поволжья болгарского времени и рассматриваются как важный датирующий признак конца I — начала II тысячелетия.

Почти все раскопанные погребения ограблены в древности, поэтому набор вещей турбаслинской культуры очень фрагментарен. В могилах (Дежнево, Уфа, Новотурбаслы) часто встречаются маленькие розетковидные накладки из серебра с золоченой выпуклой поверхностью и ложнозерненым орнаментом (рис. 12, *15*), очевидно украшавшие одежду из тонкой ткани. Нередко попадаются в погребениях серебряные пластинчатые фибулы (рис. 12, *66*), коньковые подвески с ушками (рис. 12, *57*), иногда подвески-амулеты в виде человеческих фигур (рис. 12, *59*). В уфимских погребениях найдены обрывки кольчуги и костяные накладки сложного лука [Ахмеров Р. Б., 1970, с. 172—173].

Погребальный обряд турбаслинской культуры характеризуется подкурганными захоронениями в глубоких могилах. Насыпи земляные, диаметром в среднем 9—14 м (рис. 12, *2—7*). В некоторых Салиховских курганах над могилами на уровне погребенной почвы прослежены остатки каменных площадок [Сальников К. В., 1958, с. 25, рис. 2]. Насыпи не выявлены в Кушнаренковском и Шареевском могильниках, но редкое расположение могил позволяет предположить, что таковые были и там. Наиболее распространены могилы простой формы средним размером 2×1 м и глубиной около 1 м, ориентированные по линии север—юг. В узкой северной стенке могил часто устраивали глубокий подбой, куда помещали большой глиняный сосуд с пищей и куски мяса (предплечевая часть туши лошади). Нередко вдоль длинных стенок могил оставлены широкие заплечики или же под одной из стенок сооружен глубокий подбой (Салиховский могильник) [Сальников К. В., 1958, с. 27]. Иногда попадаются захоронения, совершенные в почвенном слое, на глубине 20—40 см. Основным видом захоронения является трупоположение в вытянутой позе, на спине, головой преимущественно на север или (реже) на юг и восток. Исключением из общего правила являются четыре трупосожжения, встреченные в Уфе и в Кушнаренковском могильнике. Труп сжигался на стороне, и в могилу помещались мелкие жженые кости. Наряду с упомянутой выше ритуальной пищей в виде кусков мяса и глиняных сосудов с напитками в изголовье в турбаслинских могилах иногда находят лошадиные конечности, вероятно положенные туда вместе со шкурой. В насыпях курганов (Новотурбаслы) часто находят лошадиные зубы — остатки поминальных тризн в честь умерших. Вскрыты следы мощных кострищ рядом с могилами или над ними на уровне погребенной почвы. В частности, от долгого горения костра почти весь слой заполнения могилы 1 в Новотурбаслинском кургане 18 оказался пережженным и имел красно-розовый цвет [Мажитов Н. А., 1959, с. 132].

Турбаслинская культура появилась внезапно, не имея почти никаких преемственных связей с культурой местного населения предшествующего времени. Первоначальная область расселения ее носителей до прихода сюда пока спорна. Есть основания предполагать, что в формировании турбаслинской культуры активное участие принимали потомки кочевых племен более раннего времени, обитавших в южноуральских степях и известных нам под собирательным именем сармат. Например, круглодонная посуда из турбаслинских памятников типологически очень близка сарматской [Мажитов Н. А., 1964б, с. 105,

106; 1968, с. 70]. Сходен физический тип сравниваемых групп населения: турбаслинские племена в основном отличались ярко выраженной европеоидностью [Акимов М. С., 1968, с. 84—74].

С другим слагающим турбаслинской культуры связано происхождение ее плоскодонной керамики. Эти сосуды почти не отличаются от керамики именьковских племен Среднего Поволжья, что дало основание ряду археологов относить памятники Западного Приуралья с плоскодонной керамикой к именьковской культуре или объяснять их возникновение переселением сюда части поволжского населения [Сальников К. В., 1964, с. 13; Васюткин С. М., 1968, с. 62—66; Старостин П. Н., 1971; Смирнов А. П., 1971]. Но именьковцам неизвестен курганный обряд захоронения. Существует также мнение о южных, среднеазиатских истоках плоскодонной посуды в именьковских и турбаслинских памятниках [Мажитов Н. А., 1964а, с. 105; 1977, с. 58, 59; Халиков А. Х., 1976, с. 4—6]. Подобные по форме сосуды, например, встречены там в каунчинской культуре [Левина Л. М., 1971, рис. 58, 59 и др.], носителям которой широко был известен, как у турбаслинцев, способ подкурганных захоронений в простых и подбойных могилах [там же, с. 57—60, 163—178]. Если намечаемые сейчас генетические связи культуры турбаслинцев окажутся верными, то их можно будет рассматривать как потомков южноуральских кочевников (сармат), с одной стороны, и выходцев из степей Средней Азии (саков) — с другой.

Бахмутинская культура

Бахмутинская культура выделена А. В. Шмидтом в 1929 г. и названа по могильнику, где впервые проводились стационарные раскопки [Шмидт А. В., 1929, с. 25]. Принадлежала она оседлому населению, которое сплошным массивом расселилось в междуречье Камы, Белой и Уфы (рис. 11). По сравнению с другими культурами Западного Приуралья середины I тысячелетия н. з. культура исследована хорошо. Большим раскопкам подверглись многие могильники (Бирск, Старо-Кабаново, Каратамак, Югомашево и др.), где вскрыты многие сотни погребений. Менее изучены поселения, в большом количестве зарегистрированные археологическими разведками.

Несмотря на относительную изученность культуры, периодизация ее во многом остается спорной. Первоначально дата ее была определена в пределах V—VII вв. [Шмидт А. В., 1929, с. 20—23], затем удревнена на столетие [Смирнов А. П., 1957, с. 54]. Н. А. Мажитов снизил нижнюю дату до II—III вв. [Мажитов Н. А. 1968, с. 9] и выделил в существовании бахмутинской культуры два этапа. Если на раннем этапе (II—V вв.), согласно его мнению, эта культура тесно связана с культурой местных пьяноборских племен предшествующего времени, то поздний этап (V—VII вв.) отражает смешение бахмутинцев с пришлым населением из южных степей — с носителями турбаслинской культуры [там же, с. 49—73]. В. Ф. Генинг принял указанную двухступенчатую периодизацию, но датирует бахмутинскую культуру в пределах III—VI вв. [Генинг В. Ф., 1972, с. 224—228, 242—247]. Ее ранний этап он относит к III—V вв., а поздний — к V—VI вв. [там же, с. 228, 234, 263]. В исследованиях А. К. Амброза [Амброз А. К., 1971б, с. 107, 110—112] и В. Б. Ковалевской [Ковалевская В. Б., 1972, с. 106, 107] бахмутинские памятники были датированы IV—VII вв. В настоящее время, частично изменив первоначальные свои высказывания, Н. А. Мажитов датирует бахмутинские древности V—VIII вв., допуская возможность существования самых поздних из них до IX—X вв. [Археологическая карта, 1976, с. 30].

Ранний этап бахмутинской культуры представлен бронзовыми и железными круглыми пряжками с небольшими пластинчатыми щитками (рис. 13, *21*), проволочными браслетами, фибулами с подвязанным приемником, ожерельями из мелких рубленых стеклянных бусин красного, желтого, белого и синего цветов. В прежних исследованиях все эти предметы использовались как датирующий материал для II—V вв. [Мажитов Н. А., 1968, с. 17—25]. Однако, встречаясь на раннем этапе, многие из этих предметов имели более длительный период бытования, как показывают сопровождающие их находки.

Для второго этапа бахмутинской культуры характерны упомянутые выше бронзовые пряжки с золоченой фольгой и стеклянной вставкой на щитках (рис. 12, *8*, *10*) и штампованные накладки-лунницы (рис. 13, *39*), в большом количестве найденные в Бирском могильнике. А. К. Амброз считает, что они существовали сравнительно короткий период (в VII в.) [Амброз А. К., 1971б, с. 110, 111, табл. III, *52*; с. 114, рис. 10, *11*, *12*, *17—19*]. Вместе с ними в комплексах встречаются серебряные пластинчатые фибулы (рис. 13, *51*), большие янтарные бусы и подвески в виде фигурок лошадей (рис. 13, *40*, *41*). Кроме коротких одно- или двулезвийных мечей (рис. 13, *18*), железных наконечников стрел (трехлопастных, ромбических и плоских в сечении (рис. 13, *14—17*), в могилах попадаются проушные и втульчатые топоры, скобели, ложкари, серпы, долота (рис. 13, *56—60*). Конское снаряжение представлено удилами с обычно несомкнутыми восьмеркообразными кольцами, часто с подвешенными к ним трапециевидными петлями (рис. 13, *11—12*). Реже встречаются удила с псалиями из прямого стержня, один конец которого расплющен и загнут (рис. 13, *13*),— таков инвентарь мужских погребений Бирского могильника VII в., относящийся полностью ко второму этапу культуры.

В женских погребениях много украшений, среди которых выделяются височные подвески в виде прямого стержня длиной 5—6 см, заканчивающегося кольцом (рис. 13, *31*, *35*). Стержень весь обмотан тонкой бронзовой проволокой, и иногда на него насажена стеклянная бусина. Эти подвески, чаще всего попарно, носились у виска и прикреплялись, очевидно, к головному убору. Из других украшений ко II этапу относятся серьги с литым многогранником, серьги харинского типа, нагрудные подвески в виде колец с выступающими шишечками (рис. 13, *45*, *54*), литые кольцевидные застежки с выступами (рис. 13, *43*, *52*), лапчатые подвески (рис. 13, *50*). Имеются также фигурки коней (рис. 13, *40*, *41*), ли-

тые зеркала с рельефным орнаментом (рис. 13, *47*, *48*), браслеты с изображением змеиных голов на концах (рис. 13, *49*). Очень часто эти украшения находят вместе с другими предметами в мужских погребениях, что говорит об их синхронности.

Возраст бахмутинских древностей уточняется по деталям геральдических поясов: В-образным пряжкам «вычурного» стиля, Т-образным и другой формы накладкам, встреченным в большом числе в Бахмутинском и Бирском могильниках [Смирнов А. П., 1957, с. 51, табл. VI, *10*] (рис. 13, *24—30*). Все они относятся к VII в., что подтверждается и новыми находками [Амброз А. К., 1971а, с. 54, 61]. Таким образом, преобладающее большинство комплексов Бирского и Бахмутинского могильников датируется VII в., а весь период существования этих могильников можно предварительно определить двумя столетиями — VI—VII вв. Однако тот факт, что бахмутинская культура генетически тесно связана с культурой местных караабызских и пьяноборских племен предшествующего времени, заставляет предполагать, что со временем будут найдены выразительные комплексы V—VI вв. Все остальные могильники (Старо-Кабаново, Каратамак и др.) с инвентарем специфически местных форм, видимо, следует также датировать в пределах V—VII вв.

Бахмутинская культура продолжала существовать и после VII в. Так, в погребении 2 из раскопа IV Бирского могильника, найденном в стороне от остальных могил, вместе с характерным бахмутинским глиняным сосудом оказались бронзовый колокольчик и розетковидная подвеска, не имеющие аналогии в комплексах VI—VII вв., но зато они обычны в памятниках, датируемых не ранее VIII в. (см. рис. 15, *78*, *83*).

По планировке поселения бахмутинских племен очень напоминают турбаслинские. На упомянутом выше поселении Новотурбаслинское II почти половине керамики состояла из обломков сосудов бахмутинской культуры, поэтому данный памятник можно рассматривать как общий для обеих культур. В отличие от турбаслинцев у бахмутинцев городищ значительно больше. Обычно они характеризуются тонким культурным слоем (мощность 20—40 см), что говорит о временном характере их использования (в основном в опасные периоды жизни). Большинство городищ расположено на мысах, на берегах рек, но есть много примеров устройства их на горных вершинах, вдали от воды. По внешним признакам городища могут быть подразделены на два типа. В первый тип объединены небольшие городища с одним—тремя короткими (40—60 м) валами высотой 1—1,5 м и рвами (рис. 13, *4*). Разновидностью их являются городища с округлым или полукруглым валом (рис. 13, *3*, *5*). Городища второго типа отличаются большой площадью и сложной системой оборонительных сооружений, особо подчеркивающих центральную часть — цитадель (рис. 13, *1*, *2*). Общая длина основных валов достигает 200—300 м при высоте 3—4 м и ширине у основания 12—15 м.

На основании разведочных данных можно утверждать, что валы на городищах строились из глины и чернозема. В ряде случаев для прочности глину на валах обжигали; изредка при сооружении вала использовали валуны. Не установлено, были ли над валами и по краям площадки деревянные укрепления. Со стороны скатов производилось эскарпирование, т. е. края площадок искусственно срезались на высоту 3—4 м.

Могильники грунтовые, занимают большую площадь, густо заполненную могилами. Средний размер могил — 2—1,80×0,80—1 м, глубина — 50—80 см. Последняя по отдельным могильникам имеет незначительные отклонения. Гораздо чаще, чем в турбаслинской культуре, встречаются неглубокие захоронения, совершенные либо в почвенном слое, либо у самой поверхности материка, на глубине 20—45 см. Часть могил Бирского могильника (46 случаев из 218) в северных узких стенках имела глубокие подбои или ступеньки для размещения сосудов с пищей и кусков мяса (рис. 13, *6*). Во вскрытой части памятника эти могилы располагались компактной группой и, очевидно, отражают воздействие турбаслинских племен на религиозные воззрения местного населения [Мажитов Н. А., 1968, с. 71] (рис. 13, *10*).

Для всех могильников характерно трупоположение в вытянутой позе, на спине, головой к северу с некоторыми отклонениями на восток или запад. Преобладающее большинство могил содержит индивидуальные захоронения. Наряду с ними есть случаи коллективных неглубоких погребений с двумя-тремя скелетами и более. Почвенные условия во многих памятниках не способствуют сохранению костей, поэтому такие важные детали погребального обряда, как кости животных, не всегда оказывались зафиксированными. В Бирском могильнике в почвенных слоях между могилами обнаружено 10 ритуальных захоронений конечностей лошади, положенных, вероятно, вместе со шкурой [Мажитов Н. А., 1968, с. 29, 112, рис. 6] (рис. 13, *9*).

Как в мужских, так и в женских могилах украшения (ожерелья, серьги, подвески, браслеты и т. п.) часто располагаются кучкой, сбоку или, чаще, в изголовье костяков. Иногда удается проследить, что они ставились в берестяных коробках. Происхождение этих так называемых жертвенных комплексов, видимо, следует связать с общей системой религиозных представлений населения. Предполагалась этнографическая параллель с языческими воршудными коробками удмуртов [Генинг В. Ф., 1967б, с. 16, 17]. Однако в воршудные коробки попадали лишь отдельные предметы украшения вместе с другими пожертвованиями божеству. В жертвенных же комплексах лежат целые наборы украшений, частью входившие, вероятно, в убор покойного, частью бывшие подарком от близких ему людей. Обычай дарить покойнику вещи зафиксирован у многих народов этого времени (мужчинам, например, положены второй меч и кинжал или кучка женских украшений — дары друзей и жены). Поэтому вопрос о жертвенных комплексах бахмутинской культуры требует дальнейшего изучения.

Специфической чертой погребального обряда бахмутинских племен является обычай класть в могилу расстегнутый пояс вдоль или поперек погребенного [Генинг В. Ф., 1967б, с. 14; Мажитов Н. А., 1968, с. 60, рис. 17, *1*, *2*, *5—7*]. Редко встречается в могилах глиняная посуда. Только в Бирском могильнике, в той его части, где сосредоточены необычные для бахмутинской культуры могилы с подбоями, много

глиняных сосудов, в том числе турбаслинского типа. Прямая связь сосудов с несвойственным для остальных могильников типом могил в данном случае служит дополнительным подтверждением влияния или, скорее всего, участия иных этнических групп в формировании бахмутинской культуры.

Важным признаком бахмутинской культуры является керамика, обнаруженная на поселениях. Основную ее часть (около 85—90%) составляют круглодонные широкогорлые сосуды, сплошь орнаментированные по наружной поверхности беспорядочно расположенными мелкими ямками (рис. 13, *61—64*). В примеси к глине имеется песок, дресва. Меньшая часть сосудов представлена небольшими открытыми чашами без орнамента или с редкими ямочными углублениямп п длинными насечками (рис. 13, *65—67*).

Бахмутинским памятникам Башкирии очень близки могильникп и поселения на средней Каме (Мазунино, Юрмашево и др.). В науке долго дебатировался вопрос об их соотношении, а также о том, назвать ли всю эту культуру в целом бахмутинской или мазунинской [Мажитов Н. А., 1968, с. 26—28; Васюткин С. М., 1968, с. 61; Матвеева Г. И., 1969, с. 8, 12; Генинг В. Ф., 1972, с. 240, 243]. В итоге дискуссии выяснилось, что при большом сходстве этих памятников они все же не тождественны. Следует говорить о двух локальных вариантах большой этнокультурной общности. В отличие от бахмутинских, на среднекамских поселениях преобладают круглодонные сосуды с орнаментом из редких ямок по горлу или вообще без них [Генинг В. Ф., 1967б, с. 32]. Есть отличия и в украшениях. Для мазунинского варианта характерны различные «бабочковидные» фибулы, нередко для прочности наклеенные на бересту. В могилах бахмутинского варианта они встречаются в основном на пограничье с мазунинским (раскопки С. М. Васюткина). На средней Каме нет обычных для Бирского и многих других могильников Башкирии поясов с двумя длинными подвесками, спускавшихся спереди на бедра (рис. 13, *19*), зато там много широких поясов с поперечными пластинками, часто со свисающими от них мелкими колечками (Генинг В. Ф., 1967а, с. 127, 128, рис. 2, *1, 2*; табл. III, *1—15*).

Мнение о том, что бахмутинская культура сложилась главным образом на основе культуры местных оседлых племен пьяноборской культуры предшествующих веков [Мажитов Н. А., 1968, с. 49—64; Генинг В. Ф., 1972, с. 235—240], подтверждается перерастанием в бахмутинские ряда важных черт пьяноборской культуры. Совпадает территория распространения, близок антропологический тип, преемствен обычай захоронения в мелких могилах, преимущественно без керамики, с поясами, положенными вдоль или поверх погребенных. Близки височные подвески и основные формы посуды. Вместе с тем, как уже отмечалось, в бахмутинской культуре есть ряд важных новых черт, возникновение которых трудно объяснить развитием местных традиций. Сюда можно отнести глубокие могилы с подбоями или ступеньками, обычай украшать сосуды сплошь мелкими ямками, подвески-фигурки медведей, лошадей и др. Некоторые из отмеченных особенностей находят близкие параллели в памятниках за пределами данной культуры. Только активными контактами со степными племенами можно объяснить присутствие в Бирском могильнике ритуальных захоронений конечностей лошади — признака, характерного для погребального обряда кочевников-степняков. То обстоятельство, что круглоямочная керамика бахмутинских памятников имеет близкие аналогии в Южной Сибири, позволило сделать вполне вероятное предположение о приходе в Западное Приуралье части южносибирского населения и участии его в формировании бахмутинской культуры [Генинг В. Ф., 1972, с. 265—266].

Караякуповская культура

Одновременно с турбаслинцами и бахмутинцами на Южном Урале в VII—VIII вв. жила большая группа, по-видимому, кочевых племен, оставившая после себя курганные могильники и поселения со своеобразной керамикой так называемых кушнаренковского и караякуповского типов (рис. 11, 15). Эти памятники еще мало изучены, и в их интерпретации много спорного. Одними исследователями комплексы с указанными двумя типами сосудов противопоставлялись друг другу и выделялись в самостоятельные типы памятников и даже в культуры [Васюткин С. М., 1968, с. 69—71; Археологическая карта, 1976, с. 31, 32]. Другие памятники с кушнаренковской керамикой считались разновидностью турбаслинской культуры [Мажитов Н. А., 1964б, с. 104—108; 1968, с. 69, 70]. Новые материалы свидетельствуют, что между памятниками с обоими типами керамики существует тесное культурное единство и на этом основании их следует, с некоторыми оговорками, объединить в особую культуру, названную караякуповской — по первому полно изученному городищу [Матвеева Г. И., 1968а, 1975; Мажитов Н. А., 1977, с. 60—74].

Носители караякуповской культуры, как и турбаслинцы, появляются в Западном Приуралье внезапно где-то на рубеже VII—VIII вв. Их ранние памятники представлены единичными курганами (Ново-Биккино, Булгар) или малочисленными группами (II Красногор, Сынташево). К их числу относится Манякский могильник, где раскопано около 40 погребений без каких-либо следов насыпи. Поскольку территория данного памятника много лет распахивается, а могилы расположены на значительном удалении друг от друга, можно предполагать, что над манякскими могилами в свое время тоже имелись невысокие земляные насыпи.

Ранние караякуповские памятники найдены преимущественно в лесостепной части Приуралья, но они известны в горно-лесной части Южного Урала и на его восточных склонах, примером чего может служить самая ранняя группа лагеревских курганов. Небольшие размеры могильников, вероятно, объясняются подвижным образом жизни населения, связанным с кочевым и полукочевым хозяйством. Отдельные погребения с кушнаренковской керамикой выявлены в памятниках как турбаслинской [Мажитов Н. А., 1959, с. 125, рис. 3; Матвеева Г. И., 1968б, рис. 19], так и бахмутинской [Мажитов Н. А.,

1968, табл. 26] культур. Почти во всех турбаслинских и многих бахмутинских поселениях (II Новотурбаслинское, Калмашевское, Бирское и др.) в большом количестве найдены фрагменты сосудов кушнаренковского и караякуповского типов [Мажитов Н. А., 1977, с. 63, 73, 74, табл. XXI, XXII]. Доказывая синхронность памятников трех культур, последнее обстоятельство показывает, что караякуповские племена фактически занимали весь Южный Урал, т. е. территория их расселения покрывала районы распространения одновременных турбаслинской и бахмутинской культур. Отсюда можно предположить, что караякуповцам принадлежала важная роль в этнической истории края в VII—VIII вв.

Определение возраста памятников облегчается тем, что многие находимые в них предметы имеют хорошо датированные аналогии и в условиях Южного Урала могут служить критерием для выделения комплексов конца VII—VIII вв. [Амброз А. К., 1973, с. 293—295, 297—298, рис. 1, *7, 24, 38, 55, 56, 79, 83*; Мажитов Н. А., 1977, с. 17, 19, рис. 1, табл. 1, *87—128*]. Таковы остатки геральдических поясных наборов (рис. 15, *22—32, 38—75*), редкие экземпляры стремян — самые ранние на Южном Урале (рис. 15, *15—17*), подвески в виде фигур уточек, двуглавых коней, трубочек, колокольчиков (рис. 15, *76—89*), круглые подвески с ушками на длинных отростках, серьги-подвески и ряд других (рис. 15, *33—36*). Оружие представлено длинным двулезвийным мечом, вложенным в ножны с Р-образными петлями (рис. 15, *9*), наконечниками стрел типа срезень (рис. 15, *91, 92*), треугольными в сечении бронебойными и с упором в основании черешка, а также полным набором костяных накладок от сложного лука (рис. 15, *10—13*). Наиболее целостным памятником, где все эти предметы найдены вместе, является Манякский могильник, который датируется временем около VIII в. Это принципиально не противоречит мнению А. К. Амброза и В. Б. Ковалевской, отнесших его к концу VII — первой половине VIII в. [Ковалевская В. Б., Краснов Ю. А., 1973, с. 287; Амброз А. К., 1973б, с. 297).

Как уже отмечалось, керамика караякуповской культуры состоит из сосудов кушнаренковской и караякуповской групп. В свою очередь, последние по деталям подразделяются на несколько типов (рис. 14). Объединяющими признаками кушнаренковской группы выступают: тонкостенность (3—4 мм), высокое прямое горло, округлое тулово с плоским или округлым дном и богатый орнамент из врезных горизонтальных поясков, чередующихся с отпечатками коротких насечек или овального зубчатого штампа. Таким же орнаментом украшалось плоское дно. У сосудов караякуповской группы общими выступают: невысокое горло, округлое тулово и орнамент, состоящий из выпуклых полугорошин («жемчужин»), ямок, коротких насечек в виде елочек и взаимопересекающихся линий и т. п. Многие элементы орнамента караякуповских сосудов повторяются на кушнаренковских и наоборот. Если учесть, что в памятниках (Маняк и др.) есть группа сосудов, которые занимают промежуточное положение между крайними типами обеих групп, то родственность и типологическая их близость очевидна.

Захоронения производились в неглубоких могилах простой формы, а над ними насыпались невысокие земляные курганы. Изредка в насыпях курганов находятся остатки захоронений головы (вместе со шкурой) лошади. Иногда встречаются тайники, куда помещалось оружие (лук, стрелы) и конская сбруя (седло, удила). В Новобиккинском кургане (рис. 14, *11, 16*; 15, *11, 13, 14, 18, 20, 52, 53*) они лежали в особой яме рядом с могилой, в погребении 1 Манянского могильника (рис. 14, *10, 13*; 15, *9, 10, 55—62, 75*) тайник был устроен на 20 см глубже дна могилы и в нем нетронутым сохранился меч с полным набором поясного ремня из серебряных накладок.

Исследователи считают, что носители кушнаренковской и караякуповской керамики пришли на Южный Урал из районов Южной Сибири [Матвеева Г. И., 1975, с. 19; Генинг В. Ф., 1972, с. 270—272], где сейчас выявлена группа памятников с похожим материалом.

Эпоха VI—VIII вв. в истории населения Южного Урала знаменуется важными достижениями в области хозяйства. Появление жерновов на смену маленьким зернотеркам связано с увеличением продуктивности земледелия, что, видимо, обусловливалось повсеместным внедрением в нем орудия пахоты с железным наральником. Хотя в Башкирии археологических доказательств последнему нет, но в более северных районах оно было в широком хождении у именьковских [Старостин П. Н., 1967, с. 21, 26, табл. 13, *13, 15*] и азелинских племен [Генинг В. Ф., 1963, с. 26, 27, табл. XXIV, *5*]. Появляются железные серпы, во множестве обнаруженные в бахмутинских могильниках, в межземляночном пространстве на поселениях стали сооружаться специальные ямы — зернохранилища. На Юмакаевском и ряде других городищ они конусовидно расширялись ко дну (рис. 15, *5*). Стенки ямы, обнаруженной на поселении Новотурбаслинское II, были обложены досками, и на их обугленной в результате пожара поверхности сохранились остатки зерен полбы (рис. 15, *4*).

Можно полагать, что развитию скотоводства в Южном Приуралье немало способствовали кочевые и полукочевые традиции основных этнических групп Южного Урала VI—VIII вв., своим происхождением тесно связанных с южными степями. Но в горно-лесных и лесостепных районах края скотоводство могло развиваться только как пастушеское и полукочевое.

В VII—VIII вв. в социальной жизни населения на Южном Урале отчетливо выявляются элементы общественного неравенства, чему в немалой степени должен был способствовать приход ведущих этнических групп из южных степей, где существовали такие раннеклассовые политические образования, как Тюркский и Хазарский каганаты.

Яркое свидетельство выделения знати — богатое погребение из Уфы с многочисленными золотыми украшениями большой ценности (рис. 12, *17—23*) [Ахмеров Р. Б., 1951, с. 126—131]. Однако основная масса населения еще сохраняла свою свободу и, вероятно, вес в общественной жизни, так как рядовые члены общества погребены с разнообразными украшениями, бытовыми вещами и часто с оружием.

Глава вторая
Сибирские древности VI—X вв.

Тюрки

В середине VI в. в степях Центральной Азии происходят коренные перемены в политической обстановке. Алтайские племена тюрок (тугю—китайских источников) во главе с каганом Бумынем в союзе с племенами теле и другими выступили против господства жужан. Жужанский каганат был разгромлен, и на его месте в 552 г. возник Тюркский каганат (552—630 гг.), объединивший большое число разноэтничных племен Алтая и Центральной Азии. Ядро каганата составляли алтайские тюрки-тугю. После разгрома жужан, в 554 г. тюрки двинулись в Среднюю Азию. К 555 г. подчинив Семиречье, Центральный Казахстан и Хорезм, они достигают Аральского моря. В союзе с Сасанидским Ираном в период между 563 и 567 гг. тюрки разгромили в Средней Азии государство эфталитов. Граница между Ираном и каганатом была установлена по Амударье. Среднеазиатские владения оказались в вассальной зависимости от тюрок.

В 70-х годах VI в. Тюркский каганат распространил свою власть до Северного Кавказа и степей Северного Причерноморья. Каган Дизабул (Истеми) установил дипломатические отношения с Ираном и Византией.

Вся история Тюркского каганата была наполнена непрерывными войнами и междоусобицами. В результате последних в 581 г. это государство распалось на два каганата, враждующих между собой: Восточный, где правил Шаболио, и Западный, во главе которого встал Тардуш-хан (Датоу). После разделения быстро ослабевший Восточно-Тюркский каганат потерпел поражение от китайской империи.

В это время Западно-Тюркский каганат достиг расцвета. Датоу укрепил свои позиции в Средней Азии и, пытаясь вновь объединить обе части каганата, объявил себя каганом восточных тюрок. В конце VI в. западные тюрки захватили земли теле, но последовавшие затем восстания этих племен подорвали силы центральной власти. Только в 615—619 гг. племена теле и соседние с ними сеяньто были окончательно покорены западными тюрками.

Несмотря на войны на восточной окраине государства, Западно-Тюркский каганат по-прежнему господствовал в Средней Азии. В первые десятилетия VII в. при кагане Тун-шеху там была реорганизована система управления. Покоренные местные владетели Средней Азии получили титул селифа и считались тюркскими наместниками, а для контроля и сбора дани к ним были приставлены тутуки.

Продолжалась активная внешняя политика и на западных рубежах каганата. В 627 г. каган направил свои войска в Закавказье на помощь Византии воевавшей с Ираном. Период между 630 и 651 гг. был заполнен междоусобной борьбой. Пришедший к власти в 634 г. Шаболо-Хилиши, пытаясь восстановить политическое равновесие в государстве, провел административную реформу, законодательно закрепив существовавшее племенное деление Западно-Тюркского каганата на 10 частей, названных стрелами «он ок будун» — «десятистрельный народ» древнетюркских надписей. Пять из них под общим именем дулу обитали в междуречье Чу — Или, пять других вошли в объединение нушиби, жившее к юго-западу от Чу. В союз дулу входили также карлуки и тюргеши, кочевавшие в степях между Алтаем, Иртышом и Или. Центр каганата находился в Семиречье, природные условия которого были особенно благоприятны для кочевого скотоводства.

В 651 г. основные силы Западно-Тюркского каганата, возглавленные каганом Ашина Хэлу, были разбиты китайскими войсками. Земли Западно-Тюркского каганата Китай разделил на два округа, во главе которых китайский император поставил своих чиновников из представителей тюркской знати. Однако зависимость этих владений от Китая была номинальной, тем более что усилившийся в 70-х годах VII в. Тибет фактически отделил Китай от Средней Азии.

Племена тюрок-тугю и теле не примирились с потерей своей независимости. Ряд крупных восстаний тюрок-тугю привел к тому, что в 682 г. возник так называемый II Тюркский каганат (682—744 гг.) во главе с каганом Ильтересом, или, как называли его китайские летописи,— Гудулу, принадлежавшим к знатному правящему роду Ашина. Первоначальная его ставка находилась к югу от пустыни Гоби и к северу от хребта Инь-Шань, вблизи г. Куку-Хото (современный Гуйхуачен), но после победы над уйгурами была перенесена в горно-лесную местность Отукен, к северу от пустыни, в район р. Орхон. В южной ставке остался править брат Ильтереса Мочжо, который после смерти Ильтереса в 692 г. объявил себя каганом (Капаган-каганом именовали его древние тюркские надписи). В его правление из-под власти Танской империи были освобождены все тюрки-тугю, а также обитавшие в Монголии племена теле. Алтай и Тува составляли северную окраину каганата.

В 711 г. войско Мочжо совершило успешный поход против Тюргешского государства (702—756 гг.), возникшего в Семиречье на месте Западно-Тюркского каганата в начале VIII в. Руководимые Тоньюкуком войска восточных тюрок разбили тюргешей и в 712 г. пошли на помощь осажденному арабами Самарканду. Однако под Самаркандом они потерпели неудачу и были вынуждены отступить обратно в пределы Центральной Азии.

После гибели Мочжо в борьбе с племенем байырку (по летописи — паэгу) в Монголии в 716 г. тюрки были объединены сыном кагана Ильтереса Кюль-тегином, который объявил каганом своего старшего брата Бильге (Могиляна), а сам стал главнокомандующим войсками каганата. Китай с помощью киданей и басмылов (басими) пытался разгромить тюрок в 720 г., но советник Кюль-тегина Тоньюкук разбил басмылов, а затем тюрки разгромили китайские войска. В результате этих действий необычайно окреп не только каганат, но и власть самого кагана Бильге. Однако сразу же после его смерти в 734 г. в каганате начались междоусобицы из-за престола, что неизбежно вело к ослаблению государства. В 742 г. объединенные силы уйгур, карлуков и басмылов выступили против восточных тюрок. Тюрки были разбиты, а их каган Озмиш бежал и в 744 г. был убит. II Тюркский каганат рухнул, а на его месте возник Уйгурский каганат (745—840 гг.).

Несмотря на грабительский характер войн, которые вели каганы, существование I и II Тюркских каганатов имело положительное значение. Оно способствовало консолидации тюркских племен на обширных пространствах Центральной Азии от Маньчжурии до Каспийского моря, заложило основы формирования ряда тюркоязычных народностей нашей страны. Сильная военная организация каганатов воздвигла мощный заслон агрессивным поползновениям Китая и Ирана в отношении народов Центральной и Средней Азии.

В VIII в. тюркские объединения в Средней Азии выступили против агрессии арабов. Образование обширных государственных объединений давало благоприятную почву для развития ремесел и торговли. Практиковавшееся тюрками создание поселений из согдийских колонистов в Центральной Азии способствовало оживлению экономической жизни в глубинных районах степи. Последнее обстоятельство наложило отпечаток на облик экономики и культуры каганатов, характеризующихся слиянием оседло-земледельческого, состоявшего из небольшой части осевших на землю тюрок и происходившего из земледельческих районов главным образом согдийского населения, занимавшего основные позиции в земледелии, ремесле, торговле и культурной жизни государств, и кочевого тюркского населения, господствовавшего в политическом отношении и базировавшегося экономически на кочевом скотоводстве.

Уйгурский каганат существовал с 745 по 840 г. Основной его территорией были земли Центральной Азии с центром на р. Орхон. Современная Тува занимала северную окраину каганата. Алтай и Минусинская котловина так и не вошли во владения этого государства.

В 840 г. Уйгурский каганат был разгромлен древними хакасами, в ходе завоевательных походов которых образовалось большое Древнехакасское государство — Кыргызский каганат, включившее в свой состав Алтай и его северные, степные предгорья. На западе владения древних хакасов распространялись до Иртыша. Карлуки, обитавшие ранее в районе верхнего Иртыша, в середине VIII в. разбили тюргешей в Семиречье [Бартольд В. В., 1963, с. 35—40] и создали здесь свое государство, существовавшее на этой территории со второй половины VIII по X в., когда оно было включено в состав государства Караханидов. На юге территория расселения карлуков в IX—X вв. включала южный берег Иссык-Куля, на юго-востоке доходила до г. Аксу в Восточном Туркестане [Minorsky V., 1937, p. 289], а на севере достигала оз. Балхаш.

Во второй половине VIII в. после ожесточенной борьбы с другими племенами, в том числе карлуками, значительная часть огузов, генетически связанных с племенами Центральной Азии, оставила Семиречье и откочевала в районы нижнего течения Сырдарьи и Приаралья. Сначала огузы мирно соседствовали с кангаро-печенежскими племенами, но во второй половине IX в. в союзе с кимаками и карлуками нанесли им поражение и завладели частью их территорий [Агаджанов С. Г., 1969, с. 128; Кляшторный С. Г., 1964, с. 163—167, 177—178; Кумеков Б. Е., 1972, с. 115]. В конце IX в. огузы в союзе с хазарами окончательно разбили печенегов и заняли междуречье Урала и Волги. Очевидно, долгим совместным проживанием печенегов и огузов в Приаралье, а также их постоянными контактами объясняется большое сходство печенежских и огузских (торческих) древностей (см. главу 8 данного тома).

Сведений о племенах кимаков в письменных источниках известно относительно немного. Произведенный Ю. А. Зуевым анализ китайских источников показал, что племена яньмо в них можно отождествлять с йемеками арабских авторов [Зуев Ю. А., 1962, с. 118—119]. Йемеки — основное племя, название которого составляет основу этнонима кимаки,— в VII в. входили в Западно-Тюркский каганат и кочевали севернее Алтая, в Прииртышье. После падения Западно-Тюркского каганата в 656 г. племя йемеков обособилось. Это привело к оформлению ядра кимакского племенного союза, вначале состоящего из семи племен; затем ко второй половине IX в. количество их федератов возросло до 12 [Кумеков Б. Е., 1972, с. 46—47]. Большую роль в росте кимакской федерации, как считает Б. Е. Кумеков [1972, с. 46], сыграл разгром Уйгурского каганата; именно к этому времени, к середине IX в., относится появление в племенных союзах — кимакском на Иртыше и огузском на Сырдарье — племен эймюров, байандуров, татар. Территория кимакской федерации занимала Верхнее и Среднее Прииртышье в пределах Северо-Восточного Казахстана. К концу IX в. владения кимаков распространились на Алакольскую котловину и северо-восточное Семиречье до Джунгарского Алатау. В то же время на северо-восточных границах огузов, кочевавших в Приаралье, появились кипчаки. Племена, влившиеся в кимакскую федерацию после разгрома Уйгурского каганата, занимали, по-видимому, южную часть ареала кимакского племенного союза. На севере, в Среднем Прииртышье, к северу от Павлодара, в кимакское объединение входили, вероятно, тюркизированные самодийские племена Северо-Восточного Казахстана и лесостепи Западной Сибири. До начала XI в. политическая гегемония кимаков распространялась на кипчаков, занимавших обширные пространства от Иртыша до Южного Урала и граничивших на юго-западе в степях Приаралья с пече-

негами и огузами. Кимако-кипчакские племена занимали, по-видимому, также значительную часть степного междуречья Иртыша и Оби.

Восточная граница кимаков четко не определена. Вероятно, они кочевали вплоть до степных предгорий северо-западного Алтая и левобережья Оби, где контактировали с древними хакасами.

Взаимоотношения кимакского объединения и государства древних хакасов слабо освещены в письменных источниках. В начальный период после 840 г. экспансия древнехакасского Кыргызского каганата захватила Алтай и прилежащие степи вплоть до Иртыша. Однако в связи с консолидацией кимакской федерации племен к концу IX в. древние хакасы, вероятно, быстро утратили политическое господство в Прииртышье и степях предгорий Алтая, а оказавшиеся здесь небольшие группы древних хакасов, очевидно, постепенно смешались с кимаками, на что указывает наличие совместных кимакско-хакасских могильников (Зевакино, Гилево, Корболиха и др.), часть курганов в которых содержит кимакские трупоположения с конем, а часть — хакасские трупосожжения. Племена лесостепи Обь-Иртышского междуречья и Приобья в IX—X вв. находились в сфере влияния кимако-кипчаков. На юго-востоке владения кимаков доходили до Монгольского Алтая [Бартольд В. В., 1897, с. 107; Кызласов Л. Р., 1969, с. 125, 199, прим. 234], куда они откочевывали с лошадьми зимой.

Кимакское объединение, подобно Тюркским, Уйгурскому и Кыргызскому каганатам, в конце IX — начале XI в. представляло собой фактически раннефеодальное государственное образование, во главе которого стоял каган с наследственной властью, имевший 11 управителей из племенной знати, уделы которых были наследственными (Бартольд В. В., 1930, л. 18б; Minorsky V., 1937, p. 100]. Ал-Идриси помещает столицу хакана на Иртыше, на основной территории расселения кимаков.

Такова в кратком изложении политическая история тюркоязычных кочевников степей Азии второй половины I — первых десятилетий II тысячелетия. В ней сыграли свою роль многие племена и народы, точная локализация большинства которых в настоящее время не установлена. Постоянные военные походы, а также кочевой образ жизни вели к их перемещениям и смешениям, вследствие чего этническая атрибуция археологического материала нередко бывает сильно затруднена. По этой причине одни и те же памятники и археологические комплексы разными исследователями приписываются различным народам.

Из-за слабой исследованности памятников пока невозможно повсеместно выделить отдельные археологические культуры для периода VI—VIII вв. и приходится оперировать культурно-хронологическими комплексами памятников, связывающимися с той или иной степенью достоверности с определенными этнокультурными группами. Памятники IX—X вв. исследованы лучше, однако намечаемые для этого времени границы культур недостаточно четко определены.

Завоевательные походы I Тюркского каганата привели к распространению различных групп алтайских тюрок-тугю и центрально-азиатских теле, выступавших в союзе с ними, на огромных пространствах от Черного и Каспийского морей до Великой китайской стены и от Алтая до Тянь-Шаня и Восточного Туркестана. Вместе с ними во второй половине VI — первой половине VII в. на обширных пространствах азиатских степей распространились курганы с захоронениями по обряду трупоположения с конем и сопутствующие им поминальные сооружения в виде квадратных, реже — прямоугольных оградок из поставленных на ребро плит и камней (рис. 16, 17).

Письменные источники породили различные толкования при определении характера погребального обряда тюрок-тугю в VI—VII вв. Согласно сообщениям китайских хроник, тюрки-тугю с древности сжигали своих покойников вместе с принадлежавшими им при жизни вещами и верховыми конями, после чего пепел собирали и зарывали в могилу. В сооружении, построенном при могиле (рис. 17, *2*), ставили нарисованный облик покойника (рис. 17, *1*) и описание сражений, в которых он участвовал. Если в битвах он убил одного человека, то обычно ставили один камень. У иных число таких камней достигает ста и даже тысячи [Бичурин Н. Я., 1950, с. 230, 277; Liu Mau Tsai, 1958, S. 9, 42, 1979, 228]. Такие культовые постройки сооружались у могил знатных тюрок. При погребении рядовых членов общества культовую функцию исполняли обычные каменные оградки (рис. 17, *6*, *9—12*, *14*). Как можно судить по данным китайских источников, тюрки-тугю постепенно, вероятно в результате контактов с соседними теле, забыли старый обряд кремации и перешли к новому ритуалу захоронения несожженных покойников под курганами, и, очевидно, так же, как и прежде, вместе с принадлежавшими погребенному конем и инвентарем. Старого обряда трупосожжения долее других придерживалась верхушка тюрок-тугю. Наиболее поздними погребениями по древнему обряду были сожжения последнего кагана Тюркского каганата Хели в 634 г. и его племянника Хэлоху в 639 г.

Гипотезы о принадлежности трупоположений с конем (рис. 18, *1*, *3—4*) тюркам-тугю придерживается Л. Р. Кызласов [1960д, с. 51—53] и ряд других исследователей, воззрения которых расходятся только в деталях [Киселев С. В., 1951, с. 496—497; Евтюхова Л. А., 1957, с. 224; Потапов Л. П., Грач А. Д., 1964, с. 107—108; Вайнштейн С. И., 1966б, с. 61, прим. 9; Кляшторный С. Г., 1964, с. 58, прим. 53; Шер Я. А., 1963, с. 163]. Другие авторы [Гаврилова А. А., 1965, с. 65—105; Савинов Д. Г., 1973б, с. 343; Трифонов Ю. И., 1973, с. 374] причисляют погребения с конем племенам теле. С этим мнением сближается точка зрения Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева, которые часть погребений с конем считали принадлежавшими племенам теле и кыргызам [Евтюхова Л. А., 1948, с. 60—67; Киселев С. В., 1951, с. 510]. К теле С. В. Киселев причислял также аналогичные алтайские погребения VI—VIII вв., когда основная часть тюрок-тугю отошла с Алтая на юго-восток к Орхону.

Кроме того, существует еще особое мнение Л. Н. Гумилева, согласно которому тюрки-тугю не меняли своего погребального ритуала и на протяжении VI—VIII вв. придерживались обряда кремации

с захоронением останков праха в оградках [Гумилев Л. Н., 1967, с. 260—261, прим. 9]. Однако это мнение не подтверждается археологическим материалом, поскольку пережженные кости человека в оградках отсутствуют.

Достоверных погребений тюрок-тугю, совершенных по обряду кремации, пока не обнаружено. Приписываемые им в юго-западной и южной Туве погребения с трупосожжениями в виде обломков кальцинированных костей, перекрытых каменными плитками либо залегавших под дерновым слоем в кольцевых выкладках, расположенных рядом с четырехугольными оградками, датированы А. Д. Грачом VI — первой половиной VII в. [Грач А. Д., 1968б., с. 207—211]. Однако эта дата не может быть хорошо обоснована, поскольку в этих погребениях нет датирующих вещей, а соседство оградок само по себе не может служить надежным критерием для датировки, так как часто оградки не связаны с синхронными им курганами [Кызласов Л. Р., 1969, с. 26] и могут находиться рядом с погребальными памятниками другого времени.

Памятники второй половины VI—VII в., соответствующие эпохе I Тюркского каганата, в которых содержатся погребения по обряду трупоположения с конем, наиболее полно представлены на Алтае. К этому периоду здесь относится могильник Кудыргэ, где вскрыто 21 захоронение, а также одиночные погребения Катанда II, курган 1, 1925 г.; Курота I, курган 1, 1937 г.; Туекта, курган 7, 1935 г. [Гаврилова А. А., 1965, с. 58]. Основанием для датировки указанных памятников второй половиной VI—VII в. служат находка в погребении 15 могильника Кудыргэ монеты 575—577 гг. [Гаврилова А. А., 1965, с. 60], а также устойчивые сочетания в погребениях этого периода комплексов вещей, к которым относятся однокольчатые удила со стержневыми костяными или железными псалиями (см. рис. 19, *16*, *17*), имеющими по два больших отверстия для ремней оголовья, стремена округлой формы с вытянутой округлой петлей для путлища (рис. 19, *22*) или с прямоугольной петлей на пластине с шейкой или без шейки (рис. 19, *23, 24*), сложные луки с длинными концевыми накладками, близкие по форме лукам гуннского типа (рис. 19, *2, 3*), пояса и уздечные наборы, украшенные гладкими бляхами (рис. 9, *21, 34—43*).

По имени могильника Кудыргэ памятники этого типа названы А. А. Гавриловой «кудыргинскими» [Гаврилова А. А., 1965, с. 58—59]. Это понятие имеет главным образом хронологический характер в смысле принадлежности памятников кудыргинского типа к эпохе I Тюркского каганата.

Погребения по обряду трупоположения с конем характеризуются локальным своеобразием, обусловленным спецификой погребальной обрядности оставивших их различных тюркоязычных этнических групп. На Алтае во второй половине VI—VII в. выделяются две группы. К первой принадлежит могильник Кудыргэ, характерной чертой захоронений которого является ориентировка покойников головой на юг. Ко второй группе относятся погребения Катанда II, курган 1, 1925 г.; Курота I, курган 1, 1937 г.; Туекта, курган 7, 1935 г. [Гаврилова А. А., 1965, с. 58], отличающиеся от погребений могильника Кудыргэ ориентировкой погребенных головой на восток. По мнению А. А. Гавриловой, Кудыргинский могильник оставлен населением, пришедшим на Алтай с юга во время походов тюрок-тугю, а вторая группа принадлежит местному населению с традициями культуры племен берельского типа [Гаврилова А. А., 1965, с. 59—60]. В степном Алтае на могильнике Осинки была выявлена третья группа погребений, характеризующаяся захоронениями в неглубоких ямах, на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад [Савинов Д. Г., 1973б, с. 343].

Для погребального обряда тюркского населения Алтая второй половины VI—VII в. свойственны захоронения под небольшими каменными плоскими округлыми курганами диаметром до 8—10 м и высотой до 1 м; обычный диаметр курганов около 5—7 м, высота 0,4—0,7 м. В отдельных случаях над могилами были только незначительные выкладки с меньшим диаметром, чем расположенные под ними могильные ямы (Кудыргэ, курганы 7, 9, 11). Захоронения произведены в прямоугольных или овальных ямах глубиной 0,6—1,6 м. А. А. Гаврилова на материалах могильника Кудыргэ выделяет четыре типа погребений: 1) человека с конем; 2) человека со сбруей, но без коня; 3) человека без коня и без сбруи; 4) кенотафы, содержащие только захоронения коней в сбруе, но без человека. Лошади в погребениях лежат обычно на животе с подогнутыми ногами, параллельно костяку человека, слева от него, иногда — справа, на одном уровне с человеком и изредка на ступеньку выше или наоборот — несколько ниже [Гаврилова А. А., 1965, с. 28, 58]. Голова коня обычно повернута к человеку, значительно реже конь обращен к покойнику спиной. Ориентировка лошадей в могилах неустойчива. Головой они направлены в ту же сторону, что и человек, или в противоположном направлении. В погребениях Алтая кудыргинского типа с восточной ориентировкой лошади всегда уложены головой в ту же сторону, что и люди.

Покойников помещали в могилы на спине, в вытянутом положении. Только в одном случае погребенный лежал на левом боку со слегка согнутыми ногами и согнутыми руками так, что кисти находились перед лицом. Руки погребенных обычно вытянуты, редко сложены на животе.

Внутримогильные деревянные конструкции в большинстве погребений отсутствуют. Они открыты лишь в отдельных захоронениях. Так, в кургане 15 Кудыргэ покойник был уложен в гроб из сосновых досок размером 2,05×0,65×0,26 м. Для скрепления досок были устроены пазы в концах досок длинных боковых стенок и шипы у досок коротких стенок. Дно его было сделано из двух широких досок и сверху он был перекрыт также широкими досками [Гаврилова А. А., 1965, табл. XIII, В].

Умершие снабжались ритуальной пищей, как правило бараниной. Среди костей овцы в могилах представлены в основном остатки ног — бедренные, берцовые, пяточные, астрагалы, а также крестцы и тазовые кости.

Вместе с покойником в могилу укладывали верхового коня в сбруе. В единичных случаях в погребения вместо коня положена целая туша барана

Серебряная обтянутая золотом пряжка со вставками из сердолика первой половины V в. (могильник у с. Новогригорьевка, Запорожская область)

Серебряная деталь уздечки первой половины V в., обтянутая золотом и украшенная сердоликами и гранатом (могильник у с. Новогригорьевка, Запорожская область)

Бронзовая бляшка уздечного ремня первой половины V в., обтянутая золотом и украшенная сердоликами (могильник у с. Новогригорьевка, Запорожская область)

Бронзовая обтянутая золотом бляшка с инкрустацией эпохи переселения народов (Каряжское городище, Ставропольский край)

вместе с конским снаряжением или без него. Захоронения в сопровождении барана открыты в Туве [Грач А. Д., 1960а, с. 31—36] и на Тянь-Шане [Бернштам А. Н., 1952, с. 81—84]. На Алтае таких погребений не обнаружено, но вскрыт курган (Катанда II, малый курган) типа кенотафа, содержавший только захоронение барана без вещей [Захаров А. А., 1926, с. 100], вследствие чего его датировка не совсем ясна и только предположительно он может быть отнесен к VII—VIII вв.

Известные в Туве наиболее ранние погребения с конем или бараном относятся к несколько более позднему времени, чем погребения Алтая кудыргинского типа,— к самому концу VI—VII в. Основная же масса захоронений с конем в Туве совершена в VII—VIII и VIII—IX вв. Ранним периодом там могут быть датированы всего два погребения — захоронение с бараном (Монгун-Тайга-57, курган XXXVII) и погребение с двумя лошадьми (Кокэль, курган 23) [Грач А. Д., 1960а, с. 33—36, рис. 35—38; Вайнштейн С. И., 1966а, с. 302—304, рис. 19—22, табл. VI—VII]. В основных чертах их погребальный обряд близок к алтайскому. Захоронения произведены под небольшими каменными курганами диаметром 4,3—7,5 м, высотой 0,2—0,6 м. Погребенные уложены на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Жертвенные животные лежат в могилах с обратной ориентировкой, слева от человека, на приступке. В Кокэле конь отделен от костяка человека валунами, что характерно для алтайских погребений VII—VIII вв. Погребенные сверху были накрыты каменными плитами (погребение Монгун-Тайга-57, курган XXXVII) или деревянными плахами (Кокэль, курган 23). Лошади были взнузданы и оседланы, в погребении же с бараном около лопатки барана лежала костяная подпружная пряжка, а в ногах человека — остатки удил с костяными двудырчатыми псалиями [Грач А. Д., 1960а, рис. 38].

Погребения с конем конца VI—VII в. в Средней Азии и Казахстане малочисленны, разбросаны по обширной территории и различаются деталями ритуала. К этому времени здесь относятся погребения Таш-Тюбе [Кибиров А. К., 1957, с. 86—87], Аламышик, курган 69 [Бернштам А. Н., 1952, с. 81—84], в Самарканде [Спришевский В. И., 1951], Егиз-Койтас [Кадырбаев М. К., 1959, с. 184—186, 198—199, рис. 18—20]. Широтная ориентировка этих погребений, положение жертвенного животного слева на ступеньке или на одном уровне с погребенным с обратной или такой же ориентировкой сближают эти погребения с погребениями Алтая с восточной ориентировкой.

Погребальный обряд тюркского населения Средней Азии и Казахстана имеет черты своеобразия. Здесь наряду с грунтовыми захоронениями появляются подбойные захоронения, очевидно, под влиянием местного населения [Кожомбердиев И., 1963; Заднепровский Ю. А., 1971]. Захоронения в подбоях обнаружены как в Средней Азии (Аламышик), так и в Казахстане (Бобровский могильник второй половины VIII—IX в.), позже они представлены в кимако-кипчакских памятниках IX—X вв. К сожалению, ограниченное количество материала не позволяет определить соотношение погребений различных видов.

На юге Казахстана, в долине средней Сырдарьи, где тюрки находились в тесных контактах с местным населением и, очевидно, смешивались отчасти с ним, погребения приобрели свои особенности. Курганы Борижарского могильника VII—VIII вв. на р. Арыси содержат трупоположения на уровне древнего горизонта, а также на специальных глинобитных круглых, овальных и прямоугольных площадках и в погребальных постройках. Некоторые площадки обнесены оградками из пахсы. Погребальные постройки сооружены из пахсы и состоят из входного коридора и камеры, перекрытой купольным сводом. Инвентарь представлен мечом, сосудами в виде кувшинов и кружек с красным ангобом, ножами, наконечниками стрел, деталями поясных наборов [История Казахской ССР, 1977, т. 1, с. 421—422].

На северо-востоке Казахстана тюрки столкнулись и вступили в контакт с местным угро-самодийским населением. Результат такого контакта демонстрирует Бобровский могильник, где, кроме тюркских погребений по обряду трупоположения, совершены погребения местного самодийского населения по обряду трупосожжения, но уже испытавшего сильное воздействие тюркской культуры [Арсланова Ф. Х., 1963а].

Во второй половине VI—VII в. алтайские тюрки проникли на средний Енисей. Свидетельством этого являются обнаруженные там трупоположение с конем в Усть-Теси и погребение с костями ноги лошади у с. Кривинского [Киселев С. В., 1929, с. 146, 149, табл. V, *4—7*, *11—13*, *72*, *15*, *16*, *66*; Евтюхова Л. А., 1948, с. 60—61, рис. 108—111]. Захоронения здесь располагались под каменными кольцами диаметром 4,5—4,75 м при ширине кладки 0,5—1 м и высоте 0,5 м. Они были совершены в широких прямоугольных или квадратных ямах размером 2,0×1,4 и 2,0×2,0 м, глубиной 1,7 и 1,3 м, заполненных землей. Погребенный в Усть-Теси лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад—юго-запад. Справа от него, на том же уровне и с той же ориентировкой, на животе, с подогнутыми ногами был положен конь, обращенный головой к покойнику. В изголовье погребенного стоял глиняный вазовидный сосуд с елочным орнаментом, а в области пояса лежала железная пряжка. Между конем и человеком были положены куски мяса от трех баранов. Конь был оседлан и взнуздан. Между тазом коня и южной стенкой ямы была положена задняя нога барана, а под голову и шею — кости передней ноги коровы. По обилию жертвенной пищи это погребение выделяется среди прочих тюркских погребений с конем.

Погребение, открытое у с. Кривинского, своеобразно. В нем находился скелет мужчины, лежавший на левом боку со слегка подогнутыми ногами, головой на север. В изголовье его стояла глиняная ваза, а около нее лежали кости передней ноги барана и стремя. Выше, в яме на глубине 0,75 м, находились кости передней ноги лошади. Погребения Минусинской котловины совершены под кольцевидными надмогильными сооружениями. Очевидно, они принадлежат особой этнической группе тюрок. Захоронения под кольцевидными выкладками представлены также в Туве и на Тянь-Шане.

В VII—VIII вв. политический центр Тюркского каганата находился в Монголии, а Алтай и Тува составляли его окраинные области. Тем не менее в этих областях проживало большое число тюрок-тугю, на что указывает многочисленность оставленных ими каменных поминальных оградок, датированных по реалиям стоящих около них каменных изваяний VII—VIII вв. Расселившиеся на обширном пространстве тюрки-тугю и теле сохраняли свои основные этнографические особенности. Наибольшую близость между собой демонстрируют погребения с конем VII—VIII вв. Саяно-Алтая и Монголии, что в значительной мере обусловливалось включением этих территорий в состав II Тюркского каганата и расселением здесь основной массы тюрок-тугю.

Памятники тюрок этого периода представлены каменными курганами и оградками. Погребения совершены под насыпями из камней или камней и земли диаметром 4—12 м и высотой до 1,5 м. Обычный диаметр насыпей — около 6—8 м и высота — 0,4—0,7 м. В отдельных случаях в Туве надмогильное сооружение первоначально имело вид кольцевидной ограды из камней высотой до 1 м [Трифонов Ю. И., 1975а, с. 236—237].

Погребения одиночные, покойники лежат на спине, в вытянутом положении, головой на север, северо-восток, реже — на восток [Трифонов Ю. И., 1971], с сезонными отклонениями, с обратной ориентировкой положенных в могилы коней. Широко представленное в Кудыргэ, могильнике конца VI—VII вв., положение погребенных головой на юг в памятниках VII—VIII вв. и последующего времени как массовое явление отсутствует. Могильные ямы прямоугольной или овальной формы, размером от 2,0×1,0 до 3,5×4,3 м и глубиной 0,3—2,5 м, по своей величине рассчитаны на захоронение человека и коня, а иногда превосходят необходимые для этого размеры.

Погребенные (мужчины и женщины) лежат обычно в сопровождении одного, реже — двух коней, а в богатых мужских погребениях на Алтае иногда помещалось по три коня (Курай IV, курганы 1, 3). В детские погребения в отдельных случаях укладывали вместо коней баранов (см. рис. 17, *2*) [Грач А. Д., 1960а, с. 31—33].

Лошади в могилах обыкновенно лежат на боку или на животе, с подогнутыми ногами, слева от человека, на одном уровне с ним или на ступеньке, а в единичных случаях — ниже уровня погребения человека. В одном погребении могильника Курай III поперек крупа коня была положена большая собака [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941 г. с. 97].

Как правило, лошадь отделена от человека выкладкой из камней, вертикально поставленных плит, заборчиком из кольев или вертикально врытых плах. Устройство перегородок между человеком и конем особенно типично для погребений Алтая. но часто встречается также в Туве, Киргизии и Казахстане [Винник Д. Ф., 1963, рис. 15; Зяблин Л. П., 1959, с. 146]. Для Тувы характерно захоронение коня на приступке. При этом кони уложены обычно головой в сторону, противоположную ориентировке головы человека.

В тех случаях, когда с погребенным захоронены два или три коня, полный комплект конского снаряжения (узда и седло со стременами) находится на одной лошади. Вторая и третья лошади заводные, и при них обычно имеются только удила с псалиями и редко — деревянные части седла и подпружные пряжки, указывающие в последнем случае на бывшее на лошади упрощенное седло вьючного типа без стремян [Вайнштейн С. И., 1966а, с. 297].

В могилах конские захоронения сверху обычно завалены камнями, в отдельных случаях перекрыты вдоль плахами, концы которых держались на специальных заплечиках (Курай IV, курган 1). Костяки людей в могилах иногда под продольным перекрытием из плах на доске (рис. 18, *3*). В богатых погребениях они помещены в долбленые колодцы, перекрытые досками. Один раз захоронение было произведено в гробу, сложенном из четырех тальниковых досок, ничем между собой не скрепленных. Дном его служила широкая доска, а крышкой — две продольные доски [Вайнштейн С. И., 1966а, с. 297—298].

К VIII—IX вв. относится открытое в Туве (могильник Саглы-Бажи, курган 22) оригинальное для древнетюркского времени погребение с головой и конечностями коня. Погребение человека было ориентировано головой на север, а шкура коня лежала в восточной части ямы вдоль костяка человека головой на юг [Грач А. Д., 1968а, с. 106—107]. Подобный обряд позднее, в IX—X вв., представлен у кимаков Прииртышья и затем у кочевников степей Восточной Европы.

Наряду с обычными тюркскими захоронениями с конем в Туве открыты отдельные погребения-кенотафы без коня [Грач А. Д., 1960а, с. 40—48]. Они располагались под каменными курганами диаметром 6—7 м и высотой 0,6—1,15 м (рис. 18, *12*, *13*). Под насыпями в неглубоких ямках, перекрытых на уровне горизонта жердями, лежали кости барана, остатки погребальной пищи и инвентарь: железные наконечники стрел, костяные накладки лука, детали колчана, нож, удила, стремена — предметы, типичные для обычных погребений, а также встречаемые реже — модель пальштабовидного тесла, обломки железного котла.

Ритуальный характер имели также округлые каменные выкладки, напоминающие курганы (рис. 18, *14*, *15*) диаметром 4—6,5 м и высотой 0,4—0,55 м, исследованные в Туве [Грач А. Д., 1960а, с. 48—50]. Под такими выкладками на уровне древнего горизонта в небольшом углублении почвы или среди камней выкладки находились отдельные глиняные сосуды, костяная подвеска [Грач А. Д., 1960а, рис. 52], кости барана.

С погребальным культом тюрок-тугю VI—VIII вв. связаны квадратные, реже — прямоугольные каменные оградки (рис. 17, *6*, *7*, *9 — 12*, *14*), распространившиеся, как уже говорилось, по всей территории их расселения. Они открыты в большом числе на Алтае и в Туве [Кызласов Л. Р., 1969, с. 23], в Монголии, северо-западном Синьцзяне, Киргизии, Восточном и Центральном Казахстане [Киселев С. В., 1951, с. 545—546; Кызласов Л, Р., 1969, с. 23—23, 182, прим. 55, 56].

Оградки сооружались из каменных плит, установленных на ребро, в неглубоких канавках. Размеры

оградок варьируются от 0,8×0,8 до 5×5 м. В единичных случаях размеры оградок достигают 9,55×8,5 м, но наиболее часто величина их 2×2 или 3×3 м при высоте плит 0,1—0,3 м до 0,5 м. Внутри квадрата или прямоугольника из плит находится плоская насыпь из мелких обломков скальных пород, плитняка, иногда гальки и речных валунов. Для укрепления стенок оградок плиты с наружных сторон часто присыпаны камнями и землей. Как правило, оградки ориентированы сторонами, реже — углами по странам света (в Туве соотношение первых и вторых 81 и 19%) [Кызласов Л. Р., 1969, с. 26]. Оградки располагаются одиночно или рядами по линии север—юг или северо-восток — юго-запад на синхронных могильниках (Кудыргэ, Яконур, Кокэль) или отдельными группами, не связанными с одновременными курганами и выкладками (Кызыл-Джар). Как указано выше, с восточной стороны оградок иногда стоят скульптурные фигуры людей или ряды каменных столбиков-балбалов. Как свидетельствуют летописи, количество поставленных каменных балбалов соответствует числу врагов, убитых умершими при жизни [Бичурин Н. Я., 1950, с. 230]. Учитывая наличие или отсутствие этих дополнительных сооружений, а также их разновидности, Л. Р. Кызласов выделяет пять видов оградок [Кызласов Л. Р., 1969, с. 26]: 1) оградки без всяких дополнительных устройств; 2) оградки, у которых с восточной стороны вертикально стоит простая плита или валун («главная плита»); 3) оградки, главная плита которых оформлена в виде схематичной фигуры человека или на восточной ее грани выбито примитивное лицо человека; 4) оградки, с восточной стороны которых установлены целые фигуры людей; 5) оградки, у которых вместе стоят «главная плита» и фигура человека. Количественно преобладают оградки без фигур человека [Кызласов Л. Р., 1969, с. 26]. Каменные изваяния людей устанавливались, как и «главные плиты» без обработки, с восточной стороны оградок, лицом на восток или на юго-восток (в случае ориентации оградки углами по странам света). На Алтае и в Туве эти фигуры всегда изображают мужчин. Помимо каменного изваяния, у оградок с восточной стороны ставили ряды каменных столбиков-балбалов высотой 0,1—0,7 м. В Туве у 56 оградок, кроме каменных изваяний, стояли балбалы числом от 3 до 157, которые отходили от оградки на восток с интервалами 0,5—1,2—4—5 м на расстояние от 3 до 350 м [Кызласов Л. Р., 1969, с. 26].

Часто оградки сопровождаются одним или двумя балбалами или они отсутствуют совсем (Кудыргэ). В редких случаях изваяния или балбалы стоят у западной или северной стенки оградки. Такое их расположение отмечено в отдельных случаях на Алтае (могильник в урочищэ Корки-Чу на Чуйском тракте) и в Киргизии, в Иссык-Кульской котловине [Винник Д. Ф., 1975, с. 170].

По вопросу о назначении оградок существуют две основные точки зрения. Одни исследователи [Руденко С. И., 1930, с. 139; Евтюхова Л. А., 1941, с. 132; Вайнштейн С. И., 1966б. с. 61; Кызласов Л. Р., 1969, с. 30; Грач А. Д., 1968б, с. 207; Шер Я. А., 1966, с. 20] рассматривают их как поминальные памятники, аналогичные по назначению храмам, строившимся при погребениях каганов и других представителей тюркской знати; другие [Грязнов М. П., 1940, с. 20; Потапов Л. П., 1953, с. 18; Гумилев Л. Н., 1967, с. 260, прим. 9] считают оградки местами погребения тюрок-тугю по обряду трупосожжения. Раскопки оградок опровергают вторую точку зрения. Сейчас раскопано уже свыше 100 оградок: около 60 — на Алтае, свыше 40 — в Туве и небольшое число — в Казахстане и Средней Азии. При этом кости человека в оградках не обнаружены, кроме одной оградки — Арагол (Мешейлык) на Алтае. Однако, по мнению А. А. Гавриловой [1965, с. 99], кости человека в этой оградке могут относиться к разрушенному таштыкскому погребению. Обычно же под камнями оградок находится чистый материк. Иногда в материке прослеживается неглубокое углубление, в котором сохраняется основание деревянного столба или лежат камни, угли и зола, представляющие остатки жертвенного алтаря. В подавляющем большинстве оградок среди камней обнаружены раздробленные кости животных (барана и лошади), являющиеся следами тризны, и изредка попадают бывшие в употреблении предметы обихода — железные ножи, удила, наконечники стрел, тесла и пр. Все эти предметы, а также аксессуары стоящих около оградок каменных скульптур датируют оградки VI—VIII вв. В последующий период оградки как культовые сооружения не строились, а часть старых оградок в IX—X и XI—XII вв. была использована для совершения погребений [Кызласов Л. Р., 1969, с. 32; Уманский А. П., 1964, с. 36].

Иную конструкцию имели поминальные сооружения тюркской знати, которые исследованы в Монголии и Туве. Вместо оградки сооружался храм, в котором помещалась статуя умершего и жертвенник. Конструктивно поминальники знати имеют отличия [Кызласов Л. Р., 1969, с. 33—35] (рис. 17, *2*, *8*), обусловленные, очевидно, степенью знатности и родовой принадлежностью покойника. В Семиречье, которое было центром Западно-Тюркского, а затем Тюргешского каганатов, местным каганам, вероятно, устраивались сооружения, подобные храмам тюркских каганов на Орхоне [Радлов В. В., Мелиоранский П. М., 1897; Yisl L., 1960]. Об этом свидетельствует находка в Чуйской долине каменного изображения черепахи с пазом и гнездом на спине для шипа от стелы с эпитафией [Шер Я. А., 1966, с. 71], подобного черепахам, обнаруженным в памятниках в честь тюркской знати в Монголии [Радлов В. В., Мелиоранский П. М., 1897, с. 4; Yisl L., 1960]. В Туве, в Сырыг-Булуне, раскопан поминальный храм в форме восьмигранной юрты [Кызласов Л. Р., 1969, с. 33—35] и открыты святилища другого устройства (рис. 17, *8*). Для поминальных сооружений знати характерна тщательно сделанная круглая скульптура, изображавшая погребенного, а также попарное изображение мужской и женской фигур. Парные мужская и женская скульптуры открыты на памятнике Кюль-тегина в Монголии, у поминальников знати в Сарыг-Булуне и Кызыл-Мажалыке в Туве [Кызласов Л. Р., 1969, рис. 5, 6]. К востоку от поминальников знати также идут ряды каменных столбиков-балбалов. У сооружения в Суглуг-Шоль (рис. 17, *8*) отмечено 12 бал-

балов, в Ак-Тале — 66 балбалов на протяжении 400 м. У храмов Бильге-кагану и Кюль-тегину вереницы камней тянулись на расстояние около 3 км и более [Радлов В. В., Мелиоранский П. М., 1897, с. 11—12].

Инвентарь погребений второй половины VI—VII в. составляют в основном оружие и конское снаряжение, в меньшей мере остатки одежды, украшения и орудия труда. Последние представлены железными ножами, теслами, оселками, костяными орудиями для развязывания узлов, приборами (деревянными досками) для добывания огня. Железные ножи — с прямой спинкой и двумя уступами при переходе от лезвия к черешку (рис. 19, *6*). На черешках имеются следы от деревянных рукояток. Ножи находились в мужских и женских могилах, обычно несколько ниже области пояса, у бедра, с левой или правой стороны. В Кудыргэ два железных ножа были найдены в кенотафе с захоронением коня и жеребенка. Один из ножей имел железную кольчатую рукоятку с продетым в нее вторым кольцом для подвешивания к поясу [Гаврилова А. А., 1965, табл. XXIV, 10]. Иногда ножам сопутствуют оселки (рис. 19, *5*), которые делали с отверстием для подвешивания к поясу или без него. К поясам подвешивали сумочки с мелкими предметами, украшенные металлическими бляшками и застегивавшиеся на костыльки (рис. 19, *31*). Для обработки дерева служили железные тесла с несомкнутой втулкой для деревянной рукояти (рис. 19, *57*). Огонь добывали с помощью деревянного прибора, состоящего из лучкового сверла и дощечки с высверленными лунками, к которым подходили желобки, предназначенные, вероятно, для подсыпания горючего вещества [Гаврилова А. А., 1965, табл. XII, *6*; Вайнштейн С. И., 1966а, рис. 38, табл. VII, *11*]. Эти приборы напоминают аналогичные предметы хунну. Для развязывания узлов служили заостренные с одного конца костяные стержни, украшенные орнаментом [Гаврилова А. А., 1965, рис. 6, *3*].

Предметы вооружения представлены мечом, кинжалами, железными и (редко) костяными наконечниками стрел, остатками луков и колчанов, пластинчатых и кольчужных доспехов.

Меч двулезвийный, с крестовидным перекрестием и заклепками на рукояти (рис. 19, *1*), обнаружен только в одном из погребений Кудыргэ (курган 9), слева от ног погребенного. Очевидно, он подвешивался к поясу на ремнях с двумя бронзовыми пряжками (рис. 19, *48*). В этом же погребении находилось два железных кинжала. Один из них лежал острием к острию меча, а второй — у пояса. Первый кинжал — прямоугольный в сечении, с острым концом и заклепками на рукояти, второй — обоюдоострый клинок с закругленным концом [Гаврилова А. А., 1965, табл. XVII, *1, 11*]. Единичность находок меча и кинжалов указывает или на редкость и большую ценность этого вида оружия у тюрок VI—VII вв., или скорее на запрет класть его в могилы, поскольку на каменных скульптурах часто изображены меч или сабля.

Наиболее распространенным оружием были лук и стрелы. Луки сложные, снабжены концевыми и срединными костяными накладками. Длина сохранившихся луков около 1,1 м. По конструкции выделяются луки трех типов. Для первого характерны луки с сильно изогнутыми длинными концевыми накладками (рис. 19, *3*), так называемого кудыргинского типа. Эти луки имели две концевые накладки с одного конца и три срединные, две широкие и одну узкую. По наблюдению А. А. Гавриловой, луки с сильно изогнутыми концевыми накладками представлены в подбойных погребениях первой половины I тысячелетия н. э. на Тянь-Шане [Кибиров А. К., 1959, рис. 19, *5*; 26, 28] и в памятниках аварского времени в Венгрии [Sebestyén K. G., 1930, рис. 2—5; Гаврилова А. А., 1965, с. 31]. Второй тип представлен луками со слабо изогнутыми длинными концевыми накладками, приближающимися по типу к накладкам луков хунну (рис. 19, *2*) и отличающимися от последних изборожденной нижней поверхностью накладок. Такие луки имели семь накладок, по две на концах и три в середине [Кызласов Л. Р., 1969, рис. 21, *1—8*]. Эти луки употреблялись уйгурами и генетически непосредственно связаны с луками хунну. Третий тип — луки с двумя массивными срединными накладками (третья, возможно, не сохранилась) трапециевидной формы (рис. 20, *26*) [Кибиров А. К., 1957, рис. 5]. Концевые накладки отсутствуют. Луки этого типа появились в VI—VII вв. и получили широкое распространение в среде тюрок в VII—VIII и VIII—IX вв., вытеснив из обихода луки кудыргинского типа. Параллельно в VIII—IX вв. уйгуры продолжали пользоваться луками второго типа. В IX—X вв. распространяются луки сросткинского типа, отличавшиеся меньшими размерами накладок и объединившие конструктивные особенности луков второго и третьего типов. Существование нескольких типов луков в VI—VII и VIII—IX вв. отражает традиции их изготовления у различных этнических групп, входивших в состав объединений тюрок.

Основным типом наконечников стрел VI—VIII вв. являются железные трехлопастные черешковые с треугольными и трапециевидными широкими лопастями (рис. 19, *7, 8, 10*). Иногда в лопастях имеются круглые отверстия. Встреченные в Кудыргэ железный трехгранный (рис. 19, *9*) и деревянные (рис. 19, *11*) наконечники стрел для памятников этого времени нетипичны. Часть стрел снабжена шаровидными костяными свистунками с просверленными в них круглыми отверстиями (рис. 19, *10*; 20, *8*) [Гаврилова А. А., 1965, табл. XI, *8*]. Стрелы хранились наконечниками вверх в берестяных колчанах со срезанными верхами (рис. 19, *4*). Для прочности нижнюю и верхнюю части колчана оклеивали берестяными кольцами, а сверху, вероятно, обшивали тканью и украшали бронзовыми бляшками (рис. 19, *13, 46*). Дном и крышкой колчана служили овальные деревянные дощечки. Колчан из могильника Кудыргэ был несколько расширен внизу (рис. 19, *4*), а в Кокэле колчаны внизу были немного заужены [Вайнштейн С. И., 1966а, рис. 12], что отражает этническое своеобразие материальной культуры различных групп. Для подвешивания колчанов служили крюки или пряжки (рис. 19, *12*). В могилах колчаны лежали справа от погребенного, были приторочены к седлу или уложены на плахи, перекрывавшие погребенного.

Защитные металлические доспехи очень слабо представлены в памятниках тюрок VI—VII вв. Изображения их отсутствуют также на каменных скульптурах тюрок VII—VIII вв. В какой-то мере, вероятно, пользовались панцирями, пластины от которых обнаружены в оградках (рис. 17, *21*). Воин в пластинчатом доспехе и шлеме изображен на Кудыргинском валуне (рис. 21, *2*) [Гаврилова А. А., 1965, табл. VI, *2*]. Кольчуги также почти не известны в памятниках того времени. Найден только один обрывок кольчуги в Кудыргэ (курган 22) [Гаврилова А. А., 1965, табл. XXIV, *1*], где он был привязан к подножке стремени, очевидно, для того, чтобы не скользила нога. Возможно, защитные доспехи не клали в могилы из-за их большой ценности или культовых запретов. На использование их в войске тюрок указывают летописи, рисующие воинов тугю одетыми в кольчуги и шлемы [Liu Mau-Tsai, 1958, s. 130].

Конское снаряжение вместе с лошадьми находят в мужских и женских погребениях. Сбруя состояла из удил, блях для украшения ремней, стремян, подпружных пряжек, костяных обкладок седельных лук, кантов, застежек от пут, блоков от аркана (рис. 19, *19*) и др.

Удила VI—VII вв. железные, двусоставные, однокольчатые (рис. 19, *14*, *16*, *17*; 20, *14*) распространены на Саяно-Алтае с пазырыкского времени. Они рассчитаны на помещение в кольца двудырчатых псалий, которые имели по два больших отверстия для продергивания концов ремней оголовья (рис. 19, *16*, *17*). Псалии — костяные и железные, прямые, слегка изогнутые в форме рога или с отогнутым в сторону концом (рис. 19, *16*, *17*). Железные псалии иногда снабжены лопатковидным расширением (рис. 19, *16*) с одного конца. Такие псалии продолжали использовать и в VII—VIII вв., но в это время в отличие от VI—VII вв. они были снабжены железной скобой (рис. 19, *69*, *70*) [Вайнштейн С. И., 1966а, табл. IV, *3*, *4*].

В Кудыргэ сохранились изображения узды на седельной накладке и на валуне (рис. 21, *2*, *11*, *13*). Виден ремень переносья и оголовья, и нет налобного ремня. На рисунке валуна показан повод. В качестве блоков на чумбуре могли использоваться маленькие роговые пряжечки без язычка (рис. 19, *18*; 20, *16*). Узду шили из сложенных вдвое ремней, скрепленных бронзовыми круглыми, розетковидными и геральдическими бляшками, украшавшими ремни переносья и оголовья (рис. 19, *20*, *21*, *29*, *32*, *34*, *35*, *38—43*, *49*; 20, *20*, *22*, *23*).

Таким образом, реконструируемая по данным могильника Кудыргэ узда имела однокольчатые удила, двудырчатые псалии и повод с блоком.

Седла VI—VII вв. имели деревянную основу с овальными в нижней части полками и округлыми передней и задней луками [Вайнштейн С. И., 1966а, табл. X, *5*, XI, *5*; 1966б, с. 68, рис. 7]. Иногда луки седел украшены костяными накладками с гравированным орнаментом [Гаврилова А. А., 1965, табл. XVI, *1*]. А. А. Гаврилова на материале могильника Кудыргэ выделяет два типа седел этого времени: мужское с луками высокой крыловидной формы и женское — с более низкими округлыми луками [Гаврилова А. А., 1965, с. 33]. Образцом искусства, заслуживающим специального анализа, являются накладки мужского седла из Кудыргэ (курган 9) с изображением сцен охоты, вырезанных на кости ножом или резцом и заполненных черной инкрустацией [Гаврилова А. А., 1965, табл. XVI, *1*]. Центр композиции занимают фигуры двух тигров (рис. 21, *14*), идущих навстречу друг другу. На крыльях изображены всадники, стреляющие на скаку из луков (рис. 21, *11*, *13*) в бегущих перед ними зверей: один — в медведя и двух маралов — самца и самку, другой — в кулана и бросившегося в сторону горного барана (рис. 21, *8*). Все звери изображены в летучем галопе, а раненая косуля показана с вывернутым тазом (рис. 21, *3*), что отражает традиции искусства кочевников Алтая с пазырыкского времени. К анализу сюжета на накладках кудыргинского седла неоднократно обращались различные исследователи. С. И. Руденко и А. Н. Глухов отметили местные и привнесенные извне элементы в рисунке, указав, что статичные изображения тигров, животных не местной фауны, взяты художником с чуждых образцов [Руденко С. И., Глухов А. Н., 1927, с. 49]. С. В. Киселев трактовал изображения тигров как сасанидские образцы, переработанные местным художником [Киселев С. В., 1951, с. 498]. Л. П. Потапов рассматривал эти рисунки как иллюстрацию охоты кудыргинцев [Потапов Л. П., 1953, с. 88], а М. П. Грязнов — как эпический сюжет о героической охоте [Грязнов М. П., 1956, с. 143; 1961, с. 17—18]. Нередко украшались костяными орнаментированными накладками и луки седел рядовых воинов [Гаврилова А. А., 1965, табл. XXI, *7*].

Обычно от седел сохраняются подпружные пряжки и стремена. Часто седла имели по две подпруги, что необходимо для езды в горах. Вследствие этого в погребениях находится по две подпружные пряжки — обычно две роговые или одна роговая, а другая — железная, или обе железные, или по одной роговой или железной, когда у седла одна подпруга. Все роговые пряжки — с округлой головкой, с костяным или, реже, железным язычком (рис. 19, *25*, *26*; 20 *11*). Иногда пряжки и язычки орнаментированы резными линиями [Гаврилова А. А., 1965, табл. XXII, *8*]. Железные пряжки — рамчатые, прямоугольной или округлой формы (рис. 19, *27*; 20, *21*).

Стремена VI—VII вв. имеют округлый контур, относительно узкую подножку, усиленную снизу для прочности ребром. Параллельно существовали два типа стремян: восьмеркообразные с высоким петлеобразным ушком для путлища (рис. 19, *22*) и округлые с ушком, пробитым в специальной прямоугольной или трапециевидной пластине (рис. 19, *23*, *24*; 20, *17*). Пластина непосредственно смыкается с дужкой стремени или отделена от нее шейкой (рис. 19, *23*, *24*). Для закрепления ремней путлища служили специальные железные и медные обоймы (рис. 19, *30*), размер которых указывает, что ширина ремня путлища была около 2 см [Гаврилова А. А., 1965, с. 34]. Седла имели прямоугольные кожаные чепраки, изображенные на конях в сценах на валуне и костяных накладках (рис. 21, *2*, *11*, *13*). Чепрак и седельные ремни, как и узда, иногда украшались бронзовыми бляшками и подвесками (рис. 19,

33, 38, 39, 41, 42, 50) [Гаврилова А. А., 1965, табл. XX, 13—26].

В погребениях с конями нередко находят костяные застежки от пут (рис. 91, *15*), которые служили, видимо, и уздечными застежками, поскольку иногда их находят у головы коня [Руденко С. И., Глухов А. Н., 1927, с. 46].

Керамика в погребениях тюрок VI—VII вв. и последующего времени встречается редко. Известны только два глиняных горшка, обнаруженных в одном из кудыргинских курганов-кенотафов [Гаврилова А. А., 1965, с. 27]. Оба сосуда баночной формы, со слегка отогнутым венчиком, дно у одного плоское, у другого — на небольшом поддоне. Они вылеплены из глины с большой примесью дресвы, грубые, вдоль венчика имеют ряд ногтевых вдавлений (рис. 19, *58—59*).

В погребении с конем в Самарканде встречен сосуд кувшиновидной формы, изготовленный, по-видимому, местным согдийским мастером (рис. 20, *24*).

В быту кочевников широко употреблялась деревянная, берестяная, кожаная и металлическая посуда, в виде исключения попадающаяся и в могилах [Гаврилова А. А., 1965, с. 36, 37, табл. XXI, *3*; Вайнштейн С. И., 1966а, табл. VI, *15*; VII, *14*].

Многие различные бытовые предметы, положенные в могилы кочевников VI—VII вв., как и посуда, изготовлялись из недолговечных материалов: бересты, кожи, дерева, поэтому в подавляющем большинстве случаев они до нас не доходят. Можно назвать всего несколько вещей, характеризующих быт тюрок. Это костяные игольники-трубочки, покрытые орнаментом, железная копоушка (рис. 19, *52*), односторонний деревянный гребень с круглой высокой спинкой [Гаврилова А. А., 1965, табл. X, *4*; табл. XVIII, *6*; Вайнштейн С. И., 1966а, табл. VI, *4*].

Древние тюрки носили одежду, застегивающуюся на левую сторону. Наиболее полное представление об ее покрое дают рисунки на валуне и костяной накладке седла из Кудыргэ (рис. 21, *2, 11, 13*), детали отдельных каменных изваяний (рис. 22, *1, 2, 4*), а также изображения тюрок в живописи Афрасиаба. На валуне женщина и ребенок изображены в длинных узорчатых одеждах типа халата (рис. 21, *2*). На головах сидящей и коленопреклоненной женщин — трехрогие тиары. В ушах женщины и мальчика — серьги с каплевидными подвесками (рис. 21, *2*). Судя по изображениям, алтайские тюрки VI—VII вв. носили рубахи, шаровары, мягкие кожаные сапоги. Остатки длинных шелковых узорчатых одежд сохранились в погребениях мужчин и женщин (Кудыргэ, курганы 4, 9, 10, 11) [Гаврилова А. А., 1965, с. 38]. В длинные узорчатые халаты одеты фигуры знатных тюрок на росписях Афрасиаба (рис. 23, *1, 8*).

Застежками одежды служили ажурные медные бляшки, покрытые растительным орнаментом и снабженные бронзовыми петельками [Гаврилова А. А., 1965, табл. XIX, *4, 5*] (рис. 19, *47*), Т-образные бляшки (рис. 19, *51*), пряжки со шпеньками, псевдопряжки (рис. 19, *28, 45, 47*) [Гаврилова А. А., 1965, табл. XIX, *4, 6*]. Обувными застежками были маленькие бронзовые и серебряные пряжки (рис. 19, *36, 37*), найденные в области ног преимущественно в женских погребениях [Гаврилова А. А., 1965, табл. X, *6*; XVIII, *4, 5*].

Остатки поясов, как правило, находятся в мужских погребениях. Пряжки поясов железные и бронзовые (рис. 23, *6, 7*). В некоторых могилах находились по две поясные пряжки, что, по мнению А. А. Гавриловой [1965, с. 39], указывает на ношение двух поясов — одного для колчана, другого для меча, подобно двум поясам у знати аварских племен Подунавья [Laszlo Gy, 1955, рис. 47, 60, 80]. Для украшения поясов использовали бронзовые и серебряные бляхи и наконечники с орнаментом (рис. 19, *44*; 20, *18, 25;* 23, *5—7*). Один пояс из Кудыргэ застегивался крючком с зооморфной головкой (рис. 22, *8*).

Украшения представлены серьгами, колтами, перстнями, бусами. Серьги двух типов: 1) серебряные и бронзовые литые, с полой каплевидной подвеской и маленьким несомкнутым колечком для подвешивания (рис. 19, *53, 55*); 2) медные, с каплевидной или округлой сплошной подвеской и маленьким колечком для подвешивания (рис. 19, *54*). Подобные серьги изображены на каменных изваяниях Алтая, Тувы (рис. 22, *10, 11*) и Монголии [Евтюхова Л. А., 1952, рис. 3, *2*; 18; 46, *2*; 62, *2, 3, 7, 8*], на росписях Пенджикента [Живопись..., 1954, табл. XXXVII; Скульптура и живопись..., 1959, табл. VI] и Афрасиаба (рис. 22, *2*) [Альбаум Л. И., 1975, табл. VI, XI, XIII; рис. 5, *13*], изображающих тюрок и согдийцев.

Колты обнаружены только в одном погребении Кудыргэ (курган 4). Они изготовлены из медной пластинки, обложенной листовым золотом, створки ее скреплялись заполнявшей полость смолистой черной массой. Орнамент на них состоит из крупной зерни и оттиснутых по ней треугольников [Гаврилова А. А., 1965, табл. IX, *3, 4*]. Аналогии колтам имеются в памятниках VI—VII вв. более западных районов, в погребении в Уфе [Ахмеров Р. Б., 1951, рис. 36, *1—3*], на Кубани, где колты найдены вместе с вделанной в замок золотой монетой Юстиниана 527—565 гг. [Кондаков Н., 1896, рис. 106].

Бусы встречаются в тюркских погребениях редко и в малом количестве. Они главным образом стеклянные. В могильнике Кудыргэ обнаружены овальная желтоватая бусина, приплюснутая с боков, с гранями, незаметно переходящими одна в другую [Гаврилова А. А., 1965, табл. IX, *5*], черная матовая с белым пояском посредине, приплюснуто-шаровидная [Гаврилова А, А., 1965, табл. IX, *6*], желтовато-зеленоватая, обтянутая золотой фольгой, покрытой золотисто-желтым стеклом [Гаврилова А. А., 1965, табл. IX, *7*], из зеленоватого стекла с красными глазками и белым обрамлением и черными глазками с желтым обрамлением. Встречены также одна овальная янтарная бусина с неровными гранями, переходящими одна в другую [Гаврилова А. А., 1965, табл. XV, *1*), и две сердоликовые бусины — округлая приплюснутая и цилиндрическая [Гаврилова А. А., 1965, табл. IX, *8, 9*]. Стеклянные и янтарные бусины представляют, по-видимому, западный импорт.

Перстни — пластинчатые серебряные и медные (рис. 19, *56*) — обнаружены только в могильнике Кудыргэ в двух мужских и двух женских погребе-

ниях. Перстни носили на левой руке и на указательном пальце правой руки. Это редкий для тюрок вид украшения. В последующий период перстни представлены у карлуков (Бернштам А. Н., 1950, табл. XIV, *12*], в погребениях сросткинской культуры и у кимаков Прииртышья (рис. 20, *63*) [Арсланова Ф. Х., 1969, рис. 1. 7].

К предметам искусства тюркских племен Алтая и Тянь-Шаня VI—VII вв. относятся описанные выше накладки луки седла с выгравированной сценой охоты, рисунок на валуне (рис. 21), изображения в зверином стиле на наконечниках поясов и бляшках (рис. 19, *46*; 20, *18*, *25*, *26*; 12, *56*], украшавших колчаны и пояса [Гаврилова А. А., 1965, табл. XV, *5*, *12*; XVI, *6*; XVIII, *24*, *25*; XXIV, *12*].

Кудыргинский валун находился в заполнении детского погребения 16 на глубине 58 см, на 24 см выше черепа ребенка, лежавшего головой на запад. Высота валуна 40 см. На его широкой грани изображена личина. На другой широкой и узкой гранях выгравирована сцена коленопреклонения (рис. 21, *5*, *9*). Валун является миниатюрным каменным изваянием, лежавшим лицом вверх. Лицом этого изваяния служит мужская личина, помещенная в верхней части валуна. Верхушка валуна имитирует головной убор, край которого отмечен линией, проходящей над бровями (рис. 21, *9*). Под сросшимися бровями — глаза с косым разрезом, нос прямой, есть усы и клиновидная бородка. По мнению А. А. Гавриловой, сцена коленопреклонения не связана композиционно с мужской личиной, поскольку нанесена на других плоскостях валуна и на разных уровнях камня [Гаврилова А. А., 1965, с. 19]. Перед сидящими в богатых узорчатых одеждах женщиной и ребенком стоят на коленях три спешившихся всадника, два из которых держат лошадей за чумбур, лошадь третьего с опущенным поводом стоит в конце шеренги. На лошадях — седла с богато украшенными чепраками. Сидящие женщина и ребенок изображены в крупном плане, что как бы подчеркивает их величие по сравнению с коленопреклоненными маленькими фигурами. Рядом с ребенком — колчан и лук в футляре. Около человека, изображенного в маске,— лук в футляре и колчан другой формы. На средней коленопреклоненной фигуре изображен трехрогий головной убор, подобный убору на сидящей женщине. Возможно, что это тоже женщина. Третья коленопреклоненная фигура, вероятно, воин. На нем штрихами показан панцирь, а головной убор похож на мисюрку.

Сцена коленопреклонения получила различную интерпретацию у исследователей. С. В. Киселев считал, что в ней показано преклонение бедных перед богатыми [Киселев С. В., 1951, с. 499]. Л. Р. Кызласов трактует ее как шаманский обряд погребения ребенка [Кызласов Л. Р., 1949; 1964а, с. 37], А. Коллаутц отнес ее к погребальным атрибутам древнего шаманизма [Kollautz A., 1955], а Л. П. Потапов и А. А. Гаврилова видят в ней отражение подчинения одного племени другому [Потапов Л. П., 1953, с. 92; Гаврилова А. А., 1965, с. 19—21]. Приведенные А. А. Гавриловой аргументы и заключение ее, что в этой сцене отражены успехи тюрок-тугю вскоре после выхода их на историческую арену, выглядят, по нашему мнению, наиболее убедительно.

Материальная культура алтайских тюрок VII—VIII вв., а затем VIII—IX вв. продолжает развитие форм, известных в предшествующий период. Классификация этого материала была дана А. Г. Гавриловой [1965, с. 61 и сл.], которая выделила из него памятники катандинского типа VII—VIII вв. Недостатком этой классификации является то, что в ней материалы катандинского типа, синхронизируемые А. А. Гавриловой с эпохой II Тюркского каганата, на самом деле датируются временем вплоть до середины IX в., т. е. относятся не только ко II Тюркскому, но и Уйгурскому каганату. Уточнение хронологии тюркских памятников Саяно-Алтая и отделение комплексов VII—VIII от VIII—IX вв. было произведено Л. Р. Кызласовым [1969] и Д. Г. Савиновым [1973б]. Кроме того, вопросы хронологии тюркских древностей Тувы рассматриваются в работах С. И. Вайнштейна и А. Д. Грача [Вайнштейн С. И., 1966а, 1966б; Грач А. Д., 1960б, 1966, 1968а, 1968б].

Орудия труда в памятниках VII—VIII и VIII—IX вв. представлены железными ножами (рис. 19, *89*), втульчатыми топорами-теслами (рис. 19, *84*), оселками, долотами (рис. 19, *95*), шильями и пр. В целом они аналогичны орудиям предшествующего периода. В VII—VIII вв. продолжали пользоваться деревянными приборами для добывания огня (рис. 19, *68*), которые в VIII—IX вв. вытесняются железными кресалами.

К орудиям труда относятся также деревянная лопата, обнаруженная в могильнике Саглы-Бажи I [Грач А. Д., 1968а, рис. 50, *29*] и жернов ручной мельницы из насыпи одного из курганов могильника Курай VI (рис. 19, *97*).

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, остатками луков с костяными накладками и берестяных колчанов. Типология наконечников стрел этого периода не разработана. Как и в VI—VII вв., пользовались трехлопастными наконечниками с треугольными и трапециевидными лопастями, иногда на лопастях были круглые прорези (рис. 19, *62, 63*) и костяные свистунки с круглыми прорезями у основания черешка (рис. 19, *91*, *92*). В виде исключения встречаются плоские долотовидные железные черешковые (рис. 19, *64*) и втульчатые костяные наконечники [Вайнштейн С. И., 1966а, табл. VII, *4*; Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941, рис. 62]. В VIII—IX вв. встречаются, кроме того, трехлопастные наконечники стрел с округлым вырезом на лопастях (рис. 19, *90*) и полукруглыми прорезями, а также появляются костяные свистунки с овальными и прямоугольными прорезями (рис. 19, *91, 92*), характерными для IX—X вв. [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941, рис. 54].

Стрелы хранили в берестяных колчанах. Для Алтая типичны колчаны с расширением внизу, в которых стрелы лежали наконечниками вверх (рис. 19, *94*). Наряду с ними в памятниках тюрок Тувы представлены колчаны равномерной ширины и зауженные внизу [Вайнштейн С. И., 1966а, рис. 12], что, вероятно, характерно для колчанов тюрок Саянского нагорья. В таких колчанах стрелы лежали оперением вверх и концы их древков были окра-

шены в черный или красный цвет, чтобы воин мог безошибочно извлечь стрелу с нужным наконечником [Вайнштейн С. И., 1966а, с. 224]. Наиболее хорошо сохранившиеся колчаны из могильника Кокэль были длиной 65—67 см и шириной 17—19 см. Нижнюю и верхнюю их части для прочности оклеивали берестяными кольцами. Дно и крышка были сделаны из овальных деревянных дощечек. Сверху колчаны, по-видимому, обшивали тканью. В VIII—IX вв. повсеместно на Алтае [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941, рис. 50], в Туве [Вайнштейн С. И., 1954, табл. VII, *4*], в Минусинской котловине [Евтюхова Л. А., 1948, рис. 112] и в степях Казахстана [Арсланова Ф. X., 1963а, табл. II, *1*] появляются колчаны с так называемым карманом (рис. 19, *94*; 20, *31*). Для подвешивания колчанов служили железные крюки (рис. 19, *65, 93*).

Тюрки пользовались длинными сложными М-образными луками, усиленными костяными накладками. Луки VII—VIII вв. по традиции предшествующего времени употреблялись и со срединными и с концевыми накладками (рис. 19, *60, 61*). В VIII—IX вв. концевые накладки на части тюркских луков исчезают и сохраняются только срединные трапециевидные накладки (рис. 19, *98*; 20, *42*). Но в отдельных районах продолжали применять луки с концевыми накладками [Уйбат П.; Евтюхова Л. А., 1948, рис. 112].

В погребениях, как правило, отсутствуют характерные коленчатые ножи уйбатского типа [Евтюхова Л. А., 1948, рис. 30]. Однако наличие изображений таких ножей на каменной скульптуре (рис. 23, *3, 4*) [Евтюхова Л. А., 1952, рис. 12, 19; Грач А. Д., 1961, табл. 1, *5, 19*] позволяет предполагать их широкое распространение у тюрок Тувы и Минусинской котловины. На Алтае этих ножей нет ни в погребениях, ни на скульптуре. Примечательно также незначительное количество в могилах Саяно-Алтая сабель и мечей [Гаврилова А. А., 1965, с. 29], которые часто изображались на древнетюркских каменных изваяниях и в живописи с фигурами тюрок (рис. 23, *1, 2, 4, 9, 16, 17;* 22, *1, 3, 4, 6, 8—10*). Прямые палаши и мечи известны в комплексах этого времени с территории Казахстана (рис. 20, *29, 30*) [Семенов Л. Ф., 1930, с. 82; Арсланова Ф. X., 1963а, табл. II, *6*].

Предметы конского снаряжения, принадлежащие к наиболее частым находкам, демонстрируют развитие форм предшествующего периода. В наиболее ранних комплексах VII—VIII вв. представлены однокольчатые удила со стержневыми прямыми роговыми и железными псалиями с отогнутым концом (рис. 19, *69, 70*), напоминающие удила VI—VII вв. (рис. 19, *16, 17*). В отличие от последних для прикрепления ремней оголовья у них приделаны железные скобы, вставленные в отверстия псалий. В поздних комплексах VII—VIII вв. и особенно в VIII—IX вв. распространяются удила с S-овидными псалиями (рис. 19, *101*) и двукольчатые удила с разделенными кольцами — большого внутреннего для стержневого псалия и малого внешнего для кольца от ремня повода (рис. 19, *99*). Удила двукольчатые с S-овидными псалиями были особенно широко распространены в IX—X вв. В VIII—IX вв. появляются удила с кольчатыми псалиями, по терминологии А. А. Гавриловой, курайского типа [Гаврилова А. А., 1965, с. 80—81, рис. 15, *2, 3*], у которых для повода выкованы дополнительные кольца или 8-видные петли (рис. 19, *100*). В VIII—IX вв. удила этого типа распространяются по широкой территории и известны на Алтае, в Минусинской котловине [Левашова В. П., 1952, рис. 5, *44*], в Туве [Гаврилова А. А., 1965, рис. 15, *2*], в лесостепи Приобья, в Средней Азии (рис. 20, *43*). Они являются как бы исходной формой удил с кольцевыми псалиями позднесросткинского типа IX—X вв. (рис. 27, *21*), без дополнительных колец или петель для крепления повода.

В VII—VIII и в VIII—IX вв. продолжали использовать костяные пряжечки с неподвижным язычком для чумбура (рис. 19, *105*).

Стремена VII—VIII вв. близки кудыргинским — они 8-видные и с прямоугольной петлей на шейке (рис. 19, *71, 72*).

В VIII—IX вв. распространяются стремена с высокой лопатковидной пластиной для ушка, а петля у восьмерковидных стремян становится более низкой, приближающейся по форме к приплюснутой сверху петле стремян IX—X вв. (рис. 19, *72, 102*). Седельные луки иногда украшались орнаментированными костяными накладками и кантами (рис. 19, *80*).

Подпружные пряжки были костяные и железные. Роговые подпружные пряжки VII—VIII вв. близки кудыргинским, имеют округлую головку и отличаются массивностью (рис. 19, *73, 74*). В VII—VIII вв. появляются железные пряжки с язычком на вертлюге (рис. 19, *75*), которые продолжали широко использоваться в VIII—X вв.

В VIII—IX вв. распространяются подвесные и накладные сердцевидные бляхи [Савинов Д. Г., 1973б, табл. 1, *21—23*], тройники для перекрестия ремней (рис. 19, *111*), прямоугольные, сердцевидные и овальные декоративные бляшки с рельефным краем (рис. 19, *108, 110, 112*). Применялись также костяные застежки для пут и сбруи (рис. 19, *66, 67*), известные в памятниках VI—VII вв.

В конце VII—VIII вв. начинают употребляться пояса с бляхами-оправами для подвесных ремней (рис. 19, *77, 81, 83*; 22, *11—15, 18—21*). Прорезы в ремне окантовывались бляхами, которые для более прочного соединения с ремнем имели на оборотной стороне иногда пластины. Подвесные ремешки продергивались в отверстие в ремне и бляхе концом с узким наконечником и закреплялись от выпадания обоймой (рис. 23, *15, 21*). Пояс застегивался пряжкой, находящейся справа или слева (рис. 19, *114*; *22*). Помимо блях-оправ, пояса отделывались декоративными бляхами, среди которых для VIII—IX вв. характерны бляхи типа лунниц (рис. 19, *82*), подпрямоугольные, сердцевидные и овальные с фигурным краем (рис. 19, *108, 110, 112*). Верхний край блях-оправ имел прямоугольную или округлую форму (рис. 19, *77, 81, 83*). Как и в VI—VII вв., в VII—VIII вв. в поясных наборах преобладают гладкие (без орнамента) бляхи. В VIII—IX вв. широко распространяются пояса с бляхами, украшенными растительным узором (рис. 19, *113, 114*; 22, *21*), получившим максимальное развитие в IX—X вв. В VIII—IX вв. пояса украшаются также подвесными

лировидными бляхами с округлыми и сердцевидными прорезями (рис. 19, *115;* 22, *13, 15, 21, 23*). Поздние образцы этих блях продолжали использоваться до IX—X вв. [Кызласов Л. Р., 1969, табл. III, *32*).

В погребениях находятся обычно фрагменты поясов в виде отдельных бляшек и пряжек. Только в богатых могилах встречаются целые пояса, с полным набором блях, обоймочек и пряжкой. Пояса встречаются, как правило, в мужских погребениях и только редко — в женских. Пояс был непременной принадлежностью воина, знаком его воинской славы. Наконечник пояса из кургана 1 могильника Курай IV имел на обороте орхонскую надпись, гласящую: «Хозяина [господина] Ак-Кюна... кушак» [Киселев С. В., 1951, с. 536] (рис. 23, *21*). На подвесных ремешках к поясам подвешивались палаши, сабли, ножи, а также мешочки или маленькие сумочки с мелкими предметами — огнивом, оселком, оберегами (нередко в виде зубов человека) и пр. Изображение этих аксессуаров дано на каменных скульптурах, ставившихся в VII—VIII вв. около поминальных оградок. В VIII—IX вв. оградки перестали сооружать, статуи начали воздвигать отдельно (без оградок и балбалов). Изображение оружия на этих поздних одиноких изваяниях обычно отсутствует [Кызласов Л. Р., 1969, с. 82].

В женских и детских погребениях изредка встречаются грубые лепные плоскодонные горшки, украшенные ямками по шейке и резными линиями по тулову (рис. 19, *85*). Богатые мужские погребения VIII—IX вв. сопровождаются характерными серебряными высокими кубками с зауженными горлами, на поддонах и с небольшой круглой боковой ручкой (рис. 19, *118*). В быту использовалась деревянная посуда. Деревянные блюда и сосуды найдены при мужских захоронениях в Туве и Киргизии (рис. 20, *53*) [Вайнштейн С. И., 1966а, табл. I, *1, 6*; IV, *8*; V, *1*; Зяблин Л. П., 1959, рис. 3, *1*], где дерево хорошо сохраняется. Для приготовления пищи использовали железные котлы, изредка находимые в могилах (рис. 19, *119*).

Детали одежды представлены остатками шелковых, шерстяных тканей и войлока, а также кожи от обуви. Тюрки носили халаты и кафтаны, застегивающиеся на левую сторону. В Бобровском могильнике в Восточном Казахстане сохранились остатки короткополого кафтана с кожаными нагрудниками и длиннополого халата из импортной шелковой ткани [Арсланова Ф. Х., 1968, рис. 166].

Из украшений наиболее характерными являются серьги, находимые при погребенных обоего пола, и немногочисленные бусы. В VII—VIII вв. были распространены кольчатые серьги с полым шариком на шпеньке вверху и с раструбом на стержне внизу (рис. 19, *86, 87*), существовавшие до середины IX в. и имеющие аналогии в памятниках салтовской культуры [Плетнева С. А., 1967, рис. 36]. Серьги этого типа изображены на каменных изваяниях Тувы [Евтюхова Л. А., 1952, рис. 18; 62; с. 105, 106]. В VIII—IX вв. бытовал усложненный вариант кольчатых серег этого типа с подвеской из спаянных колечек и шариков (Черби, Джаргаланты) [Вайнштейн С. И., 1958, табл. IV, *134*; Евтюхова Л. А., 1957, рис. 4, *2*]. Тогда же были распространены серьги в виде простого несомкнутого кольца из золота, серебра и бронзы (рис. 19, *117*), которые продолжали использоваться в IX—X вв. К предметам туалета относятся костяные гребни, встречающиеся иногда в погребениях, а также китайские зеркала и их фрагменты, которые, как и шелк, тюрки получали в виде дани и торгового обмена [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941, рис. 34; Евтюхова Л. А., 1957, рис. 3; 4, *1*]. К предметам, полученным в результате торговли или военной добычи, относились и бусы, изготовленные из цветного стекла, сердолика, а также раковин каури [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941, рис. 29; 31; Евтюхова Л. А., 1957, рис. 4, 5—10].

Основу хозяйства тюрок составляло кочевое скотоводство. В небольших размерах существовало земледелие. В могильнике Кокэль обнаружены зерна проса [Вайнштейн С. И., 1966а, с. 302]. В Туве и на Алтае открыты каналы оросительных систем для орошения посевов в засушливых участках степи [Киселев С. В., 1951, с. 495, 496]. Помол зерна производился на ручных жерновах (рис. 19, *97*). Тюркитугю были известны как искусные металлурги. В Туве и на Алтае открыты остатки металлургических горнов для выплавки металла. В Туве также обнаружены дороги по перевозке руды от рудников до мест выплавки. Большое развитие получила металлургия в Центральном Казахстане [Маргулан А. Х., 1973, с. 33]. Высокого совершенства достигли производства по обработке продуктов животноводства — шкур, кож, шерсти, изготовление войлока и пр. Развитие производства и торговли вело к появлению денежного обращения.

Монеты в тюркских курганах VII—VIII и VIII—IX вв. встречаются редко. Монета с девизом Кай-Юань (713—741 гг.) встречена в кургане, датирующемся по инвентарю VIII—IX вв. [Грач А. Д., 1966, с. 96, рис. 22]. Этого же девиза монета найдена в кургане-кенотафе, наиболее вероятная дата которого около IX в. [Грач А. Д., 1960б, рис. 7, 8]. Семь танских монет находилось в погребении Джаргаланты в Монголии [Евтюхова Л. А., 1957, с. 212, рис. 8]. В этом же кургане найдена китайская лаковая чашечка. Малочисленность находок монет говорит, вероятно, о начальном этапе денежного обращения у тюрок в это время с использованием привозной иностранной монеты. Возникновением денежного обращения обусловлено, очевидно, появление на монетах тюркских рунических надписей, содержание которых связано с денежным номиналом данной монеты [Щербак А. М., 1960, с. 139—141]. В то же время часть монет использовалась не по прямому назначению, а в качестве амулетов владельца, на что указывают благожелательные рунические надписи на них [Кляшторный С. Г., 1973б, с. 334—338].

В наиболее развитом экономически Семиречье отдельные тюркские правители городов чеканили собственную монету с конца VII в. [Кызласов Л. Р., 1959а, с. 209—211; Бурнашева Р. З., 1973, с. 85, 86]. В период между 704 и 766 гг. чеканили монету каганы тюргешей [Бернштам А. Н., 1941б, с. 30]. Чеканка монет производилась в Таразе, Суябе, Отраре и других городах — резиденциях тюркских правителей.

Предметы изобразительного искусства тюрок VII—VIII и VIII—IX вв. носили прикладной характер. Для него характерен разнообразный растительный орнамент, особенно хорошо представленный на бронзовых и серебряных бляхах поясных наборов VIII—IX вв. (рис. 23).

С большим совершенством изготовлены древнетюркские каменные изваяния, изображающие воинов с подвешенным к поясу оружием и сосудами в руках (рис. 23; 22, *3, 4, 9—14*). Типологическому анализу и семантике их посвящена обширная литература [Веселовский Н. И., 1915; Евтюхова Л. А., 1941, 1952; Грач А. Д., 1961; Кызласов Л. Р., 1960д, 1964а, 1969; Шер Я. А., 1966]. Изображения VII—VIII вв. несколько схематичны. Скульптуры VIII—IX вв. более реалистичны. На них появились детали прически, одежды, головного убора [Кызласов Л. Р., 1969, рис. 26, 27], в руках часто изображены узкогорлые сосуды на поддонах, изображение оружия исчезает (рис. 23, *19*).

Высокое совершенство каменных скульптур позволяет предполагать, что у тюрок были специальные каменотесы-ваятели. Остатки мастерской по изготовлению каменных изваяний открыты на юге Казахстана [Акишев К. А., 1959а, с. 71].

В интерпретации семантики каменных изваяний среди исследователей нет единства. Одни авторы [Бартольд В. В., 1897; Веселовский Н. И., 1915; Грач А. Д., 1961, с. 77, 78] считают, что изваяние изображает наиболее могущественного врага, убитого при жизни знатным тюрком. Другие [Киселев С. В., 1951, с. 528; Евтюхова Л. А., 1952, с. 116; Кызласов Л. Р., 1960д, 1964а, 1969, с. 43; и др.] доказывают, что каменные скульптуры изображают самих умерших героев. Второе мнение лучше аргументировано и представляется более верным.

К предметам искусства тюрок, отчасти связанным с идеологией, относятся наскальные рисунки, обнаруженные в большом числе на Саяно-Алтае, Тянь-Шане, Памире и в Казахстане [Грач А. Д., 1957; 1958; 1973; Бернштам А. Н., 1952, с. 128; Ранов В. А., 1960; Максимова А. Г., 1958; Винник Д. Ф., Помаскина Г. А., 1975]. Пока они недостаточно изучены и в основном слабо датированы, поскольку находятся обычно совместно с изображениями других эпох, от которых не всегда могут быть хронологически надежно отделены. Петроглифы тюрок выбиты в точечной или контурной технике, а также сочетанием обоих названных приемов. Сюжеты в основном схематичны и однообразны. В большом числе представлены тамгообразные изображения козлов, аналогичные каганским тамгам на памятниках древнетюркской знати в Кошо-Цайдаме, в Монголии [Радлов В. В., Мелиоранский П. М., 1897; Радлов В. В., 1892—1899, табл. XIV, 3; Малов С. Е., 1959, рис. 1]. Наряду со схематичными фигурами иногда изображены динамичные реалистические сцены, рисующие вооруженных воинов, сцены борьбы животных и другие (Сулекская писаница) (рис. 21, *1, 4—6, 10, 12*).

Высшим достижением тюркской культуры периода II Тюркского каганата было изобретение письменности. Впервые древнетюркские надписи открыты на среднем Енисее в 20-х годах XVIII в. Д. Мессершмидтом и И. Страленбергом [Кононов А. Н., 1960, с. 207—209]. В 1889 г. Н. М. Ядринцев в Северной Монголии, в долине р. Орхон, обнаружил большие каменные стелы с надписями руническим письмом, воздвигнутые в эпоху II Тюркского каганата. Среди них наиболее известны надписи 732—735 гг. в честь Бильге-кагана и его брата Кюль-тегина, а также советника первых каганов II Тюркского каганата Тоньюкука (716 г.), повествующие о жизни и подвигах каганов и полководцев на фоне общей истории Тюркского каганата.

Образцом для древнетюркского 38-значного рунического алфавита послужила одна из разновидностей согдийского письма, как считает С. Г. Кляшторный (есть и другие гипотезы), та, которой написаны «старые согдийские письма» из Дуньхуана [Кляшторный С. Г., 1964, с. 47]. Древнейшим сохранившимся письменным памятником Тюркского каганата является надпись на согдийском языке из Бугута в Центральной Монголии, на стеле, водруженной на кургане с захоронением праха Махан-тегина, брата и соправителя одного из первых тюркских каганов Таспара (572—581). Эта надпись повествует о событиях первых 30 лет существования каганата [Кляшторный С. Г., Лившиц В. А., 1971, с. 121—146].

В процессе приспособления к тюркскому языку в согдийский алфавит были внесены существенные изменения: 1) курсивное написание отдельных букв заменено раздельным написанием; 2) под влиянием форм родовых тамг и идеографических символов тюрок и, возможно, под воздействием фактуры (камень, дерево, металл) закругленные начертания согдийских букв заменены геометризованными; 3) в соответствии с различиями фонетической символики тюркского и согдийского языков ряд знаков согдийского алфавита был опущен и были внесены новые знаки частью идеографического, частью буквенного характера.

Вопрос о времени и месте возникновения рунического письма пока не решен. До недавнего времени наиболее ранними считались енисейские и семиреченские (таласские) надписи, которые относили к VI—VII вв., а таласские — даже к V в. Сейчас исследованиями Л. Р. Кызласова доказано, что памятники письменности на Енисее не могут быть датированы временем ранее VII в. и большинство их относится к VIII—X и XI—XII вв., а таласские надписи — к IX—X вв. [Кызласов Л. Р., 1960 г., с. 96—103] и, таким образом, они не древнее классических центральноазиатских. Большинство енисейских надписей сделано позже первой трети или даже первой половины IX в. И. В. Кормушин выдвигает версию о центральноазиатском (монгольском) центре возникновения рунического письма в период, не столь отдаленный от начала VIII в. [Кормушин И. В., 1975, с. 45—47]. В подтверждение этого мнения говорит тот факт, что наиболее ранняя известная сейчас Чойрэнская надпись из Восточно-Гобийского аймака в Монголии относится к 688—691 гг. [Кляшторный С. Г., 1971, с. 249—258; 1973а, с. 262]. Вероятно, она возникла во второй половине VII в. и употреблялась до XII в. включительно.

Руническая письменность не локальное явление, она была распространена во всех районах обитания тюрок и пользовались ею достаточно широко. Рунические надписи представлены на специальных сте-

лах и надгробиях (надписи в честь Бильге-кагана, Тоньюкука, Кюль-тегина и др.) [Малов С. Е., 1951, с. 24, 25, 56, 57], на скалах [Убрятова Е. И., 1974, с. 158], на металлических предметах, дереве и керамике (рис. 20, *52*). Отсутствие профессионализма в исполнении мелких надписей указывает на значительный круг людей, владевших письмом [Кляшторный С. Г., 1973а, с. 262], однако большинство простого народа было неграмотно. Надписи повествуют о походах каганов и их жизни, о походах отдельных полководцев, служат поминальными эпитафиями, а на мелких вещах сообщают о принадлежности их владельцу. Эти надписи служат ценным источником для истории древнетюркского государства и общества. Наиболее полная публикация древнетюркских надписей была осуществлена С. Е. Маловым [1951; 1952; 1959], а вопросам изучения их посвящена обширная литература [Кляшторный С. Г., 1964, с. 181—210]. Появление письменности у древних тюрок не случайное явление, оно было обусловлено потребностями огромного, сложного по устройству тюркского государства и складывающегося феодального общества.

В Средней Азии руническая письменность употреблялась наряду с согдийской. В Семиречье, на скалах ущелья Терек-сай в X—XI вв. сделаны надписи на согдийском языке, содержащие перечни тюркских князей, посетивших долину. В VIII в. в Восточном Туркестане развилась древнеуйгурская письменность, которая в Средней Азии и Казахстане была менее распространена.

Разгромив в 840 г. уйгуров, каганы древних хакасов распространили свою власть на запад до Иртыша. Включение Алтая и прилежащих территорий степи в состав единого древнехакасского государства способствовало более тесному взаимодействию различных групп тюркского населения и нивелированию их материальной культуры, хотя этнографическое своеобразие отдельных этнических групп сохранялось. Тюрки Алтае-Саянского нагорья по традиции продолжали погребать своих покойников с конем под округлыми каменными насыпями диаметром 4—8 м и высотой 0,45—1 м (рис. 24, *3*). Эти памятники пока слабо исследованы. Ориентировка погребенных неустойчива. Захоронения производились в ямах размером до 3,2×2,8 м и глубиной 0,6—1 м. Погребенные ориентированы головой на север — северо-восток, запад или восток при обратной или одинаковой ориентировке положенных в могилы коней. Иногда попадались в могилах захоронения коня без головы [Гаврилова А. А., 1965, с. 67], а в Туве получили распространение курганы-кенотафы [Грач А. Д., 1960б, с. 129—143; Маннай-оол М. Х., 1963, с. 243—244]. В них были положены лошади головой на север (рис. 24, *1*). Вместо человека в двух курганах к западу от коня были уложены куклы [Грач А. Д., 1960б, с. 141, рис. 83] из шелка, набитого пучками травы, покрытые войлоком и опоясанные наборным поясом. Кони были неоседланы. Сбруя — стремена, подпружные пряжки, удила — лежала отдельно у головы лошади. В погребении были положены луки со стрелами в колчанах (рис. 24, *32*), серебряные кубки на низком поддоне (рис. 24, *6*) и остатки ритуальной пищи (мясо овцы) на деревянном блюде.

Помимо погребений с конями, в IX—X вв. особенно распространились погребения без коня (рис. 24, *2*), ориентированные головой на север — северо-восток и восток — северо-восток на Алтае [Гаврилова А. А., 1965, с. 68—69], по линии север — юг, северо-запад — юго-восток, северо-восток — юго-запад — в Туве [Грач А. Д., 1971, с. 102; 1968а, с. 107]. В этих погребениях находятся кости ног и головы коня, а также отдельные кости коня — грудина, копыто и пястовая кость [Грач А. Д., 1968а, с. 108]. В погребениях найдены также угли и обуглившееся дерево.

Проникновение древних хакасов на Алтай документируется появлением здесь в IX—X вв. погребений с трупосожжениями, представленных в курганах могильников Гилево, Корболиха, Яконур, Сростки, Узунтал и др. (рис. 25).

Кимаки

Памятники кимаков Верхнего и Среднего Прииртышья представлены курганными могильниками. Поселения и города кимаков на Иртыше, о которых сообщают письменные источники [Кумеков Б. Е., 1972, с. 98—108], пока неизвестны. На р. Алее открыты только остатки небольших становищ кочевников с незначительным культурным слоем.

Кимако-кипчакские городища обнаружены в Центральном Казахстане. Массивные стены их сложены из сырцового кирпича, дерна и камышовых связок. Для прочности стен внутри кладки положены вертикально сплетенные ряды высокого камыша [Маргулан А. Х., 1951, с. 38]. Снаружи городища были защищены рвом шириной до 22 м и более, наполненным водой. Внутри поселений находились открытые площадки, где стояли юрты и шатры. Более развитой тип подобного рода укреплений представлен в комплексе городищ правобережного Таласа. На городище Тюймакент, расположенном в 45 км к северо-востоку от г. Джамбула, в зоне контактов кипчаков и карлуков, внутри располагалась открытая площадка для установки разборных жилищ. Снаружи городище было защищено мощными глинобитными стенами.

Для погребального обряда кимаков характерны захоронения под каменно-земляными курганами. По периметру насыпи каменные выкладки образуют прямоугольные или округлые оградки. Иногда камни перекрывают курган полностью (панцирем) (рис. 26, *2*). Погребенные лежат в прямоугольных грунтовых могильных ямах на спине, в вытянутом положении, головой на восток или северо-восток. Иногда могильная яма имеет подбой вдоль северной стенки. Обычно курганы содержат единичные погребения и лишь иногда — несколько погребений. В последнем случае курган приобретает овальную форму, бывает вытянут с севера на юг [Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г., 1973, табл. 1], а каждое погребение находится в отдельной смежной оградке. На среднем Иртыше, в лесостепных районах курганы чаще имеют по нескольку погребений, обычно перекрытых бревенчатым продольным накатом или берестой.

Большое число погребенных сопровождается захоронением коня, обычно положенного параллельно человеку с той же самой ориентировкой (рис. 26, *1*). В расположении костяка лошади под курганом отмечены следующие варианты: 1) он лежит в одной могильной яме со скелетом человека на одном уровне, 2) параллельно костяку человека на ступеньке, 3) параллельно могильной яме в насыпи кургана, 4) в отдельной яме. Наиболее распространен первый вариант, а третий и четвертый свойственны, по-видимому, относительно более поздним памятникам. В отдельных могилах находятся костяки двух или трех коней [Арсланова Ф. Х., 1969, с. 45].

В небольшом числе представлены захоронения, сопровождающиеся шкурой, головой и конечностями коня (Корболиха VII, Гилево V и др.), а также курганы, где, помимо коня, захоронена собака [Арсланова Ф. Х., 1969, с. 49, 51].

Значительное число погребений не имеет сопровождающих конских захоронений и находится на тех же могильниках, что и захоронения с конем. Курганные насыпи у них подобного же типа, только меньшей величины. Очевидно, это погребения более бедных членов общества. Над погребениями часто прослеживаются остатки продольного перекрытия из досок или бревен в один ряд, устроенного над захоронением. Сопровождение погребенных конями, устройство деревянных перекрытий над покойником сближают погребения кимаков с погребениями алтайских тюрок VI—VIII вв.

Погребальный инвентарь состоит главным образом из предметов вооружения и конского снаряжения, в меньшей степени — из орудий труда. К наиболее распространенным орудиям относятся ножи, оселки и втульчатые топоры-тесла. Оружие представлено железными прямыми палашами и слабо изогнутыми саблями (рис. 26, *23, 14*), копьями, многочисленными трехлопастными и трехгранно-лопастными наконечниками стрел (рис. 26, *37—39*, *41*), реже — ромбическими в сечении (рис. 26, *40*). Появляются плоские железные ромбические наконечники стрел (рис. 26, *42*), но их еще мало, и относятся они, по-видимому, в основном к X — началу XI в. В единичных случаях попадаются костяные наконечники стрел. Луки снабжены срединными трапециевидными накладками (рис. 26, *35*).

Лошади в могилы обычно помещались взнузданными и оседланными. От узды обычно сохраняются удила и бляшки из бронзы и серебра, украшавшие уздечные наборы (рис. 26, *50*, *51*, *56*, *81*, *82*). Удила 8-видные с витыми стержнями и стержневыми псалиями — роговыми со скобой и железными S-овидными, один конец которых имеет завершение в виде сапожка (рис. 26, *18*, *20*). Стремена трех типов. Первый — 8-видные стремена с приплюснутой сверху петлей и широкой подножкой (рис. 26, *12*), второй — с пластиной на выделенной высокой шейке. Оба эти типа продолжают линию развития стремян VIII—IX вв. Третий тип представлен стременами, у которых для ремня путлища имеется отверстие в прямоугольно-трапециевидном выступе, не отделенном шейкой от дужки (рис. 26, *11*). Этот тип является исходной формой стремян XI—XII вв. с отверстием, пробитым в расплющенной верхней части дужки. Подпружные пряжки костяные с пристроенной головкой, бронзовые и железные (рис. 26, *30*, *32*). Все пряжки обычно снабжены железными язычками. Для приторачивания груза к седлам прикреплялись пробоями железные кольца, обнаруженные пока только в отдельных могилах. Края седельных лук обивались костяными кантами, украшенными иногда циркульным орнаментом (рис. 26, *13*). Часто у седел имеется по две пряжки, что указывает на применение двух подпруг. Ремни седельной шлеи также иногда украшены орнаментированными бляшками из бронзы и серебра.

Керамика в погребениях попадается редко. Обычно это грубые лепные сосуды баночной или горшковидной формы, иногда украшенные вдоль шейки рядом ямок и нарезными линиями по тулову (рис. 26, *48, 49, 53*). Из предметов бытового обихода и деталей одежды и туалета в могилах находят копоушки, фрагменты полученных путем торговли и в результате военных походов китайских зеркал и целые зеркала, отлитые местными мастерами по образцу импортных, небольшое количество бус (рис. 26, *88*), серьги (рис. 26, *89*, *91*, *92*), обычно в виде несомкнутого кольца без подвески (рис. 26, *91*), остатки поясов. Пояса IX—X вв. уже не имеют блях-оправ, а украшены декоративными бляхами, подвесные же ремешки пришиты или приклепаны к основному ремню или бляхе на нем. Большинство декоративных блях из погребений связаны не с деталями одежды и пояса, а с украшением сбруйного набора.

Подвесками и, возможно, оберегами служили изображения личин и вооруженного всадника с нимбом на коне (рис. 26, *86*, *87*).

Культовые, в частности поминальные, сооружения кимаков представлены напоминающими плоские курганы прямоугольными или круглыми выкладками (рис. 26, *8*, *9*), с восточной стороны которых иногда стоят антропоморфные изваяния, обращенные, как и у тюркских оградок VI—VII вв., лицом на восток. В некоторых случаях у кургана находится несколько изваяний. Позади каменных изваяний иногда поставлены вертикальные каменные плиты. В Жарминском районе Семипалатинской области у станции Уш-Биик около кургана стояло пять изваяний, позади которых было поставлено шесть каменных плит (рис. 26, *9*). У с. Точка Уланского района Восточно-Казахстанской области возле кургана стояло три изваяния (рис. 26, *8*). Ф. Х. Арсланова и А. А. Чариков [1975, с. 231] связывают постановку вертикальных плит у курганов с обычаем тюркских племен оставлять у культовых сооружений балбалы. Под камнями и среди камней выкладок находятся остатки жертвоприношений в виде костей лошади, овцы, а также углей и золы. Под каменной выкладкой Гилево IX в Локтевском районе Алтайского края встречены глиняный сосуд и удила. Каменные изваяния кимаков в отличие от объемной скульптуры VI—IX вв. схематичны, имеют вид антропоморфных стел (рис. 23, *24—28*; 26, *3—7*, *10*). Более или менее детально обрабатывалась только передняя сторона изображения. Боковые грани и задняя часть фигур оставлялись обычно без обработки за небольшими исключениями. Наиболее тщательно детализировано лицо, в меньшей мере прорабатывали торс и руки, которые нередко вооб-

ще не изображались (рис. 26, *3, 5, 6, 10*). Наряду с мужскими представлены изображения женщин, у которых подчеркнута грудь и иногда чуть выдающийся вперед живот и бедра (рис. 22, *24*, *26*, 27). В целом по своим стилистическим особенностям скульптура кимаков сходна с ранней половецкой.

Верхушка кимакского общества владела навыками рунического письма, на что указывает руническая надпись на зеркале из кимакского женского погребения (рис. 26, *85*) с благопожелательным текстом: «Знатная женщина освобождается от своего [чувства] зависти (гнева). Ее счастливый удел (ее благость) наступает» (на внешней зоне) и «Ябчирыжий... дракон» (на внутренней зоне) [Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г., 1973, с. 312].

В XI—XII вв. количество памятников кимаков резко сокращается, что связано с отходом их на запад в связи с передвижением и перегруппировкой племен в первой половине XI в.

Сросткинская культура

Проникновение кимаков и других тюрок с Горного Алтая и его степных предгорий в Обь-Иртышское междуречье и Приобье привело к сложению здесь сросткинской культуры, занимающей лесостепные районы Приобья, Притомья и Обь-Иртышского междуречья. Точные границы этой культуры еще не выявлены. Впервые сросткинская культура была выделена М. П. Грязновым [1956, с. 145—152], который отметил существование в ней нескольких локальных вариантов, правда без указания различий между ними.

Помимо пришлого тюркского этноса, в сложении этой культуры участвовали местные угро-самодийские племена, которые были ассимилированы тюрками. Два эти компонента сросткинской культуры прослеживаются в погребальном обряде. С одной стороны, представлены погребения с конем, аналогичные алтайским и кимакским (рис. 27, *1*, *2*), а с другой — подкурганные и грунтовые погребения без коня с перекрытием из бересты и березовых бревен над покойниками (рис. 27, *3*), что характерно для местного лесостепного населения. Различие в этнических компонентах обусловило локальные варианты этой культуры. В развитии сросткинской культуры выделяются три этапа — VIII—IX, IX—X и XI — начало XIII в. К первому этапу относятся могильники Иня [Уманский А. П., 1970], Камень II, курган 13 и Старая Преображенка [Копытова Л. И., 1974]. В могильнике Иня, согласно обряду алтайских тюрок, преобладают погребения с конем. Покойники ориентированы головой на запад (рис. 27, *1*). В могильнике Старая Преображенка погребенные ориентированы головой на юго-запад, т. е. так, как хоронило местное население (самодийцы). Сопровождающих захоронений коней здесь не встречено ни разу, что объясняется преобладанием местного самодийского элемента. К памятникам формирующейся сросткинской культуры относится Бобровский могильник [Арсланова Ф. Х., 1963а], сочетающий черты культуры кимаков и самодийского населения лесостепи.

Погребальный инвентарь в ранних могильниках достаточно разнообразен и в целом идентичен инвентарю из типичных тюркских курганов (рис. 27). Орудия труда представлены теслами и железными ножами (рис. 27, *5*, *6*), оружие — наконечниками стрел (рис. 27, *52—54*, *59*), конское снаряжение — удилами с S-овидными псалиями (рис. 27, *60—63*), стременами (рис. 27, *67*), железными и костяными подпружными пряжками (рис. 27, *76*). Набор украшений состоит из серег с подвесками и простых кольчатых (рис. 27, *86—89*, *91*) перстней со вставкой «салтовского» типа (рис. 27, *70*), блях от поясных наборов (прямоугольных, в виде лунницы, с округлым и фигурным краем и пр.) (рис. 27, *10*, *18*, *24*, *25*). Керамика представлена сосудами (рис. 27, *26*, *42*) с круглым дном, типичными для местного самодийского населения.

Памятники IX—X вв. известны значительно лучше. Это курганные могильники Сростки, Ближние Елбаны, Змеевка, Гоньба, Старый Шарап, Ордынские, Камышенка и др., а также две группы грунтовых погребений — в Ближних Елбанах V (5 могил) и Ближних Елбанах VII (2 могилы) [Грязнов М. П., 1956, с. 150]. Характерно погребение под одной насыпью нескольких покойников, могилы которых группировались вокруг центрального захоронения воина. Преобладают погребения без коня, ориентированные головой на северо-восток с отклонениями, связанными с расположением впускных могил вокруг центрального захоронения. По мнению М. П. Грязнова [1956, с. 152], в таких курганах похоронены умершие после воина члены его семьи, что, очевидно, является отражением разложения родового общества и выделения патриархальных семей. Погребенные завернуты в бересту или перекрыты бревенчатыми накатами. Мужские погребения сопровождаются оружием (меч, колчан со стрелами, лук) и конским снаряжением. В женских погребениях находят серьги, медные сферические пуговицы, бусы, копоушки и керамику: круглодонные и плоскодонные лепные сосуды с орнаментом в виде ряда ямок по шейке и насечек по венчику и плечикам (рис. 27, *8*, *35*).

Орудия труда, оружие, конское снаряжение, бляхи от поясных наборов, наконечники поясов (рис. 27, *17*, *30*, *36*, *43—47*), антропоморфные подвески с нимбом (рис. 27, *48*, *49*), украшения аналогичны в основном формам, бытовавшим у кимаков. Этот факт, так же как и сходство отдельных элементов в погребальных обрядах, свидетельствует об активном участии кимаков и других тюркоязычных племен в сложении сросткинской культуры. В керамике сочетаются характерные для угросамодийцев круглодонные миски (рис. 27, *35*) и типичные для тюрок плоскодонные горшки (рис. 27, *8*). К концу IX—X в. сложный процесс создания культуры был в целом завершен. Ко второму этапу относятся наиболее характерные памятники этой культуры (в том числе и могильник Сростки, давший имя культуре). Однако и на последнем этапе своего развития эта культура продолжала пополняться новыми тюркскими чертами, что говорит о постоянном притоке кочевого тюркоязычного населения из степей в лесостепное Приобье.

Влившиеся в состав сросткинского населения различные этнические группы обусловили неоднород-

ность сросткинской культуры, в которой выделяются локальные варианты. М. П. Грязнов наметил четыре локальные группы сросткинских памятников: бийскую (Сростки, Красноярское, Усть-Чарыш), барнаульскую (Ближние Елбаны V—VIII, Гоньба, Иня), новосибирскую (Старый Шарап, Ордынское) и кемеровскую (Новокамышенка, Камысла, Ур-Бедари) [Грязнов М. П., 1960, с. 24]. А. А. Гаврилова [1965, с. 72] добавляет к этой группе горноалтайскую, которая фактически продолжает линию развития местных племен и, по нашему мнению и заключению Д. Г. Савинова [1973в, с. 190], к собственно сросткинской культуре не относится. Определение специфики локальных вариантов сросткинской культуры еще требует дальнейшей разработки.

Карлуки

С 766 по 940 г. в Семиречье и северной половине Тянь-Шаня господствовали карлуки. Долиной Иссык-Куля владели племена джикилей (чигилей), выделившихся из состава карлуков. Южную часть Тянь-Шаня занимали кочевые племена ягма, родственные токуз-огузам. Бóльшая часть карлуков занималась кочевым скотоводством. Памятники кочевников карлуков слабо выявлены. С кочевыми карлуками связано несколько раскопанных подкурганных погребений, совершенных по обряду трупоположения с конем. Для ритуала захоронения характерно расположение человека на спине в вытянутом положении, головой на восток, при обратной ориентировке положенного в могилу жертвенного коня. Отмечено также погребение человека на правом боку, с подогнутыми ногами, лицом вверх (Сокулук I) [Абетеков А. К., 1967, с. 46, рис. 5, *6*]. Конь лежит рядом с костяком человека, на ступеньке или в отдельной яме, что аналогично разновидностям обряда, отмеченным у кимаков. Погребальный инвентарь составляют предметы вооружения (наконечники стрел, части сложных луков), конского снаряжения (удила, стремена), а также орудия труда (ножи, игольники и др.) (рис. 26, *27*). Представлены также бляхи и пряжки от конской сбруи, поясных наборов и отдельные другие вещи и украшения (рис. 20, *46*, *47*, *59*; 26, *71*, *74*).

Кочевое скотоводство у карлуков господствовало в горных районах. В долинах значительная часть карлукского населения переходила к оседлости, о чем свидетельствуют арабские письменные источники и археологические материалы с поселений. На городищах у станции Каинда, а также у селений Тюлек и Степное в Киргизии и других в слоях VIII—X вв. отмечено значительное количество лепной керамики. Наряду с ней карлуки пользовались и круговой посудой, изготовляемой ремесленниками. На наличие большого числа выходцев из кочевых племен в составе жителей городов указывают тюркские названия селений — Сырыг, Джуль, Харран-Джуван и др.,— известные по письменным источникам [История Киргизии, 1963, т. I, с. 107]. Оседлые поселения возникали постепенно в местах, удобных для земледелия, около зимовок крупных феодалов и со временем становились торгово-ремесленными и земледельческими центрами, вокруг которых сооружались мощные укрепления. Центром поселения была цитадель и прилежащая к ней густо застроенная часть — шахристан, обнесенные мощными укреплениями. К ним примыкала наибольшая по размерам обжитая площадь поселения, занятая отдельными кварталами, усадьбами с садами и огородами, которая в свою очередь была обнесена стеной, достигавшей у отдельных поселений 15 км в окружности. Прилежащие к поселению дома также огораживались стенами или системой стен. Оседлые поселения находились в тесных экономических взаимоотношениях с кочевниками и политически зависели от кочевой феодальной знати. Столицей карлуков был сначала г. Суяб, расположенный в Чуйской долине. Точное местоположение его не установлено. Затем столица была перенесена в г. Койлык. Точная локализация городов, известных по письменным источникам, сильно осложнена тем, что число выявленных сейчас городищ значительно превосходит количество городов, упомянутых в нарративных известиях, а названные древними географами расстояния между ними в большинстве случаев не соответствуют расстояниям между открытыми городищами.

Состав населения городов был неоднородным. Помимо перешедших к оседлости тюрок, в городах проживали выходцы из Согда, земледельцы, купцы и ремесленники, в том числе из других стран. Пестрота этнического состава обусловила крайнее многообразие культуры городов и исповедание его жителями различных религиозных культов — язычества, манихейства, мусульманства, несторианства, буддизма и др. Остатки культовых сооружений различных религий открыты на городищах. На городище Ак-Бешим раскопаны остатки двух буддийских храмов и христианской церкви [Кызласов Л. Р., 1959а, с. 155—213; Зяблин Л. П., 1961]. Зороастрийское кладбище открыто в Таразе (г. Джамбул) [Пацевич Г. И., 1948, с. 98—104]. С X в. среди кочевников Средней Азии и Казахстана начинает широко распространяться мусульманство.

Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв.

Памятники древнехакасской культуры чаатас известны с XVIII в. благодаря научным экспедициям в бассейн среднего Енисея Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина и П. С. Палласа. Первые курганы этой культуры раскопаны В. В. Радловым в 1863 г. Но выделены эти памятники из общей массы были в 80-е годы XIX в. А. В. Адриановым и Д. А. Клеменцем, которые ввели в науку народное хакасское название погребальных сооружений определенного вида — «чаатас» [Адрианов А. В., 1886, 1888; 1902—1924; Клеменц Д. А., 1886; Aspelin I. R., 1889]. Чаатас означает «камень войны». Так хакасы называют группы каменных курганов, густо обставленных высокими плитами. По народному объяснению, это — места, где древние богатыри устраивали побоища, осыпая друг друга обломками скал, в беспорядке врезавшимися в землю.

В 1886 г. А. В. Адрианов опубликовал сообщение об Уйбатском чаатасе с приложением рисунков некоторых его изваяний. В 1888 г. он же напечатал описание и план Сырского чаатаса вместе с изображением древних рисунков, имевшихся на его плитах [Адрианов А. В., 1886, с. 63, табл. I, рис. 1—9; 1888, с. 392, табл. II, рис. 1 и 24]. Первые научно зафиксированные курганы культуры чаатас были раскопаны А. О. Гейкелем в 1889 г. на Ташебинском чаатасе [Heikel A. O., 1912] и А. В. Адриановым в 1894 г. в логу Джесос близ д. Листвяговой на правом берегу р. Тубы [Адрианов А. В., 1902—1924].

Дальнейшие исследования Д. А. Клеменца и А. В. Адрианова в 1889—1898 гг., И. Р. Аспелина в 1887—1889 гг. [Appelgren-Kivalo H, 1931] были посвящены работам на четырех чаатасах: Уйбатском, Ташебинском, Джесосском и Кызылкульском [ОАК за 1889 г., с. 80—83; ОАК за 1890 г., с 70—72; ОАК за 1894 г., с 104—114; ОАК за 1895 г., с. 44—47, 141—151; ОАК за 1897, с. 54—56; ОАК за 1898 г., с. 60—61; Адрианов А. В., 1902—1924, с 41—44, 53—54, 58—60, 68; Толстой И. И., Кондаков Н. П., 1890, рис. 34; Aspelin I. R., 1889; 1912; Heikel A. O., 1912; Appellgren-Kivalo H., 1931].

Поскольку на стелах чаатасов встречались рисунки и рунические надписи, ученые справедливо считали, что чаатасы сооружались древними хакасами — тюркоязычным народом, сведения о котором содержат танские династийные хроники [Попов Н. И., 1874; Ядринцев Н. М., 1885; Спицин А. А., 1899; ср. Бичурин Н. Я., 1950].

В 20-е годы небольшие раскопки на чаатасах в Гришкином логу и Уйбатском произвел С. А. Теплоухов. В своей классификации он поместил курганы культуры чаатас в раздел памятников V—VII вв., неудачно объединив в шестом разделе своей таблицы вещи из чаатасов с предметами предшествующей таштыкской культуры. Однако С. А. Теплоухов также связал эти курганы с древними хакасами-кыргызами [Теплоухов С. А., 1929, с. 54—57 и табл. II, VI].

В 30-е годы курганы культуры чаатас раскапывались М. М. Герасимовым, С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой на Уйбатском чаатасе и в могильнике под Георгиевской горой на р. Тубе, а В. П. Левашевой — в могильнике Капчалы I [Евтюхова Л. А., 1939; Герасимов М. М., 1941; Левашева В. П., 1952].

Выдающиеся результаты принесли раскопки С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой в 1939—1940 гг. на Копёнском чаатасе. Находки из этого крупного некрополя древнехакасских бегов приобрели мировую известность [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1940: Евтюхова Л. А., 1948; Киселев С. В., 1949, 1951].

В 1950—1956 гг. экспедиция Московского университета произвела раскопки на Сырском, Изыхском, Утинском (Койбальском), Абаканском и Чульском чаатасах. Этой экспедицией открыто около 32 ранее не известных чаатасов и составлена карта их распространения. В 60-е годы раскопки чаатасов в Гришкином логу, близ д. Абакано-Перевоз, в пункте Барсучиха IV, у д. Новой Черной и около горы Тепсей производила Красноярская экспедиция.

Исследованы чаатасы далеко не полно. Ни один из них не раскопан полностью современными методами, со всеми прилегающими к нему сооружениями. Препятствием тому служат разграбленность могил и сильное разрушение надмогильных сооружений, совершенные профессиональными грабителями, так называемыми бугровщиками, в первой половине XVIII в.

Памятники культуры чаатас расположены в Хакасско-Минусинской котловине по обоим берегам рек Енисея, Абакана, Черного и Белого Июсов и по их притокам. По Чулыму, за исключением р. Кии, и в Красноярском районе они неизвестны. Погребальные сооружения типа чаатас расположены цепочками, вытянутыми с юга (юго-востока) на север (северо-запад), реже — с юго-запада на северо-восток. Они представляют собой наземные мавзолеи квадратной или шестигранной формы, стенки которых построены из плашмя уложенных плит. Некоторые сооружения имеют с юго-западной стороны как бы входы, обозначенные плитами (рис. 28, *А*). Эти «жилища» мертвых сооружены по форме жилища живых — наземных квадратных изб и граненых деревянных юрт. Внутри входы и сами сооружения заложены сплошь плитняком. Снаружи они ограждены вертикально установленными с большими промежутками 8, 10 или 12 менгирами. Эти каменные столбы врыты в землю, повторяя квадратную или граненую фигуру основного сооружения. На плитах нередко выбиты тамги, рисунки или эпитафии на енисейской письменности. Последние всегда начертаны на юго-восточных стелах. Нередко в качестве менгиров использованы древние энеолитические изваяния или стелы с рисунками таштыкского времени.

Сооружения типа чаатас над могилами знати окружены «курганами» рядового населения. Последние также представляют собой квадратные каменные платформы, но лишенные ограждений из вертикальных плит (рис. 28, *В*). Реже это отдельные курганные группы (например, Капчалы I, Георгиевская гора, «Над Поляной» и др.) из небольших округлых каменных курганчиков диаметром от 1,5 до 6 м [Евтюхова Л. А., 1939; 1948; В. П. Левашева, 1952; А. А. Гаврилова, 1968].

Все могилы обычно имеют кубические или прямоугольные ямы, обставленные по стенкам вертикальными деревянными столбиками. Ямы перекрыты жердочками, а поверх них — плитняком. Дно могил нередко выстлано берестяными полотнищами, на которых располагается кучка пережженных косточек человека, стоят два-три сосуда, лежат немногочисленные предметы погребального инвентаря. Иногда трупосожжения захоронены в урнах — в берестяных или баночных сосудах. Основное место в могиле занимают кости домашних животных, остающиеся от обильной мясной жертвенной пищи. Это остатки передних и задних частей тушек овец, барашков, коров или свиней и поросят.

Трупосожжение было обязательным обрядом для взрослых обоего пола. Не сжигали только умерших детей не старше 10 лет. Их хоронили под аналогичными квадратными или округлыми сооружениями из камней, но в прямоугольных ямах, на спине в вытянутом положении, головой чаще на запад. Иногда детские могилы устроены вплотную к курганам взрослых, похороненных по обряду сожжения. В головах детей ставили жидкую пищу в лепных банках

«типа чаатас». Маленьких детей до одного года, по-видимому, хоронили в расщелинах скал окружающих гор.

Некоторые археологи сообщают об изредка попадавшихся им скелетах взрослых людей, лежавших на накатах основных могил или в насыпи, без вещей. Так как подобные скелеты оказывались разбросанными при давнем ограблении могил или же их расположение не было точно зафиксировано чертежами, то затруднительно установить, являются ли подобные погребения поздними впускными захоронениями или же дополнительными погребениями слуг, неравноправных людей, а может быть, иноземных наложниц. Этот вопрос должен быть разрешен при дальнейших раскопках.

Памятники культуры чаатас относятся ко времени от начала VI и до середины IX в. Такие хронологические рамки определяются концом предшествующей таштыкской эпохи (камешковский этап IV—V вв.), и весьма своеобразными курганами тюхтятской культуры, относящейся к середине IX—X в.

Памятники культуры чаатас подразделяются нами на два этапа: утинский (VI—VII вв.) и копёнский (VIII — первая половина IX вв.). Ранние чаатасы утинского этапа расположены непременно на местах старых таштыкских могильников. Очевидно, люди, их сооружавшие, прекрасно осознавали свое кровное родство с населением предшествующей эпохи.

Устройство курганов ранних чаатасов свидетельствует о сохранении черт погребальной обрядности позднеташтыкского времени. Особенно сходны между собой рядовые курганы. И те и другие имеют кубические ямы с трупосожжениями и квадратные выкладки сверху (рис. 28, *В*). Новое состоит в появлении особых погребальных сооружений для знати, огражденных вертикально установленными плитами и иногда имеющих шестигранную форму (рис. 28, *А*, *Б*).

В инвентаре ранних чаатасов также заметны пережиточные таштыкские черты. Сохраняются, например, сходные амулеты в виде лошадок или парных конских головок, вырезанные из бронзовых или серебряных пластинок (рис. 28, *48—51*). Коленчатые кинжалы (рис. 28, *27, 28*) восходят к железным таштыкским коленчатым ножам [Кызласов Л. Р., 1960а, рис. 31, *6*, 7, 32; 48; 51, *7*; 52]. К таштыкским же восходят и формы некоторых глиняных лепных сосудов: кубковидных на полых поддонах (рис. 28, *24*), остроребёрных, округлодонных, баночных с налепами по венчику, «закрытых» банок и сосудов с прямой шейкой (рис. 28, *15—17*, *20, 24*, *26*). Изредка на лепных сосудах встречается точковый орнамент, сохранивший таштыкские черты и в технике нанесения, и в композиции свисающих лопастных узоров (рис. 28, *4*, *6*). От таштыкско-шурмакских местных серпов, мотыжек и сошников [Кызласов Л. Р., 1958, табл. III, *131;* 1960а, рис. 62] происходят некоторые типы тесел, серпов и сошников VI—VII вв. (рис. 28, *35, 42, 43*). В кладке одного из курганов Сырского чаатаса обнаружена заготовка жернова (рис. 28, *45*) (см. Кызласов Л. Р., 1955, рис. 38, *13*], а на Тепсейском чаатасе под одной насыпью найдены серп и сошник.

Остальные формы сосудов и предметов специфичны уже для ранних чаатасов. В могилах VI в. появляются характерные, сделанные ленточным способом на гончарном круге так называемые кыргызские вазы. Это узкогорлые сосуды, предназначенные для хранения легко испаряющихся, очевидно опьяняющих, напитков. Изготовлялись они из серой аморфной тонкоотмученной глины, приготовленной особым способом, вероятно с примесью железистых илов. Черепок их крепок, звонок и похож по тесту на черепицу. Вазы имеют на дне квадратный отпечаток шипа гончарного круга, а на отогнутом венчике — нередко кольцевой желобок для плотного закрытия крышкой. Часто это стройные яйцевидные сосуды, но некоторые из них — низкие, шаровидные, иногда кругло- или уплощеннодонные (рис. 28, *8*, *10—13*).

Все вазы украшены различными ленточными, спиральными или листовидными узорами, нанесенными прокаткой цилиндрического штампа, в свою очередь покрытого ленточками, оставляющими елочный или пунктирный узор. На плечиках ваз и некоторых других сосудов встречаются тамги владельцев, оттиснутые мастером по сырой глине до обжига (рис. 28, *9*) [Евтюхова Л. А., 1948, с. 92—94]. Часть сосудов сделана на ручном гончарном круге. Есть и лепные подражания вазам (рис. 28, *3—5*).

На ручном гончарном круге изготовлялись и некоторые другие категории крупных тарных сосудов, типа горшков и высоких широкогорлых макитр (рис. 28, *6*, 7). Более мелкие сосудики — лепные, нередко наспех сформованные из грубого теста, очевидно специально для погребального обряда. Среди них особенно характерны так называемые баночные сосуды «типа чаатас» (мелкие или средние по размерам; рис. 28, *18*, *19*, *22*). Некоторые из них имеют на венчиках по три-четыре налепа (рис. 28, *1*, *21*). Редкой формой является горшок с квадратным горлом (рис. 28, *2*). Встречаются и берестяные туески (рис. 28, *14*), иногда украшенные рисунками.

К орудиям труда этого времени, кроме вышеуказанных черешковых серпов и жерновов, относятся втульчатые серпы и косы-горбуши, сошники от деревянных местных плугов (рис. 28, *40—45*), а также части весьма совершенных импортных плугов с чугунными лемехами и отвалами, на одном из которых написано, что он изготовлен в V в. (рис. 28, *38, 39*) [см.: Киселев С. В., 1951, с. 570].

Среди предметов конского снаряжения изредка встречаются двусоставные кольчатые удила и стремена (рис. 28, *36*, *37*, *46*, *47*). Среди последних два типа (с петлей на шейке и с восьмеркообразным завершением — рис. 28, *36*, *37*) получили широкое распространение в VI—X вв. Третий тип, с узким подножьем и пластинчатой дужкой для путлища (рис. 28, *47*), восходит к ранним формам стремян IV—V вв., но в Южной Сибири существовал и в VI—VII вв.

Из предметов вооружения, кроме черешковых ножей, встречаются коленчатые кинжалы (рис. 28, *27*, *28*), аналогичные изображенным на древнетюркских каменных изваяниях VI — начала VIII в. [Евтюхова Л. А., 1952, рис. 12; 68]. В одном случае в могиле обнаружен небольшой берестяной колчан с расширяющимся вверх карманом и обугленными древками стрел (рис. 28, *30*), с которых были

Золотой наконечник ремня с перегородчатой инкрустацией (Перещепинский клад, Полтавская область)

Золотой браслет VII в. с изумрудом (Перещепинский клад, Полтавская область)

Печенежский глиняный сосуд X в. с ручкой в виде изогнутых бараньих рогов (городище Саркел — Белая Вежа, Ростовская область)

Серебряные с чернью бляхи конского оголовья из кочевнического погребения X в., раскопанного в 1971 г. А. И. Куйбышевым в Херсонской области

удалены железные наконечники [Кызласов Л. Р., 1955, рис. 38, *7*). Последние выделяются типологически из числа случайных находок. Это трехлопастные упоровые наконечники, иногда с круглыми отверстиями в лопастях (рис. 28, *31, 32*).

При трупосожжениях встречены пряжки: бронзовые с подвижным щитком и железные рамчатые (рис. 28, *33, 34*). К сожалению, из-за разграбленности и небольшого числа раскопанных могил материальная культура ранних чаатасов еще мало известна.

Памятники копёнского этапа культуры чаатас (VIII — первая половина IX в.) изучены значительно лучше. В особенности многочисленны материалы, полученные при раскопках Ташебинского, Копёнского и Уйбатского чаатасов, а также 1-го Капчальского могильника [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1940; Евтюхова Л. А., 1948; Левашева В. П., 1952; Heikel A. O., 1912]. Над могилами продолжали воздвигать наземные подквадратные в плане сооружения, огражденные вокруг вертикально вкопанными плитами и рядовые без менгиров (рис. 28, *Д, Е*). Около мавзолеев знати с юго-восточной стороны ставили стелы с эпитафиями, вырезанными знаками енисейской тюркоязычной письменности (рис. 28, *1*) [Heikel A. O., 1912; Кызласов Л. Р., 1960в]. К сожалению, большинство стел с эпитафиями были свезены в конце XIX — начале XX в. в Минусинский музей. Курганы, у которых они стояли, остались не исследованными [Малов С. Е., 1952; Ядринцев Н. М., 1885].

Иногда вплотную около стенок «мавзолеев» или между вертикальными менгирами, в ямах, укрытых плитами, хоронили маленьких детей. Появляются дополнительные погребения взрослых, сжигавшихся на стороне. Их кости вместе с сопровождающим инвентарем ссыпались в небольшие и неглубокие ямки, вырытые в пóлах больших курганов, и покрывались плитками. Появились и ямки-тайники, в которые укладывались только вещи. Это своеобразные ритуальные «клады».

В VIII–IX вв. по краям чаатасов и между цепочками основных курганов сооружались сопутствующие погребения под округлыми каменными насыпями. Здесь в ямах обнаруживают погребения взрослых по обряду трупоположения или трупоположения с конем. Это захоронения слуг, союзников или клиентов, относящихся к другим, не древнехакасским этническим группам (рис. 28, Ж).

В основных древнехакасских курганах в кубических или подпрямоугольных могильных ямах, стенки которых по-прежнему обставлялись вертикальными столбиками, вместе с кучками пережженных костей человека, укладывалась мясная пища. Питье, жидкая или полужидкая пища размещались в разнообразных сосудах, среди которых преобладают глиняные лепные горшковидные и баночные сосуды «типа чаатас», в том числе и с двумя—пятью налепами на венчиках (рис. 28, *6—8*). Встречаются стройные баночные сосуды с двумя налепами, узкогорлые кувшинчики (рис. 28, *9, 10*) и нарядные украшенные яйцевидные или приземистые вазы, сделанные на гончарном круге (рис. 28, *11, 13*). Из импортных питьевых сосудов употреблялись лаковые черные чаши, иногда с многолепестковыми красными розетками внутри (рис. 28, *12*). В могилы знати ставили серебряные кружковидные сосуды с петлевидными ручками (рис. 28, *15, 24*), а также бутылкообразные на поддонах. В одном случае на серебряном позолоченном блюде (рис. 28, *16*) размещались сразу четыре золотых сосуда: бутылкообразный с утраченной крышкой (рис. 28, *23*), гладкий кувшин и два кружковидных сосуда с петлевидными ручками и богатым накладным и чеканным узором (типа рис. 28, *24*; 29). Снизу на поддонах первых двух сосудов имеются надписи на енисейской письменности (рис. 28, *23*). В другой могиле найдена круглая золотая тарелка с очень тонким чеканным орнаментом. Описанные серебряные и золотые сосуды изготовлялись местными древнехакасскими ювелирами, создавшими к тому времени собственную высококвалифицированную и весьма продуктивную школу самых северных в средневековой Азии енисейских торевтов [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1940; Евтюхова Л. А., 1948, с. 40—46; Киселев С. В., 1951, табл. 55, 56, с. 618—620; Теплоухов С. А., 1929, табл. II, *25*]. Продукция мастеров этой школы шла и на экспорт в далекие страны.

К этому же времени относятся находки разнообразных земледельческих орудий и их частей: чугунных втульчатых лемехов и отвальных досок плугов (привозных или же изготовлявшихся на месте — рис. 28, *14, 28*), сошников и оковок лопат, серпов и кос-горбуш (рис. 28, *25, 27*), а также парных жерновов ручных мельниц (рис. 28, *26*; Евтюхова Л. А., 1948, с. 80—85).

В могилах находят многочисленные детали конского снаряжения, оставшиеся от седел и уздечек, обычно возлагавшихся на костер при сожжении умершего. Это разнообразной формы железные стремена с петлей на шейке (рис. 28, *2—4*), а также с восьмеркообразным завершением (рис. 28, *5*). Некоторые из них имели прорезное подножие. Среди стремян встречаются высокохудожественные местные изделия, украшенные инкрустациями или аппликациями из меди и серебра, воспроизводящими цветы, растительные побеги (рис. 28, *4*) или порхающих птиц. Такой же инкрустацией украшались удила и псалии из могил знати [Евтюхова Л. А., 1948, рис. 23; 102; Левашева В. П., 1952, рис. 1, *8, 9, 40*; Heikel A. O., 1912]. Удила выковывались двусоставные с двойными перевитыми кольцами и третьим подвижным кольцом для повода (рис. 28, *19*). Псалии их были S-овидными. Концы их нередко заканчивались внизу «сапожком» и вверху — «шишечками» или даже скульптурными головками баранов и оленей. Все они имеют петли различной формы (рис. 28, *19—22*). Появились удила с перекрученными грызлами (рис. 28, *17*). Некоторые стремена и удила с псалиями отливались из бронзы. Седла были высокими, с передними луками арочной формы, правильно реконструированные исследователями Копёнского чаатаса. Это удалось сделать благодаря находкам двух наборов бронзовых скульптурных рельефов, воспроизводящих сцены охоты всадников на различных диких животных. Сцены дополнены бронзовыми стилизованными воспроизведениями гор, поросших лесом, и летящих облаков [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1940, рис. 54; Евтюхова Л. А., 1948, рис. 80; 87; 88; Киселев С. В., 1951, табл. LVIII,

1, 2]. От седел в могилах еще сохранились железные подпружные пряжки (рис. 28, *34*).

К украшениям конской сбруи относятся подвесные бронзовые шлейные бляхи (рис. 28, *29, 32*), среди которых имеются фигурные подвески с изображениями зверей (рис. 28, *30, 31*), а также бронзовые пряжки, бубенчики, ворворки для кистей (рис. 28, *18, 33, 37*) и др. Впервые появляются бронзовые бляхи-тройчатки, закрепляющие перекрестия ремней (рис. 28, *59*). Разнообразные пряжки и бляшки украшали уздечные наборы (рис. 28, *35, 43, 45, 47, 49, 51, 53*).

Из-за обряда трупосожжений от одежд людей сохраняются лишь золотые и серебряные бляшки, наконечники и пряжки наборных поясов (рис. 28, *36, 42, 44, 46, 48, 50, 52, 54—58, 60—67*), среди которых многие являются образцами тонкой высокохудожественной ювелирной работы. Они нередко украшены не только растительными узорами, но и изображениями фениксов, уток, рыб, петухов, фантастических драконов, а в одном случае изображен лев, терзающий барана (рис. 28, *48, 52, 55, 57, 63*). Подвесками таких поясов являлись фигурные «лировидные» бляхи (рис. 28, *67*).

В могилах знати находят золотые браслеты, пуговицы, серьги с подвесками (рис. 28, *38—40*), а также серебряные воспроизведения цветов — аппликаций по металлу.

В нескольких могилах встречены деревянные статуэтки стоящих баранов, головы и шеи которых обложены листовым золотом, а туловища — серебряными или медными обкладками, сохраняющими форму самой скульптуры (рис. 28, *41*). Фигурки баранов созданы весьма реалистично, в древней традиции, восходящей к таштыкской эпохе. В таштыкских склепах обнаружено много деревянных фигурок баранов, оклеенных плющеным золотом. Описанные фигурки являются свидетельством того, что малая пластика имела место как в быту, так и в погребальном обряде древних хакасов в эпоху чаатасов. К сожалению, из-за ограбления мавзолеев знати до нас дошли далеко не полные, отрывочные данные о действительном богатстве тех высокохудожественных памятников скульптурного, ювелирного и прикладного искусства, которые изготовлялись на Енисее в VIII—IX вв. [Евтюхова Л. А., 1948, рис. 28; 104; 105; Левашева В. П., 1952, рис. 1, *3, 4*].

На рубеже IX в. в средневековой Хакасии появляются монументальные архитектурные сооружения, которые открыты в самые последние годы (Кызласов Л. Р., 1972; 1974; 1975; Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1973). В котловине Сорга, на р. Пюрсух, на станции Ербинская, обнаружены остатки деревянного городка, посредине которого возвышался внушительный храм-дворец (рис. 28, *Г*). Массивные сырцовые стены были сооружены на огромном прямоугольном каменном стилобате (41×32,5 м). Эта платформа, вытянутая с востока на запад, имела высоту около 1,7 м. Она была воздвигнута из пятишести слоев больших гранитных валунов, уложенных в глиняный раствор, и обмазана жидкой глиной, смешанной со щебнем. Стены здания (толщиной 2—2,4 м) возведены в 1,6—2,4 м от краев платформы. Они сохранились на высоту около 2 м и первоначально достигали 3 м. Стены образовывали прямоугольник (37,5×28,5 м), ориентированный по странам света. Сооружены они в основном из кирпича размером 48×24×10 см. Внутренняя площадь здания (33×24 м) составляет около 800 кв. м. От перекрытых плоской кровлей внутренних помещений типа галерей остались обгоревшие бревна, балки, резные деревянные колонны с овальными капителями. Изнутри стены, доски потолков и колонны были оштукатурены и побелены. Северная и южная стены имели низкие алтарные пьедесталы, сложенные из сырца. От декора сохранились цветы-аппликации, вырезанные из коры. Над центральным залом в потолке находился световой люк. В восточной стене расчищен вход, к которому поднимался пологий пандус, сооруженный из валунов. Он также обмазан глиной со щебнем. Широкий дверной проем (2,45 м) имел два порога и две двустворчатые двери. Одна из них открывалась наружу, а другая внутрь помещения. Очевидно, парадный вход предназначался для одновременного прохождения многих людей. Другой, малый вход (его проем 1,9 м вверху и 1,28 м внизу), предназначенный для избранных, находился в северной стене, вблизи северо-восточного угла. Он также имел две двери, разделенные тамбуром.

Строительные материалы и архитектурные приемы позволяют заключить, что ербинское монументальное здание воздвигнуто строителями, принадлежавшими к школе западного среднеазиатского и центральноазиатского, а не дальневосточного зодчества. Планировка здания подтверждает, что оно предназначено для торжественных общественных сборов, вероятно, как светского, так и духовного характера. Особенности планировки храма-дворца позволяют предполагать его манихейскую принадлежность. Это согласуется с письменными данными (рис. 28, *Г*).

Таким образом, в котловине Сорга обнаружен, скорее всего, древнехакасский храмовый город. Храм-дворец содержался в большой чистоте, в нем, кроме железных костылей, скоб и вышеотмеченного декора, обнаружены немногочисленные остатки последнего периода обитания людей в здании. Это обломки двух костяных свистулек от стрел и черепки глиняных сосудов. Среди последних — боковинка «кыргызской» вазы с характерным пунктирным орнаментом и сквозным отверстием, а также обломки баночных сосудов с насеченным венчиком и слабо прочерченным орнаментом в виде свисающих треугольников и отверстий на шейке. Подобная посуда характерна для самого конца культуры чаатас и для последующего времени. Вероятно, ербинский храм-дворец еще какое-то время существовал и во второй половине IX—X в.

Из других монументальных архитектурных сооружений к этому периоду относится прямоугольная крепость-город в с. Шушенском, на правом берегу Енисея. Она имела глинобитные стены и глубокие рвы вокруг них. Периметр стен — около 800 м. Стены были ориентированы по странам света, а ворота, ведущие в крепость, находились близ северо-западного угла. Всеми этими особенностями укрепление напоминает прежде всего города-крепости VIII—IX вв., сооруженные уйгурами в Туве [Кызласов Л. Р., 1969, с. 59—63]. Можно предположить, что в начале войны с последними древние хакасы, чтобы обезопасить свои южные границы, построили крепость. Для ее сооружения они, скорее всего, ис-

пользовали взятых в плен уйгур. К сожалению, этот интереснейший памятник, зафиксированный П. С. Палласом в 1772 г. [Паллас П. С., 1788, с. 546], в настоящее время застроен селом и погиб для изучения.

Зато второе монументальное укрепление, также зафиксированное Палласом 200 лет назад, уцелело и было обследовано в 1973 г. [Кызласов Л. Р., 1974]. Этот уникальный средневековый памятник-стена, запиравшая Саянское ущелье, служил оплотом на южной границе древнехакасского государства. Стена преграждала проход из северной части Уйгурии (ныне Тува) в Хакасско-Минусинскую котловину в самом узком месте Саянской трубы, прорезанной Енисеем, текущим в этом месте с юга на север. Здесь в 1 км к югу от устья р. Голубой (правого притока Енисея) на обоих берегах Енисея стоят две скалы. Ширина долины Енисея между ними составляет около 800 м, из которых 500 м приходится на современное русло реки. Стена проходит поперек долины реки от правого берега до восточной скалы. Длина ее 258,5 м. Скала левого берега (западная) обрывается в волны реки.

В настоящее время стена представляет собой хорошо сохранившийся вал с застроенным верхом, идущий почти точно с востока на запад. Высота вала по срезу западного конца 1,65 м, а с юга (со стороны врага) — 1,85 м. Ширина основания вала — 10—11 м. В срезе вала по бокам видны стенки, сложенные из обломков скалы. Между ними, видимо, заливалась тонкоотмученная глина, подстеленная речными валунами. Ширина между стенками 6,6 м. Почти на всем протяжении вала в нем видны обломки скальной серо-синей «графитной» породы, из которой была сложена первоначально стена. Вал имел два прохода шириной по 3,4 м. Датируется стена находкой в ее размыве обломка баночного сосуда «типа чаатас».

Зимой по льду Енисея стена в древности, вероятно, наращивалась с помощью завала из бревен, что делало Саянское ущелье непроходимым для врагов. Хакасы называют эту стену Омай-тура — «крепость Омая». А так как «тура» означает собственно «дом» или «деревянная башня», то не исключено, что стена действительно первоначально имела деревянные башни, в которых нес охрану сторожевой гарнизон.

Еще одной сложной системой пограничных укреплений древних хакасов являются (к сожалению, не изученные археологами) каменные стены в Западном Саяне, построенные на вершине Бюргорак по Хантегирскому хребту и в верховьях р. Тебе. Они также прикрывали южную границу государства.

Следует сказать еще об одной группе населения Хакасии в VIII—IX вв., материальная культура которой хотя и близка к древнехакасской культуре чаатас, но, строго говоря, совсем не относится к ней. Это особая этнографическая группа древних тюрок, бежавшая из Тувы в конце VIII — начале IX в. на север к древним хакасам в период уйгурского засилия в бассейне верхнего Енисея [Кызласов Л. Р., 1969, глава III]. Поселенные в Уйбатских горах, вероятно, на правах союзников, древние тюрки сохранили свою культуру и погребальные обычаи. К их памятникам относятся некоторые погребения могильника Капчалы II (курганы 1, 8 и 13). Они имеют округлые плоские каменные насыпи (диаметром 4 м и высотой 0,2—0,35 м) (рис. 28, *Ж*). Под ними располагаются большие ямы (от 1,9×1,4×1,1 до 2,8×2, 25×1,25 м). Погребенные мужчины захоронены по обряду трупоположения с конем. Скелеты людей лежат в вытянутом положении, на спине, головой на юго-восток в юго-западной части ям, а костяки коней — на боку, головами на северо-запад и в одном случае, на восток — юго-восток. В ненарушенных погребениях останки людей лежат в берестяных гробах, имевших деревянный каркас. Наличие несвойственных для тюрок берестяных гробов является воздействием уйгур, под властью которых эти тюрки жили в Туве во второй половине VIII в. до своего бегства на север.

У лошадей обнаружены крюковые двусоставные удила, по два стремени (с восьмеркообразными петлями), овальные пряжки от подпруг, железные бляшки уздечек и их обломки (рис. 28, *74, 75, 77, 78*). Нашлись и обычные для древних тюрок роговые подпружные пряжки (рис. 28, *76*). Захороненные мужчины были воинами. При них сохранились роговые накладки сложных луков, остатки берестяных колчанов, стрелы с трехлопастными наконечниками и костяными свистульками, черешковые железные кинжалы и ножи, а также пальштабовидные тесла (рис. 28, *68—73*). От сопроводительной мясной пищи уцелели кости овцы (ребра и позвонки) [Левашева В. П., 1952]. Все эти предметы обычны для аналогичных по обряду погребений древних тюрок Алтая, Тувы, Монголии и Средней Азии в VIII—IX вв.

Добавим, что на р. Базе найдено редкое для Хакасии, явно сделанное тюрком, вышедшим из Тувы, каменное изваяние человека (с отбитой головой), державшего в руках сосудик с боковой ручкой (рис. 28, *79*). Аналогичные по иконографическому типу фигуры людей обычны для тюрок Тувы в период Уйгурского каганата VIII—IX вв. [Кызласов Л. Р., 1969, табл. II, *65*; рис. 26; 27; с. 82; Евтюхова Л. А., 1952, рис. 7; 20; 21; 23—26; 32; 33—37; 40; 41; 43].

Древнехакасское государство, как сообщают письменные источники, возникло к VI в. после того, как «их [кыргызов] племя смешалось с динлинами» [Бичурин Н. Я., 1950, с. 350—357; Кюнер Н. В., 1961, с. 281, 282; Киселев С. В., 1951]. Динлино-кыргызский племенной союз сложился в период борьбы с гуннами и окреп в таштыкскую эпоху. Хотя это было объединение племен сложного этнического состава, оно было устойчивым и занимало всю территорию Хакасско-Минусинской котловины и лесостепную полосу. К VI в. здесь сложились классовые отношения, возникла монопольная собственность господствующего класса на землю, появилось зависимое крестьянство. В то же время продолжали развиваться даннические отношения с подчиненными иноязычными племенами, обращались в рабство военнопленные. Государство эксплуатировало и свободных общинников с помощью различных повинностей (общественные работы, «подарки», постой и кормление, военная служба и т. п.).

Первоначально, еще в раннеташтыкской древности, социальные различия совпадали с этническими. Тюркоязычные кыргызы стали правящей аристократической группой. Им подчинялись самодийские,

угорские и кетоязычные этнические группы. Постепенно тюркоязычное ядро в населении древнехакасского государства в процессе ассимиляции значительно возросло, появилось осознание своего родства и единства, но аристократический род кыргыз попрежнему оставался династийным среди других тюркоязычных родов древних хакасов («кара будун» рунических текстов). Наименование «хакас», зафиксированное письменными источниками, есть общее имя слагавшейся в VI—XII вв. средневековой народности Саяно-Алтайского нагорья. Общественное развитие в государстве древних хакасов привело к формированию в нем к IX в. феодальных отношений [Кызласов Л. Р., 1969].

Население древнехакасского государства занималось земледелием, скотоводством и различными ремеслами. Земледелие было высокоразвитым, плужным и в значительной степени основанным на искусственном орошении. Сеяли просо, ячмень, пшеницу, гималайский ячмень, коноплю, рожь. Муку мололи ручными и водяными мельницами. Крестьяне, занимавшиеся земледелием, жили деревнями. Сельские поселения состояли из изб, деревянных граненых юртообразных жилищ, столбовых надворных построек и полуземлянок. Усадьбы ограждались деревянными заборами. Все это подтверждается последними археологическими данными.

Скотоводство было пастушеским, с применением стойлового содержания скота. На зиму заготовлялось сено. В составе стада преобладали коровы. Разводили свиней и мелкий рогатый скот. Скотоводство было в некоторой степени уже интенсивным. Имеются, например, сведения о выведении разных пород лошадей. По засушливым степным участкам и мелкосопочнику размещались полукочевые хозяйства рядовых крестьян, специализировавшихся на разведении верблюдов и мелкого рогатого скота. Жившие в горнотаежной зоне даннические племена занимались преимущественно охотой, рыболовством и сбором съедобных растений. Они разводили домашних оленей.

Специализированные группы древних хакасов занимались горным делом и выплавкой разнообразных металлов (железо, медь, олово, золото, серебро, свинец, мышьяк и т. д.). Особенно широко были развиты кузнечное, оружейное, литейное, ювелирное, гончарное, шорное, каменотесное, плотницкое и столярное ремесла. Ремесло уже отделилось от земледелия. Сложились обособленные поселения металлургов и кузнецов. Велась широкая внешняя и внутренняя торговля. За рубеж продавались товарное зерно, оружие, пушнина, скот, мускус, древесина березы, ископаемые бивни мамонта и изделия ювелирного мастерства. К IX в. появилось регулярное строевое войско.

Большим достижением общественного развития было употребление собственной енисейской письменности. Эта письменность древних хакасов является одной из ветвей руноподобной письменности, зародившейся в VII в. Другой ветвью была орхонская письменность древних тюрок. Оба алфавита отличаются друг от друга, хотя, вероятно, имеют общее происхождение. Есть основание полагать, что руноподобная письменность для тюркоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии была изобретена одним человеком или же одной комиссией ученых того времени.

Как бы то ни было, но в эпоху чаатас возник новый обычай ставить с юго-восточной стороны некоторых бегских курганов стелу с начертанной на века эпитафией. Наиболее ранние стелы с Ташебинского и Алтынкольского чаатасов отличаются канонизированной стандартностью формы и разлинованностью камня под текст.

Письменность и грамотность получили широкое распространение, ибо найдены надписи на бытовых предметах (зеркалах, пряслицах, сосудах, монетах — см. рис. 34). Очевидно, существовали особые училища и учителя. Вероятно, в древнехакасском государстве имелась своя литература, в том числе и переводная. Иметь рукописные книги было необходимо, так как около начала IX в. древнехакасская знать приняла одну из мировых религий того времени — манихейство. Может быть, именно храм в котловине Сорга упомянул побывавший на Енисее арабский географ Абу Дулаф: «Есть у них храм для богомоления и тростник, которым пишут. Народ рассудительный и осмотрительный. Зажегши светильник, не гасят его, пока не погаснет сам собою. В молитвах употребляют особую мерную речь...» [см.: Кызласов Л. Р., 1969, с. 127].

Разнообразные данные, прежде всего археологические, показывают, что государство древних хакасов, размещавшееся в бассейнах среднего Енисея, Абакана и Чулыма, представляло собой в VI—IX вв. наиболее северный оплот средневековой цивилизации.

Культура древних уйгур (VIII—IX вв.)

Археологические памятники древних уйгур Центральной Азии относятся к периоду существования Уйгурского каганата (745—840 гг.). История этого каганата, с главным городом Орду-Балыком на р. Орхоне, еще не написана. Города и памятники древних уйгур на территории современной Монголии почти не изучены. Очень небольшие раскопки Орду-Балыка (ныне городище Хара-Балгас) были произведены В. Л. Котвичем в 1912 г. [Котвич В. Л., 1914] и С. В. Киселевым в 1949 г. [Киселев С. В., 1957]. Впервые крепости и курганы центральноазиатских уйгуров исследованы в Туве [Кызласов Л. Р., 1959; 1960в; 1964а; 1969] и в Забайкалье [Кызласов Л. Р., 1959; 1969, с. 74] в наше время (рис. 30).

Уйгуры — один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии. Они ведут происхождение от одного из племен теле. В IV—VI вв. уйгуры постоянно боролись за свою самостоятельность, но только после гибели Восточно-Тюркского каганата (в 745 г.) смогли создать собственное государство. Западная граница их каганата проходила по Монгольскому Алтаю, восточная достигала верховий Амура и современной территории Маньчжурии, южная — танского Китая, а северная — оз. Байкал. В 750—751 гг. уйгуры завоевали Туву. Ее земли стали северо-западным оплотом государства. В 758 г.

уйгурские войска совершили поход в древнюю Хакасию, а в 756—759 гг. их армия помогла танскому императору разгромить в Китае большое антифеодальное восстание. Около 820 г. началась длительная война с древними хакасами, которым в 840 г. удалось разбить уйгурские войска, убить их кагана и захватить Орду-Балык. После гибели каганата отдельные отряды уйгур, бежавших на восток и юг, продолжали сражаться до 847—850 гг. Основные массы этого народа переселились в Восточный Туркестан и Китай.

В уйгурское время в Туве появились окруженные стенами города и крепости. Была сооружена огромная система пограничных укреплений, охранявшая каганат с севера. Эта система состояла из длинной пограничной стены, в которую были встроены крепости и опорные пункты. Вся система располагалась дугой, обращенной на север. Начинаясь от верховьев р. Хемчик, она проходила по его долине, пересекая р. Чаадан, устье Ак-Суга, и затем выходила на левобережье Улуг-Хема между его притоками Чаа-Холь и Барык. На всем протяжении длинной стены располагалось 17 пограничных крепостей (рис. 31, Е).

Все крепости представляли собой четырехугольники размером от 0,6 до 18,2 га, окруженные мощными глинобитными или сложенными из сырцового кирпича стенами. Некоторые имели округлые оборонительные башни, расположенные по углам и около ворот. Ворот было часто двое. Вокруг крепостей шли глубокие рвы. Крепости и соединявшие их глинобитные стены располагались стратегически продуманно, прикрывая со стороны Саянского хребта центральную Туву от возможного вторжения северных соседей — древних хакасов (рис. 31).

Некоторые из крепостей были в то же время и административными центрами. Таковы пять крепостей, расположенных в районе г. Шагонара. Четыре из них прикрывали III Шагонарское городище, отличающееся от всех остальных не только наличием десяти округлых башен, но и особой внутренней цитаделью (рис. 31, *Б, В*). При раскопках цитадели открыты остатки необычного здания столбовой конструкции, крытого желобчатой черепицей и содержавшего обломки дорогой посуды и танского фарфора. Вероятно, здесь находилась ставка наместника кагана в Туве [Кызласов Л. Р., 1959; 1969].

Все крепости были центрами оседлости, земледелия, ремесла и, вероятно, торговли. В них стояли военные гарнизоны. Раскопки выявили остатки больших каркасных зданий, крытых тяжелыми черепичными крышами, длинных помещений казарменного типа и землянок. Обнаружены железные шлаки — свидетельство металлургического производства. Особенно много найдено сломанных зернотерок и жерновов, каменных ручных мельниц, свидетельствующих о занятии населения земледелием (рис. 30, *11, 37*). Использовались привозные плуги (найден железный чечевицеобразный отвал сложного танского плуга) (рис. 30, *12*). Находки пряслиц от веретен говорят о существовании домашнего ткачества, а обломки глиняных сосудов, часть которых сделана на гончарном круге, позволяют заключить, что здесь жили ремесленники-гончары. Из-за небольшой площади раскопок на городищах еще не вскрыты остатки производственных мастерских.

Около крепостей Шагонарской группы раскопаны два уйгурских могильника (Чааты I и II), резко отличавшиеся от погребальных сооружений местных племен. Это земляные курганы с погребениями в катакомбах или ямах. Погребения совершались на дощатых настилах или подстилках, изредка в обтянутых берестой деревянных гробах на дне глубоких катакомб с входными ямами или просто в ямах (Кызласов Л. Р., 1969, с. 65—74). Лазы из входных ям в катакомбы закрывались деревянными решетками, частоколом, досками, камнями. Камеры катакомб ориентированы перпендикулярно входным ямам или параллельно им. Некоторые имеют лаз в одном из углов входной ямы, располагаясь наискось от ее оси.

В таких могилах хоронили мужчин, женщин и детей на спине, в вытянутом положении, обычно в одиночку. Преобладает северная с отклонениями ориентировка. В головах умерших ставили питье в вазах или вазообразных сосудах и густую пищу типа каши в банкообразных сосудах. Обнаружено шесть типов глиняных сосудов: 1) гончарные вазы (большие, малые и узкогорлые шаровидные), украшенные штампованным орнаментом и вертикальными полосами лощения; 2) лепные вазы, украшенные усиками или фестонами из налепных рассеченных валиков, а также налепами под венчиком; 3) узкогорлые гладкие грубые сосуды, имитирующие вазы; 4) кувшины гладкие; 5) баночные сосуды с гладкой шейкой, обычно гладкие или украшенные рассеченными валиками; 6) горшки с уступом под венчиком, чаще гладкие, реже украшенные налепами на венчике и рассеченными валиками; иногда к тому же с шероховатой поверхностью низа сосуда (рис. 30, *1—7*).

В могилы ставились также железные клепаные круглодонные котлы для варки пищи с вертикальными или горизонтальными ручками (рис. 30, *8, 10*) и сферические медные котлы с железными ручками (рис. 30, *9*). В головах помещали куски мяса овец, коз, быков и ножи (рис. 30, *36*). Иногда головы овец и коз укладывались в деревянных корытцах. Нередко в могилах находили остатки деревянных узкогорлых сосудов и чаш.

В женских могилах обнаружены пряслица, сделанные из стенок ваз, из белого или зеленого камня или глины (рис. 30, *28*), костяные игольники, бусы из стекла и камня, подвески из клыков животных; в детских — бусы, ожерелья из просверленных мелких косточек грызунов, клыков медведей. Младенцев хоронили в тюркских колыбелях с мочеотводными трубками, изготовленными из бараньих костей (рис. 30, *35*).

С оружием погребали лишь избранных мужчин. Обнаружены остатки боевых сложных луков «гуннского» типа с роговыми накладками (рис. 30, *13*) и наконечники стрел из железа и кости (рис. 30, *14—19*). Длина распущенных луков — 1,4 м. От одежды сохранились обрывки шелковых и шерстяных тканей, крученых шнурков, бронзовые и железные поясные пряжки (рис. 30, *20—24*). Найдены железные скобки, гвозди со шляпками (рис. 30, *29*), пластины и бронзовая круглая бляшка со штырьком.

Часто встречаются в могилах погребенные, погибшие на войне. У многих головы посечены мечами и

пробиты стрелами, у некоторых они отрублены и отсутствуют, у иных рассечены кости рук, ног, шеи, ключицы и т. п. Несросшиеся повреждения обнаружены на скелетах женщин и подростков.

Такая картина дополняется раскопками III Шагонарского городища. Его здания были сожжены и разграблены, а в руинах найдена верхняя черешковая часть двулезвийного меча, возможно сломанного в пылу сражения.

Погребенные под земляными курганами относятся по своему физическому типу к брахикранной европеоидной расе с монголоидной примесью и близки по облику к современным уйгурам и узбекам. Многие женские черепа деформированы [Алексеев В. П., 1962].

Интересны данные о поминальном обряде. Под насыпью уйгурских курганов с северной или северо-западной стороны находятся поминальные жертвенники, выложенные из каменных плиток. На них приносили жертвы душе умершего во время погребения. Пищу и питье бросали и возливали на небольшой костер. Остатки его затем забрасывали во входную яму, в засыпке которой встречаются древесные угли и иногда кости животных. Последние также находятся на жертвенниках или разбросаны под насыпью. Это кости овец, быков, жеребят, иногда в насыпи находили тщательно уложенную целую голову лошади.

Памятники уйгур, к сожалению, еще недостаточно выявлены в Монголии и Забайкалье. Однако и там известны аналогичные рассмотренным крепости и даже города (вплоть до р. Аргуни), отдельные уйгурские погребения (Узкое место, могила 1 и Киприяновка, могила 1, раскопанные в 1899 г.) [см.: Талько-Грынцевич, 1902, с. 50, 53, табл. XI]. Известны также местонахождения развеянных ветром поселений и могил в долинах рек Селенга, Сава, Чикой, Баргузин и Онон, где найдена посуда типа «уйгурских» ваз и горшков [Кызласов Л. Р., 1959, с. 71—73; Хамзина Е. А., 1970, табл. XIV, *2*, *7*, *8*; Гришин Ю. С., 1962, рис. 38, *8*]. Посуда уйгурского типа, кажется, обнаружена и на островах оз. Байкал [Свинин В. В., 1976, с. 176].

В Центральной Азии только селенгинские уйгуры ставили мужские каменные изваяния, на которых изображались шапки, поддерживаемые обеими руками сосуды и наборные пояса с многочисленными привесками и сумочками. При уйгурах такие изваяния появились и в Туве, а одно известно даже в Хакасии. Эти реалистичные и тщательно изготовленные скульптуры мужчин — памятники особо отличившимся героям. Они устанавливались в одиночку, лицом на восток. Их отличает ряд признаков: наличие особых шапок или головных уборов в виде кос; рельефно изображенных сосудов, которые фигуры держат обеими руками; пояса имеют много привесок, среди которых обычны фигурные привески с сердцевидными прорезями. Эти изваяния VIII—XI вв. высекались из серого гранита (рис. 30, *65*).

В период Уйгурского каганата в Центральной Азии и Южной Сибири продолжался процесс феодализации. Каган уйгуров раздавал лучшие земли своим феодалам. Эксплуатации зависимого населения содействовала религия — буддизм. С 763 г. государственной религией уйгуров становится манихейство, заимствованное через Среднюю Азию. Основные средства производства — земля (пашни и пастбища) и скот — находились в собственности уже на основе феодального права. Земледелие было плужным с применением тягловой силы животных и искусственного орошения. Значительная часть населения занималась скотоводством.

Важное значение в каганате имела торговля с Китаем и Средней Азией, причем в Уйгурии находились в обращении танские и среднеазиатские монеты. Среди уйгуров были купцы, торговавшие не только лошадьми и другим скотом, но и рабами, ценной пушниной и даже изготовлявшейся в каганате белой тонкой шерстяной тканью.

Памятники говорят о самобытности уйгурской цивилизации. Материальная культура уйгуров имеет глубокие центральноазиатские корни, и именно уйгуры начали серьезно насаждать в центральноазиатских степях и в Южной Сибири оседлую цивилизацию с обширными многоквартальными городами и крепостями.

Уйгуры в VIII—IX вв. имели ту же письменность, что и их предшественники — древние тюрки. Это руническая письменность, основанная на орхонском алфавите.

Своеобразная и высокая культура древних уйгуров оставила значительный след в истории народов Центральной Азии и Южной Сибири.

Тюхтятская культура древних хакасов (IX—X вв.)

Древнехакасская тюхтятская культура (IX—X вв.) впервые была выделена Л. Р. Кызласовым [Кызласов Л. Р., 1960а; 1960б; 1964; 1969].

Первым известным памятником этой культуры стал так называемый Тюхтятский клад, найденный около 1902 г. у д. Тюхтяты на р. Казыре и поступивший в Минусинский музей [Евтюхова Л. А., 1948, с. 67—72, рис. 117—136; Киселев С. В., 1949, табл. LXI—LXIII; Fettich N., 1937, Taf. XIX—XXV].

Основу «клада» составили, очевидно, инвентари погребений IX—X вв., в которые входили танские монеты, выпущенные около 841 г. По месту находки «клада» всю культуру следует именовать тюхтятской. Курганы этой культуры встречаются на несравненно более широкой территории, чем памятники предшествующей древнехакасской культуры чаатас. Они известны на севере в районах городов Канска, Красноярска и на левом берегу Оби ниже Новосибирска (рис. 32). На западе тюхтятские могильники доходят до среднего Иртыша. Там они исследованы близ с. Боброво [Арсланова Ф. Х., 1963а]. На юго-западе древнехакасские могильники IX—X вв. известны не только в Горном Алтае и в долине р. Алей, но и на правобережье верхнего Иртыша близ сел Зевакино, Камышенка и Ново-Камышенка [Арсланова Ф. Х., 1972], а также у с. Мечеть. Один могильник обнаружен далеко на юго-западе близ г. Текели в Джунгарском Алатау [Агеева Е., Джу-

супов А., 1963]. В значительном количестве тюхтятские курганы обнаружены в Туве [Кызласов Л. Р., 1960а, б; 1964б; 1965а; 1969; Нечаева Л. Г., 1966; Маннай-оол М. X., 1963; 1968], а также в Монгольской Народной Республике (Наймаа-Толгой I, Суджа, Ихэ-Алык, Наинтэ-Суме) [Боровка Г. И., 1927; Ramsted G. I., 1913; Erdelyi I., 1965, рис. 8, 9].

Указанное расположение тюхтятских курганов целиком совпадает с исторически известными событиями так называемой эпохи кыргызского великодержавия [Бартольд В. В., 1927], эпохи широкой экспансии войск древнехакасских феодалов в IX—X вв. после разгрома центральноазиатского каганата древних уйгуров в 840—846 гг. (рис. 32) [Кызласов Л. Р., 1960б; 1969].

Таким образом, ранняя дата этой культуры определяется 40-ми годами IX в. (840 г.), а поздняя — второй половиной X в. Подтверждением этого является уточненная хронологическая периодизация эпиграфических памятников, написанных на местной енисейской письменности и датированных с точностью до 25 лет. Многие из этих памятников относятся к IX—X вв. Некоторые из них являлись эпитафиями, высеченными на каменных стелах, установленных около погребений древнехакасской знати под курганами тюхтятского типа (рис. 33, *Б*) [Кызласов Л. Р., 1960а; 1964б; 1965а; 1965б].

Курганы тюхтятской культуры представляют собой памятники переходного типа между древнехакасской культурой чаатас (VI—IX вв.) и средневековой аскизской культурой (конец X—XVII в.). Это округлые насыпи из обломков скальных пород (реже из булыжников) вперемежку с землей или земляные (в тех местах, где нет камня). Иногда это юртообразные сооружения с выложенными из плитняка отвесными наружными стенками, засыпанные внутри плитняком (рис. 33, *Б*, *В*). Диаметры их — от 4—8 до 17 м, высота — от 0,2 до 1,3 м.

В них встречаются одиночные погребения, но иногда сожжения двух или, редко, трех и даже четырех человек. Изредка к трупосожжениям взрослых воинов и женщин добавлялись захоронения младенцев или малолетних детей, которых не сжигали. В их могилы ставили пищу в баночных сосудах и мясо овец. Только в этот период далеких завоевательных походов в древнехакасских (тюхтятских) курганах встречаются трупоположения женщин без вещей, лежащих в ямах на спине, в вытянутом положении, головой на запад [Николаев Р. В., 1972]. Вероятно, это погребения иноземных наложниц-полонянок, которых в случае смерти не сжигали подобно древнехакасским женщинам.

Принесенные с погребальных костров пережженные кости людей обычно просто ссыпали кучками или, реже, ставили в баночном сосуде-урне (рис. 33, *11*). В качестве пищи клали в могилы мясо овец, лошадей, а иногда и коров. Остатки поминальных тризн содержат необожженные кости съеденных на поминках овец и лошадей. Изредка под насыпями лежат два-три конских черепа или неполные скелеты коней без голов. Нередко встречаются нижние части конечностей коня.

Одиночные трупосожжения находятся либо в ямах (круглых, овальных или неправильной формы), вырытых до устройства насыпей, либо в остатках кострищ на горизонте (рис. 33, *Б*, *В*). При этом рядом с теми и другими нередко обнаруживаются ямки с жертвенной пищей (полужидкая пища в сосудах и мясо животных) или ямки-тайники только с вещами.

О том, что все эти типы курганов относятся к одной культуре, свидетельствуют не только найденные в них вещи, но и такие курганы, в которых совместно обнаружены трупосожжения на горизонте и сожжения в ямах. В некоторых курганах погребения под насыпью были окружены как бы «оградками» из вертикально врытых в материк небольших плиток, установленных с перерывами (рис. 33, *Б*). Эти «оградки» имеют подчетырехугольную форму и ориентированы углами по странам света. Точно так до начала IX в. обставлялись каменными столбами или плитами курганы древнехакасских чаатасов и так же обставлялись деревянными столбиками находящиеся под ними подквадратные погребальные ямы. Здесь в курганах IX—X вв. эти низкие «оградки» под насыпями сохранились лишь как пережиток прежних конструкций древнехакасских чаатасов, но именно этот пережиток наглядно показывает, что каменные погребальные сооружения IX—X вв. тесно связаны с предшествующими чаатасами VI—IX вв.

Впрочем, сама конструкция округлых каменных курганов тюхтятской культуры прямо восходит к рядовым курганам культуры чаатас.

В погребения ставились сосуды с питьем и полужидкой пищей. Обычно это баночные сосуды, вылепленные на подставке (рис. 33, *6—8*, *12*), среди которых встречаются банки с двумя и четырьмя налепами на венчике (рис. 33, *9*, *10*). Примечательны новые формы баночных или округлодонных сосудов с насечками по венчику, отверстиями по горловине и узором из свисающих прочерченных треугольников по плечикам. В тюхтятских курганах на Иртыше и Оби встречается больше выпуклодонных сосудов, в том числе и кружковидных [Арсланова Ф. X., 1972; Троицкая Т. Н., 1973].

Иногда сосуды ставили отдельно на горизонте или даже в особых жертвенно-поминальных курганчиках. Нередко в могилу помещали не сосуд, а лишь несколько черепков. В ряде курганов обнаружены обломки «кыргызских» ваз, сделанных на гончарном круге, а также вазы с тамгами под венчиком. Особенностью некоторых ваз тюхтятского времени являются кольцевидные ручки в нижней части тулова (рис. 33, *1—4*). Кроме глиняной посуды, найдены танские лаковые чашки и «тарелочки», пиала и «чернильница» из белого фарфора с желто-зеленой глазурью (рис. 33, *17*, *18*) и разнообразные металлические сосуды местного изготовления (блюдце, украшенное растительными узорами, чашка, серебряные кружки и чаши (рис. 33, *15*, *16*), латунная кружка на поддоне, а также железные котлы, сковородки и черпаки из железа и меди). Изредка встречаются берестяные туески.

Особенно интересны найденные в одном кургане литые серебряные на полых поддонах узкогорлый кувшин с длинным сливом и чашка (рис. 33, *13*, *14*). Они явно западного, скорее среднеазиатского, происхождения, ибо близкие серебряные кувшин и чашка были также совместно обнаружены в кургане

у с. Покровского в Чуйской долине [Городецкий В., 1926] и датируются специалистами VII—VIII вв. [Тревер К. В., 1940, табл. 34; Маршак Б. И., 1961, с. 191]. Кувшин, найденный в древнехакасском кургане второй половины IX— начала X в. в Туве, положен в могилу уже старым, после многолетнего использования. Он сильно помят, имеет изъяны в поддоне и следы оторванной вертикальной ручки, некогда соединявшей тулово с венчиком (в противоположной сливу стороне имеется круглое отверстие для одного конца ручки). Низ поддона обрамлен «перлами». Всеми этими деталями кувшин особенно близок так называемому сасанидскому кувшину, случайно найденному в Пермской области, а также некоторым другим [Смирнов А. П., 1947; Смирнов Я. И., 1909, табл. XII, рис. 79]. Поскольку датировка «сасанидских», или среднеазиатских, серебряных кувшинов (обнаруживаемых случайно вне комплекса) до сих пор не уточнена, находка в Туве особенно важна для исследователей.

В курганах обычно встречается конское снаряжение, свидетельствующее о том, что на погребальный костер вместе с умершим воином клали седло и узду его боевого коня. Седла снабжались железными кольцами с пробоями, стременами обычных для VI—X вв. типов (с петлей на шейке и с восьмеркообразным завершением) (рис. 33, *34, 36, 41*) и подпружными пряжками (рис. 33, *56*). Нагрудный и подхвостный ремни украшались подвесными бронзовыми сердцевидными бляхами со львами или рельефными изображениями бубенчиков и растительных узоров (рис. 33, *62*). Уздечки имели двусоставные витые удила с восьмеркообразными петлями и третьими подвижными кольцами. В курганах такие удила часто встречаются без псалиев (рис. 33, *28*), с S-овидными гладкими псалиями, с псалиями, оканчивающимися шишечкой и сапожком, или прямыми с лопаточкой и изгибом сверху (рис. 33, *37, 48, 50, 51*). Ремни уздечек обычно украшены бронзовыми фигурными и сердцевидными бляшками и наконечниками с рельефно изображенными на них фениксами, лежащими или стоящими козлами, растительным орнаментом. По форме бляхи относятся к типу бляшек Тюхтятского клада (рис. 33, *59, 61, 63*). Столь же нарядны бронзовые бляхи-тройчатки для перекрестий ремней (рис. 33, *60*). Встречаются и портупейные железные круглые бляхи (рис. 33, *58*) с тремя или четырьмя отверстиями, остатки костяных застежек от тороков и пут, бронзовые ворворки, бубенчики и ранние трубочки-султанчики, а также пронизки (рис. 33, *42*, *46*, *49*, *52*).

По прокаленным в огне предметам вооружения видно, что останки воинов сжигались одетыми в панцири или кольчуги, вместе с боевыми луками и наполненными стрелами колчанами, изредка с мечами с прямым перекрестьем, саблями и черешковыми кинжалами тюхтятского типа (рис. 33, *31—33, 54, 57, 81, 87*). Дважды найдены длинные втульчатые копья (рис. 33, *53, 55*). В ряде курганов обнаружены панцирные пластинки, обрывки кольчуги, остатки роговых накладок сложных луков, боевые ножи, мечи, разнообразные наконечники стрел (трехгранные, четырехгранные, трехгранно-трехлопастные, трехлопастные узкие, трехлопастные массивные с отверстиями и выемками внизу лопастей, плоские асимметрично-ромбические, долотцевидные и пр. (рис. 33, *75—85*) и обломки костяных свистулек от стрел. Найденные мечи типа палашей имеют однолезвийные клинки длиной до 0,7 м, которые, однако, на конце заточены на два лезвия. Перекрестия их напускные на черешок для деревянной рукоятки. После пребывания с останками сжигаемого воина на погребальном костре мечи сгибали вдвое и в таком виде помещали в могилу. Среди местных сабель нашлась на Улуг-Хеме и сабля с арабской надписью, привезенная из далекого южного похода.

Из орудий труда в курганах найдены земледельческие орудия, инструменты плотника и столяра (жернова ручных мельниц из серого гранита, серпы, коса-горбуша, проушной топор, тесла, втульчатые долота, бруски из песчаника для правки кос и ножей, нож-резец по дереву и т. п.— рис 33, *19, 20, 22, 23, 27, 38, 39*), швеи и пряхи (пружинные ножницы, пряслица от веретен из стенок сосудов или камня (рис. 33, *24*), железные иглы и т. п.). На поясах в особых кожаных сумочках носили железные огнива с кремнем и трутом. Эти сумочки с наружной стороны часто имели фигурные бронзовые или железные накладки с пряжечками (рис. 33, *44*). Низ накладок иногда служил огнивом. В подобных сумочках из кожи воины носили также походный инвентарь: шило, миниатюрный стальной нож и напильник (для заострения наконечников стрел), конец которого иногда служил стамеской (рис. 33, *25*). Были найдены остатки походного железного котла.

От одежды при сожжении почти ничего не осталось. Встречены лишь обрывки шерстяных тканей и зеленого шелка, золотые пуговицы, железные поясные пряжки и остатки наборных поясов. Пояса обычно были украшены бронзовыми пряжками и разнообразными бляшками (фигурными, квадратными, полукруглыми, сердцевидными), покрытыми растительным орнаментом, или гладкими обоймами, наконечниками и фигурными подвесками, имеющими сердцевидные прорези (рис. 33, *64*, *67*, *72*, *73*, *74*). Появляются наборные пояса из железных бляшек тех же форм, украшенных нередко инкрустацией из меди (рис. 33, *69*, *70*, *71*). Встречаются и золотые бляшки.

Из бытовых предметов и украшений отметим дисковидные зеркала из белого сплава, пинцеты для выщипывания волос, золотой перстень со вставкой, золотые и бронзовые серьги и бронзовые булавки с фигурками фениксов (рис. 33, *40*, *45*, *47*, *65*).

В ряде женских курганов обнаружены бронзовые монеты династии Тан с надписью: «Всеобщая драгоценность [правления] Кайюань» (Кайюань тунбао). В тюхтятских курганах на р. Уени были найдены также тюргешская монета VIII в. и хорезмийская монета-подвеска. Интересны находки привезенных с Индийского океана раковин-каури. В тюхтятских курганах постоянно встречаются слитки меди, серебра и золота — все, что осталось от расплавившихся в сильном огне предметов.

Среди древнехакасских курганов IX—X вв. имеются как богатые по инвентарю, так и бедные или даже безынвентарные, что является свидетель-

ством значительной социальной дифференциации общества. Однако для всех них характерен этнически присущий древним хакасам погребальный обряд и наряду с общими имеются многие специфические формы предметов материальной культуры, резко отличные от предметов тюркских или уйгурских.

У девяти раскопанных в Туве древнехакасских тюхтятских курганов IX—X вв. с восточной или юго-восточной стороны их насыпей стояли каменные стелы с тюркоязычными эпитафиями на енисейской письменности (рис. 33, *В*, *29*, *30*). Раскопки этих курганов с очевидностью показали, что надгробные эпитафии являются древнехакасскими [Кызласов Л. Р., 1969, с. 108]. Были раскопаны еще два каменных кургана, у которых стелы с надписями стояли в одном случае с западной, а в другом — с северной стороны насыпей. У раскопанного на р. Межегее кургана в урочище Кезек-Хурэ стела с надписью стояла прямо в северо-западной части насыпи. Несмотря на отсутствие находок, можно предположить, что эти три кургана, под насыпями которых залегали кострища и находились ямки с остатками деревянных столбов, также являются древнехакасскими. Установка опорных столбиков в ямах обычна для чаатасов VI—IX вв. Кроме того, аналогичные столбики обнаружены в дренехакасском кургане 18 под горой Чинге на р. Элегесте (раскопки А. В. Адрианова, 1915 г.). Помимо стелы — памятника Элегест I (№ 10), этот курган имел еще каменный столб без надписи, стоявший с северо-западной стороны насыпи. Древнехакасские эпитафии и тамги на вертикально установленных стелах и скалах известны также на территориях Хакасии, Монголии (Суджинская стела) и в Горном Алтае.

Еще одним интересным и единственным для Хакасии памятником скульптурного мастерства и эпиграфики является статуя «Богатырь» с р. Ербы (рис. 33, *30*). Она датируется IX—X вв. как по канонической позе поздних изваяний (держащих сосуд обеими руками и имеющих прическу с чехлом в виде косы), так и по высеченной на спине эпитафии с древнехакасской тамгой конца IX в. [Кызласов Л. Р., 1960а; 1964а].

Особо важными памятниками IX—X вв. являются обнаруженные в борах по правому берегу Енисея обособленные поселения металлургов и кузнецов. В них раскопаны многочисленные железоплавильные печи, около которых найдены предметы IX—X вв. [Сунгучашев Я. И., 1974, с. 136].

На территории Хакасии в тюхтятское время градостроительство получило дальнейшее развитие. Продолжал существовать возникший в эпоху чаатас храмовый город в котловане Сорга на р. Пюрсух. Это известно по обнаруженному во дворце-храме на станции Ербинской типичному для второй половины IX—X в. баночному сосуду с насечками по венчику, украшенному отверстиями по шейке и поясом прочерченных свисающих треугольников. В эту пору строится большой город-ставка кагана в низовьях р. Уйбат, вблизи ее впадения в Абакан. Рядовые здания города были деревянными, столбовыми, построенными с применением сырцового кирпича. Усадьбы огораживались деревянными заплотами. Здесь жили кузнецы, гончары и другой мастеровой люд. Вода к городу поступала по магистральному каналу, отведенному от Уйбата. Основные кварталы города еще не исследованы. Произведены раскопки монументальных архитектурных сооружений из сырцового кирпича. Среди них выделяется большой замок-дворец, являвшийся, очевидно, укрепленным жилищем древнехакасского кагана. Это прямоугольное сооружение размером 72×37 м, мощные стены которого сохранились в высоту на 4 м. Восточная сторона его, с единственным входом, укреплена четырьмя фланкирующими башнями (рис. 33, *А*). Две из них — прямоугольные, а угловые — восьмигранные. Самобытная планировка последних подтверждает, что древнехакасские крестьяне жили не только в избах, но и в многогранных юртообразных сооружениях, срубленных из дерева или сооруженных из других материалов (камень и глина).

Строительные приемы, размер кирпича (42×20×10 см), применение глинобитных прямоугольных блоков — все это служит свидетельством того, что древнехакасская архитектурная школа являлась наиболее северным ответвлением среднеазиатского средневекового зодчества. При исследовании замка наряду с вновь открытыми образцами местной гончарной посуды обнаружены горшки уйгур, кувшины с вертикальными ручками, возможно, среднеазиатского производства, обломки изделий из белого танского фарфора и т. п.

Находки показывают, что дворец древнехакасского правителя начал строиться в начале IX в. и существовал долго. Позднее его достраивали и ремонтировали.

Другие древнехакасские города того времени еще не открыты археологами. Об их существовании свидетельствуют письменные источники. Например, иранское сочинение X в. «Худуд-ал-Алам» указывает, что каган в начале X в., после войны с уйгурами, жил в г. Кемиджкет, название которого переводится как «Енисейский город» (город на р. Кем). Из данных Гардизи (XI в.) проистекает, что другая, самая северная ставка кагана в середине X в. находилась поблизости слияния рек Белого и Черного Июсов [Кызласов Л. Р., 1969, с. 96].

Нельзя не отметить, что на той же самой территории, где зафиксированы тюхтятские курганы (Хакасско-Минусинская котловина, Кемеровская и Новосибирская области, Горный Алтай, Алтайский край, Восточный Казахстан, Тува и Монголия), одновременно с ними в IX—X вв., сооружались курганы других древних тюркоязычных племен, в большинстве своем сохранивших обычай погребения с конем. В этих могилах под округлыми каменными курганами (рис. 33, *Г*) человек и лошадь обычно положены головой на запад (иногда с отклонениями от этого направления к юго-западу или северо-западу). Хотя погребальный инвентарь выявляет сильное воздействие древнехакасской материальной культуры (особенно в глиняной посуде и украшениях) и многие формы предметов конского снаряжения и вооружения имеют общие «степные» формы, все же по совокупности признаков эти памятники не могут относиться к тюхтятской культуре (см. первый раздел данной главы).

Древнетюркские всадники, проживающие в это время в Хакасии и Туве (рис. 33, справа), очевид-

но, входили на правах союзников и клиентов в древнехакасское войско и пользовались известной свободой, расселяясь в определенных местах по всей территории каганата древних хакасов в IX—X вв.

В конце кровопролитной двадцатилетней войны с уйгурами древние хакасы в 840 г. захватили территорию Тувы. Их каган писал кагану уйгур: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою Орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя». Прорвавшись в уйгурские степи, древнехакасское войско разгромило уйгур. Их каган был убит, а столичный город Орду-Балык в верховьях р. Орхона был разграблен и сожжен. До 846 г. продолжалась борьба с уйгурами, оттесненными к границам Китая и в Восточный Туркестан. В 847 г. было совершено нападение на монголоязычные племена шивэй, жившие в верховьях Амура и укрывшие часть бежавших туда уйгур. В 841—842 гг., преследуя отступающих уйгур, древнехакасские войска совершали походы через Джунгарию в Восточный Туркестан и доходили до Кашгара. В середине IX в. древнехакасское государство на западе ограничивалось Иртышом, на севере и востоке — Ангарой, Селенгой и хребтом Большой Хинган, на юге — пустыней Гоби. К началу X в. граница изменилась только с юго-восточной стороны. Древние хакасы ушли из восточной части Центральной Азии, сохранив ее западную часть. Граница прошла по отрогам хребта Хангай (рис. 32).

В этот период тяжких феодальных войн жители древнехакасского государства продолжали вести то же комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, что и в эпоху культуры чаатас. Но в IX—X вв. на Енисее значительно возросла добыча железной и медной руды. Получила ускоренное развитие металлургическая промышленность, кузнечное, бронзолитейное и иные ремесла. Естественно, резко выросло производство оружия и защитного вооружения войск.

После снятия уйгурского «барьера» значительно выросла торговля хакасов со Средней Азией, Восточным Туркестаном, Китаем и народами Западной и Восточной Сибири. В обмен на ткани и предметы роскоши они продавали мускус, меха ценных пушных зверей, древесину березы, ископаемую мамонтовую кость, породистых скакунов, оружие и кузнечные изделия, а также хлеб.

В государстве древних хакасов к IX в. сложились феодальные отношения. Существовало государственное и частное землепользование. Захваченные во время войны земли раздавались каганом семьям наиболее отличившихся и родовитых военачальников-феодалов. Такие феодальные наделы «баг» передавались по наследству [Кызласов Л. Р., 1965б; Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1976]. В начале IX в. наряду с ополчением сложилось регулярное войско, появилась новая служилая знать. Закабаленное население платило натуральный налог, несло воинскую и трудовую повинности и другие государственные повинности (постойную, подводную и т. п.). Свободное крестьянство разорялось и попадало в зависимость. Знать имела в частной собственности, на основании феодального права, не только землю и скот, но и крестьян. О дарении крестьян феодалами друг другу упоминают эпитафии на каменных стелах. Захваченные чужеродные племена становились данниками, так называемыми кыштымами, а также рабами.

Военно-феодальный государственный аппарат имел сложную иерархию. Управление государством осуществлялось с помощью громоздкой бюрократической машины, на которую опиралась деспотическая власть кагана [Кызласов Л. Р., 1969].

К этому периоду относится значительное количество разнообразных памятников прикладного, ювелирного и скульптурного искусства. Всемирно известны гравированные на скалах близ станции Копьево Сулекские писаницы — искусно выполненные сцены охоты, турниров, переездов, борьбы животных, геральдические фигуры и птицы, личные тамги и т. п. (рис. 21, *1*, *4—6*, *10*, *12*). Они сопровождаются енисейскими надписями, из которых верхняя в переводе гласит: «Вечная скала», т. е. скала с рисунками, оставляемая на вечные времена [Appelgren-Kivalo H, 1931, Abb, 64—93; Евтюхова Л. А., 1948, рис. 171—180].

Многие другие данные свидетельствуют о высоком уровне хозяйственного и культурного развития населения древнехакасского государства в IX—X вв. Продолжалось широкое распространение тюркоязычной енисейской письменности (рис. 34) и грамотности, в том числе и на завоеванные земли. Памятники енисейской письменности появились на Алтае, на Иртыше, в Прибайкалье и в Центральной Азии на землях бывшей Уйгурии. В IX—X вв. часть знати получала образование за границей в киданьском государстве Ляо и в Тибете. Поэтому в государстве имелись ученые люди, знавшие не только китайский, киданьский, тибетский языки, но и западные тюркские, а возможно, также персидский, арабский и сирийский. На Енисее найдены разнообразные привозные предметы с надписями на всех перечисленных языках.

Образованные люди были, следовательно, хорошо знакомы с религиями и философией стран Запада и Востока. В IX в., например, известен переписчик в тибетской транскрипции китайских буддийских сочинений, который был выходцем «из княжеского дома страны Кыргыз» [Кызласов Л. Р., 1969, с. 127]. При дипломатической переписке каганы древних хакасов пользовались собственной письменностью и писали тростниковыми перьями чернилами (найдены фарфоровые чернильницы-«непроливашки») (рис. 33, *18*).

Наиболее близкие культурные, торговые и посольские связи были установлены со Средней Азией, прежде всего с Семиречьем. Известно, что в 20-х годах IX в. каган древних хакасов был женат на дочери карлукского ябгу, а мать его происходила из знатного рода тюргешей. К IX в. часть знати приняла манихейство, распространяемое сирийцами в Центральной Азии и Южной Сибири через Среднюю Азию. Проникала на Енисей и буддийская пропаганда (найдены буддийские статуэтки). Но рядовое население в значительной своей части, по-видимому, продолжало оставаться язычниками-шаманистами.

Таким образом, IX—X вв. были периодом наибольшей территориальной экспансии древнехакас-

ской военно-феодальной знати, периодом установления широчайших культурных, торговых, межгосударственных и этнических контактов с отдаленными племенами и народами, обитавшими, по выражению рунических тюркоязычных текстов, во всех «четырех углах» света.

Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX—X вв.)

Первые раннесредневековые могильники в Западном Забайкалье (могильники «На Увале» и Хойцегор) были раскопаны в бассейне Селенги Ю. Д. Талько-Грынцевичем в 1897—1899 гг. В 20-е годы Г. Ф. Дебец исследовал могильник у д. Зарубино (1926 г.), а Г. П. Сосновский раскопал значительное число средневековых погребений в разных районах южной Бурятии (1927—1929 гг.). К сожалению, в большинстве своем эти материалы остались неопубликованными [Дебец Г. Ф., 1926; Хамзина Е. А., 1970]. В конце 40-х годов некоторые курганы этого времени изучал А. П. Окладников [Окладников А. П., 1950; 1951].

В 50—60-е годы ценные материалы собраны Е. А. Хамзиной, которая опубликовала первую сводную работу по средневековой археологии Западного Забайкалья [Хамзина Е. А., 1969; 1970]. L 1971—1973 гг. важные факты установлены Л. Г. Ивашиной при исследовании четырех могильников в северо-восточной Бурятии [Ивашина Л. Г., 1973; 1974; 1975]. Еще один могильник в долине Хилок был раскопан в 1975 г. читинскими археологами [Константинов М. В., Немеров В. Ф., 1976; Немеров В. Ф., Белькова Г. З., Шадрин С. Д., 1976].

Из памятников иного характера необходимо упомянуть найденный в середине XIX в. у с. Нюкского клад серебряной посуды, датируемый монгольской пайцзой (с надписью квадратным письмом) концом XIII — первой половиной XIV в. [Извлечение, 1855; Смирнов Я. И., 1909, рис. 173—180].

Несмотря на недостаточную еще изученность в настоящее время территории Западного Забайкалья, здесь можно выделить по формальным признакам три группы средневековых памятников: 1) немногочисленные памятники VIII—IX вв., относящиеся к периоду уйгурского каганата (их характеристику см. в разделе «Культура древних уйгур»); 2) могилы и жертвенно-поминальные курганы тюркоязычных племен IX—X вв.; 3) памятники монгольского периода XIII—XIV вв.

Уточняя периодизацию Е. А. Хамзиной (следующей за Г. П. Сосновским — Хамзина Е. А., 1970, с. 82—83), предлагаем оставить введенные этими авторами названия групп или типов погребений, но с внесением изменений в их содержание и хронологию.

В настоящее время в Западном Забайкалье отчетливо выделяются хойцегорская (IX—X вв.) и саянтуйская (XIII—XIV вв.) культуры. Что касается промежуточных памятников XI—XII вв. (которые Е. А. Хамзиной относились к тапхарскому типу X—XIII вв.), то они в основной своей массе еще не обнаружены и потому не могут быть описаны. С большей долей осторожности к этому периоду, вероятно, можно отнести только могилу 19 из VI могильника на горе Тапхар [Хамзина Е. А., 1970, с. 57—58, 114—116, табл. IV, V].

Хойцегорская культура представлена памятниками, распространенными почти по всей территории Западного Забайкалья. Курганы этой культуры раскопаны в могильниках «На Увале» (1) и в Хойцегоре (3, 7, 8, 12) Ю. Д. Талько-Грынцевичем, на Тапхаре V и Баянголе (1—3) — Е. А. Хамзиной, на Тапхаре (жертвенно-поминальные) — Г. П. Сосновским, в могильниках Бухусан (9, 14—17, 18-1, 19, 24), Харга I (1—7), Харга III (1, 4) и Алтан (1, 2, 4, 9) — Л. Г. Ивашиной.

Могилы хойцегорской культуры были отмечены на поверхности земли округлыми или овальными задернованными выкладками из обломков скалы, иногда с углублениями в центре. Их размеры от 2×2,15 до 4,1×5,8 м. Выкладки часто потревожены в древности, но, вероятно, первоначально представляли собой овальные каменные «панцири», непосредственно прикрывавшие могильные ямы. Под выкладками прямо в слое погребенного дерна или в неглубоких грунтовых ямах (0,2—0,62 м) находились погребения мужчин, женщин и детей — от младенцев до стариков.

Они были захоронены на спине не только в вытянутом положении, но и с коленями, поднятыми вверх, а также в скорченной позе, на правом или левом боку. В количественном отношении несколько преобладали погребения на спине. Варианты трупоположений не зависят от пола и возраста. В шести случаях кости скелетов были настолько перемешаны грабителями, что первоначальное их положение установить не удалось. В большинстве случаев трупы укладывались головой на север или северо-восток, изредка на восток — северо-восток и восток. Дважды удалось выявить, что погребенные были прикрыты досками и лишь в одном случае скелет находился в берестяном гробу, имевшем деревянную раму (Баянгол, могила 1).

Ни в одной могиле не найдено костей домашних или диких животных. Очевидно, мясную пищу не клали. Жидкую или полужидкую заупокойную пищу в сосудах также устанавливали не всегда. В двух могилах (мужчины и женщины) в головах погребенных стояли гладкие баночные сосуды с насечками по венчику, а в третьей могиле — у младенца — сосуд с высоким горлом; в четырех других найдены отдельные обломки горшков. В нескольких случаях сохранились следы поминок, совершенных после захоронения. В двух выкладках среди камней обнаружены обломки разбитых сосудов, а в двух других — кости овец.

В редких случаях в разграбленных или детских могилах совершенно отсутствовал инвентарь или встречены лишь следы железных окислившихся предметов. Детали конского снаряжения обнаружены как в мужских, так и в женских погребениях, что подчеркивает конный быт населения. Однако

необходимо отметить, что из 24 могил, имевших инвентарь, только в шести оказались предметы конского снаряжения. Обычно удила и стремя (или что-то одно из них) положены около головы умершего. В одном случае удила лежали у левого колена, а стремя — между ног; в другом — два стремени и удила располагались справа у пояса мужского скелета.

Стремена разнотипны: с восьмеркообразным завершением и с петлей на шейке (рис. 35, *26*, *28*). Среди последних встречаются экземпляры с фигурным завершением петли или высокой петлей. Удила двусоставные с S-овидными псалиями и дополнительными петлями, иногда с «сапожками» на концах (рис. 35, *23*). Другие удила имеют двойные перпендикулярно расположенные кольца (рис. 35, *14*). Чаще встречается третий тип удил — с перевитыми восьмеркообразными кольцами (рис. 35, *13*). В одной могиле найдена роговая подпружная пряжка и в двух — костяные застежки-цурки (рис. 35, *35*). Отметим также две роговые листовидные подвесные бляхи от сбруи и роговую обойму для узды с парой отверстий (рис. 35, *24*).

Оружие обнаружено только в мужских погребениях. В шести могилах вдоль правой стороны погребенных находились остатки сложных луков уйгурского типа с роговыми концевыми и центральными лопаточкообразными накладками (рис. 35, *1*, *17*, *25*). Наконечники стрел обычно лежали пучками (от 4 до 25 штук) у правого плеча, реже — у ног. При этом отдельные наконечники обнаружены в разных местах могилы. В одних и тех же колчанах, по-видимому, находились стрелы и с железными и с костяными наконечниками. На черешок железных наконечников обычно была надета роговая свистулька. Среди железных наконечников обнаружены как плоские (асимметрично-ромбические; широколезвийные и узколезвийные лопатки, в том числе и специфические с боковыми выступами и вырезным лезвием; вильчатые и скругленно-конечные), так и удлиненные, ромбические в сечении или трех- и четырехлопастные (рис. 35, *8—12*, *18*, *19*, *21*, *22*). Костяные наконечники в большинстве своем удлиненные, полированные, круглые, ромбические или трехгранные в сечении, изредка — четырехгранные втульчатые (рис. 35, *16*, *20*, *29*). Все наконечники стрел специализированы для войны и охоты.

Кроме того, обнаружены железные и роговые острия, а также костяной наконечник копья, а в одной мужской могиле обломки окисленных железных предметов, похожих на остатки меча и, возможно, панциря.

Орудия труда немногочисленны. Больше всего обнаружено железных черешковых ножей, иногда с остатками роговых ручек (рис. 35, *32*). Найдены также гладкое железное тесло поздней формы (рис. 35, *27*), старый каменный оселок, роговые и костяные предметы, в том числе игольник из трубчатой кости (рис. 35, *31*) и острие из рога оленя с отверстием для подвешивания к поясу.

От одежд погребенных почти ничего не сохранилось. Только в Хойцегорском могильнике оказались обрывки зеленой шелковой ткани. От поясов остаются железные и бронзовые пряжки и бляшки. В двух мужских могилах лежали остатки наборных поясов из позолоченных бронзовых пряжек и бляшек. Один из поясов состоял из квадратных, сердцевидных, фестончатых и круглых бляшек (рис. 35, *45*), часть которых украшена растительными рельефными узорами. Другой интереснейший пояс из прямоугольных и сердцевидных блях с полукруглыми привесками и наконечниками был дополнительно украшен двумя лировидными бляхами поздней формы (рис. 35, *39*, *40*, *42—44*) [Талько-Грынцевич Ю. Л., 1902, табл. 1, *6*, *7*]. Кроме растительного орнамента, на каждой из этих бляшек изображены голова или бюст человека (с длинными волосами, в головном уборе типа тиары или короны), ограниченные снизу полумесяцем. На лировидных бляхах таких изображений два, а на прямоугольных, помимо головы на полумесяце, по бокам от нее расположены еще две головы в подобных же головных уборах, но без полумесяцев. Наконечник, кроме головы на полумесяце, имеет сверху две аналогичные головы, опирающиеся на растительные завитки. Семантика описанных сцен еще не выяснена.

Наборные пояса дважды встречены и в могилах молодых женщин. Один пояс состоял из прямоугольных и полукруглых бронзовых бляшек (с отверстиями для подвесок, украшенных растительными завитками), (рис. 35, *4*, *5*). Другой — из серебряных многофестончатых фигурных бляшек (рис. 35, *7*). В женских могилах встречены также бусы из цветного камня и халцедона (рис. 35, *6*), железная спиралевидная подвеска и одиночные бронзовые серьги в виде колец с боковыми отростками и подвесками (рис. 35, *2*, *3*).

Особую категорию памятников хойцегорской культуры составляют жертвенно-поминальные курганы, раскопанные Г. П. Сосновским и Е. А. Хамзиной на горе Тапхар V и в Баянгольском могильнике [Хамзина Е. А., 1970, с. 16, 41—48, 91—95, 101—103]. Располагаются они группами, иногда цепочками, вытянутыми с северо-востока на юго-запад. На поверхности эти памятники отмечены округлыми или овальными каменными выкладками размером от 1,15×1,35 до 4,3×4,5 м. По хорошо сохранившимся кладкам устанавливается, что первоначально это были юртообразные сооружения из плитняка в виде округлых оградок из вертикально установленных плиток, покрытых плитами, положенными плашмя. Внутреннее их заполнение состояло из мощного слоя гумуса, в котором обнаружены лепные баночные сосуды, изредка стоявшие вверх донцами. Таких сосудов в одном курганчике находится от 1 до 2—3 или даже 7. Иногда в гумусном слое встречаются мелкие угольки, а в одном случае поверх камней лежала бронзовая подвеска. Таким образом, в описанных курганчиках захоранивалась, очевидно во время последних поминок, жидкая или полужидкая пища в сосудах, предназначенная для «кормления» душ умерших. В пяти аналогичных сооружениях на горе Тапхар V не оказалось ничего. Очевидно, в них первоначально была уложена какая-то твердая пища (мясо без костей, сыр и т. п.), которая не могла сохраниться.

Хойцегорские баночные сосуды (гладкие или нередко имеющие отогнутый венчик с насечками по верху, поясок из ямок по шейке и зигзагообразный

орнамент — рис. 35, *37*) [Хамзина Е. А., 1970, рис. 6; 22] из жертвенно-поминальных и могильных сооружений однообразны и более всего схожи с подобными сосудами древнехакасской тюхтятской культуры IX—X вв. В этот период времени они употреблялись в быту тюркоязычных племен в предгорьях Алтая, в Хакасии, Туве и в соседней Монголии [Арсланова Ф. Х., 1972, табл. VI, *1*; Евтюхова Л. А., 1957, рис. 7, *5*; Кызласов Л. Р., 1969, рис. 31; Николаев Р. В., 1972, рис. 3].

В жертвенно-поминальных памятниках на Баянгольском могильнике наряду с баночными встречены и гладкие узкогорлые сосуды (рис. 35, *38*, *41*), также схожие с некоторыми типами древнехакасских [Хамзина Е. А., 1970, рис. 25; 26]. Хойцегорские жертвенно-поминальные курганы чрезвычайно близки к жертвенно-поминальным курганам и сооружениям древних тюркоязычных племен Саяно-Алтайского нагорья, начиная с шурмакских, таштыкских и древнетюркских вплоть до древнехакасских тюхтятской культуры [Кызласов Л. Р., 1958, с. 94—95; Кызласов Л. Р., 1969, с. 23—32; Кызласов И. Л., 1975].

В целом хойцегорские могилы и по устройству погребальных сооружений, и по обряду захоронения, и по инвентарю очень схожи с могилами местных тюркоязычных племен Тувы, хоронивших своих умерших в периоды Уйгурского каганата (VIII—IX вв.) и древнехакасского государства (IX—X вв.) [Кызласов Л. Р., 1969, с. 79, 112—114]. Влияние лесных племен Восточной Сибири ощутимо только в наличии некоторых своеобразных типов местных костяных и железных наконечников стрел (рис. 35).

Тюркоязычность племен хойцегорской культуры IX—X вв. может быть сопоставлена со значительным пластом тюркоязычной топонимики в Западном Забайкалье.

Глава третья
Восточноевропейские степи во второй половине VIII—X в.

Салтово-маяцкая культура

С конца XIX в. внимание русских и зарубежных археологов-медиевистов неизбежно привлекают памятники высокоразвитой и своеобразной культуры, созданной полукочевыми народами, заселявшими степные и лесостепные просторы Приазовья и Подонья в VIII—IX вв.

Два памятника — открытое в 1890 г. Маяцкое городище и первые раскопанные в 1900 г. катакомбы Салтовского могильника — дали имя всей культуре: салтово-маяцкая, или просто салтовская.

Помимо Маяцкого городища, в XIX в. в России было известно еще около десятка памятников этой культуры, разбросанных в основном на огромной территории Харьковской губернии.

Однако археологическое изучение этих памятников началось только в 1900 г., когда учитель местной Верхне-Салтовской школы В. А. Бабенко раскопал несколько катакомб на всемирно известном сейчас Салтовском могильнике, расположенном на невысоких глиняных холмах правого берега Северского Донца, рядом с развалинами белокаменной крепости того же времени и огромным селищем. С тех пор вплоть до наших дней из года в год с небольшими перерывами русские и советские археологи работают над изучением сложнейшего Салтовского комплекса (городища, могильника, селища). Первоначально полевыми исследованиями Салтовского могильника занимался почти исключительно В. А. Бабенко. За первые 11 лет раскопок он вскрыл около 200 катакомб [Ляпушкин И. И., 1958а, с. 83—87]. Этот стремительный темп и незнание элементарных правил ведения раскопок привели к гибели огромный, богатейший материал, добытый им при «разработках» могильника. В настоящее время мы не можем даже доверять тем комплексам, которые хранятся в Государственном Историческом музее и в Эрмитаже.

Кроме того, мы знаем, что чертежи погребений В. А. Бабенко изготовлял при помощи заранее сделанной схемы. В результате остались невыясненными многие черты погребального обряда могильника, которые были отмечены последующими исследователями. Копал В. А. Бабенко длинными траншеями, заложенными вдоль склонов. Отсюда и его вывод о правильной «рядности» в расположении могил. На самом деле такой рядности не было. Если судить по другим могильникам, то вокруг катакомб обычно раскиданы остатки тризн. В Салтовском могильнике их так и не удалось обнаружить — раскопки траншеями не оправдали себя: тризны, находившиеся обычно в верхнем черноземном слое, видимо, просто выбрасывались рабочими.

Мы специально так подробно остановились на методике В. А. Бабенко потому, что многие археологи и по сей день пытаются привлекать материалы Салтова для датировок, по сей день полагают, что не нашлось еще для Салтова настоящего исследователя, а когда он найдется, то старые материалы еще получат свое место в науке. Это не так. Раскопки В. А. Бабенко мало чем отличались от печально известных всей археологической России раскопок графа Уварова на мерянских курганах.

Следует отметить, что современники В. А. Бабенко отлично понимали тот вред, который наносит памятнику энтузиазм этого исследователя и по возможности пытались помешать ему. Именно потому приезжали туда такие серьезные археологи, как М. Покровский, раскопавший в Салтове несколько десятков катакомб и хорошо для того времени издавший их. Другой ведущий русский археолог, Н. Е. Макаренко, тоже исследовал на могильнике катакомбы [Федоровский А. С., 1913; 1914; Макаренко Н. Е., 1906, с. 122—144]. Характерно, что последнего направила в Салтово Археологическая комиссия в 1905 г., которая поручила этому опытному полевому археологу «ознакомиться с употребляемыми г. Бабенко приемами исследования и особенно отыскивания катакомбных погребений» [Ляпушкин И. И., 1958а, с. 87]. Как мы видим, комиссию беспокоили те же вопросы, что и нас сейчас,— члены комиссии отчетливо понимали, что дальнейшие работы методами В. А. Бабенко приведут к уничтожению памятника. К сожалению, у В. А. Бабенко были и высокие покровители в научном мире, в частности графиня Прасковья Сергеевна Уварова. Бороться с ней, видимо, было практически невозможно.

Тем не менее даже в этих грабительских раскопках была положительная сторона. Огромный и яркий материал, поступавший ежегодно, привлекал внимание ученых, будил мысль, требовал каких-то, хотя бы предварительных, обобщений. Первым к обобщениям приступил А. А. Спицын, придававший открытию Салтовского могильника первоочередное значение, полагая, что это событие можно считать началом новой эры в изучении древностей южной России. Со свойственной ему почти чудодейственной интуицией А. А. Спицын не только правильно датировал этот памятник по аналогиям с северокавказскими древностями, но и дал в целом верное этническое их определение: все они принадлежали аланам VIII—IX вв. [Спицын А. А., 1909а]. В отличие от него многие русские ученые полагали, что такая высокая культура, как салтовская, могла быть создана только каким-то господствующим в то время народом. Таким народом в VIII—IX вв. являлись хазары, значит хазары и оставили после себя все эти многочисленные, открываемые каждый год в разных местах Подонья и Приазовья памятники [Самоквасов Д. Я., 1908, с. 234; Багалей Д. И., 1909, с. 66]. Этого же мнения придерживался и основной иссле-

дователь салтовского могильника В. А. Бабенко [Бабенко В. А., 1914], который в течение нескольких лет пытался расширить сферу своих работ и, проведя небольшие разведки, начал закладывать шурфы на поселениях (Волчанском, Салтовском). Однако раскопки поселений, требовавшие высокой квалификации, оказались ему не под силу и он бросил заниматься ими, вновь переключившись на могильник. Несмотря на то что внимание ученых было поглощено преимущественно Салтовским могильником, интерес ко всей культуре в целом привел к тому, что археологи начали исследования и некоторых других ее памятников. В. А. Городцов раскопал не менее знаменитый, чем Салтовский, Зливкинский могильник (35 погребений), А. И. Милютин и Н. Е. Макаренко начали большие работы на Маяцком городище, селище и могильнике [Городцов В. А., 1905, Милютин А. И., 1909; Макаренко Н. Е., 1911].

Этим и ограничиваются в основном более или менее крупные работы на салтово-маяцких памятниках, вошедшие в науку в первые полтора десятилетия нашего века, т. е. до Великой Октябрьской социалистической революции.

Новый этап в исследовании памятников салтово-маяцкой культуры начался в конце 20-х годов XX в. Он связан с именем М. И. Артамонова, который организовал широкие разведочные работы по Дону с целью выяснения ареала салтово-маяцкой культуры. Уже к середине 30-х годов ареал этот был примерно определен: на севере — лесостепь верховий Дона, Оскола и Северского Донца, на востоке — междуречье Волги и Дона (граница была проведена примерно), на юге — бассейн нижнего Дона и Приазовье. Западная граница осталась «открытой». Правда, в лесостепи она намечалась благодаря вполне четкой восточной границе славянской (роменской) культуры, вплотную подходящей к салтовским поселениям верховий Донца. Однако распространение салтово-маяцкой культуры на запад по степи оставалось невыясненным. М. И. Артамонов, очертив салтово-маяцкий ареал и сопоставив его с границами Хазарского каганата, проведенными по данным письма Иосифа, счел возможным отнести салтово-маяцкую культуру к государственной культуре Хазарского каганата [Артамонов М. И., 1940].

Помимо разведок и интерпретации культуры, М. И. Артамонов начал раскопки одного из известнейших хазарских городов — Саркела [Артамонов М. И., 1935]. В отличие от подавляющего большинства археологических памятников, обычно не упоминаемых в письменных источниках, этот город был упомянут четырьмя разноязыкими и разновременными авторами: византийским императором Константином Багрянородным [ИГАИМК, 1934, 91, с. 20], хазарским каганом Иосифом [Коковцов П. К., 1932, с. 102], русским летописцем [ПВЛ, 1950, с. 47]; самый поздний источник относится к XIV в.— это описание путешествия митрополита Пимена по Дону [Кудряшов К. П., 1948, с. 9—34]. Митрополит утверждал, что видел развалины города Серклии в месте сближения Волги с Доном. На самом деле там никаких развалин нет, а городище Саркел находилось много ниже — у станицы Цимлянской. Археологи должны были прежде всего доказать ошибку Пимена и принадлежность кирпичных развалин близ станицы Цимлянской древнему хазарскому городу Саркелу. Уже после первых разведок и особенно после больших для того времени раскопок городища, проведенных в 1934—1936 гг., вопрос о тождестве левобережного Цимлянского городища (так называли Саркел в археологической литературе до М. И. Артамонова) и Саркела был решен.

Интересно, что, несмотря на массовость доказательств, приведенных археологами и звучащих для археологов абсолютно неоспоримыми истинами, в конце 40-х годов нашелся историк, который усомнился в правильности выводов М. И. Артамонова и вновь воскресил выдумку Пимена о местоположении Серклии где-то в районе г. Калач [Кудряшов К. В., 1948]. На следующий год после выхода в свет работы К. В. Кудряшова начала работать одна из первых и наиболее крупных новостроечных экспедиций — Волго-Донская. Центр этой экспедиции находился в Саркеле. За три сезона раскопок здесь было вскрыто более половины крепости [Артамонов М. И., 1958], исследованы громадный могильник жителей города [Артамонова О. А., 1963] и примыкающий к нему подкурганный кочевнический могильник [Плетнева С. А., 1963б]. После этих работ соображения К. В. Кудряшова о местонахождении Саркела у Калача окончательно потеряли научное значение. Для археологов особенно существенным представляется то, что археологические датировки и интерпретация различных слоев памятника совпали с датами и событиями, известными по письменным свидетельствам: датой основания Саркела (933 г.), датой гибели его (965 г.), датой гибели Белой Вежи (1117 г.), русской факторни, основанной на месте Саркела.

Волго-Донская экспедиция проводила раскопки и на других синхронных Саркелу памятниках в зоне затопления. Такими были поселения у Карнаухова, у Среднего, у станицы Суворовской и др. Руководителем работ на всех этих памятниках был И. И. Ляпушкин [МИА, 1958, 62]. Свою археологическую деятельность И. И. Ляпушкин начал с изучения материалов из раскопок Таманского городища [Ляпушкин И. И., 1941]. Он первый четко разделил средневековый культурный слой этого памятника на два периода: хазарский и русский. Хазарский слой аналогичен хазарскому слою Саркела. В 1939 г. он заложил большой раскоп на так называемом Правобережном Цимлянском городище — белокаменной крепости, синхронной Саркелу.

Таким образом, не случайно, что именно И. И. Ляпушкин возглавил отряд Волго-Донской экспедиции, изучавшей салтово-маяцкие памятники. Обобщив свои многолетние разведочные и раскопочные работы, он написал большую статью, в которой дал классификацию салтово-маяцких памятников, разделил культуру на два варианта: северный — аланский и южный — болгарский (праболгарский) и подробно охарактеризовал оба выделенных варианта. Эту же работу провел Н. Я. Мерперт, подтвердив выводы И. И. Ляпушкина о двуэтничности салтово-маяцкой культуры [Мерперт Н. Я., 1957].

С середины 50-х годов изучением салтово-маяцких памятников занималась С. А. Плетнева. Результаты

ее разведок и раскопок нашли частичное отражение в книге [«От кочевий к городам», 1967] и в ряде статей и заметок, посвященных отдельным памятникам или категориям вещей [Плетнева С. А., 1959; 1963а; и др.]. В последние годы салтово-маяцкая культура привлекает все большее число молодых исследователей. Были открыты хазарские памятники (городища, поселения, могильники) в Дагестане [Магомедов М. Г., 1975], в юго-западном Крыму (Баранов И. А.). Исследуется ряд широко известных памятников этой культуры в Подонье: поселение и могильник Сухая Гомольша и поселение и могильник Маяки на Донце (В. К. Михеев, А. К. Дегтярь), городище Семикаракорское на нижнем Дону (Флеров В. С.), городище, поселение и могильники у сел Ютановка и Волоконовка на Осколе [С. А. Плетнева, А. Г. Николаенко, 1976], на среднем Донце [Красильников К. И., 1976; 1978] и, наконец, знаменитый Маяцкий комплекс (городище, селище и могильники), раскопки на котором начались в 1975 г., спустя 70 лет после работ, проведенных там Н. Е. Макаренко.

Много сил тратят советские ученые и на дальнейшую систематизацию салтово-маяцких древностей, на более четкую их хронологизацию. Благодаря тщательной обработке материалов и ряду новых открытий по-новому ставятся и рассматриваются многие вопросы, связанные с экономикой, социально-экономическими отношениями, этническими взаимоотношениями внутри салтово-маяцкой культуры.

Одним из самых сложных вопросов, неоднократно дискутировавшихся в научной литературе, является вопрос о ее хронологических рамках.

Со времени открытия и первых раскопок Салтовского могильника благодаря находкам в нескольких его катакомбах монет VIII — начала X в., а также аналогии салтовских инвентарей с уже продатированными северокавказскими аланскими древностями VIII—IX вв. традиционной датой салтово-маяцкой культуры были VIII—IX вв. (может быть, самое начало X в.) [Бабенко В. А., 1907; Спицын А. А., 1909; Покровский А. М., 1905; Федоровский А. С., 1913; Готье Ю. В., 1930, с. 53—69]. Эту датировку приняли все последующие исследователи — М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин, Д. Т. Березовец, С. А. Плетнева и др. В последние десятилетия нижняя дата культуры — середина VIII в.— была подкреплена исследованиями А. К. Амброза [Амброз А. К., 1971]. Следует также помнить, что на отдельных поселениях жизнь продолжалась вплоть до второй половины X в., а кое-где, возможно, и до конца его. Таким поселением является прежде всего Саркел, в котором салтово-маяцкая культура продолжала существовать до 965 г., когда город был разорен Святославом. Пережили конец IX в. (нашествие печенегов) и некоторые крымско-таманские города, в частности Таматарха (Тамань). Продолжалась жизнь в X в. и в самом Салтове, судя по находкам поздних монет в его катакомбах, и в некоторых еще более глухих уголках каганата — в лесостепном пограничье, например на Осколе у с. Волоконовка [Плетнева С. А., Николаенко А. Г., 1976]. Несмотря на некоторое расширение датировки, в целом она все же осталась неизменной: середина VIII — первая половина X в.

Была сделана попытка разделить эти двухсотлетние древности на периоды, т. е. создать внутреннюю относительную хронологию культуры [Плетнева С. А., 1967, с. 135—143]. Ранний период салтово-маяцкой культуры датируется от середины VIII до середины IX в., средний — середина IX в., поздний — вторая половина IX — первая половина X в. Возможно, что в отдельных случаях мы можем выделить еще и вещи второй половины X в. (рис. 36; 37). Следует признать, что любое разделение материала на сравнительно коротком промежутке времени всегда несколько схематично. При таком разделении речь может идти только о преобладании той или иной категории вещей (типа или варианта), а не об исключительном их бытовании на определенном отрезке времени.

В настоящее время не вызывает особых возражений и разделение салтово-маяцкой культуры на несколько локально-этнических вариантов.

Мы уже говорили, что И. И. Ляпушкин разделил салтово-маяцкую культуру бассейна Дона на два варианта. Лесостепной вариант верховий Дона, Оскола, Северского Донца он считал аланским, а степной, к которому относился и Саркел,— болгарским. Именно эти два народа и были создателями салтово-маяцкой культуры — культуры Хазарии. Поэтому всюду, где исторически зафиксированы эти народы в VIII—X вв., известна и салтово-маяцкая или очень близкая к ней культура. Таковы земли северокавказских предгорий (Алания), Крым, Волжская и Дунайская Болгарии. Так ареал салтово-маяцкой культуры необычайно расширяется, от Камы до Кавказа, от Белой до Дуная. Вырастает и число вариантов этой культуры.

Помимо двух выделенных И. И. Ляпушкиным и распространенных только на территории Подонья, мы знаем теперь еще четыре варианта, относящихся к салтово-маяцкому кругу памятников: приазовский, крымский, нижневолжский и дагестанский. Кроме того, через салтово-маяцкий этап в культуре прошли северокавказские аланы, дунайские и волжские болгары, а значит на том этапе их культуру можно также в какой-то степени считать вариантами салтово-маяцкой (рис. 38).

Каждый из вариантов характеризуется признаками, не известными или мало распространенными в других вариантах. Однако таких признаков немного. Обычно здесь, как и при составлении хронологии салтово-маяцких памятников, следует скорее говорить о преимущественном распространении данного признака на территории того или иного варианта.

Исторические письменные источники, дающие нам представление о жизни народов юго-восточной Европы в VIII—X вв., хотя и многочисленны, но кратки и отрывочны. Письменные сведения дают нам только основные вехи по истории степных народов в эпоху раннего средневековья, по истории Хазарского каганата. Все они уже не раз были предметом изучения русских и советских ученых [Артамонов М. И., 1962].

Согласно письменным источникам, история хазарского объединения (типа племенного союза), а затем и раннефеодального государства началась в прикаспийских степях Северного Предкавказья (нынешнем Дагестане). Наиболее ранние достоверные

упоминания о собственно хазарах относятся к VI в. На протяжении первых ста лет хазары активно участвовали в политической жизни Тюркского каганата, ведшего постоянные войны с закавказскими государствами, и главное с Сасанидами. В 30-х годах VII в. Тюркский каганат рухнул в результате вспыхнувшей там междоусобной войны. На его обломках стали возникать новые государственные образования, сложение которых началось еще внутри каганата. Такими образованиями были на территории восточноевропейской степи Великая Болгария (на Тамани и в Приазовье) и Хазарский каганат (в Дагестане) (рис. 39). Каждое из них было возглавлено выходцами из аристократических родов Тюркского каганата: Ашина — у хазар и Дуло — у болгар. Правителем Великой Болгарии был хан Кубрат. Он умер примерно в 40-х годах VII в. После него созданное им объединение распалось на отдельные орды. Наиболее крупными были орда, возглавленная ханом Аспарухом, и орда Батбая.

Одновременно с Великой Болгарией началось обособление и образование Хазарского каганата. Следует помнить, что и там, в прикаспийских степях, основным этническим компонентом объединения были родственные болгарам племена, в частности савиры. Тем не менее политически они принадлежали к враждебному приазовским болгарам объединению, возглавленному хазарами и именовавшему себя каганатом. Ослабление Великой Болгарии привело к тому, что новый каганат присоединил Приазовье к своим землям, захватил пастбища и начавшие отстраиваться приазовские порты. Часть побежденных болгар, возглавленных энергичным ханом Аспарухом, откочевала на Дунай и основала там новое государство — Дунайскую Болгарию. Другая орда осталась и подчинилась хазарам, войдя составной частью в их объединение (рис. 39).

Распространение хазар в Приазовье привело к установлению тесных связей с Византией. К этому времени хазарский федеративный союз племен занимал уже степи и предгорья Дагестана, Прикубанье и приазовские степи, частично степи Северного Причерноморья и часть Крыма. Племенной союз кочевых племен стал превращаться в государство с развитой экономикой. Массы народа осели в поселках и городах. Столицы каганата Беленджер и Семендер превратились в большие, хорошо укрепленные города. Однако вскоре на каганат обрушилось серьезное бедствие — война с арабами. Первые тридцать лет VIII в. прошли в постоянной борьбе хазар с арабами, причем арабы грабили и разоряли жителей каганата, подрывая его экономическую базу. Города и городские стены не успевали отстраиваться. Походы и набеги не давали возможности заниматься восстановлением экономики. Уже это привело к тому, что население из Предкавказья начало массовые откочевки на север — в донские и поволжские степи. Очевидно, в первой четверти VIII в. был выстроен на берегу Волги замок, быстро обросший посадом и названный по имени реки Итиль. Сюда была перенесена из Дагестана столица государства. Сюда же направил свой удар арабский полководец Марван в 735 г. Армия кагана была уничтожена, каган запросил немедленно мира. Однако Хазария не стала вассалом Арабского халифата. Каганат просто переменил место кочевок — предкавказские народы двинулись на север. В этом массовом движении участвовали не только подданные хазарского кагана, но и значительная часть аланских племен, не входивших в каганат, но, очевидно, вассальных ему. Как и хазары, аланы неоднократно подвергались разорению со стороны арабов, и, видимо, это послужило причиной их переселения в Подонье (рис. 39).

На новых землях каганат быстро восстановил силы. Расцвела его экономика и культура, о которых мы можем судить благодаря памятникам салтово-маяцкой культуры. На рубеже VIII и IX столетий при кагане Обадии часть хазарской аристократии приняла иудейскую религию. Вызвано это было политическими соображениями, желанием кагана противопоставить свое государство христианской Византии и мусульманскому халифату, однако, судя по дальнейшим событиям, это была серьезная ошибка правительства. В стране началась смута. В течение почти ста лет продолжались в каганате религиозные и политические разногласия, в результате которых страна ослабела, а центральная власть потеряла прежнее значение. Думается, что многие болгарские орды именно в то смутное время отошли на Волгу (в Волжскую Болгарию) и на Дунай, в существовавшее там болгарское государство.

В самом конце IX в. в степи Подонья и Приазовья ворвались печенежские орды. Уже в середине X в. они овладели всей степью, разорили все оседлые поселки и многие хазарские города в степной и лесостепной зонах. Фактически размеры Хазарии сократились до небольшого (не более 300 км в поперечнике) ханства, расположенного между Доном, Волгой, Тереком и Манычем, т. е. примерно на территории нынешней Ставропольщины.

В 965 г. князь Святослав добил каганат, взяв его столицу Итиль и его пограничную крепость Саркел, который переименовал в Белую Вежу, переведя тюркское слово на русский язык.

Таковы основные вехи истории Хазарского каганата, известные нам благодаря дошедшим до нас письменным источникам. Следует учитывать, что в этих источниках сообщается также о социальном строе, об экономике, о некоторых религиозных представлениях населения каганата. Для нас особенно интересны данные о занятиях населения земледелием и даже виноградарством и садоводством, т. е. развитым земледелием, о кочевании богатой верхушки общества, о языческой вере в бога неба Тенгри-хана и о торговле каганата с халифатом, Средней Азией и Византией. Все эти сведения находят самое широкое подтверждение в археологических материалах.

* * *

Начнем рассмотрение археологических источников с самого распространенного типа памятников — с поселений.

Все известные в настоящее время остатки поселений мы делим на несколько групп: 1 — кочевья, 2 — поселения, 3 — поселения, укрепленные земляными валами, 4 — небольшие мысовые укрепления с остатками каменных стен (замки), 5 — крепости-города, 6 — причерноморские города, выросшие на развалинах античных поселений (рис. 40—42).

Кочевья, или сезонные стойбища, обнаружить археологически очень трудно, поскольку от кратковременных стоянок в земле оставалось минимальное количество отбросов: преимущественно кости животных и обломки нескольких сосудов, разбросанных на территории кочевья и в настоящее время выпаханных на дневную поверхность. Располагались кочевья по берегам рек, оврагов и морских заливов, как правило на первой надпойменной террасе. По размерам кочевья можно разделить на два типа: небольшие — 200—300×100—200 м и крупные — 1000—1500×200—300 м. Оба типа характеризуются малым количеством находок на поверхности и отсутствием культурного слоя (рис. 40, *2*). Иногда археологи обнаруживают на большом участке берега, достигающем длиной 20—30 км, «обитаемую полосу», характеризующуюся редкими находками обломков керамики и костей. По-видимому, это были места ежегодных подкочевок к берегу с неопределенным местом стоянки.

Распространены кочевья далеко не на всей территории салтово-маяцкой культуры — археологам удалось обнаружить их пока только на среднем Донце, в нижнедонских и приазовских степях.

Остатки постоянных поселений — селища распространены значительно шире (и в степях, и в лесостепи) и попадаются чаще. Объясняется это, видимо, тем, что культурный слой на них выражен четче, находок в нем больше и обнаружить такие памятники, естественно, легче. Располагаются селища также вдоль рек на первой надпойменной террасе. Размеры их, как и размеры кочевий, позволяют делить обнаруженные памятники на два типа: небольшие и крупные. Следует учитывать, что в отличие от кочевий селища, как правило, бывают многослойные, т. е. они располагаются на наиболее удобных участках берега, которые обживались в течение многих веков разными народами (от скифов до казаков XVIII в.). Нередко селища с двух сторон ограничены оврагами, впадающими в пойму. В последние годы удалось установить, что эти естественные рубежи иногда подправлялись: углублялись, склоны подчищались и выпрямлялись (рис. 40, *1*).

От этих полуукрепленных селищ один шаг к хорошо укрепленным земляными валами большим поселениям [Ляпушкин И. И., 1958а, б, в; Плетнева С. А., 1967, с. 22, рис. 6]. Площадь этих укрепленных поселений также бывает весьма значительной (500×500 м), располагались они на берегах рек, как правило высоких, но с удобным подходом к берегу (к воде). На таких поселениях, как и на неукрепленных, нередко на поверхности хорошо заметны следы больших зольных куч, образовавшихся в результате ссыпания в одно место золы из очага близлежащего жилища. Зольники особенно четко выделяются при распашке поверхности поселения.

От земляных валов и рвов в степях сохраняются слабо заметные следы в виде заросшей более зеленой травой полосы от рва и невысокого, расплывшегося, местами совсем исчезающего валика (рис. 40, *3—5*).

К земляным укреплениям обычно примыкают обширные неукрепленные селения, нередко вдвое превышающие площадью укрепленные.

Земляные укрепления известны преимущественно в степной зоне салтово-маяцкой культуры, на берегах среднего течения Донца и нижнего Дона.

В лесостепном варианте преобладающим типом укрепления являются небольшие крепости со стенами, сложенными из камня.

Каменные крепости располагались на небольших мысах с крутыми склонами, причем в подавляющем большинстве случаев на месте бывших скифских городищ, добротно укрепленных мощными рвами и валами с напольной стороны, валом по периметру и сплошным эскарпированием склонов. Скифские городища очень большие, тем не менее салтовцы максимально использовали древние укрепления: подновляли эскарп, чистили рвы, наращивали валы и, наконец, на самой оконечности мыса ставили на валы каменные стены и иногда прорезали дополнительный ров с напольной стороны, а на выкиде из него воздвигали каменную стену (рис. 40, *6—9*). Несколько городищ членилось такими поперечными стенами и ровиками на два-три отсека. Аналогии такому членению мы знаем как на Северном Кавказе (аланские крепости VIII—X вв.), так и в Приуралье (см. главы 2 и 4).

Стены на городищах сооружались без фундаментов, камень укладывали прямо на выровненный гребень вала. Кладка стен двухщитовая, или панцирная, без связывающего раствора. Панцири складывались из больших меловых камней, грани их, обращенные наружу, немного подтесывались. Толщина панцирей — 0,6—0,8 м. Между панцирями насыпали более мелкие камни, щебень и все это многократно заливали водой и утрамбовывали (рис. 41, *1, 2*). Толщина межпанцирного пространства достигала 3 м. Таким образом толщина стен равнялась примерно 4—5 м. Форма каменных крепостей в плане предопределялась конфигурацией мыса — обычно она была треугольная, расширяющаяся к напольной стороне. Размеры городищ в целом очень стандартны: 200—300×100—150 м.

Помимо мысовых городищ, мы знаем несколько каменных крепостей, сооруженных на отрезанном глубоким рвом участке берега. К ним относится классическое салтовское городище у с. Верхнее Салтово, рядом со знаменитым могильником. Интересно, что к этому же типу принадлежит и Маяцкое городище: крепость была выстроена на квадратном искусственном «острове», образованном глубоким и широким рвом (рис. 40, *10, 11*).

Среди белокаменных крепостей Подонья выделяются два городища, стены (вернее, панцири) которых сложены из прекрасно обтесанных блоков различной величины (наиболее распространенными размерами являются 60×30×30, 80×40×30 и 30×30×20 см). Одно из них — Маяцкое, второе — Правобережное Цимлянское (рис. 41, *5, 6*).

Маяцкое городище находится в верховьях Дона, в лесостепной зоне салтово-маяцкой культуры. Оно расположено на высоком меловом правом берегу, у слияния речки Тихой Сосны с Доном. Стены городища сохранились в виде высоких оплывших валов. Первоначальная толщина стен доходила местами до 7 м.

В одной из стен оставлен воротный проем, а ров напротив проема имеет перемычку. Размеры городища 80×80 м. В крепости была отгорожена квадрат-

ная площадка размером 40×40 м. Стены ее сооружены в той же технике, но толщина их вдвое меньше. Это, видимо, цитадель крепости.

Городище окружено громадным селищем, занимающим весь береговой мыс. На окраине селища, в овраге, располагался катакомбный могильник (рис. 41, *6*).

Правобережное Цимлянское городище находится в низовьях Дона, на правом берегу Цимлянского моря. Оно занимает небольшой треугольный в плане мыс, соединенный с основным массивом берега узким перешейком. Крепость в плане треугольная, длина каждой стороны 100—120 м. На углах и на середине длины в стенах выделяются сильно выдвинутые башни. Воротный проем напротив перешейка укреплен двумя башнями. Ширина стен Цимлянского городища не превышает 4 м, панцири сложены из прекрасно обработанных блоков, забутовка — из щебня и необработанного камня. Обработанный камень почти полностью был вывезен казаками для строительства Старочеркасской крепости. Сохранившиеся отвалы щебня позволили восстановить первоначальную высоту стен, равную 4 м. Внутренними стенами крепость разделена на три части. Привратный дворик служил, видимо, помещением для коней, так как никаких следов построек в нем не было, а два остальных отсека застроены юртообразными жилищами, хозяйственными ямами, погребами, сложенными из сырца.

Какое-то время крепость сосуществовала с Саркелом. Об этом свидетельствуют типичные саркельские кирпичи, использовавшиеся жителями в качестве составных элементов мебели (столиков, приочаговых «протвиней», порожков). Некоторые кирпичи — с остатками раствора, т. е. они были вытащены из кладки. Использование кирпичей, побывавших в кладке, дает основание считать, что крепость существовала примерно до середины IX в., так как Саркел отстроили около 933 г.

Саркел находился на мысу левого берега Дона, на искусственном островке, образованном рекой и проточным рвом, с внутренней стороны которого тянулся земляной вал. Оконечность мыса, на котором стояла кирпичная крепость, отделена вторым рвом, почти полностью заплывшим. Крепость имела форму четырехугольника (размером 193,5×133,5 м), обведенного толстыми стенами (толщина 3,75 м) с многочисленными башнями (рис. 40, 7) [Артамонов М. И., 1958; Раппопорт П. А., 1959]. И стены, и башни были построены на материке без фундаментов (рис. 41, 7), что характерно для всех салтовских крепостей и свидетельствует о «варварских» традициях, в которых был построен Саркел, несмотря на участие в работах византийского инженера. Главный въезд в город находился в пролете северо-западной башни. Вторые ворота выходили на реку. Внутри крепость была разделена на две части поперечной стеной. В юго-восточной (меньшей) части — цитадели — не было никаких наружных выходов. В ее южном углу стояла квадратная в плане высокая башня-донжон.

Нижний слой городища (около 1 м толщиной) начиная с материка, на котором стояли кирпичные стены Саркела, относится ко времени от 30-х годов IX в. (времени постройки города) до 965 г.— года взятия его русским князем Святославом (рис. 42, *3*). В этом слое было обнаружено огромное количество разнообразных предметов: орудий труда, оружия, украшений, керамики — парадной, кухонной и тарной. Эта великолепная вещевая коллекция содержит аналогии почти всем вещам из других памятников салтово-маяцкой культуры. Благодаря изобилию находок и точности их датировок Левобережное Цимлянское городище стало хронологическим эталоном для всех средневековых древностей юго-востока Европы IX—XI вв.

Близким по планировке и типу укреплений к Саркелу и Маяцкому городищу является Семикаракорское городище, расположенное на берегу левого притока Дона — Сала (вернее, его маленького притока Салка), ниже Саркела примерно на 70 км [Флеров В. С., 1972 — 1975]. На городище в настоящее время обнаружены сложенные из сырца (без фундамента) мощные стены (рис. 41, *8*). Крепость выстроена на острове, возвышающемся над болотистой поймой. Она квадратная в плане (200×200 м), с двумя отходящими от северной стены башнями-курганами. Внутри крепости сооружена квадратная цитадель (70×70 м). Синхронные аналогии этой крепости мы знаем в Туве [Кызласов Л. Р., 1969, с. 61].

Помимо кочевий, селищ, белокаменных и земляных городищ-крепостей и крепостей-городов типа Саркела, к салтово-маяцкой культуре можно отнести слои VIII—X вв. в ряде приморских городов Таманского полуострова и отчасти Крыма. Поскольку крымские города будут рассмотрены в следующем томе настоящего издания, то здесь мы остановимся только на двух хорошо известных в то время таманских городах — Фанагории и Таманском городище, отождествляемом с древнерусской Тмутараканью и хазарской Таматархой.

Оба города располагались на берегу Таманского залива, на расстоянии 25 км друг от друга, оба — на местах древних античных городов Фанагории и Гермонассы.

Фанагория (в окрестностях станицы Сенной) — город с мощными культурными напластованиями. В течение многих сезонов он раскапывался крупнейшими археологами-антиковедами В. Д. Блаватским и М. М. Кобылиной [МИА, 1956, 57]. Античные слои датируются VI в. до н. э.— IV в. н. э. Они занимают значительную часть берега — примерно 1500 м в длину и около 300 м в ширину (первую и часть второй террасы берега). Средневековый слой в Фанагории достигает местами толщины 2 м. Распространен он в основном на прибрежной первой надпойменной террасе (600×120 м). Таким образом, территория города в средние века сузилась более чем в два раза. Название его осталось прежним, античным — Фанагория. Античный слой отделяется от средневекового пожарищем. Видимо, в IV в. город погиб под ударами гуннов. Судя по археологическим данным, по слоям и находкам в них, в V—VII вв. жизнь в нем только теплилась (рис. 42, *3*). Прокопий Кесарийский (IV в.) считает Фанагорию небольшим городком, что, очевидно, вполне соответствовало действительности. К тому же в VI в. и этот городок был разрушен до основания [Прокопий из Кесарии, с. 388]. Следов этого разру-

шения, отмеченного Прокопием, в земле не сохранилось. Впрочем, нет в Фанагории и четко выраженного слоя V — начала VII в. В раскопах попадались только отдельные находки, датирующиеся этим временем. Массовый материал датирует средневековый слой Фанагории VIII—IX вв. Керамика этого слоя идентична керамике салтово-маяцкой культуры степного варианта (кухонные горшки, котлы с внутренними ушками, лощеная посуда). Характерно, что в Фанагории почти нет поливных сосудов (полива появляется в Крыму в самом конце IX в.) и обломков высоких красноглиняных кувшинов с плоскими ручками, которые так же, как и полива, получают распространение только в X в.

Остатки жилищ, обнаруженные в раскопах, представлены более или менее сохранившимися каменными кладками (рис. 42, *4*). Характерно, что все они, как правило, соединены в кварталы и улицы, многие из которых были спланированы заново, без учета древней планировки (например, улица на центральном раскопе). Улицы мостились костями животных и обломками керамики. В разрезе они напоминают слоеный пирог: каждая новая мостовая сооружалась над старой с промежутком в 20 см, что, видимо, соответствует примерно 20 годам. Керамические обломки на мостовых разнообразны и разновременны, но все же можно утверждать, что в самой ранней мостовой преобладают обломки амфор античного времени, а в последнем слое — амфор VIII—IX вв. Ширина улицы равнялась примерно 2 м, переулка — 1 м. Стены домиков всегда сооружались на каменных цоколях или были полностью каменные. Камни укладывались на глиняный раствор в подавляющем большинстве кладок новой системой (приемом) — в так называемую елочку, которая распространилась в Тамани с VIII в. В «елочку» складывали щиты кладок (внутренний и внешний), забутовка состояла из мелких камней и щебня, залитых жидкой глиной. Толщина кладок нигде не превышает 1 м. Дома — двухкамерные (пятистенные), размером 3×6 м. Одна камера отапливалась открытым очагом, расположенным в центре (или реже — в углу) дома, другая была холодной (сени). Почти каждый дом имел огороженный массивной стеной дворик, являющийся хозяйственным помещением без крыши. В нем находились обычно врытые по горло или до середины высоты огромные пифосы—хранилища для вина и зерна, в полу двориков сооружались большие хозяйственные круглые ямы-погреба (конусовидные с плоским дном).

Древняя Гермонасса — средневековая Таматарха (Тмутаракань) располагалась у станицы Таманской. Культурный слой в ней более 12 м. Размеры ее — 350×200 м. Жизнь на этом холме продолжалась в течение многих веков — с IV в. до н. э. по XVIII в. включительно. Слой салтово-маяцкого времени находится примерно на глубине 2 м от современной поверхности (в центре и на юго-западе) и 1 м — в восточной части городища. Слой ниже салтовского толщиной около 1 м относится к V—VII вв., а слой, перекрывающий его,— к X—XII, XIII—XV вв. (в центре) и к XVIII в. (всюду) (рис. 42, *3*).

Основной состав находок — обломки керамики, аналогичной фанагорийской и в целом — салтово-маяцкой. Очень хорошо прослеживается бытование высоких красноглиняных кувшинов. Они появляются в слое X в., в XI в. производство их увеличивается в несколько раз, а в XII в. резко сокращается и затем они исчезают.

В культурном слое обнаружены куски кладок «в елочку» и остатки домов, как и в Фанагории,— двухкамерных. Судя по сохранившимся кладкам, можно говорить, что планировка города и здесь была уличная: дома соединялись в кварталы, разделенные узким переулком, мощенным обломками керамики и щебнем.

Раскопки городов, крепостей и поселений в настоящее время дали большой материал для изучения жилищ, создания их типологии и определения примерного ареала каждого типа [Плетнева С. А., 1967, с. 51—70].

Первый тип — юрты. Остатки юрт впервые обнаружил на Правобережном Цимлянском городище И. И. Ляпушкин, затем их открыли в Саркеле, и, наконец, более 40 юрт было расчищено при продолжении работ на Правобережном городище. Основания юрт там, как правило, врезаны в материк на 20—50 см. Все это, несомненно, остатки постоянных «зимних» построек с утепленной нижней частью. Форма их в плане круглая или овальная, иногда «двухкамерная» — восьмеркообразная с очагом в большей части. Размеры в поперечнике от 2 до 5 м. Очаг находился в центре жилища. Это просто небольшое «тарелкообразное» углубление с обожженным дном, окруженное ямками от вбитых в пол кольев. По периметру юрты прослеживаются такие же ямки от кольев каркаса (рис. 43, *1—3*).

Помимо перечисленных памятников, на которых было раскопано несколько десятков юрт, этот тип жилища известен на степных поселениях нижнего Дона (рис. 43, *4*). Попадается он и в лесостепной зоне — на Дмитриевском поселении, на селище у стен Маяцкого городища (рис. 43, *9, 10*). Правда, там форма юртообразных жилищ не круглая, а прямоугольная с закругленными углами. Кроме того, очевидно, именно юрты были единственным типом жилища на городище Маяки на среднем Донце, поскольку там ясно выраженных следов жилищ археологами не было выявлено и нахождение их определялось только по скоплению (пятнам) находок в слое.

Второй тип — наземные жилища со стенами из плетня, обмазанного глиной. Размеры таких жилищ очень незначительны (3×7 м), отапливались они небольшими очажками, что, по-видимому, может быть свидетельством использования таких построек только в летнее время. Остатки подобных жилищ обнаружены пока на одном памятнике — Карнауховском поселении [Ляпушкин И. И., 1958, рис. 15—20] (рис. 43, *7*).

Третий тип — прямоугольные полуземлянки различной величины (от 7 до 20 кв. м). Крыши у них двускатные, на столбах, очаги расположены преимущественно в центре, но нередко их помещали у стены или даже в углу жилища, как печи у славянских жилищ. Очаги имели обычную форму — «тарелкообразную», хотя попадались и очажки, обложенные битым камнем. В редких случаях салтовцы сооружали и обычные глинобитные, на каркасе печи, аналогии которым широко известны в

славянских (роменских) памятниках. Стены жилищ укрепляли столбами и плахами, обкладывали сырцовым кирпичом или пластами глины (если грунт был сыпучим). На юге, в частности в Крыму, сырец заменяли обычной каменной кладкой, из которой строили цоколи и стены наземных жилищ [Гадло А. В., 1969]. Полуземлянки — самый распространенный тип салтово-маяцких жилищ. Правда, преобладают они на оседлых лесостепных поселениях, но и в степи на зиму сооружали, видимо, это утепленное жилище.

В последние годы на поселениях в бассейне среднего Донца были обнаружены «комбинированные» жилища — полуземлянки с почти наземной пристройкой, а иногда даже с узкими переходами-коридорами (рис. 43, *8*). Интересно, что эти жилища, как правило, очень небрежно выкопаны в земле — котлованы неровные, косоугольные и неглубокие [Красильников К. И., 1976].

Четвертый тип жилищ — наземные постройки на каменных цоколях или полностью с каменными стенами. Мы уже говорили о них при характеристике городского строительства в приазовских морских городах. Распространены они были исключительно в Приазовье. Можно уверенно говорить, что это один из основных отличительных признаков приазовского и крымского вариантов (рис. 43, *15, 17*).

В городах, основанных на развалинах античных портов, дома связывались в кварталы, расчлененные обычно мощеными улицами. Вообще же для салтово-маяцких поселений характерна разбросанная планировка. Усадьбы, обычно отделенные большим расстоянием друг от друга (от 10 до 50 м), занимали очень большой участок берега. Иногда жилища располагались не усадьбами, а как бы «кустами»: пять-шесть домиков в каждом «кусте». Наконец, на ограниченной площади (например, в Саркеле) жилища беспорядочно лепились одно к другому, перерезали старые постройки, пристраивались к кирпичным стенам крепостей. Несомненный интерес представляет для нас прослеженная на Правобережном Цимлянском городище планировка «куренем», т. е. по кругу: большая юрта стояла в центре, семь — вокруг нее (рис. 41, *4*). Это древнейшая планировка, известная среди кочевников вплоть до XIX в. (Плетнева С. А., 1967).

Большинство проблем, связанных с изучением салтово-маяцкой культуры, в частности возникновение ремесел, развитие торговли, вопросы социально-экономического неравенства, проблема этнического определения народов, создавших эту культуру, могут быть решены только с привлечением материалов, получаемых археологами при раскопках могильников. На территории распространения салтово-маяцкой культуры мы знаем сейчас четыре типа могильников: катакомбные, ямные (бескурганные), подкурганные ямные (подбойные), трупосожжения.

Катакомбные могильники являются определяющим признаком лесостепного варианта культуры. Как правило, располагаются могильники этого типа на высоком берегу, на меловых и глинистых склонах холмов. Каждая катакомба состоит из узкой входной ямы (дромоса), забитой почти целиком материковой землей, и погребальной камеры в конце дромоса (рис. 44, *17—21*). Дромосы различаются длиной — чем длиннее дромос, тем богаче погребение в камере. В грунт они врезались «по склону», поэтому, несмотря на почти горизонтальное или слабо наклонное дно, один конец дромоса был сильно углублен в землю. Глубина дромоса соответственно увеличивалась при увеличении его длины (рис. 44, *25*). Если же склон холма был недостаточно крутым, дно дромоса углубляли ступенями. Вход в камеру обычно перекрывали дубовыми массивными плахами. Камера имела полусферическую форму (в плане овальную). На плоском, хорошо заглаженном полу камеры погребали от одного до 10 покойников. После последнего захоронения (полного заполнения камеры) ее закладывали плахами и дромос утрамбовывали землей. Богатые камеры обычно, как и дромосы, тщательно забивали мокрой материковой глиной, отличить которую от материка при раскопках практически невозможно. В дромосы богатых катакомб укладывали убитых лошадей, реже — овец, собак, коз.

Погребения в камерах делятся по числу покойников на три типа: одиночные, парные (мужчина и женщина), групповые (семейные) (рис. 44, *1—12*). Характерно, что мужчин хоронили на спине в вытянутом положении, женщин в подавляющем большинстве случаев — в скорченной позе, на правом или левом боку. Этот обычай распространялся и на детские погребения (девочек и мальчиков). Весьма распространен был обычай перемешивать кости покойников. При этом скелеты ранее похороненных просто сдвигали к внутренней стене и на их место укладывали новых покойников, кости которых затем тоже частично перемешивали (особенно кости ног). Нередко ноги перекрещивали и связывали ремешком. Обыкновенно парные погребения обсыпали углем, попадались угли и в групповых захоронениях. В камере и в дромосе помещали сосуды с пищей и питьем: число сосудов обычно соответствовало количеству погребенных, причем удалось проследить, что мужские захоронения сопровождались кувшинами, женские — горшками и корчагами, детские — кружечками [Плетнева С. А., 1967, с. 125]. Вокруг катакомб были расположены тризны — остатки заупокойных трапез, поставленных или брошенных в мелкие, даже не всегда доходящие до материка ямки. Тризны состояли из одного или нескольких сосудов (преимущественно горшков и корчаг), из сосудов и костей жертвенного животного — козы, свиньи, коровы, из костей животных без сосудов (рис. 44, *13—16*). Интересно, что черепа животных сохранились полностью, следовательно, головы укладывались в яму нетронутыми. Остальные кости в тризне обыкновенно тоже целые в отличие от костей на поселениях, где не разбитые кости попадаются только в виде исключения. Очевидно, захоронение целых костей жертвенных животных является своеобразным обрядом, связанным с верой в воскресение погребенного животного.

Покойников в камерах сопровождал обычно более или менее богатый набор личных вещей. Воинов хоронили с оружием и поясами, украшенными серебряными и бронзовыми бляхами, свидетельствовавшими о воинском достоинстве погребенных [Плетнева С. А., 1967, с. 161—166]. Женщин погребали с украшениями, бусами, различными амулета-

ми на поясе, зеркалами, копоушками и пр. Детей (примерно до 7 лет) хоронили без вещей; видимо, до этого возраста дети не имели личной собственности.

С вещами хоронили примерно 75% взрослых покойников. Остальные 25%, погребенные без вещей,— это беднейшая часть населения.

Большинство наблюдений деталей погребального обряда и подсчетов произведены нами благодаря раскопкам большого Дмитриевского могильника (Белгородская область, Шебекинский район), расположенного в бассейне верховий Донца. Там раскопано более 160 катакомб и 75 тризн. Могильник исследован почти полностью, благодаря чему удалось выяснить планировку могил на всей его площади. Они располагаются очень неровными рядами и в то же время группируются, как жилища на селище, «кустами» по 10—20 катакомб в каждом. Одна от другой такие группы могил отделены пространством, не занятым ни могилами, ни тризнами.

Помимо Дмитриевского и знаменитого Салтовского могильника, находящегося на 50 км южнее Дмитриевки, в настоящее время в бассейне Дона известно еще девять катакомбных могильников. Все они принадлежат к лесостепному, так называемому аланскому, варианту салтово-маяцкой культуры, и все имеют ближайшие аналогии в катакомбных аланских могильниках Северного Кавказа. Помимо археологических данных о сходстве и даже почти тождестве аланских культур лесостепи и Предкавказья, их связывает еще и тождество антропологических материалов: черепа отличаются длинноголовостью (долихокраны), узколицестью [Дебец Г. Ф., 1948] (все определения черепов Дмитриевского могильника проведены Т. С. Кондукторовой).

В заключение следует отметить, что каждый из известных сейчас катакомбных могильников имеет ряд признаков, отличающих его от всех остальных. Пока мы можем только наметить некоторые своеобразные черты в частично исследованных могильниках.

Так, для Дмитриевского и Салтовского могильников характерно примерно равное количество полых и забитых камер, кроме того, первый отличается очень большим числом сосудов в дромосах и тризнах, а второй — отсутствием тризн, хотя возможно, что их просто не смогли обнаружить. Для Подгоровского могильника свойственны только полые камеры, для Ютановского — исключительно длинные и глубокие дромосы и большие камеры, сплошь забитые землей, в камерах Нижне-Лубянского могильника сооружались деревянные конструкции в виде помостов и полок и дромосы забивались землей с камнем, а маяцкие катакомбы — мелкие, небрежно выкопанные, с короткими и мелкими дромосами, забитые плотной глиной и, как правило, с небольшим количеством находок и совсем без сосудов — отличаются от катакомб всех вышеописанных могильников. Такие локальные особенности внутри варианта только еще намечаются; очевидно, каждый район был занят определенным родом или группой объединенных родов, характеризующихся при общем единстве своеобразными чертами, отличающими их от населения соседнего района.

Второй тип могильников — бескурганные ямные. Обряд погребения в них значительно проще (рис. 45). Ямы прямоугольные с закругленными углами, глубиной 0,6—1,5 м. Стенки их ровные вертикальные или с заплечиками на середине глубины, оставленными для опоры деревянного перекрытия.

На дно ямы часто насыпали слой угля или укладывали камыш. В поздних могилах (конца IX — начала X в.) применяли гробы различных конструкций: рамы, т. е. сооружения без дна, с плоскими крышками из двух досок, гробы-ящики, аналогичные первым, но с дном, и гробы-колоды, выдолбленные из половины распиленного вдоль ствола, из другой половины которого изготовлялась крышка. Такие гробы попадались в салтово-маяцкое время очень редко. В степях они появились позднее — в X в.

На дне или в гробу покойника укладывали на спине, в вытянутом положении, с вытянутыми вдоль тела руками. У ног или у головы ставили один-два сосуда и, как правило, помещали большие различные куски туш разных животных. Так, в самом исследованном из ямных могильников — Зливкинском — в могилы мужчин и детей клали куски баранины, а в могилы женщин — говядины, конины и свинины. В Волоконовском могильнике мужчинам полагалось седло коровы, а женщинам — бок и шея коровы, детям же клали обычно баранину. Вещей в ямных могилах почти не бывает, изредка лишь попадаются в женских и детских погребениях украшения — серьги, перстни, браслеты, а в мужских — отдельные предметы вооружения.

Антропологические определения показали, что все похороненные относятся к брахикранам-европеоидам. Аналогии известны в могильниках Волжской и Дунайской Болгарий. Следует сказать, что погребальный обряд в обеих странах тот же, что и в донских и приазовских могильниках: в простых ямах с малым количеством вещей.

В настоящее время известно в Подонье более 20 могильников (рис. 45, *19*), на которых раскопано свыше 500 погребений, датирующихся от VIII до середины X в. Расположены эти могильники, в отличие от катакомбных, в основном в степях — на нижнем Дону, на среднем Донце и в Приазовье. Однако в последние годы все чаще стали обнаруживать ямные болгарские могильники и отдельные погребения в лесостепной зоне, в непосредственной близости от катакомбных кладбищ. Такие могильники были найдены у Салтова [Березовец Д. Т., 1962] и у Волоконовки [Плетнева С. А., Николаенко А. Г., 1976]. Характерно, что оба они располагались на левом берегу реки, на первой надпойменной террасе, напротив городища и катакомбных могильников. Попадаются болгарские могилы и прямо на катакомбных могильниках [Плетнева С. А., 1972], причем иногда, как и катакомбные погребения, сопровождаются богатым набором вещей. Существенно также, что в самих катакомбах очень часто погребались болгары (женщины в таких случаях, как правило, уложены в вытянутом положении, на спине), а еще чаще — мезокраны, т. е. покойники смешанного антропологического типа. Таким образом, территорию распространения болгар нельзя ограничить только степной полосой; по-видимому, они постоянно в большом количестве селились в плодородных речных долинах лесостепного Подонья.

Как и катакомбные могильники, ямные погребения в разных районах салтово-маяцкой культуры разнотипны (рис. 45). Так, группа среднедонецких погребений характеризуется простыми, без заплечиков, ямами, сосудами и костями животных в могилах, почти полным отсутствием гробов (попадаются в виде редчайшего исключения). Погребения верхнедонецкого могильника близ Салтова отличаются большой глубиной и длиной (как дромосы), перемешанностью костей погребенных, захоронением с ними относительно большого количества вещей, сосудов, костей животных [Березовец Д. Т., 1962].

Ямные погребения на Дмитриевском катакомбном могильнике характеризуются явными чертами, заимствованными из катакомбного обряда: в частности, в ямах попадаются скорченные на боку женские скелеты, вещи, сосуды. Отличительной чертой Волоконовского могильника на Осколе являются гробы-рамы. В могильнике на нижнем Донце у Каменска вместо деревянных гробов использованы каменные ящики, которые сближают этот памятник с крымскими погребениями, а у Саркела и Семикаракорского городища погребения болгар произведены в мелких ямах непосредственно под стенами крепости. без вещей. На нижнем Дону погребения, судя по Багаевскому и Крымскому могильникам, почти аналогичны Зливкинским, хотя в них реже попадаются сосуды и остатки мясной пищи (костей животных) и чаще — предметы быта и украшения. Вполне возможно, что некоторые выявленные оригинальные черты имеют скорее хронологический, а не локальный характер, однако при малом количестве вещей в могилах построить хронологическую или эволюционную таблицу ямных погребений затруднительно. В настоящее время уверенно можно сказать только о том, что гробы появляются в болгарских могилах в последний период существования салтово-маяцкой культуры [Плетнева С. А., Николаенко А. Г., 1976].

Подбойные могилы весьма напоминают сарматские: длинная входная яма, подбой вдоль одной из сторон. Как правило, в них погребались болгары, в вытянутом положении, на спине, без вещей и сосудов (Дмитриевский могильник).

Разновидностями ямных могил являются погребения, совершенные в подбоях и круглых глубоких конусовидных, как бы хозяйственных, ямах (рис. 45, *9, 12, 13*). Круглые ямы-могилы известны в Саркельском могильнике. Покойники погребены там в вытянутом (по диаметру ямы) или сильно скорченном положении (в небольшой ямке), причем поза погребенных зависит от их пола (скорченные женские скелеты). В такой же круглой «хозяйственной яме» произведено погребение на Дмитриевском селище. В аналогичных больших ямах совершались и ритуальные захоронения животных в Саркельском могильнике, на нескольких поселениях нижнего Дона, на Маяцком селище и пр.

Очень редкой разновидностью салтово-маяцких погребений являются захоронения в заброшенных жилищах (рис. 45, *14*). В настоящее время они известны в лесостепной зоне на Дмитриевском и Маяцком селищах, на нижнем Дону (в Саркеле). В Дмитриевке погребение находилось на месте очага в небольшом подбое в стенке. Также в подбоях в противоположных стенках жилища обнаружены погребения в Саркеле. На Маяцком селище глубокие погреба, вырытые в плотном меловом материке, использовались в качестве дромосов — в их стенках вырубались погребальные камеры; там же мелкое, почти наземное жилище было прорезано глубоким дромосом, оканчивающимся камерой, сооруженной с максимальным использованием естественной трещины в меловом материке, прорезавшей жилище.

По всей вероятности, в жилищах хоронили людей, по какой-либо причине не имевших права быть погребенными вместе со всеми на кладбище (знахари, кузнецы, колдуны и пр.).

Третий тип погребений — подкурганные ямные. Впервые уверенно выделила этот тип захоронений экспедиция Л. С. Клейна [АО, 1972]. Ею был обнаружен почти полностью уничтоженный распашкой курганный могильник у г. Новочеркасска (рис. 45, *16*). Один из курганов был раскопан. Под ним находилась подбойная могила с приступкой на противоположной от подбоя стороне. На приступке головой на восток лежал скелет лошади. В подбое стоял гроб с покойником, ориентированным головой на запад. Погребение разорено, но даже по оставшимся вещам видно, что оно было хорошо снабжено разнообразным инвентарем: оружием, украшениями, сосудами. Кроме того, в могиле была обнаружена золотая монета середины VIII в. По периметру кургана проходил ровик, образовавший в плане квадрат со сторонами 11,5×12 м. С западной стороны к нему примыкала прямоугольная пристроечка, от которой также остался лишь ровик. В ямке крестообразной формы, врезавшейся в сооружение с восточной стороны, были найдены челюсти и ноги еще одной лошади (тризна?). Сейчас в бассейне нижнего Дона найдено и раскопано несколько аналогичных погребений с квадратным в плане ровиком под курганом [Мошкова М. Г., Максименко В. Е., 1974, с. 45—48]. Могилы в них не всегда подбойные, попадаются и ямные (иногда с заплечиками), однако подбои характернее.

Четвертый тип погребений, встречающийся на территории, занятой салтово-маяцкой культурой,— трупосожжения (рис. 45, *17, 18*). Все находки погребений с трупосожжениями известны в бассейне верхнего Донца и западнее его вплоть до Днепра. Одна группа трупосожжений — урновая. Урнами служат горшки, характерные для пеньковской культуры, а также горшки и лощеные корчажки салтово-маяцких типов [Плетнева С. А., 1972]. На Донце эти погребения известны пока, кроме семи погребений на Дмитриевском могильнике, на могильнике у салтово-маяцкого белокаменного городища Сухая Гомольша.

Вторая группа трупосожжений — безурновая. Помимо Сухогомольшинского могильника, погребения этой группы известны на Ново-Покровском могильнике. Там раскопано более 20 бескурганных и безурновых погребений, совершенных в неглубоких корытообразных ямках. Сожженные кости в ямках засыпаны таким образом, что кости черепа находились в западном конце ямки, а ног — в восточном. Рядом с могилами наиболее богатых покойников

располагались тайнички, в которых были погребены вещи покойников: сбруя, оружие (в том числе согнутые вдвое сабли), украшения и пр. Могильник раскапывался И. Ф. Левицким и Ю. В. Кухаренко [Кухаренко Ю. В., 1951].

Тайнички с оружием и другими вещами типичны и для могильника у Сухой Гомольши. Один тайник (погребения обнаружено не было) найден на Осколе у с. Тополи. Состоял он из набора оружия, сбруи, железного котла с цепью [Кухаренко Ю. В., 1951].

К тому же кругу памятников относится, видимо, и сооружение у с. Вознесенка на среднем Днепре (см. главу 1 этого тома).

Трупосожжения несомненно нехарактерны для народов, создавших салтово-маяцкую культуру. Попадаются они редко и, как правило, на периферийных землях этой культуры или вообще за ее пределами (в Приднепровье, Поволжье и т. п.). Если катакомбные и ямные погребения легко связываются с определенными этническими группами — аланами и болгарами, а подкурганные захоронения в подбоях, вполне вероятно, были оставлены хазарами, то принадлежность трупосожжений обеих групп пока остается неопределенной. Правда, урновые погребения, очевидно, следует связывать с так называемой пеньковской культурой, но ее этническая принадлежность пока еще вызывает много споров. Вопрос тем более усложняется, что в западной части Предкавказья и в Прикубанье известны трупосожжения в урнах с сопровождающим их инвентарем, в частности оружием (см. следующую главу этого тома). Может быть, в будущем связь памятников, исследование которых только начинается, будет доказана. Трупосожжения в ямах также пока трудно сопоставить с каким-либо определенным этносом или культурой. Только гипотетически мы считаем их принадлежащими какому-то тюркоязычному народу, входившему в состав Хазарского каганата.

На поселениях и особенно в могильниках попадается громадное количество самых разнообразных находок: орудий, оружия, бытовых металлических предметов, бронзовых, серебряных, золотых и стеклянных украшений, глиняных и стеклянных сосудов, игрушек. Типология найденных предметов в какой-то степени отражена в таблицах.

Орудия труда свидетельствуют о развитой и даже безусловно передовой для того времени экономике. Земледельческие орудия — тяжелые асимметричные наральники и чересла, серпы достаточно искривленных форм, косы-горбуши, виноградные ножи и жернова — говорят о значительной роли земледельческого труда в жизни салтовцев. Следует учитывать, что железо сохраняется в земле обычно очень плохо — известно только несколько памятников, с которых происходит подавляющее большинство найденных орудий труда (рис. 36). Это городище Маяки на среднем Донце, Правобережное Цимлянское городище и Саркел. Все эти памятники относятся к степному болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры. В Саркеле, кроме того, было найдено большое количество обожженных зерен пшеницы, проса, ячменя, виноградных косточек, семян бахчевых культур. Тем не менее отдельные находки серпов, обломков кос-горбуш, чересел на лесостепных поселениях и могильниках, не отличающихся от вещей, найденных на более южных памятниках, говорят, видимо, о том, что культура земледелия и на лесостепных землях была столь же высокой.

Как правило, о развитии ремесел в древних государствах археологи судят по тем изделиям, которые доходят до нас и которые явно были сделаны населением, создавшим изучаемую культуру. Исследователи салтово-маяцкой культуры имеют достаточно разнообразных орудий труда, которыми работали салтовские ремесленники (рис. 36). Это щипцы, долота, ложкари, напильники, сверла, молоты, наковаленки, ножницы (в том числе для резки металла), пунсоны, щипчики и молоточки, пилки, пряслица, шила, кочедыги и т. п. Полный набор этих инструментов обнаружен там же, где и земледельческие орудия, поэтому говорить об их распространенности по всей территории культуры мы сейчас не можем.

Очень разнообразен и бытовой инвентарь салтовцев — наборы ножей по три — пять штук, рыболовные крючки разной величины, точила, путы для лошадей, ботала, крючья и цепи для подвешивания котлов, котлы, клепанные из узких листов железа, кресала, шампуры и вилки для мяса. Особенного внимания заслуживают мотыжки — самое распространенное орудие труда салтовцев (рис. 36, *82*). Их насаживали на коленчатую рукоять. Ими в основном пользовались при копании земли — во многих катакомбах, на стенках многих полуземлянок прослеживаются следы от выдалбливания этими мотыжками, заметны они на камнях Маяцкого городища. Возможно, что ими же начерно выдалбливали и деревянные крупные предметы обихода (корыта, лохани) и даже лодки и гробы.

Деревянный инвентарь, особенно посуда, был широко распространен у салтовцев. В последние годы в сырых катакомбах Нижне-Лубянского могильника было обнаружено несколько почти целых сосудов, явно сделанных на токарном станке, миски и блюда, ковши, ложка. Края сосудиков для прочности оковывали бронзовыми пластинками. В могилах других могильников нередко находили тлен от мисок и такие же бронзовые оковки, свидетельствующие о том, что деревянная посуда часто использовалась салтовцами (рис. 46, *37—43*).

Однако, несмотря на наличие деревянной посуды и железных котлов (рис. 36, *58*), излюбленным видом посуды у них была керамика разнообразнейших групп, отделов и типов. На группы она разделена нами по назначению, на отделы — по способу изготовления, на типы — по форме и частично назначению. К первой группе относится вся кухонная керамика, в основном горшки. В один отдел входит посуда, сделанная от руки (лепная,), в другой — гончарная, сделанная на ручном и ножном гончарном круге (рис. 47).

Лепные яйцевидные горшки, иногда с насечкой или вмятинами по краю венчика и с прочерченными тамгами на тулове, распространены на всей территории салтово-маяцкой культуры. Все они, как правило, изготовлены из глины с примесью травы и дресвы, все довольно толстостенные, грубые, печного неровного обжига (рис. 47, *1—5*).

Среди горшков, сделанных на гончарном круге, в настоящее время четко выделяются три типа.

В первый входят круглые или яйцевидные хорошего обжига горшки с отогнутым венчиком, нередко украшенным насечками, штампиком, волной. Все тулово сосудов этого типа покрыто сплошным или зональным линейным орнаментом, а на плечиках — волнистым. Глина обыкновенно содержит примесь кварцевого речного песка или морского песка с толченой ракушкой. Горшки этого типа разделяются на варианты, которые пока только намечаются: шаровидные, яйцевидные (вытянутые), конусовидные, напоминающие по общим очертаниям более поздние русские, с сильно отогнутым венчиком и почти прямым вертикальным венчиком, с резко проведенным по сырой глине глубоким орнаментом и, наоборот, со слабо выраженным орнаментом и т. п. (рис. 47, *9—18*). Выявляющиеся особенности обычно хорошо согласуются с разными районами салтово-маяцкой культуры [Плетнева С. А., 1967, с. 106—114]. Видимо, различные мастерские были слабо связаны одна с другой и мастерицы, придерживаясь общих канонов, все же вносили в производство индивидуальные особенности. Горшки первого типа распространены на тех территориях салтово-маяцкой культуры, которые мы связываем с болгарами, т. е. в основном со степью. В лесостепной зоне, среди алан, использовались второй и третий типы горшков. Они толстостенные, с примесью дресвы (иногда крупнодробленой), обжиг этих горшков неровный, венчики слабо отогнуты, тяжелые, с насечками по краю (рис. 47, *19—22*), тулово покрыто неровным, небрежно проведенным линейным орнаментом, нередко почти невидимым на поверхности (нанесен орнамент плоской палочкой).

Отличие между вторым и третьим типами горшков заключается в размерах и тщательности, с которой они сделаны. Горшки третьего типа вдвое больше, стенки их достигают толщины 2 см, примесь дресвы всегда очень заметна, ее видно даже на поверхности. Обжиг неровный, небрежный. Большинство горшков третьего типа мало приспособлены для хранения или варки жидких продуктов: они настолько пористы, что свободно пропускают воду и быстро размокают. Служили они обычно в качестве хранилищ для сухих продуктов. Орнамент на поверхности сосудов тоже линейный, но небрежный, прерывающийся, местами заглаженный и затертый поперечными полосами.

Обломки этих горшков нередко весьма напоминают роменские, поскольку попадаются сосуды и с примесью шамота в тесте, как у славянских сосудов. Из-за этого археологи во время разведок и сборов подъемного материала иногда ошибочно относят памятники салтово-маяцкой культуры к славянским — роменским. Так, например, в ряде работ повторяется, что городища Мохнач и Коробовы хутора — роменские памятники, тогда как они являются типичными городищами-замками салтовцев (с каменными стенами) [см., например, книгу: Сухобоков О. В., 1976, с. 22].

Отдельным типом кухонной посуды являются так называемые котлы с внутренними ручками (рис. 47, *10*, *16*, *17*). В большом количестве обломки этих котлов были обнаружены в слоях Саркела. Они имеют вид низких горшков со слабо выделенным венчиком. Дно иногда круглое, поверхность покрыта густым линейным орнаментом, на дне образующим спиральный завиток. На внутренней стороне венчика выделяются расположенные друг против друга выступы. На каждом выступе по два отверстия, сквозь которые продевали ремень или крючья для подвешивания. Аналогичные котлы известны на некоторых поселениях Нижнего Подонья. Очень часто они попадаются в Приазовье, в частности в Фанагории. В лесостепи их находят редко, и, как правило, они здесь имеют несколько иной вид: выступы для внутренних ручек у них прямоугольные, с двумя небольшими дырочками, тесто же — как и у лесостепных горшков. Только на Маяцком городище попадаются нередко котлы, идентичные котлам из Саркела и Правобережного Цимлянского городища.

Вторая группа керамики — столовая. В нее входят кувшины, кружки, миски, горшочки и большие горшки-корчаги, кубышки, пифосы и пифосы с узким горлом кувшина (рис. 46). Каждый из названных типов представлен десятками вариантов. Стандартизации этих сосудов почти не существовало — каждый мастер вкладывал в изготовляемые сосуды свою индивидуальность. Тем не менее мы можем проследить связь отдельных типов или вариантов с определенными районами изучаемой культуры. Весьма существенным при этом является то, что столовая керамика, несмотря на бесчисленное разнообразие форм, объединяется вполне выразительными признаками в единую группу. Прежде всего одинаков состав глины, из которого делались сосуды: хорошо отмученная, тонкая, без видимых примесей. Черепок тонкий, обжиг ровный и звонкий, обычно цвет сосудов серый или черный, но бывают желтые и оранжевые сосуды. Второй общий признак — лощеная поверхность. Лощением наносился на сосуды разнообразный узор, или же лощеные полоски сплошь покрывали тулово сосуда. Третий признак — некоторая приземистость салтово-маяцких сосудов данной группы. В аланском варианте культуры эта приземистость характерна почти для 75% сосудов, а в степях у болгар сосуды несколько иных форм: яйцевидные, круглые. Следует сказать, что для городов более характерны сосуды стандартизированных форм и оранжевого обжига, для окраин культуры — разнообразие форм, орнаментов и, как правило, серо-черный обжиг.

Лощеная столовая керамика известна всюду, где письменными источниками зафиксированы аланы и болгары: на Северном Кавказе, в Крыму, в Приазовье, в днепровских и донских степях, в Волжской и Дунайской Болгариях.

Третья группа керамики тоже гончарная, но в подавляющем большинстве не местного производства, а привозная. Это так называемая тарная посуда: амфоры, кувшины и отчасти большие тяжелые пифосы.

Амфоры привозились из Крыма вместе с содержимым — вином и пряностями. Форма их настолько постоянна и характерна для той эпохи, что в литературе они известны под названием «салтовские». Они небольшие, с почти цилиндрическим туловом, закругленным дном, невысоким горлом и ручками, соединяющими горло с плечиками. Для ручек типи-

чен продольный валик или ребро. Иногда тулово покрыто как бы рифлением (реберчатое) и всегда — белым ангобом. Другой вариант амфор-гладкостенные, с тонким линейным зональным орнаментом. Оба варианта изготовлялись в мастерских Крыма. Вполне возможно, что делали их вблизи Саркела и у поселения близ станицы Крымской на нижнем Дону. Там обломки их попадаются в таком же громадном количестве, что и в крымских и приазовских поселениях. Чем дальше от южных центров, тем реже и реже встречаются в слоях и в подъемном материале обломки этих сосудов.

Кувшины, использовавшиеся в качестве тары вместе с амфорами или даже вместо них, имеют своеобразный, неповторимый в других типах кувшинов вид. Они высокие, с яйцевидным стройным туловом и высоким горлом раструбом. Ручки у них плоские, прикреплены к середине горла одним концом и к плечику — другим. По плечикам проведен двурядный линейный орнамент. Цвет обжига красный. Внутри кувшины покрывались черным веществом типа смолы для уменьшения пропускаемости жидкостей. Эти кувшины появляются в крымских и приазовских городах с конца IX в., а исчезают в конце XI в. Вследствие сравнительной с амфорами хрупкости распространение кувшинов от мест их выделки значительно более узкое: известны они только там, где можно предполагать места их производства. Это прежде всего Тамань, затем Саркел и несколько крупных поселений на нижнем Дону.

В Крыму и на таманских поселениях в салтовское время широко были распространены оранжевые массивные пифосы, ведущие свое происхождение от античных. Для основной территории салтово-маяцкой культуры такие пифосы не характерны. Обычно на поселениях попадаются пифосы, сделанные из глины, которая приготовлялась для лощеной посуды. Поверхность пифосов богато украшена разнообразным орнаментом: лощеным, налепным, врезным. Дно у них широкое — пифосы достаточно устойчивые и пропорциональные сосуды (рис. 46, *35*).

Помимо перечисленных групп и типов, в степях встречается еще несколько десятков различных типов посуды, которые трудно связать с какой-либо определенной группой. Таковы эйнохоевидные кувшинчики, сделанные из прекрасно отмученной глины, баклажки, изготовлявшиеся в тех же мастерских, что и амфоры, горшки с ручкой, аналогичные по глине, обжигу и деталям орнамента красноглиняным таманским кувшинам, и т. п.

В целом комплекс салтово-маяцкой керамики очень выразителен и слитен, несмотря на то что отдельные локальные варианты отличаются друг от друга различными деталями: преобладанием одной формы сосудов над другой, одного типа сосудов, различным количественным соотношением тарной керамики и т. п.

В заключение раздела о керамике следует сказать о нескольких гончарных мастерских, обнаруженных на салтово-маяцких поселениях (рис. 48).

В настоящее время гончарные печи открыты на нижнем Дону (поселения у Суворовской и Саркела), на Осколе (Ютановское поселение), на среднем Донце (Гаевка и Рогалик). Все они одинаковой конструкции — двухкамерные. Нижняя камера — топка, верхняя, отделенная от нижней перегородкой с продухами,— обжигательная [Красильников К. И., 1976]. Обычно сооружалось несколько печей в одном помещении, функционировали они одновременно. Близкие к ним печи и мастерские известны в Крыму [Якобсон А. Л., 1954, 1955], где обжигались амфоры, корчажки, эйнохоевидные кувшинчики, пифосы.

Наиболее постоянен в салтовское время был комплекс оружия и конской сбруи — типичный комплекс всадников-воинов (рис. 36). Он состоял из сабли, лука с костяными срединными накладками, стрел в кожаном колчане, от которого сохранялись только железные скобы и крючки, боевого топорика и изредка копья. Никаких следов доспехов, кроме остатков кольчужных поясов в погребениях и в поселениях, обнаружено не было. Хронологические изменения прослеживаются пока только на топориках и отчасти саблях. Ранняя форма топориков характеризуется наличием на противоположном от лезвия конце квадратного или круглого в разрезе молоточка-обушка. В более позднее время обушок стал плоским, приближающимся по форме к лезвию. Что касается сабель, то изменения в ту эпоху происходят лишь в длине клинка: длинные прямые клинки превращаются в довольно короткие, но тоже прямые и однолезвийные. Наиболее типичным перекрестием является вытянуто-ромбическое, с утолщением на месте соединения рукояти с лезвием. Однако встречаются и прямые перекрестия, а также С-овидные с квадратными утолщениями на концах.

Для народов с разным погребальным обрядом характерны своеобразные боевые наборы. Так, для «катакомбников»-алан — сабля, топорик, лук со стрелами; для болгар — сабля, копье, лук со стрелами; топориков они почти не использовали. Воины, похороненные по обряду трупосожжения, пользовались саблями, копьями, кинжалами, луками. Таким образом, постоянным в боевом наборе остались сабли и луки, остальное довольно заметно варьировалось.

Каждое погребение воина в катакомбах и в богатых трупосожжениях сопровождалось поясом, украшенным определенным числом бляшек и наконечников (рис. 37). Если болгарский «безынвентарный» обряд по какой-либо причине нарушался, то тогда и болгарские воины хоронились с наборными поясами. Наборные пояса играли роль своеобразных знаков воинского отличия: чем больше на поясе бляшек — тем выше ранг воина [Плетнева С. А., 1967, с. 164]. Бляшки изготовлялись из бронзы и серебра, иногда золотились. Орнамент на них литой или штампованный. Штампованные бляхи, как правило, более поздние. Во всяком случае техника штамповки в конце салтовского времени преобладала над литьем.

Очень стандартен сбруйный набор салтовцев (рис. 36). Обыкновенно от него сохраняются металлические части: стремена, удила, бляшки и бляхи, украшавшие сбруйные ремни, и подпружные пряжки. Луки седел в салтовское время, видимо, совсем не украшались металлическими или костяными пластинами в отличие от предшествующих веков, когда такие пластины на передней луке были непременным украшением. Для аланских конских убо-

ров весьма характерны были так называемые начельники — большие бронзовые (позолоченные) налобные бляхи с трубочкой для султанчика в центре и всегда находимые вместе с ними крупные или овальные бляхи, покрывавшие сбруйные ремни (в основном узду) (рис. 36, *16*). В степях таких уборов найдено не было — видимо, болгары ими не пользовались.

Значительное место в салтово-маяцких древностях занимают украшения и предметы туалета (рис. 37). В могилах их обычно находят при женских и детских погребениях [Плетнева С. А., 1967, с. 135—143]. Предварительная работа по хронологизации этого массового материала была проведена на материалах 50 катакомб Дмитриевского могильника. Было установлено, что серьги, перстни, копоушки и зеркала меняли со временем свою форму, размеры и орнаментацию. Менялись формы пуговиц, подвесок на женские пояса и, наконец, амулеты, которые сопровождали обычно женские погребения. В VIII — первой половине IX в. это были так называемые солнечные амулеты — отлитые из бронзы колеса со спицами или кольца с грифоном и всадником на нем, железные ботала, изображения коней, птиц (из бронзы и кости). Во второй период преобладают амулеты из различных камней (чаще из речного янтаря) и из костей и зубов животных (лисы, бобра, зайца). Изменение формы амулетов означало изменение религиозных представлений [Плетнева С. А., 1967, с. 171—179]. Интересно, что некоторые костяные амулеты покрывались сложным орнаментом. Это были обыкновенно большие бабки коровы или лошади, которые также играли роль покровителей человека.

Следует сказать, что салтовцы очень широко использовали кость в быту: они изготовляли из нее не только амулетики, но и мелкие предметы, в частности игральные кости, бабки, биты, налитые свинцом, шахматные фигурки и фишки для нардов. Все эти вещи попадаются в культурных слоях поселений (рис. 36, *94—97*).

Предметы прикладного искусства, представленные обычно поясными бляшками и амулетами, не дают полного представления о художественном вкусе салтовцев. Большое значение имеет поэтому единственное серебряное блюдо, по заключению В. П. Даркевича, хазарского производства [Даркевич В. П., 1974, 1976] (рис. 49, *2*). По краю этого блюда изображены различные животные в реалистической манере и сцена единоборства двух богатырей или витязя с девушкой (ритуальное свадебное единоборство). Несомненный интерес имеют и многочисленные рисунки и орнаменты, покрывающие костяные предметы и потому дошедшие до нас, а также рисунки на камнях и кирпичах, сделанные во время строительства крепостей древними мастерами. Многие из этих рисунков перекликаются по стилю с произведениями прикладного искусства, другие оригинальны, полны силы и экспрессии (рис. 50).

Наряду с рисунками, на камнях и на обычных сосудах попадаются знаки письменности, которые русские тюркологи [Щербак А. М., 1954] связывают с орхонскими тюркскими письменами (рис. 49, *1*, *3*, *4*). Впрочем, многие знаки на камнях не являются буквами орхонского алфавита, а представляют собой просто тамги строителей или владельцев предметов, на которых этот знак нанесен.

Очень редко попадаются на территории салтово-маяцкой культуры монеты, тем более монетные клады (рис. 51). На Правобережном городище и в Саркеле были найдены клады арабских диргемов, в катакомбах Салтовского могильника — около десятка диргемов и византийских монет VIII — начала X в. Кроме того, византийские монеты в большом количестве найдены были в хазарских слоях Тмутаракани, Фанагории и Саркеле. Особый интерес представляют монеты — подражания византийским, сасанидским и арабским монетам, чеканенные, по всей вероятности, на территории салтово-маяцкой культуры [Кропоткин В. В., 1967, с. 121].

Таким образом, салтово-маяцкая культура, датируемая в основном VIII—IX вв., является культурой сложившегося в те столетия в донских, прикаспийских и приазовских степях Хазарского каганата. Культура эта достаточно высокая, представляющая развитую экономику. Известное единство культуры свидетельствует, что создана она была в рамках, очевидно, одного политического объединения. Таким объединением был Хазарский каганат. Локальные варианты культуры возникали в связи с тем, что в каганат входило несколько народов. Пока мы археологически можем отчетливо выделять памятники двух из них: алан и болгар. Хазары еще только намечаются (подкурганные погребения?). Неясно, кому принадлежали трупосожжения. По письменным источникам известно, что какое-то время в днепровских и донских степях обитали венгры. В настоящее время нельзя назвать ни одного связанного с этим народом памятника. Очевидно, тщательные разведки в будущем на территории, занятой, согласно данным Константина Багрянородного, венграми,— так называемой Ателькузы, которая располагалась в междуречье Днепра и Серета, дадут какой-то археологический материал для изучения культуры венгров времени пребывания их в восточноевропейских степях.

Балкано-дунайская культура

В начале очерка о салтово-маяцкой культуре уже говорилось, что она делится на локальные варианты не только в пределах основной территории, т. е. в Подонье и Приазовье. Вариантами салтово-маяцкой культуры можно считать даже аланскую и крымскую культуры хазарского времени (VIII—IX вв.), хотя именно в результате влияния этих культур формировалась классическая салтово-маяцкая культура аланского и болгарского вариантов.

Вариантом салтово-маяцкой культуры является также и так называемая балкано-дунайская культура (рис. 38), выявленная в последние десятилетия молдавскими археологами. Территория этой культуры была ограничена, по их мнению, Балканами на юге, Карпатами на севере, Южной Моравией на западе и Черным морем на востоке [Федоров Г. Б., Полевой Л. Л., 1973, с. 312—324]. По существу, эти границы совпадают с границами Первого Болгарского царства, определимыми по письменным источ-

никам. Правда, такое прямое отождествление культуры с государством и, главное, с группой памятников, открытых в Молдавии, вряд ли правомерно. В настоящее время изучение памятников этой культуры лишь начинается, поэтому попытаемся только сопоставить их с памятниками салтово-маяцкой культуры, определить общие черты и выявить различия.

В Молдавии известно около 50 памятников этой культуры. Основная их масса сосредоточена в степной полосе, на нижнем Днестре [Чеботаренко Г. Ф., Федоров Г. Б., 1974, с. 40—52, рис. 8]. На нескольких из них были произведены раскопки. Довольно значительная площадь была исследована на городище Калфа [Чеботаренко Г. Ф., 1973], поселении и могильнике Ханска [Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г., 1971, с. 119—177; Хынку И. Г., 1973]. К сожалению, несмотря на большие вскрытые площади, надежного датирующего материала обнаружено не было. Во всяком случае, открытые комплексы не были разделены хронологически, поэтому датировка культуры в целом очень широкая — X—XIV вв. [Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г., 1971]. Археологи, связывающие культуру с Первым Болгарским царством, естественно, считают ее верхней датой гибель этого государства, т. е. начало XI в. [Федоров Г. Б., Полевой Л. Л., 1973, с. 319; Чеботаренко Г. Ф., 1973].

Очевидно, памятники, относимые археологами к балкано-дунайской культуре, следует прежде всего разделить на несколько хронологических этапов. Самый ранний из них, относящийся, видимо, к концу IX — началу X в., можно сопоставлять с салтово-маяцким степным болгарским вариантом. Далее развитие культуры шло своим путем, который мы можем сопоставить с развитием культуры Первого Болгарского царства, так как в ее сложении принимали участие те же компоненты, что и на основной территории этого государства — на землях нынешней северо-восточной Болгарии. Разделения материала не сделано пока потому, что раскапываемые поселения многослойные. Материал из заполнения жилищ и ям нередко, судя по публикуемым отчетам, служил для датировки комплексов, тогда как в заполнение он попал, естественно, после гибели жилищ, т. е. в более позднее время, и ни в коей мере не мог быть датирующим.

Нет единства во взглядах и относительно распространения и культурной принадлежности конкретных памятников к данной культуре. Так, особенные сомнения вызывают памятники, расположенные на среднем Днестре, в окружении славянских поселений (Лукашевка, Петруха, Бранешты). Одни археологи считают их славянскими, другие — смешанными. По-видимому, на ранней стадии существования эти поселения могли быть смешанными, а позднее все они стали обычными древнерусскими. Смешанность их в слоях XI и особенно XII—XIV вв. наблюдается уже не с болгарской культурой, а с южнославянской и позднекочевнической.

Несмотря на явную нерешенность одного из основных вопросов — о хронологии открытых на поселениях комплексов, в настоящее время уже достаточно четко выделены черты, характеризующие балкано-дунайскую культуру в Молдавии [Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г., 1971, с. 176]: 1) открытые большие поселения на берегах рек; 2) жилища-полуземлянки с тарелкообразными очагами в центре пола; 3) кухонные яйцевидные горшки с пухлым венчиком и линейным орнаментом на стенках, проведенным многозубым острым штампом; 4) небольшое количество лощеной серой посуды (столовой); 5) захоронения в ямах головой на запад без вещей; 6) захоронения в круглых ямах (как в Саркеле); 7) специальное (ритуальное) разрушение скелетов; 8) тризны и кенотафы в круглых ямах (захоронения останков животных); 9) антропологическое сходство покойников со зливкинцами-болгарами [Великанова М. С., 1965] (рис. 53). Все перечисленные девять признаков находят прямые аналогии в болгарских памятниках Подонья и Подунавья. Именно эти особенности и позволяют считать балкано-дунайскую культуру одним из вариантов салтово-маяцкой в широком смысле этого слова, т. е. одним из болгарских локальных вариантов культуры, памятники которой известны в восточноевропейских степях от Волги до Дуная, от кавказских предгорий до камских лесов.

Сейчас значительно труднее выявить особенности этого варианта, выделяющие его от всех остальных, поскольку мы можем сравнивать только синхронные памятники, а здесь остаются пока неотработанными вопросы, связанные с хронологией. Все различия, которые прослеживаются, легко объясняются разницей дат: археологи раскапывали памятники XI—XIV вв. и искали в них сходство с салтово-маяцкой культурой. Естественно, что находили они в основном различия, а не аналогии.

Представляется, что наиболее существенным отличием, о котором пока мы можем говорить, является датировка памятников. Даже самые ранние из них относятся к последнему периоду существования салтово-маяцкой культуры — к концу IX—X в. Из этого проистекает очень сильная христианизация погребального обряда — отсутствие вещей в могилах, погребение со скрещенными руками и пр. Кроме того, бросается в глаза малое количество обломков тарной керамики, характерной для салтово-маяцкой культуры: совершенно очевидно, что связь с Крымом не поддерживалась, а для Византии это были далекие и глухие провинции. Наконец, весьма существенным является перемешанность этой культуры с культурами других этносов, в частности — славян. Следует признать, что очень быстро эта культура приобрела общий для всего Подунавья южнославянский облик.

Балкано-дунайская культура, как и салтово-маяцкая, не может быть названа кочевнической. Это типичная земледельческо-скотоводческая культура, образовавшаяся в результате оседания кочевников на землю и слияния их с земледельческими оседлыми народами. Археологические следы кочевания заметны только в планировке жилищ (очаг в центре), в форме самого очага и в сравнительно большом числе находок, связанных с всадничеством (удил, стремян, сбруйных пряжек и пр.). Характерно также, что, несмотря на оседание, состав стада и, главное, породы скота оставались кочевническими (овцы, козы, мелкородный рогатый скот, степные лошади). Несомненно, что балкано-дунайская культура в Мол-

давии представляла собой провинциальное ответвление культуры Первого Болгарского царства, которое было постоянно связано со своим близким культурно и этнически восточным соседом — Хазарским каганатом. Этими крепкими связями и объясняется приводившее в недоумение несколько поколений археологов сходство праболгарской дунайской культуры с салтово-маяцкой.

Не менее выразительной была связь последней и с культурой волжских болгар на первой стадии их существования в Волго-Камье.

Ранние болгары на Волге

Исследование памятников ранних болгар, или, как их называют историки, занимающиеся историей Волжской Болгарии, «булгар», началось только с конца 40-х годов XX в. Сейчас известно около 20 памятников этого этноса. Все они сосредоточены на очень ограниченной территории бассейна средней Волги: на правом берегу — у р. Свияги, на левом — вдоль Волги от Камы до Черемшана (100×200 км) (рис. 38).

Большинство памятников ранних болгар в той или иной степени исследовалось. В Больше-Тарханском могильнике вскрыто 358 погребений, на Танкеевском — более 800, а Кокрятский и Тетюшский могильники только зафиксированы археологами. Тем не менее вскрытые на них единичные погребения позволяют отнести памятники к той же эпохе, что и хорошо изученные могильники с сотнями погребений [Генинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964, с. 67—99].

Благодаря большому количеству вещей из погребений памятники очень убедительно датируются серединой IX—X вв. Отдельные предметы можно относить и к более раннему времени — к концу VIII — первой половине IX в. Если молдавские поселения трудно датировать даже с допуском в 50 лет, поскольку вещевой материал на них очень немногочислен, то болгарские памятники можно в настоящее время разделить на два хронологических периода: IX — начало X в. и X в.

По-видимому, болгары в большом числе переселялись из предкавказских, приазовских и донских степей в середине IX в., что можно связать с принятием иудейства и возникшей из-за этого смутой в Хазарском каганате (рис. 39).

Материал для изучения собственно болгарской культуры ограничивается одними могильниками. Поселения исследовались мало, а то, что исследовалось, относится, несмотря на синхронность могильникам, к местной культуре. Во всяком случае говорить об укреплениях, домостроительстве, ремеслах болгар па Волге мы не можем. Зато решение всех вопросов, связанных с материалами из могильников, доступно исследователю (рис. 52).

Рассмотрим прежде всего Больше-Тарханский могильник, который все археологи единодушно считают древнеболгарским. Могильник находился на левом берегу речки Тарханки, на надпойменной террасе, т. е. располагался так, как и подавляющее большинство открытых на разных землях болгарских могильников. В расположении могил чувствуется некоторая рядность, между собой они никогда не пересекаются, что, видимо, может быть свидетельством существования в древности каких-то наземных сооружений, возможно даже деревянных, поскольку в профилях над могилами земляных насыпей не прослеживается. На площади могильника выявлены участки, которые свободны от могил. Эти участки отделяют группы погребальных комплексов один от другого. Всего на могильнике удалось выделить четыре крупные группы, в каждой из которых хоронились члены отдельной большой семьи. Судя по числу могил в группе, семьи включали значительное количество членов. Существовал могильник также достаточно длительный срок: 100 могил — это не менее трех полных смен поколений, т. е. не менее 100 лет.

К сожалению, подавляющее большинство могил — без вещей, поэтому судить о датировке отдельных погребений, а вместе с тем и целых участков могильника невозможно. В свою очередь, это означает, что нельзя установить ни сравнительную хронологию групп погребений, ни порядок разрастания семейных кладбищ (от центра к периферии или наоборот).

Подбор вещей в погребениях всегда несколько специфичен, в частности в них очень редко попадаются орудия ремесленного труда, никогда не встречаются земледельческие орудия. Из бытовых предметов часто находят ножи (сильно перержавевшие), один раз обнаружены типично степной серп и несколько простых и сложных кресал. Кресала в салтовских могильниках попадаются только в поздних комплексах — конца IX в. Наличие их в Больше-Тарханском могильнике говорит о том, что верхнюю его дату можно поднять до начала X в. Интересно, что характернейшая находка салтово-маяцких могильников и поселений — мотыжка встречается в болгарских памятниках редко, а в Больше-Тарханском могильнике не обнаружена ни разу.

Предметы вооружения в могилах ограничиваются, как правило, одной или двумя плоскими и трехперыми наконечниками стрел, костяными срединными накладками на лук и металлическими бронзовыми и железными частями колчанов: скобами, оковками, крючьями. В двух погребениях воинов найдены прямые короткие сабли, аналогичные салтово-маяцким. Только оковки верха рукояти и ножен — трубчатые железные — напоминают уже значительно более поздние оковки, распространенные в степях в конце XI—XII в. (у половцев и Черных Клобуков — см. главу 8). Характерно, что среди плоских наконечников стрел многие датируются X в.

Конская сбруя представлена несколькими типами стремян и удил. Все они имеют аналогии в салтовских древностях. Стремена с круглой петлей для ремней известны, как и плоские стрелы, в более позднее время — в X в.

Из украшений необычными для болгар являются различные шумящие подвески: кольчатые цепочки, лапчатые привески к ним и пр. Все они приобретены при непосредственном общении болгар с местным поволжским населением. Серьги, бусы, перстни, копоушки, щипчики, подвески на пояс и поясные наборы имеют прямые аналогии в салтовских древностях. Очень мало попадается в могилах браслетов,

и всего один раз было найдено зеркальце с простым орнаментом из концентрических кругов на обратной стороне.

Сосуды встречались во многих погребениях могильника (более чем в 100, причем следует помнить, что многие погребения в древности были разграблены).

Наиболее характерными типами сосудов в этом могильнике являются кубышки и кувшины (рис. 54). Как правило, кубышки приземистые или круглые. Кувшины также в основном приземистые, хотя иногда попадаются яйцевидные и даже почти цилиндрические. Горшки лепные, круглодонные, явно не болгарские. Только один горшок — гончарный с линейно-волнистым орнаментом — совершенно аналогичен обычным болгарским кухонным горшкам донских и приазовских болгар (рис. 54, *21*).

Помимо керамической посуды, болгары довольно широко использовали деревянные сосуды, в основном, судя по находкам в могилах, чаши с окованным бронзовыми листочками краем. Точно такие же сосуды известны и в донских могильниках. Были у них в употреблении и кожаные бурдюки с костяными горлышками, покрытыми орнаментом.

Несомненно большой интерес представляет тот факт, что амулеты, встречающиеся в могилах, аналогичны амулетам второго периода салтово-маяцкой культуры. Это зубы животных, когти (естественные и отлитые из бронзы), кости животных и позвонки крупных рыб. Ни одного солнечного амулета (с соколиными головками, колес, коней, колес с грифонами и пр.) найдено не было.

Погребальный обряд могильника типичен для болгар. Захоронения производились в простых ямах, ориентированных длинной осью по линии запад — восток с сезонными отклонениями (зимними и летними). Подавляющее большинство ям имело ровные вертикальные стенки, примерно четвертая часть всех погребений совершена в ямах с заплечиками, на которые опирались концы плах перекрытия. Очень редко в могилах прослеживаются остатки дощатых гробов (в 11 случаях). Судя по аналогиям с донскими погребениями, гробы — поздний признак, и погребения с ними датируются не ранее самого конца IX в.

Погребения обычно одиночные. Покойники хоронились на спине, в вытянутом положении, головой на запад (рис. 52). Трижды попадались на могильнике двойные погребения: два с повторными захоронениями, как в саркельском могильнике, и одно — парное, совершенное в широкой могиле, в которой, кроме людей, были погребены останки двух лошадей со сбруей.

Треть погребений совершена с подсыпкой угольков и почти 25% — с запасами заупокойной пищи (были обнаружены кости животных — лошади, коровы, овцы). Все эти черты находят прямые аналогии в донских и дунайских болгарских погребениях. Необычным является сопровождение погребений людей костями коня и сбруей. Кости коня — череп и ноги, отчлененные по первой или второй сустав,— не являются в этих погребениях остатками пищи — это ритуальные захоронения коней, сопровождающие умерших людей в загробный мир. Таких погребений в Больше-Тарханском могильнике 17%. Исследователи могильника отмечают, что чаще останки коня попадаются в могилах с заплечиками. Укладывались они обычно поперек могилы, в ногах покойника. Погребения с останками коней (головой и ногами) совершенно нехарактерны для болгар.

Все могильники, синхронные Больше-Тарханскому и характеризующиеся теми же особенностями погребального обряда, несмотря на некоторые оригинальные черты, мы можем уверенно связывать с болгарами. Антропологические данные подтверждают археологические: серии черепов из болгарских могильников сопоставимы с черепами зливкинского типа [Акимова М. С., 1964, с. 180—181].

Второй период, выделенный нами, наиболее полно представлен материалами Танкеевского могильника, на котором было вскрыто свыше 800 погребений [Халикова Е. А., 1971]. Могильник был открыт еще в 1904 г., когда было обнаружено погребение всадника, датирующееся по общему признанию X в. [ОАК за 1904 г., 1907, с. 135—136].

Могильник расположен, как и Больше-Тарханский, на левом берегу речки, на первой надпойменной террасе. Предполагаемая его площадь — 170—200×130 м. Могилы располагаются более или менее ровными рядами и редко пересекают друг друга, несмотря на большую скученность их на некоторых участках в центре могильника. Группы могил, прослеженные на плане, несомненно отделяются свободными (пустыми) полосами. Очевидно, и здесь каждая группа была семейным или родовым кладбищем.

Инвентарь Танкеевского могильника много богаче инвентаря могильников предшествующего времени, поскольку на нем вскрыто значительно больше погребений, чем во всех остальных могильниках болгар, вместе взятых [Казаков Е. П., 1971]. С предшествующим временем, т. е. с IX в., связано всего несколько типов вещей: 14-гранные бусы, бусы-пронизки, некоторые типы глазчатых бус, серьги с подвижной подвеской из дутых шариков и литые серьги с подвеской, несколько «солнечных» амулетов-колесиков, копья с узким лезвием, мотыжка, деревянные сосуды с бронзовыми оковками, небольшое число салтовских лощеных кувшинов, кресала-«клещи» и удила с прямыми железными псалиями. Все остальные вещи имеют иной, значительно более поздний облик сравнительно не только с салтовскими древностями, но и с большетарханским инвентарем.

Орудий обнаружено очень много: две пешни, ювелирный молоточек, рабочие тяжелые топоры с широким лезвием.

Набор оружия более разнообразен. Это прежде всего топоры с широким, иногда даже серповидным лезвием и молоточкообразным обушком. Таких топоров в предшествующую эпоху не знали. Сабли, приобретающие небольшую кривизну, плоские или бронебойные шиповидные стрелы. Трехперые стрелы уже вышли из употребления. Костяные накладки на лук стали массивнее.

Стремена несколько более мягких очертаний, чем салтовские, а среди удил попадаются уже кольчатые, с костяными псалиями из рога животного и даже без перегиба, широко распространившиеся в следующую эпоху. Появляются различные металли-

ческие части сбруйных ремней: кольца с присоединенными к ним накладками, круглые кольчатые бляхи, лунницы, бляшки, имеющие сходство с трапециевидными бляхами X в., известными в русских древностях.

Среди бытового инвентаря новыми являются костяные ложки, остальные вещи — шилья, иголки, ножи, пинцеты, пряслица из камня и черепков керамики — обычные, мало изменяющиеся со временем предметы. Кроме того, в могилах несколько раз попались остатки сумочек и кресала самых различных типов — от простого, почти округлого до сложных, имеющих аналогии в прикамских древних кресалах с бронзовыми литыми рукоятями в виде двух конских головок.

Керамика резко отличается от салтово-маяцкой (рис. 54, *22—33*). Мы уже говорили, что в Танкеевском могильнике встречались салтовские лощеные кувшины и кубышки. Однако подавляющее большинство сосудов — местная керамика, характерная для памятников Башкирского Приуралья, верхней Камы и Чепцы. В этом основное отличие танкеевского этапа от предыдущего большетарханского, где салтовская посуда оставалась преобладающей, несмотря на наличие и там типично местной посуды.

Среди предметов туалета и украшений выделяются, во-первых, появившиеся односторонние гребни-расчески, относящиеся по аналогиям к X в., и, во-вторых, большое количество так называемых шумящих подвесок, имеющих аналогии в верхнекамских и мордовских древностях X — начала XI в.

Наряду с обычными проволочными тонкими салтовскими браслетами встречаются новые типы браслетов: витые из двух жгутов, ложновитые и со вставками на концах. Совершенно новые типы попадаются и среди перстней (с высокой жуковиной или щитком).

В целом украшения попадаются очень редко: на сотни могил — единицы. Даже наиболее частая находка — бусы встречены всего в 25% погребений могильника.

Характерна некоторая связь инвентаря, особенно поясных наборов, с сибирскими материалами IX—X вв. Кроме того, только в могильниках танкеевского периода попадаются серьги с подвеской, покрытой зернью и абсолютно аналогичной сибирским серьгам, датирующимся от VII до X в. К X и даже XI в. относятся поясные лировидные пряжки, широко известные в древностях Восточной Европы. Следует помнить, что из 18 монет, найденных на могильнике, 15 относятся к IX—X вв., что еще раз подтверждает позднюю дату могильника.

Могилы Танкеевского могильника весьма близки Больше-Тарханскому. Это глубокие и длинные ямы с вертикальными ровными стенками. Всего 6% из них имеют различные конструктивные особенности: небольшие подбойчики в ногах или головах, заплечики и т. п.

Погребения совершались обычно без гробов, но попадались и с гробами (около 100 захоронений). Покойников хоронили в вытянутом положении, на спине, с руками, уложенными вдоль туловища или слегка согнутыми в локтях, преимущественно головой на запад, но попадаются погребения и с восточной ориентировкой. Обыкновенно погребения одиночные, но изредка встречаются и парные и даже групповые. Сосуды с сопровождающей пищей и кости жертвенных животных помещались у головы или ног покойника. 35 мужских погребений сопровождались захоронением останков убитых на похоронах коней: головы и ног, отчлененных по второй сустав. В одном погребении голова и ноги коня были заменены коровьими. Как и в Больше-Тарханском могильнике, обряд погребения костей коня не характерен. Однако самый факт его появления говорит о более поздней дате и большетарханского, и танкеевского периодов по сравнению с салтовским.

По материалам танкеевский этап более поздний, во всяком случае, он меньше связан с предшествующим временем, чем большетарханский: ранних вещей в нем мало, поздних (X в.) — подавляющее большинство. Характерно, что на окраинах этого могильника хорошо выделяются мусульманские захоронения, относящиеся к X в. Правда, возник этот могильник, возможно, почти синхронно с Больше-Тарханским, о чем свидетельствуют находки IX в. в его погребениях.

Ряд погребений Танкеевского могильника имеет еще одну особенность, совершенно неизвестную по материалам предыдущего времени. Это серебряные маски на лицах покойников, аналогии которым можно указать в погребениях ломоватовской культуры.

Эта же особенность в сочетании с захоронениями вместе с останками коня (головы и ног) характеризует еще один в настоящее время активно исследуемый могильник — Больше-Тиганский [Халикова Е. А., 1976]. Остальные черты и датировка этого могильника также близки танкеевским, хотя аналогии большинству найденных в могилах вещей исследовательница находит в древностях VIII—IX вв., а монеты, обнаруженные в нескольких погребениях, в основном относятся к VIII в. (от 709 до 790 г.). Видимо, надо считать, что Больше-Тиганский могильник синхронен Больше-Тарханскому. Захоронения с костями коня в Больше-Тарханском могильнике явились, очевидно, результатом взаимодействия с большетиганским населением. Интересно, что лицевые покрытия у «тиганцев» не в форме личины, как в Танкеевском могильнике, а в виде небольших пластин на глаза, нашивавшихся на лоскут ткани, прикрывавшей лицо. Это, вероятно, ранняя форма лицевых покрытий, развившаяся в X в. в серебряные маски-личины.

Явные отличия в погребальном обряде и в инвентаре между Больше-Тиганским и Больше-Тарханским могильниками и в то же время черты сходства, которые наблюдаются между ними, и особенно связи обоих могильников с танкеевским периодом или этапом раннеболгарской культуры Поволжья нуждаются в объяснении.

Исследователи этих памятников многократно пытались интерпретировать их [Генинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964; Халикова Е. А., 1971; 1976; Казаков Е. П., 1971; и др.]. Суммируя их наблюдения и выводы, мы имеем все основания считать Больше-Тарханский могильник и близкие синхронные ему памятники (Кайбельский и некоторые другие могильники) болгарскими, но подвергшимися местному влиянию, о чем свидетельствуют находки сосудов, имеющих аналогии в прикамских культурах,

а в нескольких могилах — шумящих подвесок. Могилы с захоронениями головы и ног коня также не свойственны болгарам. Эта черта обряда появляется в Восточной Европе с X в. (с приходом новой тюркской волны народов). В Поволжье она появилась, очевидно, раньше, так же как и характерные сибирские поясные наборы, употреблявшиеся танкеевскими и большетиганскими воинами.

Интересно, что оба эти могильника находятся на левом (восточном) берегу Волги. Больше-Тиганский могильник имеет ряд черт, которые можно считать (несомненно, только в сочетании друг с другом) ранневенгерскими. Это захоронение частей коня вместе с покойником, богатые оружейные наборы, некоторые формы орнаментов и поясных блях, покрытие лиц тканью с нашитыми на месте глаз бляхами. В керамике нет ни одного сосуда, который можно было бы связать с салтовскими. Сосуды исключительно местного происхождения. Е. А. Халикова считает возможным сопоставлять их с сосудами кушнаренковской культуры. Датировка могильника, так же как и Больше-Тарханского,— середина IX — середина X в. Это было время сложения государства волжских болгар. На правом берегу Волги селились среди местного населения откочевавшие в течение нескольких десятилетий IX в. болгары, постепенно распространявшиеся и на левый берег реки.

На левом берегу в эти же десятилетия начала формироваться орда, двинувшаяся немного позднее на запад. Формировалась она из местных угорских племен, пришлых тюркских выходцев из Сибири и, несомненно, частично из болгар. В результате слияния этих элементов сложилось, очевидно, новое образование — венгерский племенной союз.

Танкеевский могильник — более поздний. Именно поэтому в нем больше, чем в таком же левобережном Больше-Тиганском могильнике, проступают черты болгарской культуры. В X в. болгары активно осваивали волжское левобережье. Возможно, это обстоятельство было причиной откочевки из Заволжья «тиганцев» (венгров?). Однако могильник у Танкеевки появился, видимо, одновременно с Больше-Тиганским. Отсюда и черты сходства между ними, постепенно, по мере проникновения сюда болгар, исчезающие из обряда. Итак, Танкеевский могильник принадлежал также в основном местным народам, но со временем начал болгаризироваться, а к середине X в. и мусульманизироваться. К концу X в. он перестал функционировать, так как мусульманские кладбища обычно располагались на новых местах.

Начиналась новая история, рождалась новая культура — государства волжских болгар.

Южный Урал в IX — начале X в.

Исследование археологических памятников IX—X вв. началось на Южном Урале всего 10—15 лет назад. В настоящее время изучено более десяти курганных групп и больших курганов, относящихся к этому времени (I и II Бекешевские, Житимакская, Идельбаевская, Лагеревская, Старо-Халиловская, Хусаиновская, Стерлитамакская и др.).

Хронология памятников устанавливается благодаря большому и разнообразному вещевому материалу из раскопанных погребений, имеющему широкие аналогии в степных древностях от Сибири до Венгрии, а также неоднократным находкам монет в исследованных комплексах. Так, в погребении 1 кургана 12 хусаиновской группы было найдено четыре аббасидских диргема 770 г. и один — 824 г., в Житимакском могильнике обнаружено шесть сасанидских монет, причем пять из них относятся к 889—939 гг., а одна — к 951—952 гг. Как видим, в хусаиновском погребении большинство монет — VIII в., монеты этого же времени найдены и в Стерлитамакском могильнике, и в I Бекешевском кургане. Однако они не меняют общей более поздней датировки памятников данной группы, поскольку их находят в комплексах или с более поздними монетами, или с вещами, абсолютно идентичными инвентарю из надежно датированных комплексов других степных культур, относящихся к IX—X вв. Это прежде всего вещи, аналогичные салтово-маяцким IX в.: характерные поясные наборы, поясные петли, серьги нескольких типов (рис. 55, *7*, *10—13*, *18*, *24*, *58*, *59*; 56, *2—6*), а также некоторые категории предметов, хорошо известных в венгерских древностях X в. и в сибирских позднесросткинских материалах. Кроме того, в части комплексов попадаются вещи, которые по аналогиям можно датировать XI и даже XII в. Таковы, например, лунницевидные серьги (рис. 56, *11*, *12*), типологически близкие к серьгам из Кычилькоского и Рождественского могильников XI—XIV вв. [Оборин В. А., 1953, с. 174, табл. V, *1*], или же сбруйные крупные овальные бляхи с выпуклой средней частью (рис. 55, *82*), датирующиеся в Сибири и восточноевропейских степях XI в.

Таким образом, в целом хронологические рамки данной группы — IX—X вв. Отдельные ее погребения, очевидно, датируются XI в. Характер вещевого материала и керамики (рис. 56, *43—51*) позволяет отнести группу к позднему этапу караякуповской культуры (см. главу 1).

В связи с тем, что немногочисленные открытые поселения второго этапа караякуповской культуры еще не исследованы и весь материал происходит из погребений, орудия и бытовой инвентарь остаются пока почти неизвестными. Наиболее полно представлены в могилах предметы вооружения и сбруи, т. е. полный набор всаднической экипировки.

Из оружия самыми частыми находками являются сабли, наконечники стрел и остатки колчанов. Сабли — с вожнами, украшенными серебряными накладками, орнаментированными скобами и петлями (рис. 55, *28—33*). Клинки сабель двух типов: почти прямые, без елмани, с перекрестиями, оканчивающимися круглыми утолщениями, и слегка (в нижней части) искривленные, с елманью и прямыми перекрестиями. Первый тип — более ранний, хорошо известный в степях в VII — начале X в., второй относится к более позднему времени, ко второй половине X—XI в. Наконечники стрел — плоские и бронебойные, относящиеся по общей восточноевропейской хронологии [Медведев А. Ф., 1966] к X—XI вв. (рис. 55, *45—54*). Колчаны — кожаные с оковками, петлями и крюками (иногда орнаментированные) (рис. 55, *34—40*). Аналогичные колчаны находили в

Больше-Тарханском могильнике, где они четко датируются IX в. [Генинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964, с. 48, 49]. К тому же времени относятся весьма редкие в могилах боевые железные топоры, имеющие аналогии в позднесалтовских древностях IX в. [Плетнева С. А., 1967].

Доспехи попадаются в могилах значительно реже. Однако по находкам пластин и нескольким обрывкам кольчуг можно утверждать, что и те и другие были хорошо известны караякуповским воинам. Весьма интересными типами вооружения являются сохранившиеся в нескольких могилах шлемы-шишаки и полусферические шлемы, изготовленные из нескольких склепанных железных пластин. Оба типа шлемов были широко распространены в степях как в более раннее, так и в более позднее время. Именно они изображались на головах половецких каменных статуй, датирующихся в основном XII в. (см. главу 7).

Погребения воинов сопровождались богато украшенными поясными наборами, среди которых значительное место занимают пояса салтовских типов, ставшие опорным материалом для определения нижней даты второго караякуповского этапа. Наряду с ними в могилах попадается большое количество поясов с неорнаментированными литыми бляшками (рис. 55, *7—13*, *41*). Особенно характерны пояса, состоящие из сплошного ряда больших серебряных лунницевидных накладок с петлями, круглыми отростками по краям и перехватом в середине (рис. 56, *35*). Такие же накладки нередко украшали женские головные уборы (рис. 56, *40*, *42*). Следует отметить поясные наборы, почти полностью состоящие из бляшек, имеющих аналогии в венгерских древностях (рис. 56, *8*, *9*, *16*) и в Больше-Тиганском могильнике.

От конского снаряжения в могилах воинов находят остатки седел — деревянные части высоких передней и задней лук, покрытые серебряными и бронзовыми пластинами, стремена, подпружные пряжки, удила, ремни сбруи, скрепленные и богато украшенные многочисленными бляхами, а также железные и костяные подпружные пряжки. Стремена разнообразных форм: восьмеркообразные (рис. 55, *64*, *67*); высокие, с выделенной прямоугольной петлей для ремня и вогнутой подножкой (типично «салтовские») (рис. 55, *68*); круглые с плоской подножкой и петлей для ремня, отделенной от стремени тонкой высокой шейкой (рис. 55, *65*); овальные со сплющенной невысокой петлей и выгнутой подножкой (рис. 55, *62*, *63*).

Удила так же, как и стремена, несомненно эволюционизируют. Самыми ранними, исходными для данного этапа формами являются удила с S-овидными и прямыми псалиями (рис. 55, *76—79*), самыми поздними — с крупными плоскими кольцами (рис. 55, *75*). Однако для хронологизации культуры в целом удила на данной стадии изучения этой культуры еще не могут быть использованы, поскольку эволюционно ранние формы находили в погребениях с поздними вещами и наоборот. Очевидно, хронологические общие построения возможны будут только при значительном накоплении массового материала.

Среди украшений наиболее частой находкой являются серьги. Типологическое разнообразие их очень велико. Большой интерес представляют серьги и подвески, имеющие аналогии в древностях, связанных рядом исследователей с ранневенгерскими (Больше-Тиганский могильник и пр.) [Халикова Е. А., 1976] (рис. 56, *7—10*, *13*, *36*, *37*).

Кроме серег, характерными украшениями «караякуповцев» рубежа X—XI вв. можно назвать браслеты со слегка расширенными концами и сплошным точечным орнаментом [Халиков А. Х., Безухова Е. А., 1960, с. 28, рис. 21, *7*, *8*; с. 47, рис. 34, 39], различные нагрудные подвески-амулеты и фигурные накладки на колчанах, ножнах сабель и пр. Аналогии им известны в степных сибирских и восточноевропейских древностях.

Оригинальными являются наконечники-подвески к ножнам сабли с изображенным на них крылатым человеком (рис. 55, *21*) и амулет в виде отлитой из бронзы массивной схематической фигуры человека (рис. 56, *19*).

В керамике отчетливо прослеживается развитие форм и орнаментации сосудов первого этапа караякуповской культуры. Характерным является почти полное исчезновение разницы между караякуповской и кушнаренковской керамикой, отчетливо проявлявшейся в более раннее время. Этот факт свидетельствует, очевидно, о слиянии двух культур или, во всяком случае, о стирании грани между ними.

Благодаря хорошей сохранности раскопанных в последние десятилетия погребений можно сравнительно полно охарактеризовать погребальный обряд «караякуповцев» IX—X вв. Несмотря на попадающиеся в могильниках каменные насыпи, наиболее типичным надмогильным сооружением были небольшие земляные курганы (диаметром 8—12 м и высотой до 0,4 м). В насыпях почти повсеместно найдены остатки ритуальных захоронений ног и головы лошади. Продолжал существовать и распространенный на первом этапе обычай сооружать вблизи могил тайники с захоронениями в них конской сбруи, оружия, украшений из серебра. Погребения совершались в простых неглубоких могилах. Изредка попадались и глубокие могилы с широкой ступенькой вдоль длинной стенки, имеющие полную аналогию в могилах раннекараякуповского времени. Покойников хоронили на спине, с вытянутыми ногами и руками. Судя по сохранившимся фрагментам, погребения совершались в деревянных гробах, дно которых устилалось циновкой или войлоком. На скелетах найдены остатки одежды из холста и дорогих привозных тканей (согдийский шелк). Неоднократно четко фиксировался обычай связывания ног покойников ремнями, сплошь покрытыми серебряными накладками (рис. 55, *87*). Связывание ног в древности было широко распространенным явлением и преследовало цель «обезвреживания» покойника [Плетнева С. А., 1967, с. 78]. В нескольких погребениях удалось заметить следы слабой обугленности наружной поверхности гробов, без признаков горения огня в самой могиле. Описанному явлению можно дать только однозначное объяснение: гробы в закрытом виде перед тем, как опускать их в могилу, видимо, обжигались в ритуальных целях на кострах.

Вторым распространенным видом погребений являются наземные подкурганные захоронения. Они

выявлены почти в каждом могильнике, в процентном отношении намного уступая первому типу погребений. Наиболее полно наземные могилы изучены на Старо-Халиловском могильнике. Здесь в кургане 3 на уровне погребенной почвы обнаружены остатки трех скелетов с сопровождающим инветарем, а в кургане 5 сразу же после снятия невысокой насыпи на глубину одного штыка не менее восьми-девяти человеческих скелетов. Других захоронений в этих курганах не обнаружено. Можно допустить, что под курганами в таких случаях над трупами возводились какие-то деревянные, а иногда и каменные сооружения. Так, в кургане 8 того же памятника в двух местах обнаружены большие плитчатые камни, использованные, видимо, для обкладки погребений; в другом кургане под земляной насыпью была открыта каменная вымостка, под которой прослеживались остатки разоренного погребения.

Вполне возможно, что именно с наземными захоронениями связываются каменные курганы, являющиеся по существу своеобразными постройками над погребениями, совершенными на уровне древней дневной поверхности. Интересно, что среди камней одной из таких насыпей были обнаружены скульптурные изображения людей. Аналогии им известны в кимакских древностях.

Помимо поздних караякуповских памятников на Южном Урале, в настоящее время выявлена еще одна группа материалов рубежа I и II тысячелетий. Они найдены в самых поздних отложениях на поселениях турбаслинской культуры (см. главу 1). Таково, в частности, Макмарское городище, датируемое лощеными сосудами, видимо, болгарского происхождения.

Керамика на этих памятниках представлена сосудами смешанных типов (турбаслинско-караякуповских), что следует рассматривать как свидетельство сближения носителей этих двух культур.

Археологические памятники IX—X вв. подводят нас к тому периоду, когда появляются письменные источники о народах Южного Урала. Самым достоверным из них являются путевые записи Ибн-Фадлана, побывавшего в начале X в. у башкир, кочевавших в степях нынешнего Оренбуржья [Ковалевский А. П., 1956]. До него о башкирах писал другой арабский автор — Саллам ат-Тарджеман (середина IX в.): он встретил башкир во время своего путешествия [Умияков И., 1940, с. 108—118].

Сведения Ибн-Фадлана дополняют другие авторы. Например, ал-Балхи [Хвольсон Д. А., 1868, с. 710] и Идриси [там же, с. 710, 711] знают о башкирах как степной, так и горно-лесной части Урала. Все они вместе с крупнейшим историком XIV в. Рашид ад-Дином [Рашид ад-Дин, 1952, с. 66] указывают на тюркоязычность башкир и на их кочевнический образ жизни. Современники Рашид ад-Дина — Плано Карпини и В. Рубрук — также пишут о Южном Урале как о стране башкир [Путешествия в восточные страны, 1957, с. 72, 122].

Сопоставление данных письменных источников и археологии приводит к выводу, что известные сейчас археологические памятники Южного Урала IX—X вв. принадлежали различным группам башкирских племен [Мажитов Н. А., 1971, с. 14, 15]. Но, пожалуй, будет осторожнее считать, что речь идет лишь о той части башкир, которая жила в горных и предгорных районах. Археологические памятники степной части Южного Урала этого времени пока исследованы очень слабо.

Важное значение здесь приобретает вопрос об отношении башкир IX—X вв. к племенам VII—VIII вв. В археологическом плане преемственная связь культур двух эпох прослеживается очень ясно. В этом смысле носителей турбаслинской и ранней караякуповской культур можно рассматривать в качестве ближайших предков башкир. Но поздняя культура имеет ряд отличительных особенностей, свидетельствующих о том, что ранние этапы истории башкир IX—X вв. связаны не с Южным Уралом, а с южносибирскими и южными (Казахстан, Средняя Азия) степями. Пока остается неясным, были ли все эти племена тюрками по происхождению. В литературе имеются суждения о том, что караякуповские племена, в том числе носители кушнаренковской керамики, по происхождению были самодийцами [Генинг В. Ф., 1972, с. 272—274] или уграми [Матвеева Г. И., 1971, с. 133, 134; Халикова Е. А., 1976].

Существует мнение, согласно которому Южное Приуралье являлось прародиной древнемадьярских (угорских) племен. Немаловажную роль в его появлении сыграло упоминание в ряде письменных источников (Ибн-Русте, Плано Карпини, В. Рубрук и др.) о родстве башкир с мадьярами и названии Южного Урала «Великой Венгрией». В свете этих сведений отдельными археологами предпринимались попытки найти в материалах известных памятников Южного Урала конца I тысячелетия н. э. признаки, которые позволили бы их связать с культурой дунайских венгров [Шмидт А. В., 1929, с. 26; Мажитов Н. А., 1968, с. 74—83; Халикова Е. А., 1976]. Необходимо подчеркнуть, что никаких убедительных археологических доказательств сказанному пока нет, хотя участие какой-то части населения края в формировании мадьярского племенного союза вполне вероятно.

В то же время широкое распространение поясных ремней тюркского стиля и перечисленные нами выше сведения письменных источников свидетельствуют, что в южноуральском населении того времени преобладали тюркские элементы. Здесь небезынтересно обратиться к данным исторической этнографии башкир. Этнографы единодушно отмечают, что у башкир к началу XX в. прочно сохранялись различные этнографические группы с особенностями в образе жизни, культуре и родо-племенных названиях. В этом делении отразились не столько различия географической среды Южного Урала, сколько участие различных этнических компонентов в формировании башкирского народа. Представляется, что истоки различий этнографических групп недавнего прошлого восходят непосредственно к племенам конца I и начала II тысячелетия. Очевидно, это позволяет называть их общим именем — ранними башкирами (протобашкирами).

Глава четвертая
Северокавказские древности

Центральное Предкавказье

Район Центрального Предкавказья в эпоху раннего средневековья был занят аланской культурой. Создали ее аланы, одно из племен конфедерации аорсов, проникшее из степей в предгорья в I в. н. э. и смешавшееся с местным кавказским населением. До сих пор в науке дискутируется вопрос о том, соответствует ли аланская культура культуре долихокранов-алан, хоронивших своих покойников в катакомбных могильниках, поскольку аланская материальная культура была в такой же мере единой и для населения, оставившего катакомбы, и для населения, сооружавшего каменные ящики, полуподземные каменные склепы, подбои, скальные захоронения и т. д.

Географически в Центральное Предкавказье принято включать Кубанско-Терское междуречье: на западе его границей является Уруп, на севере — степи Ставропольщины и Ставропольская возвышенность, на востоке — современная граница с Дагестаном, на юге — Кавказский хребет.

Изучение аланской культуры в настоящее время опирается на всю массу исследованных могильников, поселений и случайных коллекций, хранящихся в центральных и местных музеях. Три четверти века отделяют нас от первых фундаментальных работ, посвященных истории [Миллер В. Ф., 1881—1887; Кулаковский Ю. А., 1898, 1899] и археологии [Chantre E., 1887; Уварова П. С., 1900; Самоквасов Д. Я., 1908; и др.] Центрального Предкавказья. Особенно усилилась работа в этом районе после организации комплексной Северокавказской экспедиции, когда археологические исследования стали производиться по плану и впервые была поставлена задача изучения раннесредневековых поселений [Деген-Ковалевский Б. Е., 1935, 1939; Круглов А. П., 1938; Крупнов Е. И., 1938]. Довоенный этап накопления археологического материала был завершен работой Б. Е. Деген-Ковалевского, помещенной в макете «Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» [Деген-Ковалевский Б. Е., 1939, с. 176—189], и работой А. А. Иессена [Иессен А. А., 1941, с. 23—27]. В послевоенный период на Северном Кавказе продолжались археологические исследования силами центральных учреждений и местных краеведческих музеев и институтов [Минаева Т. М., 1949, 1950, 1951 и др.; Алексеева Е. П., 1955; Кузнецов В. А., 1954]. Обобщение новых материалов было сделано сначала в разделе «Северокавказские аланы» «Очерков истории СССР» [Деопик В. Б., 1958, с. 616—632], а позднее в нескольких больших монографических работах [Кузнецов В. А., 1962; Минаева Т. М., 1971; Алексеева Е. П., 1971].

Для памятников Центрального Предкавказья в настоящее время может быть построена обоснованная хронологическая шкала, где представлены достаточно подробно все этапы аланской культуры, причем многие памятники (например, Байтал-Чапкан и Гиляч), которые до последнего времени принято было считать эталонными для гуннского времени, могут теперь быть надежно датированными VII и даже рубежом VII и VIII вв. Пересмотр датировок привел к иному пониманию происходивших здесь событий: немногочисленность комплексов V в. говорит за то, что гунны не столько отогнали в горы алан, сколько увлекли их за собой в своем движении на запад, а в горы ушло местное кавказское население. В V — первой половине VI в. население Центрального Предкавказья было очень немногочисленным, причем комплексы гуннского времени представлены в равнинных областях подкурганными и грунтовыми катакомбами, а в предгорьях — каменными ящиками. Расцвет аланской культуры приходится на последнюю треть VI в., когда аланы в связи с ирано-византийскими войнами выходят на международную арену в качестве самостоятельной силы. Ко второй половине VI—IX в. относится наибольшее количество комплексов, при этом особый интерес представляет сопоставление этапа VIII—IX вв. аланской культуры с комплексом салтово-маяцкой культуры.

В пределах Центрального Предкавказья выделяется ряд локальных вариантов аланской культуры — степные районы к северу от Кавказских Минеральных Вод, долина Терека и Сунжи, Верхнее Прикубанье с районом Кавказских Минеральных Вод и Кабардино-Балкарии, предгорные и горные районы Северной Осетии и Чечено-Ингушетии (рис. 57). В целом культура Центрального Предкавказья делится на западный и восточный локальные варианты, а они, в свою очередь, по ряду признаков (в частности, по керамике и отдельным видам украшений) могут быть разделены на подварианты (см. рис. 60—62).

Аланы впервые появляются на страницах произведений античных авторов (поэтов, историков, географов и философов) в I в. н. з., чтобы на долгие века занять свое место в качестве опасных противников и желанных союзников для Рима и Византии.

Имя алан не имело страшной славы гуннов, хотя, кроме Предкавказья (где потомки их живут доныне), они проникали в Закавказье и Переднюю Азию, Причерноморье, Францию, Испанию и Северную

Африку. Античные авторы не скупятся на характеристики «злоумышлявших», «суровых и вечно воинственных», «вредных грабежами», «жестокосердных варваров» — алан.

К раннему средневековью, когда из врагов аланы превращаются в союзников, их характеристики становятся более благожелательными. С конца VI в. начинается период прочной дружбы западных алан с Византией. Дружественная политика особенно активно проводилась «вождем», или, как его именовали византийцы, «царем», западных алан Саростием, упоминавшимся источниками между 558 и 572 гг. [Византийские историки, 1860, с. 321, 494].

В третьей четверти VI в. часть алан, очевидно жителей равнин и предгорий, была покорена тюрками [Византийские историки, 1860, с. 420], правда ненадолго, так как неурядицы на востоке заставили тюрок вскоре оставить захваченные территории. Возникновение Хазарского каганата и дальнейшие взаимоотношения хазар с аланами на полтора века сняли имя алан со страниц письменных источников, и лишь в начале VIII в. они снова стали упоминаться при описании событий того времени. Так, будущий император Лев III Исавр был отправлен к аланам с задачей привлечь их к военным действиям против проарабской Абхазии. Аланы, как и в VI в., продолжали оставаться дружественными Византии, чему способствовало и то, что восточные аланы подвергались неоднократным нападениям арабов, закончившимся захватом Дарьяльского перевала.

Как показывают источники, в V—IX вв. аланами были заселены равнинные, предгорные и горные районы Центрального Предкавказья. Разные географические условия вели к возникновению разных типов поселений и жилищ. Основными условиями при выборе места для поселения было удобство его для занятий сельским хозяйством, наличие воды, хорошие пастбища для скота и скотоперегонные пути, а также существование надежных естественных укреплений (рис. 57; 58, *10*).

Среди аланских укрепленных поселений могут быть выделены две группы: в предгорьях и горных районах — поселения с оборонительными сооружениями из камня (так называемые каменные городища) (рис. 58, *6—10*; 59, *3, 4*) и в равнинных — с оборонительными сооружениями из рвов и валов, в конструкции которых использовался глинобит или сырцовые кирпичи (так называемые земляные городища) (рис. 57; 58, *1—5*).

Концентрация первых в верховьях Кубани вызвала появление гипотезы В. А. Кузнецова [Кузнецов В. А., 1973, с. 170] о специфичности их для западного локального варианта аланской культуры, в противовес «земляным», характерным для восточного. Накопление материала показало, что городища первой группы выходят из пределов западного варианта, занимая не только горные районы Карачая и Балкарии, но и земли Северной Осетии, тогда как городища второй группы доходят до Кубани (Дружбинское городище).

На Ставропольской возвышенности и в долинах Кумы, Терека и Сунжи, где сармато-аланы стали оседать на землю еще в догуннскую эпоху, в VI—IX вв. было много укрепленных и неукрепленных поселений [Минаева Т. М., 1949, с. 125—164]. Для них выбирались мысы с обрывистыми берегами. Небольшая цитадель дополнительно укреплялась рвами, а основная часть поселения площадью до 15—20 га с напольной стороны снабжалась системой искусственных укреплений (рис. 58, *1, 2, 4, 5*). Характерно групповое расположение поселений; в каждой группе выделяется одно большое, к которому тяготеют остальные. Крупные городища обычно состоят из двух-трех частей и более.

Предложенная И. М. Чеченовым классификация городищ, разработанная по материалам Кабарды, вполне может быть распространена и на другие территории [Чеченов И. М., 1970, с. 205]. Отсутствие раскопок широкими площадями не позволяет представить нам эти поселения в развитии, поэтому в классификацию включены как однослойные, так и многослойные памятники (последние, правда, количественно преобладают, поскольку обычно культурный слой достигает мощности в 3—4 м). Еще А. А. Иессен подчеркивал, что «мы получаем впечатление строго продуманной организации обороны» [Иессен А. А., 1941, с. 24], свидетельствующее об экономическом и этническом единстве населения. На равнине перед каждой группой, состоящей из трех-четырех укрепленных городищ, располагались сторожевые форпосты в виде небольших курганообразных возвышений с плоской вершиной, окруженных валом и рвом.

Укрепленным аланским поселениям предгорий и гор Центрального Предкавказья свойственна та же систематичность (групповая) в расположении, зрительная связь между поселениями, небольшие их размеры, использование естественно укрепленных мысов и останцев (в небольшой степени обжитых уже в позднесарматское время), употребление камня для сооружения крепостных стен и изредка рвов, вырубленных в скале (рис. 58, *6—10*). Сравнение между собой более 70 поселений верховьев Кубани и Подкумка, исследованных в целом лучше, чем другие типы поселений, позволяет представить ступени развития этих поселений. Бóльшая часть их возникла в VI—VII вв. на естественно укрепленных мысах в виде небольших двухчастных родовых поселков, состоящих из цитадели площадью 200—400 м, укрепленной каменной стеной мощностью в 2,5—4 м с двух-трехчастной башней с внутренней стороны, рядом жилых сооружений и находящимися за стеной цитадели загонами для скота (площадью около 1500—2000 кв. м), дополнительно укрепленными каменной стеной (рис. 58, *8а*). Сплошное обследование правых притоков Подкумка позволило определить, что поселения, расположенные группами по два—четыре, находились на удобных скотоперегонных путях на летние пастбища. В среднем на одно поселение приходилась сельскохозяйственная территория, равная 6 кв. км, открытая в сторону летних выпасов.

С течением времени число дополнительных каменных стен увеличивалось, поселки росли, причем раскопами последних лет в Карачаево-Черкесии удалось выявить особенности этого процесса [Ковалевская В. Б., 1976, с. 125—126; 1977, с. 102—103]. Так, городище «Указатель» в середине или второй

половине VIII в. было захвачено болгарами или хазарами. Стена и башни цитадели были оставлены, но основные, наиболее монументальные постройки разрушены, и на их развалинах из камней, поставленных на ребро, вынутых из построек аланского периода, были сооружены основания двух углубленных юрт, окруженных каменной вымосткой (рис. 59, *10*). К этому же времени, т. е. к VIII в., относятся неукрепленные поселения на Ставропольщине [Гадло А. В., 1976, с. 157] и возникновение Хумаринского городища с мощными (до 6—7 м) каменными стенами [Биджиев Х. Х., Гадло А. В., 1975, с. 98—99; 1976, с. 112—113] (рис. 58, *3*).

Оборонительные сооружения в равнинных районах представлены прежде всего глубокими (до 10—15 м) и широкими (до 40 м) рвами, валы встречаются значительно реже, и по аналогии с дагестанскими их, очевидно, следует считать не земляными, а состоящими из перемежающихся слоев глинобита и земли. В предгорных и горных районах цитадель с напольной стороны защищена мощной крепостной стеной (часто сплошной, без ворот), состоящей из двух панцирей и забутовки между ними из земли и необработанного камня. Панцири сложены насухо из горизонтальных рядов плохо обработанных блоков размером 0,52×0,60×1,00 м, положенных «тычком и ложком» на предварительно подправленную материковую скалу. Со стороны склона материковая скала подправлена уступами и поверху поставлена дополнительная оборонительная стена (иногда с башнями). Вход на цитадель обычно возможен только с нижнего дополнительно укрепленного уступа по узкой лестнице, вырубленной в материковой скале.

Поскольку ни одно аланское поселение не раскопано полностью, наши сведения о планировке внутри поселений очень приблизительны. На равнинах это свободно расположенные турлучные легкие постройки с большим числом хозяйственных ям, в предгорьях и горах — каменные наземные постройки площадью 16—20 кв. м, иногда дома состоят из двух смежных помещений. Стены толщиной 0,6—1,0 м возведены из небрежно обработанного камня, положенного насухо, иногда это панцирная кладка с забутовкой. Вдоль двух или трех стен устраиваются нары, вымощенные камнем, в центре — открытый очаг. Иногда рядом с домом находится вымощенный дворик. Дверной проем обычно устраивается в центре стены (рис. 59, *5*).

Жилые сооружения болгаро-хазарского слоя, свидетельствующие о непосредственном проникновении сюда тюркоязычных кочевников, основным жилищем которых была юрта, представляют собой небольшие (диаметром в 3 м) углубленные (на 0,40—0,50 м) помещения неправильно округлой формы (рис. 59, *10*). Основанием стен служат горизонтально положенные два-три ряда камней, перемежающиеся вертикально поставленными плитами, вписанными в квадратное помещение предыдущего (аланского) строительного горизонта.

Сравнивая строительную технику двух (аланского и болгаро-хазарского) горизонтов, следует отметить, что в первом случае прослеживается более умелое применение камня в строительном деле, использование традиции каменного домостроительства местного населения предшествующего времени, тогда как в болгарское время даже на Хумаринском городище с его монументальными стенами (до 6—7 м толщиной) наблюдается ненужное расточительство, когда вместо забутовки битым камнем внутреннее пространство закладывается хорошо обработанными блоками.

На протяжении V—IX вв. развивается местное ремесленное производство. Еще довоенными работами были открыты относящиеся к эпохе средневековья разработки медной руды. К VIII—IX вв. следует относить разработку свинцово-серебряных руд на основании появления местных типов бус из свинцового стекла в районах, примыкающих к месторождениям свинцово-серебряных руд, с постепенным уменьшением их процента к западу и востоку [Деопик В. Б., 1963, с. 146].

Развитым было ювелирное производство: наряду с поясными пряжками, повторяющими византийские и восточные (рис. 60, *33, 45, 56, 78, 80* и др.), сибирско-среднеазиатские (рис. 60, *109—111*) образцы, можно проследить здесь местные типы, развивающиеся на базе импортных образцов. Это же относится к поясным накладкам и наконечникам (рис. 61). Еще в большей мере самостоятельное местное ремесло (с опорой на местные позднекобанские традиции) проявляется в изготовлении амулетов и зеркал, керамики и оружия, каменных и стеклянных бус и т. д.

Особенный интерес представляет анализ торговли северокавказских алан. На основании импорта бус и шелка из Индии, Китая и Сирии четко рисуется кавказский отрезок Великого шелкового пути [Деопик В. Б., 1959, 1961, 1965; Иерусалимская А. А., 1972]. По этому пути через Северный Кавказ, в частности через перевалы, ведущие к верховьям Кубани, шли, оседая в руках владетелей перевалов в виде пошлины, даров, платы за проводников и коней, предметы торговли: византийские монеты, шелка (византийские, сирийские, египетские, финикийские, согдийские и китайские), стеклянные сосуды (Египет, Финикия), мозаичные бусы (Александрия), некоторые типы стеклянных и каменных бус (Индия), китайские картины на шелке, одежда. Другим путем, через перевалы, находившиеся под контролем Сасанидского Ирана, попадали в Центральное Предкавказье сасанидские геммы (основная их часть происходит из Северной Осетии), сердоликовые бусы (частично с росписью), серебряная посуда и монеты, грузинского производства стеклянные перстни и посуда, отдельные глиняные сосуды из Закавказья. Таким образом, существование различных направлений торговых связей для западной и восточной групп алан, выявленное ранее А. А. Иессеном [Иессен А., 1941, с. 27], получило в последнее время подкрепление на массовом материале.

Находки орудий труда очень немногочисленны в погребениях (тесла-мотыжки, топоры, долота) и однотипны в поселениях (ступки, вращающиеся жернова, пряслица).

Оружия (рис. 62) на аланских памятниках тоже меньше, чем в Причерноморье и Дагестане, хотя набор его вполне определен. В погребениях IV—V вв. прежде всего встречаются луки с крупными костяными накладками, железными втульчатыми черешковыми и костяными черешковыми стрелами.

По материалам VI—VII вв. можно представить себе аланского воина в виде тяжеловооруженного всадника с длинным прямым мечом сарматского типа, кинжалом с боковыми выступами у основания рукояти — в форме кинжалов проявляется преемственная связь с кобанскими кинжалами [Крупнов Е. И., 1953, с. 159] при сохранении местного их названия [Абаев В. И., 1949, с. 53], сложным луком с набором крупных железных черешковых наконечников стрел, копьем с ланцетовидным наконечником, булавой, арканом. Всадники и, возможно, кони одеты в кольчужную броню. Несмотря на то что боевые топоры обычно использовались в бою пехотинцами, они часто встречаются в погребениях алан и представляют собой оружие, восходящее к позднекобанским формам (как кинжалы).

Для VIII—IX вв. характерно появление сабли — оружия прежде всего евразийских кочевников. На поселениях найдены каменные болы диаметром 0,10—0,15 м. Но в целом характерно использование лука в качестве основного оружия (во многих могильниках стрелы и железный нож являются единственным оружием, положенным в могилу). Особый интерес, далеко выходящий за географические рамки Кавказа, представляет уникальная находка в Мощевой Балке полностью сохранившегося деревянного лука с роговыми и костяными накладками [Милованов Е., Иерусалимская А., 1976, с. 40—43]. Этот лук (рис. 62, *103*) длиной в 140 см сделан из одного куска березы различной толщины и разной формы сечения на разных участках, снабжен дополнительными накладками, обмотан (вдоль и поперек) сухожилиями и берестой и представляет собой очень сложное (по технологии изготовления, трудоемкости и конструкции) оружие, безусловно обладавшее высокой эффективностью.

Аланские воины по преимуществу были всадниками, их традиционная любовь к коню проявляется в культах, изображениях (амулетах), ритуальных захоронениях лошадей. Богатое конское снаряжение встречается в погребениях с V в. (фалары из подкурганных захоронений) (рис. 62, *4*). Позднее мы находим уздечки с двухкольчатыми железными удилами, во внешнее кольцо которых продевались стержнеобразные серебряные псалии с фигурными головками (в виде цветочной почки или многогранника) (рис. 62, *1, 2*). Оголовье богато украшено полулунными, крестообразными и удлиненно-прямоугольными накладными бляшками из позолоченной фольги, отделанными чеканным орнаментом и инкрустированным стеклом (рис. 62, *3, 5*). Позднее использовались двудырчатые псалии с изогнутым лопаточкообразным концом или слабо S-овидные (рис. 62, *33, 34*). Стремена (начиная с комплексов рубежа VII—VIII вв. или VIII в.) — круглые или восьмеркообразные, с плоской подножкой, без наружного жгута (рис. 62, *73, 74*).

Если конское снаряжение и оружие, неся на себе определенные локальные отличия, может быть рассмотрено в целом для всего Северного Кавказа, то керамика остается наиболее массовым материалом, несущим на себе четкие отличия не только для трех крупных рассмотренных группировок, но и внутри каждой из них. Наряду с этим керамика является хорошим хронологическим показателем (ее количество и набор в погребении, форма, характер обжига, характер лощения и т. д.). Интересно, что при одном погребенном в V в. ставили до шести сосудов, в VI—VII вв.— чаще всего три, в VIII—IX вв.— два, а в IX в.— один (при этом около половины погребений вообще не содержало керамики). Зависит число сосудов и их ассортимент и от половозрастной принадлежности (например, в катакомбах VI—VII вв. Байтал-Чапкана в среднем на женское погребение приходилось 3,8 сосуда, на мужское — 2,8 и детское — 2,5 сосуда). Очень различен ассортимент керамики из поселений и погребений: так, в поселениях кухонная керамика составляет 77,7% [Деопик В. Б., 1961, с. 42], а в могильниках — всего 3,7%; столовая посуда — соответственно 1,4 и 93,6%. Основным является то, что аланское гончарное производство несет на себе ряд черт, специфичных только для него и позволяющих четко выделять его продукцию: сюда входит характер обжига (серый цвет в изломе и на поверхности), лощения (черное, блестящее, полосчатое, сплошное, из заштрихованных треугольников, ромбическое и т. д.), пропорции сосудов, место расположения ручки, высокий процент клейменой посуды, типы клейм и т. д. Не только типы керамики, но и их признаки (которых выделяется много десятков) четко распределены во времени и пространстве.

Приведем несколько примеров. Кувшины и кувшинчики с маленькими сосочками возникают в V в., сохраняя местную кобанскую традицию (рис. 63, *13, 18, 24* и т. д.). Число сосочков на сосуде изменяется со временем (четыре-пять в V в., три — в VI—VIII вв., один — в IX в.); меняется их форма, орнаментация и процент как во времени (уменьшается приближаясь к II тысячелетию), так и в пространстве (37,8% на Верхней Кубани, 25,5% на Кавказских Минеральных Водах, 8,5% в Кабардино-Балкарии, 1,5% в Осетии и 0,6% в Дагестане). Цилиндрические сосуды с отверстием на дне, типичные для равнинных районов и найденные только на поселениях, изредка встречаются в западном варианте и очень типичны для восточного [В. А. Кузнецов, 1973, с. 71]. Миски более характерны для V в. и для восточного варианта (рис. 63, *11*). Ручка на кувшинчиках западного варианта всегда начинается на горле и часто непосредственно от венчика; на сосудах восточного варианта начиная с VI—VII вв. преобладают ручки на тулове, а с VIII—IX вв. они бывают почти исключительно на тулове. По ассортименту керамики — высокому проценту кухонной и безручных форм столовой (до 20%), характеру обжига (палево-желтого цвета) и пропорциям (более приземистые формы) выделяются типы сосудов и их сочетания, которые можно связывать с болгарами (см. рис. 69, *12—14*).

Интересные этнографические материалы дают нам исследования костюмов [Иерусалимская А. А., 1976, с. 22—24]. Это восточного типа халаты с каймой из узорчатого шелка и частично туники византийской формы, декорированные шелковыми «орбикулами», «таблионами» и «клавами». Тогда же зарождались черты современного горского костюма типа черкески. Штаны, являвшиеся типично кочев-

нической деталью одежды, заправлялись в мягкие сапоги, затянутые у щиколоток тонким ремешком с инкрустированными стеклом накладками и пряжками (рис. 61, *6—9*). Многообразными были и головные уборы: от простых повязок до островерхих шлемообразных башлыков.

Одежда алан была яркой, узорчатой, а иногда и роскошной (достаточно сказать, что полностью сохранившийся кафтан из Мощевой Балки сшит из такой шелковой ткани, которую в Иране использовали только для одежды шаха).

Богаты и разнообразны были украшения из драгоценных металлов и стекла. Не имея возможности подробно остановиться на всех категориях и отсылая читателя к таблицам (рис. 62), остановлюсь на специфических для Северного Кавказа деталях инвентаря — зеркалах и амулетах (рис. 62, *6*).

Сравнительное изучение зеркал показало, что, за одним исключением (Джераховское ущелье), нет двух зеркал, отлитых в одной форме: зеркала изготавливались в глиняной форме на заказ и были, видимо, личными оберегами человека, выполненными в традициях, типичных для аланского ремесла данного периода в целом и для данного района в частности. Хронологическим признаком является тщательность исполнения. Так, зеркала в V в. изготовлены более аккуратно, чем позднее. Кроме того, несмотря на находки нескольких крупных зеркал в комплексах V в., в целом наблюдается тенденция к увеличению их диаметра на протяжении V—XII вв. Наряду с этим (преимущественно при мужских костяках) на рубеже VII—VIII вв. появляется тип гладкого или орнаментированного миниатюрного зеркальца-амулета (диаметром от 1,2 до 3,5 см), в основном характерного для западных памятников (рис. 62, *141*).

Картография выделяет излюбленные орнаменты для того или иного района Центрального Предкавказья. Например, часто расположенные радиальные линии более характерны для восточных (Чечено-Ингушетия — 31,0%, Северная Осетия — 26,6%), чем западных районов (Кавказские Минеральные Воды — 13,1%, Кабардино-Балкария — 7,1%). Зеркала с ломаной линией на внешней стороне (или же звездой с восьмью концами и более) типичны для западных (в районе Кавказских Минеральных Вод их около 46%), а зеркала со звездой, имеющей меньше семи лучей,— для восточных районов.

Некоторые зеркала имеют еще более узкий ареал: так, зеркала с орнаментом из завитков, выполненных выпуклыми точками, типичны только для комплексов у Дарьяльского ущелья и из Чечено-Ингушетии. На некоторых могильниках нет однотипных зеркал (например, в Мокрой Балке), в других случаях разнообразие рисунков сведено к минимуму: в Архоне больше половины зеркал украшено шестиконечной звездой.

Металлические амулеты своим разнообразием и массовостью (250 экз.) также являются специфической особенностью памятников аланской культуры. Они имеют лишь немного аналогий в одновременных им памятниках на территории Евразии, где их можно рассматривать как результат связей с Кавказом (рис. 64).

На территории Кавказа истоки металлических амулетов уходят в эпоху бронзы и раннего железа и можно проследить единую линию их развития до эпохи раннего средневековья, а подчас и почти до наших дней. Как правило, они оказываются неотъемлемой частью инвентаря женских погребений; исключение составляют лишь амулеты в виде всадников, найденные в мужских захоронениях.

Амулеты являются прекрасным датирующим материалом. В V в. нет металлических амулетов (очевидно, для этой цели использовались только бусы, а возможно, и зеркала). В VI—VII вв. выделяются два типа антропоморфных подвесок (рис. 64, *1, 10—12*), подвески (или фибулы) с птичьими головками по краю (с конца этого периода), крупные кольцевидные подвески с 9 и 11 утолщениями (рис. 64, *19, 28*).

К VIII—IX вв. относится расцвет металлических амулетов, появляется несколько десятков типов солярных амулетов, амулетов-коней и всадников, оленей и козлов, человеческих фигурок, вписанных в кольцо, солярно-зооморфных и т. д. Почти нет типов, которые были бы характерны только для одного из вариантов аланской культуры, за исключением одного типа амулетов-всадников (рис. 64, *74, 91*) (западный вариант), колесовидных крупных амулетов с четырьмя тяжами (рис. 64, *71*), утолщениями и ушком (восточный вариант), колесовидных семилучевых амулетов с ушком (западный вариант) (рис. 64, *108*) и без ушка (восточный) (рис. 64, *123—125*).

Но вместе с тем из этого обширного разнообразия в каждом из могильников имеется определенный (довольно ограниченный) набор. В могильниках, расположенных в 2—4 км друг от друга, он может для одновременных комплексов не повторяться: например, в могильнике у бывшего подсобного хозяйства им. Луначарского найдены амулеты в виде оседланных коней или всадников (рис. 64, *74, 84*), которых нет рядом в Мокрой Балке, а солярно-лунарные амулеты (рис. 64, *93, 103*), широко представленные в Мокрой Балке ($^2/_3$ всех находок), полностью отсутствуют в одновременных могильниках, находящихся от могильника в Мокрой Балке в непосредственной близости, хотя в целом это один из наиболее распространенных типов амулетов.

Возможно, амулеты как-то связаны с родовой (или фратриальной) принадлежностью (например, род оленя, орла) или же местом в дружинной иерархии. В порядке гипотезы можно предположить, что поскольку у индоиранских племен культ коня тесно связан с царской властью, то амулет в виде взнузданного и оседланного коня или же всадника свидетельствует о принадлежности воина к царской дружине, нечто вроде гвардейского знака. Интересно, что к середине IX в. происходит резкое уменьшение разнообразия типов амулетов и их числа, в ряде случаев на смену металлическим амулетам приходят каменные шарики в оковке на цепочке, которые спорадически встречались и раньше, но наряду с другими типами.

Еще большую информацию о хронологии, локальных вариантах, направлении торговли, воинской иерархии и, следовательно, социально-экономических

отношениях дают поясные наборы (рис. 60; 61). В эпоху переселения народов количество свешивающихся ремешков и поясных украшений (бляшек-накладок и небольших наконечников) и материал, из которого они изготовлены (золото, серебро, инкрустации драгоценными камнями или стеклом), имели определенную смысловую нагрузку [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 139; Laszlo G., 1955, с. 181; Руденко С. И., 1962, с. 44—45; Ковалевская В. Б., 1969, с. 425—432; 1970, 144—145; Kovalevskaja V., 1970, с. 187—191]. Вместе с тем массовость поясных наборов (из могильников и коллекций только с территории Центрального Предкавказья происходит около 2 тыс. деталей поясов) позволяет использовать их в качестве отправных данных для датировок комплексов, из которых они происходят, и построения хронологических таблиц.

Погребальный обряд Центрального Предкавказья — это тема, которую исследователи используют для решения этнографических вопросов, характеристики социальных отношений и идеологических представлений. Мы уже говорили о том, как исторически сложилось отождествление алан с культурой раннесредневековых катакомбных захоронений. Но, для того чтобы уяснить генезис тех или иных погребальных сооружений (катакомба и каменный склеп, земляная и скальная катакомба), рассмотрим все погребальные сооружения Центрального Предкавказья по одной системе.

По характеру наземного сооружения выделяются бескурганные (подавляющее большинство) и курганные захоронения (которые представлены только подкурганными катакомбами и подбоями гуннского времени). По типу погребального сооружения можно выделить две группы. Первую группу составляют однокамерные сооружения, когда основным типом остается могильная яма, стены и перекрытие которой оформлены по-разному, и погребенный вносится сверху. Сюда входят простые грунтовые ямы без использования камня (не считая заполнения) (рис. 65, *5*, *42*); ямы с заплечиками (перекрытие, очевидно, было деревянным); ямы с заплечиками, перекрытые камнем; ямы, частично обложенные камнем (рис. 65, *20*); каменные ящики (или «плиточные могилы»), стены которых сделаны из нескольких плит и перекрыты плитами (рис. 65, *12*, *26*, *32*); каменные гробницы (или «подземные склепы»), стены которых сделаны при помощи сухой кладки горизонтальными рядами и перекрыты плитами (рис. 65, *3*, *11*, *25*, *40*). Вторую группу составляют двух- и трехкомпонентные погребальные сооружения. Их отличает наличие погребальной камеры, входного отверстия и входной ямы (дромоса). Погребенный вносится не сверху, а сбоку. Сюда входят катакомбы, подбои и каменные склепы (полуподземные, наземные и, возможно, дольменообразные) [1].

[1] Как показали последние полевые исследования В. И. Марковина и В. А. Кузнецова, дольменообразные склепы являются не специфической формой средневековых погребальных сооружений верхней Кубани, как предполагал ранее В. А. Кузнецов, а примером вторичного использования древних могильных сооружений, поскольку раннесредневековые погребения все оказались поздними и впускными.

Грунтовые катакомбы имеют камеру квадратной, треугольной, круглой или же овальной формы, с входным отверстием, заложенным камнем, и длинным узким дромосом (иногда со ступеньками), расположенным под прямым углом к камере (рис. 65, *7—9*, *14*, *15*, *21*, *33*). Детальное рассмотрение признаков погребальных сооружений (конструкции, размеров, формы, высоты ступеньки, формы свода и т. д.) помогает решать вопросы хронологии.

Грунтовые подбои имеют камеру овальной или подквадратной формы, с широким входным отверстием (заложенным камнями или досками) и короткой и широкой входной ямой, в длинной стене которой располагается входное отверстие (рис. 65, *16*).

Скальные катакомбы имеют камеру овальной, квадратной или полуовальной формы, вырубленную в отвесной скале, с небольшим входным отверстием, заложенным плитой, и изредка с дромосом (как частный случай бывают камеры, длинная ось которых продолжает собой входное отверстие) (рис. 65, *22*, *29*, *34*).

Скальные подбои имеют камеру полуовальной формы, причем часто использованы естественные углубления в скале с широким входным отверстием, заложенным кладкой на земляном растворе (рис. 65 *23*).

Скальные захоронения (или скальные склепы) имеют камеру прямоугольной формы с использованием естественных каменных неглубоких пещер, где боковые и передняя стенки сделаны из каменной кладки на земляном растворе, с входным отверстием, заложенным камнем (рис. 65, *35*, *37*).

Полуподземные склепы имеют подземные камеры прямоугольной формы со стенками, сложенными из горизонтальных рядов камня, перекрытые плитами, с входным отверстием в виде небольшого коридора, расположенного выше уровня дна камеры, с такими же каменными стенками и перекрытием. Входное отверстие у таких склепов всегда находится ниже по склону (рис. 65, *10*, *18*).

Наземные склепы имеют камеры прямоугольной формы со стенками, сложенными из горизонтальных рядов камня, каменными перекрытиями, с входным отверстием в узкой стенке.

Анализ погребальных сооружений, не считая деталей погребального обряда (ориентировка, коллективность погребений, размеры могилы, положение костяка, наличие и характер наземных сооружений, сопроводительный материал и многое другое), позволяет показать связь погребальных сооружений с хронологией и локальными вариантами культуры (рис. 66). Так, подкурганные катакомбы и подбои составляют невысокий процент (около 3% при колебании от 1,6 до 4,8%) и равномерно распространены в долинах Северного Кавказа, свидетельствуя о проникновении в первые века нашей эры из евразийских степей ираноязычных кочевников. Грунтовые катакомбы появляются в это же время в долинах и предгорьях Предкавказья (Подкумок, Клин-Яр, Нижний Джулат) и во второй половине I тысячелетия (особенно начиная с VI—VII вв.) составляют около трети всех типов погребальных сооружений. Меньше всего их в верховьях Кубани (20,7%), а больше всего — в районе Кавказских Минеральных

Вод (54,7%) и Северной Осетии (34,1%), где они глубоко, вплоть до перевалов, уходят в горы. В районе Пятигорья обнаружены наиболее ранние катакомбы гуннского времени и большое число могильников VI—VII вв., именно этот район можно считать той территорией, где располагалось основное ядро алан и откуда аланское население с катакомбным обрядом погребения продвигалось на запад в верховья Кубани (Байтал-Чапкан и Кумыш-Баши VII—VIII вв.) и на восток (Кабардино-Балкария, Осетия и Чечено-Ингушетия, где преобладают катакомбные могильники VIII—IX вв.).

Иным образом распределяются скальные захоронения. Очень наглядно уменьшение их числа от верховьев Кубани (46,6%) на восток: 29,7% — в районе Кавказских Минеральных Вод, 8,1% — в Кабардино-Балкарии и 9,2% — в Чечено-Ингушетии. Самые ранние скальные захоронения в верховьях Кубани датируются рубежом VII—VIII вв., их расцвет относится к VIII—IX вв. (только тогда появляются они на Подкумке и далее на восток), широко представлены они в X—XII вв. По происхождению скальные захоронения могут быть связаны как с катакомбами или подбоями, вырытыми в земле или врубленными в скале,— и тогда закономерна их связь с аланами [Минаева Т. М., 1965, с. 136—137], так и с подземными каменными гробницами или же каменными ящиками и каменными полуподземными склепами — исконно кавказскими типами погребальных сооружений.

Ставя в определенную связь проникновение в верховья Кубани и районы Кавказских Минеральных Вод из степей болгарского населения, принесшего иной керамический комплекс и иные навыки жилого строительства (появление юрт) на рубеже VIII в., с появлением на этой же территории нового типа могильных сооружений — скальных захоронений, можно предположительно связать этот тип погребений с вновь пришедшими тюрками, так же как и грунтовые захоронения (в частности, грунтовые ямы с заплечиками), которые в Кабардино-Балкарии достигают наивысшего процента — 24,3.

Каменные ящики, куда входят и подземные каменные гробницы, стены которых выложены булыжником или сложены из горизонтальных рядов камня, и плиточные могилы, стенки которых образуют поставленные на ребро каменные плиты, являются исконной формой местных погребальных сооружений, восходящих к предшествующим культурам. Они распространены в горных районах, составляя в Карачае, Осетии и Чечено-Ингушетии до 30—38%, а в предгорьях — до 5% (район Кавказских Минеральных Вод). Несколько меньше полуподземных склепов в горах Балкарии и Осетии — до 22%, а в предгорьях — около 5%.

Мировоззрение дохристианских алан и их языческие культы известны слабо. К рассматриваемому времени относится культовое захоронение в яме на центральной площади раннесредневекового городища Гиляч головы и ног коня (Минаева Т. М., 1951]. На цитадели поселения Указатель в слоях VI—VIII вв. вскрыт скальный жертвенник, представляющий собой 8—10-тонный монолит скалы, обработанный в виде постамента (3,0×1,80×0,70 м) с двумя неглубокими симметрично расположенными корытообразными углублениями. Расположен он на скальном основании цитадели между надвратной башней и лестницей, и к нему тяготеют ближайшие небольшие постройки аланского времени. На городище Хумара раскопано небольшое святилище огня VIII—IX вв. [Гадло А. В., Биджиев Х. Б., 1976, с. 113].

Различными исследователями по-разному решался вопрос о соотношении земледелия и скотоводства у алан. Одни на первое место ставят занятия скотоводством, другие, с опорой на археологический материал,— земледелие [Иессен А. А., 1941, с. 26; Минаева Т. М., 1960, с. 267—289; Алексеева Е. П., 1960, с. 22; Тургиев Т. Б., 1968, с. 257—273; 1969, с. 120—131]. В пользу земледелия говорят как письменные источники («Худуд-ал-Алам», Масуди, Юлиан и т. д.), так и археологические: расположение городищ в земледельческих районах, длительность существования поселений и мощность культурных напластований, наличие зерновых ям и хозяйственных построек, находки жерновов, каменных ступ, зернотерок, лемехов от тяжелого плуга (Кызбурун, Адиюх), железных мотыг, серпов (Харх, Камунта, Адиюх, Доннфарс, Катыхинская балка).

Наличие скотоводства подтверждается в первую очередь находками костей домашних животных в культурных слоях поселений, а также расположением поселений на скотоперегонных путях от мест зимовок к летним горным пастбищам, сведениями древних авторов, знающих алан как искусных всадников, и находками бронзовых амулетов в виде коней и всадников, свидетельствующих о том, что к VIII—IX вв. у алан в качестве верховых употреблялись два типа лошадей — быстроаллюрные кони типа среднеазиатских ахалтекинцев и лошади горного типа, похожие на карачаевских.

В VI—IX вв. феодальные отношения у алан только начинали складываться. Процесс этот корректировался напряженными отношениями с кочевниками, классообразование проходило у них в тесном взаимодействии с рядом фактов их политической истории: участием в военных событиях периода ирано-византийских войн, господством тюркютов, а потом и хазар над Центральным Предкавказьем, походами арабов.

Как уже говорилось, северокавказские аланы были язычниками. Очень интересную информацию об их религиозных представлениях можно почерпнуть из анализа обширной коллекции амулетов (рис. 64). Антропоморфные фаллические амулеты в VI—VII вв. (рис. 64, *1, 10, 11, 30*) следует связывать с изображением главного Божества Неба, животворящего, олицетворяющего рождающую силу, аналогичного Роду древних славян. В VII—VIII вв. небесный характер божества подчеркивается включением фигурки в кольцо (рис. 64, *31, 39*). Из недр культа Небесного Божества у алан возникает дружинный культ покровителей воинов — это уже следующий этап эволюции антропоморфных подвесок (рис. 64, *3, 12*). Возможно, культ мужского божества плодородия слился с культом героя-вождя. С культом вождя следует, очевидно, связывать амулеты VI—VII вв. из Преградной [Минаева Т. М., 1957, с. 133—137] и с горы Кугуль (рис. 64, *12*),

входившие, очевидно, в какие-то сакральные композиции, в которых конь или лев, символ силы и могущества, оказывался необходимой деталью (рис. 64, *2*).

Другим примером перехода от культа верховного божества плодородия к дружинному культу служит появление амулетов в виде всадников, опять-таки специфичных для аланских древностей. По этнографическим материалам осетин более позднего времени и нартскому эпосу можно предположить, что этот «покровитель мужчин, всадник на чудном белом коне» [Миллер В. Ф., 1882, с. 242] — Уастырджи, Уац-Георги, в имени которого слилось имя Георгия Победоносца с термином «Уац» (обозначение божества, восходящее к скифо-сарматскому времени) [Абаев В. И., 1960, с. 14]. Интересно, что архаичный культ божьей матери, самый ранний пласт религиозных воззрений, продолжает существовать в эпоху раннего средневековья лишь в виде отголосков старых верований. Об этом говорит единичность амулетов с изображением женщин (рис. 64, *62*).

Как, когда и в чем проявлялось знакомство алан с христианством? Уже в комплексах VI—VII вв. Мокрой Балки наряду с обычным инвентарем найдены бронзовые подвески в виде крестика (правда, изображение нетипично и лишь предположительно может быть связано с крестом). К VIII—IX вв. в катакомбах Мокрой Балки и в ряде скальных захоронений найдены гагатовые бусы-пронизки в форме миниатюрных крестиков, а на ряде катакомб Песчанки — процарапанные кресты.

Примером борьбы христианства с язычеством является находка сломанного в древности солярного амулета в катакомбе 10а Гоуста (рис. 64, *109*). У амулета грубо обломано внешнее кольцо, в результате чего из круга с вписанным крестом остался только крест. Случай этот позволяет вспомнить описание Моисеем Каганкатваци борьбы епископа Исраила с ношением языческих амулетов, из которых на глазах у толпы он «делал изображения креста Господня» [Моисей Каганкатваци, 1861, с. 205]. Свидетельством взаимопроникновения языческих и христианских мотивов является обычного вида и привычных размеров круглый амулет с вписанным ажурным крестом (рис. 64, *120*).

В целом рассматриваемая эпоха — это постепенный подъем и усиление алан в Центральном Предкавказье. Уже к концу VI в. они начинают играть выдающуюся роль в международных событиях. В это время сложилась яркая и своеобразная аланская культура, включившая в себя как черты материальной культуры недавно перешедших от кочевания к оседлости сармато-алан, так и ряд особенностей материальной и духовной культуры местных кавказских племен. Контакты с миром евразийских кочевников продолжались на всем протяжении IV—IX вв. Тюркюты, болгары, хазары простирали свою власть на аланские племена на разный срок, привнося в их культуру новейшие достижения в области вооружения и конского снаряжения и, в свою очередь, быстро меняя свой быт и материальную культуру при тесном общении с ними.

Западное Предкавказье

Северо-западный Кавказ (Прикубанье и Черноморское побережье) был занят массивом адыго-черкесских племен, которые больше, чем местные племена Центрального Предкавказья, определяли облик материальной культуры эпохи раннего средневековья, несмотря на проникновение в Прикубанье с северо-востока сармато-алан, а позднее тюрок, а с запада через Боспор на Черноморское побережье Кавказа — готов-тетракситов. Топонимика, преемственность в материальной культуре, сведения античных и раннесредневековых авторов согласно свидетельствуют в пользу этого.

Археологические памятники рассматриваемого времени были открыты на северо-западном Кавказе в конце прошлого века [например, Спицын А. А., 1907а, с. 103—107; 1907б, с. 188—192; Саханев В. Б., 1914, с. 75—219]. Тем не менее они исследованы еще слабо и неравномерно. Почти не изучены поселения, мало известны места погребений местных племен с территории Прикубанья (рис. 57). Сейчас мы располагаем материалами только с двух могильников (Пашковский и Ясеновая Поляна). Несколько более значительны по количеству материалы из дореволюционных раскопок на Черноморском побережье (Агойский аул, Борисовский, Веселое и т. д.), существенно дополненные материалами из раскопок Н. В. Анфимова в Сопино [Алексеева Е. П., 1964, с. 201] и А. В. Дмитриева в Абрау-Дюрсо [Дмитриев А. В., 1975, с. 106].

Работы последних лет позволяют по-иному представить себе хронологию этих древностей. Так, Пашковский могильник 1 [Покровский М. В., 1936, с. 159—169; Смирнов К. Ф., 1951, с. 155—161], где исследовано не менее 40 погребений, дал коллекцию одновременных вещей не IV—VI вв., как датировали его ранее, а VII в. [Амброз А. К., 1971, с. 107]. Основанием для новой датировки является передатировка нижнего слоя Суук-Су, хронология пальчатых и двупластинчатых фибул, наличие В-образных пряжек как ранних, так и поздних типов, пряжек с квадратной рамкой и полуовальным щитком, круглых серебряных блящек-накладок, антропоморфных амулетов, фибул, инкрустированных стеклом или же с четырьмя птичьими головками по кругу (последние не найдены в комплексах старше рубежа VII—VIII вв., так же как и бронзовые колокольчики). По аналогии с Пашковским могильник у Ясеневой Поляны следует датировать также не IV—VI вв. [Дитлер П. А., 1961, с. 148—150], а VII в.

Погребения всех эпох, начиная с V в. (небольшое число комплексов) по VIII—IX вв., представлены в обширном могильнике Абрау-Дюрсо. В хронологии могильников северо-западного Кавказа прослеживаются те же закономерности, которые характерны для обширных территорий Евразии. Здесь также редко встречаются комплексы IV—V и V—VI вв. Гунны и здесь произвели массовые опустошения. Во второй половине VI—VII в. можно констатировать появление нового населения в долине Кубани и на побережье. Дальнейшее развитие его представлено комплексами VIII—IX вв.

Локальные различия, проявляющиеся как в погребальном обряде, так и в инвентаре, объясняются притоком населения из разных (соседних или дальних) районов: Крыма, северокавказских или азиатских степей.

В первые века нашей эры античные авторы знают на левобережье и правобережье Кубани (очевидно, до Лабы) меотов, на Таманском полуострове — синдов, на Черноморском побережье — ахейцев, гениохов, кораксов, зихов и т. д. вплоть до колхов и лазов.

В раннем средневековье византийские авторы в связи с ирано-византийскими войнами неоднократно упоминают в своих хрониках причерноморские племена, среди которых имя зихов (зехов), или «к-с-к» (касогов), полностью вытеснило имена более мелких племен. Отношения зихов с Византией были дружественными, к ним ссылали неугодных Риму лиц еще в IV в., а по землям зихов вдоль моря или через горные проходы шли миссионеры, торговцы и воины.

Древние авторы ничего не говорят о городах адыгов. Исключением является свидетельство анонимного персидского автора книги «Худуд-ал-Алам», упоминающего укрепление «кешак» в стране алан на Черноморском побережье Кавказа. И, действительно, не считая многочисленных авазгских крепостей в районе Сочи, занимающих естественно укрепленные отроги гор, дополнительно огражденных каменными высокими стенами, сложенными на крепком известковом растворе, мы знаем севернее на территории зихов лишь одну крепость, которую, возможно, справедливо отождествляют со Старой Лазикой. Это большая крепость на левом берегу р. Нечепсухо в 1—1,5 км от берега моря. Она окружена крепостной стеной толщиной в 2 м и датируется по керамическому материалу IV—VII вв. Внутри крепости обнаружены руины базилики.

На меотских городищах Кубани (и ее левых и правых притоков) жизнь продолжалась до VI в., а частично и до VIII—IX вв. Городища занимают мысы высоких террас, состоят из центрального округлого холмообразного укрепления, окруженного глубоким кольцевым рвом, и прилегающего поселения, в некоторых случаях также окруженного рвом (например, поселения у хутора Красного, аулов Гатлукая, Пшекуйхабль, Тахтамукай по разведкам Н. В. Анфимова или же у аула Вочепший, Красная Батарейка, Новобжегокай, хутора Ястребовский по разведкам автора). Культурный слой насыщен раннесредневековой керамикой и имеет в ряде мест мощность свыше 1 м. Большинство поселений представлено неукрепленными селищами, возникшими как в V—VII вв., так и в VIII—IX вв. (датировка слоев производится по наличию тарной посуды, привозимой с Таманского полуострова, и по характерной салтово-маяцкой керамике). Занимали они надпойменные террасы притоков Кубани и плато недалеко от речек, впадающих в море.

Отсутствие раскопок на них не позволяет представить ни планировку поселений, ни особенности строительной техники и устройства жилищ.

Что касается абазгских крепостей, то на них сказывается влияние позднего Рима в использовании строительного раствора при сооружении крепостных стен.

О раннесредневековых ремеслах мы можем судить только на основании тех предметов, которые найдены в могилах в качестве погребального инвентаря, поэтому вопрос об орудиях труда освещен очень слабо. В нашем распоряжении имеются лишь серпы из Сопино, случайные находки, хранящиеся в Новороссийском музее, вещи из поздних погребений Абрау-Дюрсо, топоры (они могут быть как орудиями, так и оружием), пряслица, грузила (до 50 штук в одном погребении).

Значительно лучше, чем в Центральном Предкавказье, представлено оружие и конское снаряжение. Найден полный набор оружия как легко, так и тяжело вооруженного всадника. Для V—VII вв. это длинные мечи (рис. 62, *13, 45, 46*), массивные обоюдоострые кинжалы с двумя или тремя выступами у рукояти (рис. 62, *43, 62*) (например, А. В. Дмитриев в могильнике Абрау-Дюрсо обнаружил 26 кинжалов с тремя выступами), листовидные наконечники копий с треугольными выступами у основания пера (рис. 63, *60*), трехлопастные стрелы (рис. 62, *8*).

Для раннего периода могильника Дюрсо характерны специальные погребения взнузданных и оседланных коней (иногда вместе с ними положено и оружие). А. В. Дмитриеву впервые удалось найти in situ металлические обкладки седла с чешуйчатым и точечным орнаментом и предложить новую реконструкцию гуннского седла с твердой конструкцией (Дмитриев А. В., 1978). В комплексах этого времени найдены двукольчатые удила, у которых на внешнее кольцо подвижно надевалось дополнительное кольцо для прикрепления повода, а на внутреннем закрепляли ремни оголовья (рис. 60, *1*). Иногда в первое кольцо вкладывались лопаточкообразные псалии. Однокольчатые удила использовались с прямыми или слегка изогнутыми псалиями, кончающимися шишечками (рис. 62, *1, 2*).

В VIII—IX вв. заметно меняется характер оружия. Длинные мечи заменяются длинными слабоизогнутыми саблями с прямыми или ромбовидными с утолщениями на концах перекрестиями (рис. 62, *91*) либо совсем без перекрестий. Наконечники копий употребляются втульчатые с узким ромбическим пером (рис. 62, *110*), удлиненно конические (рис. 62, *108*), а также с коротким листовидным пером и с треугольными выступами у основания. Очень многочисленны типы наконечников стрел: трехлопастные (рис. 62, *157, 158*), угловатые и овальнолопастные (рис. 62, *107*), плоские (рис. 62, *104*), треугольные и прямоугольные, трехгранные, крупные черешковые с отверстиями у основания. Топоры узколезвийные с молотковидным обухом (рис. 62, *155*). Защитное вооружение представлено железными кольчугами, сплетенными из небольших плоских колечек (рис. 62, *111*), шлемами с кольчужными бармицами, стальными наколенниками, наплечиками, поножами.

Конское снаряжение характеризуется восьмеркообразными стременами (эпизодически появлявшимися уже в предшествующий период) и стременами с прямой или вогнутой подножкой, прямоугольным или сегментовидным отверстием в вытянутом

трапециевидном ушке. Двукольчатые удила соединялись с поводом и оголовьем при помощи дополнительных колец большого или малого диаметра или псалий (S-овидных или прямых стержнеобразных с фигурными утолщениями) (рис. 62, *126*).

Керамическое производство адыгов эпохи раннего средневековья представлено большими коллекциями целых сосудов из Пашковского, Ясеновополянского и Тлюстенхабальского могильников Прикубанья, из Сопино, Абрау-Дюрсо, Борисовского на Черноморском побережье и флагментами керамики из культурных отложений поселений. В ряде пунктов найдены гончарные печи (с. Ахштырь на р. Мзымта, Колосовка на р. Фарс).

Изучение керамики позволяет определить ее характерные признаки и отличие от аланской, уточнить границы адыгских племен. В керамике (особенно заметно это в Прикубанье) сохраняются традиции меотской культуры с рядом сарматских элементов. Лепная кухонная керамика представлена тщательно изготовленными горшками, по формам и тесту восходящими к позднемеотским, с резко отогнутым венчиком, гладким или орнаментированным насечками. Тулово покрыто беспорядочным волнистым или линейным орнаментом. Столовая посуда очень разнообразна. Это многочисленные сероглиняные и красноглиняные миски и кувшины, украшенные желобками, лощеными полосами, зигзагами (рис. 67). Кроме того, на Черноморском побережье Кавказа в могилах найдены краснолаковые блюда и кувшины (рис. 67,*1, 2*).

Красноглиняные сосуды по своему происхождению связаны с Боспором, сероглиняные же указывают на самостоятельный путь развития из меотских форм с сохранением тонкоотмученной серовато-голубой глины со слегка красящей поверхностью, полосчатым светлым лощением, с сильным влиянием сарматской (пережиточные формы зооморфных и витых ручек, налепов в верхней части ручек) и позднеантичной боспорской традиции (канфаровидные, а позже эйнохоевидные сосуды) (рис. 67, *11*).

В VIII—IX вв. сильно уменьшается процент лепных сосудов. Кухонная керамика делается на гончарном круге, но остаются старые формы и орнаментация. Это сероглиняные небольшие горшки с прямым или резко отогнутым венчиком и покатыми плечиками. Орнаментация представлена рифлением, волнистым орнаментом, насечками по венчику. Кувшины, особенно на Черноморском побережье, красноглиняные ойнохоевидные. Продолжают бытовать двуручные сосуды (рис. 67, *8*), красноглиняные и сероглиняные кружки. Появляются высокие красноглиняные кувшины с внутренним смолением, привезенные, вероятно, из Таматархи (Тмутаракани). Датирующими являются амфоры с мелким рифлением VIII в., бороздчатые амфоры VIII—IX вв. «салтовского» типа.

Среди керамики можно выделить отдельные группы, связанные с проникновением разноэтнических элементов на территорию адыгов,— сосуды в виде кубышек из могильников Пашковского, Ясеновополянского и Абрау-Дюрсо (рис. 67, *3, 10, 13*) наряду с желтоглиняными кувшинами могут быть связаны с болгарами; отдельные лепные сосуды с орнаментом роскошного стиля на сельских поселениях, близкие керамике кочевнического гарнизона Саркела, могут быть связаны с хазарскими печенегами, которые локализованы примерно в этом районе автором «Худуд-ал-Алама». На левобережье и правобережье Кубани найдены отдельные кувшинчики, типичные для салтово-маяцкой культуры.

В могильниках нередко попадаются типичные для середины I тысячелетия н. э. стеклянные сосуды с каплями синего стекла и богатый ассортимент женских и мужских украшений.

Поясные наборы из наиболее ранних комплексов Черноморского побережья Кавказа характеризуются бляшками-накладками, пряжками и наконечниками с прорезной орнаментацией, изображающей схематически человеческое лицо (рис. 61, *1*). Сопоставление этих материалов с материалами Центрального Предкавказья и евразийскими комплексами подтверждает гипотезу о проникновении этого типа наборов из Византии или сложении его в Северном Причерноморье в середине или второй половине VI в. под влиянием византийского ювелирного ремесла.

Набор женских украшений связывает памятники Черноморского побережья Кавказа, в частности район евдусиан, на территории которых находился могильник Абрау-Дюрсо, с крымскими памятниками типа Суук-Су, что позволяет автору раскопок А. В. Дмитриеву видеть в нем памятник, оставленный переселившимися готами. Это парные двупластинчатые фибулы, часть которых настолько специфична (рис. 62, *63, 64*), что не имеет точных аналогий; серьги серебряные с напускным 14-гранником, калачикообразные и с гроздевидной подвеской; гладкие и витые гривны; богатый набор каменных и стеклянных бус, причем мозаичные бусы указывают на связь с Египтом в VI в. [Andrae R., 1973].

Не отрицая связи с Крымом, нужно подчеркнуть близость не только мужских, но и женских украшений к раннесредневековым адыгским материалам Прикубанья, что при местном облике керамики несомненно говорит о смешанном характере культуры, возможно адыго-готском.

Наиболее веским свидетельством в пользу этнической принадлежности памятника принято считать погребальный обряд, но и здесь исследования последних лет заставляют пристальнее отнестись к информации, которая заложена в этом материале, при решении как этих вопросов, так и вопросов, связанных с социальной организацией и идеологическими представлениями оставившего могильник населения.

Для районов Прикубанья и Черноморского побережья Кавказа наиболее распространенным погребальным сооружением являлась в VI—VII вв. узкая грунтовая яма глубиной от 0,40 до 1,20 м, ориентированная длинной осью с запада на восток (иногда с отклонениями). В Абрау-Дюрсо такие могилы составляют около 100%, в Пашковском могильнике — 98%, в Сопино — 78%, в Борисовском — всего 19%. Процент грунтовых могил с каменной обкладкой (каменных ящиков или «каменных гробниц») увеличивается по Черноморскому побережью с северо-запада на юго-восток: в Сопино — 20%, в Борисов-

ском — 84%. Погребения одиночные в вытянутом положении, изредка встречаются деформированные черепа и скорченная поза скелетов (например, 6% в Сопино).

Трупосожжения встречаются спорадически, составляя 2—4%, как в грунтовых могилах (Пашковский могильник), так и в каменных ящиках (два погребения Борисовского могильника) и в могилах, обложенных камнем. В одном случае (Геленджик) трупосожжение помещено в урне.

В VII — начале VIII в. процент трупосожжений увеличивается в Борисовском могильнике, в частности, до 20% в каменных ящиках и 10% — в грунтовых могилах. Еще заметнее этот процесс становится во второй половине VIII—IX в.; в Абрау-Дюрсо во всех (173) случаях сожжение произведено на стороне, обгоревшие предметы, кусочки костей и керамики положены в неглубокую (0,30—0,60 м) ямку; в Борисовском могильнике в 64% трупосожжения захоронены в каменных ящиках, в 10% — в грунтовых могилах, в 16% — в ямках, а в 10% захоронен только инвентарь (тоже в каменном ящике). Увеличивается число трупосожжений в урнах (Архипо-Осиповка, Геленджик, Тахтамукай). Наряду с этим, но, как правило, в других могильниках появляются подкурганные захоронения в каменных ящиках и грунтовые погребения (Тлюстенхабль), но полного развития курганный обряд погребения достигает в начале II тысячелетия н. э.

В своей основной массе рассмотренные нами погребения с оружием, орудиями труда, посудой с заупокойной пищей и питьем, украшениями, сопровожденные захоронениями взнузданных и оседланных коней, являются погребениями язычников. Свидетельства византийских и грузинских авторов о христианизации адыгов уже в VI в., а возможно, и раньше подтверждаются, в частности, находкой в погребении VI—VII вв. небольшого крестика [Спицын А. А., 1907б., с. 191—192], хотя находка эта единична.

На территории адыгских племен упоминаются христианские епархии в Фанагории, Таматархе, Зихополисе (находившемся, очевидно, между Таманским полуостровом и Никопсией) и Никопсии. В ряде пунктов зафиксированы христианские храмы VI—IX вв. (например, в Ново-Михайловском, Лоо, Адлере), но, к сожалению, они не изучены.

Монеты на северо-западном Кавказе найдены как в могильниках, так и в виде кладов (например, на мысе Сукко клад монет конца VII в.). В могильнике Абрау-Дюрсо в комплексах V—VII вв. неоднократно встречались позднебоспорские монеты IV в., что лишний раз показывает, с какой осторожностью следует использовать монеты при датировках погребений.

Слабая изученность раннесредневековых поселений ограничивает наши возможности в реконструкции хозяйства адыгских племен Прикубанья и Причерноморья. Однако непрерывность жизни на поселениях с римского времени, сохранение традиций в ряде ремесел (в частности, гончарном) не дает оснований предполагать смену как населения, так и хозяйственного уклада. Главным занятием оставалось земледелие, выращивали просо, ячмень, рожь, пшеницу. Продукты земледелия продолжали, очевидно, оставаться основным продуктом экспорта. В поселениях адыгов при раскопках обнаружены зерновые ямы, крупные сосуды для хранения запасов, жернова, косы, серпы и изредка лемехи. Скотоводство играло наиболее заметную роль в предгорных районах (разводили коней, крупный и мелкий рогатый скот, свиней), а в Прикубанье и на Черноморском побережье Кавказа большое значение имело рыболовство (в некоторых погребениях Абрау-Дюрсо найдено до 50 грузил для сетей). На территории адыгских племен в эпоху раннего средневековья начали складываться предпосылки для образования классового общества.

Хотя античные авторы и говорят о местных «царях», получивших власть от римского императора, это были, скорее всего, племенные вожди. В погребениях V—VII вв. мы не можем проследить заметного имущественного неравенства, хотя различное число бляшек и накладок в поясных наборах свидетельствует в пользу различного положения воинов в дружинной иерархии. В VIII—IX вв. выделяются погребения дружинников, отличающиеся от остальных богатством и тщательностью изготовления инвентаря.

К концу I тысячелетия адыгское население Прикубанья и Причерноморья вступает в более тесные контакты с евразийскими кочевниками. В западных предгорьях Кавказского хребта появляются печенеги. Ведущей формой погребального сооружения становится курган, увеличивается процент трупосожжений, а в инвентаре ряд типов вещей, связанных с вооружением и конским снаряжением, отражает усиление далеких степных связей (до Сибири включительно).

Восточное Предкавказье

Для Восточного Предкавказья по археологическим и письменным источникам можно более четко отделить культуру местных кавказских племен, занимавших горные районы (царство Серир, Филан, Лакз), от кочевников, недавно пришедших сюда из степей в равнинный, приморский и предгорный Дагестан. В отличие от Центрального Предкавказья, где наибольший удельный вес имели ираноязычные аланы, здесь на первое место среди пришельцев выходят тюркские племена савир, акацир, барсил, болгар, хазар. Недаром со времени гуннского нашествия именно за этим районом закрепляется имя «царство гуннов».

Археологические исследования могильных древностей приморского и предгорного Дагестана развернулись около ста лет назад в период подготовки V Археологического съезда в Тифлисе. Материалы из исследованных тогда могильников (Паласа-Сырт, Большой Буйнакский курган) и сейчас не потеряли своего значения. Сопоставляя их с данными письменных источников и позднее раскопанными памятниками, мы можем их исторически осмыслить и использовать для воссоздания истории края. В результате широких полевых работ в

30-е годы и особенно в послевоенный период к настоящему времени Дагестан стал наиболее полно изученным районом Северного Кавказа. Обилие раскопанных могильников с яркими и богатыми коллекциями керамики, оружия, конского снаряжения и украшений, включающими в себя как характерные только для Предкавказья, так и широко распространенные в евразийских степях типы вещей, позволяют рассматривать эти материалы на фоне древностей эпохи переселения народов и последующих веков I тысячелетия н. з.

Восточное Предкавказье явилось колыбелью Хазарского каганата. Именно здесь в материальной культуре можно проследить предпосылки развития одной из ярчайших культур эпохи раннего средневековья, оценить вклад, сделанный в нее сибирско-среднеазиатскими кочевниками и местными племенами, аланами и болгарами, Византией и Сасанидским Ираном.

Начиная с 50-х годов археологи уделяли большое внимание бытовым памятникам; в настоящее время в Прикаспийском Дагестане зафиксировано более 40 раннесредневековых городищ [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1970, с. 831; Гадло А. В., 1974, с. 141; Магомедов М. Г., 1975, рис. 1], часть которых подвергалась раскопкам широкими площадями и может быть в настоящее время довольно убедительно (несмотря на оживленные и ожесточенные споры) отождествлена с исторически засвидетельствованными хазарскими городами.

На основании ряда особенностей (выбор места, размеры, особенности фортификации, характер и мощность культурного слоя) исследователи предлагают различные классификации поселений [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1970; Магомедов М. Г., 1975, с. 201]. Следует подчеркнуть, что в Прикаспийском Дагестане, как и в Центральном Предкавказье, естественные условия определяли форму укрепленного поселения и характер фортификации: в равнинных областях мы находим «земляные» городища (раскопки показали, что валы представляют собой не земляные насыпи, а сооружения из перемежающихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей), в предгорьях же — поселения, занимающие естественно укрепленные мысы, господствующие над долиной, дополнительно укрепленные каменными стенами (Урцеки, Таргу). По размерам выделяются крупные городища (Андрей-аульское, Верхний Чир-Юрт, Шелковское) и сторожевые крепости (Бораул, Тенг-Кала) (рис. 68). К укрепленным поселениям (Верхний Чир-Юрт, Андрей-аул) могут примыкать неукрепленные, хотя последние могут располагаться изолированно (Аксайское) или находиться в долине, укрепленной на входах в нее крепостями. В стране Беленджер на Сулаке под охраной городищ Чир-Юрт, Бавтугай, Исти-Су и Сигитма находилось не менее девяти неукрепленных поселений, причем иногда очень крупных, с культурным слоем до 1,5—2,0 м (при трехметровой толще культурного слоя на укрепленных поселениях) [Магомедов М. Г., 1975]. На примере городов северного Дагестана можно проследить динамику перехода от кочевания к оседлости с соответствующими изменениями в хозяйстве.

Наиболее северные памятники, расположенные в долинах Терека, Аксая и Акташа [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1970, с. 83—84], представляют собой одиночные холмы, останцы древних морских террас, служившие местом поселения с позднесарматского времени. Где-то в конце VII — начале VIII в. на этих холмах были возведены мощные системы укреплений: было произведено эскарпирование склонов, отстроены крепостные стены.

Указанные долины связывали степной Прикаспий с удобными зимними выпасами и предгорьями — летовками скота. Именно эти традиционные скотоперегонные пути оказались местом оседания кочевников. Район предгорий с его плодородными естественно укрепленными долинами стал в VII—VIII вв. средоточием городской и сельскохозяйственной жизни Хазарии (рис. 57).

По границе предгорий приморского Дагестана, традиционного пути следования степных кочевников в богатое Закавказье, был расположен ряд знаменитых городов царства гуннов, от старого Семендера до Дербента на юге. Хорошо укрепленные города, занимающие выгодное стратегическое положение в предгорьях (например, Варачан), благодаря созданию стен в несколько километров от предгорий до береговой полосы могли остановить противника, двигающегося на страну.

Раннесредневековые города этого района были отстроены на слоях албано-сарматского времени. В традициях строительства виден переход от использования камня в виде сплошной кладки к типичному раннесредневековому приему панцирной техники с забутовкой из щебня и земли. Возрастает роль башен, постепенно вместо квадратных появляются круглые, вместо нерегулярного их расположения — регулярное.

Строительство городов приморского каспийского коридора исторической традицией связано с именем иранского шаха Хосроя Ануширвана (VI в.), стремившегося обезопасить свои владения в Восточном Закавказье от опасного врага — евразийских кочевников. Археологические раскопки последних лет [Кудрявцев А. А., 1975, с. 16] показали, что каменной фортификации Дербента предшествовала стена, целиком построенная из сырцового кирпича на платформе из глинобита высотой около 0,40 м. Стена имела толщину 8,0 м при высоте 5,5—6,0 м и была сооружена в середине V в. при Иездигерде II.

Большинство поселений имело цитадель, место обитания знати, а иногда только семьи владетеля. Города (Семендер, Беленджер, Дербент) были окружены обширными садами и виноградниками. Сведения восточных источников об этом подкреплены геоботаническими исследованиями [Лисицына Г. Н., Костюченко В. П., 1976]. Жилые постройки были сложены из необработанного известняка и речных валунов на земляном растворе (Чир-Юрт, Бавтугай) (рис. 58, 7) или были турлучными (Андрей-аул), легкими хижинами с ямками-очагами в центре (Казар-Кала). М. Г. Магомедовым на территории курганов Чир-Юртского могильника обнаружены два раннехристианских храма четырехугольной формы размерами 7×14 м [Магомедов М. Г., 1975,

с. 202], сооруженных в технике сплошной каменной блоковой кладки (рис. 58, *6*).

Из производственных сооружений следует отметить комплексы гончарных печей, исследованные близ Андрей-аульского городища [Маммаев М. М., 1970, с. 9]. Все 10 печей, объединенные в три группы, однотипны и представляют двухъярусные глинобитные сооружения с диаметром камеры от 1,30 до 1,70 м.

Следы производственных остатков на Аркасском, Урцекском и Андрей-аульском городищах позволили восстановить сыродутный способ получения железа, а находки кузнечных изделий на поселениях и в могильниках позволяют оценить широту ассортимента продукции, примененные приемы горячей и холодной ковки, сварки, пайки. Все это свидетельствует о том, что кузнечное дело выделилось в обособленную область со специализацией по производству отдельных видов продукции.

На Урцекском городище найдены тигли и литейные формы, а также различные инструменты для производства изделий из цветных металлов (клещи, зубила, зажимы, резцы и т. д.). Благодаря этим находкам уточняются наши представления о литье по восковой модели и в жестких формах, ковке, чеканке, резьбе, применении зерни, скани, инкрустации, насечки, позолоты.

Раннесредневековые могильники Дагестана (особенно подкурганные катакомбы Чир-Юрта) дали наиболее полную коллекцию оружия и конского снаряжения VII—VIII вв., помогающую реконструировать облик хазарского воина.

Самым распространенным и типичным оружием тюркского всадника следует считать лук [Магомедов М. Г., 1978]. Лук был крупным (длиной около 1,5 м) с концевыми и срединными костяными накладками, очевидно центральноазиатского происхождения, наконечники стрел — крупные, двух- и трехлопастные (происходят они из ряда комплексов: Джемикента, курганного и грунтового могильника Верхнего Чир-Юрта, Большого Буйнакского кургана, Урцеков, Паласа-Сырта) (рис. 62, *90*). Кроме того, встречены плоские железные черешковые стрелы и срезни. Своеобразием приморского Дагестана (Урцеки) является обилие костяных наконечников стрел, что М. Г. Магомедов справедливо связывает с гуннским наследием. Орудием ближнего боя, имеющим длительную традицию на Кавказе, служили копья с железными наконечниками и железные топоры. Особый интерес представляет вопрос о мечах и саблях. Двулезвийные мечи, продолжающие сарматскую традицию, происходят только из Урцеков и Большого Буйнакского кургана, тогда как в Чир-Юртском могильнике найдены наиболее ранние в Юго-Восточной Европе сабли [Магомедов М. Г., 1975]. Богато представлено и защитное вооружение — железные кольчуги и пластинчатые доспехи (панцири для воинов и конская броня).

Тюрки славились как искусные всадники. В ряде комплексов найдены седла с деревянной основой и костяными накладками на луке, восьмеркообразные стремена, кожаная узда, богато украшенная металлическими (иногда золотыми) бляшками и бубенчиками; железные однокольчатые удила с помощью двухдырчатых псалий соединялись с ремнем повода и оголовьем.

Керамика является наиболее массовым материалом из поселений и могильников Восточного Предкавказья. Столовая посуда делится на две основные группы: серолощеную, возникшую на сармато-аланской подоснове (северные низменные и предгорные районы), и красноангобированную, развивавшуюся на албанской подоснове (приморский Дагестан) (рис. 69).

В настоящее время удается выделить болгарский компонент VII—VIII вв. [Ковалевская В. Б., 1978], прежде всего по материалам Чир-Юртского грунтового могильника. В аланских комплексах Центрального Предкавказья в среднем было два-три сосуда, причем их больше в ранних комплексах и в женских погребениях. В болгарских памятниках Приазовья, Поволжья и Подунавья, как и в Чир-Юрте, среднее число сосудов (так же как и инвентаря) на одно погребение было значительно меньшим (1,1—1,2), при этом многие погребения вообще не содержали керамики. Другим был ее ассортимент: так, процент кухонной керамики, составляющий для погребений Северного Кавказа всего 3,7%, в Чир-Юрте доходит до 16,7%, а безручных форм столовой керамики (рис. 69, *12, 13*) составляет соответственно 2,8 и 38,1. По форме и особенностям орнаментации она имеет аналогии только на северо-западном Кавказе и в болгарских памятниках VIII—IX вв. Среди кувшинов наряду с серолощеными, восходящими к сарматской культуре (рис. 69, *4, 5, 9, 14, 16*) и имеющими аналогии в аланской культуре, бытуют палево-желтые кувшинчики, которые следует связывать с болгарами (рис. 69, *14*). Периодизация целых сосудов (рис. 69), найденных в могильниках, может быть дополнена материалами из поселений, в частности из многослойного поселения II—IX вв. Казар-Кала [Гадло А. В., 1974, с. 146].

Первый слой позднесарматского времени (II—IV вв.) содержит типичный для этого времени керамический комплекс. Во втором слое (VI—VII вв., возможно, VII — первой половине VIII в.) прием орнаментации в виде лощения продолжает сарматские традиции, а формы и орнаментация сосудов грубеют и упрощаются при стандартизации ремесленного производства. Характерны для этого периода налепные валики на кухонной и тарной керамике, замена профилированных мисок плошками (рис. 69, *8*), появление гончарных клейм на днищах. Керамика, неся на себе ряд общих черт — серый цвет, лощение, валики,— обладает рядом локальных особенностей (например, наличие сосудов с ручками в виде конских фигур на Андрей-аульском городище). В третьем слое (на Казар-Кале) содержится комплекс салтово-маяцкой керамики: пифосы с массивным треугольным венчиком (сероглиняные и красноглиняные), рифленые сероглиняные горшки с витым венчиком, горшки шарообразной формы со сплошным рифлением. Вместе с тем продолжали существовать горшки с насечками и вдавлениями по венчику. Упрощаются по форме и орнаментации кувшины и кружки. Единство керамического комплекса в степных областях Северного Кавказа (памятники VIII—IX вв. Кубани, Ставропольщины и

низовьев Терека) говорит в пользу предположения А. В. Гадло о сложении его в северокавказских степях.

Украшения, найденные в погребальных комплексах Дагестана, характеризуются местным своеобразием (особенно в предгорьях), наряду с этим они имеют ряд черт, общих для Северного Кавказа и евразийских степей (рис. 62, *93, 96*). Сложность датировок заключается в том, что в нашем распоряжении нет такого одного опорного памятника, который позволил бы создать хронологическую шкалу: наиболее ранние памятники гуннского времени разрознены и единичны (Паласа-Сырт, Дербент, Урцеки), а достаточно массовый материал имеется начиная с конца VI, скорее же — с VII в. (чир-юртские могильники). При этом инвентарь грунтовых и подкурганных катакомб (при их хронологической близости) резко различается по набору и типам вещей. Подкурганные катакомбы отличает большое количество оружия и конского снаряжения, иные типы пряжек и поясных наборов.

В грунтовом могильнике, состоящем из катакомб, подбоев и грунтовых могил, бо́льшую часть пряжек составляют типы, общие для северокавказских могильников VII—VIII вв. (около 35% составляют лировидные пряжки, 20% — прямоугольнорамчатые, единичные пряжки, связанные с Византией, несколько более часты местные типы треугольных, иногда рогатых пряжек (рис. 60, *115*), известных в Дагестане, Чечено-Ингушетии и Подонье, и совсем редки пряжки, восходящие к сибирским типам). Среди немногочисленных пряжек из подкурганных катакомб (которые, возможно, примерно на полвека моложе грунтовых) на первом месте находятся односоставные пряжки (типа рис. 60, *109—111*), имеющие аналогии в сибирских памятниках рубежа VII—VIII вв., дальнейшее развитие которых прослеживается в так называемых салтовских.

Наряду с ними бытуют византийские пряжки шарнирной конструкции (типа рис. 60, *69*) при полном отсутствии типичных для северокавказских алан лировидных, В-образных и прямоугольнорамчатых, так же как и местных рогатых. В VIII—IX вв. предгорный Дагестан дает типичный набор салтовских поясов (Агач-Кала, Бавтугай). В поясных наборах местная специфика проявляется очень мало (за исключением пряжек-сюльгам VI—IX вв. Большого Буйнакского кургана (рис. 60, *125*)), что и понятно, поскольку поясные наборы принадлежали дружинникам и прежде всего являлись показателем того места, которое занимал воин в дружинной иерархии, и той политической ориентации, которой он придерживался (византийской, хазарской, сибирской и т. д.).

Среди серег и височных колец иное соотношение типов. Специфически дагестанской формой следует признать серьги с 14-гранником (рис. 62, *69, 135, 171*). Наряду с ними в слое VII—VIII вв. встречены единичные экземпляры золотых и бронзовых серег с подвеской в виде пяти шариков одного или разного диаметра (иногда венчающих перевернутую пирамиду, украшенную зернью), в слое VIII—IX вв. появляются салтовские серьги — сначала литые, с неподвижным шариком или стерженьком, позднее с подвижным стерженьком (типа рис. 62, *173*).

Амулетов на территории Дагестана найдено немного. Они обыкновенно имеют форму двусторонних секир (рис. 64, *8, 9, 99, 101*) или каких-либо животных (барана, оленя), птицы. Наряду с ними встречаются и солярные, типичные для аланской культуры (рис. 64, *82, 83, 127*). Также единичны находки металлических зеркал с геометрической орнаментацией (зеркала с зооморфными изображениями являются местной спецификой). Своеобразны и крупные круглые фибулы-броши, инкрустированные стеклом (рис. 62, *96*).

Погребальный обряд на территории Дагестана отличался тем же разнообразием погребальных сооружений, как и на других территориях Северного Кавказа: в гуннское время в приморском Дагестане от Тарков до Дербента появилось большое количество курганных групп с подбойными и катакомбными погребениями. Как и на других территориях, комплексы VI в. немногочисленны и плохо выделяются. Основная масса погребений относится ко второй половине VII—VIII в., когда вокруг крупных хазарских городов вырастали обширные кладбища (рис. 68). Так, например, около Беленджера выявлено два могильника (с захоронениями в грунтовых ямах, подбоях и катакомбах), а кроме того, курганные могильники с подкурганными катакомбами, отличающимися по размерам (камеры 4×2×2 м) и конструкциям от грунтовых катакомб. Камеры с двускатными и сводчатыми потолками повторяли интерьер кибитки, и, очевидно, в ряде случаев завешивались тканями. Полы камер покрывались камышовыми подстилками, а покойников помещали в камышовых гробах-футлярах. Дромосы забутовывали булыжником, необработанным камнем и сырцовым кирпичом.

Анализ погребальных сооружений и сопоставление инвентаря привели М. Г. Магомедова к мысли, что различные погребальные сооружения отражают не отличия в этнической принадлежности погребенных, а социальную структуру Беленджера: в подкурганных катакомбах была похоронена родовая аристократия, военная знать Беленджера [Магомедов М. Г., 1978]. Погребения отличает наличие большого количества наступательного и защитного вооружения и конского снаряжения.

Первый грунтовый могильник принадлежал средним городским слоям, а второй — средним и беднейшим слоям. Правда, нельзя сбрасывать со счетов и безусловную этническую неоднородность населения хазарских городов, известную по письменным источникам. Военная знать была теснее связана с тюркоязычными кочевниками сибирско-среднеазиатских степей, чем болгары, появившиеся в северокавказских степях раньше и сохранившие специфический набор керамики, обряд погребения в грунтовых ямах (часто с заплечиками), относительно менее богатый погребальный инвентарь и т. д. Аланские катакомбы Чир-Юртовского грунтового могильника резко отличаются от подкурганных катакомб, оставленных, очевидно, сильно тюркизированным населением, вероятно хазарами. Таким образом, судя по данным

чир-юртских могильников, население Беленджера состояло из алан, болгар и хазарской знати. Антропологические исследования черепов из могильников подтверждают этническую пестроту жителей этого города [Кондукторова Т. С., 1973], погребенных в исследованных могильниках,— это долихокранные аланы и брахикранные савиры или болгары.

Следует отметить, что языческое население Беленджера в какой-то степени было знакомо с христианством. На курганном могильнике были открыты два небольших христианских храма (рис. 59, *6*), здесь же найдены кресты (в частности, золотой крест в кургане 20), а также отдельные амулеты, сочетающие в себе черты языческой традиции и христианской символики (рис. 64, *38*). Очевидно, христианизация населения проводилась миссионерами из Закавказья [Артамонов М. И., 1962, с. 187—188] и византийскими проповедниками. Связи с Византией подтверждаются и значительным количеством византийских монет, попадавших в те столетия в Дагестан и находимых при раскопках поселений и в богатых могилах.

Исследования таких городов, как Варачан, Беленджер, Дербент, и сопоставление полученных данных с материалами письменных источников позволяют судить о хозяйстве, ремесленном производстве, социальном строе и идеологических представлениях населения раннесредневекового Дагестана.

Кочевники, занимавшиеся отгонным скотоводством, переходили, попадая в плодородные долины северо-восточного Кавказа, к орошаемому земледелию. Хазарские города включали в себя поля, сады и виноградники (или были ими окружены). Ремесленное производство было высокоорганизованным, торговля развитой. Все это являлось солидной базой для создания Хазарского каганата.

Подписи к рисункам и картам

Рис. 1. Степные памятники V — первой половины VIII в. Карта

Рис. 2. Группы кочевнических древностей V — первой половины VIII в. Карта

Рис. 3. Конское снаряжение V—VII вв.
1—6, 37—43 — удила; *7, 8, 44—52* — оковки седел; *9, 13—36* — украшения ремней; *11, 12* — налобные (?) бляхи; *10, 53* — подпружные пряжки. *Даты*: *1—22* — первая половина V в.; *23* — середина V в.; *26, 30, 33—35, 38—40, 44—49, 51—53* — VII в.; остальные без узкой даты в рамках VI—VII вв.
1, 2, 10 — Беляус; *3* — Унтерзибенбрунн (Австрия); *4, 14, 15* — Нижняя Добринка; *5* — Новогригорьевка, курган IX; *7, 11, 13, 20, 22* — Новогригорьевка, курган VIII *27, 32, 36* — Новогригорьевка, курган VII; *6, 19* — Якушовице (Польша); *8* — Мундольсхайм (Франция); *9, 12* — Печюсёг (Венгрия); *16, 18* — совхоз им. Калинина; *17, 21* — Щербатая котловина; *23* — колхоз «Восход»; *24, 50* — Мелитополь; *25, 41* — Ровное, курган Д-42; *26, 35, 38, 47—49* — Шипово, курган 3; *28, 31, 42* — г. Энгельс, курган 17; *29, 43* — Боровое; *30, 51, 52* — Уфа, ул. Тукаева; *33, 34, 39, 40* — Сахарная Головка; *37* — Федоровка; *44—46* — Дюрсо; *53* — Канаттас, курган 19. Составил А. К. Амброз

Рис. 4а. Конское снаряжение VII—VIII вв. и посуда кочевников
1—13 — посуда (*1—4* — бронза; *5—9* — глина; *10—12* — золото; *13* — золотая обкладка деревянного сосуда); *14—16, 20—22, 28—38* — украшения сбруи; *17, 23, 24, 39—42* — стремена; *18, 43* — остатки седел; *19, 25—27* — удила. *Даты*: *1—4* — первая половина V в.; *5* — вторая половина VI в.; *6—9* — VII в.; *10—18* — вторая половина VII в.; *19—24* — конец VII в.; *25—43* — первая половина VIII в.
1 — Осока; *2* — Деса (Румыния); *3, 4* — Шестачи; *5* — Большой Токмак, курган 1, погребение 1; *6* — Рисовое, курган 2, погребение 10; *7* — Бережновка, курган 1, погребение 7; *8* — Бережновка II, курган 111, погребение 1; *9* — Ленинск, курган 3, погребение 12; *10—18* — Малое Перещепино; *19—24* — Глодосы; *25—42* — Вознесенка; *43* — Бородаевка, курган 9, погребение 5. Составил А. К. Амброз

Рис. 4б. Три зоны распространения бронзовых гуннских котлов, по И. Ковриг. Карта

Рис. 5. Вооружение V — первой половины VIII в.
1—7, 14—25, 36—39 — рубящее оружие и части ножен (*1—6* — двулезвийные мечи и их детали; *7, 15, 18, 24, 25* — скобы для подвешивания ножен; *14* — подвеска к мечу; *16, 19—23, 36, 37* — однолезвийные мечи и сабли; *17, 38, 39* — детали ножен); *8—11, 26—28, 42* — обкладки луков (*10, 11* — золото); *12, 13, 30, 31, 33—35, 40, 41* — железные наконечники стрел; *29, 32* — детали колчанов. *Даты*: *1, 3, 4, 8—14* — первая половина V в.; *2, 5* — середина V в.; *6* — вторая половина V в. (?); *7* — первые века нашей эры; *15—21, 25, 28, 29, 32* — VII в.; *19, 24, 26, 27, 30, 31, 33—35* — вторая половина VI—VII в.; *22, 23, 36* — рубеж VII—VIII вв.; *37—42* — первая половина VIII в.
1, 4, 10 — Якушовице (Польша); *2, 5, 7* — колхоз «Восход»; *3, 6* — Вольная Вода; *8, 9* — Интерциза, древняя (Венгрия); *11* — Печюсёг (Венгрия); *12* — Беляус; *13, 14* — Новогригорьевка, курган IX; *15—18, 21, 32* — Малое Перещепино; *19, 26, 27, 30* — г. Энгельс; *19, 27* — курган 17; *26, 30* — курган 18; *20, 25, 29* — Арцыбашево; *22, 36, 40, 41* — Глодосы; *23* — Игар, находка 2 (Венгрия); *24, 33* — Боровое; *28* — Бирск, погребение 92; *31* — Ровное, курган Д-42; *34, 35* — Шипово, курган 3; *37—39* — Вознесенка; *42* — Верхне-Погромное I, курган 1, погребение 12. Составил А. К. Амброз

Рис. 6. Пряжки и принадлежности ремней V — первой половины VIII в.
1—5, 10—12, 14—17, 22—25, 29, 32, 34—36, 41, 48, 49 — пряжки; *6, 13, 19* — петли; *7—9, 20, 21, 27, 28, 33, 39, 40, 46, 47, 52, 53* — наконечники; *18, 26, 30, 31, 37, 38, 42, 45, 50, 51* — бляшки; *43, 44* — детали поясов с шарнирными подвесками. *Даты*: *1, 3—13* — первая половина V в.; *2* — середина V в.; *14* — вторая половина VI в.; *15—42, 44—47* — VII в.; *43* — V—VI вв.; *48—53* — первая половина VIII в.
1, 3, 5, 9 — Новогригорьевка (*1, 3, 9* — курган VIII; *5* — курган IX); *2* — колхоз «Восход»; *4, 10* — Беляус; *6* — Якушовице (Польша); *7, 13* — Унтерзибенбрунн (Австрия); *8* — Раденск; *11* — Качин; *12* — хутор Чикаренко; *14* — Большой Токмак, курган 1, погребение 1; *15, 24, 28* — Бирск (*15, 28* — погребение 130; *24* — погребение 138); *16, 21* — Шипово, курган 3; *17* — Сахарная Головка; *18, 19, 26, 29, 40, 46, 47* — Арцыбашево; *20* — Боровое; *22, 31, 33, 37, 39, 45* — Бережновка, курган 1, погребение 7; *23* — Верхне-Погромное I, курган 4, погребение 3; *25, 30, 34, 38, 41, 42, 44* — Малое Перещепино; *27, 32* — Федоровка; *35* — Иловатка, курган 3, погребение 2; *36* — Аккермень I, курган 22, погребение 2; *43* — Сонджу, погребение 1 (Корея); *48—50, 53* — Вознесенка; *51* — Ясеново; *52* — Новые Сенжары. Составил А. К. Амброз

Рис. 7. Украшения V — первой половины VIII в.
1—3, 6—9 — диадемы; *4, 5, 15—21, 27, 28* — височные подвески и серьги (*15* — деталь); *10—12* — нагрудные украшения (наконечники гривен?); *13, 25* — перстни; *14, 26* — подвески; *22, 23* — браслеты; *24* — накладка. *Даты*: *1—3, 5* — первая половина V в.; *4* — середина V в.; *6, 8—15, 17, 19—21, 24, 26* — в рамках VI—VII вв. без более детального подразделения; *7, 16, 18, 22* — VII в.; *23, 25* — вторая половина VII в.; *27, 28* — вторая половина VII — первая половина VIII в.
1 — Березовка; *2* — «Керчь» (?); *3* — Тилигул I; *4* — колхоз «Восход»; *5* — Беляус; *6* — Мелитополь; *7, 18, 22* — Шипово, курганы 2, 3; *8, 12* — Ленинск, курган 3, погребение 12; *9, 11, 19* — Кара-Агач; *10* — Каряжское городище; *13, 24, 26* — Морской Чулек; *14, 17* — Боровое; *15* — место находки неизвестно; *16* — Арцыбашево; *20* — г. Энгельс, курган 36, погребение 2; *21* — Цюрупинск (быв. Алешки); *23, 25* — Малое Перещепино; *27* — Глодосы; *28* — Новые Сенжары. Составил А. К. Амброз

Рис. 8. Погребальный обряд V — первой половины VIII в.
1, 2, 7, 8, 10, 12 — в простой яме; *3* — в яме с заплечиками у дна; *5* — в широкой яме; *6* — на полу заброшенного здания; *9, 11, 13* — в яме с подбоем; *1, 2, 4, 9, 11, 12, 13* — со шкурой лошади, *5* — быка, *8* — овцы; *14* — жертвенная яма. *Даты*: *1, 2* — первая половина V в.; *3* — вторая половина VI в.; *5, 9* — в пределах VI—VII вв.; *6* — в пределах V—VII вв.; *4, 7, 8, 10—12* — VII в.; *13, 14* — первая половина VIII в.
1, 2 — Беляус (*1* — деталь); *3* — Большой Токмак, курган 1, погребение 1 (публикуется по К. Ф. Смирнову); *4* — Верхне-Погромное, курган 4, погребение 3; *5* — Ленинск, курган 3, погребение 12; *6а, 6* — Кзыл-Кайнар-тобе (*6а* — деталь); *7, 8* — Шипово, курганы 3, 2; *9* — г. Энгельс, курган 36, погребение 2; *10* — Зиновьевка; *11* — Бережновка II, курган 111, погребение 1 (публикуется по И. В. Синицыну); *12* — Белозерка, курган 2; *13* — Бородаевка, курган 9, погребение 5; *14* — Вознесенка. Составил А. К. Амброз

Рис. 9. Погребальные сооружения V — первой половины VIII в.
1, 2, 6, 7 — курганы с насыпью из камня; *3, 8* — курган с кострищем; *4, 9* — впускное погребение в более древний курган; *5—7* — курган «с усами»; *10—15* — поминальные комплексы. *Даты*: *1, 2* — первая половина V в.; *3, 5—8* — в пределах VI—VII вв.; *4, 9* — VII в.; *10, 11* — конец VII в.; *12—14* — первая половина VIII в.; *15* — 732 г.
1, 2 — Новогригорьевка, курган IX; *3, 8* — Ровное, курган Д-42; *4, 9* — Иловатка, курган 3, погребение 2; *5—7* — Канаттас, курган 19; *10, 11* — Глодосы; *12—14* — Вознесенка; *15* — памятник Кюль-тегина (Монголия); *1, 2* — предположительная схема по описанию у Д. Я. Самоквасова [1908, с. 133—135]; *13, 14* — по В. А. Грінченко [1950, рис. 3 с дополнениями по его тексту]; *1, 3—6, 14* и *2, 8, 9, 11, 13, 15* сделаны сопоставимыми по масштабу. Составил А. К. Амброз

Рис. 10. Предметы V—VII вв. из могил Киргизии

(*1, 2* — по А. Н. Бернштаму; *3—18* — по И. К. Кожомбердиеву)
1 — реконструкция деревянной основы колыбели; *2* — костяной «сумак» — деталь колыбели; *3* — фрагмент кольчуги; *4* — глиняный сосуд; *5* — меч; *6—13* — паконечники стрел; *14, 18* — височные подвески; *15* — бляшка; *16* — золотая маска и диадема; *17* — перстень; *1, 2* — Кенкол, *3—13, 18* — Кетмень-Тюбе; *14* — Алай; *15—17* — Шамси

Рис. 11. Распространение памятников бахмутинской и турбаслинской культур. Карта

Рис. 12. Турбаслинская культура. Таблица составлена по материалам раскопок Дежневских, Кушнаренковских, Новотурбаслинских, Салиховских, Уфимских, Шареевских курганов и Сакмарского городища
1 — типичное жилище-полуземлянка; *2* — курган и погребение под ним; *3—7* — типы турбаслинских погребений; *8—67* — детали поясов, подвески, серьги, амулеты; *68—88* — сосуды турбаслинских типов. Составили Н. А. Мажитов и С. А. Плетнева

Рис. 13. Бахмутинская культура
1—5 — типы городищ (*1* — Юлдашево (Петртау); *2* — Варьяз; *3* — Афанасьевка; *4* — Бараэинское; *5* — Шульганово); *6—9* — типы погребений; *10* — план раскопа Бирского могильника, на котором по ряду выделенных признаков показано разрастание его к западу (*а* — могилы с жертвенными комплексами; *б* — могилы с нишей; *в* — могилы со ступенькой; *г* — геральдические пряжки; *д* — серьги с многогранником; *е* — широкие костяные наконечники стрел; по А. К. Амброзу); *11—18* — сбруя и оружие; *19—30* — пояс и его детали; *31—45, 49—55* — украшения, амулеты, фибулы; *46* — стеклянный сосуд; *47, 48* — зеркала; *56—60* — орудия труда; *61—67* — сосуды; *6—67* — из Бирского и Каратамакского могильников. Масштаб различен. Составители Н. А. Мажитов, С. А. Плетнева

Рис. 14. Сосуды 1-го этапа караякуповской культуры.
1—8, 10, 13—15 — Манякский могильник; *9* — Лагеревский могильник; *11, 16* — Новобиккинский могильник; *12* — II Красногорский могильник; *17, 18* — Бирский могильник. Составили Н. А. Мажитов, С. А. Плетнева

Рис. 15 Караякуповская культура (1-й этап)
1 — распространение памятников караякуповской культуры (*1* — Маняк; *2* — Старо-Калмашево; *3* — Чатра; *4* — Кара-Якупово; *5* — Лагерево; *6* — Ново-Биккино; *7* — VII Романовка; *8* — Черноэерский; *9* — Таптыково; *10* — Уфа; *11* — Юмакаево; *а* — грунтовой могильник; *б* — курганы; *в* — городища; *г* — селища); *2* — Кара-Якуповское городище; *3* — Старо-Калмашевское городище; *4* — яма, обложенная деревянными плахами (II Новотурбаслинское поселение); *5* — яма с подбоем (Юмакаевское городище); *6* — план и разрез кургана и погребения под ним; *7, 8* — типы погребений; *9—92* — оружие, части сбруи, части воинских поясов, украшения из Манякского и Лагеревского могильников, Новобиккинского кургана. Масштаб различный. Составили Н. А. Мажитов и С. А. Плетнева

Рис. 16. Тюркские памятники юга Сибири. Средней Азии и Казахстана конца VI — первой половины IX в. Карта

Рис. 17. Поминальные сооружения знати, оградки и выкладки алтайских тюрок, каменные изваяния около них и инвентарь из оградок
1, 2 — Сарыг-Булун (Тува); *3, 9* — Кожээлиг-Хову (Тува, Кара-Холь); *4* — Бай-Тайга (Тува); *5, 8* — долина Суглуг-Аксы-Шоль (правобережье р. Каргы, в 25 км от Мугур-Аксы, Тува); *6* — Карасуглуг-Шоль-Аксы (Тува); *7, 10* — долина р. Каргы, Монгун-Тайга (Тува); *11, 12, 14—23* — Кудыргэ (Алтай); *13* — Кудыргэ, каменная выкладка над детским погребением с валуном
2, 8 — поминальные сооружения знати; *6, 7, 10—12, 14* — каменные оградки; *9* — план и разрез оградки; *1, 3—5* — камень; *15—23* — железо. Составила С. А. Плетнева

Рис. 18. Погребальный обряд тюрок конца VI—X вв.
1 — Монгун-Тайга — 57-XXVI; *2* — Монгун-Тайга-57-XXXVI; *3* — Кокэль, курган 22; *4* — Монгун-Тайга-58-VIII; *5* — Монгун-Тайга-58-V; *6* — Монгун-Тайга-58-IV — кенотаф; *7* — Озен-Ала-Белиг, курган 3а; *8* — Кокэль, курган 1; *9* — Кокэль, курган 5; *10* — Кокэль, курган 2; *11* — Кокэль, курган 6; *12* — Монгун-Тайга-57-XXXII; *13* — Монгун-Тайга-57-XXXI; *14* — Монгун-Тайга-57-XX; *15* — Монгун-Тайга-57-XI
1, 3, 4 — погребения с конем; *2* — погребение с бараном; *5—6* — кенотафы с конем; *7—9* — погребения без коня; *10, 11* — разрезы насыпей курганов; *12, 13* — кенотафы без коня; *14, 15* — культовые выкладки. Составил В. А. Могильников

Рис. 19. Вещевой инвентарь тюрок Саяно-Алтая конца VI — первой половины IX в.
1—56, 58, 59 — Кудыргэ; *57, 60—65, 68, 84, 96, 105, 108, 116* — Кокэль; *66, 67, 70, 72, 75, 85* — Монгун-Тайга; *69, 71, 76—80, 86* — Катанда II, курган 5, 1954 г.; *73, 74* — Шибэ, малый курган 5; *81—83, 99* — Курай II; курган 3; *87, 97, 100, 103, 104* — Курай VI, курган 1; *88, 89—93, 98, 102, 106, 109, 110, 117—119* — Курай IV, курган 1; *94* — Курай III, курган 1; *95* — Курай IV, курган 2; *101* — Ак-Туруг; *107* — Курай IV, курган 3; *111, 115* — Саглы; *112—114* — Туекта, курган 3
1, 6—10, 14, 16, 22—24, 27, 28, 52, 57, 62—65, 70—72, 75, 76, 84, 88—90, 99—102, 106, 115, 119 — железо; *2, 3, 15, 18, 25, 26, 60, 61, 66, 67, 73, 74, 80, 98, 105* — кость; *4* — береста; *5, 19, 97* — камень; *11, 68, 96* — дерево; *12, 13, 20, 30, 33—35, 37, 45, 47, 49, 51, 54, 56, 77, 78, 86, 87, 111, 116* — медь; *17, 69, 91, 92, 95* — железо, кость; *21, 40* — медь, кожа; *29, 32, 36, 38, 39, 41—44, 50, 53, 55, 103, 104, 107, 110, 112, 118* — серебро; *31* — медь, войлок; *46* — медь, береста; *48* — медь, железо; *81—83, 109* — серебро, кожа; *93* — железо, кожа; *94* — береста, железо, дерево; *108* — органическое вещество, *113, 114, 117* — золото; *58, 59, 79, 85* — глина
1 — меч; *2, 3, 60, 61, 98* — накладки лука; *4, 94* — колчаны; *5* — оселок; *6, 89* — ножи; *7—11, 62—64, 90—92* — наконечники стрел; *12* — пряжка от колчана; *13, 42, 46* — бляшки от колчана; *14, 16, 17, 69, 70, 99—101* — удила; *15, 66, 67* — застежки от пут и сбруи; *18, 105* — блоки для чумбура; *19* — грузило аркана; *20, 21, 29, 32, 34, 35, 38—41, 43, 49, 103, 104, 107, 109—112* — бляхи от конской узды, сбруи; *22—24, 71, 72, 102* — стремена; *25—27, 73—76, 106* — подпружные пряжки; *28* — пряжка от одежды; *30* — обойма от ремня путлища; *31* — застежка на войлоке; *33, 50* — украшения чепрака; *36, 37* — обувные пряжки; *44, 116* — наконечники поясных ремней; *45, 47, 51, 79* — застежки одежды; *48* — пряжка для подвешивания меча; *52* — копоушка; *53—55, 86, 87, 117* — серьги; *56* — перстень; *57, 84* — топоры-тесла; *58, 59, 85* — сосуды глиняные; *65, 93* — колчанные крючки; *68* — прибор для добывания огня; *77, 81—83, 108, 113, 115* — поясные бляхи; *78, 114* — поясные пряжки; *80* — облицовка передней луки седла; *88* — кинжал; *95* — долото; *96* — основа седла; *97* — жернов; *118* — кубок; *119* — котел. Составил В. А. Могильников

Рис. 20. Тюркоязычные кочевники Казахстана и Средней Азии конца VI—IX в.
1, 4, 9—16 — Егиз-Койтас; *2, 3* — Жаксы-Арганаты; *5, 6, 30, 31, 34, 35, 37—41, 49, 54, 57, 58, 63, 70* — Бобровский могильник; *7, 21* — Аламышик, курган 69; *8* — Кулан-Сай; *17—20, 22—24* — погребение в Самарканде; *25, 26* — Таш-Тюбе; *27, 28* — Борижарский могильник; *29* — Бощекуль; *32, 33, 36, 45, 53, 56* — Койсу; *42, 55, 60, 62, 64—69* — погребение в Чуйской долине; *43, 50, 61* — Тамды; *44, 48, 52* — Дальверзин; *46, 47, 59* — из погребений Чуйской долины; *51* — Кара-Булун; *3, 15* — камень; *7, 11, 16, 26, 42, 45, 54, 56* — кость; *8* — железо, кость; *9, 10, 12, 14, 17, 21, 29, 30, 32, 33, 36—41, 43, 44, 50, 55, 61, 70* — железо; *13* — береста, ткань; *18, 27, 28, 46, 47, 57, 58, 59, 60, 62, 64, 66—69* — медь; *19* — медь, железо, ткань; *21—23, 63* — серебро; *24, 48, 49, 52* — глина; *25, 65* — бронза, кожа; *31* — береста, дерево, ткань; *51, 53* — дерево; *34* — дерево, кость; *35* — дерево, железо
3 — каменное изваяние; *7, 26, 42* — накладки лука; *8, 9, 32, 33, 36—38* — наконечники стрел; *10* — нож; *11, 21, 45, 54, 61* — подпружные пряжки; *12, 17, 40, 50, 55* — стремена; *13, 31* — фрагмент колчана и колчан; *14, 41, 43* — удила; *15* — подвеска; *16* — пряжка-блок от повода; *18* — наконечник пояса; *19, 27, 58* — поясные пряжки; *20, 22, 23, 60, 62, 64—69* — бляхи и кольцо от конской сбруи; *24, 49, 52* — глиняные сосуды; *25* — фрагмент пояса; *28, 46, 47, 59, 70* — поясные бляхи; *29, 30* — мечи; *34, 35* — лук и стрела; *39* — топор-тесло; *44* — псалий; *48* — фрагмент сосуда с надписью; *51* — остов седла; *53* — кубок; *56* — застежка от пут; *57* — пояс; *63* — перстень; *34, 35, 57* — реконструкция по Ф. Х. Арслановой [1963а, табл. I, *8*; II, *4, 5*]; *21* — язычок реконструирован. Составил В. А. Могильников

Рис. 21. Изобразительное искусство тюркоязычных народов Саяно-Алтая
1, 4—6, 10, 12 — Сулекская писаница (Хакасия); *2, 9* — изображения на Кудыргинском валуне (Алтай); *3, 7, 8, 11, 13, 14* — изображения на костяной луке седла из Кудыргэ, курган 9 (Алтай). Составили В. А. Могильников и С. А. Плетнева

Рис. 22. Изображения тюрок
1, 2, 8 — Афрасиаб (Самарканд); *3* — Тенгеньбулак (Южный Казахстан); *4* — Корумды на оз. Иссык-Куль (Киргизия); *5* — Носа (Пёрёш) (Югославия); *6* — Верхний Чир-Юрт (Дагестан); *7* — Кудыргэ (Алтай); *9* — уроч. Тётё в Курайской степи (Алтай); *10* — Кызыл-Тей (Тува); *11* — р. Хам-Дыт (Тува); *12, 13* — р. Шеми (Тува); *14* — Бижиктиг-Хая
1, 2, 8 — живопись; *3, 4, 9—14* — камень; *5—7* — гравировка на кости. Масштаб разный. Составил А. К. Амброз

Рис. 23. Каменные изваяния и поясные наборы древних тюрок конца VI—X в.
1 — совхоз Мичуринский Зайсанского района Восточно-Казахстанской обл. (*1а* — прорисовка деталей части поясного набора на этом изваянии); *2* — р. Талды-Су, Семиречье; *3* — Иссык-Кульская котловина; *4* — Каркаралинск, Казахстан; *5а — г* — Таш-Тюбе, (Тянь-Шань); *6* — Кудыргэ (Алтай), курган 11, вариант реконструкции (наконечники увеличены в 2 раза); *7* — Кудыргэ, курган 9, вариант реконструкции; *8* — Кудыргэ, курган 9, крючок от второго пояса; *9* — Курайская степь (Алтай); *10* — сел. Кызыл-Мажалык (Тува); *11* — Черби, курган Б-18 (Тува); *12* — Монгун-Тайга-58-Х (Тува); *13* — Монгун-Тайга-57-XXXVI; *14* — прорисовка блях пояса каменного изваяния с р. Хам-Дыт (Овюрский район, Тува); *15* — Туекта, курган 3 (Алтай); *16* — р. Туура-Су, Иссык-Кульская котловина; *17* — Таарбол, левый берег р. Таргалок, близ сел. Арыг-Бажи, Тува; *18* — Туекта, курган 4 (Алтай); *19* — левый берег р. Шеми близ впадения в р. Хемчик (Тува); *20* — прорисовка лировидной бляхи каменного изваяния с р. Шеми; *21* — Курай IV, курган 1 (*21а* — оборотная сторона наконечника ремня с рунической надписью «Хозяина (господина) Ак-Кюна... кушак...»); *22* — Монгун-Тайга-58-V (Тува); *23* — Кара-Чога, курган 4 (Тува); *24* — уроч. Тотбанак близ с. Точка (Уланский район Восточно-Казахстанской обл.); *25* — Восточный Казахстан; *26* — с. Сергеевка Алма-Атинской обл.; *27* — с. Точка Уланского района Восточно-Казахстанской обл.; *28* — с. Пугачево Курчумского района Восточно-Казахстанской обл.; *29* — Сростки I, курган 2 (Алтай), бляхи и пряжка поясного набора; *30* — Монгун-Тайга-58-IV
1—4, 9, 10, 16, 17, 19, 24—28 — камень; *5, 6, 12, 13, 23, 30* — медь; *7, 29* — медь, серебро; *8* — медь, железо; *11* — золоченая бронза; *15* — серебро; *18* — золото; *21, 22* — серебро с позолотой; *5, 11—13, 15, 18, 21—23, 30* — сохранились остатки кожи; *5* — кожа с тиснением. Составил В. А. Могильников

Рис. 24. Древности тюрок Саяно-Алтая конца VIII — X в.
1 — Монгун-Тайга-58-V; *6, 20, 32, 38* — Монгун-Тайга-58-IV; *2, 8, 16, 24, 29, 31, 39, 43—47* — Саглы; *3, 9, 17, 19, 28* — Курай III, курган 2; *4, 5, 10, 11, 30* — Катанда II, большой курган, впускная могила 2, 1954 г.; *7, 12, 13, 15, 18, 21—23, 25—27, 40—42* — Катанда II, курган 2, 1925 г.; *14* — Катанда II, курган 1
4, 5, 7—11, 14, 15, 17, 20, 33—35, 39—47 — железо; *6* — серебро; *12, 16, 21—26, 28—30* — медь; *13, 18, 19, 27* — кость; *31* — золото; *32* — береста; *36—38* — железо, кость
4, 18, 14 — удила; *5, 9* — стремена; *6* — кубок; *7, 25* — кольцо и бляха от сбруи; *10, 11, 13, 17* — подпружные пряжки; *12* — наконечник ремня; *15* — крюк; *16* — бляха от портупеи (?); *18* — застежка от пут; *19* — гребень; *20* — кольцо от колчана; *21* — бляшки от подвесного ремешка к поясу; *22, 23, 26* — пряжки; *24* — основа поясной бляхи; *25, 31* — бляхи-оправы от пояса; *27* — трубочка; *28, 29* — серьги; *30* — височное кольцо; *32* — колчан; *33* — панцирная пластина; *34—38, 43—47* — наконечники стрел; *39* — нож; *40* — кинжал; *41* — топор-тесло; *42* — боевой топорик. Составил В. А. Могильников

Рис. 25. Ареалы расселения и погребения тюркоязычного населения IX—X вв. Карта

Рис. 26. Древности кимаков и карлуков IX—X вв.
1, 2, 23, 25, 48, 49, 85, 89, 90, 92 — Зевакино; *3—5, 9, 10* — Уш-Биик (Семипалатинская обл.); *6—8* — Точка (Уланский район Восточно-Казахстанской обл.); *11—13, 16, 18—21, 31, 33, 34, 42, 50, 51, 53—55, 59, 77—79, 81, 83, 86, 87, 91* — Гилево; *14, 43, 46* — Трофимовский могильник; *15, 22, 24, 28, 29, 32, 35, 36—39, 88* — Орловка; *17, 30, 40, 41, 44* — Кызыл-Кайнар; *26, 62, 63* — Кадырбай I; *27, 45* — Свинчатка; *47* — совхоз 499; *52, 56—58, 64—70, 76, 80, 82, 84* — Текели; *60, 61* — Большая Владимировка; *71—75* — Чуйская долина
3—7, 10 — камень; *11, 12, 14, 19—21, 25, 26, 28, 30, 34, 37—42* — железо; *13, 16, 32, 35, 44, 72* — кость; *15, 17, 27, 43, 45, 46, 50, 51, 52, 54—59, 64—71, 73, 74, 76—78, 80—87, 90* — медь; *18* — железо, кость; *22* — бронза, серебро (реконструкция Ф. Х. Арслановой, 1969, рис. 1); *23, 31* — железо, бронза; *24, 33* — железо, серебро; *29, 36, 79, 89, 92* — серебро; *47, 60, 61* — бронза или серебро; *48, 49, 53, 75* — глина; *62, 63* — бронза с позолотой; *88* — агат, сердолик; *91* — золото
3, 7—10 — каменные изваяния; *11, 12* — стремена; *13* — седельный кант; *14* — кольцо; *15, 43, 44* — подвески к поясу; *16* — застежка от пут; *17* — бубенчик; *18—21* — удила; *22* — пояс (частично сохранилась кожа); *23, 24* — сабли с оправами ножен; *25* — нож; *26* — крюк от колчана; *27, 30—33* — пряжки от поясных ремней; *28, 32* — подпружные пряжки; *29* — наконечник ножен; *34* — топор-тесло; *35* — накладка лука; *36* — обойма от ножен сабли; *37—42* — наконечники стрел; *45, 68* — обоймы от ремней; *46* — височное кольцо; *47, 50, 51, 64, 80, 83, 84* — декоративные бляшки от поясов и сбруи; *48, 49, 53, 75* — сосуды; *52, 57, 79* — бляхи от перекрестия ремней портупеи (*79* — частично сохранилась кожа); *54, 55* — бляхи от колчана; *56* — налобник от уздечки лошади; *58* — основа бляхи от перекрестия ремней; *59—63, 65—67, 69, 76, 78* — наконечники ремней; *70, 77, 90* — декоративные подвески; *71, 74* — бляхи от перекрестия ремней сбруи; *72* — пряслице; *73* — игольник; *81, 82* — наносные султанчики от уздечек; *85* — зеркало; *86, 87* — подвески-амулеты; *88* — бусы; *89, 91, 92* — серьги. Составил В. А. Могильников

Рис. 27. Инвентарь и обряд погребения сросткинской культуры
1, 5, 6, 10, 17, 24—26, 52—54, 59, 60—63, 67, 70, 72, 91 — Иня; *2, 85* — Новокамышинка; *3, 4, 8, 12, 19, 20, 35, 38, 39, 41, 57, 58, 65, 66, 68, 71, 74, 75, 78, 81, 82, 84, 86, 90, 92, 93, 96, 97* — Ближние Елбаны; *7, 9, 11, 13—16, 21—23, 27—34, 36, 37, 43—47, 49—51, 55, 56, 64, 80, 98* — Сростки I; *18, 42, 87—89* — Старая Преображенка; *48* — Кулундинское; *69, 79, 83, 94, 95, 99* — Ур-Бедари; *73, 76, 77* — Камень II
4—7, 38—41, 52—63, 65—67, 72, 73, 78, 80, 85, 92, 93 — железо; *8, 26, 35, 42* — глина; *9, 10, 13, 15—18, 20—25, 27—32, 36, 45—51, 69—71, 74, 75, 79, 81, 82, 84, 86, 89, 91, 95, 99* — медь; *11, 14, 19, 43, 44* — серебро; *12, 37, 87, 88, 96* — бронза, железо; *33, 34, 68, 76, 77, 98* — кость; *64, 97* — кость, железо; *83* — нефрит; *90* — бронза, стекло; *94* — серебро, кожа
4, 5 — ножи; *6, 7* — топоры-тесла; *8, 26, 35, 42* — сосуды; *9, 10, 13, 15, 16, 18, 21, 22, 24, 25, 27—29, 31—32* — бляхи от поясов; *11, 12, 14, 71—73, 78* — поясные пряжки; *17, 30, 36, 43—47* — наконечники ремней; *19, 20* — пряжки-блоки от одежды; *23* — подвесная бляха к поясу; *33, 34* — накладки лука; *37* — меч с обоймами от ножен; *38, 39* — сабли; *40* — копье; *41* — кистень; *48—51, 79, 81, 82, 83, 95, 99* — подвески; *52—59* — наконечники стрел; *60—66* — удила; *67, 80, 92, 93* — стремена; *68* — игольник с железной иглой в нем; *69* — бляха от одежды; *74, 75* — бубенчики; *76, 77, 97, 98* — подпружные пряжки; *84, 86—91* — серьги; *85* — кресало; *94* — перекрестие ремней конской сбруи. Составил В. А. Могильников

Рис. 28. Древности культуры чаатас
Утинский этап (VI—VII вв.): *А* — Койбальский чаатас; *Б* — Сырский чаатас и Гришкин Лог; *В* — Абаканский чаатас; *1, 13, 17, 34* — Гришкин Лог; *2* — Перевозинский чаатас; *3, 5* — Койбальский чаатас; *4, 9, 16, 21, 23* — Джесос; *6, 20, 24* — Георгиевская Гора; *7, 15, 22* — Сарагаш (увал); *8, 10, 51* — Тесинский Чаатас; *11, 18, 19* — Абаканский чаатас; *12, 14, 27, 33, 49, 50* — Уйбатский чаатас; *25* — Кривинское; *26, 30, 45, 48* — Сырский чаатас; *28, 29—32, 35—44, 46, 47* — собрание ММ
Копёнский этап (VIII — первая половина IX в.): *Г* — реконструкция здания в долине Сорга (станция Ербинская); *Д* — Сырский чаатас (бегский курган); *Е* — рядовой курган; *Ж* — курган тюрок-тугю; *1, 4, 6—8, 10, 13, 22, 34, 44, 46* — Ташебинский чаатас; *2, 12, 15, 17, 21, 43* — Уйбатский чаатас; *3, 16, 23, 24, 30, 31, 33, 36—38, 40, 48, 51, 52, 54—58, 60—62, 65, 66* — Копенский чаатас; *5, 9, 11, 18—20, 29, 32, 35, 39, 41, 42, 45, 47, 49, 50, 53, 59, 63* — Капчалы I; *14, 25—28, 64* — собрание ММ; *67* — Тепсей; культура тюрок-тугю в Хакасии: *68—78* — Капчалы II; *79* — р. База. Составил Л. Р. Кызласов

Рис. 29. Золотое блюдо и золотые кувшины и детали их узоров. Копенский чаатас VIII—IX вв.
Составил Л. Р. Кызласов

Рис. 30. Древности Уйгурского каганата
А — III Шагонарское городище (реконструкция замка); *Б* — Чааты I (уйгурский курган); *В* — курган тюрок и местных племен Тувы. *Культура уйгур*: *1—10, 13—29, 31—36* — могильник Чааты I; *11, 12, 30* — III Шагонарское городище; *37* — I Шагонарское городище. *Культура тюрок-тугю*: *38—50, 53, 55, 56, 58, 60—64* — могильник Бай-Даг; *51, 52, 54, 57, 59, 66, 67* — могильник Монгун-Тайга; *65* — урочище Эрги-Барлык

(Бурун-Хемчикский район). *Культура местного населения Тувы*: *68—88* — могильник у д. Успенская; *89—90, 108, 109* — Уюк-Тарлык; *91, 92, 97, 107* — Монгун-Тайга; *93* — Булук; *94—96* — Танам, *98* — Могой; *99—101* — Салдам; *102* — Он-Кажаа; *103—106* — Кёктон. Составил Л. Р. Кызласов

Рис. 31. Уйгурские укрепления в Туве (VIII—IX вв.)
А — план IV Шагонарского городища; *Б* — план III Шагонарского городища; *В* — реконструкция III Шагонарского городища; *Г* — план I Шагонарского городища; *Д* — план II Шагонарского городища; *Е* — расположение пограничных крепостей и укреплений древних уйгур (*1—13, 15—17, 19, 21*) и хакасов (*14, 18, 20, 22—24*): *1* — Бай-Тал (в самых верховьях Хемчика); *2* — Тээли; *3* — Эльдег-Кежиг (в пойме р. Барлык); *4* — I Бажын-Алак на р. Чадаане; *5* — Баян-Тал; *6* — Ийме; *7* — II Бажын-Алак в пос. Чаа-Холь; *8* — V Шагонарское; *9* — I Шагонарское; *10* — II Шагонарское; *11* — III Шагонарское; *12* — IV Шагонарское; *13* — Барыкское (по Клеменцу); *14* — Усть-Элегестское — каменный бастион; *15* — Эдегейское в Хонделене; *16* — Алдан-Маадыр; *17* — Бора-Тайга (или Ак-Оруу); *18* — I Манчурек — с двумя каменными степами; *19* — II Манчурек — глинобитный бастион; *20* — III Манчурек — каменная стена на правом берегу; *21* — Устье Ак-Суга (по Клеменцу); *22* — Верховье Ак-Суга — каменная стена поперек долины (по Клеменцу); *23* — Ишкин (Алды-Ишкин?) — каменные стены; *24* — Мугур-Саргол — каменная стена вдоль левого берега Енисея. *а* — глинобитные крепости; *б* — каменные стены; *в* — длинные глинобитные стены; *г* — начала троп через Саяны. Составил Л. Р. Кызласов

Рис. 32. Древнехакасское государство в IX—XII вв. Карта

Рис. 33. Древности тюхтятской культуры
А — реконструкция замка Уйбатского города; *Б* — Ир-Холь; *В* — древнехакасский курган со стелой; *Г* — курган тюрок-тугю; *1—7, 9, 11, 17, 27, 34, 37, 52, 80, 87* — станция Минусинск; *8, 12, 24, 25, 28, 36, 43, 58, 64, 65, 67—74* — Шанчик; *10, 47* — Куй-Бар; *13—15* — Калбак-Шат; *16, 45, 48, 62* — собрание ММ; *18* — Уюк-Тарлык; *19, 20, 22, 39* — Танам; *21, 26, 38, 54, 56, 59—61, 85* — Тюхтятский «клад»; *23, 32* — Хызыл хая (клад); *29* — Элегест II; *30* — д. Знаменка; *31, 44, 50, 78, 79, 83* — Бий-Хем; *33* — Мунгаш-Чирик; *35, 53* — Овюр; *40, 41, 57, 63* — Бай-Булун; *42, 46, 66, 86* — Тола-Тар-Арты; *49, 55, 76, 81, 82* — Зевакино; *51* — Краснояровка; *75* — Текели; *77, 84* — Туран. *Культура тюрок-тугю*: *1, 3—17, 19* — Капчалы II; *2* — Уйбат II; *18* — Батени (пристань); *20—34, 36, 37, 39* — Монгун-Тайга; *35* — Бай-Тайга; *38* — Саглы-Бажи. Составил Л. Р. Кызласов

Рис. 34. Памятники енисейской письменности. Стелы с эпитафиями и межевыми надписями, надписи на скалах и отдельных предметах IX—X вв.
Составили Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов

Рис. 35. Древности Западного Забайкалья. Хойцегорская культура IX—X вв. Инвентарь из могильников Бухусан, Харга I и III, Алтан, Тапхар, Хойцегор, Баянгол и «На Увале».
2, 4, 5, 8—11, 14, 21, 23, 27, 28, 32 — Бухусан; *1, 13, 15—20, 22, 25, 26, 29, 35* — Харга I; *3, 6, 7, 24, 30, 31* — Харга III; *12* — Алтан; *39, 40, 42—44* — Хойцегор; *33, 34, 36, 37* — Тапхар; *38, 41* — Боянгол; *45* — «На Увале». Составил Л. Р. Кызласов

Рис. 36. Хронологическая таблица орудий труда, быта, оружия, сбруи салтово-маяцкой культуры.
Составлена по материалам раскопок Дмитриевских могильника и селищ, Саркела — Белой Вежи, Правобережного Цимлянского городища (*1—99*). Составила С. А. Плетнева

Рис. 37. Хронологическая таблица украшений, амулетов, поясов салтово-маяцкой культуры.
Составлена по материалам раскопок Дмитриевского, Салтовского, Маяцкого могильников и Саркела — Белой Вежи (*1—163*). Составила С. А. Плетнева

Рис. 38. Варианты и основные памятники салтово-маяцкой и синхронных с ней степных культур Восточной Европы. Карта

Рис. 39. Историческая карта Хазарского каганата. Карта

Рис. 40. Типы укрепленных и неукрепленных поселений салтово-маяцкой культуры
1 — Гаевка; *2* — Владимирское; *3* — Карнаухово; *4* — Средний; *5* — Маяки; *6* — Подлысенки; *7* — Саркел; *8* — Дмитриевское; *9* — Правобережное Цимлянское; *10* — Салтово; *11* — Маяцкое; *12* — Волчанское. Составила С. А. Плетнева

Рис. 41. Таблица кладок стен салтово-маяцких городищ; планы Правобережного Цимлянского городища с раскопами на нем и Маяцкого мыса с городищем
1, 2 — кладки стен верхнедонецких городищ; *3* — кладка стен Маяцкого городища; *4* — расположение юрт «куренем» на Правобережном Цимлянском городище; *5* — Правобережное Цимлянское городище; *6* — Маяцкий мыс (*I* — городище, *II* — селище, *III* — могильник); *7* — кирпичная кладка (план и разрез) стен Саркела; *8* — сырцовая кладка стен Семикаракорского городища с вкраплениями в нее обожженных кирпичей саркельского типа. Составила С. А. Плетнева

Рис. 42. Фанагория и Таматарха
1 — план Фанагории с раскопами, на которых особенно ярко выявился средневековый слой; *2* — план Таматархи; *3* — сравнительная таблица хронологических слоев Таматархи, Фанагории, Саркела; *4* — план центрального раскопа Фанагории с раскрытыми на нем улицей, переулками и остатками домов и дворников VIII—IX вв.; *5, 6* — типы фанагорийских кладок; *а* — четко выраженный слой; *б* — слабо прослеживающийся слой; *в* — граница средневекового города в Фанагории; *г* — обрывы в Тамани; *д* — мостовые фанагорийских переулков; *е — з* — три слоя мостовых фанагорийской улицы; *и* — глина; *к* — каменные кладки. Составила С. А. Плетнева

Рис. 43. Жилища разных вариантов салтово-маяцкой культуры (эволюционная таблица) (*1—17*).
Составила С. А. Плетнева

Рис. 44. Погребения в катакомбах.
По материалам Дмитриевского, Нижне-Лубянского и Маяцкого могильников
1—6 — одиночные погребения; *7—9* — парные; *10—12* — семейные; *13—15* — тризна; *17—21* — разные типы катакомб; *22* — соотношение забитых и полых камер с группами захоронений (I — детскими, II — взрослыми, III — парными, IV — семейными); *23* — соотношение длины (по вертикали) и глубины (по горизонтали) дромосов; *а* — забитые камеры; *б* — полые камеры; *в* — группы захоронений: I — детские, II — взрослые, III — парные, IV — семейные; *г* — десять катакомб. Составила С. А. Плетнева

Рис. 45. Погребения в ямах
1—8 — различные типы ямных захоронений; *9* — подбойное захоронение; *10, 11* — погребения животных в круглых ямах; *12, 13* — захоронения людей в круглых ямах; *14* — погребения людей в заброшенном жилище (Саркел); *15* — подкурганное захоронение в Манычской степи (I Веселовская группа); *16* — подкурганное захоронение под Новочеркасском; *17* — трупосожжение в Новопокровском могильнике; *18* — тайник с вооружением всадника из Новопокровского могильника; *19* — карта различных типов ямных погребений: *а* — в прямоугольных ямах; *б* — в круглых ямах; *в* — в жилищах; *г* — подкурганные; *д* — трупосожжения. Составила С. А. Плетнева

Рис. 46 Столовая глиняная и деревянная посуда салтово-маяцкой культуры. Глиняная посуда (*1—36*) — из раскопок Дмитриевского могильника, Саркела и Маяцкого; деревянная посуда (*37—43*) — из катакомб Нижне-Лубянского могильника. Составила С. А. Плетнева

Рис. 47. Кухонная и бытовая посуда. По материалам Дмитриевского могильника и Саркела
1—7 — лепные сосуды; *8—18* — круговые горшки, котлы и сковороды степного варианта; *19—22* — круговые горшки лесостепного варианта; *23* — детский горшочек; *24—28* — светильники и маслобойка из Саркела. Составила С. А. Плетнева

Рис. 48. Гончарные мастерские салтово-маяцкой культуры
1 — гончарные печи на поселении Подгаевка; *2* — ритуальное захоронение человека между двумя разрушившимися печами; *3* — гончарная мастерская на поселении Рогалик; *4* — распространение открытых археологами гончарных центров: *I* — Волоковка; *II* — Подгаевка; *III* — Рогалик; *IV* — Суворовская; *V* — Саркел; *VI* — Фанагория; *а* — зола, уголь; *б* — дерновый слой; *в* — очертания пода печей; *г* — сильно обожженная глиняная обмазка печей; *д* — материк; *е* — сосуды; *ж* — ямки от гончарных кругов; *з* — обожженная и необожженная глина. Составила С. А. Плетнева

Рис. 49. Памятники письменности и торевтики Хазарского каганата
1 — фляга с надписью из Новочеркасского музея; *2* — серебряное блюдо со сценами охоты и борьбы на бордюре; *3* — алфавит новочеркасской фляги; *4* — алфавит Маяцкого городища. Составила С. А. Плетнева

Рис. 50. Рисунки населения, создавшего салтово-маяцкую культуру
1—3, 29 — на камнях Маяцкого городища; *4, 8—12, 16—27* — на костяных предметах из Салтовского могильника, Саркела и пр.; *5—7, 13—15, 28, 30—31* — на кирпичах из Саркела. Составила С. А. Плетнева

Рис. 51. Распространение монетных находок в степях и лесостепях Восточной Европы в V—XIII вв. Карта

Рис. 52. Ранние болгары на Волге.
Хронологическая таблица составлена по материалам Больше-Тарханского, Танкеевского и Больше-Тиганского могильников
1, 2, 4, 5, 8 — погребения болгар на Волге; *3, 6, 7, 9* — захоронения с чертами венгерского погребального обряда; *10* — мусульманское захоронение; *11—127* — погребальный инвентарь (оружие, сбруя, бытовые предметы, украшения) из этих могильников. Составила С. А. Плетнева

Рис. 53. Балкано-дунайская культура.
По материалам раскопок поселений и могильников у с. Ханска и городища Калфа
1—3 — жилища с очагами; *4* — жилище с глинобитной печью; *5* — городище Калфа; *6—9* — погребения с характерными для праболгар языческими чертами обряда; *10—48* — инвентарь из культурных слоев поселений Ханска и Калфа. Составила С. А. Плетнева

Рис. 54. Сосуды из погребений ранних болгар на Волге
1—17 — лощеная парадная посуда; *18—20* — лепные кувшины; *21* — круговой горшок праболгарского типа; *22—33* — лепные сосуды местных типов; *34* — железный котел. Составила С. А. Плетнева

Рис. 55. Оружие и сбруя из погребений 2-го этапа караякуповской культуры.
В основном по материалам из раскопок Ишимбаевского, Лагеревского, Мураиаевского, Стерлитамакского и Хусаиновского могильников. Привлечены материалы из Житимакской, Каранаевской, Старомусинской, Старохалиловской, I и II Бекешевских и Ямаши-Чауской курганных групп (*1—87*). Составили Н. А. Мажитов и С. А. Плетнева

Рис. 56. Украшения и керамика 2-го этапа караякуповской культуры.
По материалам из раскопок I и II Бекешевских, Идельбаевской, Ишимбаевской, Каранаевской, Лагеревской, Старохалиловской и Хусаиновской курганных групп (*1—57*). Составили Н. А. Мажитов и С. А. Плетнева

Рис. 57. Распространение различных типов поселений на Северном Кавказе в VI—IX вв. Карта

Рис. 58. Типы поселений Северного Кавказа с земляными и каменными укреплениями VI—IX вв.
1 — Татарское первое (*а*) и второе (*б*) городище; *2* — Старолескенское; *3* — Хумаринское; *4* — Кызыл-Калинское; *5* — городище на р. Грушевка; *6* — поселения у Лермонтовской скалы — правобережное (*а*), под скалой (*б*), левобережное (*в*); *7* — Узун-Кол; *8* — Клин-Яр второе (*а*) и первое (*б*); *9* — Учкулька; *10* — система поселений у Медового водопада Нартбашинское (*а*), Указатель (*б*), Эчки-башинское (*в*). Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 59. Типы жилых, культовых и хозяйственных сооружений Северного Кавказа VI—IX вв.
1, 8 — Узун-Кол; *2—4, 10* — Указатель; *5* — поселение у отстойника Кисловодского озера; *6* — Христианский храм Чир-Юрта; *7* — многокамерное жилище Чир-Юрта; *9, 11* — Хумара (рунические надписи на каменных блоках стен). Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 60. Эволюционно-хронологическая таблица пряжек VI—IX вв. из северокавказских памятников
1, 3, 4, 8, 11 — Гиляч; *2, 24, 30, 31, 33* — Цебельда; *5* — Тамгацик; *18, 23, 29* — Байтал-Чапкан; *35, 44, 45, 60, 61, 92, 121, 122, 123* — Мокрая Балка; *37* — Уч-Тепе; *38, 41* — Пашковский; *39, 115* — Чир-Юрт; *43* — Веселое; *46* — Тырныауз; *52, 77, 96* — Борисовский; *53, 72, 74* — Чми; *57* — Былым; *66* — Архон; *68* — Бежта; *73* — Султановка; *75, 89* — Балта; *82* — Рутха; *101, 104, 120* — Гоуст; *109* — Дуба-Юрт; *117* — Хазнидон; *119* — Песчанка; *125* — Большой Буйнакский курган. Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 61. Реконструкции мужских поясов (*1—5, 10—22*) **и обувных ремней** (*6—9*) **VI—XI вв.**
1 — Агойский аул; *2* — Верхний Каранай; *3, 4* — Чми; *5—13, 15, 21* — Мокрая Балка; *16, 18* — Ленинхабль; *17* — Гоуст; *19* — Дзивгис; *20* — Балта. Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 62. Сводная хронологическая таблица северокавказских древностей V—IX вв.— конского снаряжения, оружия, украшений и стеклянной посуды.
По материалам раскопок могильников Брут, у хутора Октябрьского, Гиляч, Абрау-Дюрсо, Тамгацик, Байтал-Чапкан, Узун-Кол, Агойский Аул, Борисовский, Чир-Юрт, Песчанка, Мощевая Балка, Большой Буйнакский курган, Мокрая Балка, Гоуст, Чми, Архон (*1—175*). Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 63. Лощеная столовая керамика Центрального Предкавказья V—IX вв.
1, 2, 9, 12 — к югу от Хумары; *3, 13, 24* — Гиляч; *4, 10, 11, 14—16* — хутор Октябрьский; *5—8* — Брут; *17, 18, 31, 40, 43* — Байтал-Чапкан; *19, 27, 33—35, 46, 52—53, 59—62* — Мокрая Балка; *22, 23, 25, 29, 41, 45, 51, 55, 57, 58, 67* — Чми; *37, 38* — Галиат; *47* — Сенты; *50* — Песчанка. Остальной материал происходит из случайных коллекций, и место его находок здесь и на рис. 62—65, 67, 69 не указано. Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 64. Эволюционно-хронологическая таблица амулетов Северного Кавказа VI—IX вв.
1, 17 — Пашковский; *2, 3* — Преградненская; *4, 5, 13, 14, 18, 21—24, 30, 33, 40, 57, 76, 92, 103, 108, 117* — Мокрая Балка; *8, 9, 16, 29, 99, 101* — Большой Буйнакский курган; *10* — Подкумок; *11, 67, 68* — Лермонтовская скала; *12* — Кугуль; *31, 41* — Гиляч; *38* — Чир-Юрт; *45, 51, 62, 71, 94, 104* — Чми; *50, 61, 63, 70, 96, 109, 110* — Гоуст; *52* — Харачой; *58, 66, 105* — Зилги; *64* — Агач-Кала; *65* — Бавтугай; *72* — Балта; *74, 84, 102* — совхоз им. Луначарского; *77, 78* — Песчанка; *100* — Урцеки; *112, 127* — Верхний Каранай; *119* — Лац; *120* — Кобань; *124* — Дуба-Юрт; *129* — Гоцатль. Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 65. Типы погребальных сооружений Северного Кавказа V—IX вв.
1, 2, 7 — хутор Октябрьский; *3, 4, 40* — Гиляч; *5* — Тамгацик; *6, 13* — Паласа-Сырт; *8* — Байтал-Чапкан; *9, 14, 21, 33* — Мокрая Балка; *10* — Кугуль; *11, 19, 27* — Кызыл-Кала; *12, 20, 26* — Хасаут; *15, 16, 28* — Чир-Юрт; *17* — Острый Мыс; *18, 24* — Былым; *22, 29, 34* — Индыш; *23* — Джага; *25, 31* — Узун-Кол; *30, 39* — Гижгид; *32* — Инджур-Гата; *35—37* — Эшкакон; *38* — Галиат; *41* — Борисовский; *42, 43* — Сенты; *44* — Ленинхабль. Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 66. Карта катакомбных и скальных захоронений VI—IX вв. на Северном Кавказе. Карта

Рис. 67. Столовая керамика северо-западного Кавказа V—IX вв.
1, 2, 5, 9, 11, 12 — Дюрсо; *3, 4, 6, 7, 10* — Пашковский; *13, 15* — Убинский; *14* — Ленинхабль. Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 68. Поселения Дагестана
1 — Андрей-аул; *2* — Шелковское; *3* — Герменчик; *4* — Некрасовское; *5* — Тенг-Кала; *6* — Чир-Юрт. Составила С. А. Плетнева

Рис. 69. Керамика северо-восточного Кавказа V—IX вв.
1, 3, 4 — Алды; *2, 5, 9—11* — Паласа-Сырт; *12—16, 20* — Чир-Юрт; *17, 19, 21, 22, 24* — Гала; *23* — Бавтугай; *25* — Большой Буйнакский курган; *26* — Агач-Кала. Составила В. Б. Ковалевская

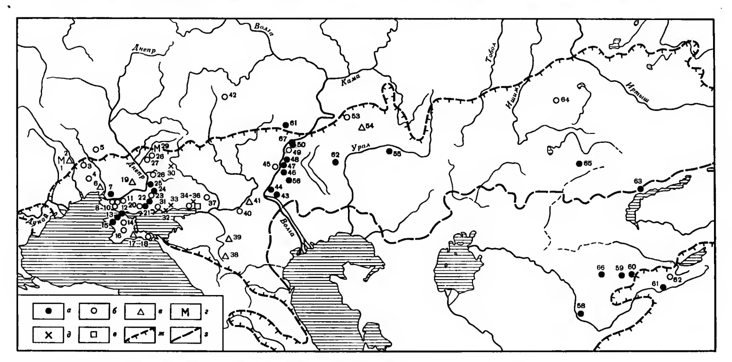

Рис. 1. Степные памятники V — первой половины VIII в.

а — погребенне раскопано археологамн; *б* — погребение найдено случайно; *в* — погребенне сохранено очень неполно; *г* — монетные клады; *д* — находкн некочевнического типа; *е* — древнне города в степн; *ж* — границы степн; *з* — граница пустынь; *1* — Кнрнлены [Кропоткин В. В., 1961]; *2* — Шестачи [Нудельман Г. А., 1967]; *3* — Ясенево [ОАК за 1889 г.; Posta B., 1905]; *4* — Антоновка [Тиханова М. А., Черняков И. Т., 1970]; *5* — Глодосы [Сміленко А. Т., 1965]; *6* — Тилигульскнй лиман [Werner J., 1956]; *7* — Белозерка [Скадовский Г. Л., 1897]; *8* — Келегейские хутора [Fettich N., 1937]; *9* — Цюрупинск (быв. Алешкн) и Сагн [ОАК за 1902 н 1899 гг.]; *10* — Раденское [ОАК за 1897 г.]; *11* — «Щербатая котловина» [ОАК за 1905 г.; Засецкая И. П., 1975]; *12* — Рнсовое [Щепннский А. А., Черепанова Е. Н., 1969]; *13* — Портовое [Щепинскнй А. А., Черепанова Е. Н., 1967]; *14* — совхоз им. Калннина [Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н., 1966]; *15* — Беляус [Дашевская О. Д., 1969]; *16* — хутор Чнкаренко [Баранов И. А., 1973]; *17* — Феодосня [Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н., 1966]; *18* — Марфовка [Засецкая И. П., 1968б]; *19* — Капуловка [Рутківська Л. М., 1969]; *20* — Мелитополь [Пешанов В. Ф., 1961]; *21* — Аккермень [Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А. та ін., 1960]; *22* — Большой Токмак [Смнрнов К. Ф., 1960]; *23* — «Макартет» [Пешанов В. Ф., Телегнн Д. Я., 1968]; *24* — Новогригорьевка [Минаева Т. М., 1927]; *25* — Вознесенка [Грінченко В. А., 1950]; *26* — Старая Игрень [Ковалева И. Ф., 1962]; *27* — Новые Сенжары [Смнленко А. Т., 1968]; *28* — Малое Перещепнно [Бобринский А. А., 1914]; *29* — Рублевка [Кропоткнн В. В., 1961]; *30* — Волобуевка [Сибнлев Н. В., 1926]; *31* — «Вольная Вода» у Дмитрневкн [ОАК за 1904 г.]; *32* — Белосарайская коса [Михлин Б. Ю., 1972]; *33* — г. Жданов [Ждановский музей); *34* — Синявка [Каменецкий И. С., Кропоткнн В. В., 1962]; *35* — Морской Чулек [Толстой И. И., Кондаков Н. П., 1890; Артамонов М. И., 1962]; *36* — Танаис, древний [Шелов Д. Б., 1972]; *37* — Павловка [Древностн, т. XIX, 1902]; *38* — Каряжское городище [Засецкая И. П., 1975]; *39* — Здвиженское [Засецкая И. П., 1975, 1978]; *40* — Романовская [Кропоткин В. В., 1962]; *41* — Верхне-Яблочный [Засецкая И. П., 1975]; *42* — Арцыбашево [Монгайт А. Л., 1951]; *43* — Ленинск [Засецкая И. П., 1968б]; *44* — Верхне-Погромное Волгоградской обл. [там же; Шнлов В. П., 1975]; *45* — Нижняя Добрннка [Alföldi A., 1932]; *46* — Бережновка [Снницын И. В., 1959, 1960]; *47* — Иловатка [Смирнов К. Ф., 1959]; *48* — Ровное [Rau P., 1927]; *49* — Березовка [Minajeva T. M., 1929]; *50* — г. Энгельс (быв. Покровск), курган 17, 18 [Минаева, Т. М., 1927]; курган 36 н колхоз «Восход» [Синицын И. В., 1936]; *51* — Зиновьевка [Рыков П. С., 1929]; *52* — Шипово [Minajeva T. M., 1929]; *53* — Федоровка [Гольмстен В. В., 1929]; *54* — Верхне-Погромное Оренбургской обл. [Засецкая И. П., 1968а]; *55* — Мертвые Солн [Нефедов Ф. Д., 1899]; *56* — Старая Иванцовка [Rau P., 1927]; *57* — Бородаевка [Снницын И. В., 1947]; *58* — Актобе 2 [Максимова А. Г., н др., 1968]; *59* — Кзыл-Каннар-тобе [Мерщиев М. С., 1970]; *60* — Кенкол [Бернштам А. Н., 1940; Кожомберднев И. К., 1960б]; *61* — Кетмень-Тюбе [Кожомберднев И. К., 1960а, 1968]; *62* — Шамсн [Jamgerchinov B. D. н др., 1963; Кожомберднев И. К., 1968]; *63* — Канаттас [Кадырбаев М. К., 1959]; *64* — оз. Боровое (с. Щучье) [Бернштам А. Н., 1951; Засецкая И. П., 1975]; *65* — Кара-Агач [Козырев А. А., 1905]; *66* — Кок-таль [Кадырбаев М. К., 1959б]. Составнл А. К. Амброз

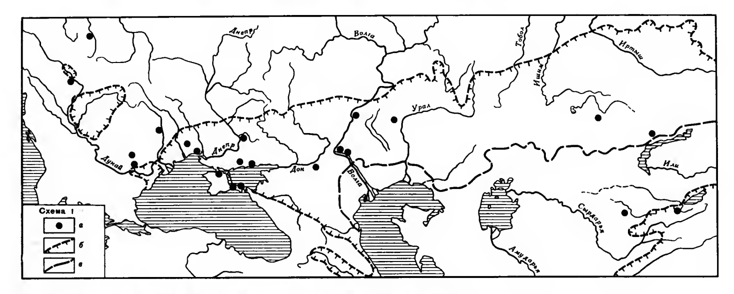

Рис. 2. Группы кочевнических древностей V — первой половины VIII в.

Схема 1. Диадемы в женских погребениях V—VII вв. как особенность кочевников. *а* — находки диадем, по М. А. Тихановой и И. Т. Чернякову (Енджыховице, Чорна, Дульчанка, Герасень, Бэлтень, Антоновка, Тилигул I, совхоз им. Калинина, Марфовка, «Керчь»?, Мелитополь, Корушан, Старая Игрень, Верхне-Яблочный, Ленинск, Верхне-Погромное, Березовка, Шипово, Кара-Агач, Канаттас, Кокталь, Шамси); *б* — границы степи; *в* — границы пустынь

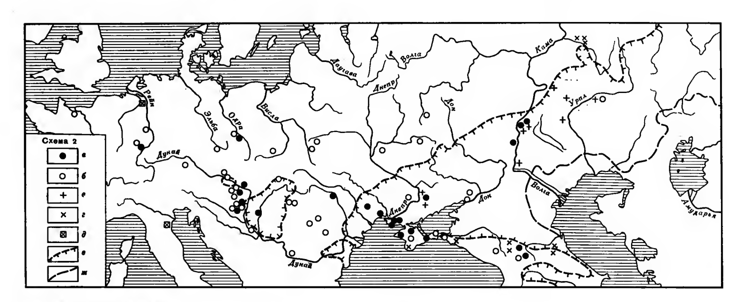

Рис. 2. (Продолжение)

Схема 2. Памятники времени государства европейских гуннов (I группа) и переживание их традиций в последующие столетия. *а* — тисненые обкладки сбруи и седел, диадемы I группы (Мундольсхайм, Енджыховице, Левице, Чорна, Печюсёг, Сексард, Антоновка, Тилигул I, Сагн, Раденск, Щербатая котловина, Новогригорьевка, Беляус, совхоз им. Калинина, Феодосия, Вольный Аул, Рутха, Нижняя Добринка, Березовка, колхоз «Восход»); *б* — остальные памятники I группы (Бежа в Португалии, Эран, Фюрст, Вольфсхайм, Хохфельден, Унтерзибенбрунн, Лаа, Лебень, Папкесн, Мурга, Регёй, Чаня, Бржиза, Луги, Якушовице, Качин, Ласки, Шимлеул Сильваней, Вельц, Кёжд, Валя Стрымба, Концешть, Кошовень, Нежин, Большой Каменец, Поршнино, Капуловка, хутор Чикаренко, Керчь, Фонтал, Синявка, Павловка, Гиляч-1965 г., Брут, Мертвые Соли); *в* — степные памятники II группы (Новогригорьевка, курган VII; Макартет, г. Энгельс, курганы 17, 18, Ровное, курган Д-42, Верхне-Погромные Волгоградской и Оренбургской областей, Федоровка, Шипово, Мертвые Соли); *г* — элементы II группы вне степи (Уфа, Бирск, Ново-Турбаслы, Сахарная Головка, Дюрсо, Гижгид, Пятигорск, Галайты, Харачой); *д* — «гуннские» седла в германских могилах VI в. (Равенна, Крефельд-Геллеп); *е* — границы степи; *ж* — граница пустынь

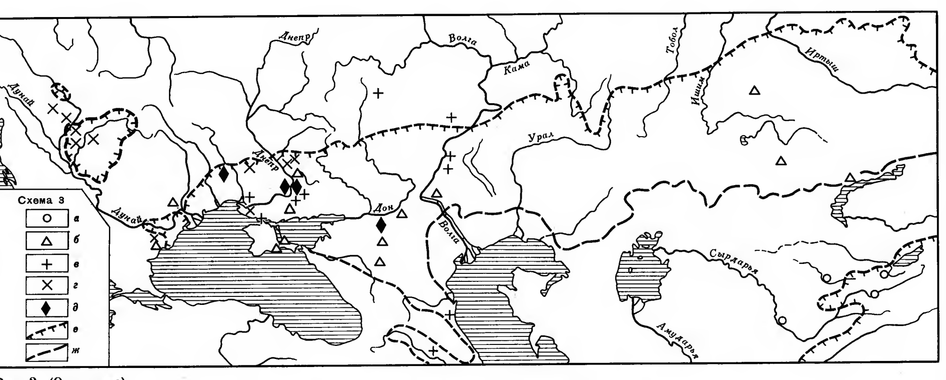

Рис. 2. (Окончание)

Схема 3. Степные памятники VI — первой половины VIII в. *а* — восточный вариант III группы (Актобе 2, Кзыл-Кайнар-тобе, Шамси, Кетмень-тюбе); *б* — западный вариант III группы (Бэлтень, «Вариа», Старая Игрень, Мелитополь, Феодосия, Марфовка, Каряжское городище, Здвиженское, Верхне-Яблочный, Ленинск, Боровое, Кара-Агач, Канаттас); *в* — группа IV (Белозерка, Рисовое, Большой Токмак, Аккермень, Арцыбашево, Уч-Тепе, Манас, Зиновьевка, Иловатка, Бережновка; не нанесены раннеаварские находки в странах по Дунаю); *г* — группа V (Глодосы, Малое Перещепино, Новые Сенжары, Келегеи, Ветрен, Кунбабонь, Тепе, Пакапуста, Урдомб, Боча); *д* — группа VI (Ясеново, Вознесенка, Канцырка, Романовская); *е* — границы степи; *ж* — границы пустынь. Составил А. К. Амброз

Рис. 3. Конское снаряжение V—VII вв.

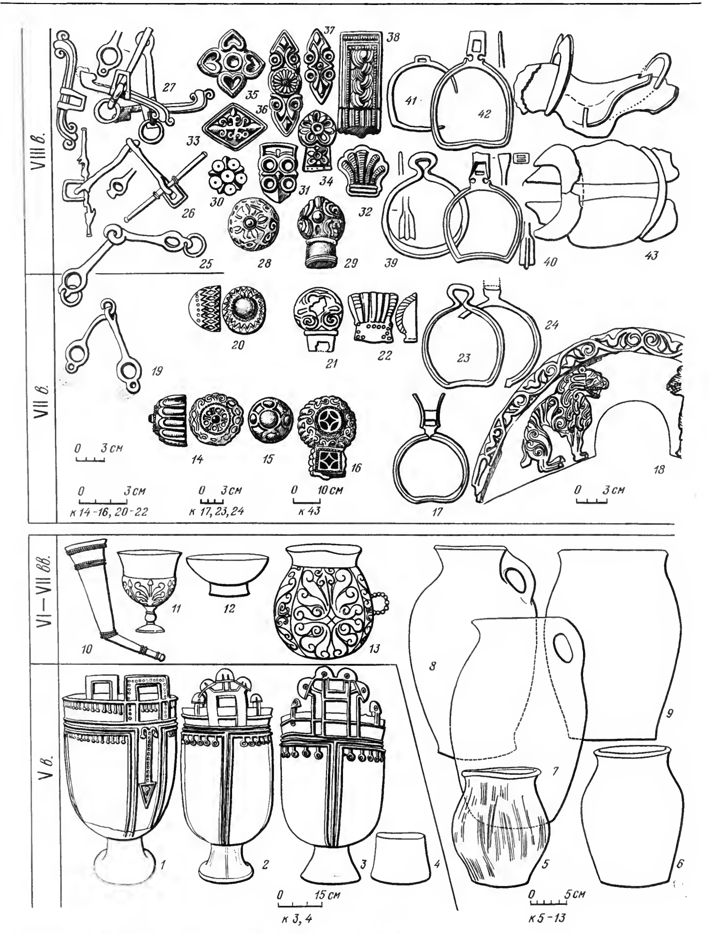

Рис. 4а. Конское снаряжение VII—VIII вв. и посуда кочевников

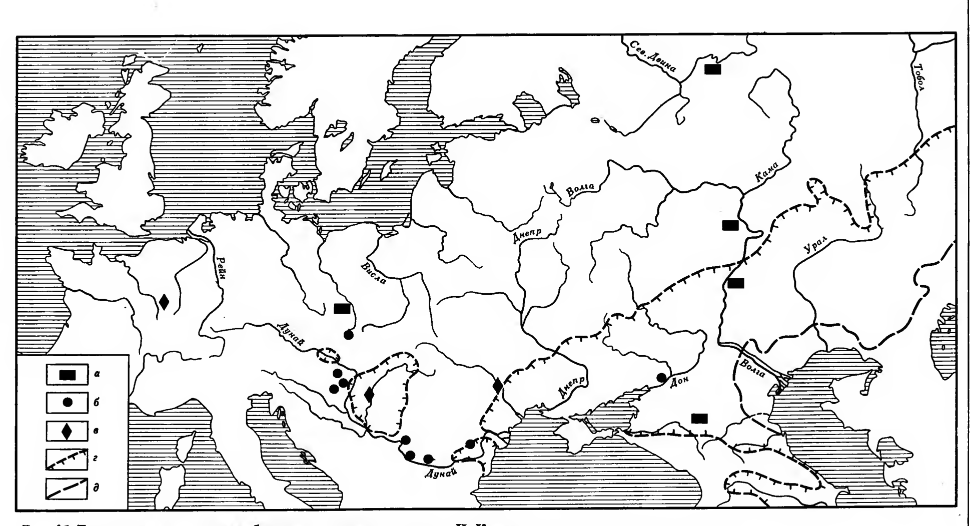

Рис. 4б. Три зоны распространения бронзовых гуннских котлов, по И. Ковриг

а — I вариант (рис. 4а, *1*; Верхний Конец, Осока, г. Энгельс, Ставрополь, Енджыховице); *б* — II вариант (рис. 4а, *2*; Ивановка, Бошнягу, Суцидава, Деса, Хотэрань, Дунауйварош, Капошвёлдь, Варпалота, Бенниш); *в* — III вариант (рис. 4а, *3*; Шестачи, Тёртель, Шалон); *г* — границы степи; *д* — границы пустынь. Составил А. К. Амброз

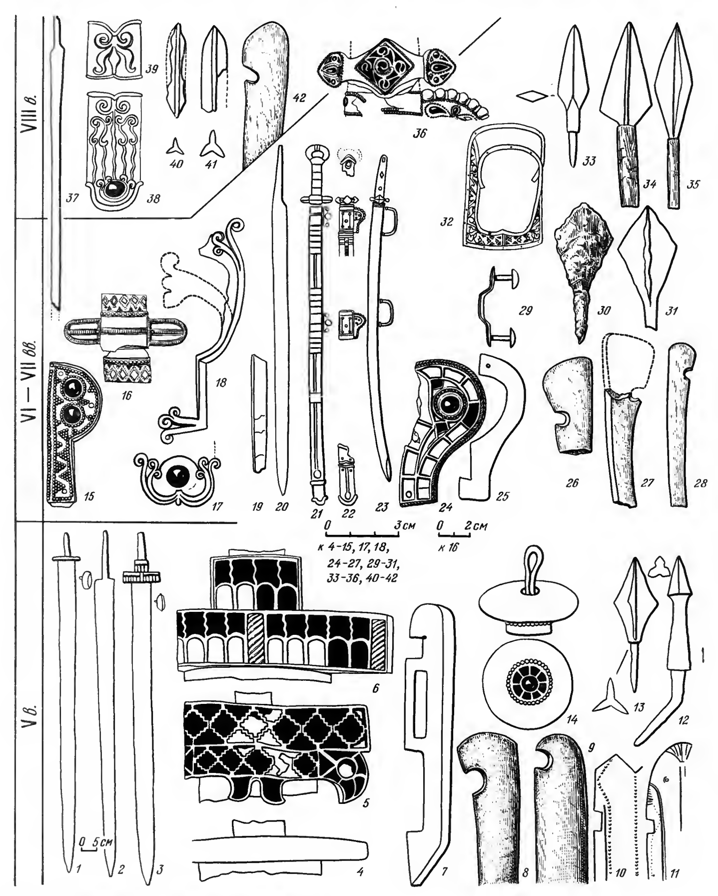

Рис. 5. Вооружение V — первой половины VIII в.

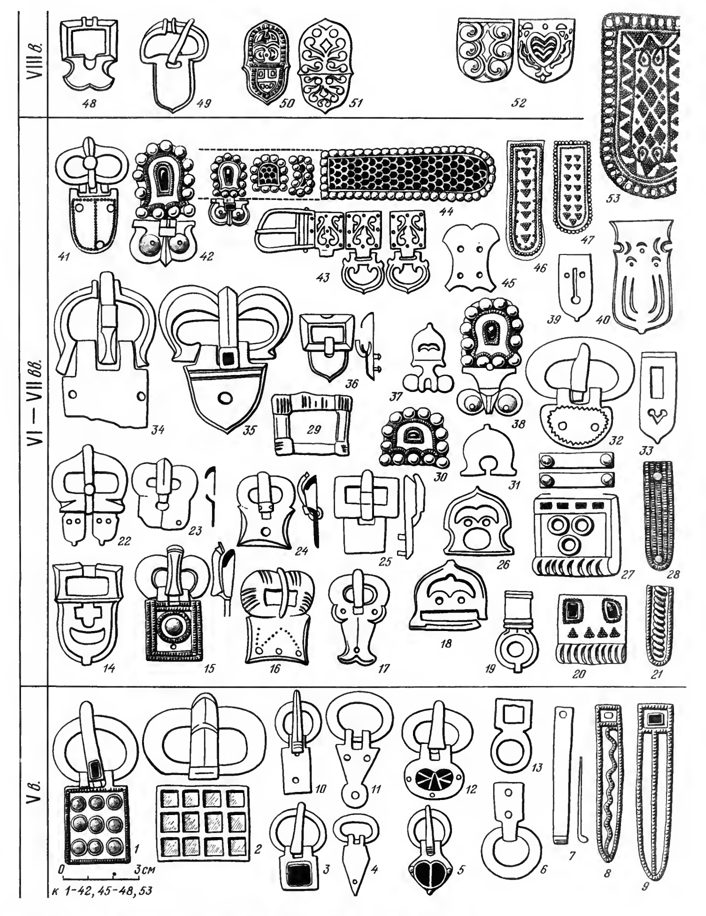

Рис. 6. Пряжки и принадлежности ремней V — первой половины VIII в.

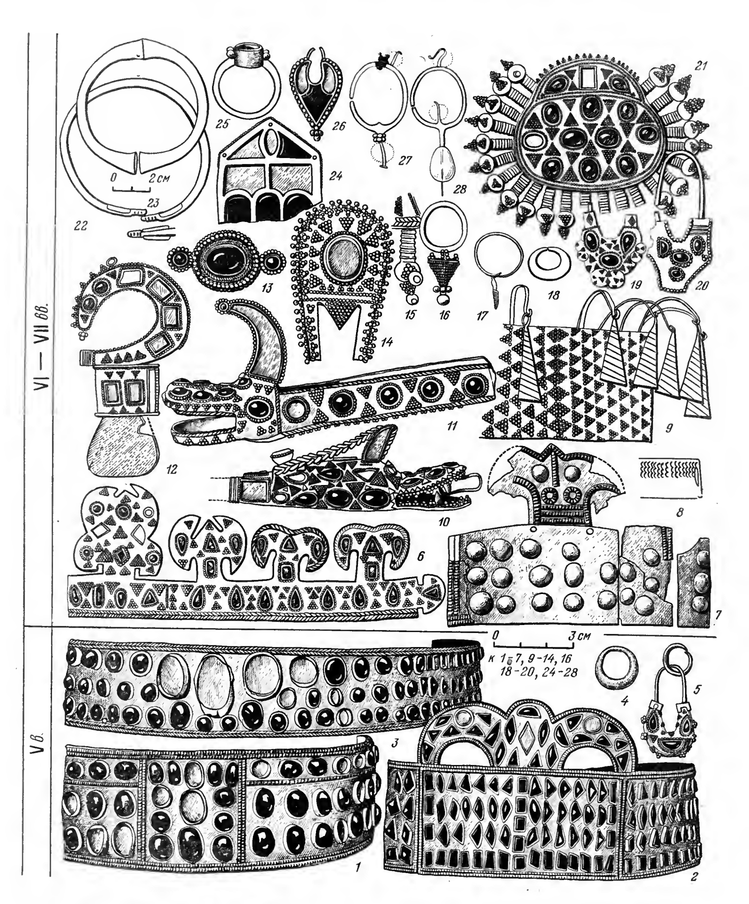

Рис. 7. Украшения V — первой половины VIII в.

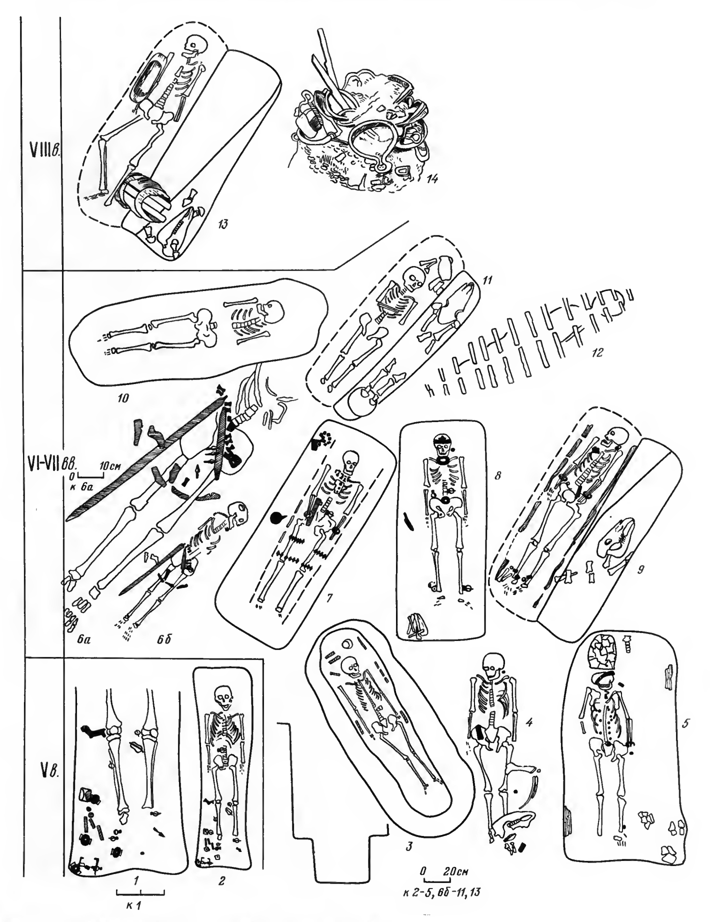

Рис. 8. Погребальный обряд V — первой половины VIII в.

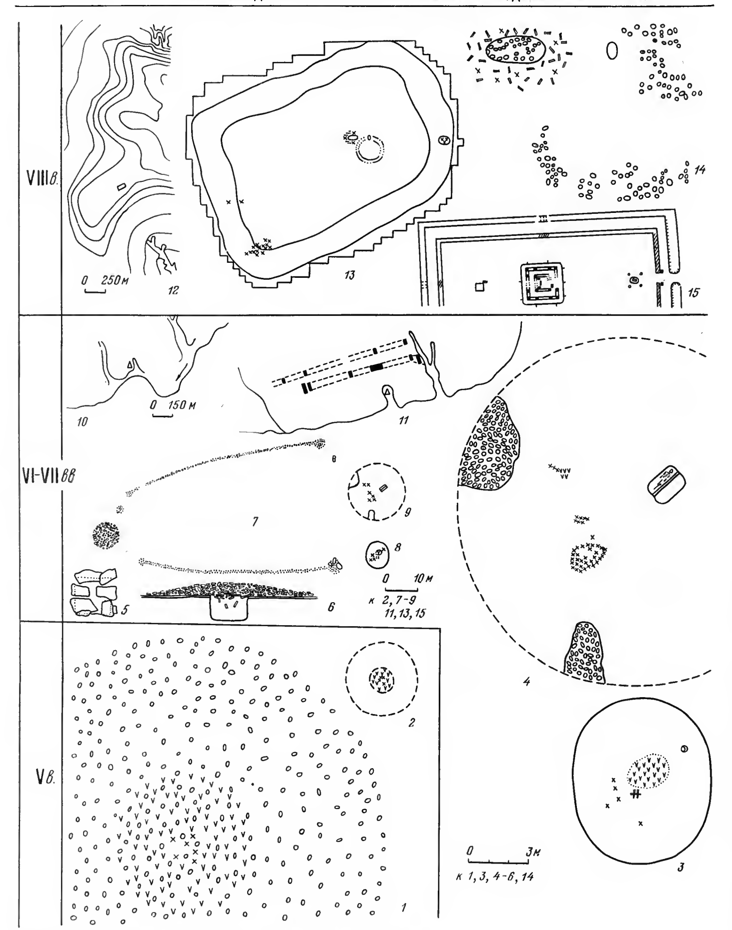

Рис. 9. Погребальные сооружения V — первой половины VIII в.

Рис. 10. Предметы V—VII вв. из могил Киргизии (*1, 2* — по А. Н. Бернштаму; *3—18* — по И. К. Кожомбердиеву)

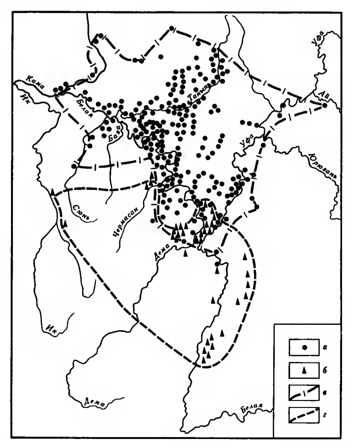

Рис. 11. Распространение памятников бахмутинской и турбаслинской культур

а — памятники бахмутинской культуры; *б* — памятники турбаслинской культуры; *в* — границы бахмутинской культуры; *г* — границы турбаслинской культуры. Составил Н. А. Мажитов

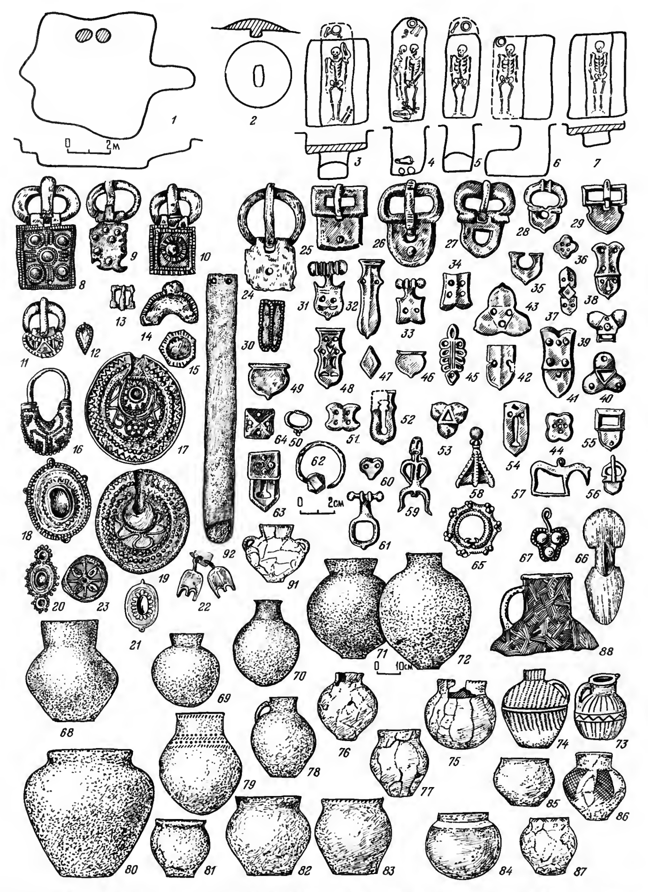

Рис. 12. Турбаслинская культура. Таблица составлена по материалам раскопок Дежневских, Кушнаренковских, Новотурбаслинских, Салиховских, Уфимских, Шареевских курганов и Сакмарского городища

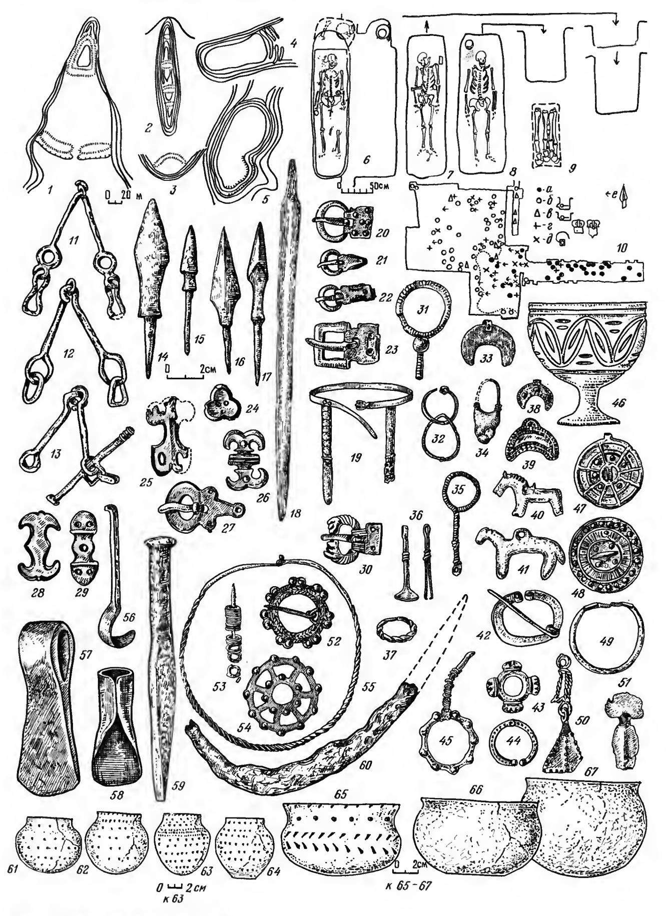

Рис. 13. Бахмутинская культура

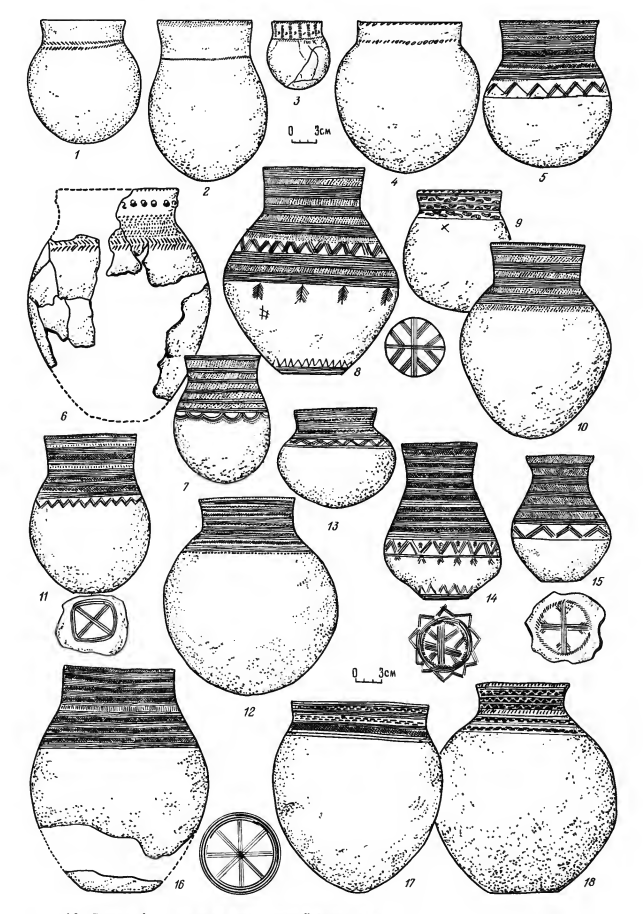

Рис. 14. Сосуды 1-го этапа караякуповской культуры

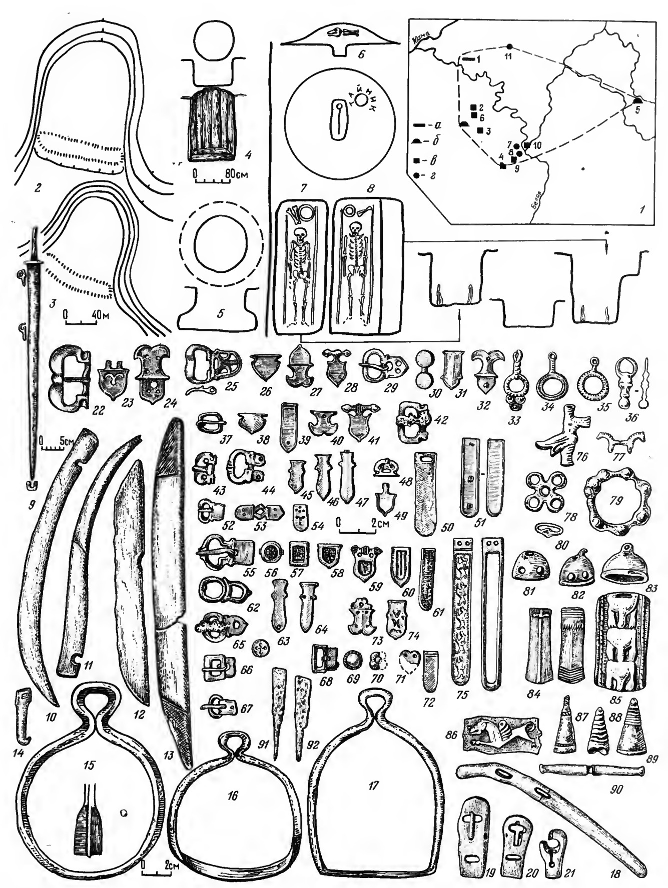

Рис. 15. Караякуповская культура (1-й этап)

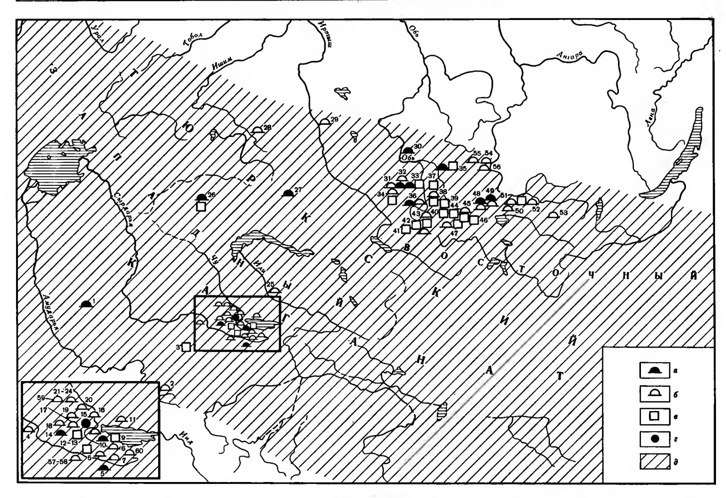

Рис. 16. Тюркские памятники юга Сибири, Средней Азии и Казахстана конца VI—первой половины IX в.

а — курганы конца VI—VII в.; *б* — курганы VII — первой половины IX в.; *в* — каменные оградки; *г* — поселение; *д* — территория Тюркского каганата; *1* — погребение в Самарканде; *2* — Тамды; *3* — Гульча; *4* — Дальверзин; *5* — Аламышик; *6* — Сонкуль; *7* — Чонноо; *8* — Кара-Булун; *9* — Таш-Тюбе; *10* — Кочкорская долина; *11* — Койсу; *12* — Бекбо-Сай; *13* — Ешме-Сай; *14* — Борижары; *15* — Ак-Бешим; *16* — Кенбулунь; *17* — Кызыл-Сай; *18* — предгорья Таласского хребта; *19* — Кулан-Сай; *20* — Чуйская долина, ущелье Кегеты; *21* — Новопокровка; *22* — Новопавловка; *23* — Петровка; *24* — Карабалты-Аспара; *25* — Капчагай; *26* — Жаксы-Арганаты; *27* — Егиз-Койтас; *28* — Бощекуль; *29* — Бобровский могильник; *30* — Осинки, *31* — Шибе; *32* — Туекта; *33* — Курота; *34* — Яконур; *35* — Кудыргэ; *36* — Катанда; *37* — Чибит; *38* — Курай; *39* — Пазырык; *40* — Мышейлык (Арагол); *41* — Кара-Коба; *42* — Койсу; *43* — Талдура; *44* — Табажек; *45* — Узунтал; *46* — Бугузун; *47* — Юстыд; *48* — Монгун-Тайга; *49* — Кокэль; *50* — Саглы; *51* — Аймырлаг; *52* — Аргалыкты; *53* — Ак-Туруг; *54* — Усть-Тесь; *55* — Капчалы II; *56* — Уйбат II; *57* — Джаныш-Булак; *58* — Теке-Таш; *59* — Сокулук I, курган 4; *60* — Торткуль. Составил В. А. Могильников

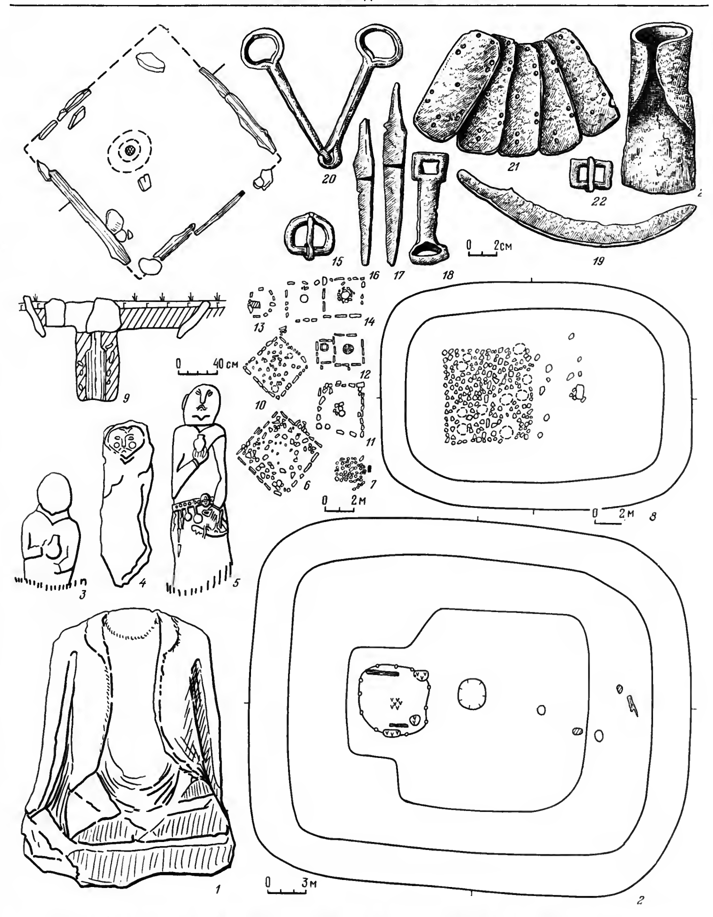

Рис. 17. Поминальные сооружения знати, оградки и выкладки алтайских тюрок, каменные изваяния около них и инвентарь из оградок

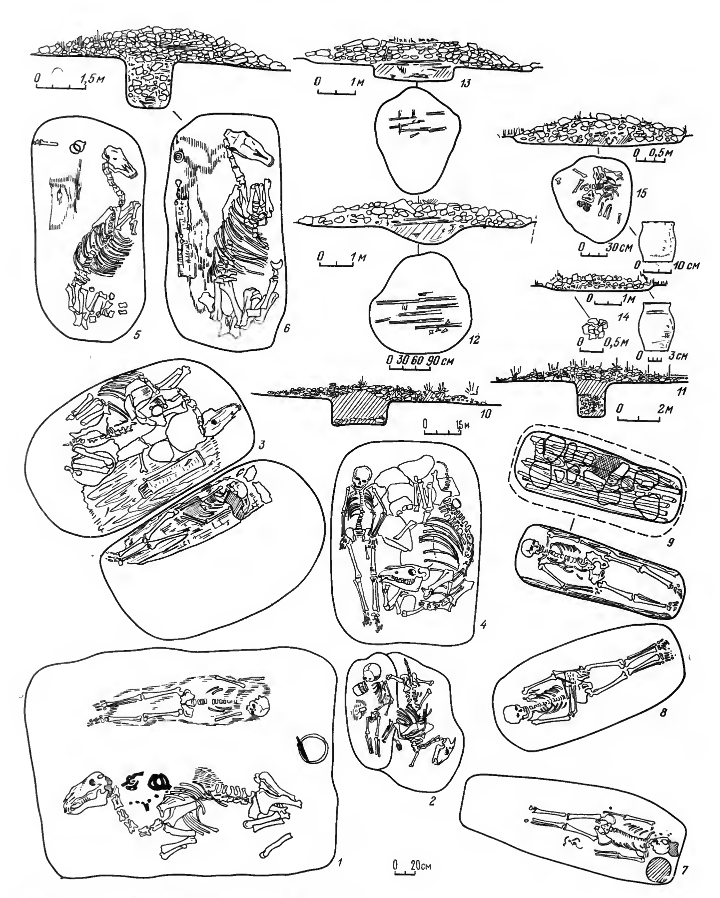

Рис. 18. Погребальный обряд тюрок конца VI—X в.

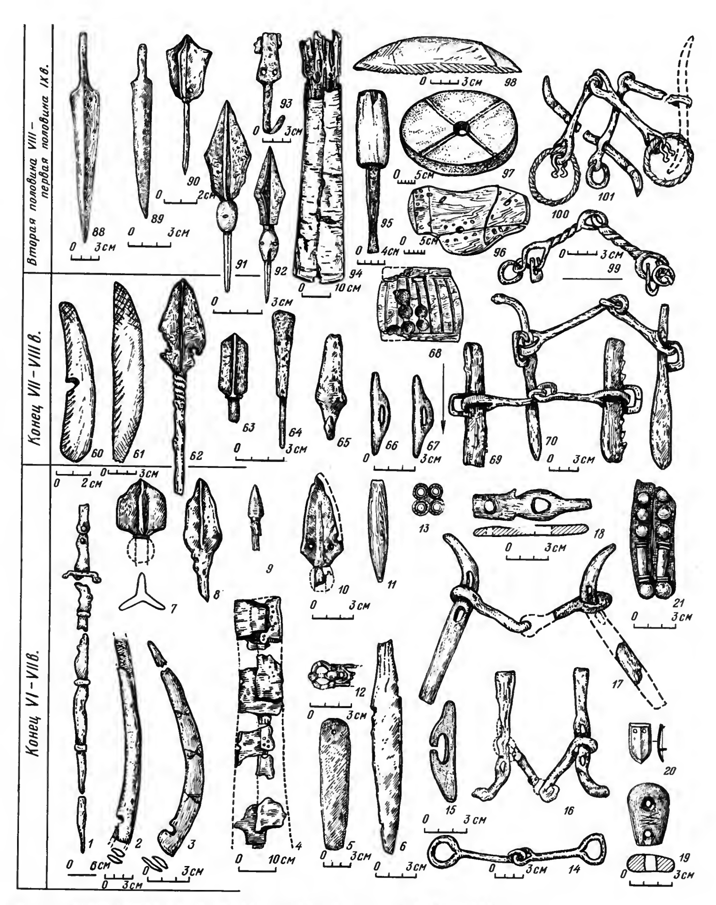

Рис. 19. Вещевой инвентарь тюрок Саяно-Алтая конца VI — первой половины IX в.

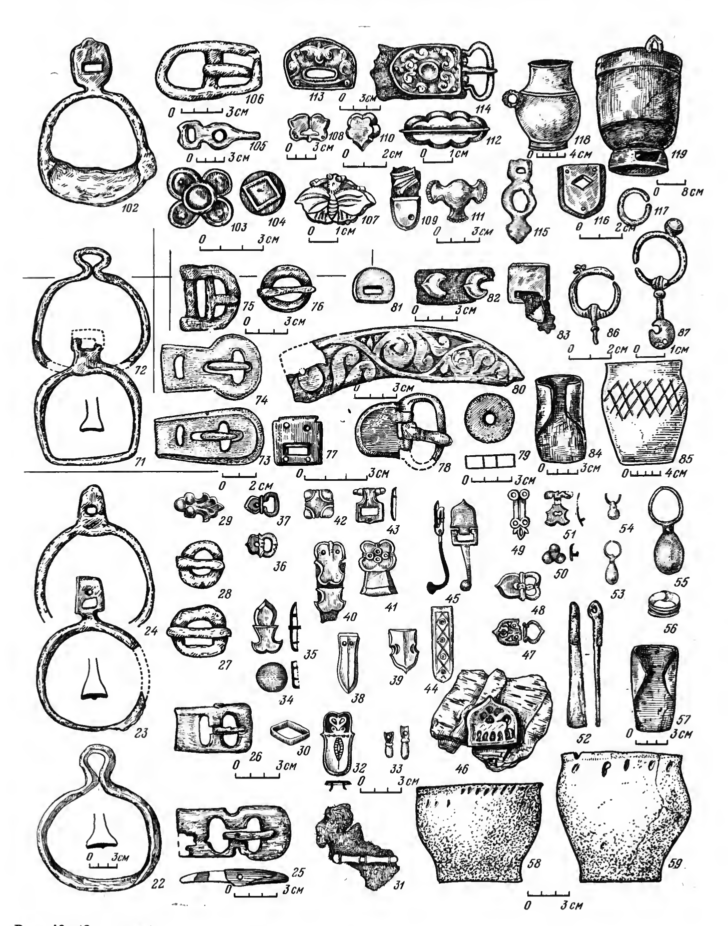

Рис. 19. (Окончание)

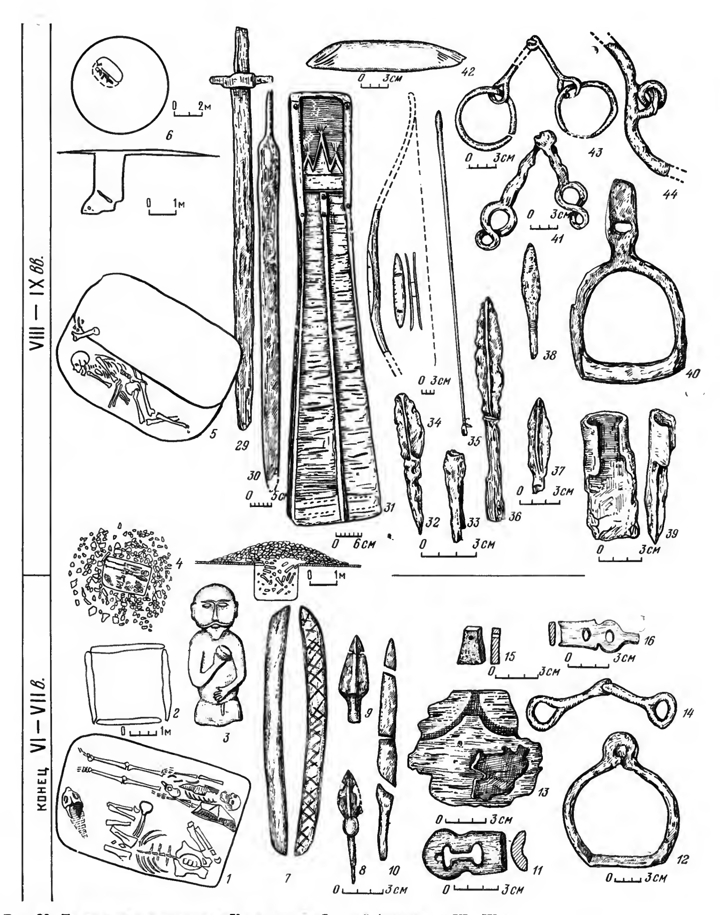

Рис. 20. Тюркоязычные кочевники Казахстана и Средней Азии конца VI—IX в.

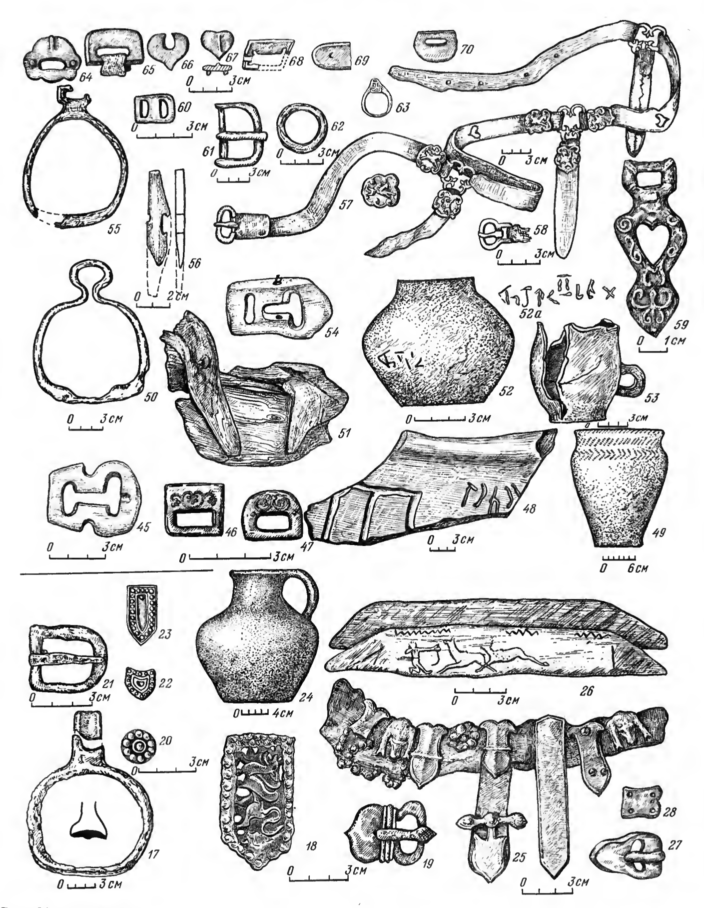

Рис. 20. (Окончание)

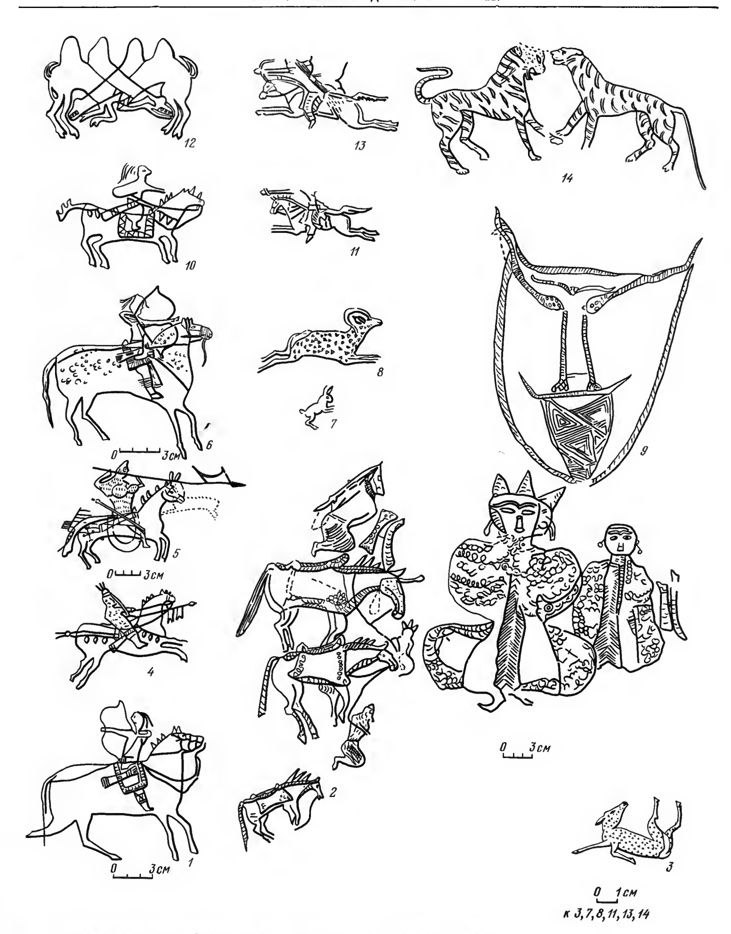

Рис. 21. Изобразительное искусство тюркоязычных народов Саяно-Алтая

Рис. 22. Изображения тюрок

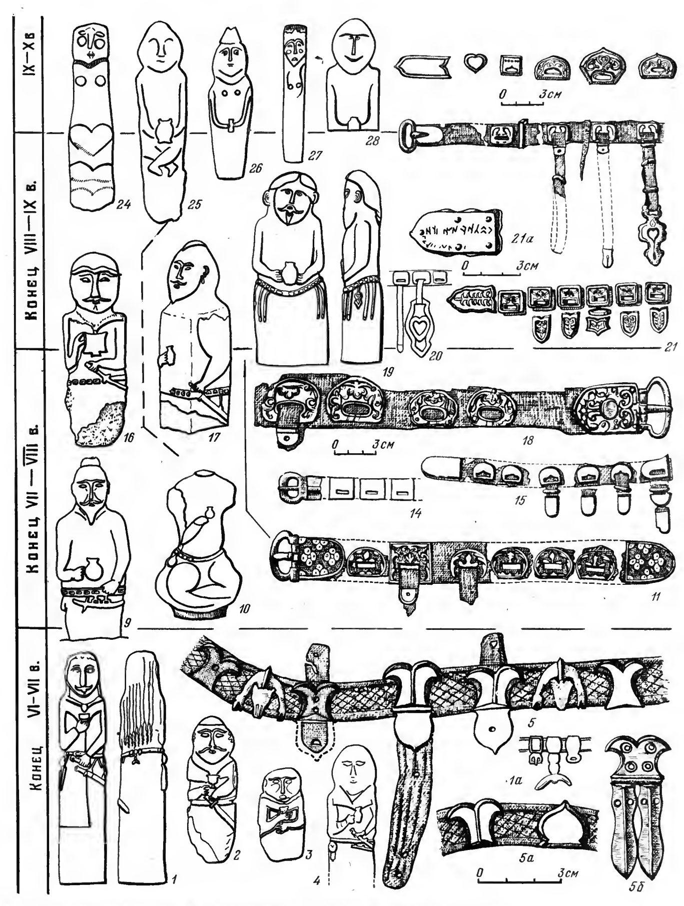

Рис. 23. Каменные изваяния и поясные наборы древних тюрок конца VI—X в.

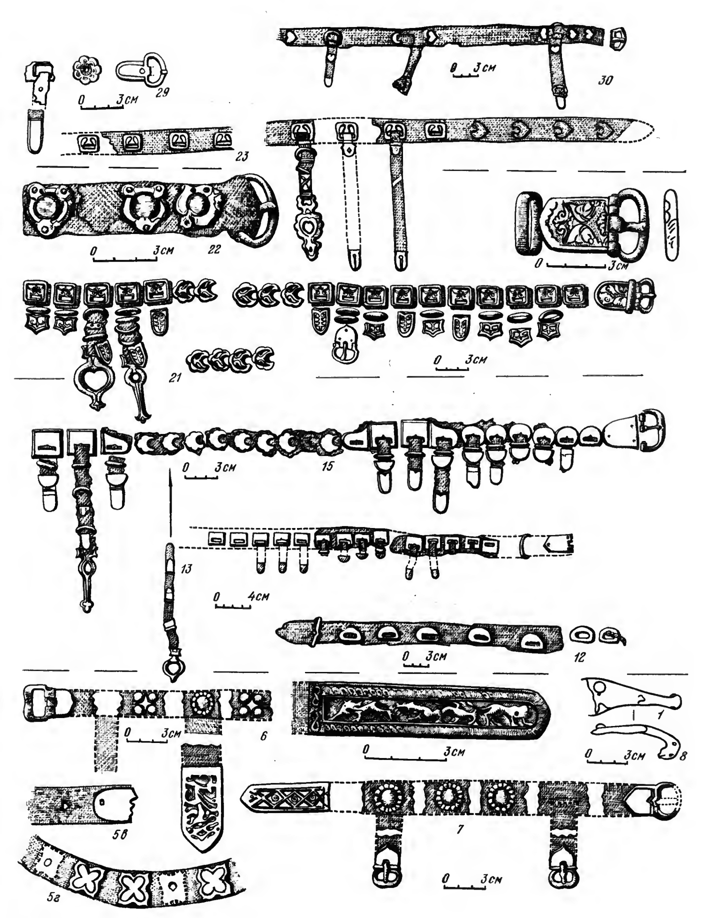

Рис. 23. (Окончание)

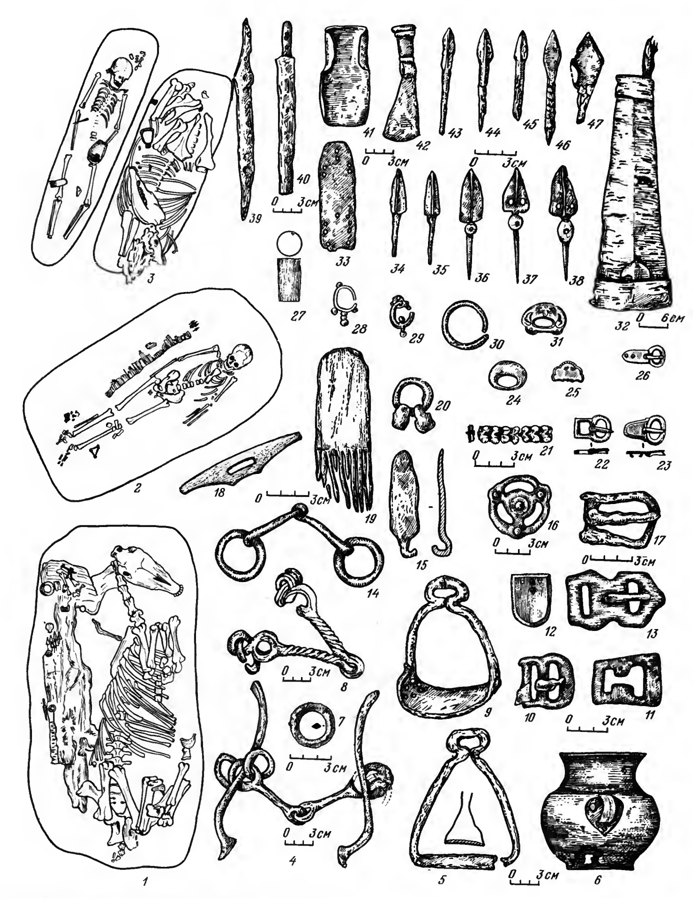

Рис. 24. Древности тюрок Саяно-Алтая конца VIII—X в.

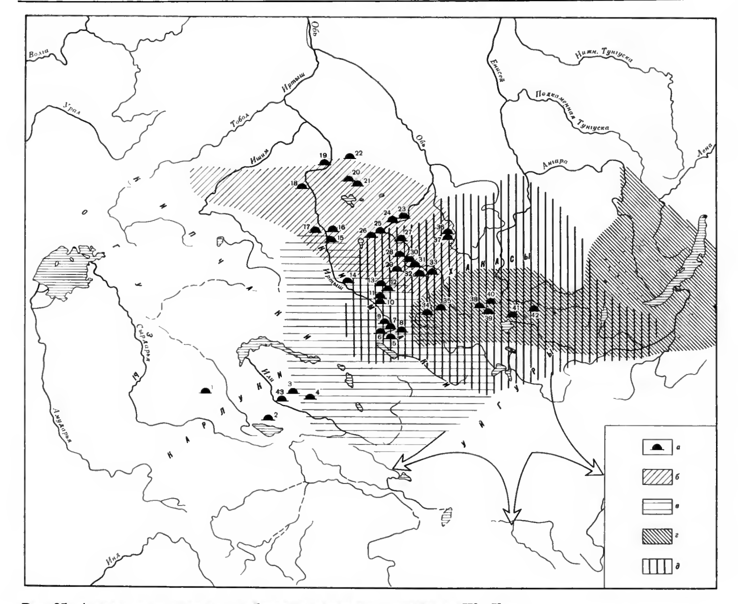

Рис. 25. Ареалы расселения и погребения тюркоязычного населения IX—X вв.

а — курганный могильник или одиночные погребения; *б* — сросткинская культура; *в* — ареал расселения кимаков; *г* — тюркоязычное население Саяно-Алтая и южного Прибайкалья; *д* — древние хакасы; *1* — Кызыл-Кайнар; *2* — Алма-Ата; *3* — Кадырбай I; *4* — Текели (погребальный комплекс); *5* — Кзыл-Ту II; *6* — Славянка; *7* — Юпитер; *8* — Свинчатка; *9* — Пчела; *10* — Зевакино; *11* — Орловка; *12* — Корболиха; *13* — Гилево; *14* — Большая Владимировка; *15* — Бобровка; *16* — Трофимовка; *17* — совхоз 499; *18* — Романтеево; *19* — Ирча; *20* — Усть-Тартас; *21* — Старая Преображенка; *22* — Красноярка; *23* — Ордынское; *24* — Старый Шарап; *25* — Камень II; *26* — Грязново; *27* — Иня; *28* — Гоньба; *29* — Малое Панюшово; *30* — Осинки; *31* — Ближние Елбаны; *32* — Красноярское (Змеевка); *33* — Сростки; *34* — Катанда; *35* — Курай; *36* — Камышинка; *37* — Ур-Бедари; *38* — Монгун-Тайга; *39* — Саглы; *40* — Хемчик; *41* — Ак-Даг; *42* — Кара-Чога; *43* — Капчагай. Составил В. А. Могильников

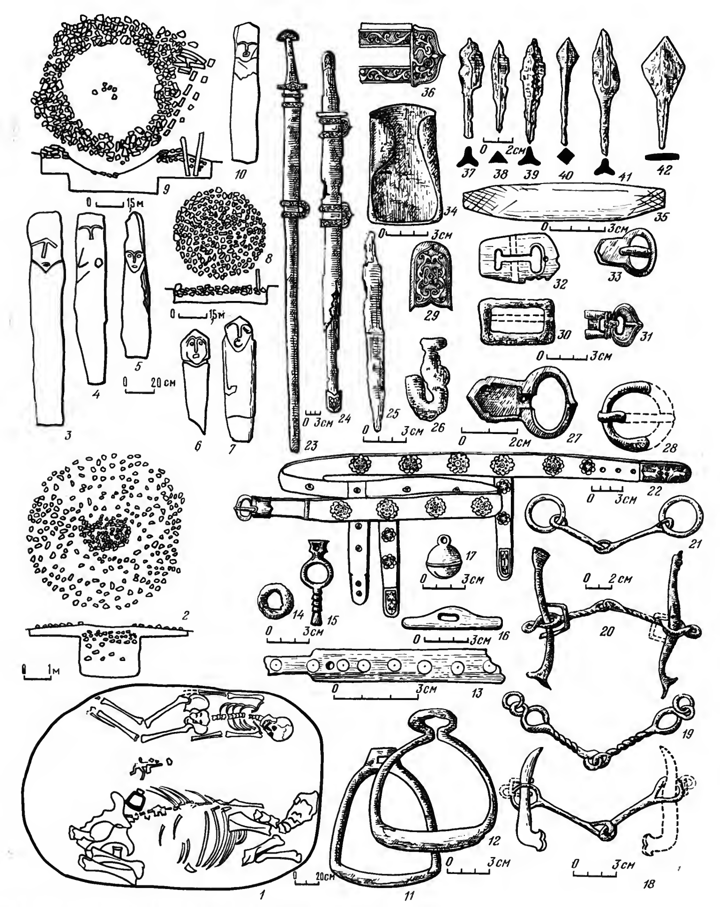

Рис. 26. Древности кимаков и карлуков IX—X вв.

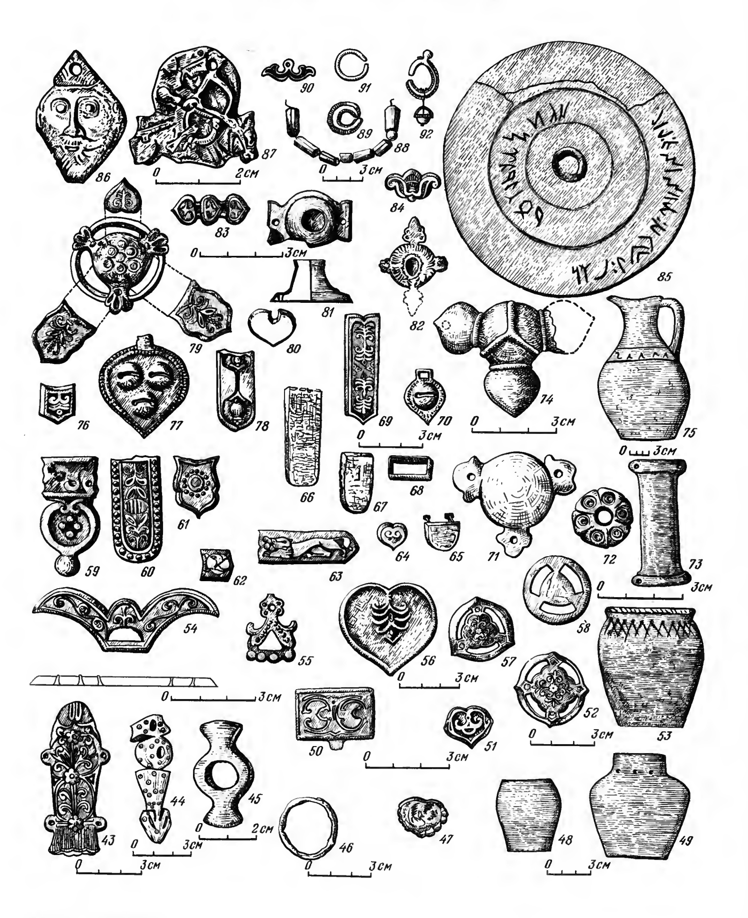

Рис. 26. (Окончание)

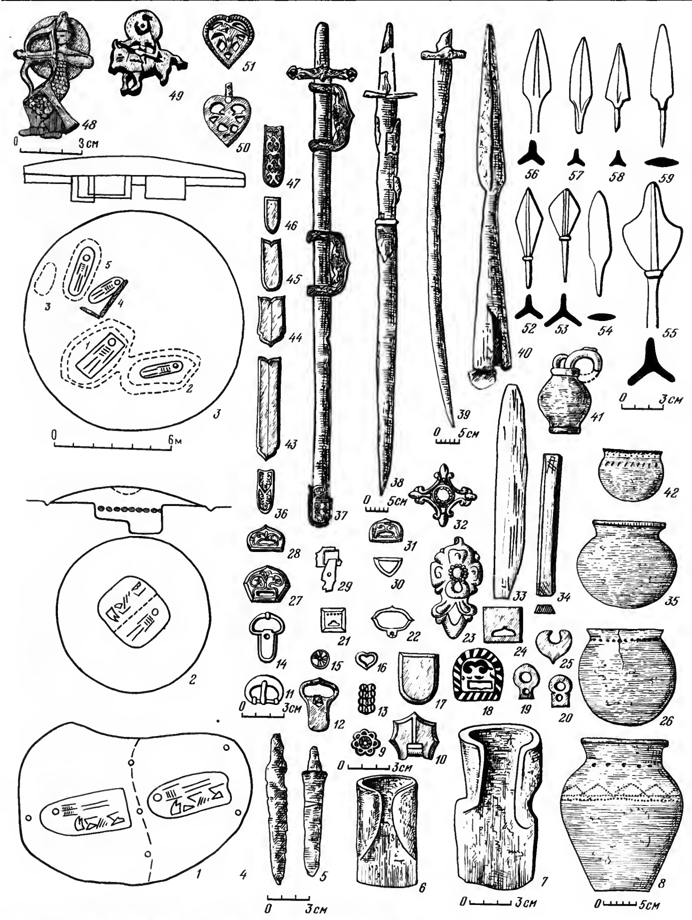

Рис. 27. Инвентарь и обряд погребения сросткинской культуры

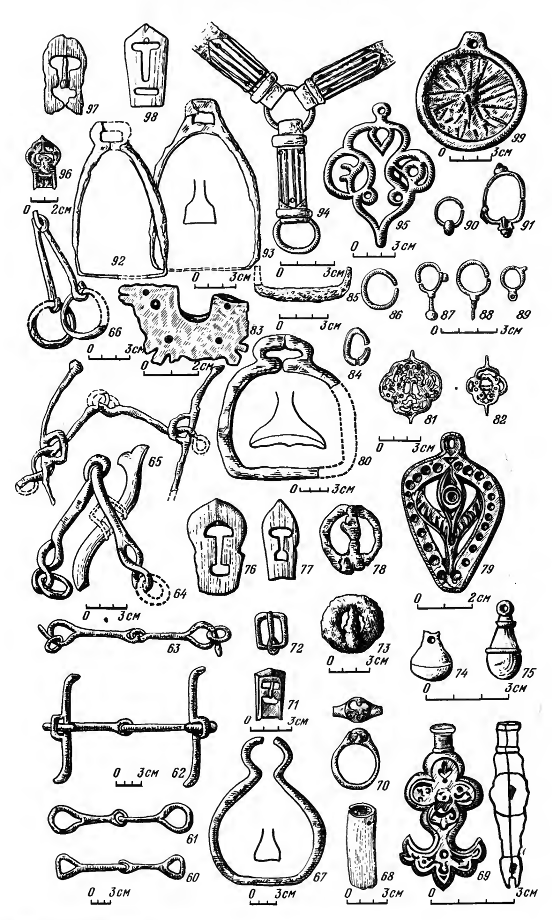

Рис. 27. (Окончание)

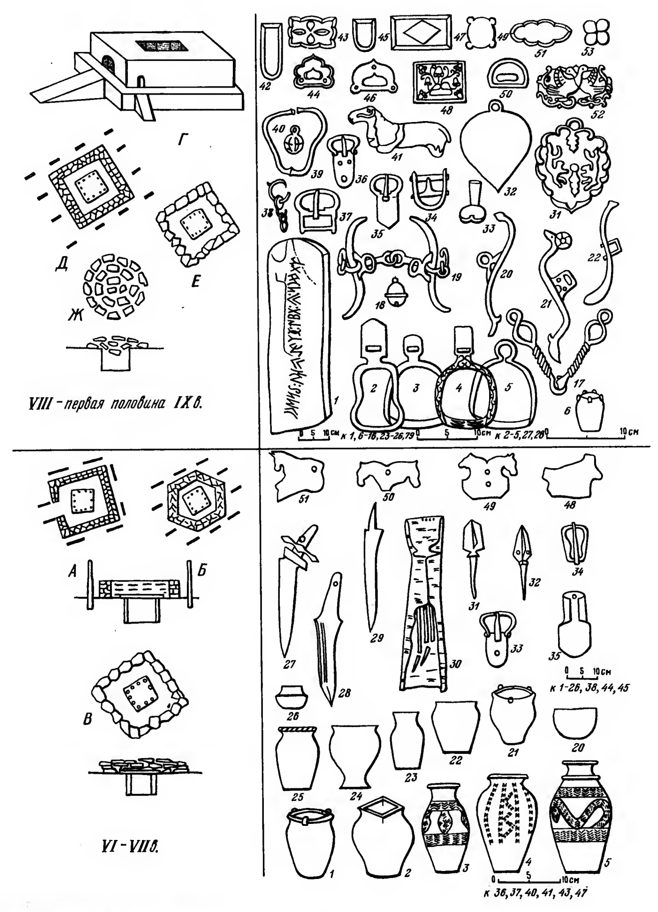

Рис. 28. Древности культуры чаатас

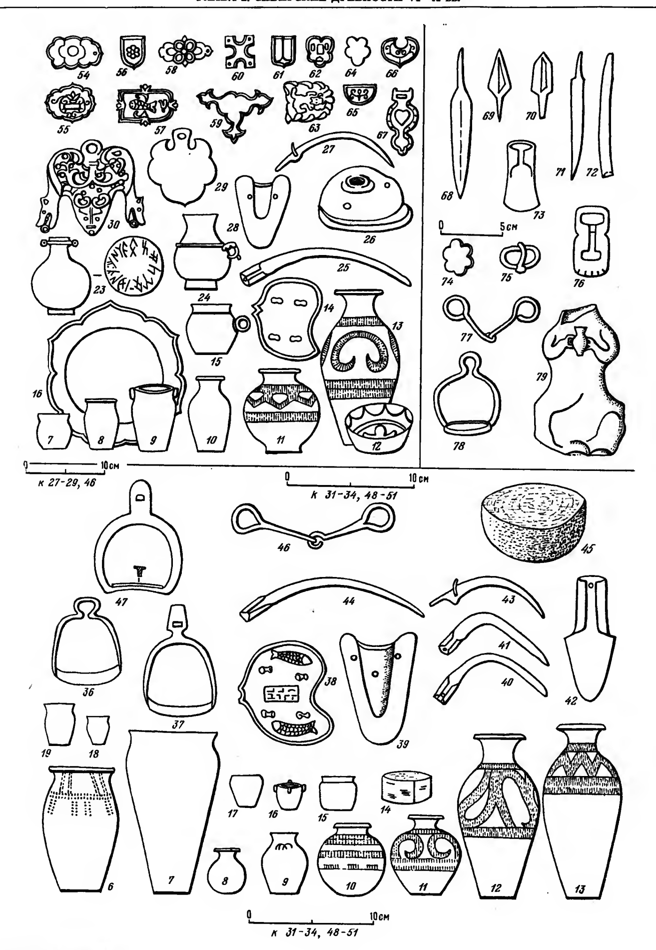

Рис. 28. (Окончание)

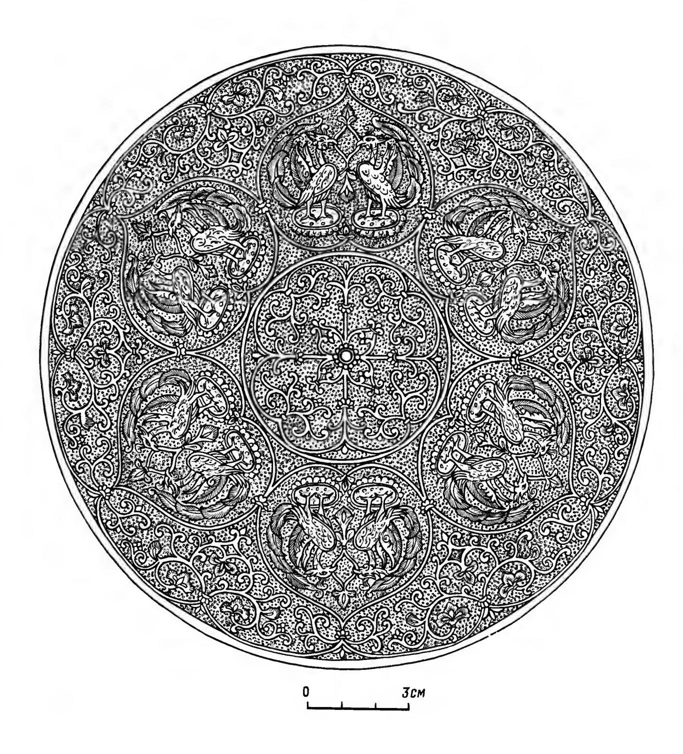

Рис. 29. Золотое блюдо и золотые кувшины и детали их узоров. Копенский чаатас VIII—IX вв.

Рис. 29. (Окончание)

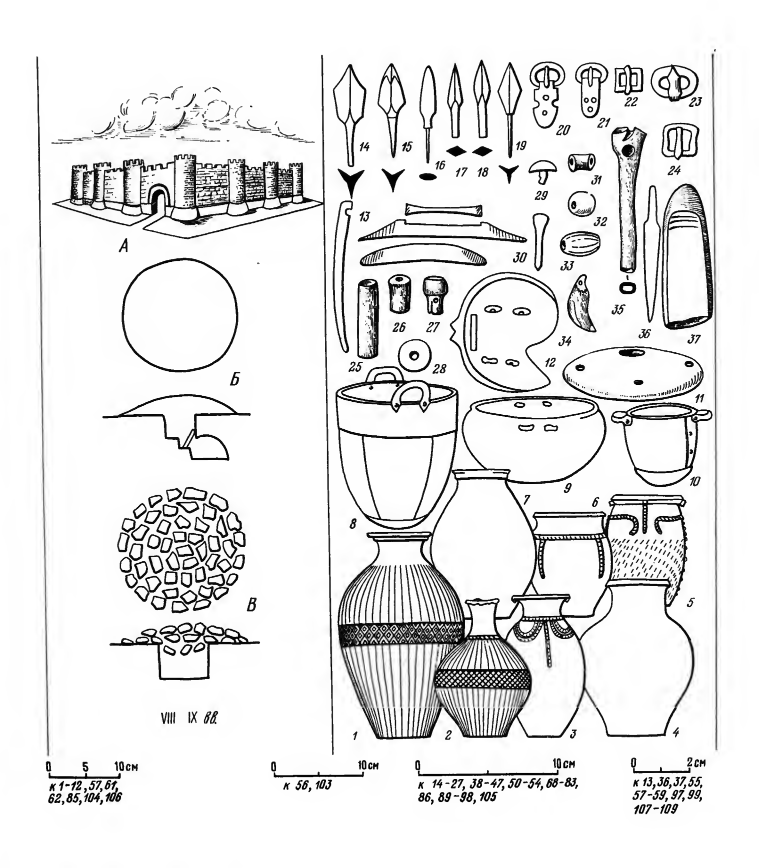

Рис. 30. Древности Уйгурского каганата

Рис. 30. (Окончание)

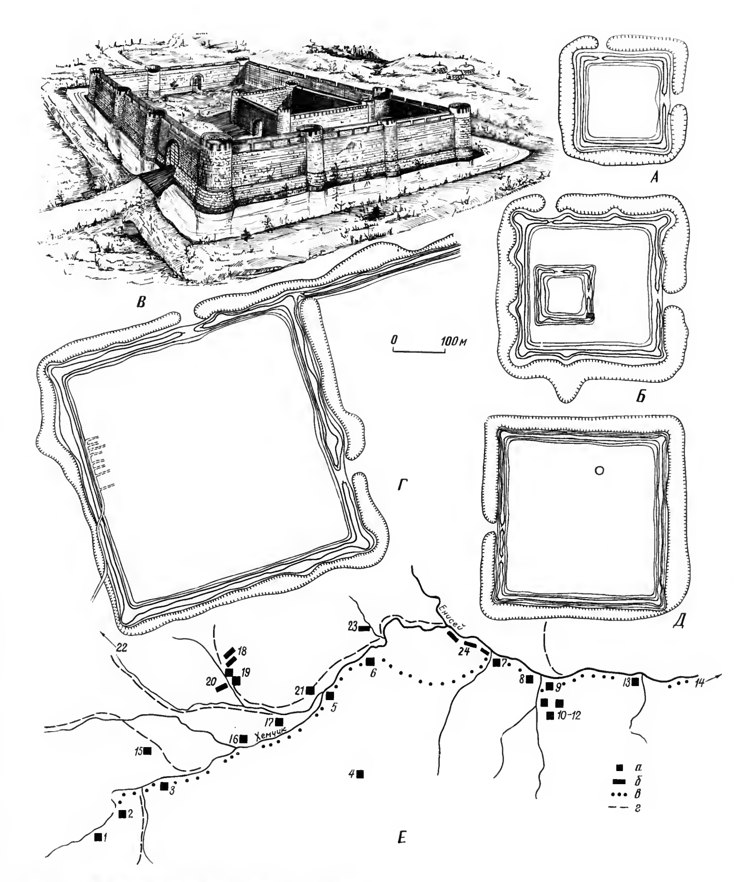

Рис. 31. Уйгурские укрепления в Туве (VIII—IX вв.)

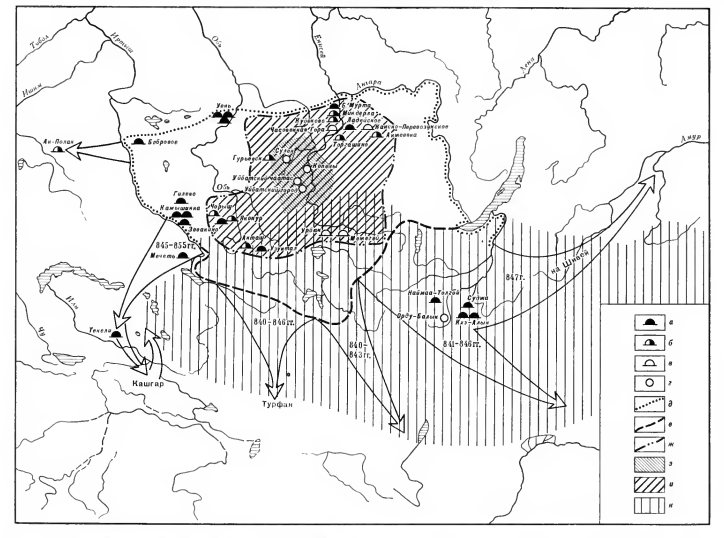

Рис. 32. Древнехакасское государство в IX—XII вв.

Окраинные памятники древних хакасов: а — IX—X вв.; *б* — XI—XII вв.; *в* — XIII — XIV вв.; *г* — основные памятники культуры; *границы государства: д* — в 840 — 890-е годы; *е* — изменения юго-восточных границ в начале X в.; *ж* — границы в XI—XII вв. (южные границы установились в середине XII в.); *территории: з* — древнехакасского государства в VI—IX вв. (культура чаатас); *и* — древнехакасского государства в XI—XII вв. (аскизская культура); *к* — Уйгурского каганата в VIII — IX вв. Стрелками обозначены военные походы. Составил Л. Р. Кызласов

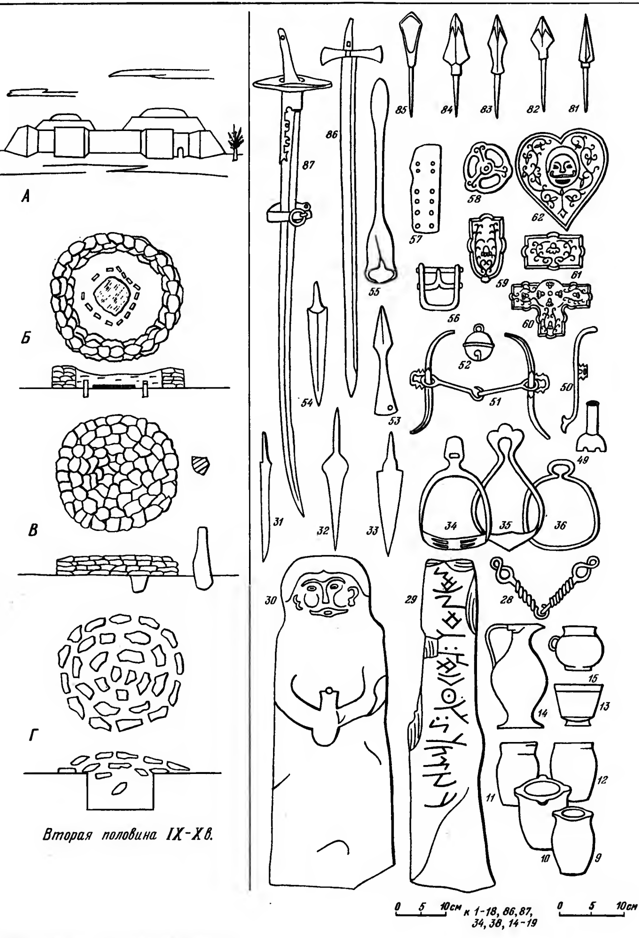

Рис. 33. Древности тюхтятской культуры

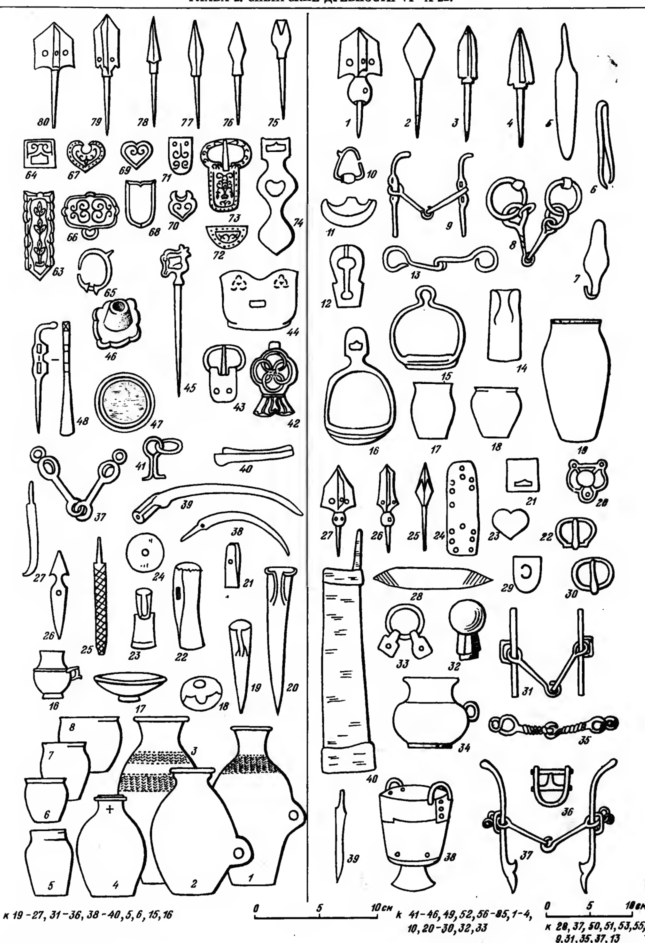

Рис. 33. (Окончание)

Рис. 34. Памятники енисейской письменности. Стелы с эпитафиями и межевыми надписями, надписи на скалах и отдельных предметах IX—X вв.

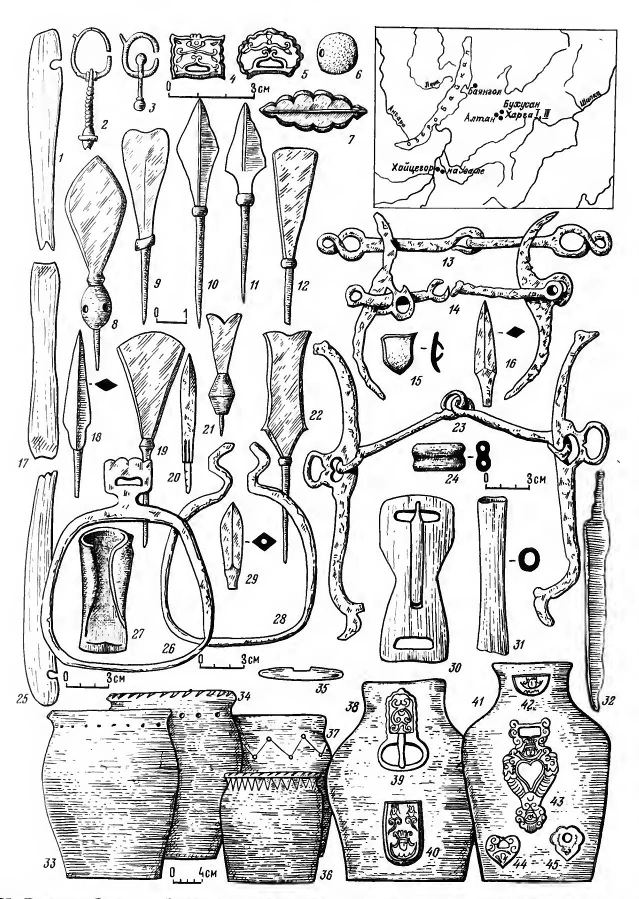

Рис. 35. Древности Западного Забайкалья. Хойцегорская культура IX—X вв. Инвентарь из могильников Бухусан, Харга I и III, Алтан, Тапхар, Хойцегор, Баянгол и «На Увале»

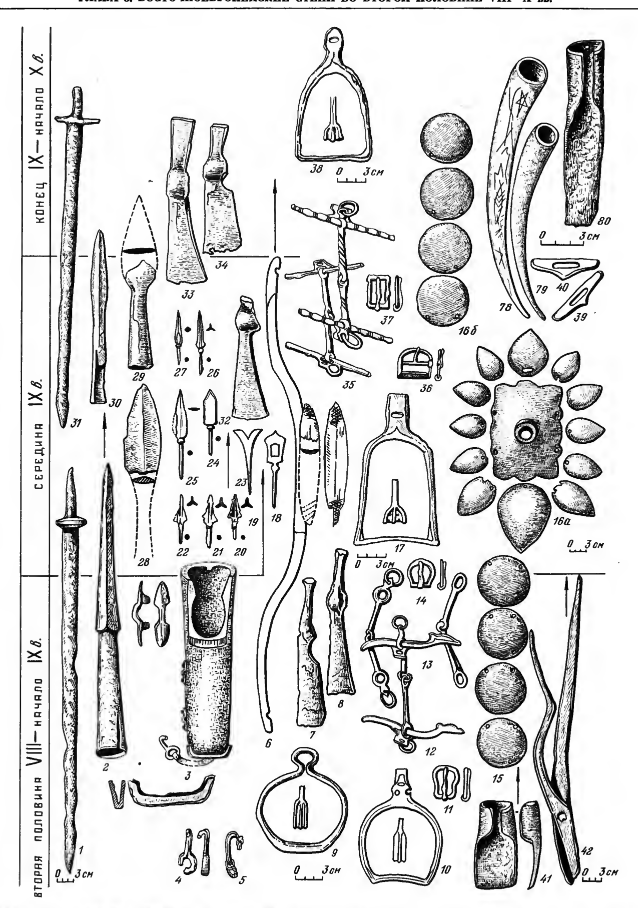

Рис. 36. Хронологическая таблица орудий труда, быта, оружия, сбруи салтово-маяцкой культуры. Составлена по материалам раскопок Дмитриевских могильника и селищ, Саркела — Белой Вежи, Правобережного Цимлянского городища (1—99)

Рис. 36. (Окончание)

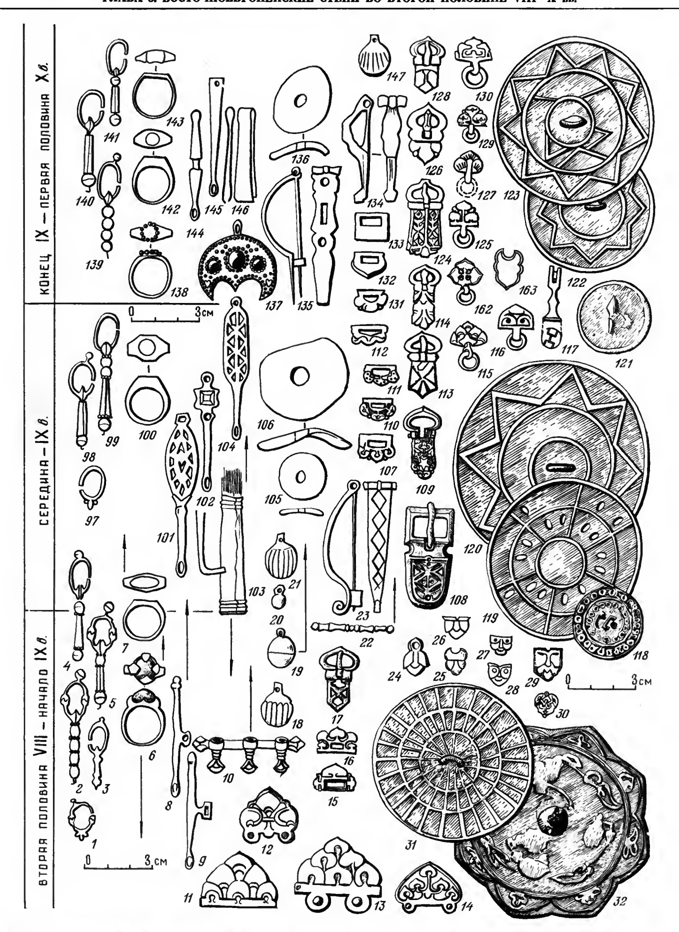

Рис. 37. Хронологическая таблица украшений, амулетов, поясов салтово-маяцкой культуры. Составлена по материалам раскопок Дмитриевского, Салтовского, Маяцкого могильников и Саркела — Белой Вежи

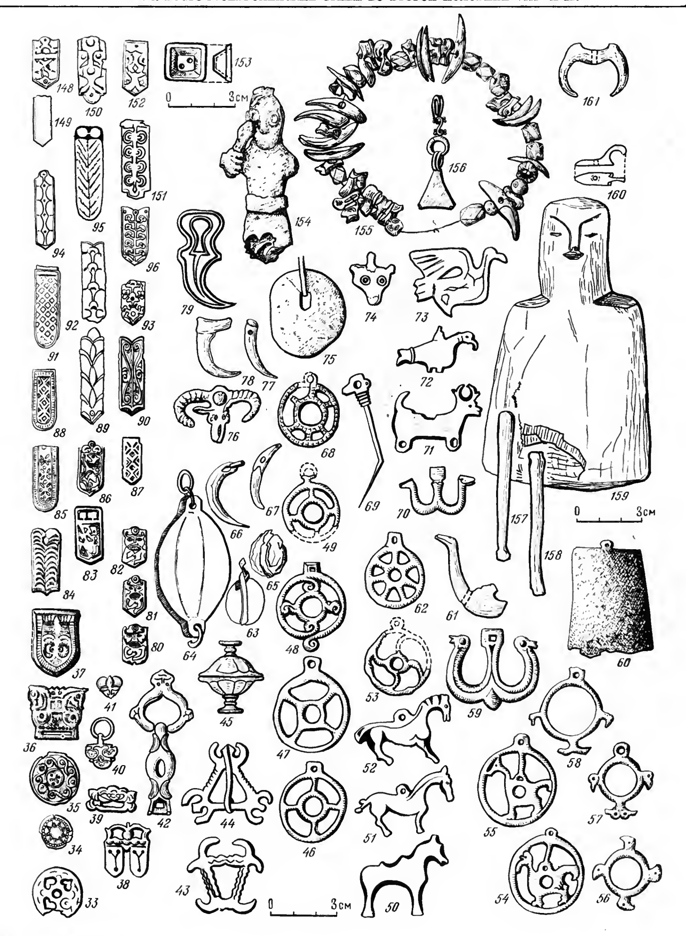

Рис. 37. (Окончание)

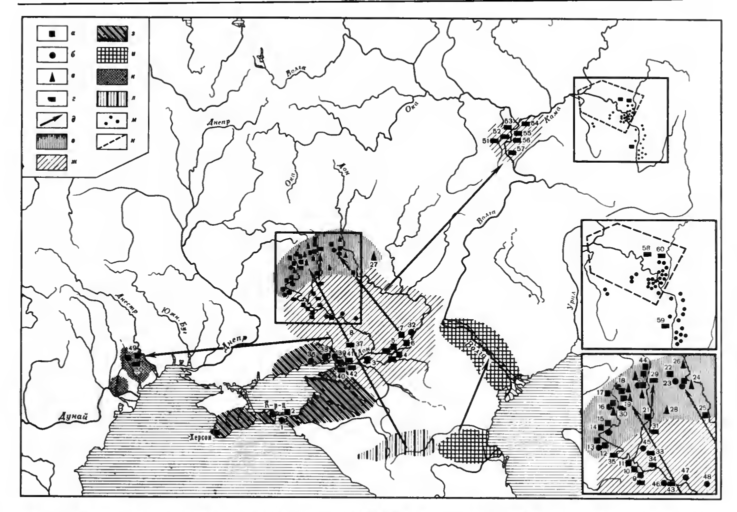

Рис. 38. Варианты и основные памятники салтово-маяцкой и синхронных с ней степных культур Восточной Европы

а — городища салтово-маяцкой культуры; *б* — раскапывавшиеся поселения; *в* — катакомбиые могильиики; *г* — ямные могильники; *д* — возможные направления передвижений отдельных групп населения, оставившего салтово-маяцкую культуру; *е* — «аланский» лесостепной вариант; *ж* — «праболгарский» вариант Подонья; *з* — «праболгарский» варнант Приазовья; *и* — террнторня распространения ннжиеволжских памятников салтово-маяцких типов; *к* — «балкаио-дунайская культура»; *л* — «аланская культура»; *м* — памятники турбаслинской культуры; *н* — границы бухмутинской культуры; *1* — Фанагория; *2* — Тамань; *3* — Семикаракоры; *4* — Саркел — Белая Вежа; *5* — Правобережное Цимлянское городище; *6* — Карнаухово; *7* — Средний; *8* — Каменск-Шахтниский; *9* — городище и могильник Маякн; *10* — Сидоровское; *11* — Богородичное; *12* — Сухая Голольша; *13* — Коробовы хутора; *14* — Мохнач; *15* — Кабаново; *16* — Салтово; *17* — Архангельское; *18* — Дмнтрневское; *19* — Волчанское; *20* — Ютановский и Нижнелубянский комплексы; *21* — Подлысенки; *22* — Верхний Ольшан; *23* — Алексеевское; *24* — Маяцкое; *25* — Карабут; *26* — Урыв; *27* — Воробьевка; *28* — Подгоровский; *29* — Волококонский; *30* — Нетайловский; *31* — Покровский; *32* — Суворовская; *33* — Тополи; *34* — Зливкн; *35* — Залиманье; *36* — Обрыв; *37* — Гуково; *38* — Залевкн-Рожок; *39* — Самбек; *40* — Азов; *41* — Крнвянский; *42* — Багаевский; *43* — Рогалнк (могильник); *44* — Афоньевка; *45* — Жовтново; *46* — Рогалик; *47* — Подгаевка; *48* — Усть-Быстрянский; *49* — Калфа; *50* — Ханска; *51* — II Больше-Тарханский; *52* — I Больше-Тарханский; *53* — Тетюшский; *54* — Больше-Тнганский; *55* — Танкеевский; *56* — Кокрятьский; *57* — Хрящевский; *58* — Бирский могильнкк; *59* — Стерлитамакскнй; *60* — Бахмутннскнй могольник. Составила С. А. Плетнева

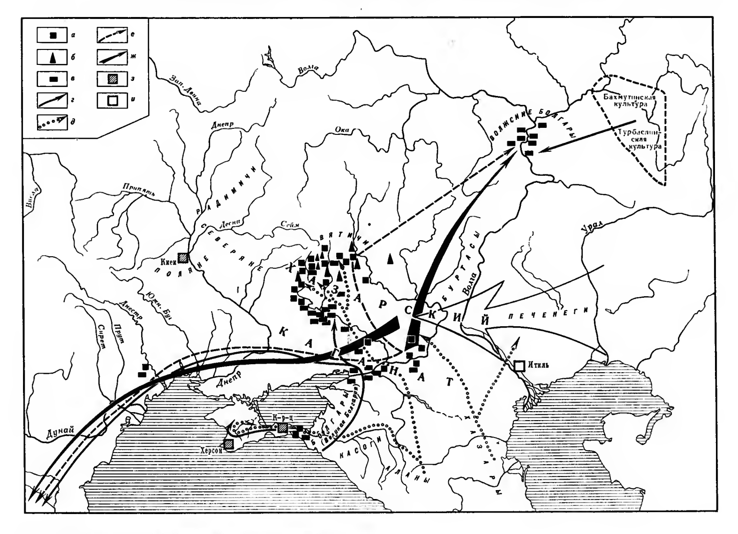

Рис. 39. Историческая карта Хазарского каганата

а — городища; *б* — катакомбные могильники; *в* — ямные могильники; *г* — перекочевка праболгар в VII в.; *д* — переселения алан, авар и хазар в VIII в.; *е* — переселения праболгар в начале IX в.; *ж* — переселения праболгар в начале X в.; *з* — русский город; *и* — предполагаемое место города Итиля. Составила С. А. Плетнева

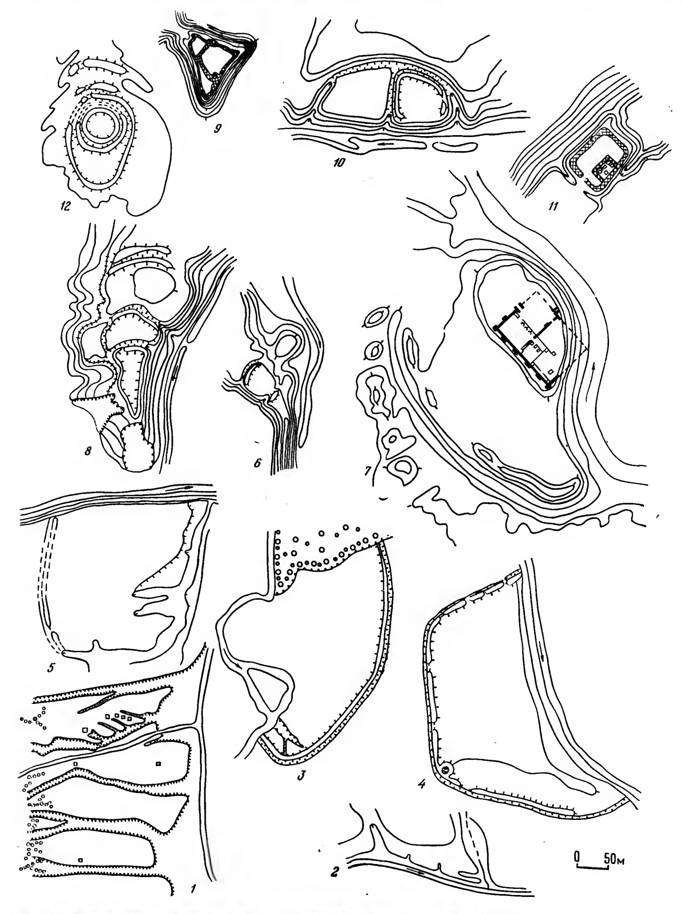

Рис. 40. Типы укрепленных и неукрепленных поселений салтово-маяцкой культуры

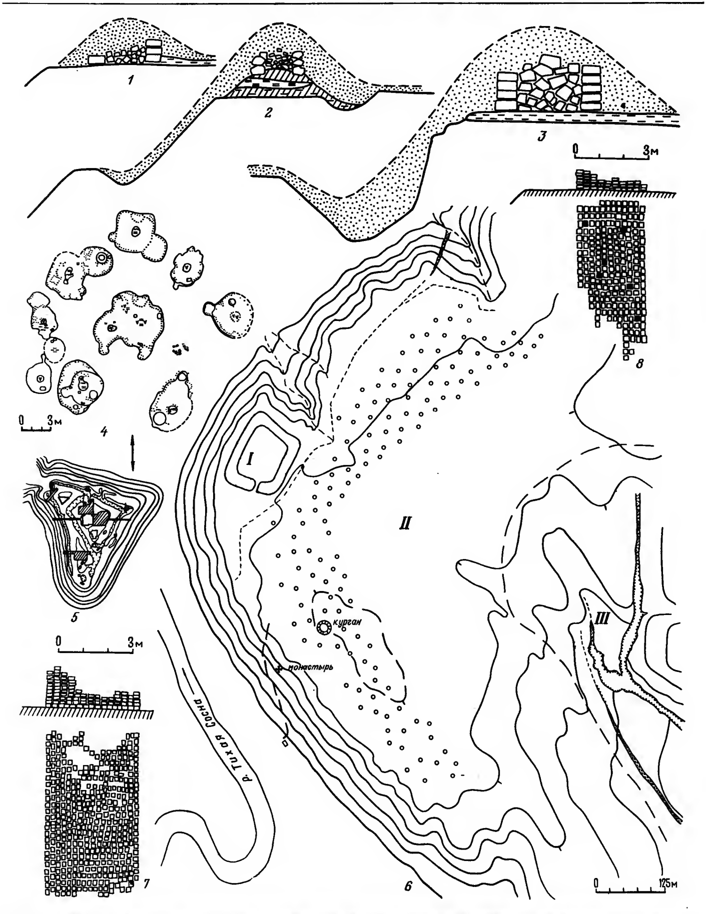

Рис. 41. Таблица кладок стен салтово-маяцких городищ; планы Правобережного Цимлянского городища с раскопами на нем и Маяцкого мыса с городищем

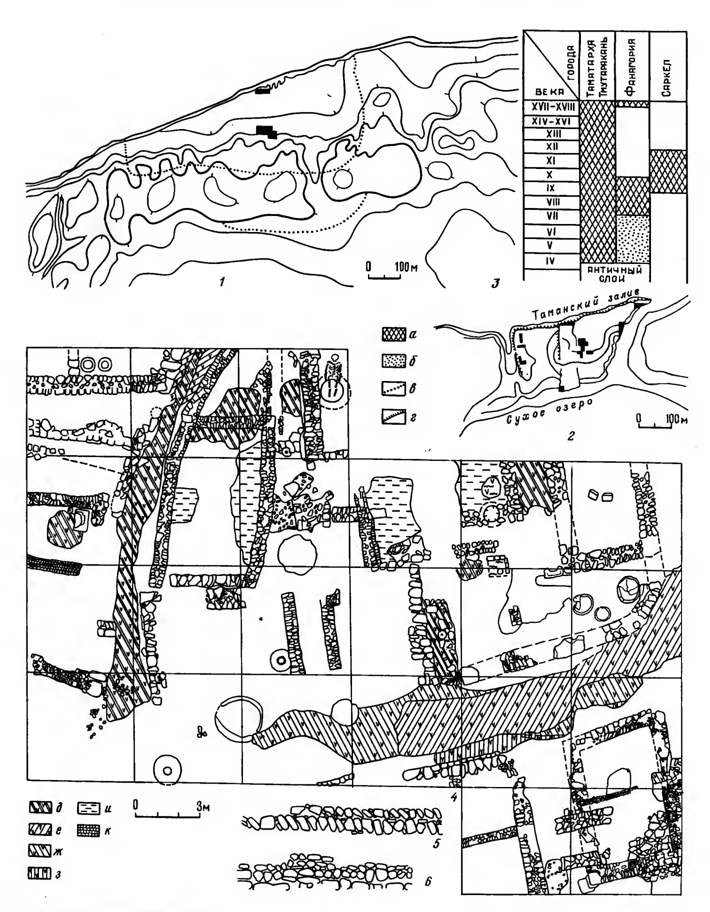

Рис. 42. Фанагория и Таматарха

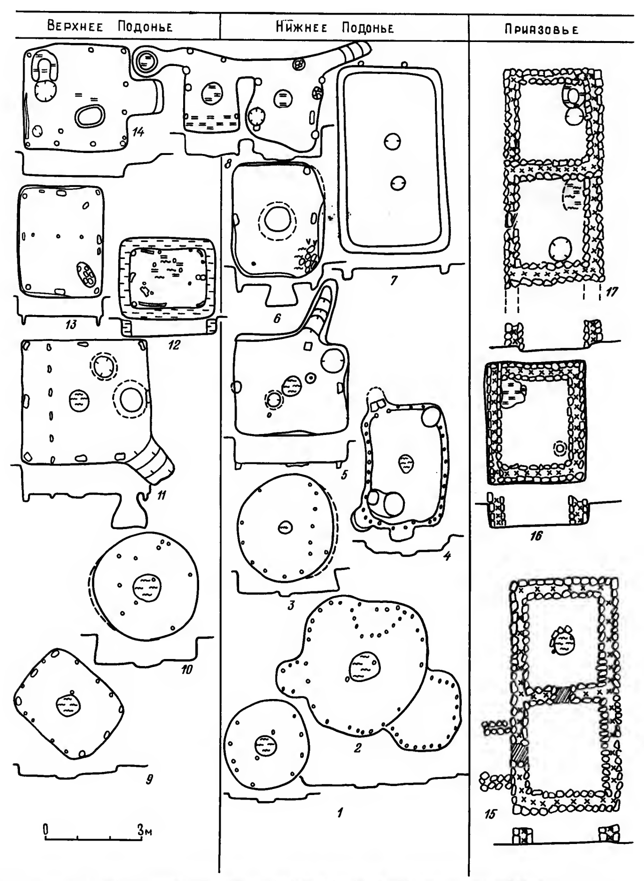

Рис. 43. Жилища разных вариантов салтово-маяцкой культуры (эволюционная таблица) (*1—17*)

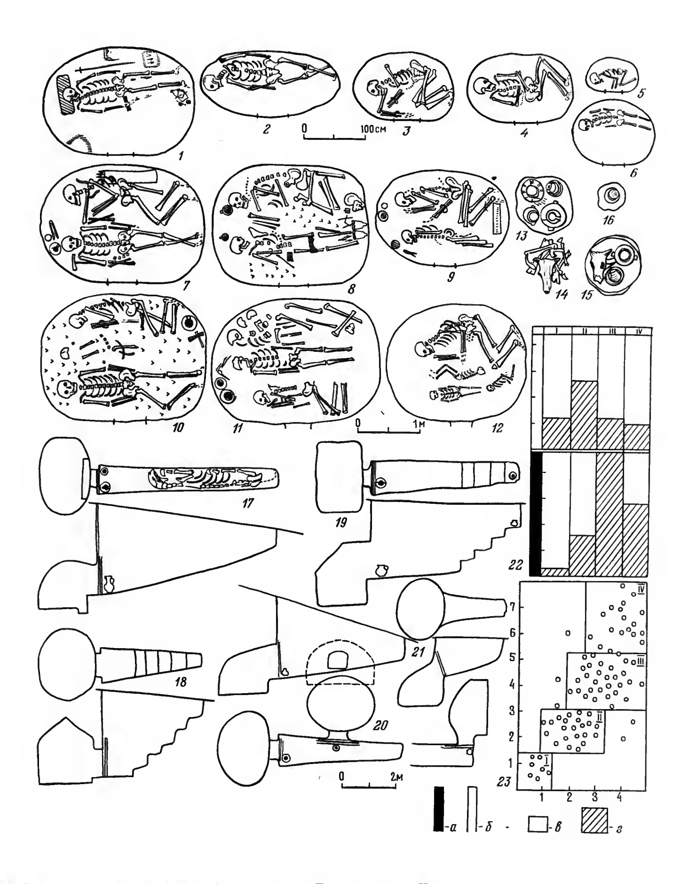

Рис. 44. Погребения в катакомбах. По материалам Дмитриевского, Нижне-Лубянского и Маяцкого могильников

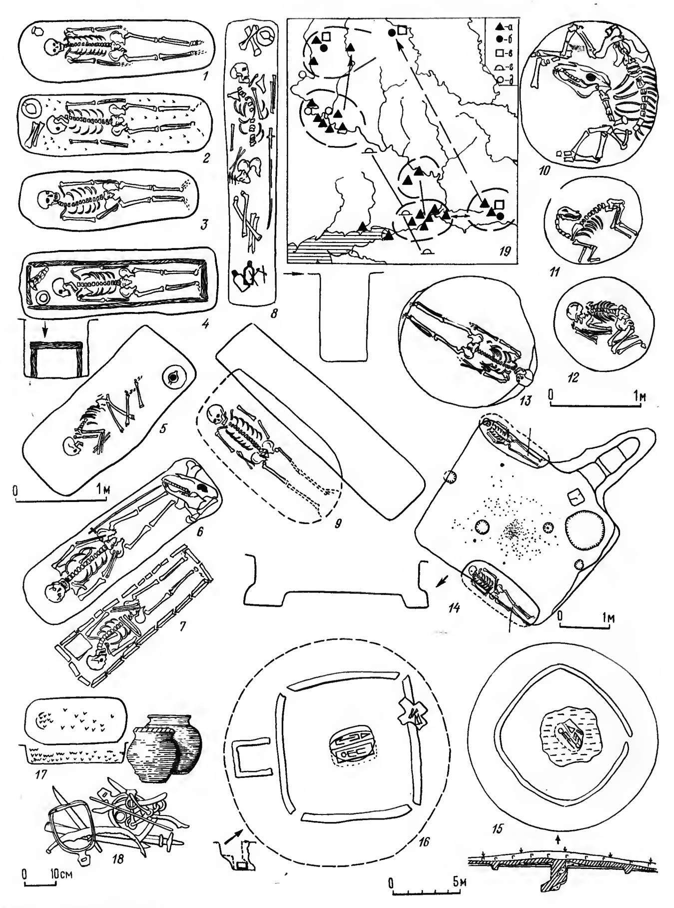

Рис. 45. Погребения в ямах

Рис. 46. Столовая глиняная и деревянная посуда салтово-маяцкой культуры. Глиняная посуда (*1—36*) — из раскопок Дмитриевского могильника, Саркела и Маяцкого; деревянная посуда (*37—43*) — из катакомб Нижне-Лубянского могильника

Рис. 47. Кухонная и бытовая посуда. По материалам Дмитриевского могильника и Саркела

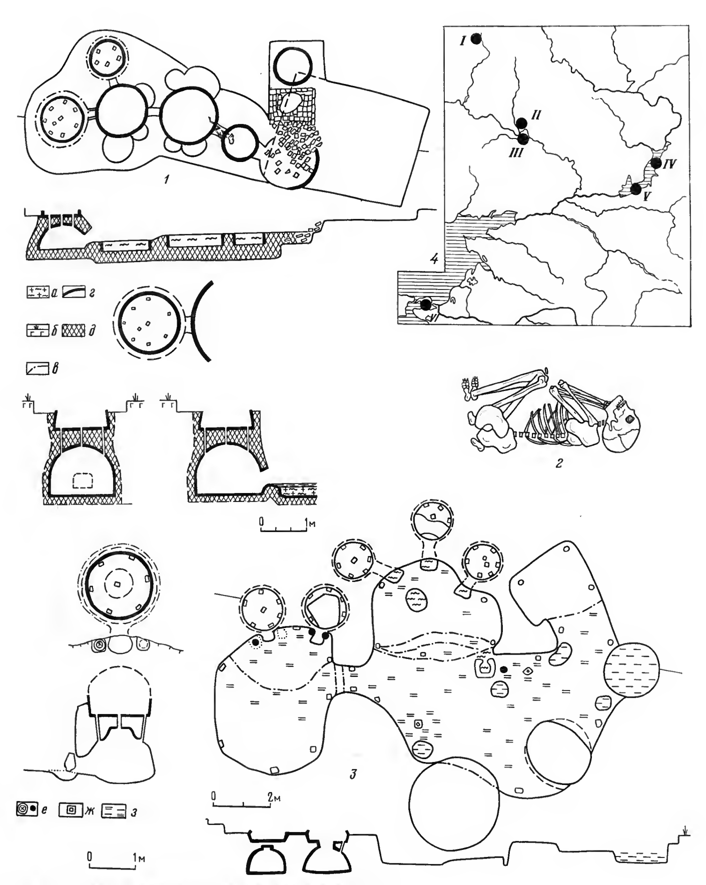

Рис. 48. Гончарные мастерские салтово-маяцкой культуры

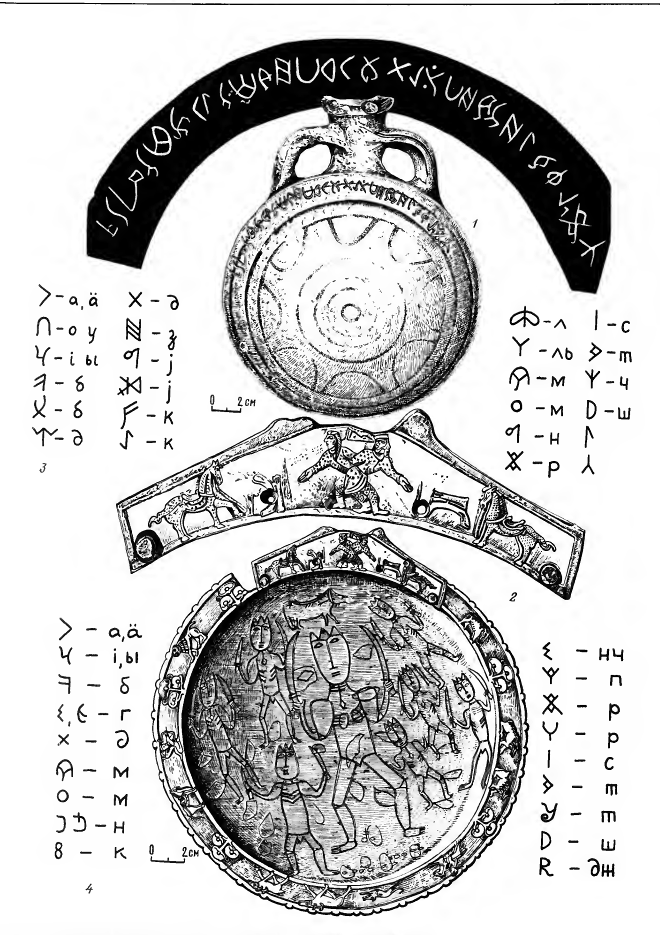

Рис. 49. Памятники письменности и торевтики Хазарского каганата

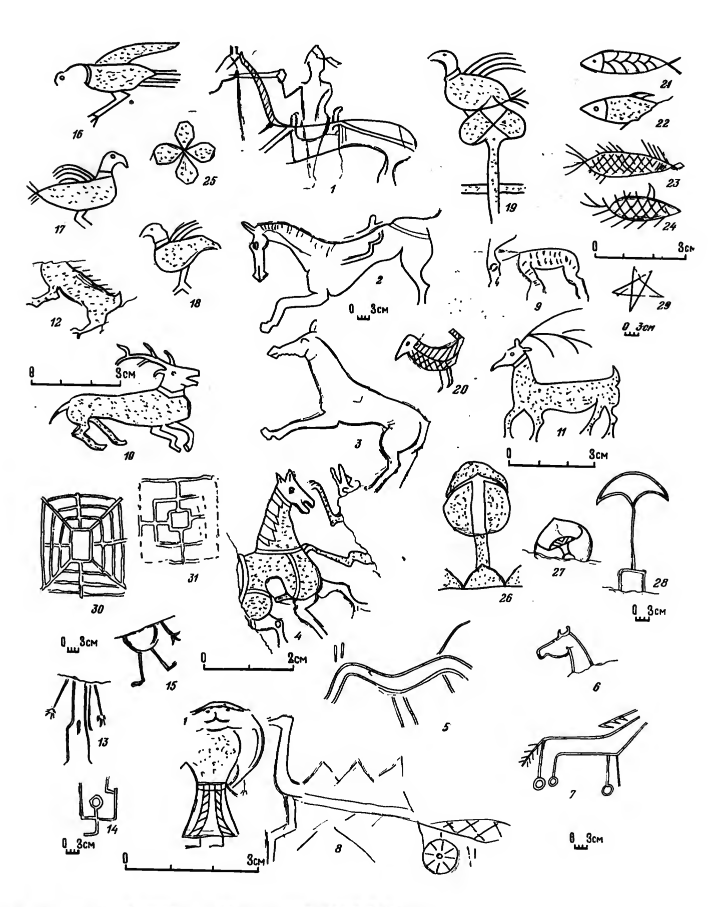

Рис. 50. Рисунки населения, создавшего салтово-маяцкую культуру

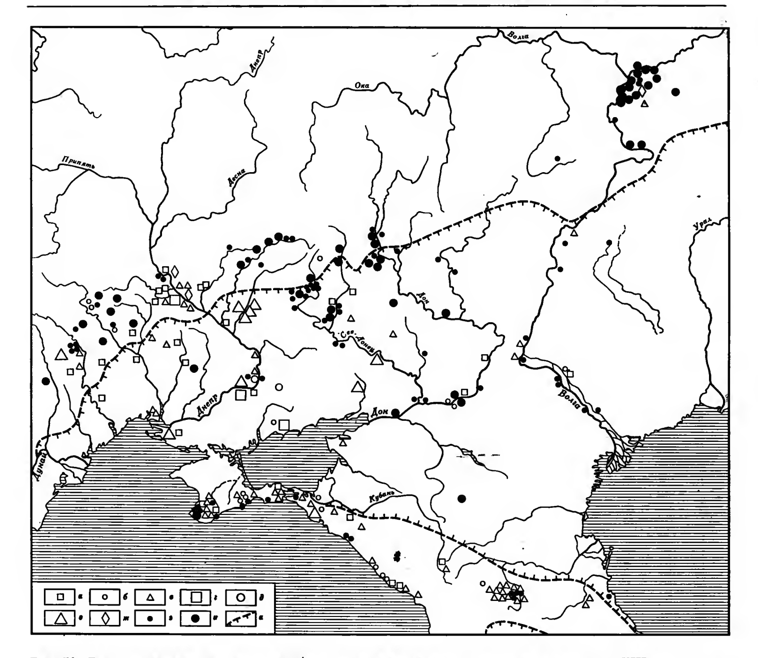

Рис. 51. Распространение монетных находок в степях и лесостепях Восточной Европы в V—XIII вв.

а — *е* — византийские монеты: а — отдельные находки XI в.; *б* — отдельные находки VIII—X вв.; *в* — отдельные находки V—VII вв.; *г* — клады XI в.; *д* — клады VIII—X вв.; *е* — клады V—VII вв.; *ж* — западноевропейские клады XI в.; *з* — отдельные находки иранских и арабских монет VIII—X вв.; *и* — клады иранских и арабских монет VIII—X вв; *к* — примерные границы лесостепи с лесом. Составил В. В. Кропоткин

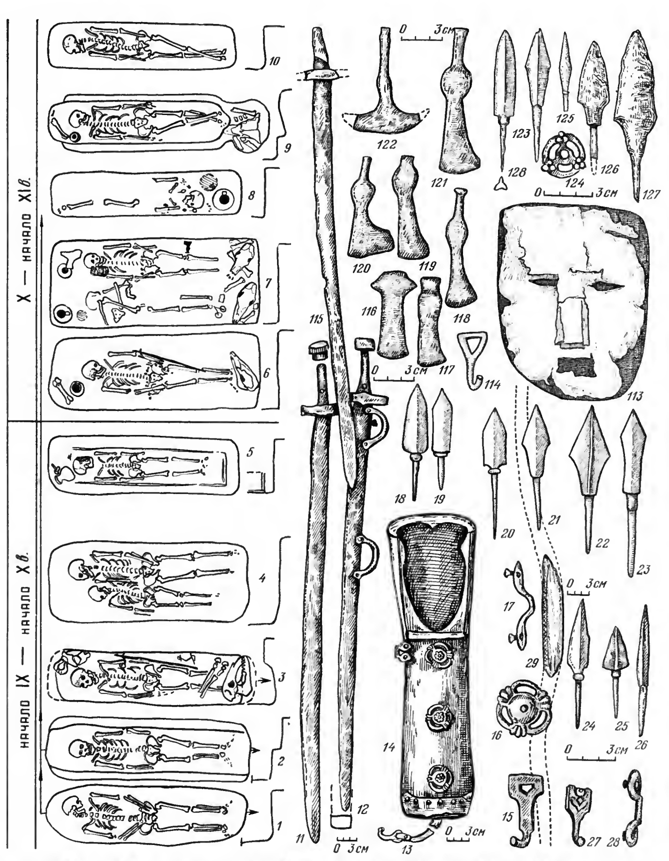

Рис. 52. Ранние болгары на Волге. Хронологическая таблица составлена по материалам Больше-Тарханского, Танкеевского и Больше-Тиганского могильников

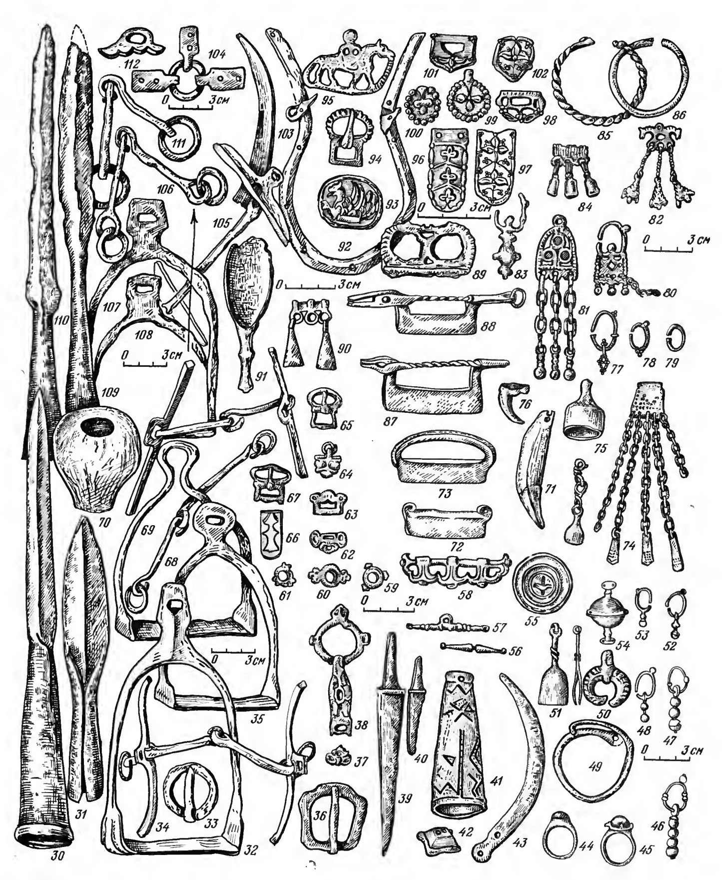

Рис. 52. (Окончание)

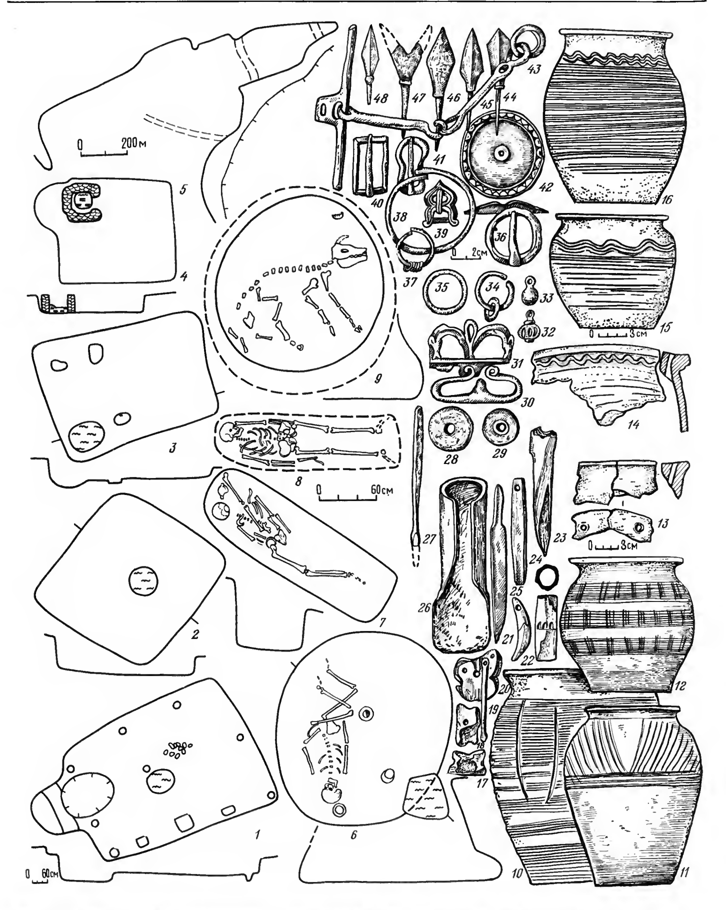

Рис. 53. Балкано-дунайская культура. По материалам раскопок поселений и могильников у с. Ханска и городища Калфа

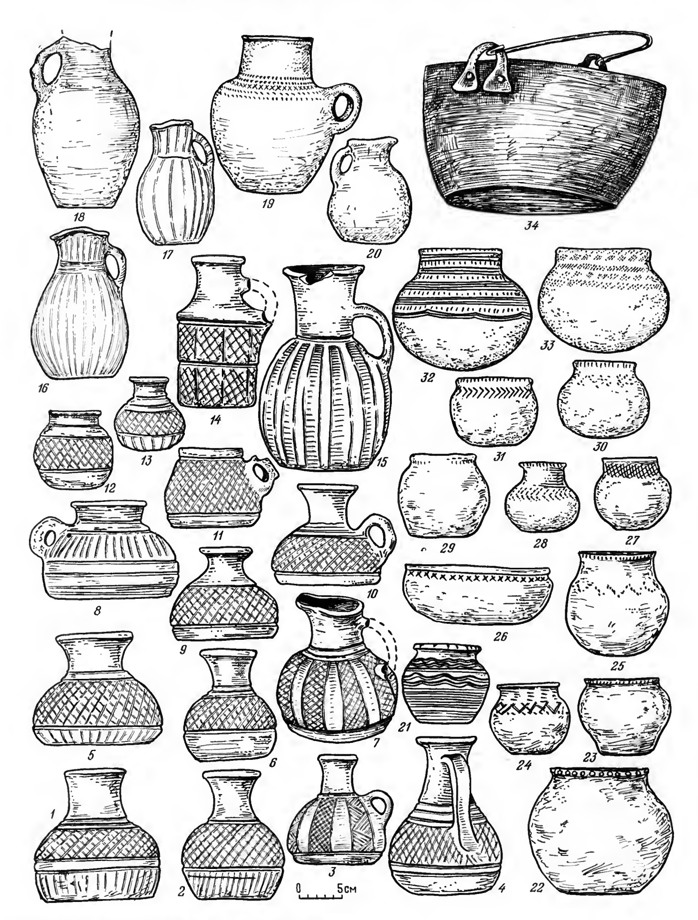

Рис. 54. Сосуды из погребений ранних болгар на Волге

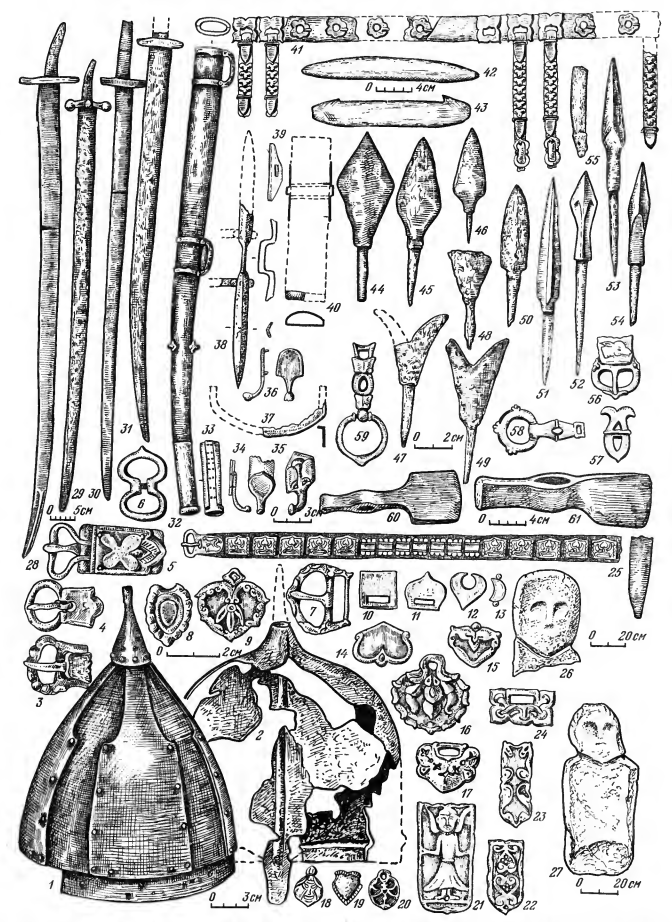

Рис. 55. Оружие и сбруя из погребений 2-го этапа караякуповской культуры. В основном по материалам из раскопок Ишимбаевского, Лагеревского, Муранаевского, Стерлитамакского и Хусаинского могильников. Привлечены материалы из Житимакской, Каранаевской, Старомусинской, Старохалиловской, I и II Бекешевских и Ямаши-Чауской курганных групп (*1—87*)

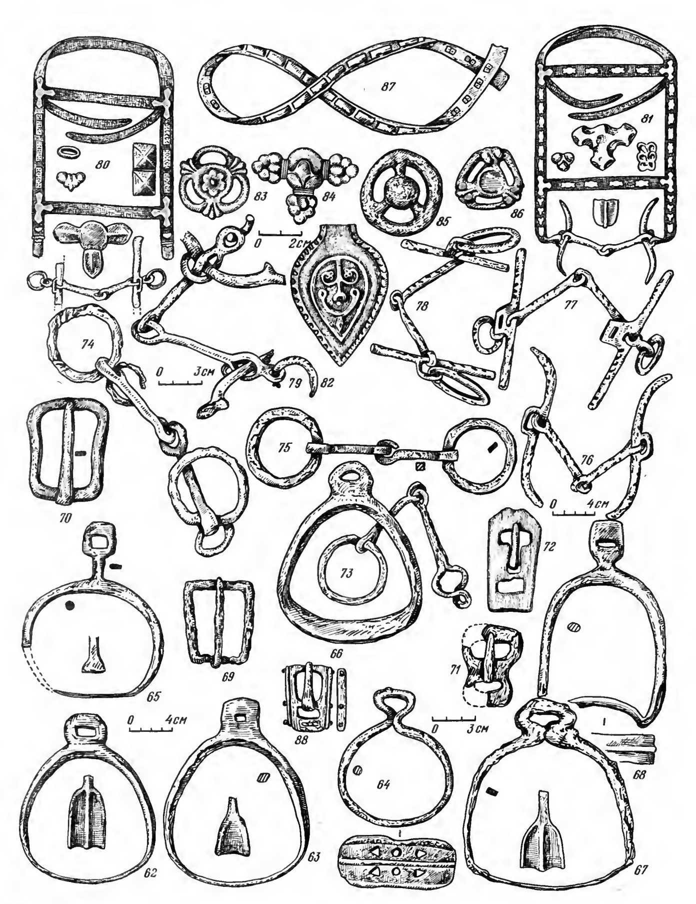

Рис. 55. (Окончание)

Рис. 56. Украшения и керамика 2-го этапа караякуповской культуры. По материалам из раскопок I и II Бекешевских, Идельбаевской, Ишимбаевской, Каранаевской, Лагеревской, Старохалиловской и Хусаиновской курганных групп (*1—57*)

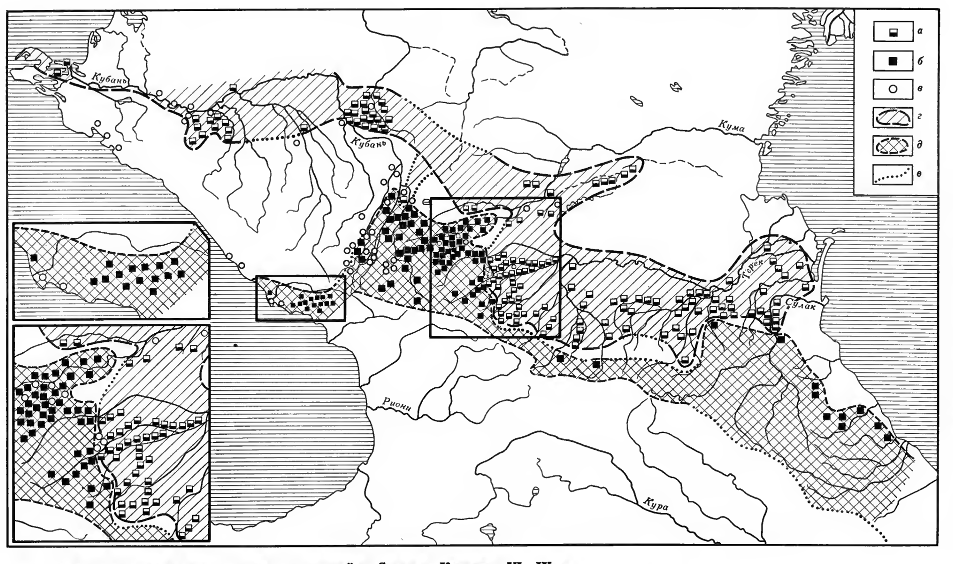

Рис. 57. Распространение различных типов поселений на Северном Кавказе в VI—IX вв.

а — городища с земляными укреплениями; *б* — городища с каменными стенами; *в* — неукрепленные поселения; *г* — область городищ с «земляными укреплениями»; *д* — область городищ с каменными стенами; *е* — предполагаемая граница.
Составила В. Б. Ковалевская

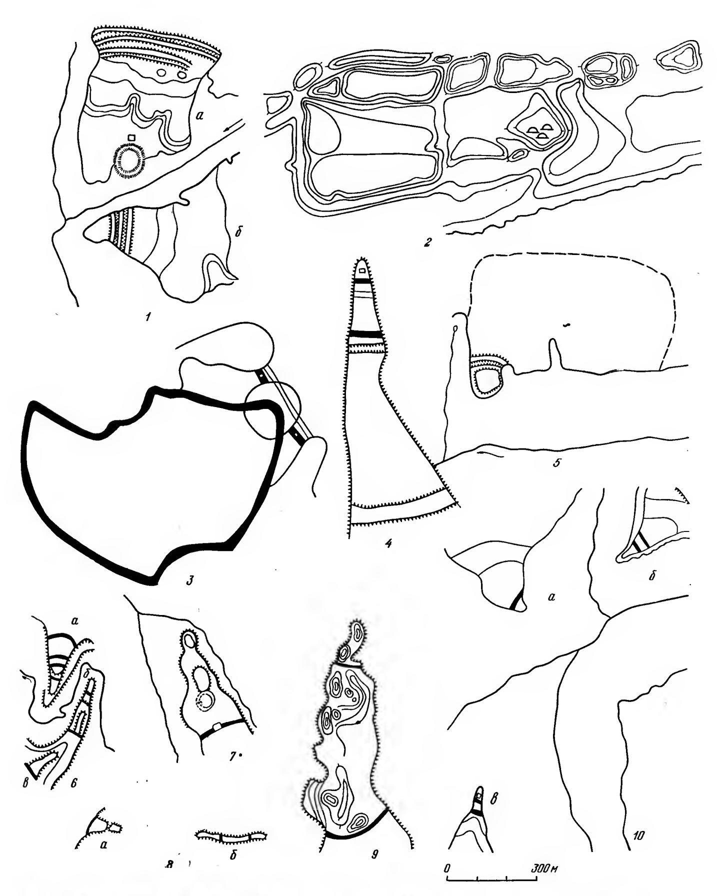

Рис. 58. Типы поселений Северного Кавказа с земляными и каменными укреплениями VI—IX вв.

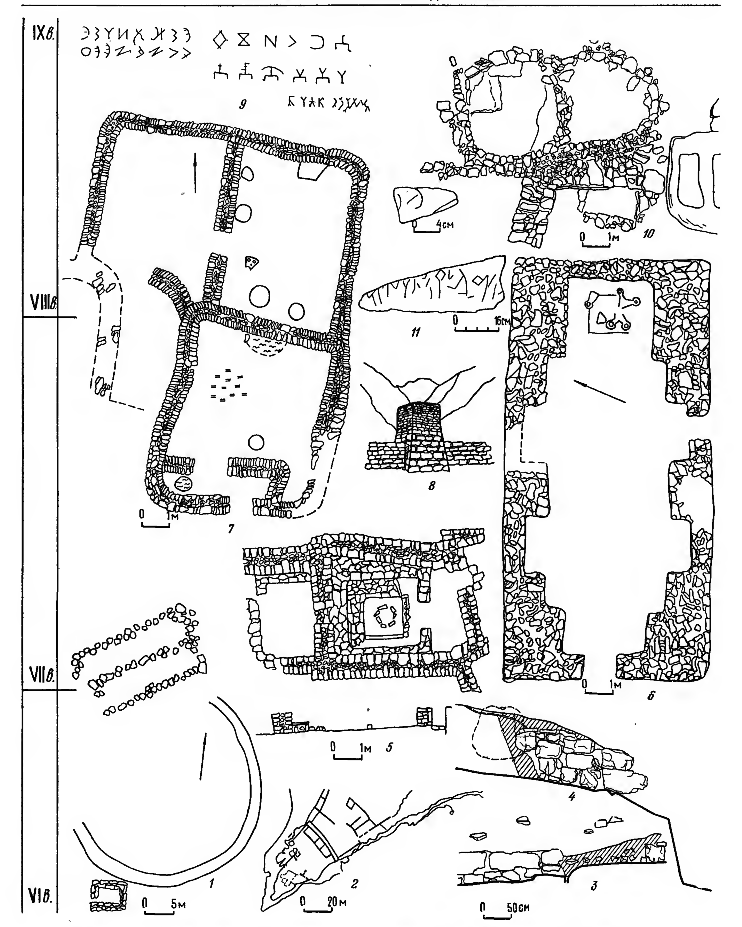

Рис. 59. Типы жилых, культовых и хозяйственных сооружений Северного Кавказа VI—IX вв.

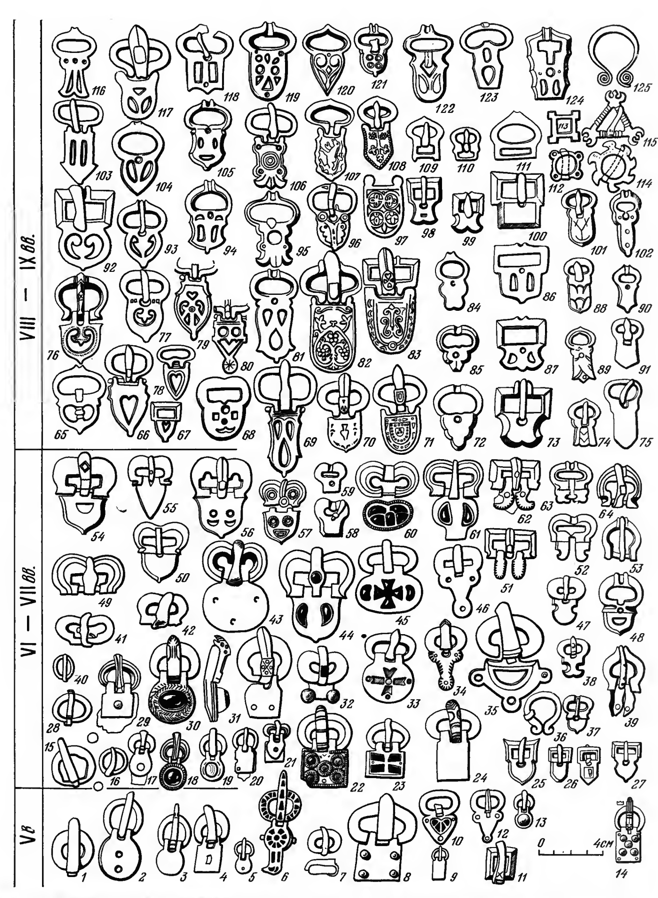

Рис. 60 Эволюционно-хронологическая таблица пряжек VI—IX вв. из северокавказских памятников

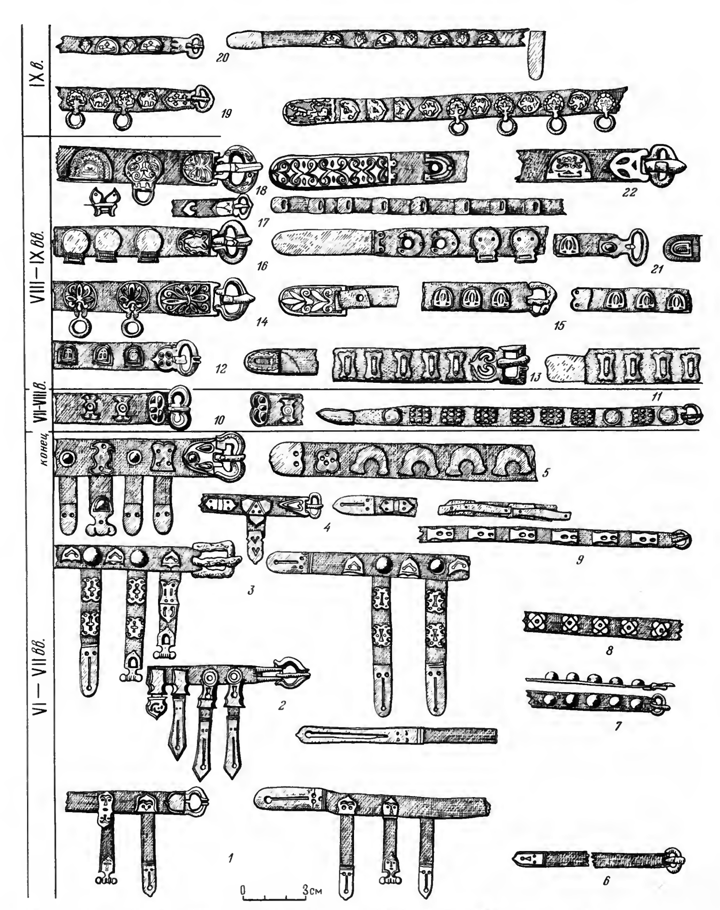

Рис. 61. Реконструкции мужских поясов (*1—5, 10—22*) и обувных ремней (*6—9*) VI—IX вв.

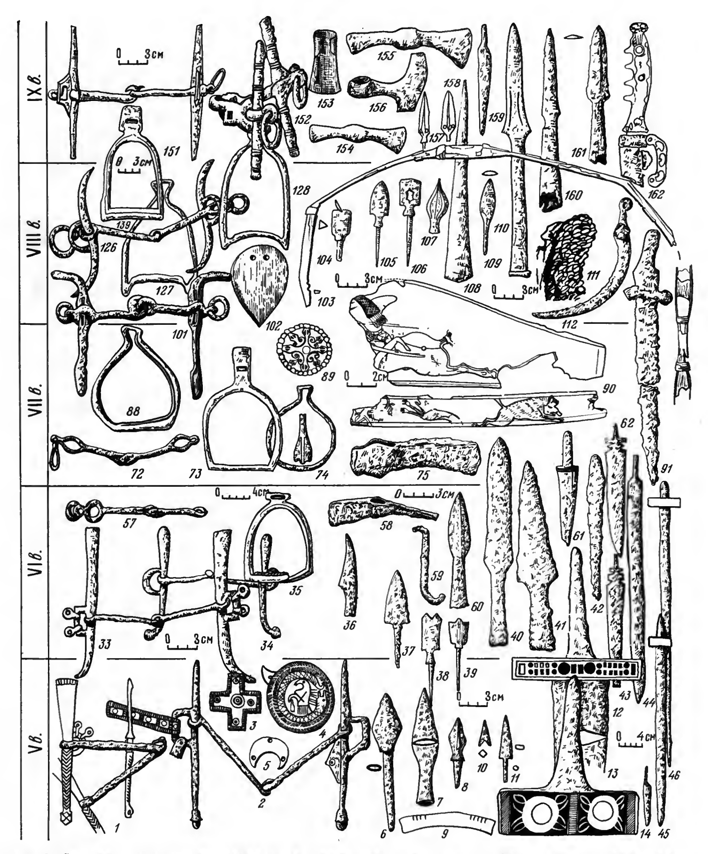

Рис. 62. Сводная хронологическая таблица северокавказских древностей V—IX вв.— конского снаряжения, оружия, украшений и стеклянной посуды. По материалам раскопок могильников Брут, у хутора Октябрьского, Гиляч, Абрау-Дюрсо, Тамгацик, Байтал-Чапкан, Узун-Кол, Агойский Аул, Борисовский, Чир-Юрт, Песчанка, Мощевая Балка, Большой Буйнакский курган, Мокрая Балка, Гоуст, Чми, Архои (*1—175*)

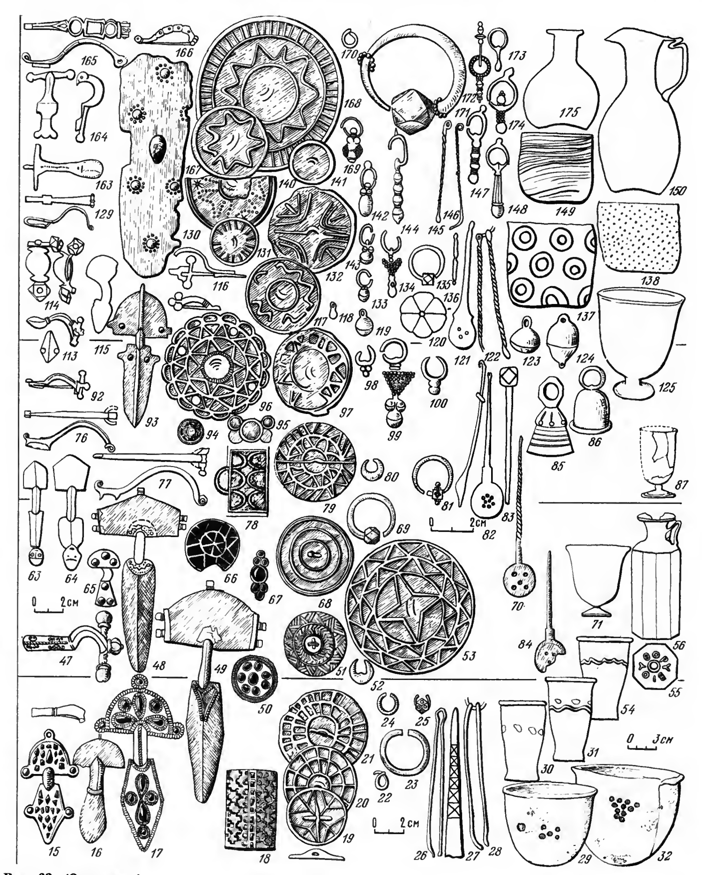

Рис. 62. (Окончание)

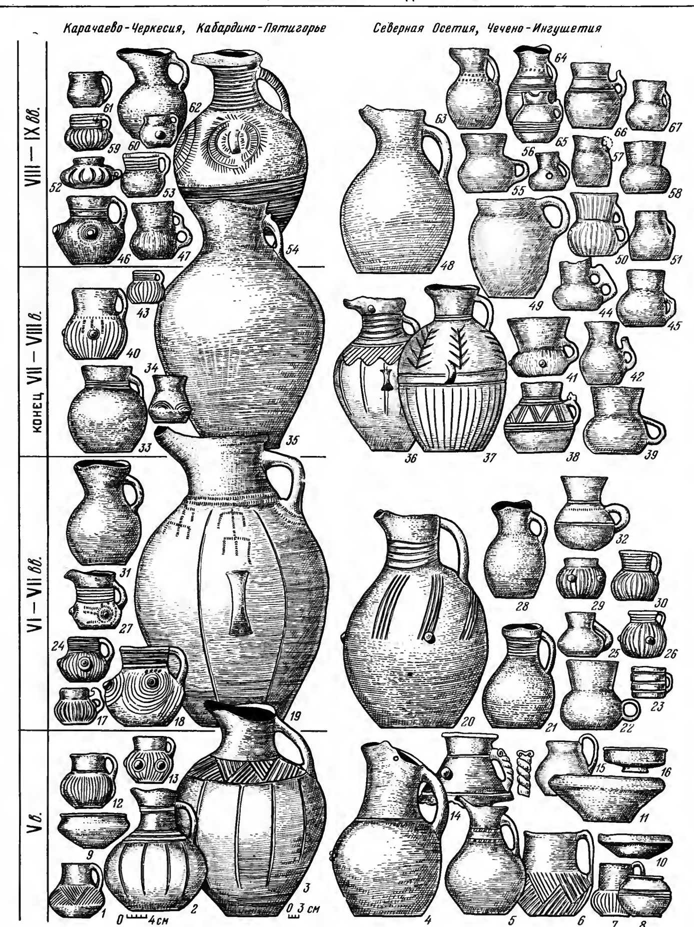

Рис. 63. Лощеная столовая керамика Центрального Предкавказья V—IX вв.

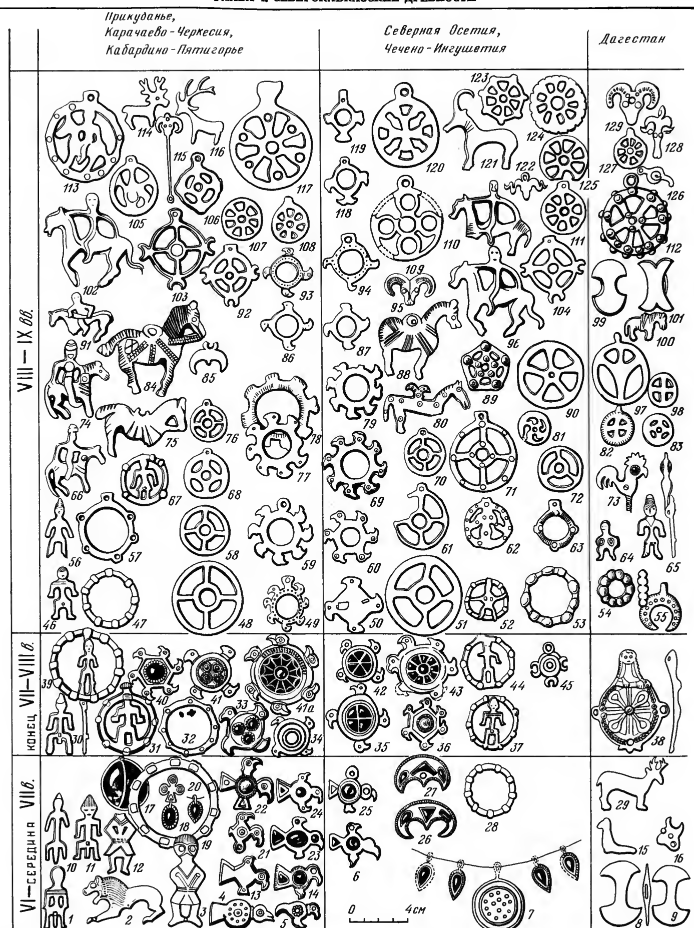

Рис. 64. Эволюционно-хронологическая таблица амулетов Северного Кавказа VI—IX вв.[1]

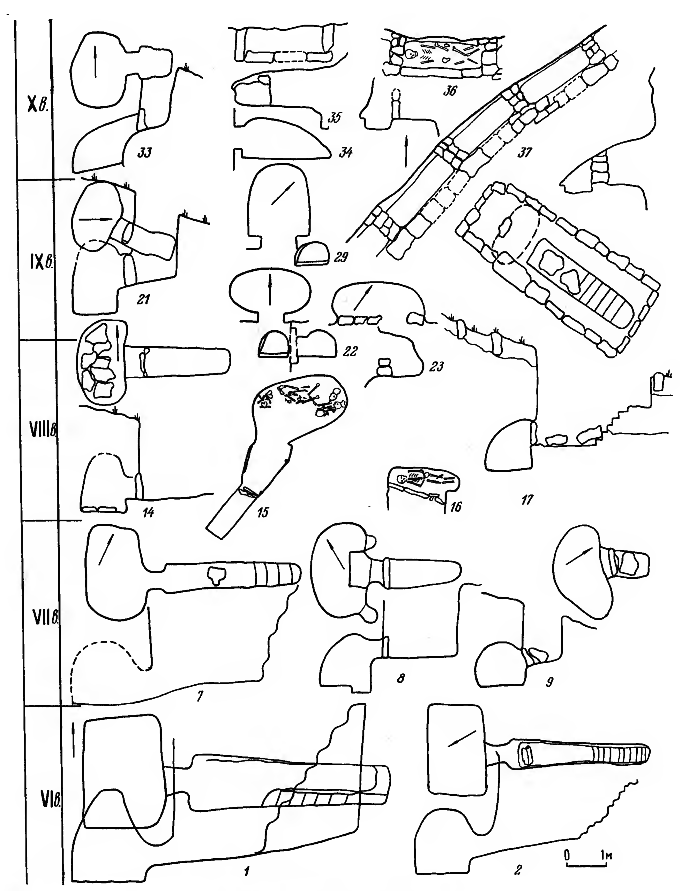

Рис. 65. Типы погребальных сооружений Северного Кавказа V—IX вв.

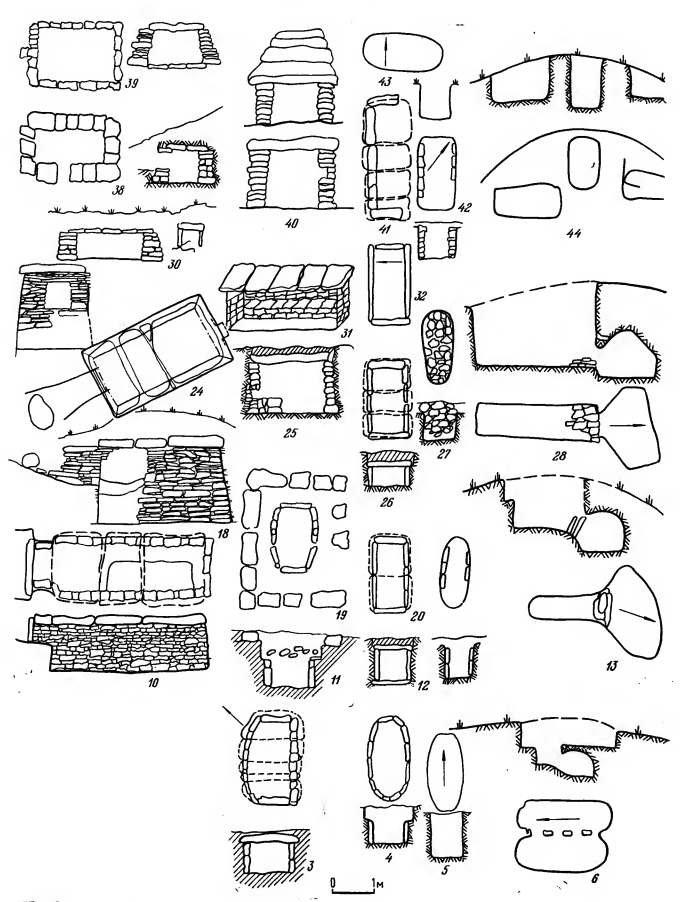

Рис. 65. (Окончание)

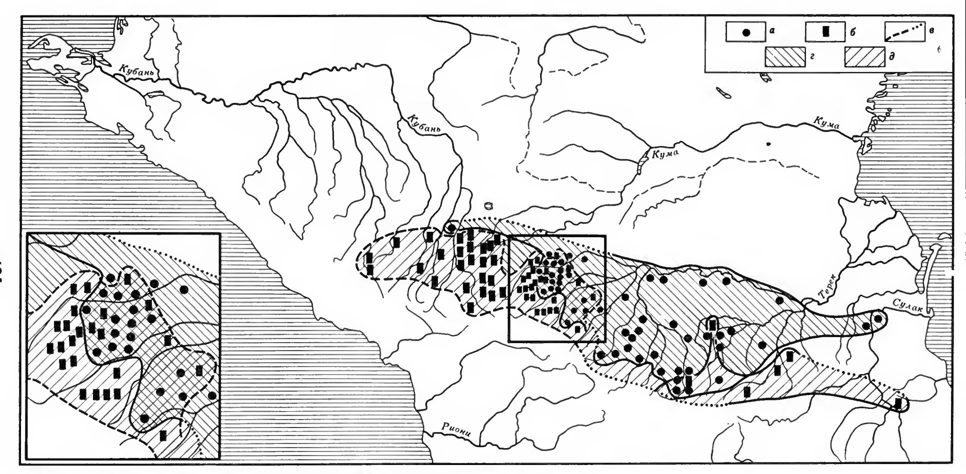

Рис. 66. Карта катакомбных и скальных захоронений VI—IX вв. на Северном Кавказе

а — катакомбы и подбои; *б* — скальные захоронения; *в* — предполагаемая граница; *г* — область распространения катакомб; *д* — область распространения скальных захоронений. Составила В. Б. Ковалевская

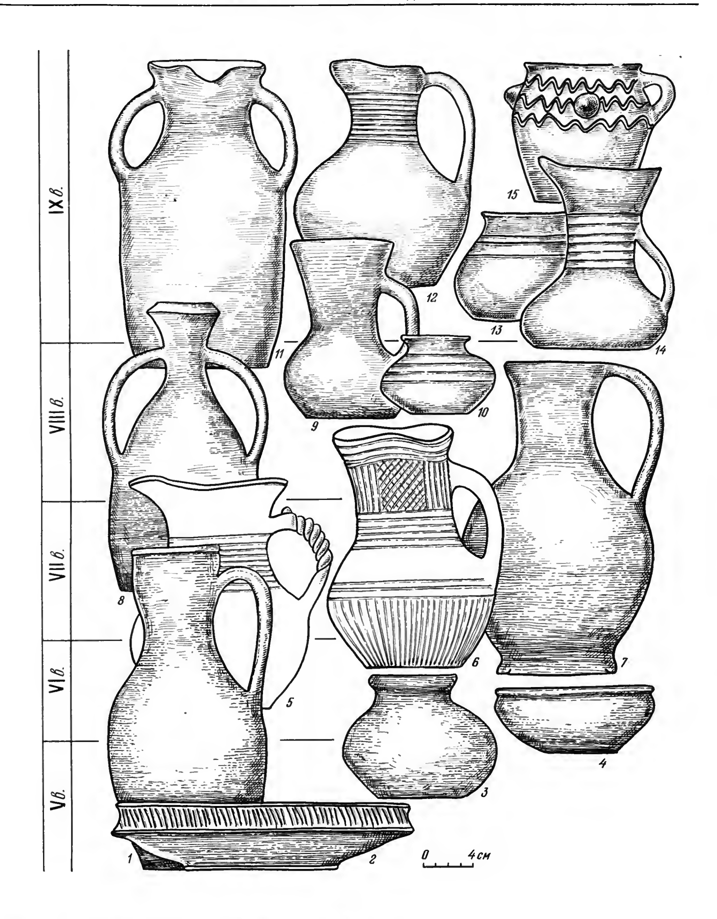

Рис. 67. Столовая керамика северо-западного Кавказа V—IX вв.

Рис. 68. Поселения Дагестана

Рис. 69. Керамика северо-восточного Кавказа V—IX вв.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Степи в эпоху развитого средневековья
(вторая половина X—первая половина XIV в.)

Глава пятая
Сибирские и среднеазиатские кочевнические древности XI—XIV вв.

Глава шестая
Волжская Болгария

Глава седьмая
Кочевники восточноевропейских степей в X—XIII вв.

Глава восьмая
Северный Кавказ в X—XIII вв.

Глава девятая
Монгольское завоевание и Золотая Орда

Глава пятая
Сибирские и среднеазиатские кочевнические древности XI—XIV вв.

В конце I и особенно в начале II тысячелетия происходят значительные перемещения кочевников азиатских степей в общем направлении с востока на запад. Тенденция движения кимаков, кипчаков, огузов на запад, юго-запад и отчасти на северо-запад наметилась уже во второй половине IX—X в. Во второй половине X в. часть кимакского объединения племен, в основном кипчаки, продвинулась к правобережью Сырдарьи, непосредственно к мусульманским областям Туркестана [Кумеков Б. Е., 1972, с. 67]. В конце X в. в результате консолидации отдельных групп племен в пределах большого кимакского объединения выделилось несколько самостоятельных племенных областей, в том числе западная — Андар-аз-кыфчак. В первой трети XI в. под ударами кочевников Центральной Азии кимакская федерация распалась, а этноним «кимаки» перестал упоминаться в источниках. Главенство в казахских степях перешло к кипчакам. В середине XI в. они вытеснили огузов из бассейна Сырдарьи [Кумеков Б. Е., 1972, с. 126]. Именно в XI в. известный таджикский писатель и путешественник Насир-и Хусрау называет приаральские степи кипчакскими [Бартольд В. В., 1968, с. 550]. В это время кипчаки захватили уже степи от Среднего Прииртышья, Центрального Казахстана к северу от Балхаша, Приаралья и Западного Казахстана до Урала и Поволжья.

В 1207 г. на народы Южной Сибири обрушилось монгольское нашествие. Большая монгольская армия под командованием сына Чингисхана Джучи покорила племена Саяно-Алтайского нагорья. В результате последующих походов были подчинены народы Средней Азии и Казахстана.

В 1218 г. население Саяно-Алтайского нагорья восстало против монгольского ига. Основную силу восставших составляли туматы Тувы и древние хакасы. Однако Джучи удалось разбить и вновь покорить повстанцев. Саяно-Алтайское нагорье было включено в состав улуса Джучи, столица которого находилась на Иртыше [Рашид ад-Дин, 1960, с. 78]. После смерти Джучи в 1227 г. Саяно-Алтайское нагорье отошло к коренному улусу великого хана Тулуя, младшего сына Чингисхана, а затем оказалось в подчинении Юаньской империи Хубилая. В 1273 г. народы Саяно-Алтайского нагорья снова восстали, изгнали наместника Хубилая и в течение 20 лет, до 1293 г., управлялись своими князьями. Однако в 1293 г. древние хакасы и другие союзные им племена были разбиты монгольской армией под командованием кипчака Тутуха и снова оказались под монгольским господством. Саяно-Алтайское нагорье вошло в состав Юаньской провинции Лин-бей. С целью ослабить местные племена юаньские власти выселили часть населения и организовали здесь военные поселения из насильственно переселенных на Саяно-Алтай кыргызов Центральной Азии, сохранявших верность Юаньской династии [Кызласов Л. Р., 1965в, с. 59—61]. В 1309 г. наместник Лин-бея предлагал устроить военно-пахотные поселения на северной стороне Алтая [Потапов Л. П., 1953, с. 106].

Политическая история населения Саяно-Алтайского нагорья в XIV в. слабо освещена письменными источниками. Внутренние противоречия и междоусобная борьба потомков Чингисидов вели к ослаблению и распаду Монгольской империи. В 1368 г. была ликвидирована династия Юань и на месте бывшей Монгольской империи возник ряд мелких феодальных княжеств.

Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X—XII вв.

Перемещения значительных масс населения, откочевка их в другие районы в конце X — начале XI в. отразились на количестве и культурной принадлежности археологических памятников отдельных районов. Уничтожение кимакской федерации и миграция кимаков на запад совпадают с резким уменьшением числа кимакских памятников XI—XII вв. в районе Верхнего и части Среднего Прииртышья с прилежащими степями предгорий Алтая по сравнению с числом памятников в этих районах в IX—X вв. Происходят изменения в характере культуры населения. По всей территории степи распространяются однотипные ведущие категории вещей: плоские наконечники стрел, удила с большими кольцами, стремена с отверстием в дужке, другие предметы из орудий труда, оружия и конского снаряжения, облик которых в основном стандартизируется к XIII—XIV вв. В погребальном обряде происходит замена на обширной территории степей Евразии восточной и северо-восточной ориентировки погребенных, характерной для VIII—X вв., на северную и северо-западную.

Памятники XI—XII вв. кочевников степей юга Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии пока слабо выявлены и недостаточно изучены. Они малочисленны, разбросаны по большой территории, и каждый памятник в отдельности имеет ряд своеобразных черт, обусловленных этнической спецификой населения локальных районов (рис. 70).

В горном Алтае памятников XI—XII вв. известно очень мало. К этому периоду здесь относятся погребение с конем на р. Чарыш, вскрытое в 1826 г. К. Ф. Ледебуром [Ledebour K. F., 1829—1830; Atlas, 1829; Уманский А. П., 1964], и погребение девочки на могильнике Узунтал VIII, раскопанное в 1971 г. Д. Г. Савиновым [1972б, с. 287]. В деталях погре-

бального обряда, в частности инвентаре, этих памятников сохраняются традиции предшествующего периода. Курган, раскопанный К. Ф. Ледебуром, представлял собой оградку из вертикально стоявших шиферных плит, засыпанную внутри камнями. Могильная яма оказалась разграбленной. На дне были найдены разбросанные кости человека. Выше них лежали череп и кости коня, около которых найдены железные удила с псалиями и железные стремена со слегка заостренной расплющенной дужкой. К этому погребению, вероятно, относятся также костяной седельный кант с циркульным орнаментом, костяная пряжка с заостренной головкой и костяным язычком, напоминающая пряжки сросткинской культуры, а также костяной втульчатый наконечник стрелы [Уманский А. П., 1964, с. 36, 44]. Такие костяные наконечники стрел изредка встречаются в памятниках кочевников горного Алтая и его степных предгорий VIII—X вв. [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941, рис. 62]. Характер погребального сооружения этого памятника не совсем ясен. Как считает А. П. Уманский, это погребение, возможно, является вторичным в более ранней оградке с трупосожжением. Очевидно, здесь погребение с конем впущено в поминальную оградку VI—VIII вв. Более высокое сравнительно с захоронением человека расположение костей коня обусловлено размещением коня на приступке, подобно тюркским погребениям второй половины I тысячелетия н. э. в этом же районе [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941, рис. 43; Гаврилова А. А., 1965, с. 28, 61; Могильников В. А., 1976, с. 17]. Датировка погребения XI—XII вв. определяется удилами, аналогичными хакасским XI—XII вв. [Кызласов Л. Р., 1969, табл. III, *99*).

Погребение девочки на могильнике Узунтал VIII находилось в каменном ящике, сложенном почти на уровне древнего горизонта из плит, вертикально поставленных на ребро. Оно было перекрыто маленьким плоским каменным курганом. Девочка была погребена на спине, в вытянутом положении, головой на север. Инвентарь (бронзовый колокольчик, бусы, железный нож, обломок бронзового зеркала, раковины каури, костяная пронизка) датирует погребение XI—XII вв.

К тюркоязычным кочевникам горного Алтая и его степных предгорий, зашедшим далеко на север и испытавшим некоторое влияние местного лесного самодийского населения и ассимилировавшим его, относятся, как уже говорилось в главе 2, памятники сросткинской культуры, продолжавшей развиваться здесь вплоть до монгольского нашествия. К ним в первую очередь относятся Басандайка, Еловский и Осинковский могильники. Могильник Еловка I расположен на левобережье Оби, на юге Томской области [Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970]. Здесь исследовано семь погребений в шести курганах с земляными насыпями, пять из которых были впускными в курганы эпохи бронзы. Это обстоятельство может быть косвенным свидетельством того, что группа пришла сюда недавно и, не имея еще своего могильника, использовала чужие древние насыпи. В погребальном обряде населения Еловского могильника XI—XII вв. ярко выступают детали, характерные для ритуала алтайских тюрок VI—X вв. Покойники уложены в неглубокие могильные ямы на спине, в вытянутом положении, головой на север, с отклонениями от северо-западного до северо-восточного направления. Четыре погребения сопровождались захоронениями коней: в парном погребении было две лошади, в одиночных — по одной. Два женских и детское захоронения были без лошадей. В трех курганах скелеты коней располагались в углублениях на дне могильных ям, врезавшихся в грунт на 0,25—0,50 м ниже уровня захоронения человека (рис. 71, *1*, *2*). В одном случае лошадь была уложена на ступеньке, возвышавшейся на 0,25 м над захоронением человека. В могилах лошади отделялись от покойников перегородкой из горизонтально положенного бревна, функционально напоминающей деревянные перегородки в курганах тюрков горного Алтая VII—VIII вв. и VIII—X вв. [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941, рис. 43]. Погребенные были уложены на берестяную подстилку и сверху перекрыты берестой или горбылями. В кургане 1 имелась обкладка могилы в форме сруба в два венца. Такое устройство погребальной камеры напоминает деревянные обкладки могил сросткинской культуры в районах Восточного Казахстана (курган 3 у Березовского совхоза) [Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959, рис. 1].

Итак, в целом обряд погребения с взнузданным и оседланным конем сближает погребения Еловского могильника с погребением, раскопанным К. Ф. Ледебуром на Чарыше, и другими тюркскими могилами. Отличает их от последних наличие берестяных подстилок и перекрытий, а также присутствие в погребении кургана 7 круглодонного чашевидного сосуда, украшенного пояском ямок и насечек вдоль венчика (рис. 71, *10*). И берестяные подстилки, и сосуды этого типа характерны для лесного самодийского населения средней Оби, на территорию которого проникла группа тюркоязычного населения и, очевидно, вступила с ним в тесные контакты.

Типичным памятником смешивающегося тюркского и самодийского населения XI—XII вв. является Осинковский грунтовый могильник в предгорьях Алтая, расположенный на правом берегу р. Оби, вблизи д. Камышенки, между Барнаулом и Бийском [Савинов Д. Г., 1971а, б]. На нем вскрыто 77 погребений, большинство которых принадлежит к XI—XII вв. и только несколько относится к VIII—IX вв. и монгольскому времени. Погребенные лежали в неглубоких ямах на спине, в вытянутом положении, головой на север и северо-запад, в деревянных рамах с продольным или поперечным перекрытием. Покойников сопровождал многочисленный инвентарь: железные и костяные наконечники стрел, сложные луки, от которых сохранились костяные накладки, копья, кинжалы, ножи, тесла. В погребениях были найдены также пряжки и наборы блях от поясов, обломки зеркал, бусы из сердолика, халцедона, лазурита, серьги различных типов, детские игрушки, керамика и т. д. Встречены остатки женской одежды с нагрудником, богато украшенным бисером, перламутром, бусами из сердолика. В некоторых могилах находились сопроводительные захоронения собак и своеобразные браслеты из собачьих челюстей на ногах покойников [Савинов Д. Г., 1971а, с. 306]. Следует заметить, что сопроводительные захоронения собак неоднократно представлены

в памятниках тюркоязычного населения горного Алтая и кимаков Прииртышья VIII—X вв. [Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941, с. 97; Арсланова Ф. Х., 1969, с. 45, 49; Уманский А. П., 1970, с. 72]. Однако эта черта ритуала не является исключительно тюркской и нередко встречается в памятниках других этнических групп [Толстов С. П., 1935, с. 93; Чернецов В. Н., 1959, с. 147]. В Осинковском могильнике впервые для этого времени зафиксирована искусственная деформация черепов. По наличию своеобразной керамики, костяных наконечников стрел, отдельным деталям погребального обряда можно считать, что могильник принадлежал тюркизированному самодийскому населению Верхнего Приобья. К тюркским, южным элементам здесь относятся конское снаряжение, детали поясных наборов, железные наконечники стрел. В то же время отсутствие курганных насыпей и некоторые другие особенности погребального обряда и сопровождающего инвентаря отличают Осинковский могильник от Еловского и погребений на Чарыше и Узунтале VIII. Это не позволяет считать перечисленные памятники принадлежащими одной чисто тюркской этнокультурной группе.

Население, оставившее сросткинскую культуру, стало основой в формировании тюркоязычного населения западносибирской лесостепи, так же как кимако-кипчакские племена сыграли основную роль в образовании казахского народа.

К памятникам тюркоязычного населения Саяно-Алтая XI—XII вв. относится оригинальное погребение Л в Хушот-Худжиртэ в Монголии [Евтюхова Л. А., 1957, с. 217—220]. Основанием для датировки этого погребения служат удлиненные накладки со шпеньками [Евтюхова Л. А., 1957, рис. 13, *4*], имеющие аналогии в памятниках XI—XII вв. [Кызласов Л. Р., 1969, табл. III, *115*]. Захоронение в Хушот-Худжиртэ было совершено под четырехугольной каменной выкладкой размером 3,6×2,3 м в могильной яме. Погребенный лежал в гробу, выложенном войлоком, на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Параллельно ему, слева, с той же ориентировкой лежали голова и конечности коня. Инвентарь сравнительно немногочислен. На локте левой руки погребенного находился железный нож с деревянной ручкой в деревянных ножнах. Сохранились также большие куски одежды из шелковой ткани на подкладке из шелковой тафты. От узды в зубах коня сохранились двусоставные железные удила с большими кольцами [Евтюхова Л. А., 1957, рис. 13, *14*], а от седла — стремя с дужкой, в которой прорезана прямоугольная петля для ремня [Евтюхова Л. А., 1957, рис. 13, *13*], костяная подпружная пряжка с двумя прорезями и железным язычком, конструктивно близкая пряжкам такого типа монгольского времени [Евтюхова Л. А., 1957, рис. 13, *11*], железные седельные кольца для приторачивания [Евтюхова Л. А., 1957, рис. 13, *6*], которые появились в IX–X вв. [Кызласов Л. Р., 1960 г., рис. 6, *9*] и продолжали использоваться вплоть до XIV в. [Максимова А. Г., 1965, табл. II, *10*]. От сбруи сохранились также круглые небольшие железные пряжки, кусок ремня с бронзовыми бляшками [Евтюхова Л. А., 1957, рис. 13, *12*] и несколько бронзовых бляшек.

Погребения с костями конечностей и головой (чучелом) коня на Саяно-Алтае и прилежащей территории малочисленны. Самое раннее погребение с костями конечностей лошади относится к VIII—IX вв. (Овюр, курган 22) [Грач А. Д., 1968а, с. 106—107]. Захоронения с головой и конечностями лошади встречаются в кимакских погребениях IX—X вв. степных предгорий северо-западного Алтая (Гилево V, Корболиха VII). В XI—XII вв., кроме Хушот-Худжиртэ, они известны в лесном Среднем Приобье, на Басандайке, в районе Томска [Басандайка, 1947, табл. 31; 38; 42]. В основном все это богатые разнообразным инвентарем погребения.

Обряд погребения с чучелом коня в среде тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая появился в последних веках I тысячелетия н. э. и сосуществовал с погребениями, сопровождавшимися целой тушей коня. Возможно, что погребения с головой и конечностями коня, расположенные в близких территориально районах, принадлежат одной или близкородственным этническим тюркоязычным группам.

Курганы кипчаков XI—XII вв. исследованы в Среднем Прииртышье, в северо-восточном Казахстане. К этому времени здесь относятся могильники Качирский II, Леонтьевский и часть погребений Ждановского [Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959, с. 54—56; Арсланова Ф. Х., 1963б, 1968]. Для погребального ритуала типичны основные захоронения под земляными курганами диаметром 6—25 м и высотой 0,5—1,2 м с небольшими ровиками или углублениями у основания. В насыпях находятся остатки кострищ в виде древесного угля, обгоревших бревен и прокаленной земли. Под насыпями находится одно основное, реже — несколько погребений. Возможно, что в обычае размещения под одной насыпью нескольких погребений сохраняются традиции предшествующего периода VIII—X вв., когда ритуал помещения под одной насыпью нескольких могил был распространен в памятниках сросткинской культуры, а также у кимаков Среднего и Верхнего Прииртышья (Бобровский, Трофимовский, Зевакинский могильники и др.) [Арсланова Ф. Х., 1963; Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г., 1973, табл. I; Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959, с. 45—47]. Погребенных хоронили на спине, в вытянутом положении, в прямоугольных грунтовых ямах без захоронений коня. В некоторых могилах находятся отдельные его части — голень, ребро [Арсланова Ф. Х., 1968, с. 111], а также остатки сбруи. Внутримогильные сооружения представлены деревянными ящиками из плах без дна и долблеными колодами. Сверху ящики и колоды накрывали плахами. В одном случае (Ждановский могильник, курган 30) колода была перевернута вверх дном. В некоторых случаях перекрытия из плах уложены поперек могилы на заплечики в придонной части ямы (рис. 72, *1*, *9*). Дважды в курганах Ждановского могильника захоронения произведены в подбоях, устроенных в северных стенках могил и отгороженных от входных ям вертикально поставленными бревнышками (рис. 72, *3*, *11*) [Арсланова Ф. Х., 1936б, табл. II]. В Среднем Прииртышье и Верхнем Приобье обряд захоронения в подбоях также существует с VIII—IX вв., где он представлен в могильниках Бобровском [Арсланова Ф. Х., 1963а, рис. 4] и Камень II, курган 13.

Ориентировка погребенных неустойчива. Преобладает расположение костяков головой на запад с отклонениями. Кроме того, есть захоронения, направленные головой на север и юг.

Мужские и женские погребения различаются по составу сопровождающего инвентаря. Мужчин хоронили с оружием, ножами, кресалами, сбруей; женщин — с украшениями (серьгами, браслетами, бусами), зеркалами, ножницами, шильями и значительно реже — со сбруей. Наиболее интересной находкой, относящейся к этому времени, являются остатки высоких головных уборов, напоминающих знаменитые бокки, описанные Плано Карпини и Рубруком [Путешествия..., 1957, с. 27, 100]. Очевидно, как и многие другие категории предметов, эти шляпы появились у кипчаков еще в XII в. и получили особенное распространение уже в монгольское время.

В последние десятилетия в степях Центрального Казахстана по рекам Сарысу, Кенгир, Джезды, Тургай, Коктас, Нура, в низовьях Таласа и Чу открыт ряд поселений оседлого и полуоседлого кипчакского населения — Богажели, Тасты, Ожрайтобе, Кент-Арал, Кызыл-Куран, Урда-Шагил, Талды, Кзылкент, Талдыкент, Торткуль, Баскамыр, Аяккамыр и др. [Байпаков К., Ерзакович Л., 1971, с. 197]. Эти поселения отличаются от городов Южного Казахстана и Средней Азии. В плане городища геометрически правильны, окружены невысоким крепостным валом с башнями, ограждающим довольно ровную площадку без заметных следов долговременных построек. Только иногда в центральной части имеются оплывшие холмы на месте остатков крупных сооружений. Большинство поселений находится на верхних террасах водных бассейнов и, по наблюдению А. Х. Маргулана [Маргулан А. Х., 1951], приурочены главным образом к районам древнего меридионального пути перегона скота с зимних (Северные Каратау, долина Сырдарьи) на летние (Центральный Казахстан) пастбища. Здесь же проходили караванные пути, связывающие города северных склонов Каратау, Таласской долины и Сырдарьи с поселениями и кочевьями кипчаков в Центральном Казахстане и кимаков на Иртыше. От городов Туркестана и Сыгнака шли две дороги — в земли кипчаков в долинах Сарысу, Кенгира, Ишима и Нуры, а также на Южный Урал и в Волжскую Болгарию. Примечательно, что степные караванные пути были отмечены специальными каменными столбами. Поселения Центрального Казахстана очень слабо исследованы. Основную часть их жителей составляли обедневшие кочевники, которые, не имея для кочевания достаточного количества скота, оседали на местах зимовок, основывали здесь поселения и переходили к занятию ремеслом и земледелием, снабжая продуктами этих отраслей хозяйства кочевую часть общества.

Раскопки были произведены на городище Жаксылык на левом берегу р. Котенсай. Городище в плане прямоугольное, с размерами сторон 100×100 м, окружено оплывшим валом высотой около 2 м и шириной в основании 6—7 м с круглыми выступающими башнями на углах. Кроме угловых, имелось еще по две башни с каждой стороны. Снаружи вала шел неглубокий ров, образовавшийся при сооружении стен. С внутренней стороны вдоль стен располагались жилые глинобитные постройки с камышитовыми перегородками и плоскими кровлями из дерева и камыша. Внутри жилищ располагались хозяйственные ямы и сложенные из сырцового кирпича печи для обогрева и приготовления пищи. В центре городища был загон для скота. Для стока дождевых и снеговых вод с площадки городища в стены его были заложены гончарные трубы. Снаружи к городищу примыкала территория, защищенная прямоугольным валом размером 470×450 м, на каждой стороне которого находилось до 18 башен. В северо-западной стене, со стороны реки, был проезд. На этой площадке, по мнению исследователей, располагались посевы. Стена защищала их от потрав скотом и служила дополнительным укреплением. Среди находок, сделанных на поселении, есть железные гвозди, скобы, каменные ручные жернова, костяные шилья, обломки глиняных котлов, кувшинов, чаш, поливных сосудов XI—XII вв., а также большое количество костей лошади и мелкого рогатого скота. Эти находки говорят о занятиях жителей земледелием, скотоводством и ремеслами.

Наиболее развита городская жизнь была в долинах рек Сырдарьи, Таласа, Чу, Или. Ряд поселений выявлен на реках Каратал и Лепса. В XI—XII вв. города переживали период расцвета. Общее число городов и поселений на территории Казахстана к XII приближалось к 200. Основную массу жителей поселений составляли осевшие тюрки и согдийцы, выходцы из соседних земледельческих районов. Кроме того, в них проживали иранские купцы и выходцы из других стран. Крупным металлургическим центром было городище Мильжудук в Центральном Казахстане [Маргулан А. Х., 1973].

Монгольское нашествие начала XIII в. привело к гибели большого числа городов и поселков земледельцев, многие из которых после этого не возродились.

Населенные кипчаками и родственными им тюркоязычными племенами степи Казахстана и Средней Азии были включены в состав Золотой Орды в 30-х годах XIII в. Политическое господство здесь перешло от кипчаков к монголам. Однако большинство населения степи по-прежнему составляли кипчаки, которые сохранили свой язык, немного измененный под монгольским влиянием. Рядовые кочевники-монголы вступали с кипчаками в контакт и растворялись постепенно в тюркоязычной, кипчакской среде [Тизенгаузен В., 1884, с. 235]. Вследствие такого смешения и ограниченного количества материала на данном этапе исследования невозможно отделить памятники собственно кипчаков XIII—XV вв. от одновременных им памятников монголов. Материальная культура кочевников степей Средней Азии и Казахстана этого времени была более или менее единой, хотя различия в ориентировке погребенных — на север и запад — указывают, очевидно, на существование разных родо-племенных групп.

Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII—XIV вв.

Памятники XIII—XIV вв. Саяно-Алтая, юга Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии имеют ряд общих элементов культуры, особенно в области вещевого инвентаря, большое единообразие которого на всем обширном поясе степей Евразии было в значительной мере обусловлено монгольским завоеванием, происходившими при этом смешениями племен и нивелировкой культуры в пределах огромных монгольских империй — Золотой Орды и Улуса великого хана.

В то же время особенности культуры, связанные с этногенезом, такие, как погребальный обряд, сохраняют специфические черты у населения отдельных районов, обусловленные принадлежностью его к различным этническим группам. Это обстоятельство вынуждает рассмотреть своеобразие культуры населения Саяно-Алтая, Казахстана и Средней Азии.

Памятники кочевников XIII—XIV вв. на Саяно-Алтае и Енисее изучены слабо и представлены небольшим числом погребений. Наиболее подробная сводка и уточненная датировка их была дана А. А. Гавриловой [1965, с. 44—49, 73—78]. Все они по ряду общих черт в инвентаре и в меньшей мере — погребальном обряде объединяются в один культурно-хронологический тип, который по характерному погребальному комплексу могильника у Часовенной горы назван А. А. Гавриловой «часовенногорским».

Следует отметить, что термин «памятники часовенногорского типа» является условным и равнозначен памятникам монгольского времени. Фактически перечисленные памятники принадлежат различным этническим группам с местным локальным своеобразием культуры. Сейчас можно говорить о существовании местной специфики в районах горного Алтая и Среднего Енисея.

Погребальный обряд тюркоязычных кочевников XIII—XIV вв. Саяно-Алтая характеризуется одиночными захоронениями под небольшими уплощенными каменными овальными или округлыми курганами. Кроме того, довольно широко был распространен обычай использования древних насыпей для сооружения в них впускных погребений. Так, в Туве почти все известные в настоящее время захоронения XIII—XIV вв.— впускные.

Основные погребения под курганами совершены в узких прямоугольных ямах (глубина их 0,75—1,75 м), впускные — в древних насыпях или на уровне подошвы кургана. Изредка могила врезалась в перекрытый насыпью материк. В засыпке ям, как правило, попадались мелкие угольки.

Погребенные положены в могилах или на берестяной подстилке (Кудыргэ, курган 14; Часовенная гора, могила 3), или в колоде (Кудыргэ, курган 17; Янонур, курган 1, погребение Д), или в широких ящиках-гробах (Кудыргэ, курганы 19, 20; Часовенная гора, могила 3). Крышка гроба из Часовенной горы была окрашена в красный цвет. Среди описанных выделяются погребения в курганах у горы Суханихи на среднем Енисее, которые совершались в каменных ящиках, устроенных около поверхности земли и перекрытых каменными плитами или деревом [Гаврилова А. А., 1964, с. 166]. Могилы под каменными курганами Тувы перекрыты досками, а в одном случае тонкие доски лежали в четыре слоя крест-накрест. Такое разнообразие погребальных сооружений связано с этнической пестротой населения Саяно-Алтая этого времени.

Захороненные лежат на спине, в вытянутом положении. Как исключение на левом боку в скорченной позе похоронена женщина с конем в Бай-Даге в Туве. Руки погребенных обычно вытянуты или скрещены на животе.

Из-за ограниченного объема материала трудно делать надежные выводы о господствующей ориентировке погребенных, но все же можно наметить локальные различия между погребальным обрядом населения Алтая и среднего Енисея. На Алтае костяки лежат преимущественно черепом на север, а на среднем Енисее — чаще на запад. Очевидно, на Енисее в XIII—XIV вв. сохраняется обычай ориентировки головой на запад, появившийся здесь в IX—X вв., в то время как в горном Алтае следовали северной ориентировке, известной там еще в VII—VIII вв.

При похоронах покойников снабжали разнообразным инвентарем и заупокойной ритуальной пищей, остатки которой в виде костей животных (преимущественно баранов) найдены в ряде могил.

Обычай захоронения коня (или его чучела) в могиле рядом с человеком фактически уже исчезает. Он зафиксирован всего дважды: на Алтае (Пазырык, впускное погребение кургана 5) и в Туве (Бай-Даг, курган 70, тоже впускное погребение). Тувинское погребение принадлежало женщине, уложенной головой на восток, на левом боку. Конь находился слева от нее согласно традиции, прослеживающейся на Алтае с древнетюркского времени.

Ряд общих черт в погребальной обрядности и в духовной культуре зафиксирован у населения Средней Азии и Казахстана, с одной стороны, и горного Алтая — с другой.

Последняя сводка кочевнических погребений XIII—XIV вв. из районов Средней Азии и Казахстана дана Ю. А. Заднепровским [1975, с. 276—280, рис. 3]. Сейчас она может быть пополнена небольшим числом новых находок. Суммируя их, можно сказать, что на территории Средней Азии, юга, востока и севера Казахстана отдельные погребения кочевников XIII—XIV вв. открыты всего в 18 пунктах (рис. 70). Однако эти в целом очень небольшие материалы дают нам представление о погребальном ритуале среднеазиатских и казахстанских кочевников.

Как и на Алтае, там в XIII—XIV вв. отмирает обряд захоронения вместе с человеком коня или его частей.

Отдельные захоронения Средней Азии (Халчаян, Кыз-Тепе, Дальверзин) совершены на развалинах древних земледельческих поселений [Пугаченкова Г. А., 1967; Заднепровский Ю. А., 1975, с. 278; Кабанов С. К., 1963, с. 236], тем не менее преобладают основные погребения под небольшими курганами, сооруженными из земли и камней. Вокруг основания земляных курганов проходят неглубокие кольцевые ровики. Курганы единичны (Пскент) или составляют могильники из нескольких насыпей

(Жартас, Вишневка). В насыпях встречаются остатки тризн в виде костей барана. Помимо курганов, часть погребений совершена под овальными каменными выкладками. Погребенные располагаются в узких прямоугольных грунтовых ямах (глубиной 0,8—1,8 м), ориентированных преимущественно по линии север—юг, северо-запад—юго-восток, реже — запад — восток. Заполнение могильных ям состоит из камней и земли.

Внутримогильные конструкции отмечены не везде и неодинаковы у различных погребений. Покойников укладывали в деревянные колоды, дощатые гробы или гробовища в виде рамы без дна. Из-за плохой сохранности дерева их конструктивные особенности прослежены не всегда. Под курганом в Пскенте мужчина и женщина были погребены в деревянных долбленых колодах. Под курганом у Королевки был похоронен воин в дощатом гробу с крышкой, от которого, вероятно, и сохранился темно-коричневый тлен. Доски гроба скреплялись железными скобами, найденными в большом числе по обе стороны гроба [Максимова А. Г., 1965, с. 85]. В Жартасе погребенный был просто накрыт берестой [Маргулан А. Х., 1959, с. 251]. В Тош-Башате подбой, устроенный в западной стенке могильной ямы, был закрыт деревянной перегородкой наподобие лестницы, от которой сохранилась часть длиной 1,8 м и шириной 0,35 м [Винник Д. Ф., 1963, с. 83]. В ряде случаев остатки деревянных конструкций в погребениях отсутствовали (Халчаян, Кыз-Тепе, Дальверзин).

В грунтовых могилах скелеты лежат на спине, в вытянутом положении. Иногда руки несколько откинуты в стороны, а ноги раскинуты (Халчаян, Тасмола). Преобладает положение погребенных головой на север и северо-запад (рис. 72, *13, 14, 16*). При этом следует отметить, что северная ориентировка типична для Средней Азии, где на северо-запад ориентировано только погребение в Кыз-Тепе. В Казахстане при наличии северной ориентировки преобладает положение погребенных головой на северо-запад; лишь в одном случае здесь имела место восточная ориентировка, что является, вероятно, переживанием ритуала, широко распространенного у кимаков Восточного Казахстана в IX—X вв. У некоторых погребенных черепа повернуты лицевой частью вправо (Кыз-Тепе). По мнению С. К. Кабанова, эта черта ритуала в Кыз-Тепе является следствием влияния мусульманства [Кабанов С. К., 1963, с. 239]. Это предположение подтверждается тем, что среди кочевников того времени распространялось мусульманство, а вышеупомянутое языческое погребение в Халчаяне находилось среди современных ему 17 мусульманских погребений [Пугаченкова Г. А., 1967, с. 253]. Воздействие ислама проявлялось также в запрете на снабжение покойника инвентарем. Возможно, воздействием мусульманства объясняется отсутствие инвентаря в трех погребениях с северной ориентировкой в Дальверзине [Заднепровский Ю. А., 1975, с. 277].

Хронология позднекочевнических погребений XIII—XIV в. Казахстана и Средней Азии хорошо определяется серебряными монетами в основном джагатаидского чекана конца XIII — начала XIV в. [Массон М. Е., 1953, с. 25; 1959, с. 265; 1965, с. 82, 83; Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З., 1970, с. 49—50]. К менее точно датирующим вещам принадлежат импортные шелковые узорчатые ткани, остатки которых найдены в ряде погребений. В комплексе с вышеуказанными монетами такая ткань встречена в Жартасском кургане [Маргулан А. Х., 1959, с. 251]. Фрагменты шелковой ткани с рисунком, шитым золотистой нитью, обнаружены в Беловодском кургане [Акишев К. А., 1959, с. 12]. Аналогичные ткани с узором, на котором видны блестки золота, сохранились в погребениях XIII—XIV вв. у Часовенной горы на Енисее и XI—XII вв.— в Хушот-Худжиртэ в Монголии [Гаврилова А. А., 1964, с. 169; Евтюхова Л. А., 1957, с. 217—218].

Из-за полного отсутствия исследованных кочевнических поселений (становищ) предметы материальной культуры кочевников Саяно-Алтая, Средней Азии и Казахстана XIII—XIV вв. известны только по погребальному инвентарю (рис. 72; 73), который, несмотря на изобилие и даже разнообразие его, естественно, является ограниченным источником при описании вещевого комплекса общества. Фактически пока отсутствуют археологические данные для реконструкции жилищ и повозок, для характеристики большинства орудий труда, быта и ремесленных навыков населения.

Орудия труда и предметы быта представлены железными ножами, шильями, теслами, кресалами (рис. 72; 73). Железные ножи принадлежат к наиболее частым находкам в погребениях и относятся к распространенному в этот период типу: с прямой спинкой и двумя уступами со стороны спинки и лезвия (рис. 72, *66—69*; 73, *18*). Ножи носили подвешенными к поясу в деревянных ножнах справа.

Тесла были распространены в VIII—X вв. у кимаков Восточного Казахстана и в сросткинской культуре. Железные тесла с несомкнутой втулкой встречаются в погребениях тюркоязычного населения XIII—XIV вв. на Саяно-Алтае (рис. 73, *13*) [Кызласов Л. Р., 1969, табл. IV, *72*] и в лесостепи Западной Сибири. Интересно, что в памятниках степных районов Казахстана и Средней Азии их пока не встречено ни разу. Это универсальное в быту орудие было широко распространено у племен лесной полосы и лесостепи Западной Сибири начиная с раннего железного века. В лесной полосе Западной Сибири его использовали вплоть до XVII в. [Дульзон А. П., 1955], а северные алтайцы эти орудия в качестве корнекопалок применяли вплоть до XIX в.

Кресала — двух типов: однолезвийные, калачевидные (рис. 72, *70*), с треугольным выступом с внутренней стороны (или без него) и однолезвийные в виде П-образной скобы, насаживающейся на деревянную рукоятку [Гаврилова А. А., 1965, рис. 13, *8*]. Калачевидные кресала встречаются на всей рассматриваемой территории, а П-образные только на Саяно-Алтае и в прилежащем районе. Оба типа кресал получили распространение еще в предшествующий период XI—XII вв. [Кызласов Л. Р., 1975, рис. 8, *7*].

Вооружение обычно встречается только в мужских погребениях. Это сабли, стрелы, лежащие в колчанах и без них, остатки луков. В кипчакском кургане

у Вишневки обнаружена кольчуга (Кадырбаев М. К., 1975, с. 131], а в погребениях Западного Казахстана неоднократно попадались пластинчатые доспехи [Багриков Г. И., Сенигова Т. Н., 1968; Синицын И. В., 1956, с. 97].

Сабли известны только из двух богатых мужских среднеазиатских погребений — Королевки и Кыз-Тепе (рис. 72, *53, 54*). В захоронениях Саяно-Алтая XIII—XIV вв. сабли не обнаружены. Возможно, что здесь играли роль какие-то древние традиции в обряде, поскольку и в погребениях тюркоязычного населения горного Саяно-Алтая предшествующего времени мечи и сабли обнаружены в единичных случаях [Гаврилова А. А., 1965, с. 29].

Сабли из Королевки и Кыз-Тепе типологически близки, имеют брусковидное перекрестие и рукоятку, расположенную несколько под углом к линии клинка (рис. 72, *53, 54*). Обе были в деревянных ножнах, от которых сохранились следы дерева и серебряные орнаментированные оковки. Сабля из Королевки была положена у левого бока погребенного, в Кыз-Тепе — вдоль правой ноги.

Наконечники стрел — железные, черешковые (рис. 72, *55, 56, 74, 77, 85—89*; 73, *24—28*). Обнаружен только один черешковый костяной наконечник стрелы ромбического сечения [Вишневская О. А., 1973, табл. XXIX, *3*]. Среди наконечников стрел преобладают плоские, на Саяно-Алтае как пережиточные формы представлены широкие трехлопастные наконечники стрел с круглыми отверстиями в лопастях (рис. 73, *24*). В качестве редких форм в Средней Азии и Казахстане встречаются наконечники стрел округлого пулевидного сечения (рис. 72, *85*). В целом все основные формы наконечников стрел принадлежат к типам, широко распространенным в это время у кочевников Евразии.

Обычно стрелы лежали в колчанах наконечниками вверх. Остатки колчанов обнаружены главным образом в богатых погребениях, реже их находят в бедных погребениях. В могилу колчан клали сбоку, справа, или слева от покойника. По форме колчаны такие же, как и в предшествующее раннетюркское время,— овальные в поперечном сечении, слегка расширенные книзу, чтобы не мялось оперение, со срезанным верхом (рис. 72, *90*; 73, *30*). Изготавливали колчаны главным образом из сшитых кусков бересты. Хорошо сохранившийся колчан из Кудыргэ был сделан из двух слоев бересты, местами прошитых [Гаврилова А. А., 1965, с. 45—46]. Иногда сверху колчаны обтягивали кожей [Маргулан А. Х., 1959, с. 252]. У богатых и знатных воинов наружная сторона колчанов украшалась костяными накладками, орнаментированными гравировкой (рис. 72, *61*), или пластинками из листового серебра (рис. 73, *30*). Орнамент на костяных пластинах геометрический, из прямых и зигзагообразных линий, треугольников и окружностей, растительный или зооморфный в сочетании с геометрическим (олени, зигзаг, циркульный узор) (рис. 72, *61*) [Максимова А. Г., 1965, табл. III; Массон М. Е., 1953, с. 25]. Иногда орнамент костяных пластин инкрустирован красной охрой.

Для подвешивания колчанов служили железные крючки, а для пристегивания их — железные пряжки и металлические обоймочки [Максимова А. Г., 1965, табл. I, *8*; II, *16, 17*].

Луки в погребениях сохраняются плохо, вследствие чего трудно делать заключение об их размерах и конструкции. Однако очевидно, что в употреблении были сложные луки, от которых сохраняются обыкновенно костяные накладки. Следует отметить, что эти накладки известны в погребениях Саяно-Алтая и почти повсеместно отсутствуют в могилах кочевников Средней Азии и Казахстана. Это может объясняться, во-первых, тем, что население Средней Азии и Казахстана избегало помещать луки с накладками в могилы по неясным для нас запретам обрядового характера, а во-вторых, тем, что к XIV в. стали употреблять луки без костяных накладок. На Саяно-Алтае в XIII—XIV вв. пользовались сложными луками с врезанными фронтальными роговыми срединными накладками, имевшими лопатковидные концы (рис. 73, *29*), иногда дополнительно с фронтальными концевыми накладками в виде подтреугольной в сечении пластины с вырезом [Грязнов М. П., 1940, рис. 6, 7; 1956, табл. LXI, 15].

К предметам вооружения относится, вероятно, также железное орудие длиной около 10 см, напоминающее клевец (рис. 72, *72*), из погребения в Кыз-Тепе.

От конского снаряжения сохраняются в могилах остатки уздечек и седел: удила, стремена, пряжки, кольца и Т-образные бляхи от перекрестий ремней, кольца с пробоями и заклепками от седел, фрагменты седельных лук и кантов. Седло и уздечку клали обычно в ногах покойника (рис. 72, *13, 15, 16*).

Удила относятся к двум типам. Наиболее многочисленны и повсеместно распространены двусоставные удила с звеньями неравной или почти одинаковой длины с одинарными большими подвижными кольцами для прикрепления повода и ремней оголовья (рис. 72, *63, 94*; 73, *4*).

На Саяно-Алтае в кургане 19 Кудыргэ обнаружены двусоставные удила с псалиями в виде небольших подвижных колец с отходящими от них вверх и вниз S-овидно согнутыми стержнями (рис. 73, *3*), близкие к подъемным из Минусинской котловины [Гаврилова А. А., 1965, с. 46; László G., 1943, рис. 17, *2*]. В памятниках Казахстана и Средней Азии они не найдены.

Для соединения перекрестий ремней оголовья служили железные кольца и бронзовые Т-образные бляхи с растительным орнаментом (рис. 73, *9*). Последние встречены в Саяно-Алтае и генетически восходят к подобным бляхам IX—X вв. сросткинской культуры. В памятниках Казахстана и Средней Азии XIII—XIV вв. они не обнаружены.

Детали деревянного остова седел сохраняются редко. Седла монгольского времени имели полки с прямым обрезом в нижней части, более высокую и массивную, чем у ранних седел, переднюю луку с прямоугольным вырезом снизу и широкую массивную относительно низкую заднюю луку. Такое седло найдено С. В. Киселевым в погребении XIII—XIV вв. на р. Хирхира в Забайкалье [Вайнштейн С. И., 1966б, с. 71, рис. 8, *1*]. У наиболее хорошо сохранившегося седла из кургана 17 Кудыргэ передняя лука представляла собой массивный тре-

угольный в сечении брус с вырезом и отверстиями у основания для прикрепления к полкам (рис. 73, *10*). [Гаврилова А. А., 1965, табл. XXVII, *13*].

Седельные луки украшались роговыми кантами с отверстиями для прибивания к луке. Канты плоские (рис. 72, *41*, *42*) или Т-образные в сечении [Гаврилова А. А., 1964, ри. 1, *4*]. Обивка седел кантами имеет древнюю традицию, восходящую к VI—VIII вв. (Кудыргэ) [Гаврилова А. А., 1965, табл. XII, *13*). Помимо роговых кантов, для украшения седельных лук использовали металлические оковки. Луки седла, найденного на Часовенной горе, были украшены серебряными тиснеными накладками с шестилепестковыми цветами в узоре [Теплоухов С. А., 1929, табл. II, *67*] и окованы медными кантами, орнаментированными выпуклыми точками.

К полкам пробоями прибивали железные кольца для приторачивания (рис. 72, *65*; 73, *11*]). Впервые седельные кольца появляются в памятниках Саяно-Алтая IX—X вв. [Кызласов Л. Р., 1960, рис. 6, *9*]. Кроме колец, для крепления вещей на седлах использовали также железные петли П-образной формы [Гаврилова А. А., 1964, с. 164, рис. 1, *2*).

Для скрепления деревянных деталей седел служили железные скобы и заклепки.

Стремена относятся к трем основным типам. Наиболее распространены стремена дуговидной и арочной форм с широкой подножкой и отверстием в плоской расплющенной дужке (рис. 73, *8*), известные от Забайкалья до Северного Причерноморья. От стремян XI—XII вв. они отличаются более широкой подножкой. Вариантами этого типа являются стремена с широкими боковыми дужками, усиленными ребрами (рис. 72, *79*), а также стремена арочной формы с выступом при переходе от дужки к подножке (рис. 72, *91*). Второй тип представлен стременами арочной формы с прямоугольно вытянутой петлей для путлища, не отделенной от дужки и представляющей собой верхнюю расплющенную часть дужки (рис. 73, *7*). Аналогии им имеются в памятниках Восточной Европы [Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 12, тип В-I, II]. Свое происхождение этот тип стремян ведет от стремян с невыделенной петлей сросткинской культуры IX—X вв. (рис. 27, *92—93*). Третий тип характеризуется стременем, сделанным из толстого стержня, с плоской, довольно широкой подножкой без валика и без петли для подвешивания [Гаврилова А. А., 1965, табл. XXVII, *14*].

Подпружные пряжки были железные и костяные. Железные пряжки — крупные, с подпрямоугольной, трапециевидной или округлой рамкой (рис. 72, *80*; 73, *5*, *6*) и подвижным шпеньком. Они принадлежат к типам, имеющим широкое распространение. Костяные подпружные пряжки — крупные, удлиненных пропорций, заострены, с двумя поперечными прорезами для ремня. Генетически они восходят к костяным подпружным пряжкам сросткинской культуры, но в отличие от них имеют более крупные размеры и более удлиненные пропорции. Кроме того, у них нет продольного прореза для прикрепления язычка на оси [Гаврилова А. А., 1964, с. 168]. Язычок крепится через специальные отверстия в пряжке и располагается поверх ее корпуса (рис. 73, *12*).

Кроме крупных подпружных пряжек, для соединения ремней сбруи использовали также более мелкие прямоугольные и округлые пряжки общераспространенных в это время типов (рис. 72, *92*, *93*).

Для украшения ремней узды служили бронзовые и железные бляшки, которые в погребениях XIII—XIV вв. встречаются реже, чем в конце I тысячелетия н. э.

В одном из курганов Жартаса (Казахстан) узда была снабжена бронзовым чашевидным налобником (рис. 72, *62*). Вероятно, эта деталь конского убранства связана со старой традицией, корни которой уходят к культуре кимаков IX—X вв. Восточного Казахстана и северо-западных предгорий Алтая, у которых украшение узды налобниками было довольно широко распространено.

Керамика в быту кочевников XIII—XIV вв. употреблялась мало, она была вытеснена металлическими сосудами. Этим объясняется отсутствие глиняной посуды в погребениях. Вне могил керамика встречена в насыпях трех курганов. В двух курганах найдены фрагменты лепных сосудов, в третьем (Королевка) — целый лепной грубо сделанный горшочек с плоским дном (рис. 72, *73*). Один сосуд найден также под каменной выкладкой могильника Тегирмен-Сай [Абетеков А. К., 1967, рис. 3, *7*]. Все они являются, видимо, остатками тризн. Во многих погребениях обнаружены серебряные и медные пиалообразные чаши с тонкими стенками и утолщенным краем (рис. 72, *82*). Особенно много их в Казахстане и Средней Азии, причем попадаются они и вне погребений. Поверхность сосудов гладкая или украшена вдоль венчика зоной гравированного растительного орнамента. Иногда орнаментировано дно внутри сосуда. Помимо чаш, в употреблении были серебряные ковши и кубки, украшенные вдоль венчика характерным гравированным растительным орнаментом (рис. 73, *17*). В повседневном быту употреблялись также железные котлы и блюда, которые получили широкое распространение с конца I тысячелетия н. э.

Кочевники пользовались, кроме того, деревянной, кожаной и берестяной посудой, однако целых форм этой посуды в курганах XIII—XIV вв. не сохранилось.

Некоторое представление о костюме населения дают остатки одежды, обуви и головных уборов, встреченные в погребениях. Представители зажиточной части кочевого общества носили платье из импортных шелковых тканей. Шелковая ткань в кургане 17 Кудыргэ была двух сортов: светло-коричневая тафта и плотная камчатая ткань саржевого переплетения с узором из ромбов и квадратов светло-коричневого и золотисто-коричневого цветов. Из этой ткани была сшита одежда с проймой и пришивным рукавом, подобная монгольским женским халатам, имеющим подкладку и стоячий воротничок. Из тафты была сшита подкладка, а из узорчатой ткани — стоячий воротничок [Гаврилова А. А., 1965, с. 49]. Теплую одежду шили из меха. Куски овчинных штанов сохранились на костях таза и ног покойника в Жартасе [Маргулан А. Х., 1959, с. 251].

В нескольких погребениях были обнаружены остатки кожаных бескаблучных сапог типа казахских

ичиг. В нескольких случаях выявлены их детали. Подошвы таких сапог шили из нескольких слоев кожи, они имели заостренные, слегка загнутые вверх носки. Задники делались из кожи или бересты. Подошвы сапог из Тош-Башага были из пяти — семи слоев кожи, а задники — из четырех [Винник Д. Ф., 1963, с. 84, 85]. Берестяные задники имела женская обувь из Кудыргэ [Гаврилова А. А., 1965, с. 48], которая была сшита из хорошо выделанной кожи без подметок и каблуков [Руденко С., Глухов А., 1927, с. 41]. Кожаные сапоги из кургана у Вишневки имели двуслойную подошву, а голенища их были сшиты из мягкой кожи шелковой крученой желтой ниткой [Кадырбаев М. К., 1975, с. 131]. В погребении у Королевки верхний край голенища сапог был расшит бронзовой ниткой растительным узором, центральный цветок которого аналогичен цветкам, изображенным на серебряных подвесках и серебряной обкладке ножен из этого погребения [Максимова А. Г., 1965, табл. IV]. От него по обе стороны отходят две параллельные линии фестонов с украшением в виде двух пар рогов барана — орнамента, широко распространенного у кочевых народов, в том числе на одежде казахов [Захарова И. В., Ходжаева Р. Д., 1964, с. 61, 64, рис. 13, *6*].

Головные уборы представлены остатками шапочек с нашивными металлическими пластинами в качестве украшений (Королевка, Кудыргэ) и высоких конусообразных шляп типа бокки (рис. 72, *71*). В погребении у Королевки находились остатки шапочки типа тюбетейки из шелковой ткани, каркас которой на лбу образовывали две изогнутые пластинки — нижняя бронзовая с изображением в центре цветка, выполненного чеканкой, а верхняя золотая [Максимова А. Г., 1965, табл. IV, *4*, *5*]. Из высоких конических головных уборов наиболее хорошо сохранилась «бокка» из погребения, опубликованного Ф. Х. Арслановой (рис. 72, *71*). Она была изготовлена из двух листов тонкого (0,2 мм) серебра, соединенных кровельными швами. По нижнему краю головного убора, а также спереди и сзади по вертикали имелся тисненый орнамент в виде двух рядов плетений («косички»). На полях были сделаны отверстия диаметром до 1 мм для пришивания серебряных листов к мягкой подкладке или шапочке.

К предметам, вероятно, женской одежды относились платки. Остатки шелкового платка лежали под шеей женщины в погребении 3 Часовенной горы [Гаврилова А. А., 1965, с. 73].

Принадлежностью мужского костюма был пояс с прямоугольными обоймами из твердых материалов, чаще из металла (рис. 73, *31*), к которым подвешивали оружие, нож в ножнах, кресало в мешочке и др. [АКК, 1960, табл. VIII (окончание), рис. 216]. Помимо блях-обойм функционального назначения, пояса декорировались бляхами различного вида — небольшими фигурными, прорезными с растительным орнаментом, железными с серебряной инкрустацией и пр. [Гаврилова А. А., 1965, рис. 13, *17*, *20*; Маргулан А. Х., 1959, с. 254; Максимова А. Г., 1965, табл. I, *2*). Возможно, деталями поясов были также крупные фигурные бляхи типа медальонов с орнаментом [Максимова А. Г., 1965, табл. I, *1*; Пугаченкова Г. А., 1967, рис. 3, *1—5*; Винник Д. Ф., 1963, рис. 8] (рис. 72, *81*). Концы пояса закреплялись металлическими наконечниками. Пряжки на поясах находились слева [Гаврилова А. А., 1965, с. 97] или справа [Басандайка, 1947, табл. 55]. Подвесные ремешки продевались в большие обоймы, надетые на ремни (рис. 73, *31*), затем в скобу под большой обоймой и закреплялись малыми обоймами, надетыми на ремешки. Пряжки и бляхи поясов делали из различных материалов — бронзы, серебра, агальматолита, железа. Следует подчеркнуть, что пояса с наборными бляхами находились только в богатых погребениях, пояса же из более бедных захоронений, вероятно, имели обоймы из органических материалов (кожи, дерева), вследствие чего от них сохраняются только пряжки.

Украшениями служили подвески, бляшки, серьги, бусы. Бронзовые и серебряные подвески представлены в женских и мужских погребениях. Четыре серебряные подвески находились в захоронении воина у Королевки около плеча правой руки и с левой стороны черепа, из них две медалевидной формы были покрыты растительным орнаментом [Максимова А. Г., 1965, табл. I, *3*]. Для украшения женской одежды использовали нашивные бляшки из листового серебра прямоугольной, квадратной, ромбовидной и трапециевидной формы с фигурновырезанными краями (рис. 72, *57—59*).

Серьги, изготовленные из серебра и бронзы, находят как в женских, так и в мужских погребениях. Выделяются три основных типа серег. Первый, простейший тип — проволочные серьги в виде несомкнутого кольца (рис. 73, *22*). Аналогия серьгам этого типа широко известна в погребениях кочевников причерноморских степей [Федоров-Давыдов Г. А., 1966, рис. 6, *1*]. Серьги этого типа генетически связаны, очевидно, с подобными серьгами в виде литого или проволочного несомкнутого кольца, распространенными в тюркских памятниках VIII—X вв. степей Западной Сибири и Алтая, у кимаков и родственного им населения, оставившего памятники сросткинской культуры (рис. 26, *91;* 27, *86*).

Второй тип, хронологически, вероятно, несколько более поздний, представлен проволочными серьгами в виде знака вопроса. На прямой конец серьги обычно накручена проволочная спираль или надета бусина (рис. 72, *96—98*; 73, *21*). Этот тип серег также имеет многочисленные аналогии в памятниках кочевников Восточной Европы XII—XIV вв. [Плетнева С. А., 1958, рис. 16, *2*, *3*; Федоров-Давыдов Г. А., 1966, рис. 6, тип VI].

Третий тип характеризуется серьгами со щитком на S-образном стержне (рис. 73, *20*). При изготовлении этих серег сначала отливали или делали из проволоки стержень. Затем верхний конец его расплющивали и продевали, вероятно, в восковую модель, по которой отливали щиток с гнездами для вставки камней. Снизу расплющенный конец стержня закручивался, как бы поддерживая щиток. Серьги этого типа распространены на Саяно-Алтае [Гаврилова А. А., 1965, рис. 14, *1*, *2*, табл. XXVI, *7*], в Средней Азии и Казахстане [ОАК за 1891 г., с. 128, № 131, рис. 98, *а*, *б*; Винник Д. Ф., 1963, рис. 13]. По мнению А. А. Гавриловой, в конструк-

ции этих серег, как и в конструкции поясов с обоймами, отражены традиции таштыкской культуры [Гаврилова А. А., 1965, с. 76, 97].

Бусы в погребениях находят довольно редко и в небольшом количестве. Они встречены в женских и детских погребениях. Сердоликовые бусы бипирамидальные, шести- и семигранные принадлежат к широко распространенному типу, имеющему аналогии в поздних погребениях Басандайки [Басандайка, 1947, табл. 33, *68*, *84—86*], в славянских памятниках [Арциховский, А. В., 1962, с. 51, *52*], у кочевников степей Северного Причерноморья [Плетнева С. А., 1958, рис. 14, *4*; Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 75].

Стеклянные бусы и бисер изготовлены путем накручивания стекла на твердую основу. Встречены следующие разновидности бус: биконические из заглушенного стекла, глазчатые из черного стекла с желтыми и голубоватыми глазками, с волнообразно наложенными нитями желтого стекла на черное стекло. Бисер белого, синего и бирюзового цветов из заглушенного стекла.

Зеркала являлись исключительно принадлежностью женского туалета. Все они или привозные из Китая, или изготовлены по импортным, причем значительно более ранним, образцам. На оборотной стороне одного из них имеется рельефное стилизованное изображение животных в двух концентрических кругах, среди которых в наружном круге различается собака, лошадь, черепаха и мышь (рис. 72, *101*). Во внутреннем круге изображены, вероятно, так называемые собаковидные морские кони в погоне друг за другом. В центре зеркала — петля, в которую продеты два кольца диаметром 3 см из серебряной проволоки с нанизанными на них костяными дисками. На другом зеркале в центральном круге расположены рельефные изображения дракона, тигра, черепахи со змеей и, по-видимому, феникса [Гаврилова А. А., 1965, табл. XXVI, *4*, с. 48].

Помимо описанных предметов, в погребениях кочевников попадается большое количество различных мелких вещей. К поясу подвешивались мешочки из кожи или ткани с огнивом и другими предметами. Подобные мешочки изображались еще на каменных изваяниях VII—VIII вв. [Евтюхова Л. А., 1952, рис. 3; 5, *1*, *3*]. Кожаные подвесные сумочки украшали железными бляхами с серебряной инкрустацией [Маргулан А. Х., 1959, с. 254]. Литая бронзовая пряжка-накладка с характерным фигурным орнаментом в виде рогов барана украшала сумочку в Жартасе [Маргулан А. Х., 1959, с. 254, рис. 5, *6*] и т. п.

В погребениях у Часовенной горы встречены мелкие вещи, характерные для синхронных древнехакасских погребений. К ним относятся, в частности, железный крюк, ювелирный железный молоточек с инкрустацией [Гаврилова А. А., 1965, рис. 13, *5*, *7*], своеобразное навершие в виде когтистого наконечника стрелы [там же, рис. 13, *12*]. Присутствие этих предметов в инвентаре погребений Часовенной горы объясняется, скорее всего, контактами населения с древними хакасами.

В связи с арабским завоеванием в VIII в. в Средней Азии начинает распространяться ислам. К концу VIII в. эта религия проникла на территорию Казахстана и сначала широко распространилась в оседлоземледельческих районах. Благоприятную почву для распространения мусульманства создало принятие ислама караханидскими каганами в X в. Вслед за этим они объявили ислам государственной религией. В конце IX—X в. ислам начинает интенсивно распространяться в среде кочевников. Сведения об этом содержат сообщения восточных авторов X—XI вв. (Ибн-Хаукаля, Ибн-Фадлана и др.). Как указывает в 1013 г. Ибн-ал-Асир, ислам приняли почти все западные тюрки [см.: Бартольд В. В., 1897, с. 36]. Однако сообщения восточных авторов о широком распространении ислама в кочевнической среде были несколько преувеличены. Новую религию восприняла прежде всего кочевая знать. Основная масса кочевников продолжала придерживаться старых языческих верований, что находило отражение в обряде погребения, в снабжении покойников оружием, орудиями труда и пищей.

Фактически погребения по мусульманскому обряду, без инвентаря, распространяются более или менее широко в среде кочевников Средней Азии и Казахстана только с XIII—XIV вв. Для мусульманских погребений Средней Азии этого времени характерны захоронения покойников без вещей, в грунтовых могильниках, на спине, в вытянутом положении с небольшим наклоном на правый бок, головой на северо-запад, с лицом, повернутым вправо, на юго-запад, в сторону Мекки. Руки погребенных согнуты в локтях, кисти лежат на лобке. Канонизированная исламом северо-западная ориентация покойников в основном частично совпадала с традиционной языческой, описанной выше, что, вероятно, облегчало проповедь новой религии в кочевнической среде. В ранних мусульманских кочевнических погребениях Средней Азии и Казахстана сочетаются каноны ислама с чертами языческого ритуала, проявляющимися в захоронениях под каменными и земляными курганами, а также каменными оградками. Часть ранних мусульманских погребений расположена на одних могильниках с захоронениями по языческому ритуалу (Пскент, Жартас).

Раньше всего воздействие ислама испытали кочевники Средней Азии и Южного Казахстана, проживавшие вблизи городов, являвшихся центрами распространения мусульманства. Это подтверждает анализ материала могильника 3 IX—XI вв. у городища Баба-Ата в Семиречье, где под курганами, характерными для кочевников, имеются погребения с сырцовыми выкладками в подражание мусульманским надмогильным сооружениям типа сагана [Агеева Е. И., Пацевич Г. И., 1956, с. 49—50]. Сверху насыпи курганов были залиты толстым слоем жидкой глины. Согласно мусульманскому обряду, инвентаря в погребениях не было и датировка погребальных сооружений произведена по размерам сырцового кирпича (44×22×10 и 40×20×10 см).

В IX—XI вв. единичные подкурганные захоронения с сырцовыми оградками и выкладками появляются среди обычных языческих погребений в Северо-Восточном Казахстане. Такой курган исследован у совхоза №499 в Павлодарской области, где находилось три погребения [Агеева Е. И., Максимо-

ва А. Г., 1959, с. 51—53]. Центральная часть кургана была перекрыта кладкой из сырцового кирпича в два ряда, а пóлы залиты жидким раствором глины. Поверх могильной ямы погребения 3 было выложено из сырцового кирпича нечто вроде сагана. В основной центральной округлой могильной яме размером 3,35×3,07 м поверху и 2,7×2,3 м по дну, ориентированной с запада на восток, был захоронен по языческому обряду человек с конем, положенным на приступку вдоль южной стенки могилы головой на восток. В погребальном инвентаре представлены железные восьмерковидные удила, стремя с невыделенной петлей для путлища, железная пряжка, металлическая фигурная накладка на пояс с изображением павлина и обломки железных предметов [Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959, рис. 4]. Два других погребения были, по канонам ислама, без вещей.

Погребения, сочетающие черты язычества и мусульманства, исследованы также в Центральном Казахстане [Кызласов Л. Р., 1951, с. 60—63; Маргулан А. Х., 1959, с. 250], в Семиречье [Максимова А. Г., 1968, с. 153—158], в Западном Казахстане [Синицын И. В., 1959, с. 205]. Надмогильные сооружения и погребальные камеры этих памятников разные. В них отражается различие в этническом составе оставивших их тюркоязычных племен. Так, захоронения Центрального Казахстана совершены в грунтовых ямах под каменными курганами, в Семиречье — под курганами с прямоугольными каменными оградками, конструктивно напоминающими курганы-оградки кимаков Восточного Казахстана IX—X вв. [Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г., 1973, табл. I], или земляными насыпями. В Западном Казахстане могилы обозначены оградками из сырцового кирпича.

Оградки в Семиречье являлись, очевидно, как и в Заволжье [Синицын И. В., 1959, с. 205], семейными усыпальницами и содержали по нескольку погребений [Максимова А. Г., 1968, с. 154]. Погребения Центрального Казахстана совершены в прямоугольных, с закругленными углами могильных ямах, типичных для языческих погребений этого района, а захоронения в Семиречье — в грунтовых ямах с заплечиками, перекрытых на уровне заплечиков каменными плитами, или же в грунтовых ямах с подбоями, устроенными на уровне дна, вдоль юго-западных стенок (со стороны кыблы), и заложенными сырцовым кирпичом. Изредка в этих погребениях находят хвостовые позвонки баранов — остатки положенных в могилы, согласно языческому обряду, курдюков.

Точная датировка подавляющего большинства раннемусульманских погребений затруднена отсутствием вещевого инвентаря. Относительно ранними из исследованных, помимо Средней Азии, являются погребения Центрального Казахстана, поскольку они находятся на одном могильнике с языческими захоронениями XIV в. (Жартас) и одновременны им, а также могилы, содержащие остатки ритуальной пищи, что позволяет датировать эти памятники временем около XIV в. К самой поздней группе относятся захоронения в подбоях, характерных для позднемусульманских погребений.

Воспринявшая мусульманство кочевая знать не довольствовалась скромными захоронениями под курганами в грунтовых могилах. Для погребения ее представителей сооружались роскошные мавзолеи — гумбезы, строительство которых явилось высшим достижением кочевнической архитектуры. К таким памятникам в Центральном Казахстане относятся мавзолеи Алаша-хан, Домбаул, Джучи-хан в долине р. Кара-Кенгир [АКК, 1960, с. 148—149, табл. VI, *145*, *146*], Джубан-Ана и развалины мавзолея Дын на р. Сыры-Су, в юго-западном Казахстане — Сарлытам-Тортоба и Кок-Кесене [АКК, 1960, с. 238, табл. V, *56*, *58*], в Киргизии — гумбез Манаса [Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1950], мавзолеи Узгена и др. Они сложены из обожженного кирпича, украшены поливной керамикой и резьбой по камню.

Аскизская культура (средневековые хакасы X—XIV вв.)

Археологическая культура средневековых хакасов X—XIV вв. открыта в конце 50-х годов Л. Р. Кызласовым. Характерный для нее обряд погребения и инвентарь изучены в курганных группах в долине р. Аскиза на северо-западе Хакасской автономной области, поэтому культура получила наименование аскизской [Кызласов Л. Р., 1975]. Отдельные курганы этой культуры раскапывались и ранее И. П. Кузнецовым, А. В. Андриановым, С. А. Теплоуховым, Г. П. Сосновским, В. П. Левашовой, М. П. Грязновым и другими исследователями [Теплоухов С. А., 1929, табл. III, *63—67*; Грязнов М. П., 1940; Липский А. Н., 1949; Кызласов Л. Р., 1975, с. 208—209]. Случайно найденные вместе с другими образцами южносибирских древностей аскизские предметы с конца XIX в. включались в сводные атласы [Клеменц Д. А., 1886; Tallgren A. M., 1917]. После выделения культуры и изучения характерных ее черт появилась возможность выявить их в собраниях случайных находок. В настоящее время число раскопанных курганов аскизской культуры превысило 120. Экспедиция МГУ ведет исследование остатков крупных городских центров этой культуры.

Известные в настоящее время памятники аскизской культуры локализуются в значительных по площади районах Южной Сибири. На севере они встречены в районе современного Красноярска, на востоке — в бассейне р. Кан, на юге — на всей территории Тувы, на юго-западе — на Алтае, на западе ее памятники встречены в отрогах Кузнецкого Алатау (рис. 32). На всей этой территории известны многочисленные случайные находки инвентаря, относящегося к этой культуре [Кызласов Л. Р., 1975, с. 207—209]. В то же время сравнительно слабая изученность памятников аскизской культуры в периферийных районах не дает пока возможности четко очертить ее границы. Но уже сейчас ясно, что в рассматриваемый период аскизская культура в целом занимает территорию основного ядра распространения древнехакасской культуры IX—X вв., с которой она связана

генетически. Отпадают лишь пограничные районы, а ядром остается территория верхнего и среднего течения Енисея. В целом границы распространения этой культуры совпадают с рубежами древнехакасского государства, установленными по письменным источникам для X—XII вв.

Аскизская культура существовала с конца X по XVII в., когда ее сменила этнографическая культура современных хакасов [Кызласов Л. Р., 1975, с. 209—211]. Памятники поздних этапов культуры еще не исследованы. В литературе лучше освещен домонгольский период — конец X—XII в. (малиновский этап). К нему же относится и большинство исследованных памятников. Период XIII—XIV вв. (каменский этап) только начинает изучаться [Кызласов И. Л., 1978].

Наибольшее основание для определения хронологических рамок аскизской культуры дают наблюдения над закономерностями развития предшествующих ей культур южносибирского средневековья [Кызласов Л. Р., 1969а, гл. IV]. На первом (малиновском) этапе в раннеаскизских комплексах можно встретить отдельные пережиточные формы предметов: наконечники стрел (рис. 33, *82—84*), бронзовые бляхи тюхтятского типа (рис. 33, *59—61*, *63*; 74, *26*), двукольчатые удила с перпендикулярными кольцами и витыми, а чаще ложновитыми или гладкими звеньями (рис. 74, *19*, *72*). В то же время такие удила сочетаются с псалиями, скобы которых украшены у основания длинными гребнями. Цельнокованные стержневые псалии XI—XII вв. иногда имитируют эти гребни (рис. 74, *19*). Упоровые удила — типичная деталь аскизского инвентаря. В некоторых случаях они имеют крюки соединения звеньев с расклепанными, накладывающимися на стержень звеньев концами, что является пережиточной формой соединения звеньев с помощью замкнутых колец (рис. 28, *19*). При изучении эпитафий начала аскизской культуры по типологическим связям личных тамг удается подчас установить и существовавшие родственные связи между отдельными носителями аскизской культуры и предшествующей тюхтятской культуры IX—X вв. (например, памятников Бай-Булун I и II) [Кызласов Л. Р., 1965а, рис. 5, *6*, *7*, приложение, 26, 31]. Да и сам обычай ставить стелы с эпитафиями, известный на первом этапе аскизской культуры, указывает на связь и последовательность этих культур.

Относительную хронологию второго (каменского) этапа также проиллюстрируем на примере удил. Общая тенденция к уплощению форм предметов привела в XIII—XIV вв. к созданию очень крупных пластинчатых псалиев. Оформление их нижних концов напоминает подобные сапожку окончания предшествующих типов (рис. 74, *26*). Появились новые для аскизской культуры кольчатые и дисковидные псалии. Сочетающиеся с ними крюковые удила в ряде случаев имеют уже совершенно лишние здесь упоры на звеньях, восходящих к типичным формам XI—XII вв. (рис. 74, *3*, *55*). Подробная типология инвентаря аскизской культуры играет большую роль при решении вопросов относительной датировки этапов также и в силу большого своеобразия этого инвентаря, практически лишающего возможности отыскать сколько-нибудь значительное число датирующих аналогий за пределами ареала культуры. Наиболее сложен в этом плане малиновский этап (конец X—XII в.). Исключением здесь являются, пожалуй, лишь наконечники стрел, во многом близкие по облику к одновременным сериям не только из Западной Сибири и Приуралья, но в значительной мере и из Восточной Европы. Хорошо подтверждают датировку этапа и привозные предметы. Например, бипирамидальные сердоликовые и фасетчатые хрустальные бусы, привозившиеся из Средней Азии, а также стеклянные бусины сирийского производства [Кызласов И. Л., 1977а]. Найдены в курганах и сунские монеты. Инвентарь каменского этапа (XIII—XIV вв.) представляет большие возможности для сравнений, несмотря на то что продолжает сохранять основные черты самобытности. В нем появляются характерные для эпохи в целом типы поясных блях (рис. 74, *41*, *42*, *69*), S-образных серег (рис. 74, *44*), стремян (рис. 74, *1*, *2*, *58*), столовой серебряной посуды (рис. 74, *5*, *6*, *56*, *57*) и т. д. Датировка этапа хорошо подтверждается сосуществованием его памятников с древнемонгольскими городами на территории Тувы (могильник Межегейского городища) [Кызласов Л. Р., 1969а, с. 161—163]. Отдельные древнехакасские изделия встречаются в кипчакских погребениях XIII—XIV вв. в Прииртышье и даже на Дону, а также в прибайкальских могилах того же времени (Ильмовая Падь) [Арсланова Ф. Х., 1970, табл. I, *4*; Кызласов И. Л., 1978, 1979].

Сведения о древнехакасском государстве, управлявшемся династийным родом кыргыз, содержатся в трудах средневековых арабо- и персоязычных ученых X—XV вв. и в китайских хрониках и сочинениях XI—XIV вв. Знакомы с ним были и западноевропейские путешественники. Часть авторов заимствовала сведения из более ранних сочинений IX—X вв. (ал-Йакут, ал-Казвини, ал-Бакуви), некоторые лишь упоминают средневековых хакасов в перечне известных им народов (Бируни, Мубаракшах, Рубрук), но остальные значительно дополняют данные более ранних источников, что должно учитываться при работе над историей народов Саяно-Алтайского нагорья [Кызласов Л. Р., 1960а, 1964, 1965, 1966, 1968а, б, 1969а].

Древнехакасское государство занимало значительную территорию с центральными землями в бассейне верхнего и среднего течения Енисея, соседствующую с кимаками, карлуками, уйгурами, киданями, курыканами и таежными северными племенами. Несмотря на то что территория государства в XII в. сократилась (рис. 32), оно до самого монгольского завоевания оставалось крупной феодальной державой с разноэтничным населением общей численностью около 450—500 тыс. человек [Кызласов Л. Р., 1966], с данническими отношениями между покоренными и господствующими племенами, с пережитками рабства. Государственный аппарат имел сложную иерархию с развитой титулатурой. Регулярная армия подразделялась на десятки, сотни, тысячи и тумены. Подробно описанные географические условия края хорошо согласуются с существовавшими отраслями хозяйства: скотоводством (круп-

ный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади, верблюды) в сочетании с развитым орошаемым пашенным земледелием, горным делом, ремеслом и пушным промыслом. Развитая внешняя торговля и дипломатические связи привели к подробному описанию в источниках основных караванных путей в Восточный Туркестан, Западную и Восточную Сибирь, Центральную Азию и Китай. Социально-экономическое развитие общества привело к появлению городов (в разных источниках перечислены пять крупных центров). Основной религией общества был шаманизм. Вера в очистительные свойства огня объясняет практикуемый обряд трупосожжения. Сами средневековые хакасы — народ европеоидной расы с примесью монголоидности, тюркоязычный.

Политическая история XI—XII вв. известна мало. Можно отметить лишь незначительные стычки с киданями во время продвижения последних в Среднюю Азию, имевшие место в Северо-Западной Монголии, тогда принадлежавшей древнехакасскому государству. В результате борьбы с найманами эта территория была утрачена в середине XII в. В 1207 г., когда многочисленная армия Джучи вторглась в пределы древнехакасского государства, его правители, вероятно хорошо знавшие внешнеполитическую обстановку, подчинились монгольским феодалам без вооруженного сопротивления. Однако избежать войны все же не удалось. В 1218 г., когда Чингисхан потребовал от средневековых хакасов участия в завоеваниях и карательных операциях его армии, они отказались и восстали, полностью испытав на себе за это страшную мощь монгольского удара. В этой борьбе на стороне средневековых хакасов сражались практически все племена Саяно-Алтайского нагорья, в течение многих веков входившие в одно государство. Жестокое поражение подорвало силы енисейского государства, но не лишило его способности и стремления к сопротивлению. С этого времени во всех исторических сочинениях древнемонгольского государства имя средневековых хакасов неизменно значится в перечне «немирных племен». Накопив силы, средневековые хакасы в 1273 г. подняли новое восстание, которое позволило князьям из рода кыргыз в течение 20 лет вновь независимо править Саяно-Алтайским нагорьем. Новое завоевание этих земель монгольскими феодалами произошло только в 1293 г. Кроме физического уничтожения, юаньская администрация выселила значительное число «немирных племен» в Монголию, создав военно-земледельческие поселения. Территория древнехакасского государства была оккупирована. Других сведений о крупных выступлениях саяно-алтайских народов против ига монгольских феодалов мы не имеем. Все это при учете единства действий саяно-алтайских племен в 1218 г. и управления древнехакасских князей как на среднем, так и на верхнем Енисее в 1273—1293 гг. позволяет нам считать временем окончательного уничтожения древнехакасского государства не 1207 г., а 1293 г., т. е. конец XIII в.

Сведения письменных источников об оседлой жизни значительной части населения древнехакасского государства имеют археологические подтверждения. Хотя сельские поселения аскизской культуры еще не изучены, об их существовании говорят подъемные материалы. Например, сборы на дюнах по правому берегу Енисея от д. Сизой до г. Минусинска свидетельствуют, что там существовали поселения XI—XII вв. Они были неукрепленными и по внешнему виду мало отличались от селений предшествующего времени. На значительную плотность населения в долине Енисея в рассматриваемый период указывают не только многочисленные курганы и случайно найденные предметы аскизской культуры, но и широко известные горные крепости-убежища. Они существовали практически в каждой удобной для жизни долине горного края. Возникнув в предшествующее аскизской культуре время, они, несомненно, использовались и продолжали сооружаться в XI—XII вв. и позднее. Датировать эти крепости позволяют курганы, расположенные в них и вдоль их стен, наскальные рисунки и собранные подъемные материалы. О бытовании крепостей вплоть до XVII в. сообщают русские письменные источники. Существование таких крепостей-убежищ, имеющих обычно слишком малую для постоянной жизни площадь (в среднем 6—10 тыс. кв. м), располагающихся на вершинах труднодоступных скал и сопок с прекрасным обзором, не оставляет сомнений в том, что где-то поблизости с ними, в удобных для жизни местах речных долин, находились постоянные поселки. Такие убежища подтверждают тем самым существование не только оседлых поселений, но и их неукрепленность. Многочисленность крепостей наводит на мысль, что практически каждый крупный поселок имел подобное укрепленное убежище. Известны также целые укрепленные районы, предназначенные для убежища населения многих селений. Они резко отличаются по размерам: стена оглахтинской крепости протянулась на 25 км, только южная стена укрепления на Хызыл-Хае у д. Подкамень достигает 2 км длины (остальное — неприступные скалы). Расположенные в самом центре древнехакасского государства периода его расцвета такие крепости свидетельствуют о феодальной раздробленности огромной державы.

Такие крепости —один из источников для изучения фортификационного искусства носителей аскизской культуры. Они укреплялись сложенными насухо стенами из плитняка и камня, высота которых еще в XIX в. достигала в ряде случаев 2 м [Appelgren-Kivalo H., 1931]. Обычная ширина кладки 1,5—2 м. Там, где стена защищала значительное по площади убежище и имела большую длину, она часто повторяла рельеф местности. В широких логах вдоль стен выкапывали ров, стены укрепляли пристроенными к их внутренней стороне дополнительными прямоугольными в плане бастионами из камня. Длинные прямые участки обороны в некоторых случаях укрепляли стеной, идущей зигзагообразной линией, соседние выступы которой позволяли вести перекрестный обстрел. Для укрепления верхней части стен часто употребляли и деревянные палисады. Планы крепостей различны, так как они зависят от рельефа местности. В большинстве случаев подковообразно изгибающаяся стена огораживает площадку на краю скального обрыва. Укрепления без обрывов имеют форму неправильного овала, трапеции, иногда круга. Некоторые крепости состоят из не-

скольких примыкающих друг к другу отсеков. Нередко укрепления имеют два-три ряда стен. Проходы в крепость всегда узки (обычно не шире 1,5 м), часто расположены у края обрыва или прикрыты изгибами стен [Appelgren-Kivalo H., 1931; Кызласов Л. Р., 1960, 1963а, 1969б, 1975, с. 209].

Фортификационным сооружением другого рода является замок, раскапываемый на территории средневекового города в устье р. Уйбат (рис. 33, *А*). Это крупное сооружение из сырцового кирпича пережило несколько строительных периодов. Первоначально (видимо, в конце IX—X в.) оно в плане было квадратным (30×30 м). Стены, достигавшие, вероятно, 6—7 м в высоту, были толстыми у основания (более 2 м) и сужались к верхнему краю. Возможно, уже в тот период усеченно-пирамидальный замок был двухэтажным. С течением времени у владельцев замка возникла необходимость увеличить его. К первоначальному квадрату было вплотную пристроено такое же по размерам сооружение, так что южная стена здания стала внутренней, делящей замок на две равные части. Вероятно в ней был пробит проход, связывающий старую и новую части построек. Единственный узкий вход (шириной 1,2 м) в замок находился в восточной стене. Возможно, одновременно с этой перестройкой к длинной восточной стене были пристроены четыре башни, на 6 м выступающие за линию стен; центральные башни были трапециевидными в плане, угловые — в форме восьмигранников. Размер сырцового кирпича, из которого сложена постройка, всюду одинаков — 42—45×22—26×10—12 см.

Узкий вход в замок в результате перестроек оказался буквально зажат между двумя мощными башнями у северного угла. Три другие стены сооружения не имели дополнительных укреплений. Возможно, это объясняется тем, что южная и северная стены в силу своей небольшой длины могли простреливаться с выступающих угловых башен, а западная стена — сверху.

Окружавший замок город — самое крупное городское поселение аскизской культуры — укреплен, видимо, не был.

Из других монументальных сооружений города раскопано небольшое прямоугольное здание (16×20 м) административного назначения (рис. 74, А). Занимавший все внутреннее пространство здания зал (13××17 м) имел 10 массивных (диаметром до 0,5 м) деревянных колонн, стоявших квадратом. В центре окруженного колоннами пространства сохранились остатки небольшого возвышения из сырцового кирпича. Каждая из колонн опиралась на вмазанную заподлицо с глинобитным полом базу — песчаниковую плиту, имевшую разметку для установки колонн. Стены здания были сложены из сырцового кирпича размером 34—36 × 20 × 8 см. Кладка велась прямо на дневную поверхность, без фундамента. В связи с этим хорошо знакомые со свойствами необожженного кирпича строители использовали деформационные швы, разделявшие стены здания через определенные промежутки и сохранявшие их от разрывов при усадке кирпича и раствора (рис. 74, *А*). На территории города обнаружены остатки других сырцовых и столбовых построек, крытых черепицей. Основу общей застройки города составляли деревянные срубные и столбовые дома.

Если кирпичное строительство в древнехакасском государстве возникает в результате культурных связей с народами Средней Азии и Восточного Туркестана и, вероятно, непосредственно связано с градостроительством древних уйгур, то возведение обычных бытовых деревянных построек имеет давнюю местную традицию, восходящую по крайней мере к таштыкской эпохе.

Аскизскую культуру отличает от смежных во времени и пространстве культур, помимо прочего, и еще одна особенность: подавляющее большинство предметов быта, начиная от орудий труда и кончая конским снаряжением и личными украшениями, изготовлялось из железа. Это свидетельствует о возросшем значении горного дела и черной металлургии. Нельзя не отметить высокое качество получаемого сырья и подлинный профессионализм его использования [Хоанг Ван Кхоан, 1974]. Массовость подобных изделий, их стандартизация (вплоть до мотивов орнамента) позволяют предположить все более возрастающую товарность ремесла и, вполне вероятно, специализацию ремесленников, разделение операций. Вместе с тем несомненное существование индивидуальных по различным деталям оформления наборов снаряжения (в пределах отмеченной стандартизации), вероятно, свидетельствует и о работе на заказ. Неоднократно отмечавшееся в письменных источниках высокое качество древнехакасского оружия, хорошо известная археологически широкая функциональная дифференциация видов вооружения (например, наконечников стрел) свидетельствуют о существовании профессионалов-оружейников. Небывалого до того размаха достигла работа ювелиров: все конское убранство, многие детали снаряжения всадников, одежды и детали туалета мужчин и женщин, даже некоторые орудия труда стали украшаться серебряной насечкой. Если в IX—X вв. и ранее серебряная инкрустация была врезной — металл набивался в специальные, выбранные в железе канавки, то в аскизской культуре основным приемом стала поверхностная таушировка (собственно говоря, аппликация серебром). Для нее поверхность фона насекалась крест-накрест линейными бороздками, мелкие участки — каплевидными заусенцами. Покрывавшиеся серебром участки всегда были углублены по сравнению с выступавшими ребрами и валиками железа, составлявшими сам орнамент. В XIII—XIV вв. приемы работы несколько изменились. Насечка фона крест-накрест сменилась каплевидными заусенцами. Орнамент стал располагаться более широкими поясами и фигурами, внутреннюю их поверхность перестали покрывать серебром. Орнамент из контурного стал силуэтным, затем — прорезным. От фона его отделяли невысокие тонкие валики. В монгольское время появилась и новая манера подготовки фона изделий — насекание линейными бороздками, повторяющими контур орнаментальных мотивов. Эта манера существовала и на поздних этапах аскизской культуры, сохранившись с небольшими изменениями до этнографической культуры хакасов.

Разнообразные формы кухонной и столовой посу-

ды, изготовленной на гончарном круге, свидетельствуют о продолжении и развитии гончарной традиции. Посуда имеет горновой обжиг. Вместе с тем существовало и домашнее производство лепных сосудов.

Торговые связи и караванные пути, отмеченные письменными источниками, подтверждаются археологическими находками. Из Средней Азии и Восточного Туркестана на Енисей попадали не только шерстяные и шелковые ткани, предметы роскоши, зеркала, сердоликовые бипирамидальные, хрустальные фасетчатые и стеклянные бусы [Кызласов И. Л., 1977а], но и оружие (иногда с арабскими надписями). В тарных сосудах и кувшинах оттуда же привозились дорогие масла и виноградные вина. Попадали с караванами и отдельные бытовые предметы, например пружинные цилиндрические замки. Ряд письменных источников прямо указывает на пребывание на Енисее мусульманских купцов. На Элегестском городище XIII—XIV вв. обнаружен квартал зданий среднеазиатского типа и мусульманское кладбище с мавзолеем. Раскопанный на р. Хемчик мусульманский могильник Саадак-Терек относится к существовавшей в то же время торговой фактории (Кызласов Л. Р., 1963, 1969а, с. 160—161). Прямых торговых связей с дальневосточными центрами в то время, видимо, уже не было. Однако через посредство соседних племен в древнехакасское государство поступали изделия из сунского фарфора, зеркала, монеты, шелка. Средневековые же хакасы продавали мускус, меха, мамонтовую кость, некоторые породы древесины, ловчих соколов и чистопородных лошадей, а также хлеб [Кызласов Л. Р., 1969а, с. 120—121, 169—171].

Огромное количество монет, найденных на территории древнехакасского государства [Лубо-Лесниченко Е. И., 1975а], а также сделанные на обороте некоторых из них енисейские надписи, связанные с их стоимостью, доказывают существование здесь внутреннего денежного обращения. Основой этого обращения служили дальневосточные бронзовые деньги, но на р. Иджим в Саянах найдена и крупная серебряная монета хулагидского чекана 1320 г. из г. Иезда.

В целом аскизская археологическая культура древнехакасского государства несомненно относится к западному азиатскому культурному ареалу. Экономические и культурные связи со Средней Азией и Восточным Туркестаном преобладали. Даже после монгольского завоевания, когда Саяно-Алтайское нагорье административно вошло в состав Юаньской империи, положение в общем не изменилось. Примером может служить широко распространенный в XIII—XIV вв. орнаментальный мотив синусоидального изогнутого растительного побега. На аскизских изделиях он гораздо ближе к распространенной в западных владениях чингисидов схеме, чем к юаньской.

Орудия сельскохозяйственного производства известны главным образом по случайным находкам и датируются по аналогиям. К обычным для Южной Сибири плужным лемехам и сошникам местного производства добавляются находки чугунных лемехов и отвалов XIII—XIV вв. (рис. 74, *7*, *18*) дальневосточного производства, появление которых на Енисее связано не только с торговлей, но и с организацией монголами в Туве военно-пахотных поселений и городов с этнически пестрым населением. Серпы и косы-горбуши аскизской культуры, по-видимому, мало отличались от сельскохозяйственных орудий предшествующего времени. В некоторых курганах встречены оковки лопат (рис. 74, *9*). Для переработки урожая применялись ручные мельницы. Ал-Идриси сообщает о водяных мельницах, сооруженных средневековыми хакасами на «главной реке» их области. В таежной и подтаежной зоне государства применялись корнекопалки (рис. 74, *63*) с железными втульчатыми наконечниками на конце. Широко использовались тесла-мотыги, в X—XII вв. имевшие несомкнутые втулки, более узкие, чем рабочая часть (рис. 74, *11*). Эта восходящая к предшествующему времени форма орудий в XIII—XIV вв. сменяется иной — втулка равна по размерам рабочей части или превышает ее (рис. 74, *54*). Такой облик этих орудий близок к традиционному виду подобных орудий тюрок Алтая (рис. 28, *73*; 33, *14*).

Интересные орудия, совмещающие в себе небольшой молоток и напильник (в расширенном конце рукояти) полукруглого сечения (рис. 74, *46*), применялись в производстве, вероятно, особенно часто ювелирами. Самыми разнообразными мастерами использовались молотки разных размеров и формы. Недаром их так много среди случайных аскизских находок. При разных тонких операциях применяли пинцеты с зажимами. Универсальным орудием продолжали оставаться ножи. В зависимости от назначения они имели разные размеры и форму. В снаряжение всадника входили особые миниатюрные ножички (длиной 2,5—5 см) и штыковидные длинные, узкие ножи боевого назначения (рис. 74, *12*, *71*). Аскизские ножи часто имеют нависающий вдоль спинки бортик, придающий их сечению Г-образный вид.

Носители аскизской культуры старались не помещать в могилы дорогого оружия. Немногочисленные мечи, как правило, лежат в курганах с согнутыми вдвое или втрое клинками. Они однолезвийные, с обоюдоострыми концами, черешками для деревянных рукояток, легкими напускными перекрестиями. Длина их до 1 м. Мечи выкованы из качественной стали, легки и удобны. Ножны мечей были деревянными. Их устье оковывалось железной пластиной, от которой вдоль по стороне, обращенной к острию меча, отходила дополнительная узкая железная полоска (рис. 74, *33*). Две железные петли, напущенные на ножны, заканчивались пробоями с колечками для подвешивания к портупее. Иногда такое кольцо имелось и на рукояти меча (рис. 74, *57*). Конец ножен имел железную оковку, овальную в сечении. Относительно частое обнаружение этих оковок в курганах свидетельствует о том, что на погребальный костер обычно клали пустые ножны — символ меча. Находки сабель единичны. Одна привозная сабля имеет арабскую надпись. Наконечников копий и дротиков в комплексах нет. Их также оставляли живым. Умершего сопровождало пустое древко, о чем свидетельствуют встречаемые в курганах железные втоки. Они часто имеют на стержне крепления к

древку, небольшое колечко (рис. 74, *10*), служившее для привязывания каких-то ремней или декоративных деталей. На использование всадниками пик указывают специальные железные петли, крепившиеся к стремени. В эти петли вставлялись втоки длинных древков, облегчая поддерживание пик в вертикальном положении на скаку. Так перевозились и знамена, вымпелы, штандарты (рис. 74, *3*).

На погребальный костер воина средневековые хакасы возлагали боевой лук и колчан со стрелами. Эти предметы хорошо сохранились в погребении Узун-Хая, относящемся к XI в. Лук сложный: деревянная основа усиливалась наклеенными по всей длине внешней стороны сухожилиями, а внутренней — роговыми накладками, все это оклеивалось еще слоем сухожилий и берестой. Концы плеч лука были цельнодеревянными, длина его в распущенном виде составляла 1,22 м.

Длинный берестяной колчан (0,85 м) имел деревянное вставное дно овальной формы (12×5 см) и укреплявшую каркас вертикальную деревянную планку. Поверх бересты он был обтянут шкурой жеребенка. Для подвешивания к портупее к вертикальной планке колчана были прикреплены две деревянные петли с сохранившимися в них обрывками ремней (рис. 74, *70*). На верхнем ремне пришита железная пряжка с длинным щитком (типа рис. 74, *34*). Древки стрел (общая длина 83,5 см, диаметр 0,8 см) — без следов оперения, в нижнем, расширяющемся их конце сделаны прорези для тетивы. Выше прорезей желтой, красной и зеленой красками нарисованы колечки, а также красный винтовой узор по древку. Черешковые наконечники стрел сверху закреплены сухожильной обмоткой (рис. 74, *62*).

Среди кальцинированных костей аскизских погребений часто встречаются остатки накладок на луки (рис. 74, *51*) и орнаментированных колчанных пластин. Найденные наконечники стрел очень разнообразны. Если в XI—XII вв. преобладают плоские, уплощенные и граненые наконечники разного рода ромбических очертаний (рис. 74, *51—53*, *55*, *56*), то в XIII—XIV вв. увеличивается роль крупных трехлопастных наконечников с вырезами в лопастях и роговыми свистульками (рис. 74, *27—29*, *38*). Особо отметим редкую форму железных трехперых втульчатых наконечников причудливых очертаний (рис. 74, *39*).

Из оборонительного вооружения до нас дошли в погребениях отдельные панцирные пластины (рис. 74, *28*) и части кольчуг, свидетельствующие об употреблении панцирных и кольчужных доспехов.

Остатки конского снаряжения встречаются в каждом кургане. От узды сохраняются многочисленные металлические детали: удила с псалиями, бляшки, накладки, распределители ремней, пряжки и наконечники, наносные султаны. В конце X—XI в. встречаются удила с перпендикулярно расположенными двумя кольцами на концах. Стержень псалия в этом случае вставлялся во внутреннее кольцо и закреплялся скобой, служившей для соединения с нащечным ремнем узды. Часто такая скоба украшена длинным гребнем (рис. 74, *19*, *72*). Этот способ крепления псалий, как и сама форма удил, был широко распространен в евразийских степях в предшествующее аскизской культуре время. Для XI—XII вв. характерны другие удила, концы которых завершаются уплощенной петлей. Ниже нее на стержне расположены упоры, не позволяющие надвигающемуся на конец удил псалию сползать вниз (рис. 74, *20—22*). Эта форма существует и в XIII—XIV вв. (рис. 74, *26*), постепенно сменяясь крюковыми удилами с крупными кольцами. Последняя форма, пришлая для аскизской культуры, удобная в обращении и простая в производстве, постепенно вытеснила местные варианты (рис. 74, *16*; 74, *9*, *10*, *67*). Сосуществование двух видов удил создало «гибридную» форму — крюковые удила с нефункциональными упорами (рис. 74, *55*) и дисковидные псалии (рис. 74, *3*). Унаследовав у предшествующей культуры сапожковое оформление низа, аскизские псалии сохранили его (рис. 74, *19*, *21*, *72*), но он изменился внешне и потерял свою функцию (рис. 74, *26*).

Кольца от удил изготовлялись плоскими или уплощенными и орнаментировались (рис. 74, *10*). Уздечные накладки и наконечники, шарнирные подвески нагрудных и потфейных ремней, имевшие округлый, чаще всего сердцевидный конец (рис. 74, *18*, *27*, *65*), развивались по линии уплощения. Упростились, стали геометрически более правильными и их очертания. Вместе с тем появилось парное расположение заклепок, декоративные валики по краям, ячеистый узор сменился геометрическим, расположенным зонами и поясами (рис. 74, *32*, *34*). Изменялся внешний вид пластин наносных султанов. Цилиндрическая форма их трубочек сменилась конической, с расширением в верхней части (рис. 74, *42*, *72*; 74, *23*, *53*). Наносный султан является отличительной чертой украшения узды аскизской культуры. Его положение на храповом ремне определилось находкой части целой узды с султаном в Узун-Хае (рис. 74, *73*). Уздечки средневековых хакасов в XI—XII вв., а возможно и позднее, вообще не имели налобного ремня. На эту мысль наводят и трехчастные распределители ремней, которые, как и султаны, восходят к местным прототипам IX—X вв. Поэтому они сохраняют Т-образность вплоть до XIII—XIV вв. (рис. 74, *24*; 74, *25*, *38*, *47*). Лишь в XIII—XIV вв. появляются крестообразные распределители (рис. 74, *20*).

От седел обычно остаются мелкие железные детали: петли (рис. 74, *23*; 74, *24*), обкладки лук (рис. 74, *17*), изредка — крупные серебряные пластины, украшавшие луки (рис. 74, *52*), бляхи (рис. 74, *4*, *21*). Целое деревянное седло, обтянутое овечьей шкурой, найдено в гроте Узун-Хая (рис. 74, *68*). Шкуры крепили ремнями. Подпружные пряжки делали из железа (рис. 74, *37*; 74, *50*) и из рога (рис. 74, *59*, *66*; 74, *68*). Стремена в XI—XII вв. крайне редко попадали в могилы, в XIII—XIV вв. их стали класть туда чаще. Развитие их шло так же, как и во всей Евразии (рис. 74, *2—5*; 74, *1*, *2*, *58*). Только аскизские стремена часто украшались серебряной инкрустацией (рис. 74, *58*). Найдены и деревянные стремена (рис. 74, *67*). Встреченные в курганах рукояти плетей делались из рога, железа и бронзы и по форме близки к восточноевропейским (рис. 74, *29*). Костяные рукояти часто орнаменти-

ровали (рис. 74, *61*). Для шнуровки, продергивания ремней в XIII—XIV вв. применяли специальные инструменты, завершавшиеся изображением конских голов (рис. 74, *12*, *66*).

Для изучения транспортных средств большой интерес представляют целиком сохранившиеся в гроте Узун-Хая погребальные сани. По внешнему виду они более всего напоминают нарты хантов и манси и генетически, скорее всего, восходят к небольшим грузовым санкам, до сих пор известным охотникам Саяно-Алтая. Хотя их длина достигает 3 м, у них не было оглобель и, вероятно, лошадь тащила их при помощи ременных гужей (рис. 74, *74*). О существовании колесного транспорта говорят находки в кургане 2 группы Кизек-Тигей остатков двухколесной погребальной повозки, напоминающей арбу [Кызласов Л. Р., 1975, с. 196].

В курганах встречаются баночные лепные сосуды, часто украшенные резным и штампованным орнаментом, имеющие насечки по венчику (рис. 74, *8*). При раскопках города в дельте Уйбата собрана обширная серия и гончарной керамики самых разнообразных форм, размеров и назначения: небольшие блюдца с округлым краем, выпуклые круглые крышки, миски, вазообразные сосуды со сложным профилем, широкогорлые, овальные в плане невысокие «супницы», крупные толстостенные тарные сосуды. Особенностью всей этой керамики является ровный горновой обжиг, придающий ей кирпично-красный цвет, и сложная форма отогнутого венчика, приспособленного к использованию керамических крышек. Сосуды большей частью гладкостенные, с хорошо заглаженной внешней поверхностью, иногда с тонким резным узором.

В составе столовой посуды выделяются серебряные чаши и кувшины. Их форма в XI—XII вв. во многом близка форме пиршественной посуды предшествующего времени (рис. 74, *6*, *7*). В XIII—XIV вв. бытовали иные формы, широко известные в памятниках Евразии этого периода (рис. 74, *5*, *6*, *56*, *57*).

Из бытовой утвари в курганах наиболее часто встречаются предметы, входившие в походный набор воина-всадника: ножи, шилья, напильнички (рис. 74, *13*), туалетные пинцеты (рис. 74, *17*), двузубые вилки (рис. 74, *16*), щеточки (рис. 74, *45*), кресала скобковидной формы, крепившиеся в деревянную колодочку (рис. 74, *36*; 74, *65*), костяные футляры (рис. 74, *58*). От одежды остаются лишь бляшки и пряжки поясов (рис. 74, *19*, *40—43*, *69*), многочисленные детали разного рода портупей (рис. 74, *31*, *32*, *34*, *35*, *60*, *64*; 74, *35—37*). В гроте Узун-Хая почти целиком сохранилась шелковая рубаха, мягкие длинные сапожки, небольшой, крепившийся к поясу мешочек из шелка. Частью головного убора и одновременно украшением женщин были длинные (до 20 см) железные булавки (рис. 74, *30*), восходящие к изделиям предшествующего времени. В женских погребениях обычны также находки сердоликовых, агатовых, ониксовых, хрустальных и стеклянных бус, в больших количествах привозившихся из Средней Азии. Серьги (рис. 74, *15*; 74, *44*) встречаются и в мужских погребениях. Среди случайных находок XI—XIV вв. на территории аскизской культуры многочисленны арабские и дальневосточные зеркала [Лубо-Лесниченко Е. И., 1975б]. В гроте Узун-Хая погребальное ложе состояло из войлочных кошм и узорчатых плетеных тростниковых циновок.

Погребальный обряд и типы надмогильных сооружений отражают этническую пестроту населения древнехакасского государства и проходившие в нем в XI—XIV вв. ассимиляционные процессы. Обряд аскизской культуры в целом един — это трупосожжение на стороне с погребением на горизонте под невысоким каменным курганом кольцевидной формы (рис. 74, *Б*). Реже сложенные насухо плиты образуют не оградку, а сплошной панцирь (рис. 74, *А*) [Кызласов Л. Р., 1975, с. 205—207].

Отметим, что в аскизские курганы часто помещали шкуру коня без головы и иногда его мясо. Изредка под курганами находят скелеты огромных боевых собак особой породы, достигавших размеров теленка [Кызласов Л. Р., 1975].

Отклонения от этого обряда говорят об иной этнической принадлежности погребенного. Однако к аскизским должны быть отнесены и те погребения по обряду трупоположения, инвентарь которых целиком укладывается в нормы аскизской материальной культуры. Они свидетельствуют об ассимиляции средневековыми хакасами отдельных представителей других этнических групп государства, сохранивших прежние черты своего погребального обряда. Примером этого является погребение в гроте Узун-Хая (рис. 74, *В*, *58—74*), относящееся, как уже говорилось, к XI в. и близкое к традициям некоторых алтайских племен, но аскизское по инвентарю.

В монгольское время аскизские вещи широко использовались населением, хоронившим покойников на могильнике Часовенная гора и в курганах на горе Самохвал (рис. 74, *Б*, *38—58*, *65—69*) [Кызласов И. Л., 1978].

Подобные комплексы хорошо выделяются на фоне типично аскизных погребений и могил кыштымов древнехакасского государства. Хотя последние изучены в очень небольшой степени, уже сейчас ясно, что для них был присущ не только особый погребальный обряд (варианты трупоположения), но и отличный от аскизского инвентарь (могилы у с. Суханиха — рис. 74, *59—64*, у улуса Доможакова, сел Лугавского, Абакано-Перевоз, Сарагаш, Оты и т. д.) [Гаврилова А. А., 1969]. Эти погребения несомненно представляют ряд самостоятельных археологических культур, выделение и изучение которых — задача будущего. Без ее решения нельзя ответить на многие вопросы, которые ставит перед нами исследование этногенеза коренных народов Южной Сибири.

Курганы аскизской культуры обычно располагаются на горах: по вершинам, седловинам и склонам. Могильники невелики, обыкновенно они не превышают десятка насыпей. Вместе с тем курганные группы многочисленны и часто располагаются одна около другой. Поминальные обычаи XI—XIV вв. гораздо менее ясны для нас, чем погребальные обряды. Обычай сооружать у курганов стелы с эпитафиями (рис. 74, *Б*) был постепенно оставлен уже на первом этапе аскизской культуры. Судя по тамгам,

к концу X — началу XI в. в Туве относится всего 10 стел [Кызласов Л. Р., 1965а]. Для XI—XII вв. известен лишь один курган со стелой и эпитафией (Тува, Малиновка, курган 1) [Кызласов Л. Р., 1960, 1969а, с. 114—116; Кызласов И. Л., 1977б]. На двух могильниках этого же времени встречены вертикально поставленные у курганов плиты, но уже без надписей (Самохвал, Хыргыстар-аалы на р. Нине).

Однако древнехакасская руноподобная письменность несомненно продолжала существовать и во время аскизской культуры. Кроме малиновской эпитафии, об этом свидетельствуют две дальневосточные монеты XI—XII вв. с вырезанными на оборотах енисейскими надписями. Нет сомнений, что число эпиграфических находок аскизской культуры в скором времени увеличится. Дело здесь не только в расширении археологических работ, но и в наметившемся интересе ко все еще неразработанной палеографии рунической письменности тюркоязычных народов средневековья [Кормушин И. В., 1975].

Удар, нанесенный древнехакасскому государству монгольскими феодалами, не прервал развития местной самобытной культуры. Наблюдения над сложными перипетиями упорной борьбы древнехакасского государства приводят к выводу о его значительной экономической мощи, несмотря на феодальную раздробленность, в которой оно находилось к началу опустошительного единоборства. Датой уничтожения древнехакасского государства следует считать 1293 г.

Все достижения саяно-алтайских народов в рамках этого государства — пашенное земледелие с искусственным орошением, градостроительство, письменность, высокий уровень государственного строя и многие другие социально-экономические и культурно-бытовые достижения — пришли в упадок.

Связь аскизской культуры даже на ее ранних этапах XI—XIV вв. с материальной культурой современных хакасов тем не менее ощущается по ряду четко прослеживающихся черт. О том, как трансформировалась в сложных условиях XV—XVII вв. аскизская археологическая культура, можно будет говорить только после новых больших полевых археологических и этнографических исследований.

Глава шестая
Волжская Болгария

Волжская Болгария как самостоятельное государство начинает упоминаться в письменных источниках с конца X в. Период становления ее проходил под властью Хазарского каганата.

Болгары, откочевавшие в начале IX в. из хазарских (донских) степей на лесостепные окраины Поволжья (см. главу 3), образовали там несколько объединений (ханств): болгар, сувар, ошелов и пр. Об этом еще во второй половине X в. помнил хазарский каган Иосиф, отметивший в своем письме к Хасдаю ибн Шафруте, что дань кагану платили два племени — болгар и сувар [Коковцов П. К., 1932, с. 98]. Этот факт подтверждается и описанием переговоров между царями болгар и правителями других областей, сделанным Ибн-Фадланом [Ковалевский А. П., 1956, с. 140—141], а также нумизматическими данными, свидетельствующими о том, что позднее не только в Болгаре, но и в Суваре производилась собственная чеканка монеты [Смирнов А. П., 1951, с. 26—27]. Оба эти города на протяжении нескольких столетий боролись за экономическое и политическое господство. Это разделение на отдельные группы или области было, видимо, основной причиной длительной слабости волжских болгар и невозможности противостоять Хазарии. По данным Ибн-Фадлана, болгарские правители вынуждены были не только выплачивать дань каганату, но и отдавать своих дочерей в качестве заложниц в гарем хазарского кагана [Ковалевский А. П., 1956, с. 140, 141].

В первые десятилетия X в. царь болгар сделал неудачную попытку присоединить сувар. Убедившись, что не обладает достаточными силами для того, чтобы встать во главе всего государства, царь обратился за помощью в далекий Арабский халифат. Обращение к злейшему врагу хазар — халифату означало, вероятно, и стремление освободиться из-под власти каганата. Болгарский царь принял мусульманство и стал деятельно насаждать его в своем государстве, противопоставляя себя тем самым хазарскому кагану — иудею.

Обо всех этих событиях начальной истории Волжской Болгарии подробно рассказано в записке Ибн-Фадлана, которую он написал после своего путешествия на Волгу в 922 г. [см.: Ковалевский А. П., 1956]. Это сочинение является самым полным и ценным источником по истории волжских болгар X в. Однако ни в нем и ни в одном другом из известных сейчас письменных источников не сохранилось точной даты освобождения Волжской Болгарии из-под власти хазар. Надо думать, первым шагом к этому было принятие мусульманства. Видимо, окончательное освобождение пришло только после разгрома Хазарии Святославом в 965 г. [Смирнов А. П., 1951, с. 31—32; Артамонов М. И., 1962, с. 426—437].

В конце X в. Волжская Болгария пыталась даже распространить свое влияние на Русь, прислав в Киев проповедников-мусульман, участвовавших в диспуте между иудеем-хазарином и христианином-греком, состоявшемся по воле русского князя в его киевском дворце.

Поскольку собственных хроник Волжской Болгарии не сохранилось, некоторые факты истории этого государства в X—XII вв. известны нам только по отрывочным записям русских летописей, упоминавших о русских или половецких походах на Болгарию и ответных болгарских ударах по русским северо-восточным землям.

В 1229 г. на восточных границах Болгарии впервые появились монгольские войска. До 1236 г. болгары успешно отражали их напор, пока монголо-татары не двинули на них огромные силы. Араб Джувейни писал, что «от множества воинов земля стонала и от громады войск обезумели дикие звери и ночные птицы» [см.: Смирнов А. П., 1951, с. 50].

Несмотря на страшные разрушения, которые принесли в страну монголы, города Волжской Болгарии были быстро восстановлены, а Болгар некоторое время был даже столицей Золотой Орды, в которой чеканились золотоордынские монеты [Янина С. А., 1954, с. 424—488; 1962, с. 153—206].

В начале XV в. Волжская Болгария, перенесшая несколько сокрушительных ударов молодого Московского государства, перестала существовать. На ее развалинах возникло Казанское ханство со столицей в Казани [Смирнов А. П., 1951, с. 269; Фахрутдинов Р. Г., 1975, с. 24].

История Волжской Болгарии, ее экономика, социальный строй, культура не могут быть восстановлены без самого широкого привлечения результатов археологических исследований. Систематическое изучение археологических памятников Волжской Болгарии началось в конце 20-х годов XX в. и продолжается до настоящего времени. Советские ученые провели раскопки крупнейших болгарских городов — Болгара, Биляра, Сувара, Хулаша и других, ряда небольших городищ-замков, селищ и могильников в различных частях древней Болгарии на территории Татарской АССР, Чувашской АССР и Ульяновской области [Смирнов А. П., 1952, 1954; Фахрутдинов Р. Г., 1975; Исследования Великого города, 1976]. Наиболее серьезные исследования проводились и проводятся в столицах государства — Болгаре и Биляре.

Город Болгар первоначально был небольшим, но хорошо укрепленным поселением. Он занимал выступ речной террасы, с двух сторон ограниченный оврагами и укрепленный валом и рвом (рис. 75, *1*). По валу шла дубовая стена в виде ряда деревянных срубов, заполненных землей и строительным мусором. Город представлял собой поселок ремесленни-

ков, жилища которых располагались на всей его площади, причем кузнецы и металлурги селились преимущественно на окраине, близ укреплений. Князь (болгарский хан) вел в тот период, по-видимому, еще полукочевой образ жизни. Археологи до сих пор не обнаружили в раннем городе никаких остатков княжеской резиденции. За линией укреплений находился постепенно разрастающийся городской посад. Там располагался и раскрытый археологами район русских ремесленников-ювелиров. Русский поселок, огороженный забором, состоял из четырех полуземлянок прямоугольной формы (5—7×3××1,2 м). Стенки их были отвесными, облицованы вертикально поставленными бревнами, полы земляные, ровные, входы — ступенчатые, крыши двускатные. На полу были обнаружены следы открытых очагов. Материал в жилищах (на полу и в заполнении) русский: обломки характерных горшков (составляют 50% всей керамики), большое количество стеклянных браслетов, шиферные пряслица и нательный бронзовый крест. Интересно, что различия прослеживаются и в составе стада: у болгар на основной территории городища кости свиньи составляют всего 1% от общего количества обнаруженных там костей домашних животных, а в славянском поселке — 4%.

Различный мелкий инструмент, обнаруженный в жилищах, дает основание считать, что весь поселок принадлежал русским ювелирам.

Русский поселок отличается от болгарского города и типом жилищ. У горожан-болгар преобладающим типом жилых построек были наземные деревянные дома с подпольями, глинобитными печами с трубами. Размеры домов 4×4 и 10×12 м. Наиболее богатые горожане жили в домах, сложенных из квадратного кирпича. Под углами некоторых домов находили остатки закладных жертв: дорогие вещи, голову лошади. В подполье одного из домов обнаружили кости лапы медведя. Вокруг домов располагались хозяйственные постройки: сараи, зернохранилища и погреба колоколовидной и цилиндрической формы. Между домами шли широкие (4 м) дороги, мощенные деревом.

В 1236 г. монгольская армия разорила и сожгла Болгар. В культурном слое городища прослеживается мощная прослойка угля — след грандиозного пожара, в котором нередко находят скелеты убитых и погибших в огне жителей города.

Уцелевшие от погрома жители довольно быстро вернулись в город после отхода из него монгольской армии. Об этом свидетельствуют открытые раскопками братские могилы, в которых захоронены целые трупы или их части, не потерявшие анатомического порядка. Это означает, что органические связки костей не успели разложиться до захоронения, а значит период, когда трупы лежали на открытом воздухе, не превышал месяца.

Период восстановления города прослежен археологами на нескольких участках городища. Богатые большие кирпичные и деревянные дома сменились в это время маленькими наземными или полуземляночными срубами (2×2, 3×3 м). Тем не менее именно тогда город на время стал столицей Золотой Орды и в 50-х годах XIII в. в нем начали уже чеканить собственную монету. К концу XIII в. в городе вновь появились богатые постройки. Тогда же начали возводить в Болгаре соборную мечеть, известную в науке под названием «Четырехугольник» (рис. 75, *2*). Правда, окончание строительства этого монументального здания оказалось не под силу обескровленному войной государству и поэтому завершилось только в начале XIV в.

К этому времени город вырос, выйдя за границы прежнего сравнительно небольшого домонгольского городка. Он состоял из центрального квартала, в котором находились общественные здания, в частности ханский дворец и Соборная мечеть, непосредственно примыкавшая к ханской резиденции. Мечеть — почти квадратное в плане здание с многогранными башнями по углам и высоким минаретом (рис. 75, *3*). Площадь вокруг мечети была вымощена камнем. Здесь стояли еще два мавзолея — погребения знати. От центра радиально отходило несколько улиц, ведших к воротам в город. Улицы, как и площадь перед мечетью, были замощены камнем. Интересно, что перед покрытием мостовых, как правило, производилась тщательная нивелировка (подсыпка песка и кирпичного щебня). Под мостовыми во многих местах проходил водопровод из глиняных труб. Берег реки, размывающийся во время разливов и подземными водами, был хорошо укреплен сложными дренажными сооружениями (каналами, ряжами), что свидетельствует о высокой инженерной культуре болгар того времени.

Дома в центре города, как правило, сооружали из кирпича. Обогревались они подпольной системой отопления, характерной для всех золотоордынских больших зданий. Такое же подпольное отопление было устроено в общественных банях (Черной и Белой палатах). Обе они располагались на площадях. Планировка этих сооружений одинакова: оба они состояли из предбанника и основного помещения с фонтаном в центре и четырьмя небольшими комнатками по углам. В них поддерживалась различная температура. Вдоль стен находились каменные водоемы, к которым была подведена холодная и горячая вода. Воду нагревали в большом медном котле, помещенном за пределами центрального зала. Аналогичные бани существовали во всех восточных странах начиная со времен античности и кончая XVIII—XIX вв.

Инженерное искусство болгар находит подтверждение и в том факте, что еще в домонгольский период у них появился водопровод из керамических труб, в XIII—XIV вв. водопроводная сеть стала еще более густой и совершенной. На площадях города били фонтаны и стояли водоемы (чешмы).

Таким образом, благоустройство города, его чистота и ряд общественных построек и сооружений намного превосходили большинство европейских городов той эпохи.

Интересно отметить, что в Болгаре в конце XIII в., как и в прежнее время, существовали, повидимому, кварталы иностранцев. Во всяком случае, раскопки 1947—1949 гг. открыли остатки армянской церкви, датирующейся по аналогиям XIII — началом XIV в. Рядом с ней располагалось христианское кладбище [Смирнов А. П., 1951, с. 180—191]. Это говорит о том, что международные связи Болгара с приходом монголо-татар не были прерваны — город

по-прежнему играл большую роль и был широко известен в Европе и Азии.

В отличие от Болгара, который в X — начале XI в. и позже в домонгольское время занимал сравнительно небольшую площадь, Биляр (и Сувар) уже в X в. были территориально крупными городами (рис. 75, *4*). Укрепления Биляра были аналогичны болгарским. В центре его находилось большое кирпичное здание, являвшееся караван-сараем (рис. 75, *5, 6*).

Окраины города были заняты ремесленными кварталами [Исследование Великого города, 1976]. Город погиб, как и Болгар, в 1232 г. Затем он также был восстановлен, но в отличие от столицы расцвет его приходится на домонгольское время. После разгрома он так и не вернул себе прежнего великолепия и влияния.

Тем не менее следует подчеркнуть, что все известные нам болгарские города пережили два периода в своей истории: домонгольский и послемонгольский (золотоордынский). Большинство из них, как и Биляр, во второй период превратились в заштатные городки и постепенно захирели, хотя и тогда они продолжали функционировать как ремесленные и торговые центры. Характерно, что в одном сравнительно небольшом городке — Тетюшах, как и в Болгарах, в XIV в. появилась армянская колония — в нем были обнаружены армянские погребения и надгробия, датирующиеся XIV в.

Помимо известных по письменным источникам городов, на территории Волжской Болгарии в настоящее время мы знаем более 20 небольших городищ X—XII вв., бывших, очевидно, феодальными замками [Фахрутдинов Р. Г., 1969, с. 224—236] (рис. 76). Одни из них — мысовые, укрепленные валами только с напольной стороны (рис. 77, *3*), другие располагались на открытом высоком берегу реки и были укреплены валами и рвами по всему периметру (рис. 77, *1, 2, 4, 5*). В таком случае укрепления как бы отрезали часть берега, образуя искусственный «остров». При этом, если берег был достаточно высоким и крутым, вдоль него валы не возводились, а вплотную подходили к береговому обрыву. Рвы в таких случаях нередко превращались в глубокие овраги (рис. 77, *5*).

Наиболее исследованным городищем является Тигашевское [Федоров-Давыдов Г. А., 1962, с. 498] (рис. 77, *1*). Первоначально оно было языческим святилищем, представлявшим собой окруженную рвом прямоугольную площадь, разделенную деревянным забором (частоколом) на три части, с ямами и полуземлянкой у входа. Датируется оно X в. Святилище принадлежало, по-видимому, населению, бежавшему на западную границу от насильственной исламизации, начавшейся в центральных областях государства.

В XI в. на месте святилища вырос княжеский замок, в котором было сооружено второе святилище с идолом в центре. Интересно, что при строительстве замка была использована ограда святилища, которая у окрестного населения, вероятно, считалась священной, а это давало возможность феодалу воздействовать на подданных не только экономически, но и идеологически. В целом укрепления замка, состоявшие из трех рядов валов и рвов, вполне отвечали требованиям обороны. В частности, проездные ворота располагались так, что нападающие, проникнув в межстенное пространство, неизбежно попадали под стрелы защитников крепости.

Внутри ограды находилась площадь, на которой находился кирпичный дом, являвшийся несомненно жилищем феодала. Вокруг него помещались деревянные постройки и служебные сооружения. Кроме них, на территории городища были раскрыты ремесленные мастерские. Это дает некоторые основания для предположения, что на месте замка создавались предпосылки формирования небольшого городка. Однако процесс этот не был завершен — замок был разрушен в самом начале XII в. [Федоров-Давыдов Г. А., 1962].

Вторым исследованным археологами городищем является Андреевское. Там открыты остатки жилого богатого дома, выстроенного из сосновых бревен, и ряд хозяйственных сооружений, в основном ям-зернохранилищ. Весь этот жилой комплекс был обнесен дубовым частоколом. Система укреплений была создана с учетом топографических условий местности: использованы естественные овраги, в наиболее слабых местах оборона усилена дополнительными валами. Этот замок, судя по материалу, был разрушен почти одновременно с Тигашевским — в первой половине XII в. Очевидно, взяты и разорены эти замки были отрядами русских князей, которые неоднократно совершали военные экспедиции в Волжскую Болгарию, особенно участившиеся в XII в. Могли они пострадать и в феодальных междоусобицах, которые особенно усилились в XII в. Очень показательно состояние одного из поселений, разрушенных в те годы,— болгарского города Хулаш. Там при исследовании оборонительных линий были обнаружены срытые валы и рвы, засыпанные землей из вала. Сделано это было, видимо, по приказу центральной власти.

Разведками, проводившимися в последние десятилетия в Прикамье и Поволжье, были открыты остатки 300 неукрепленных домонгольских деревень. Мощные культурные напластования этих поселений, достигающие 1 м, свидетельствуют о прочной оседлости населения этого государства. На некоторых из них проводились небольшие раскопки. Так, на Большом Пальцинском селище открыты жилища — прямоугольные в плане полуземлянки (2,7×1,9 м). Стены у них — обычные срубы, печи — глинобитные (1,7×0,6×0,5 м). Кроме полуземлянок, были обнаружены наземные сосновые срубные или же каркасные, обмазанные глиной дома. Печи в них, как и в полуземлянках,— глинобитные, полы — земляные или дощатые. Во всех раскопанных домах были вырыты подполья, закрывавшиеся досками, а рядом с жилищами — большие боченкообразные или колоколовидные ямы-зернохранилища. В них нередко встречались зерна пшеницы, ржи, овса, чечевицы, проса, гороха, ячменя. Состав семян сорных растений, обнаруженных в ямах, дал возможность палеоботаникам восстановить систему земледелия. Находки гречишки, вьюна полевого, мяты белой, подмаренника, характерных для старопахотных почв, длительное время используемых под посев культурных злаков, указывают на возможность только паровой системы земледелия.

О высоком уровне земледельческой культуры волжских болгар свидетельствуют и многочисленные находки железных частей пахотных орудий: лемехов, чересел и сошников (рис. 78, *17—21*). Лемехи и чересла аналогичны орудиям, находимым в более ранних памятниках салтово-маяцкой культуры (см. главу 3). Там они использовались для пахоты целинных степных земель. Очевидно, в Поволжье их привозили из каганата для этой же цели. Для вторичной обработки почвы применялись более легкие орудия типа сохи (с сошниками). Помимо того, сохами пользовались в подсечном земледелии. Большое количество разнообразных топоров свидетельствует не только о большом значении дерева в строительном деле и быте болгар, но и, очевидно, о широком применении их в земледелии (рис. 78, *22, 50—54*). Топоры были не только самым распространенным, но и наиболее изменяемым типом орудий. На протяжении трех веков они постоянно совершенствовались. В золотоордынское время выработался тяжелый тип топора без щековиц с широким лезвием и срезанной нижней частью (рис. 78, *54*).

Для обработки почвы и рытья котлованов пользовались мотыжками, также принесенными болгарами из степей, а в XIII—XIV вв. появились тяжелые мотыги, имеющие аналогии в среднеазиатских синхронных древностях (рис. 78, *55*).

Уборка урожая велась серпами, мало отличающимися от древнерусских, и косами-горбушами совершенной, почти современной формы. Зерно мололи ручными жерновами, характерными «салтовскими» (с отверстием для рукояти в верхнем жернове).

Изготовлением всех этих совершенных для своего времени железных тяжелых орудий занимались ремесленники, жившие в городах и, возможно, объединенные в ремесленные организации типа средневековых цехов.

Железо получали в сыродутных горнах, имевших вид полусферических сооружений диаметром около 1 м и высотой 0,5 м. Кузнецы владели различными способами закалки железа и получения стали. Большой интерес представляет находка в слое Болгара первой половины XIII в. крупного фрагмента горшка, в котором находились в спекшемся состоянии железные вещи. Очевидно, это остатки весьма распространенного в средневековье способа закалки железных вещей — их укладывали вместе с углем и обломками костей в закрытый глиняный сосуд и прогревали до 1000°, что приводило к соединению углерода с железом. Таким способом железные изделия получали твердость в 3—4 раза больше первоначальной.

Закалка железа особенно была нужна при изготовлении различных предметов вооружения. Больше всего в слоях городов попадается наконечников стрел. В домонгольский период они аналогичны древнерусским, разные типы золотоордынских стрел характеризуют и нередко датируют комплексы и слои XIII—XIV вв. (рис. 78, *2—6, 14, 61—65*). В целом все виды оружия и конской сбруи аналогичны синхронным им предметам из кочевнических и русских древностей XI — начале XIII в. и XIII—XIV вв. Оригинальными являются только сплошь покрытые сложным растительным узором бронзовые боевые топорики с наварным железным лезвием или целиком железные (рис. 78, *16*). Значительно чаще, чем на Руси, использовали болгары в XII и XIV вв. для защиты от конницы четырехконечные шипы («чеснок») (рис. 78, *15*). На Руси они особенно распространились в эпоху позднего средневековья (вплоть до XVII в.).

Из железа и бронзы изготовлялось множество бытовых предметов: ножи, кресала, ножницы, замки разнообразных форм и пропорций, как правило сложно запирающиеся и покрытые геометрическим орнаментом (рис. 79, *24, 25, 26*; 78, *30*).

О собственном развитом ювелирном деле прежде всего свидетельствуют частые находки литейных форм (целых и в обломках), в которых отливались сложнейшие ювелирные изделия (рис. 79, *21, 22*). В домонгольское время ювелиры Волжской Болгарии широко пользовались четырьмя приемами при изготовлении украшений и предметов туалета: литьем, плетением из тонкой проволоки, сканью и зернью (рис. 79, *8—20, 23*). Чернь и эмаль, в совершенстве освоенные русскими ювелирами, не были известны болгарам. Черненые изделия только изредка попадали в болгарские города из Руси и Арабского халифата (рис. 79, *19*).

Очень распространено было в Волжской Болгарии производство зеркал. В конце X—XI в. они аналогичны салтовским, позднее появились подражания китайским и иранским зеркалам (рис. 79, *1—3*), а для золотоордынского времени характерны крупные зеркала, достигающие в диаметре почти 30 см и украшенные на обратной стороне, как правило, фигурами геральдических животных и вязью арабской благожелательной надписи: «Слава и долгоденствие, счастье и блеск, возвышение и хвала, блаженство и высочество, власть и процветание, могущество и божеская милость владельцу сего навсегда».

Примерно в середине XIII в. возникло у болгар производство характерных пластинчатых узких браслетов со схематическими звериными мордами на концах (рис. 79, *7*). В литературе их принято называть «браслетами болгарского типа» и датировать XII в., однако в новых исследованиях приведены достаточно убедительные доводы для их передатировки — очевидно, эти изделия получили массовое распространение не в болгарский, а в следующий — золотоордынский период.

Вероятно, специальные мастера-котельщики занимались производством котлов. В домонгольское время они были медные, полушарные, склепанные из нескольких кусков. Ушки у них обычно ковались из железа, дужки тоже были железные, кованые (рис. 78, *29*). В золотоордынское время было освоено литье чугунных котлов. Таким образом, болгары первые в Европе научились лить чугун. Для этого были предназначены особые печи в виде домниц диаметром 1—1,2 м и высотой 1,5 м. Воздуходувные отверстия в них шли по спирали, что способствовало поддержанию постоянного жара в печи, а это давало возможность получать в ней чугун.

Чрезвычайным разнообразием и богатством характеризуются керамические изделия волжских болгар (рис. 80, *32—49*). Городские гончарные мастерские были исследованы в Болгаре [Хованская О. С., 1954, с. 340—369]. Там открыты обжигательные печи

двух типов: одноярусные и двухъярусные (с опорным столбом и без него). В этих печах обжигалась как некоторая строительная керамика (трубы), так и обычная посуда. Печи для обжига кирпичей были прямоугольные, состоящие из параллельных рядов арок. Их обычно ставили около строящихся зданий и по окончании строительства разрушали.

В Болгарах велись раскопки двух гончарных районов. В них обнаружены небольшие мастерские, состоящие из одной печи, и крупные — из нескольких печей с одной топочной камерой. Кроме того, в гончарных районах находили ямы для вымачивания глины, бракованные сосуды, лощила, сделанные из обломков керамики, и матрицы для формовки чаш, покрытых рельефным орнаментом. Изучение материалов из этих ремесленных районов дало возможность установить явное совершенствование керамического производства, достигшего расцвета в XIV в.

Впрочем, и в домонгольское время болгарская керамика пользовалась большой популярностью и широко распространялась не только на территории самого государства, но и за его пределы, в частности в северо-восточные русские княжества.

В домонгольский период в поселениях сельского типа найдено очень много лепной керамики (горшков и мисок, украшенных богатым орнаментом) (рис. 80, *18—26*). Сосуды эти принадлежали местному населению — угро-финскому. Ими пользовались вплоть до монгольского нашествия, причем не только в деревнях, но и в городах [Хлебникова Т. А., 1962, с. 340—369].

Однако гончарная керамика разных типов и назначения всюду в городских и деревенских слоях несомненно преобладает.

Производство наиболее распространенной лощеной посуды несомненно было налажено в Волжской Болгарии уже в IX в.— сразу же по приходе болгар из южных степей на Волгу. В первые десятилетия лощеные сосуды почти не отличались от «салтовских» ни формой, ни цветом (серо-черный обжиг). К XI в. городское керамическое ремесло получило дальнейшее развитие. В XI—XII вв. подавляющее большинство сосудов составляли кувшины с лощеной поверхностью. Лощение наносилось четко и густо, в клетку и вертикальными полосами. Обжиг был желтый или коричневый (рис. 80, *12, 13*).

В следующий период — в XIII и XIV вв. лощение постепенно почти полностью исчезает, обжиг резко меняется — подавляющее большинство сосудов приобретает ярко-оранжевый (красный) цвет. Сильно изменяется и ассортимент столовой керамики (рис. 80, *1—11*). Кроме кувшинов, столь же часто попадаются большие двуручные корчаги, миски, горшки, кружки и очень много крышек различной формы [Хлебникова Т. А., 1962].

Погребальный обряд волжских болгар начиная с X в. (а в центральных районах и с конца IX в.) — мусульманский [Халикова Е. А., 1977. с. 39—60]. Погребения совершались в простых ямах, головой на северо-запад в вытянутом положении, на спине с незначительным поворотом тела к югу — на правый бок, голова повернута направо — лицом к Мекке. В более поздних погребениях иногда прослеживаются остатки гробов — доски или просто гвозди (рис. 78). Для знати в XIII—XIV вв. на городских площадях возводили мавзолеи, украшенные поливными изразцами. Как правило, они кубической формы с пирамидальным верхом (рис. 78).

В настоящее время известно и частично исследовано около 10 домонгольских мусульманских могильников. На некоторых языческих могильниках, в частности Танкеевском, хорошо прослеживается переход от языческого обряда к мусульманскому. Мусульманские ранние погребения иногда по старой традиции сопровождались небольшим количеством вещей (ножами, бусами и пр.), которые и позволяют определить их датировку. Как правило, все мусульманские погребения Танкеевского могильника, который перестал функционировать в самом начале XI в., располагались на окраине.

Несмотря на глубокое внедрение мусульманской религии и восточной культуры в сознание населения Волжской Болгарии, прочные народные основы языческой религии продолжали, по всей видимости, еще существовать в государстве и в какой-то степени проявлялись даже в золотоордынское время. Например, недалеко от Болгара, в урочище Ага-Базар, на месте древнего торга, о котором писал еще в своей записке Ибн-Фадлан, были обнаружены остатки языческого святилища XIV в. [Смирнов К. А., 1958]. Святилище состояло из семи расположенных по окружности ям. В центре окружности находился массивный деревянный столб, видимо идол. В каждой яме были найдены остатки кострища на глиняных «подушках». В некоторых ямах было по нескольку глиняных прослоек и кострищ. В кострищах обнаружено большое количество костей животных, обломков посуды золотоордынского времени и несколько джучидских монет. Общая планировка этого позднего святилища почти аналогична святилищу «Шолом», относящемуся к I тысячелетию н. э. и принадлежавшему местному финно-угорскому поселению. Очевидно, что и Ага-Базар — комплекс, сооруженный какой-то группой местных племен, не принявших мусульманство и тем не менее допущенных для жительства в самый центр государства — к его столице.

Археологические исследования Волжской Болгарии позволили говорить о высоком развитии экономики и культуры этого государства уже в самом начале его истории. Пришедших сюда в IX в. болгар было немного, но это был крепко спаянный «ударный кулак» — та организованная и военизированная для захвата новой территории орда, которая сплотила вокруг себя местное население и в значительной степени не только ускорила процесс его феодализации, но и повлияла на сложение общегосударственной экономики и культуры.

Постоянно выявляемые археологами все новые и новые черты, связывающие Волжскую Болгарию с Хазарским каганатом и Дунайской Болгарией, можно уверенно считать устойчивыми признаками болгарских племен, активно расселявшихся на степных просторах Восточной и отчасти Южной Европы в VII—X вв. [Артамонов М. И., 1962]. Весьма существенным представляется то, что многие из этих черт сохраняются в культуре Волжской Болгарии даже после разгрома ее монголо-татарами, т. е. в золотоордынский период существования этого государства.

Глава седьмая
Кочевники восточноевропейских степей в X—XIII вв.

Печенеги, торки, половцы

Интерес к кочевым народам, обитавшим в восточноевропейских степях в первые три столетия II тысячелетия н. э., отчетливо выявился примерно в середине прошлого века. Многочисленные свидетельства русских летописей об этих народах, подкрепленные сообщениями восточных и византийских авторов, неоднократно привлекали внимание исследователей второй половины XIX в. [Сум П., 1846; Аристов Н., 1853; Березин И., 1854; Голубовский П. В., 1883, 1884, 1889]. В те же десятилетия русские археологи занялись археологическими материалами, характеризующими в первую очередь культуру и быт степняков в домонгольское время (Л. С. Стемпковский, А. А. Бобринский, Д. Я. Самоквасов, Н. Е. Бранденбург, Е. П. Трефильев, В. А. Городцов и др.). Среди множества курганов, заполнявших степи и лесостепи Восточной Европы, выделялись группы сравнительно небольших насыпей (редко превышающих в высоту 1 м). Под ними и находились погребения так называемых поздних кочевников, датирующиеся в основной массе XII—XIII вв., хотя попадались среди них и более ранние захоронения — X—XI вв. Значительное количество захоронений этого времени помещалось в больших курганных насыпях предыдущих эпох (бронзового века и скифских). Иногда в одной насыпи находилось до десяти «впускников», однако чаще попадались единичные погребения.

Особенно активизировалась работа по изучению малых курганов поздних кочевников в начале XX в. Н. Е. Бранденбург раскопал около 100 курганов в Киевской области в Поросье, где, согласно летописи, обитали вассалы Руси — Черные Клобуки. В. А. Городцов в эти же годы исследовал кочевнические погребения на среднем Донце, а Д. И. Эварницкий — в Приднепровье [Бранденбург Н. Е., 1908; Городцов В. А., 1905, 1907; Эварницкий Д. И., 1907]. Археологи сразу же пытались этнически осмыслить открытые ими материалы. В этой сложной работе, помимо полевых исследователей [Бренденбург Н. Е., 1895; Городцов В. А., 1907], принял самое активное участие крупнейший русский археолог А. А. Спицын, который разделил все раскопанные Бранденбургом погребения на торческие, печенежские и берендеевы [Спицын А. А., 1899]. В 1927 г. он вновь возвращается к этой теме, пытаясь сопоставить выделенные им типы погребений с народами, известными в степях по письменным источникам [Спицын А. А., 1927].

В советское время, особенно после 1945 г., начались большие археологические исследования в нижневолжских степях. Сначала там работали П. Д. Рау, П. С. Рыков, Н. К. Арзютов, позднее — К. Ф. Смирнов, И. В. Синицын, В. П. Шилов и др. Раскапывая могильники более ранних эпох, они постоянно находили и исследовали случайно попадавшиеся им поздние курганы и погребения. В результате была создана замечательная коллекция позднекочевнических памятников X—XIV вв. [Кушева-Грозевская А., 1928; Синицын И. В., 1959; Смирнов К. Ф., 1959; Шилов В. П., 1959; и др.]. Продолжались работы на степных курганах и могильниках и в других местах. Так, в начале 50-х годов был раскопан кочевнический могильник у Саркела — Белой Вежи [Плетнева С. А., 1963], украинские археологи на Херсонщине и в Крыму вскрыли несколько могильников и десятки отдельных погребений, относящихся к трем первым векам II тысячелетия. Большие новостроечные экспедиции, работающие в последние годы в Ростовской области, на нижнем Дону по изучению курганов, также дали новый интересный материал для исследования позднекочевнических древностей [Мошкова М. Г., Максименко В. Е., 1974, с. 9—12, 22—23].

Советские археологи продолжали начатую еще Спицыным работу по историческому осмыслению курганных материалов. В 1948 г. небольшую статью о группе погребений с костями коня написала Н. Д. Мец [Мец Н. Д., 1948], а в 1952 г. были защищены диссертации Л. П. Зяблиным и С. А. Плетневой на близкие темы, охватывающие почти все кочевнические погребения восточноевропейских степей. [Плетнева С. А., 1958]. Вслед за Спициным все три автора исходили при разделении материалов на группы из того, что каждый народ имел вполне определенный погребальный обряд, характерный только для него и неизменный во времени. В 1966 г. вышла большая книга Г. А. Федорова-Давыдова, в которой автор еще раз вернулся к обработке позднекочевнических материалов [Федоров-Давыдов Г. А., 1966]. Он разделил их не на этнические, а на хронологические группы, которые в конечном счете совпали, поскольку народы, оставившие курганы (печенеги, торки и половцы), последовательно сменяли друг друга. В восточноевропейских степях по письменным источникам можно выделить два этапа: печенежский (X — начало XI в.) и половецкий (середина XI — первая половина XIII в.). Торческого периода не было, так как этот народ недолго кочевал по донским и приднепровским степям. У торков была цель завоевать Византию. Преследуя ее, они, по существу, только прошли по Причерноморью на Балканский полуостров. Какая-то часть торков осталась в степях, но датируются их курганы уже новым, половецким временем.

Для хронологизации позднекочевнических древностей мы в первую очередь использовали вещи, встречающиеся почти в каждом кочевническом погребении: удила, стремена, стрелы. Намеченная эволюция этих вещей на протяжении 250 лет подтверждается корреляцией их между собой. Все остальные вещи и отдельные признаки погребального обряда подтверждают при коррелировании их с ведущими предметами деление древностей на несколько хронологически отличающихся групп. Этот метод использовался в работах Федорова-Давыдова [1966] и Плетневой [1973]. Судя по тому, что датировки обоих авторов расходятся только в незначительных деталях, метод правилен и предложенные в настоящее время даты для целых групп комплексов или для отдельных, богатых вещами погребений установлены достаточно прочно.

В 3-й главе настоящего тома подробно говорилось о датировках основной массы салтово-маяцких памятников Подонья и Приазовья: середина VIII — конец IX или первое десятилетие X в. Степи были разорены печенежским нашествием, о котором было упомянуто в нескольких почти синхронных этому событию письменных документах. Все они многократно использовались, толковались и комментировались русскими и советскими историками [Голубовский П. В., 1883; Расовский Д. А., 1937, 1938; Рыбаков Б. А., 1952; Плетнева С. А., 1958; Артамонов М. И., 1962; и др.].

В 915 г. печенеги впервые подошли, по сведениям русского летописца, к границам Руси. Захватив степи, печенеги мешали торговле Руси с южными и восточными странами. Недаром византийский император Константин Багрянородный особенно подчеркивал в своем сочинении, что Русь и другие соседние страны стараются быть в мире с печенегами, так как не могут ни свободно торговать, ни воевать, ни просто жить, если находятся во враждебных отношениях с этим народом, для которого грабежи и откупы были одной из важнейших отраслей дохода [ИГАИМК, 1934, 91, с. 6—7].

Более ста лет господствовали печенеги в приднепровских степях. Русь вела с ними постоянную изнурительную борьбу. Это привело к гибели одного из самых отважных русских князей — Святослава Владимировича.

Только в 1036 г. Ярослав Мудрый разбил подошедшее к Киеву печенежское ополчение и фактически уничтожил печенежскую опасность для Руси. Основная масса печенегов после этого разгрома откочевала к границам Византии, и там частично печенеги были уничтожены, а некоторые из орд были поселены в пограничных степях в качестве наемников, охраняющих византийские рубежи. Нас больше интересуют, естественно, те печенеги, которые остались в причерноморских степях. Судьба их различна: одни подкочевали к границам Руси — на берега р. Роси — и так же, как их византийские собратья, перешли на пограничную службу; другие остались в степи, присоединившись к подошедшим с востока гузам (торкам). Слияние этих двух народов началось еще в заволжских степях — не все печенежские орды ушли тогда на запад, часть из них осталась в непосредственном соседстве с гузами, подчинившись им. Об этом сохранился обстоятельный рассказ Ибн-Фадлана, проезжавшего по Заволжью в начале X в. [см.: Ковалевский А. П., 1957].

В середине XI в. в сильно опустевшие степи Подонья и Приазовья хлынули новые кочевые орды половцев (восточные авторы называли их кипчаки, западные — команы). Половцы были прямыми потомками кипчаков, входивших в IX — начале XI в. в Кимакский каганат. В 1055 г. они впервые подошли к юго-восточным границам русских княжеств. С этого времени началась сложная, насыщенная различными событиями история взаимоотношений двух народов, сведения о которой дошли до нас в основном в русской летописи и других русских письменных источниках [Голубовский П. В., 1883; Расовский Д. А., 1935—1938; Плетнева С. А., 1958, 1974, 1975; Федоров-Давыдов Г. А., 1966] (рис. 81).

Политическая история половцев периода пребывания их в днепровских и донских степях достаточно хорошо освещена как источниками, так и в научной литературе, посвященной их анализу.

К середине XII в. выходцы из степи — печенеги, торки, берендеи (видимо, какая-то орда половцев) — образовали в Поросье новый полукочевой союз, Черных Клобуков,— вассалов Руси. В те же годы изгои из разных половецких орд объединились в отряды, названные современниками «дикие половцы». Селились они также на русском пограничье и несли по отношению к русским князьям полувассальную службу. А в степях бежавшие из Руси смерды и бедные воины сколачивали боеспособные отряды, свободные от русских князей и от половцев. Это были так называемые бродники.

Несмотря на большое количество данных о политической истории кочевников, многие вопросы их передвижений по степям, пути их экспансии, вопросы экономики и культуры, а также торговых связей с другими народами без археологических материалов остались бы невыясненными. Весьма существенны поиски и изучение археологических памятников тех степных союзов, о которых сведения в летописях кратки и отрывочны.

Подавляющее большинство памятников, относящихся к поздним кочевникам, как уже говорилось,— курганы и курганные могильники. Специфика памятников определяет и специфику дошедшего до нас инвентаря: он ограничен вещами, которые, согласно обряду, должны были сопровождать умерших в загробный мир. Правда, следует признать, что обряд предусматривал помещение в могилу множества самых разнообразных предметов, поэтому можно составить довольно четкое представление о вещевом комплексе степняков (рис. 82).

Самой распространенной находкой в могилах кочевников X—XIII вв. были остатки сбруи — удила, стремена и пряжки. Изредка попадались и костяные окантовки седел с высокой передней лукой (рис. 82, *65*).

Наиболее изменчивыми во времени оказались стремена. К X в. относятся стремена с выделенной для путлища петлей и полукруглой подножкой, укрепленной жгутами. Аналогии этим стременам известны в предшествующее время. Салтовские стремена отличаются от них только большой стройностью очертаний, а стремена из Танкеевского могильника совершенно подобны им (см. главу 3).

К XI в. стремена с выделенной петлей исчезают из употребления. Их сменяют стремена с уплощенной дужкой и довольно узкой подножкой. В XII в. появляются стремена с прямоугольной или заостренной (треугольной) верхней частью, в которой вырезано отверстие для ремня. К концу XII в. дужка стремян становится ровной дуговидной, а подножка сильно расширяется (иногда до 10 см в ширину).

Значительно менее выразительно изменяются во времени удила. Наиболее ранними, встречающимися в могилах со стременами, имеющими петлю для ремня, являются удила с псалиями оригинальной формы — «крылатыми». Аналогии таким удилам известны в Танкеевском могильнике. Интересно, что там эти псалии соединены с удилами без перегиба, т. е. они односоставные. Удила без перегиба попадаются в комплексах с ранними формами стремян, т. е. в X и XI вв. Они, как правило, довольно массивные, с небольшими кольцами. В XII в. кольца сильно увеличиваются в диаметре, а в XIII в. такие удила исчезают из употребления. Обычные удила, которыми пользовались кочевники, в целом аналогичны современным. Однако следует отметить некоторую закономерность в изменении величины колец: в XI—XII вв. они чаще небольшие (не более 4 см в диаметре), а в поздних комплексах XII и XIII вв. диаметр их доходит до 7 см.

Подпружные пряжки — крупные круглые, квадратные и прямоугольные — не меняются во времени. Только одна форма пряжек: овальная с вогнутыми длинными сторонами — может быть определена хронологически — это X — первая половина XI в.

Остатки седел с высокой передней и низкой задней луками попадаются обыкновенно в комплексах со стременами не моложе XII в. Это костяные пластины, иногда фигурные или прямые, покрытые простым циркульным орнаментом-бордюром.

Помимо конской сбруи, в кочевнических погребениях в целом обнаружено огромное количество разнотипного оружия (рис. 82). Прежде всего это остатки сложных луков и колчанов со стрелами. От луков до нас доходят костяные срединные и конечные накладки. Характерно, что луки, синхронные ранним формам стремян и удил, имели короткие массивные срединные накладки («рыбки») и никогда у них не было концевых накладок. В более позднее время, в XII и XIII вв., накладки становятся длинными и тонкими и всегда сопровождаются концевыми.

Стрелы из кочевнических погребений аналогичны древнерусским. Датировки их, сделанные А. Ф. Медведевым [1966], не вызывают возражений. Характерно, что трехперые наконечники стрел не встретились ни разу даже в самых ранних комплексах. Общая тенденция изменения наконечников во времени направлена на увеличение их размеров — чем больше наконечник, тем меньше данных датировать его ранним временем.

Довольно часто вместе со стрелами в могилах находят остатки колчанов, которые по использованному для их изготовления материалу делят на два типа: кожаные и берестяные (рис. 82, *5, 53*). Первые скреплены скобками с одного края, вторые нередко имеют костяные петли, украшавшие колчан и служившие для подвешивания его на пояс. В XIII и XIV вв. такие колчаны украшали набором роскошно орнаментированных костяных пластин.

Значительно реже, чем луки и стрелы, в могилы воинов попадали копья и сабли. Для копий характерны наконечники, у которых втулка тяжелая и массивная, а перо узкое, нередко граненое, противокольчужное (бронебойное). В могилы бедняков вместо копья клали простую свернутую из листа железа трубку с острым концом — оковку противоположного конца древка копья, или «вток». Очевидно, во время боя в равной степени использовали как наконечник, так и железный массивный «вток». По сопровождающим находкам они датируются не раньше XII в.

Очень заметные изменения во времени произошли с другим важным, но редко встречавшимся в могилах оружием — саблями (рис. 82, *1, 2, 44, 45, 69*). Клинки X в. ничем в общем не отличались от салтовских и тем более от большетиганских и танкеевских. Они короткие и почти или полностью прямые. Со временем длина клинков и, главное, их кривизна заметно увеличиваются [Плетнева С. А., 1973, с. 16, рис. 5]. Весьма существенным признаком сабель XII в. является оковка конца их ножен и головок рукоятей трубками, свернутыми из листового железа. Длина таких трубок-оковок достигает иногда на ножнах 20—25 см.

Довольно часто в могилах кочевников попадаются остатки плетей — костяные рукояти цилиндрической или яйцевидной формы с крючком. Датируются они по аналогиям XI—XIII вв. (рис. 83, *13, 15*).

В ряде богатых кочевнических мужских и женских погребений были обнаружены довольно массивные перекрученные серебряные или бронзовые стержни (рис. 83, *41*; 84, *12, 13*). Длина их доходит до 30—35 см. Археологи долгое время считали их также остатками плетей, тем более что большинство этих стержней бывало зажато кистью правой руки. По внешнему виду стержни напоминают ложновитые гривны. Одни из них сломаны в середине и имеют только один конец, гладкий и суженный, а другой — массивный и витой, причем со следами излома; другие же несомненно являются просто распрямленными гривнами — оба конца у них узкие и гладкие, а середина — витая. По-видимому, эти гривны, переделанные в палочки, являлись знаками особого достоинства, своеобразными жезлами. В качестве рукоятей плетей они не могли служить, так как были слишком хрупки. Кроме того, в одном из нижнедонских погребений с хорошей сохранностью различных частей одежды из кожи и тканей серебряный витой жезл отнюдь не был соединен с ремнями плети — он лежал отдельно у правого бедра в складках одежды. Датируются жезлы по аналогиям с гривнами XII—XIII вв.

Оборонительные доспехи — редчайшая находка в погребениях. Состояли они из кольчуг и шлемов (рис. 83, *1, 18, 58*; 20). Такие доспехи характерны и для русских воинов и имеют многочисленные аналогии в русских древностях XII—XIII вв. Однако попадаются в погребениях и оригинальные изделия этого рода. Так, в одном из поросских курганов был найден полусферический шлем с козырьком, изготовленный из железных пластин на железном тяжелом каркасе (рис. 83, *39*). Такие же шлемы на кар-

касе, но обтянутом кожей, находили и в других кочевнических погребениях, синхронных поросскому (примерно середины XII в.). В нескольких погребениях воинов обнаружены панцирные доспехи, сделанные из небольших чушуйчато скрепленных железных пластинок.

Необычайным изделием являются найденные в могилах XII в. железные маски (рис. 83, *19*). Как и таштыкские гипсовые маски, они несомненно имеют портретное сходство с умершим. На месте глаз, ноздрей и рта сделаны прорези [Пятышева Н. В., 1964]. Создается впечатление, что при жизни воины пользовались маской как забралом — она достаточно массивна, хорошо закреплена на шлеме. Уши у таких масок бронзовые, с продетыми в мочки бронзовыми колечками. Сравнивать эти маски по их функциональному назначению с лицевыми серебряными или тканевыми покрытиями, известными по находкам в погребениях большетиганского типа, вряд ли правомерно, так как в них открыты именно те органы чувств (глаза, рот и пр.), которые по обряду должны были быть специально тщательно закрыты лицевыми покрытиями.

Бытовая утварь и орудия труда представлены в кочевнических поздних могилах очень слабо. По существу, почти при каждом погребении находят только ножи и реже — кресала с кремешками. О ножах, которые, как правило, очень плохо сохраняются, можно только сказать, что носили их всегда в обтянутых кожей деревянных ножнах. Рукояти у них были тоже деревянные иногда обтянутые фольгой или проволокой. Кресала — калачевидные, имеющие аналогии в Новгороде и других русских городах и датирующиеся X—XI вв., и овальные, относящиеся к XII—XIII вв.

Помимо единичных находок обычных шиферных или керамических пряслиц, оселков, шильев и шарнирных ножниц, которые не поддаются точной датировке, в погребениях поздних кочевников попадаются иногда различные керамические и металлические сосуды (рис. 82). Последние, как правило, сопровождают поздние погребения — конца XII—XIII в. Это грубые самодельные небольшие мисочки и котелки из листовой меди. Кроме того, в богатых погребениях того же времени встречаются изредка большие медные клепаные котлы с железными ручками (рис. 82, *105*).

Керамические сосуды в погребениях очень редки. Правда, в Поросье иногда ставили в могилы обычные русские горшки, да в отдельных захоронениях встречались на Донце и в Приазовье лепные грубые толстостенные сосуды с примесью дресвы и травы в тесте. Тем не менее благодаря материалам, полученным в раскопках Саркела — Белой Вежи [Плетнева С. А., 1959, рис. 49], у нас уже есть в настоящее время довольно четкое представление о кочевнической керамике X — первой половины XII в. Слой второй половины IX — первой половины X в. заполнен там, помимо типичной салтово-маяцкой керамики, обломками своеобразных богато украшенных лепных сосудов. По формам они делятся на два основных типа: горшки и кувшины (рис. 82, *27—30*). Горшки яйцевидные или почти круглые, с плоским дном, напоминающие обычные лепные салтово-маяцкие. От последних они отличаются, во-первых, формой сильно профилированного венчика, и, во-вторых, пышным орнаментом, иногда почти сплошь покрывающим тулово сосуда. Основными элементами этого орнамента являются арки и гирлянды, заполненные кружочками, наколами, ногтевым узором. Нередко горшочки снабжены одной или двумя небольшими ручками, тоже, как правило, орнаментированными.

В этом же слое Саркела наряду с салтово-маяцкой кухонной посудой — гончарными горшками и котлами — были обнаружены обломки лепных котлов с внутренними ушками, которые являются явно подражанием салтовским гончарным. Глина, из которой они сделаны, идентична глине сосудов с «роскошным» орнаментом. Очевидно, эти котлы можно считать одной из характерных форм позднекочевнической керамики (рис. 82, *43*).

Аналогии этой богато украшенной посуде известны пока только на памятниках VIII—X вв. в Средней Азии (в частности, на могильнике Уч-ат в южной Киргизии, раскопанном Ю. А. Заднепровским).

В слое XI — начала XII в. в Белой Веже встречается также небольшое количество обломков лепных горшков, изготовленных из характерного глиняного теста с примесью дресвы и травы и с поверхностью, нередко заглаженной пучком травы. Часть этих сосудов явно генетически связана с сосудами предшествующего слоя: у них резко профилированные венчики, орнамент в виде гирлянды, кружочки по венчику и пр. Однако основная масса горшков значительно более примитивна — они почти цилиндрические, толстостенные, с массивным грубым венчиком. По плечикам иногда проведена от руки волнистая линия (рис. 82, *41, 42, 103, 104*).

Обычно женские погребения кочевников, а иногда и мужские сопровождаются небольшим количеством украшений и предметами туалета. К числу украшений относятся серьги, бусы, подвески, гривны, браслеты, перстни (рис. 84).

Особенно часто встречающимся типом серег являются простые незамкнутые золотые, серебряные или бронзовые кольца. Диаметр их — от 1,5 до 3 см. Кроме них, широко были известны в степи серьги-кольца с напускной шаровидной дутой бусиной из того же материала, что и кольцо. И, наконец, в богатых погребениях попадались серебряные серьги или даже скорее крупные височные кольца с напущенной на них дутой биконической нанизкой, иногда усложненной дутыми коническими шипами и на всех сгибах украшенной тонкой витой проволочкой. Серьги с круглой бусинкой имеют аналогии в русских древностях и датируются концом XI—XII в., серьги же с биконической нанизкой — типично степные, кочевнические, датируются они по сопутствующему материалу XII в.

Бусы — редкая находка в кочевнических погребениях. Они встречаются обычно в количестве нескольких штук (никогда ожерельем). Как правило, все эти бусы — биконические сердоликовые, круглые хрустальные, лимонные, позолоченные, цилиндрические и круглые из непрозрачного стекла и пр.— типичны и для русских синхронных погребений. Редкость находок не позволяет пользоваться этим материалом для датировки погребений. Оригиналь-

ным степным украшением, попадающимся в погребениях, являются наборы лазуритовых подвесок (рис. 84, *14—17*). Формы их ромбические и треугольные (мужские и женские стилизованные фигурки), датируются они серединой XI—XII в. [Макарова Т. И., 1962].

Гривны, обнаруженные во многих кочевнических могилах, относятся к двум типам: витым и ложновитым (и те и другие с петлями на концах). Они имеют аналогии в русских древностях XII в. То же можно сказать и о браслетах — ложновитых и витых из двух жгутов. Концы таких браслетов на Руси оканчивались петлевидными утолщениями со вставкой из черненого серебра, а у кочевнических вставки были из лазурита.

Зато оригинальной степной чертой является присутствие в женских погребениях зеркал (рис. 82, *36, 97, 98*; 84, *21*). Производство их, очевидно, сохранилось в степях от салтовского времени, однако от зеркал VIII—IX вв. они отличаются чрезвычайной простотой рисунка на обратной стороне, нередко вообще гладкой, только с бортиком и шишечкой в центре.

Как известно, на Руси того времени зеркал не было, в степях же они вновь появились, судя по сопутствующему материалу, не раньше XII в.

От салтовского времени в степях сохранялось на протяжении, во всяком случае, всего X в. производство копоушек (рис. 82, *22*). Они бронзовые, литые, массивные, с большой овальной ручкой, украшенной сложным прорезным узором. Генетически копоушки связаны с салтовскими, которые были, однако, значительно меньшего размера, но той же формы — с ручкой-лопаточкой. Попадаются в могилах и копоушки в виде простых бронзовых палочек с колечком, также известных среди вещей предшествующей эпохи.

Помимо собственно украшений, в могилах поздних кочевников находят большое количество вещей, связанных с одеждой или являющихся частями одежды. В нескольких могилах открыты остатки тканей, по которым можно судить не только о том, из чего шили одежду, но и как ее шили. Кафтаны кроили длинные, до колен, но с короткими рукавами из византийской парчевой ткани. Рубахи были с длинными рукавами, тоже почти до колен, шелковые или полотняные. Сапоги типа ичигов доходили до колен, имели мягкие подошвы. Пуговицы для одежды изготовляли из кости (с одной или двумя дырочками в середине) или бронзы — дутые в виде бубенчиков. Типы последних очень устойчивы: они штампованные из двух половин, с петлей сверху и с прямой или крестовидной прорезью. В ранних могилах попадаются иногда литые, тяжелые, с богатым орнаментом бубенцы, имеющие аналогии в Танкеевском могильнике, т. е. датирующиеся временем не позже X в.

Синхронны этим бубенчикам и копоушкам с фигурной ручкой различные сложные подвески из бронзы, известные в основном в поволжских комплексах, но попадающиеся и в кочевническом могильнике у Саркела. Они представляют собой стилизованные крылатые фигуры уточек, четырехлепестковые фигуры и пр. и служили, видимо, амулетами (рис. 82, *24—26*).

Известны в кочевнических древностях и поясные наборы, и бляхи богатой конской упряжи. Однако бляхи на ремнях не играли тогда такой роли, как у жителей степей предшествующего времени. Это, видимо, не знаки достоинства, а просто украшения ремней. Характерно, что конскую сбрую украшали значительно более богатым убором: бляхами с золочением и чернью, подвесками в виде птичьих лапок и т. д. (рис. 82, *32, 35*). Очень характерными для сбруи стали трех- или четырехконечные соединительные бляхи. Что же касается поясов, то у них набор блящек в целом идентичен салтовскому. Это прежде всего наконечники, затем квадратные бляшки с прорезью, сердцевидные и серповидные бляшки и, наконец, бронзовые, обычно так называемые лировидные пряжки XI—XII вв. (рис. 82, *37*).

В настоящее время в степях от Волги до Прута раскопано до 2 тыс. кочевнических погребений. Это и отдельные небольшие курганчики, и впускные погребения в большие курганы предыдущих эпох. Существование могильников свидетельствует о том, что у кочевников данной группы появилась уже какая-то оседлость или хотя бы ограниченная территория кочевания. Характерно, что зафиксированные могильники располагаются в местах, известных по письменным источникам в качестве постоянных кочевий степняков. Такими являются, например, земли вокруг Саркела — Белой Вежи. В самом городе был довольно значительный процент кочевого населения, о чем свидетельствует большое количество характерной кочевнической керамики в слое. Самый верхний слой в Белой Веже является остатками кочевнического зимовища [Артамонов М. И., 1958]. В нем прослежены остатки наземных жилищ с глинобитными стенами. Могильник под стенами города, состоящий из 70 небольших курганов, принадлежал именно этому населению. Ориентировка скелетов на могильнике — зимняя: все они уложены головой на юго-запад. Курганы расположены беспорядочно.

Такие же могильники, состоявшие из нескольких десятков насыпей, исследовал Н. Е. Брандербург в Поросье, где сосредоточены были кочевья Черных Клобуков с их главным городом Торческом. Интересно, что там Бранденбург неоднократно фиксировал расположение могильников на высоких гребнях водоразделов небольших речушек, впадающих в Рось. Обычно курганчики были вытянуты по гребню в одну линию. В настоящее время в басссейне среднего Донца обнаружено несколько могильников на водоразделах притоков Донца. Каждый состоит из нескольких курганов (от 5 до 15). Исследования показали, что некоторые из этих групп принадлежали населению эпохи бронзы, но на них располагались святилища кочевников, о которых мы еще скажем в конце настоящей главы.

Использование насыпей предыдущих эпох для своих захоронений — одна из типичнейших черт погребального обряда кочевников. Погребения и впускались в полы кургана, и помещались в центре насыпи. Тысячи таких могил было уничтожено распашкой насыпей. Сохраняются они только в больших курганах, которые почти не тронуты пахотой.

Сооруженные самими кочевниками насыпи отличаются небольшими размерами: диаметр их не пре-

вышает 6—7 см, высота — не более 0,7 м. Высоту подавляющего большинства насыпей в наши дни вообще невозможно измерить — их почти не видно на поверхности. Насыпь сооружалась из материковой почвы и чернозема. Помимо земляных насыпей, известны насыпи, сооруженные с применением камня. Наиболее распространен тип насыпи из камней, перемешанных с землей. Однако попадались и насыпи, выложенные «черепахой», т. е. земляной холмик над могилой обкладывался по поверхности слоем камня, а затем снова засыпался землей и дерном. Насыпанные с применением камня курганы сохранились в степях лучше остальных.

Под курганом расположена могила глубиной от 0,5 до 1,5 м. По форме могилы можно разделить на несколько основных типов: 1) простые, с вертикальными стенками; 2) с приступкой вдоль длинной стороны могилы; 3) с приступками для перекрытия вдоль обеих длинных сторон могилы; 4) неглубоким подбоем вдоль одной из сторон; 5) с подбоем вдоль одной стороны и приступкой вдоль противоположной.

Погребения в могилах совершались преимущественно в гробах двух типов: колодах и ящиках, сбитых большими костылями. Иногда вместо гроба под костяк подкладывали поперечные дощечки. Погребения были: 1) одиночные, в вытянутом положении, на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, ориентированные головой на запад или восток и в редких случаях — на юг или север (все с сезонными отклонениями); 2) обычные по обряду, описанному выше, с головой и ногами коня, причем конская морда была ориентирована в ту же сторону, что и голова человека, или (реже) в противоположную. Останки коня укладывались рядом (слева) с покойником, над ним, на приступке или на перекрытии; 3) такие, где вместо головы и ног коня помещался полный его остов. Очень редко известны случаи сооружения для коней специальных могил. В Каменском могильнике на Днестре остов лошади помещался на дне могилы, шея была вытянута вверх, голова уложена в небольшую ложбинку, вырытую в погребенной поверхности кургана.

Сопоставление всех описанных выше особенностей погребальных обрядов между собой и с вещами, обнаруженными в захоронениях, позволяет выявить группы погребений, характеризующиеся оригинальными чертами и относящиеся к разным хронологическим периодам. Группы эти, очевидно, можно определить этнически, каждая из них оставлена кочевым народом, преобладавшим и господствовавшим в восточноевропейских степях в тот или иной хронологический период.

Итак, самая ранняя хронологическая группа, датирующаяся по интвентарю X — началом XI в., характеризуется следующими особенностями:

1. Захоронениями под небольшими земляными насыпями и впускными в насыпи предыдущих эпох.

2. Одиночным погребением в неглубокой яме.

3. Захоронением головы и ног коня слева от человека. В виде исключения вместо головы и конечностей коня укладывали рядом с покойником голову и ноги коровы или быка. Ориентированы останки животных мордой на запад (рис. 85).

4. Захоронение одного чучела коня без человека (кенотафы?).

5. Вещи при погребениях: стремена с выделенной для путлища петлей, короткие прямые сабли, луки с тяжелыми срединными накладками, копоушки с богато украшенной ручкой, подвески в виде стилизованных птичек, характерные серповидные бляшки на поясе.

6. Отсутствие женских погребений.

7. Находки в погребениях сосудов, украшенных «роскошным» орнаментом.

Группа принадлежит печенегам. Мы можем указать только один могильник, в котором погребались в восточноевропейских степях печенеги времен своего господства в них,— это могильник у Саркела. Все остальные погребения разбросаны по степи.

Вторая группа захоронений очень близка к первой погребальным обрядом. Отличия между ними заключаются в наличии женских погребений, отсутствии кенотафов, помещении головы и ног коня не рядом с покойником, а на приступке или над ним в засыпке могилы, на середине глубины. Могильные ямы в этой группе нередко более глубокие, чем в первой. В тех случаях, когда покойника погребали без коня, яма, как правило, имела приступки с двух сторон для сооружения перекрытия (рис. 85).

Вещи в этой группе погребений почти синхронны первой, их можно отнести к XI в.

Видимо, есть основания считать эти захоронения торческими (гузскими). В степях их немного, это и понятно, если вспомнить, что гузы только прошли по ним, кочуя здесь всего в течение одного поколения (не более 25 лет).

Третья группа захоронений, датирующаяся по сопутствующим вещам XII—XIII вв., имеет ряд особенностей, отличающих ее от двух предшествующих (рис. 85).

1. Курганные насыпи сооружены с применением камня.

2. Погребения человека совершались в неглубокой яме головой на восток.

3. Рядом с человеком погребался полный остов коня, ориентированный мордой на восток или, реже, на запад, т. е. к ногам покойника.

4. Никаких особенно оригинальных черт в инвентаре у погребений третьей группы нет. Все они относятся к XII и частично XIII в. Таким образом, можно только констатировать, что для них характерен богатый и разнообразный инвентарь этого времени, в частности сильно искривленные длинные сабли, овальные кресала, серебряные гривны и сделанные из гривен «жезлы», серьги с напускной дутой биконической бусиной, зеркала и пр.

Очевидно, третью группу можно считать половецкой.

Описав все три группы, отделяющиеся друг от друга временем и этнической принадлежностью, перейдем к весьма существенному вопросу, без которого провести исследование кочевнических древностей невозможно.

Выделенные нами этнические группы представлены в целом очень небольшим числом погребений. Основная масса кочевнических погребений во все периоды, а особенно в половецкий (середина XI — середина XII в.) имеет смешанный характер: пече-

него-торко-половецкий. По существу, в степях сложился в результате постоянных передвижений населения и смешения различных орд новый погребальный обряд, в котором нашли отражение черты обрядов всех трех народов. Однако наиболее устойчивым оказался печенежский обряд. Вполне возможно, это обстоятельство объяснимо традиционностью данного погребального обряда для степняков еще в предшествующий период: в гробу, головой на запад, с костями коня (только тогда кости коня встречались очень редко, а в печенежское время — более чем в 50% погребений).

Таким образом, печенежский погребальный обряд остался неизменным и в половецкий период — особенно в тех районах, которые были заселены печенегами в XI и XII вв. Такими районами были Поросье, поскольку печенеги являлись одним из главных компонентов Черноклобуцкого союза, и окрестности Саркела, где печенеги, согласно сообщению летописи, обитали вплоть до 1117 г. [Плетнева С. А., 1973, с. 20—23; 1975, с. 265]. Разбросаны поздние печенежские погребения и по всей степи. Это также вполне согласуется с летописным свидетельством о том, что в начале XII в. Владимир Мономах в походе на низовья Днепра встретил торков и печенегов и увел их на Русь (очевидно, отдельные орды этих народов продолжали и при половцах кочевать в степи). Начиная с первых лет XII в. в летописи печенеги все чаще и чаще упоминаются вместе с торками, что говорит. видимо, о слиянии этих двух народов. В Саркельском могильнике хорошо прослеживается это слияние по погребальному обряду: в большинстве раскопанных могил слева от покойника намечена низкая (всего 20 см) приступка, как бы символизирующая настоящую приступку — место для головы и ног коня. Кроме того, в том же могильнике попадались погребения, в которых останки коня лежали не на перекрытии, как должно было бы быть в классическом торческом погребении, а на земляной подсыпке над гробом.

Наряду с формированием печенего-торческого обряда шло слияние его с половецким обрядом. Это сказалось в следующем:

1. В погребениях с восточной ориентировкой покойника появились, во-первых, деревянные перекрытия над могилой, во-вторых,— захоронения остова коня головой на запад, в-третьих,— захоронения чучела коня мордой на запад.

2. В погребениях с западной ориентировкой покойника стали повсеместно встречаться захоронения целого коня: головой на запад, рядом с покойником; головой на восток, тоже рядом с покойником; головой на запад на приступке, рядом с ямой, перекрытой деревянными плахами.

3. Появились погребения с западной ориентировкой в неглубоких могилах под каменной насыпью и погребения с перекрытием под каменной же насыпью (рис. 82).

Наконец, в это же время появились в некоторых районах степи погребения с меридиональной ориентировкой (головами на север или, реже, на юг). В науке эти погребения вызвали споры. Г. А. Федоров-Давыдов считает, что они появились и распространились в степи в золотоордынский период [Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 163—165]. Однако, несмотря на явное преобладание меридиональных захоронений в поздний период, появились они в степях раньше — еще при половцах. Необычная ориентировка имеет аналогии не только в далеких азиатских погребениях, как это указано Федоровым-Давыдовым, но и в более раннее время на территории восточноевропейских степей. Мы знаем, что головами на север хоронили своих мертвых болгары какой-то группы, обитавшей в верховьях Донца (см. главу 3). Есть еще некоторые черты, связывающие меридиональные погребения двух эпох: камышовые подстилки, подсыпка на дно меловой крошки или углей, частое помещение в могилу сосуда (керамического или бронзового), а также наличие в погребениях костей животных — остатков заупокойной пищи. Все остальные особенности обряда не выходят за рамки описанных выше: захоронения, совершенные головой на север, в целом повторяют простейший, а именно печенежский обряд, только изредка вместо головы и ног коня с покойником укладывался конь целиком.

В этой связи следует вспомнить, что немногочисленные антропологические определения скелетов поздних кочевников дали интересную информацию: черепа печенежского периода почти не отличаются от болгарских черепов так называемого зливкинского типа [Вуич Л. Г., 1963] — это те же брахикранные европеоиды с незначительной примесью монголоидности. Что же касается половецкого времени, то черепа половцев нередко бывают монголоидными, хотя наряду с ними попадаются и совершенно «зливкинские» черепа.

Несмотря на большое количество раскопанных в настоящее время кочевнических курганов, все они разбросаны на такой огромной территории, что делать какие-либо выводы о расселении народов в степях, а тем более об их передвижениях по степи представляется нам преждевременным. По ним можно получить только самые общие сведения о географии, этнических особенностях, быте и оружии кочевников того времени. Неизмеримо больший материал дает для решения всех этих вопросов изучение каменных статуй, или, как их называли долгое время,— «каменных баб».

Еще в XVII в. тысячи каменных изваяний стояли на древних курганах и вообще на всяких возвышенных, заметных издали участках степи (на водоразделах, при слиянии рек, на перекрестках дорог). Как правило, изваяния стояли по двое, а то и по пять—десять штук на каждом кургане. В период освоения русскими степи курганы начали распахивать, а «каменных баб» стали в массовом количестве уничтожать или в лучшем случае свозить в крестьянские усадьбы для практических нужд, а в помещичьи — для украшения парков. Уничтожение было столь активным, что русские ученые, обеспокоенные этим, сумели в конце XIX в. добиться от правительства охраны этих замечательных произведений степного искусства. Впрочем, к тому времени подавляющее большинство сохранившихся статуй было уже сосредоточено в музеях южных городов нашей страны. В результате из десятков тысяч статуй, поставленных когда-то на степные курганы, сейчас до нас дошло не более 1500.

«Каменными бабами» в той или иной степени занимались многие русские исследователи — А. С. Уваров, П. С. Уварова, А. И. Пескарев, Н. И. Веселовский. Последний подвел итоги изучения статуй вплоть до 1915 г. (Веселовский Н. И., 1915] и попытался осмыслить их как исторический источник. Он решительно поставил вопрос о принадлежности этих изваяний половцам. Этот важный вывод Веселовского был поддержан и подкреплен советскими археологами [Федоров-Давыдов Г. А., 1966; Плетнева С. А., 1958, 1974]. В настоящее время половецкая принадлежность статуй вряд ли у кого вызывает сомнения, тем более что изучение их дает огромный материал именно для восстановления многих страниц жизни и истории половецкого общества.

Картографирование половецких статуй по районам дало картину расселения половцев в восточноевропейских степях, поскольку естественно предположить, что они ставили статуи в память умерших предков только на землях своих постоянных кочевий, в собственно Половецкой земле. Центр Половецкой земли находился в междуречье Днепра и Донца (включая приазовские степи). Там обнаружено было подавляющее большинство изваяний. Там же сосредоточены и все ранние типы статуй, что свидетельствует о первоначальном заселении этого района степи половцами и расселении их на другие территории именно отсюда, с берегов среднего Донца и Таганрогского залива. Расселение это шло последовательно на средний Днепр и верхний Донец, в низовья Днепра, в Предкавказье, в Крым и, наконец, уже в XIII в.,— в междуречье Дона и Волги (рис. 86).

О последовательности расселения дает нам возможность заключить картографирование различных типов статуй и построение эволюционных рядов этих типов (рис. 87). В основу типологии легли: пол статуи (мужской или женский), поза (сидящие, стоящие) и разнообразные изобразительные и технические приемы, использовавшиеся при изготовлении статуй. При построении эволюционного ряда следует прежде всего выделить наиболее ранние изваяния. Сделать это нетрудно, поскольку I и VI типы (стеловидные и полустеловидные, плоские) статуи имеют многочисленные аналогии среди кимакских изваяний, датирующихся X—XI вв. [Шер Я. А., 1966; Арсланова Ф. Х., Чариков А. А., 1974]. Ясно, что мы можем отнести эти типы к первому (раннему) этапу существования половецких статуй в восточноевропейских степях. Следующий этап развития — круглая скульптура (стоящие и сидящие изваяния), но со слабо обработанной спиной и низким рельефом в изображении рук, живота, лица (типы II и IV). Развитая рельефная круглая скульптура представлена типами III и V (стоящие и сидящие). Несмотря на строго соблюдаемую каноническую позу (руки у живота держат сосуд), на некоторую условность изображений (тяжелый торс, укороченные ноги), вызванную желанием сделать фигуру более массивной и величавой, статуи этого этапа отличаются необычайной тщательностью и искусностью исполнения (рис. 88; 89). Очень выразительны лица статуй, многие из них сильно монголоидны, а отдельные экземпляры — портретны. Характерно, что портретности умели достигнуть, несмотря на всегда определенное количество изобразительных приемов: Т-образные брови и нос; усы и рот, сделанные одним контуром, и некоторые другие. Статуи этих типов распространены очень широко, дата их, установленная по изображаемым на них предметам,— вторая половина XII — начало XIII в. Где-то в начале XIII в. появились в степях и объемные стелообразные статуи, бывшие как бы перерождением круглой реалистической скульптуры. Особенно хорошо это перерождение прослеживается на женских изваяниях. Вначале перестали изображать ноги, оставляя только подол кафтана в виде фартука. Затем убрали руки, хотя сосуд еще оставался на месте. В конце концов остался столб, слегка напоминающий человеческую фигуру,— приталенный, с выдающимся животом, с грудями. Голова на этом столбе исполнена столь же реалистично, как и головы и лица на скульптурах развитого периода.

Половецкие изваяния интересны нам и потому, что на них изображено большое количество предметов от костюма, украшений, оружия и разного бытового инвентаря (рис. 88; 89). Многие из деталей костюма и украшений не были бы известны, если бы не изображения их на статуях. Таковы, например, сложные женские прически-шляпы, мужские косы-прически, детали женской прически — «рога». Остатки этих «рогов» находим иногда в могилах, но они не были бы понятны без материала, полученного при изучении изваяний. Это войлочные валики с нашитыми на них полукруглыми выпуклыми серебряными пластинками. Покрой кафтанов, воротов рубах, фасон сапог, ремни, подтягивающие голенища, нагрудные ремни и бляхи, панцири из длинных, видимо металлических, пластин, вышивки на одежде — все это мы знаем только благодаря древним скульпторам, умело и точно изображавшим их на своих произведениях.

Картографирование отдельных деталей прически и костюма показало, что в различных половецких группировках они распространены не равномерно. Это наблюдение весьма важно для выявления этнографического своеобразия различных половецких объединений. Правда, сложение такого своеобразия только еще начиналось в половецком обществе и было прервано нашествием монголо-татар (Плетнева С. А., 1974, с. 51—52].

Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения, что каменные половецкие изваяния — остатки сложных верований и обрядов, связанных с культом предков. Статуи не были надмогильными памятниками, они воздвигались в степи на высоких местах в специально оборудованных для этого святилищах. Остатки таких святилищ, огороженных примитивной, сложенной из дикого камня квадратной в плане оградкой, неоднократно находили у кимаков. Развалы камня рядом с остатками изваяний попадались и в восточноевропейских степях. Особенно хорошо сохранились святилища, открытые совсем недавно, в начале 70-х годов, донецким археологом М. Л. Швецовым (рис. 85, *18*). Они располагались на вершинах курганов, которые, в свою очередь, находились на высоком кряжистом водоразделе. В плане святилища квадратные. Оградка

была невысокая, сложена из плитняка, которым и сейчас пользуются для сооружения заборов местные жители. В центре огороженного пространства были обнаружены пьедесталы двух (мужской и женской) статуй. У подножья их найдены многочисленные следы жертвоприношений — кости животных, а в одном из святилищ было погребено весьма реалистически выполненное изображение медведя. Скульптура не превышала в длину 0,6 м и являлась, видимо, символом родоначальника рода, к которому принадлежали скульптурные изображения мужчины и женщины, стоявшие в центре святилища. Находки остатков жертвоприношений у подножья статуй позволили установить состав жертвенных животных: конь, бык, баран, собака. В одном случае у подножья статуи было обнаружено ритуальное захоронение ребенка, умерщвленного, видимо, специально в качестве жертвы [Плетнева С. А., 1974, с. 73].

Естественно, что дорогие каменные изваяния (и даже деревянные, попадающиеся иногда в курганах) не были доступны беднякам. Их изготовляли только в память богатых и знатных: родовой аристократии. Таким образом культ предков постепенно переродился в культ предков — покровителей рода и даже целого союза племен (орд). С приходом в степи монголо-татар, уничтоживших половецкую аристократию, прекратилось в степях и производство этих замечательных произведений искусства.

Образование крепких союзов племен внутри половецкого общества сопровождалось выделением из него какой-то чуждой по тем или иным причинам части населения. Так отделились от половцев люди, ставшие хоронить своих мертвых с меридиональной ориентировкой. Выделились так называемые дикие половцы, один из могильников которых был полностью раскопан Н. Е. Бранденбургом [Плетнева С. А., 1973, с. 14, табл. 36—42, рис. 4].

Это могильник у с. Каменка в верховьях Днестра. Характерно, что в нем, несмотря на общие, объединяющие все погребения половецкие черты: камни в насыпи, восточная ориентировка, захоронения остова коня в отдельной яме,— встречается много погребений, имеющих, помимо того, то западную ориентировку, то перекрытие над покойником или остатки поминальной пищи в головах покойника. Это были, очевидно, половцы, сильно смешанные с печенего-торческим населением Черноклобуцкого союза.

Украинские археологи обнаружили и частично исследовали остатки оседлых, видимо земледельческих, поселений XII—XIII вв. на среднем и нижнем Днепре [Смиленко А. Т., 1975, с. 178—192]. Как правило, они большие и неукрепленные. На большинстве из них было раскопано всего по одной полуземлянке. Лучше других были изучены поселения у балки Яцевой, Гавриловки, Кичкасское (на среднем Днепре) и могильник у с. Каири (нижний Днепр). Большинство жилищ на Кичкасском поселении — полуземлянки с открытым очагом, расположенным в центре пола. Аналогии таким жилищам мы знаем в салтовских памятниках, т. е. в памятниках, оставленных полукочевым или недавно осевшим населением. На этом поселении найдена в основном керамика явно русских типов. Отсюда следует главный вывод исследователей: поселение принадлежало русскому населению. Факт наличия на Днепре (в степной зоне) русского населения подтверждается, по мнению А. Т. Смиленко, находкой христианского могильника у с. Каири. К сожалению, не были проведены антропологические измерения черепов с этого памятника и поэтому категорически утверждать именно русский его характер пока трудно. Он мог быть смешанным: здесь хоронили христиане — выходцы из русских дружин и из кочевнических орд.

Нам представляется, что говорить о русской принадлежности памятников степного Приднепровья, сопровождавшихся русской керамикой, вряд ли правомерно и исторически мало вероятно. Степь в XII в. принадлежала половцам: их кочевья и вежи неоднократно фиксировались летописцем на среднем Днепре — у порогов и Хортицы. Русские князья ходили сюда в походы с целью ослабить половцев или просто пограбить их. Если считать Кичкасское поселение русским, то это значит, что половцы по непонятной причине терпели неукрепленное поселение своих врагов на своей земле. Очевидно, поселение не было русским. Это было обширное половецкое зимовище, в котором жили бедняки-половцы и вполне возможно — выходцы из Руси — бродники. Смешанному бродническо-половецкому населению принадлежали и остальные степные памятники Приднепровья.

Разведками на берегах верхнего Дона (на степном пограничье) было открыто несколько сильно размытых оврагами поселений, характеризующихся обломками русской керамики XII в., а одно из них — еще и обломками лепных грубых горшков кочевнического облика. Думается, есть все основания считать и эти памятники остатками бродничесних или бродническо-половецких поселений [Плетнева С. А., 1964].

Исследование археологических памятников восточноевропейских степей X—XIII вв. дает обширный материал, подтверждающий кочевнический образ жизни обитавших в те столетия в степях народов. Судя по археологическим данным, у печенегов не было даже постоянных зимовищ, не было у них и кладбищ. Это были кочевники периода военной демократии, всегда готовые к войне и грабежам. Войны и откупы были важнейшей статьей их экономики. То же можно сказать и о торках. Оба народа осели только под давлением обстоятельств. Одна орда — у Саркела еще в X в., другие — в Поросье в конце XI—XII в.

Находки половецких (и половецкого времени) кладбищ в степях являются свидетельством появления у половцев и их степных соседей зимовищ. Находки поселений на Днепре и на Дону говорят как будто о появлении какой-то оседлости и внутри половецкого общества. Летописи сохранили сведения о русских городах на среднем Донце — Шарукане, Балине и Сугрове. Однако поиски их пока ничего не дали. Только у с. Гайдары Б. А. Шрамко обнаружил следы городища с обломками русской керамики XII в., которое могло быть остатками одного из летописных городов. Концентрация каменных статуй в определенных участках степи говорит

о строгой ограниченности половецких кочевий. Таким образом, вполне возможно, что только половцы начали прикрепляться к земле. Этому способствовали оживленные и постоянные сношения с Русью, не менее оживленные связи с крымскими торговыми городами, а также непосредственные отношения половцев с русскими-бродниками, селившимися в гуще половецких кочевий. Дальнейший процесс оседания и классообразования был прерван монголо-татарами.

Южный Урал в XII—XIV вв.

Как показывает археологический материал, культура населения Южного Урала после XI в. заметно изменяется в сторону еще большего сближения со степным миром. Одна из причин, вызвавших эти изменения, очевидно, кроется в том, что на Южном Урале продолжался приток новых групп кочевых племен, привнесших новые элементы в культуру. С учетом особенностей материала и исторических условий в культурном и историческом развитии населения края XII—XV вв. можно выделить два периода: XII — первая половина XIII в. и вторая половина XIII—XIV в.

Основными памятниками периода XII—XIII вв. являются Мрясимовские курганы, Кушулевский могильник, а затем самые поздние погребения Караниевских (9, 18) и Лагеревских (21) курганов. Для него характерными являются односоставные удила (рис. 90, *10*), и по-прежнему остаются в обиходе удила с широкими кольцами (рис. 90, *12*). Среди стремян появляются экземпляры с плоскими дужками арочной и овальной форм, округлые с расплющенной верхней частью и петлей для ремня (рис. 90, *16—17*). Одновременно еще бытуют ранние типы стремян (рис. 90, *13—15*). Состав костяных и железных пряжек остается почти без изменения (рис. 90, *34, 35, 36*), новой формой являются лишь трапециевидные пряжки с расплющенной передней частью и перехватом по длинным сторонам (рис. 90, *37*), а также овальные костяные пряжки с удлиненным цельным щитком (рис. 90, *39*).

В комплексах встречаются овальные и калачевидные с выступом в средней части кресала (рис. 90, *45*) и обычные плоские наконечники стрел (рис. 90, *7*).

Из украшений следует выделить пластинчатые браслеты, иногда с точечным орнаментом (рис. 90, *43*), серьги позднесалтовского типа (рис. 90, *47*), подвески-бубенчики с рельефным орнаментом (рис. 90, *8*). В курганах изредка встречаются высокохудожественные изделия, в частности найден серебряный кувшин с арабской надписью XII в. [Даркевич В. П., 1976] (рис. 90, *44*).

Датирующие признаки этого периода надежно обоснованы в исследованиях Г. А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 115], С. А. Плетневой [Плетнева С. А., 1973, с. 15—19], Л. Р. Кызласова [Кызласов Л. Р., 1969, с. 98, табл. III, *85—88*] и других археологов. Сюда входят почти все вышеперечисленные предметы.

Ко второму периоду, XIII—XIV вв., относятся I и II Жанаталапские, Россыпинские, Каменнозерный, II Имангуловский, IV Ивановский, Юлдыбайский, Башкир-Беркутовский, Сынтыштамакский (поздняя группа), Аккулаевские курганы, Шахтауское погребение. О синхронности указанных памятников говорит сравнительное однообразие состава находок, где наиболее характерными являются височные подвески в виде знака вопроса, иногда с насаженной бусиной из стекла, металла и спиралью (рис. 90, *53*), головные уборы типа «бокка», от которых зачастую остаются только длинные берестяные трубочки, вырезанные из медных листов человеческие фигурки-амулеты (рис. 90, *41*), миниатюрная кованая металлическая посуда в виде чаш с ручками или без них (рис. 90, *51*), зеркала монгольского происхождения, ножницы, крупные плоские наконечники стрел (рис. 90, *29*, *32*), бронебойные ромбического сечения с упором в основании (рис. 90, *31*), а также колчанные накладки из кости с богатым орнаментом (рис. 90, *28*).

Среди стремян встречаются те же типы, которые сложились в предшествующее время: с плоскими дужками, округлой широкой подножкой и небольшим выступом для путлища. Наряду с ними большое распространение получили простые арочные стремена с плоской подножкой (рис. 90, *21*, *24,25*). Повсеместно попадаются удила с большими кольцами (рис. 90, *40*), изредка — длинные изогнутые сабли (рис. 90, *27*). Уникальными являются остатки роскошной одежды — платьев из дорогой привозной парчи итальянского и иранского происхождения, относящиеся к 70-м годам XIV в. М. Х. Садыкова при раскопках Юлдыбайского кургана нашла чугунную жаровню, а вместе с ней литое зеркало монгольского происхождения с рельефным орнаментом. В ряде курганов (Рассыпино, Каменноозерное) встречались остатки сравнительно хорошо сохранившихся седел с высокими луками (рис. 90, *33*).

Весь описанный материал исследователи единодушно относят к золотоордынскому времени (XIII—XIV вв.), что и позволяет датировать всю группу. Только в указанный период встречаются в степных погребениях вырезанные пластинчатые человеческие фигурки [Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 38, рис. 6, *5*], серьги в виде знака вопроса [там же, рис. 6, с. 40—41], головные уборы типа «бокка» [там же, с. 36, 37], зеркала монгольского происхождения [там же, с. 78—82, рис. 13], миниатюрные чаши [там же, с. 87—89, отдел В, рис. 15,], костяные колчанные пластинчатые накладки с богатым орнаментом [там же, с. 31], стрелы-срезни [Медведев А. Ф., 1966, с. 159, табл. 24, *1—9*]. Ряд предметов может быть датирован только XIV в. Так, например, согласно мнению Г. А. Федорова-Давыдова, изделия из чугуна в Поволжье появились не раньше XIV в. [Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 89]. Следовательно, Юлдыбаевский курган, в котором найдена чугунная жаровня, является памятником XIV в. Такие узко датированные находки в будущем позволят, очевидно, среди памятников XIII—XIV вв. выделить ранние (XIII в.) и поздние (XIV в.). Аналогичное же уточнение напрашивается и по отношению памятников XII—XIII вв., где, возможно, самыми поздними являются комплексы со стременами почти округлой формы с малозаметным выступом для путлища. В одном из Сын-

ташевских курганов они найдены с пластинчатыми человеческими фигурками-амулетами.

Для погребального обряда по-прежнему остаются характерными захоронения в простых могилах под небольшими земляными насыпями средним диаметром 7—8 м и высотой 20—30 см. Как правило, курганы являются индивидуальными (Мрясимово, Сынташево). В насыпях по-прежнему присутствуют остатки ритуальных захоронений конечностей, головы и шкуры лошади, а в одном из мрясимовских курганов выявлено захоронение целой туши — единственное на всем Южном Урале для эпохи средневековья (рис. 90, *1*). Лошадь лежала в специальной яме с удилами во рту.

По сравнению с предшествующими веками среди раскопанных погребений значительно больше наземных захоронений. В Кушулевском могильнике они составляют около 75% (46 из 63), они есть в Мрясимовских курганах и среди курганов Оренбуржья, обследованных до революции Ф. Д. Нефедовым [Нефедов Ф. Д., 1899, с. 20, 24]. Интересно отметить, что все могильники горно-лесной части Южного Урала XII—XIII вв., в том числе и наземные захоронения, содержат своеобразную керамику, представленную небольшими широкогорлыми сосудами с округлым туловом, с примесью раковины или талька в тесте и веревочным орнаментом. Этому сейчас трудно дать однозначное объяснение. Возможно, появление указанных сосудов свидетельствует о каких-то перемещениях этнических групп, происшедших на Южном Урале в XII—XIII вв. Происхождение керамики со шнуровым орнаментом пока остается неясным.

Четко коррелируется с сопровождающим материалом еще один вид захоронений — в глубоких узких могилах с заплечиками или углублениями (нишами) в длинных стенках. Последние устраивались на высоте примерно 0,80—1 м от дна и предназначались для укрепления надмогильного прикрытия. Костяки уложены в двойных гробах, хорошо сохранившиеся остатки которых детально исследованы в Россыпинских, Каменноозерном и Жаналапских курганах Оренбуржья (раскопки Н. А. Мажитова). Судя по ним, наружный ящик сколочен из грубых досок и поставлен на деревянных обрубках. Внутренний гроб был дощатым или колодой (рис. 90, *5*). Гробы сколачивались железными гвоздями длиной около 10 см. Одновременно практиковалось захоронение в колодах без наружных ящиков, примером чего могут служить башкир-беркутовские погребения. На концах колод делались специальные отверстия для продевания веревки. Дно колоды почти во всех случаях оказывалось обильно засыпанным золой.

Захоронения в колодах и двойных ящиках территориально локализуются пока только в бассейне р. Урал, куда относится и юго-западная Башкирия. Они содержат инвентарь с довольно устойчивым составом вещей: головные уборы типа «бокка», миниатюрные серебряные чаши, зеркала, височные подвески самых поздних типов, характерные для золотоордынского времени. Все это дает основание связать распространение их на Южном Урале с кочевниками, пришедшими сюда вместе с монголо-татарами.

В первой половине II тысячелетия н. э. в общественной жизни племен Южного Урала шел процесс дальнейшего развития феодальных отношений. Этому полностью соответствуют мнения о том, что общество башкир накануне монголо-татарского завоевания было классовым и в основе его лежала феодальная собственность на землю [Кузеев Р. Г., 1957, с. 124—130 и др.].

К тому же золотоордынскому времени относится Турналицкое городище (рис. 90, *6*), датированное поливной посудой XV в. Городище мысовое, разделенное поперечными валами и рвами на три части. Небольшие размеры и мощные укрепления дают некоторые основания полагать, что здесь был замок, принадлежавший какому-то сильному башкирскому феодалу — вассалу золотоордынского хана.

Глава восьмая
Северный Кавказ в X—XIII вв.

Домонгольский период на Северном Кавказе является временем расцвета средневековой культуры, сложением феодальных отношений у местного населения, стоявшего на пороге создания государства. Именно к этому времени относится оформление тех этнических групп, которые известны на Кавказе и в наши дни.

Северо-западный Кавказ был населен адыго-черкесскими племенами зихов (на Черноморском побережье Кавказа) и касогов (по Кубани), Центральное Предкавказье — аланами и болгарами; в равнинном и приморском Дагестане после разгрома Хазарского каганата наступает период усиления местных племен (Серир, Лакз) и Дербента. Вместе с тем продолжались те процессы, которые характеризовали и предшествующий период,— из степи шли на предгорья тюрко- и монголоязычные кочевники: сначала печенеги, затем — с конца XI в.— половцы, наконец, в XIII в.— монголо-татары [Алексеева Е. П., 1964; Кузнецов В. А., 1971; Минаева Т. М., 1971].

Северный Кавказ X—XIV вв. в археологическом отношении исследован очень неравномерно. Несмотря на то что поселения этого времени привлекали к себе внимание археологов даже в большей степени, чем поселения VI—IX вв. (раскопки Т. М. Минаевой, В. А. Кузнецова, О. В. Милорадович, И. М. Чеченова, В. Б. Ковалевской, В. Б. Виноградова и др.), их обширность оказалась несоизмеримой с размерами раскопанных участков (Алхан-Кала, Нижний Архыз, Нижний Джулат и т. д.). Могильники X—XIV вв. известны и раскопаны в значительно меньшем числе, чем могильники VI—IX вв. (рис. 91). Этим объясняется отсутствие для древностей этого периода обоснованных делений на этапы, т. е. нет периодизации основных групп инвентаря и керамики, и поэтому приходится придерживаться слишком обобщенных характеристик и датировок в пределах одного-двух, а для некоторых групп вещей — даже трех веков. Следует подчеркнуть, что особенности градостроительства, домостроительства, керамического производства имеют в это время в большей мере локальный, чем хронологический характер (рис. 92).

В Предкавказье продолжали существовать открытые и укрепленные поселения.

В Прикубанье и на берегу Черного моря население продолжало жить в крепостях, выстроенных еще меотами и заселенных в I тысячелетии н. э. Однако в этом районе преобладали открытые неукрепленные поселения, расположенные на высоком берегу или высокой надпойменной террасе, близко подходящей к берегу, нередко вблизи родников.

На верхней Кубани жизнь также продолжалась на укрепленных каменными стенами поселениях. Наряду с ними были отстроены новые крепости на новых местах. При этом часть старых укреплений была заброшена и жизнь на них уже не возобновлялась. В целом число поселений довольно заметно уменьшилось, хотя размер каждого из них существенно вырос. Все обширные посады вокруг цитаделей или двухчастных крепостей возникают именно в это время. Без раскопок широкими площадями (при небольшом количестве подъемного материала на задернованной поверхности городищ и осыпях) трудно говорить о динамике процесса, но все же сплошное обследование верховьев Подкумка и его правых притоков позволяет предполагать, что в X—XII вв. число поселений сокращается в среднем в 4—5 раз. В предгорьях и горах это уменьшение числа поселений связано с резким увеличением площади (от 0,5 до 8 га) ограниченного укреплениями или неукрепленного поселка, а также с увеличением сельскохозяйственной территории, относящейся к данному поселению.

Цитадель на поселениях X—XII вв. перестает играть ту основную роль, которую она играла раньше. В лучшем случае она остается местом отправления религиозных культов, если внутри ее укреплений был сооружен храм. Чаще ее используют как убежище для людей в случае опасности или даже в качестве загона для скота. Основная жизнь переходит на обширный посад — центр ремесла и хозяйственной жизни (рис. 92, *6*).

На территории Кабардино-Балкарии и Северной Осетии в X—XII вв. происходил тот же процесс увеличения площади поселений и перенесения центра тяжести на посад [Чеченов И. М., 1968, с. 149]. Кроме того, население жило и в неукрепленных поселениях [Деопик В. Б., 1961, с. 50]. Фортификация продолжала раннесредневековую традицию: в горах использовались естественно укрепленные мысы, с напольной стороны которых воздвигались каменные стены из горизонтальных рядов положенных насухо обработанных каменных блоков (к сожалению, раскопкам подвергались только стены цитаделей, а не стены посадов, как правило хуже сохранившиеся). На равнинах поселения были укреплены рвами и стенами из саманного кирпича.

В Дагестане отличие городищ X—XII вв. от ранних заключается в более продуманном использовании естественных укреплений.

К сожалению, незначительность раскопанных площадей не позволяет представить, каким путем шло конкретно развитие города, будь то путь из родового поселка, замка владетеля или культового центра. Центрами застройки были храмы (христианские крестовокупольные церкви, базилики или же мечети); помещались они как на цитадели, так и на посаде (рис. 92, *4*).

Основное отличие в характере жилых сооружений этого периода от предшествующего заключалось в

увеличении их площади (от 20 до 30 кв. м) и возможном появлении двухэтажных зданий (рис. 92, *1*, *5*, *7*, *8*).

В Прикубанье жилые постройки были турлучными, обмазанными глиной. Печи — небольшие, глинобитные, иногда на каркасе из прутьев.

На верхней Кубани и в районах Кавказских Минеральных Вод небольшие, часто двухчастные прямоугольные каменные жилища с очагом в центре пола были вытеснены одночастными жилищами с пристенными, частично углубленными каминами (рис. 92, *8*) или же с пристенными (рис. 92, *5*) или срединным очагами (рис. 92, *7*). Стены возводились из камня насухо. Кладка была панцирной с внутренней забутовкой или сплошной. Дверной проем устраивался недалеко от угла или в центре стены, иногда с одной или двумя ступенями внутри помещений, что говорило о незначительной их углубленности. Прослеживается удивительная стандартность в размерах (30—35 кв. м) и ориентировке домов на одном поселении, расположение их группами. Иногда один дом пристраивался к другому без соединяющего их дверного проема, что находит объяснение в этнографии балкарцев и карачаевцев. Некоторые дома с мощными стенами были, очевидно, двухэтажными.

Топография города X—XII вв. выявлена многолетними исследованиями В. А. Кузнецова, которым на городище Нижний Архыз [Кузнецов В. А., 1971, с 163—196] выделены основные части, выяснено направление главных улиц и внутренних стен, установлены связи городских построек с сельскохозяйственными участками и производственными сооружениями, храмов — с некрополями (рис. 92, *4*).

В равнинных районах строились жилые и хозяйственные сооружения из саманного или обожженного кирпича или глинобита, а для хранения запасов рыли хозяйственные ямы. Строительство бытовых, культовых и оборонительных сооружений указывает на высокий уровень строительного дела у местного населения. Впрочем, строители архызских храмов находились под сильным влиянием закавказской (абхазской) и восточновизантийской архитектурной школы [Кузнецов В. А., 1971, с. 172]. Возможно, что в строительстве наиболее крупных храмов принимали непосредственное участие абхазские и даже византийские мастера (рис. 93, *10*, *11*).

Высокого развития и специализации достигли ремесла, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и археологические материалы.

Прежде всего замечательного мастерства достигли аланские кузнецы и особенно оружейники. Изучение железных криц и шлаков (Нижний Архыз, Кызбурун) показало, что шлаки связаны с сыродутным процессом производства железа. Каменная трехкамерная железоплавильная печь, раскопанная В. А. Кузнецовым на Нижнем Архызе, представляет собой домницу шахтного типа [Кузнецов В. А., 1971, с. 91]. Металлографический анализ оружия, произведенный Г. А. Вознесенской (ножи и сабли из Нижнего Архыза и Змейского могильника), показал, что аланами, как западными, так и восточными, был освоен ряд операций техники сварки железа и стали, термической их обработки в различных режимах, цементации, свободной ковки, резания зубилом и обработки напильником холодного металла (Кузнецов В. А., 1971, с. 212—216].

Обработка цветных металлов достигла к XI—XII вв. своего расцвета. Судить о ее достижениях в области чеканки, тиснения по металлу, амальгамной позолоты, применения гравировки и черни мы можем по тем шедеврам, которые найдены в могильниках (Рым-Гора, Змейский могильник, Мартан-Чу), и в меньшей мере по остаткам тиглей, льячек и литейных форм. Использование жестких открытых разъемных и имитационных форм, пришедших на смену литья по восковой модели, свидетельствует, видимо, о переходе ремесленников к работе на рынок [Алексеева Е. П., 1971, с. 327—347]. О развитии гончарного дела в X—XII вв. можно судить как по находкам двухъярусных гончарных печей (Аргуджан, Андрей-аул, Верхний Джулат), так и по гончарным клеймам, качеству и стандартизации гончарных изделий (рис. 94, *20*, *40*, *84*). К этому же времени относится специализация отдельных поселений в изготовлении высококачественной керамики. Восходя генетически к предшествующему периоду, керамика становится более однородной и стандартной — это уже продукт городского, а не деревенского ремесла. Впервые в Предкавказье начинает производиться (с X—XI вв.) черепица (солены и калиптеры) и плинфа. Специализированным стало производство изделий из сафьяна.

Дальнейшего развития достигла торговля со странами Восточного Средиземноморья, откуда на Северный Кавказ привозили мозаичные и глазчатые бусы (из мастерских Александрии), стеклянные и поливные сосуды. Из Константинополя сюда поступали драгоценные украшения (например, золотые колты с эмалью) [Марковин В. И., 1977, с. 111], из Прибалтики — янтарные бусы, из Руси — энколпионы, шиферные пряслица, а из Китая — шелковые ткани, доставлявшиеся по тому же Великому шелковому пути, который существовал в I тысячелетии н. э. Недаром Алания была известна как «страна, полная всяческих благ, есть в ней много золота и великолепных одеяний» — так писал о ней Шапух Багратуни [Кузнецов В. А., 1973, с. 213].

Орудия труда представлены как в поселениях, так и в могильниках. Это железные топоры, мотыги, лемехи, слабоизогнутые серпы, ножницы для стрижки овец, пряслица, наперстки, кабаньи клыки (для заглаживания швов). Интересную коллекцию жерновов диаметром до 0,60 м дали раскопки Змейского могильника, где входное отверстие в катакомбу закрывалось жерновом (рис. 94, *118*).

Северокавказские народы, согласно источникам, славились как искусные всадники и воины, поэтому оружие и конское снаряжение достигло у них совершенства. Великолепными образцами представлены слабоизогнутые сабли длиной до 1 м (Колосовка, район Кисловодска, Кобань, Змейская, Мартан-Чу, Агач-Кала), являющиеся шедеврами как по технологическим свойствам (упругая и вязкая сталь, обеспечивающая гибкость и максимальную твердость клинка), так и по художественному оформлению навершия, наконечника ножен, рукояти и перекрестия позолоченным серебром, покрытым рельефным штампованным орнаментом с вставками из полудрагоценного камня. Помимо сабель, в могилах находи-

лись боевые длинные (15 см) ножи с прямой или изогнутой спинкой, часто в богатых деревянных ножнах, и копья с железными втульчатыми наконечниками, листовидными или четырехгранными в сечении (особенно распространенные на северо-западном Кавказе и в Дагестане). Луки оставались основным оружием дальнего боя у северокавказских дружинников. По их обломкам (Змейский могильник, катакомбы 3, 14, 15) можно судить, что их изготавливали из различных сортов дерева, обтягивали берестой, сухожилиями, тканями и сыромятными ремнями, иногда украшенными золочеными бляшками. Стрелы хранили в цилиндрических колчанах диаметром до 15 см и высотой 40 см. Богатые футляры для луков были обтянуты кожей и украшены изображениями грифонов или же геометрическим и растительным орнаментом. Стрелы длиной в 50 см были снабжены железными наконечниками — четырехгранными (бронебойными), листовидными, треугольными и ромбическими. Изредка пользовались еще трехлопастными наконечниками. В XIII в. появляются так называемые монгольские крупные ромбические стрелы. Из оружия ближнего боя были широко распространены железные топоры и секиры (рис. 94, *43—45, 170*). Оборонительным оружием служили клепанные из пластин железные шлемы, латы и кольчуги. Конское снаряжение X—XIII вв. представлено оголовьями, украшенными бляхами различной формы (простыми и перекрестными), роскошными и более простыми начельниками, продолжавшими линию развития конского снаряжения с VIII—IX вв. (Колосовка, станица Кужорская, Змейский могильник), железными двусоставными однокольчатыми (с малыми и большими кольцами) удилами с прямыми бронзовыми псалиями, железными округлой или треугольной формы стременами с плоской широкой подножкой.

Уникальными являются находки кавалерийских седел с деревянной основой, двумя луками, иногда покрытыми бронзовыми золочеными пластинами с изображениями животных, птиц, плетенки. Изредка попадались в могилах сафьяновые обшивки войлочного потника с геометрическим или зооморфным (павлины) орнаментом, остатки шелковой красной накидки-попоны и обшитые золотой тесьмой седельные сумочки-обереги с изображением Сенмурва.

Красочное и чрезвычайно богатое полное конское снаряжение погребенных коней подтверждает распространение тогда обряда посвящения коня, сохранившегося у осетин до XIX в. [Калоев Б. А., 1964, с. 93].

Керамические коллекции, происходящие из памятников X—XIII вв., обширны, набор же керамики в погребениях и поселениях очень различен. Как показали подсчеты, произведенные на Змейском позднеаланском поселении [Деопик-Ковалевская В. Б., 1961, с. 42], кухонная керамика составляла 78,8%, пифообразная — 11,5%, красноглиняные кувшины — 9,5%, столовая посуда — 14% (из нее миски — 0,5%, лощеные кувшины — 0,6%, зооморфные сосуды — 0,3%). Между тем в Змейском могильнике, одновременном поселению, основную часть находок составляли чернолощеные кувшины (рис. 94, *145*).

В Причерноморье и Прикубанье керамика сохраняла раннесредневековые традиции, которые, в свою очередь, восходили к меото-сарматским (кувшины и миски из светло-серой глины). Красноглиняные бороздчатые амфоры IX—X вв. и рифленые ангобированные амфоры XI—XIII вв. с высокоподнятыми ручками попадали сюда из причерноморских городов. Что касается тмутараканских черносмоленых кувшинов, то их обломки встречаются только на причерноморских памятниках, в Прикубанье их нет совсем. Повсеместно встречаются в Причерноморье местные формы красноглиняных кувшинов с эйнохоевидными венчиками (рис. 94, *203, 205*). Изучение керамики городских слоев Таматархи (Тмутаракани), которая после 1094 г. уже не упоминается в древнерусском летописании и может с полным основанием считаться «зихским городом», позволяет представить облик кухонной керамики. В XI—XII вв. это высокие горшки из желтовато-зеленоватой глины с примесями толченых раковин, со слабо отогнутым венчиком и зональным рифлением. В XII—XIII вв. качество керамики и обжиг улучшаются, форма становится более стройной, венчик прямой, с насечками, под ним — одна или несколько волнистых линий [Плетнева С. А., 1963, с. 26—27]. Кроме городских слоев Тмутаракани, этот тип керамики встречен в ряде памятников X—XIII вв. на нижней Кубани и в Убинском могильнике. К востоку от Краснодара в керамическом наборе адыгских памятников сильнее чувствуется аланское влияние: чаще попадаются сероглиняные лощеные сосуды.

На собственно аланской территории наряду с черноглиняными лощеными сосудами появляются узкогорлые красноглиняные кувшины, производство которых возникло, видимо, под влиянием закавказского керамического производства (рис. 94, *113*). Наряду с ними вплоть до окрестностей Кисловодска доходят импортные закавказские белоглиняные столовые кувшинчики с росписью, попадавшие сюда по Дарьяльскому пути. Кухонная керамика представлена в Центральном Предкавказье несколькими типами горшков [Деопик В. Б., 1961, с. 42]: сероглиняных и красноглиняных (44%), грубых буроглиняных (13%), иногда ангобированных. Пифосы относятся к двум типам: крупные (до 1,5 м) красноглиняные тяжелые и сероглиняные небольшие с налепными, треугольными в сечении валиками.

В дагестанской керамике X—XIII вв. в предгорьях преобладают красноглиняные ангобированные кувшины местного производства (Агач-Кала), продолжающие албанскую традицию (рис. 94, *87, 117*).

Отдельно рассмотрим те группы керамики, по которым можно судить о проникновении на эту территорию кочевников в X—XIII вв. Лепная кухонная керамика так называемого роскошного стиля, которая была в ходу у кочевнического гарнизона Саркела в X в. и представлена отдельными фрагментами в слоях XI в. Тмутаракани [Плетнева С. А., 1963, с. 18], найдена только в двух пунктах северо-западного Кавказа (хутор Ястребовский и Гостагай) и отражает, очевидно, проникновение сюда печенегов.

В это же время распространяются в районе Кав-

казских Минеральных Вод и на верхней Кубани лепные котлы с внутренними ушками, типологически близкие не гончарным котлам низовьев Дона, которые, по мнению С. А. Плетневой, появляются в середине IX в. [Плетнева С. А., 1967, с. 108—110], а лепным котлам, известным из комплексов X—XII вв. Венгрии и Румынии (рис. 94, *42*). Находка подобного котла на полу помещения юртообразной формы с керамикой X—XII вв. уточняет дату этого типа керамики [Ковалевская В. Б., 1974, с. 94].

Благодаря хорошей сохранности органических материалов в глубоких катакомбах Змейского могильника удается реконструировать богато украшенный бубенчиками, бисером и аппликациями из золоченой кожи костюм и головной убор в форме шлема из золоченой и цветной кожи, украшенный бисером и плетеной кожаной аппликацией. Количество бус в XI—XII вв. значительно сокращается по сравнению с предшествующим периодом, так же как и бронзовых перстней и браслетов (особенно в Змейском могильнике). Зато широко распространяются гладкие круглые и плоские, а также ложновитые стеклянные браслеты, попадавшие сюда из Тмутаракани и Византии. Височные подвески в виде колечка в один и полтора оборота из бронзы, серебра и золота, появившиеся в IX в. в Прикубанье и районе Кавказских Минеральных Вод, широко представлены в древностях X—XII вв. от Черноморского побережья Кавказа до Осетии, являясь на некоторых памятниках единственной формой височных подвесок. Наряду с ними отдельные типы подвесок служат, очевидно, этнографическими признаками женского костюма. Так, на верхней Кубани, в Дагестане и Чечено-Ингушетии (рис. 94, *55*) был распространен тип крупных серег со стерженьком, унизанным несколькими бусинками, восходящий к салтовским серьгам (рис. 94, *103*). Кроме того, в Дагестане продолжают развитие височные подвески с 14-гранником, достигавшие в XI—XII вв. 8—10 см в диаметре (рис. 94, *105*). Под влиянием кочевников появляются в Предкавказье серьги в виде знака вопроса, имеющие на конце гроздь из шариков зерни (рис. 94, *161*).

Поясные наборы значительно проще. Они стандартны, пояс, очевидно, перестал нести функцию обозначения места воина в дружинной иерархии. Менее разнообразны по типам и металлические зеркала — их делают в жестких формах, поэтому рисунок приобретает геометрическую четкость, простоту и сухость. Преобладают зеркала более крупного диаметра. К X в. завершилось и развитие солярных и зооморфных бронзовых амулетов, многочисленных и разнообразных в VI—IX вв. Они представлены каменными или стеклянными бусами (янтарная подвеска с арабской надписью из 25-й катакомбы Змейского могильника), бронзовыми орнаментированными коробочками-подвесками пятиугольной формы (рис. 94, *60*); на некоторых из них изображены стилизованные человеческие фигурки, восходящие к антропоморфным амулетам VI—IX вв. (рис. 94, *144*). Непременной частью женского погребения остаются «туалетные наборы», включающие в себя медальоны, копоушки, ногтечистки и флакончики (рис. 94, *19, 111, 112, 196*).

Погребальные сооружения X—XIII вв. не дают новых типов захоронений, не считая наземных склепов. Другим является только преобладание того или иного типа сооружения. На северо-западном Кавказе преобладает курганный обряд погребения, получивший распространение с VIII—IX вв. Здесь же сохраняются трупосожжения (составляя около 10%), как урновые подкурганные, так и грунтовые.

Подкурганные захоронения производились в грунтовых могилах и каменных ящиках, подкурганные трупосожжения — в урнах на уровне древнего горизонта и в материке. В XII—XIII вв. появляются подкурганные захоронения в дубовых гробовищах.

В Колосовке интерес представляет подкурганное захоронение под глиняной насыпью, на которой был зажжен погребальный костер. Кроме того, существовали трупоположения и трупосожжения в бескурганных грунтовых ямах и каменных ящиках и трупоположения в пещерах под скальными навесами.

На территории аланской культуры Центрального Предкавказья продолжают существовать все виды погребальных сооружений, типичные для VI—IX вв., лишь несколько сужается ареал земляных катакомб в Верхнем Прикубанье, где особенное распространение получили скальные захоронения. Последние работы В. И. Марковина и В. А. Кузнецова на верхней Кубани показали, что в IX—XIII вв. население для захоронений использовало древние дольмены (рис. 94, *63*). Кроме того, на всей территории Центрального Предкавказья продолжали бытовать каменные ящики, грунтовые могилы, полуподземные и наземные склепы. В верховьях Кубани еще в предшествующем периоде появились трупосожжения, которые Е. П. Алексеева связывает с продвижением абазин с Черноморского побережья Кавказа через горные перевалы.

Вместе с тем в рассматриваемый период на Северном Кавказе появляются обширные христианские могильники, отличающиеся погребением без инвентаря или с небольшим набором личных украшений в неглубоких узких каменных ящиках (часто они называются плиточными могилами).

Христианство на Северный Кавказ проникало из Византии или Закавказья (в частности, Грузии и Абхазии), причем наибольшего распространения оно достигло на Зеленчуках, где находилась Аланская епархия. Кроме письменных источников, сообщающих, что первые христианские проповедники отправлены к аланам в начале X в., наши знания о распространении христианства опираются на существование многочисленных христианских храмов, стоящих доныне или выявленных при археологических раскопках (в настоящее время их более 50) (рис. 93), и на находки различных предметов, связанных с христианством, прежде всего крестов, начиная от маленьких нагрудных и кончая большими каменными с греческими надписями [Медынцева А. А., Кузнецов В. А., 1975, с. 11—17].

Мусульманство проникло на Северный Кавказ в X в. с противоположного конца Кавказских гор — оно шло через приморский Дагестан из Дербента. Строились многочисленные мечети и минареты, появлялись мусульманские надгробия (рис. 93, *13, 14, 18, 19*). Интересно, что в Нижнем Архызе разбитые мусульманские надгробия XI в. оказались использованными в церковной кладке.

В X—XIII вв. искусство достигает большой высоты: высокое мастерство проявляется в изысканном и высокохудожественном оформлении изделий кузнецов и ювелиров и в прекрасной каменной резьбе в Дагестане с изображением плетенки (влияние Грузии) и арабской вязи (влияние мусульманского Востока); в прекрасных образцах монументальной архитектуры и торевтики, а также гончарного производства.

В области хозяйства усиливается роль земледелия при сохранении отгонного скотоводства в горах и предгорьях и кочевого скотоводства в степях. Наиболее распространенным злаком в X—XIII вв. продолжали оставаться просо и пшеница. Анализ зерна с поселения X—XII вв. у Кисловодска, проведенный А. В. Кирьяновым, показал, что это пшеница-двузернянка, овес и многорядный ячмень. Этот же состав зерна вместе с просом оказался в зерновых ямах Верхнего Джулата, а в Верхнем Адиюхе найдена пшеница и двухрядный пленчатый ячмень. Зерна ржи встречены лишь единично, что, по мнению А. В. Кирьянова, говорит в пользу недавнего освоения земель под пахоту. В. А. Кузнецов предполагает, что в Алании X—XIII вв. существовала залежно-переложная система земледелия на равнинах и подсечная и террасная — в предгорьях и горах [Кузнецов В. А., 1971, с. 68], свидетельством чего он считает находки больших древосечных топоров с широкими вислыми лезвиями. В составе стада был мелкий и крупный рогатый скот и, главное, лошади. Все народы Северного Кавказа и особенно аланы славились как искусные всадники и владельцы табунов быстроаллюрных, выносливых и крепких коней.

Ко времени нашествия монголо-татар у алан и ряда дагестанских племен сложились феодальные государства, правда разъедаемые внутренними смутами. Выделявшиеся феодальные семьи претендовали на самостоятельность, и поэтому образовалось, по единодушному мнению путешественников, «сколько там селений, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому» [Аннинский С. А., 1940, с. 78]. Несмотря на длительное знакомство северокавказского населения с христианством, здесь оставались очень сильными пережитки язычества.

К домонгольскому периоду относится, как мы уже говорили, сложение всех основных народностей, населяющих Кавказ в наши дни. Именно тогда сложился в целом облик материальной культуры с рядом общих северокавказских и узколокальных черт. Это касается металлургии и металлообработки, гончарного и ювелирного ремесла, характера ведения хозяйства и домостроительства, кавказского костюма и каменной резьбы. Возникли города как центры ремесла, торговли и культурной жизни, христианство стало официальной религией, начал проникать из Дербента ислам. В это время происходит окончательное оформление нартского эпоса, впитавшего в себя эпическую традицию всех кавказских народов. Монголо-татарское нашествие прервало развитие народов и государств Северного Кавказа, подорвав их экономическую базу и приведя к уничтожению многих десятков тысяч людей.

Глава девятая
Монгольское завоевание и Золотая Орда

В самом начале XIII в. новые орды кочевников обрушились на оседлые цивилизованные страны и прошли, как смерч, все сметая на своем пути. Это событие наложило отпечаток на всю историю Старого Света.

Движение зародилось в Центральной Азии, в степях Монголии. Там искони жили многочисленные племена скотоводов-кочевников. Среди враждовавших племен и аристократических родов этих кочевников в конце XIII в. особенно выделился род Темучина, будущего Чингисхана — повелителя всех монгольских племен и завоевателя огромных территорий, создателя обширной мировой империи [д'Оссон К., 1937]. Есть тенденция, главным образом в буржуазной литературе, рассматривать появление Чингисхана как своего рода историческое чудо. Идеализация его личности, преувеличение его роли в создании Монгольской империи связаны с представлением о кочевых обществах как о бесструктурных, аморфных или полностью застойных образованиях, неспособных перейти к феодальной формации самостоятельно. В советской литературе вопрос о роли Чингисхана решается в неразрывной связи с анализом общественного строя кочевников и его развития. Выявлено, что накануне появления Чингисхана монгольские племена стояли на высшей стадии военной демократии. Возвышение рода Темучина, появление Чингисхана и завоевательное объединение под властью его дома всех монгольских племен означало создание нового феодального классового строя. Перераспределение пастбищ среди новой аристократии хотя внешне и носило характер племенных членений, на самом деле сломало старую патриархально-племенную структуру и ознаменовало сложение новых феодальных отношений в среде монголов-кочевников.

Создание раннефеодального государства Чингисхана с его жесткой военной организацией, построенной на улусном принципе перераспределения пастбищ и кочевых уделов, при котором улус оказался чем-то вроде кочевого надела, выделяемого на условиях военной службы представителям династии Чингисидов и его окружению — нукерам, найонам и огланам, обеспечило возможность широких завоевательных походов. Социальные конфликты и напряженность внутри Монголии, недостаток пастбищ и скота направили эти завоевания в сторону соседних богатых стран [Владимирцов Б. Я., 1934; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., 1950, с. 35—56; Татаро-монголы, 1970, с. 22—45].

Сразу же после избрания Темучина — Чингисхана — на курултае (совете представителей аристократии монгольских племен) повелителем всех монгольских народов он провозгласил политику широкой военной экспансии.

Весь народ сделался участником этой военной политики. Монгольская аристократия шла воевать за земли, скот и рабов и вела за собой свои улусы. Прогрессивные деяния объединителя Монголии Чингисхана переросли в реакционные захватнические войны, нанесшие урон и задержавшие развитие не только в покоренных странах, но и в самой Монголии, консервировавшие там реакционные пережитки патриархальной старины и истощившие материальные и людские ресурсы страны.

До Чингисхана монголы были на стадии военной демократии с развитой имущественно-социальной дифференциацией. При Чингисхане у них складывается раннефеодальная империя. После завоеваний и включения в состав империи Чингисидов новых крупных оседлых и кочевых территорий монгольская аристократия создала здесь феодальные государства с разной степенью совмещения собственно монгольских кочевых социальных форм и обществ иных форм, заимствованных у покоренных народов.

В некоторых странах, завоеванных монголами, их стали называть «татарами» по имени одного из сильнейших монгольских племен. Поэтому в литературе завоевательные войны Чингисхана и его потомков носят название «монголо-татарского» завоевания.

В 1207 г. монголы захватили древнехакасское государство. В 1211 г. начался их победоносный поход на Китай. Это государство с древними городами — центрами ремесла, науки, искусства — было ими разгромлено. Тысячи рабов были угнаны в Монголию и там образовали ремесленные рабские поселения, обслуживавшие монгольскую армию и аристократию. В степных районах Монголии и Тувы строятся в это время новые города Чингисидов с использованием пленных ремесленников и огромных награбленных материальных ценностей. Их исследованные городища Межегейское, Элегестское, Ден-Терек, Эртине-Булакские раскопаны Л. Р. Кызласовым в Туве и Забайкалье. В культуре этих городов много черт, принесенных китайскими ремесленниками, но основа этой культуры и домостроительства — местная. На этих памятниках исследованы административные здания и ремесленные комплексы, буддийские культовые места и жилые дома [Кызласов Л. Р., 1969, с. 130 и сл.].

Раскопанное С. В. Киселевым городище Хир-Хира в Читинской обл. дает образец ранней истории монгольского города XIII — начала XIV в., представлявшего вначале скопление усадеб монгольской аристократии, переходящей к оседлости. К большой прямоугольной усадьбе — цитадели, где раскопан на вершине платформы дворец правителя с деревянными щитово-каркасными стенами, крытый неглазурованной черепицей, примыкали маленькие усадьбы вассалов [Древнемонгольские города, 1965, с. 23—59] (рис. 95, *2*).

Рядом с городищем Хир-Хира были открыты богатые курганы с предметами буддийского культа, принадлежавшие потомкам аристократических монгольских родов Джочи-Касара и Исункэ.

Дворцовая усадьба крупного монгольского феодала, перешедшего к оседлости в XIV в., ставшая потом ядром образующегося города, так называемый дворец, была исследована С. В. Киселевым в Забайкалье [Древнемонгольские города, 1965, с. 325—370]. Здесь был обнаружен большой дворец на искусственной платформе с колоннами и обширный двор перед ним с воротами и парными павильонами.

Наиболее значительным был г. Каракорум в Монголии — столица Чингисидов до того, как великий каан Хубилай не перенес ее в Пекин, в Китай. Этот город изучен С. В. Киселевым совместно с монгольскими археологами [Древнемонгольские города, 1965, с. 123—316] (рис. 95, *2*).

Города, подобные Каракоруму, были той базой, на которой зиждились успехи войск монгольских каанов, главным образом металлургической базой Чингисхана и Угедея. Здесь ковали оружие, отливали огромные чугунные втулки для боевых колесниц, сюда стекалась дань завоеванных провинций, тысячи купцов везли в город награбленное золото и серебро, продовольствие, предметы роскоши.

Были исследованы руины дворца Угедея в Каракоруме. Здесь стоит большая каменная черепаха с пазом в спине, в который вставляли каменные стелы с указами. Дворец был возведен на высокой земляной платформе, облицованной кирпичом. Главный зал имел устланный кирпичными плитками пол. Несколько рядов колонн поддерживали крышу, крытую зеленой, желтой и красной черепицей (красная черепица употреблялась только в императорских постройках). Часть пола была устлана поливными зелеными плитками. Обогревался дворец жаровнями в виде больших чугунных чаш.

Ворота были окованы золоченой медью, фрагменты которой найдены среди развалов. Сотни монет, стрелы, копья, секиры, втулки от колесниц, подковы, мотыги, чугунные лемехи плугов, ножницы, молотки, чугунные котлы на трех ножках находили археологи в развалинах дворца и в ремесленных и торговых кварталах города. Гончарные печи свидетельствуют о развитом керамическом ремесле. Великолепные расписные блюда демонстируют большую культуру производства и высокую степень развития прикладного искусства. Каменные плитки для растирания туши, костяная печать с иероглифами, весы и гирьки, бронзовые гравированные тонким рисунком сосуды и серебряные ковшики, бронзовые круглые зеркала, отполированные с одной стороны и сложными прихотливыми узорами — с другой, бляхи и пряжки от поясов, серьги и обломки золоченого браслета, ремни, роскошные ткани, от которых сохранились обрывки, стеклянные сосуды, сохранившиеся в мелких фрагментах, игральные кости и бусы, стеклянные палочки для еды и много-много другого было найдено в развалинах этой столицы монгольской империи [Древнемонгольские города, 1965].

Итак, не дикими варварами-кочевниками были воины Чингисхана. За ними, в их тылу, была мощная городская база, они управлялись сильным аппаратом принуждения и учета, сотни чиновников ведали поступающими богатствами и приводимыми рабами-ремесленниками. Организованное государство, жестокое своей дисциплиной и поставленными перед ним целями,— вот в чем была сила монгольского движения, перед которым все отступало.

Следующей после Китая жертвой монголов оказалось государство хорезмшахов, занимавшее в то время большую территорию от Аральского моря до р. Инда. Его города Ургенч, Ходжент, Отрар, Бухара, Самарканд — центры ремесла, международной торговли и просвещения — были разрушены [Татаро-монголы, 1970, с. 100—141].

Монгольские войска вторглись в Иран и разрушили такие крупные центры, как Нишапур, Рей, Казвин и Тавриз. Они прошли через Армению, Грузию, Азербайджан и, выйдя в степные пространства нашего юга, вторглись в Крым, захватив крупный торговый центр того времени Судак.

Движение монголов в степи Восточной Европы носило главным образом разведочный характер. В 1223 г. произошла битва на Калке, в которой объединенные войска русских князей и половцев были разбиты (рис. 96).

Через несколько лет, в 1229 г., монгольские отряды появились на р. Яик. Здесь они столкнулись с отрядами волжских болгар, которые задержали наступление монголов и, по-видимому, заставили их уйти. В 1232 г. монгольские войска опять появились на восточной границе государства волжских болгар. Они вновь встретили сопротивление болгар, и их попытки завоевать в тот год Болгарию окончились неудачей. Только по прошествии трех лет, после нового общего решения Чингисидов на курултае, в Европу были отправлены большие силы, которые в 1236 г. разгромили Болгарское государство. Пали крупные города Биляр, Болгар, Сувар и др. В 1237 г. монгольская армия появилась на границах Руси.

В декабре 1237 г. монголы осадили Рязань. После шестидневной осады город пал. Отсюда монголы прошли на Коломну, разбили русские войска, пошли на Москву и сожгли город. В феврале 1238 г. они осадили Владимир и после ожесточенной битвы взяли его. Знаменитый Успенский собор, одно из чудесных произведений мировой архитектуры, был обложен деревом и сожжен. Погибли и остальные города княжества — Суздаль, Ростов, Городец, Переяславль [Татаро-монголы, 1970, с. 179—203].

В марте 1238 г. монголы встретились с войсками владимирского князя Юрия Всеволодовича и разбили их на р. Сити. До Новгорода монгольские войска не дошли из-за весенней распутицы. На обратном пути в степь Бату задержался у г. Козельска. Осада Козельска длилась семь недель, и, только перебив всех защитников, татары овладели городом.

Одновременно с действиями Бату в русских землях его двоюродный брат Менгу усмирил половцев, группа которых под водительством хана Бачмана засела в низовьях Волги.

В 1239 г. татары овладели Черниговым, в 1240 г. осадили и после жестокого штурма взяли Киев. При археологических раскопках В. В. Хвойко и М. К. Каргера в Киеве были обнаружены следы этого штурма и последующего погрома: брошенные и погибшие жилища с костяками детей, спрятавшихся в печах, погибшие со своим имуществом русские

люди в Десятинной церкви, где они искали спасение, когда в город уже ворвались монголы, большие братские могилы жертв 1240 г. и т. п.

Трагическую судьбу небольшого южнорусского города Изяславля, лежавшего на пути монгольских войск, раскрыли также археологические раскопки под руководством М. К. Каргера. Под слоем земли среди пожарищ лежали здесь костяки погибших защитников в кольчугах, шлемах, с секирами, мечами и саблями. Были здесь и простые горожане, порубленные татарскими воинами.

После русских земель перед монголами открылся путь в богатейшие земли Западной Европы. Европейские рыцари и правители срочно собирали отряды, сколачивали армии. Монголы были уже в Польше, Чехии, грабили в Венгрии, рвались к Адриатике. Весной 1241 г. они разгромили у Лигницы войска короля Генриха Благочестивого и на берегу р. Сайо — венгерские армии короля Белы IV. Но монгольские войска устали, не могли уже развить ту энергию, которая пробивала любые укрепления, разрушала города и распыляла вражеские войска. Битвы под Козельском и Черниговом, осада Киева, столкновения с половцами дали себя знать. В 1241 г. умер великий монгольский каан Угедей. Создалась реальная угроза тяжелой династической распри из-за верховной власти и междоусобных войн. Тогда войска Бату повернули на восток, уклонившись от решительных сражений с западноевропейскими рыцарями (Татаро-монголы, 1970, с. 204 и сл.).

В середине XIII в. образовалось одно из монгольских государств — улус Джучи. Оно включало в себя степные пространства Восточной Европы до Дуная, а также большую часть степной Западной Сибири и Казахстана. Эти области назывались Дешт-и-Кипчак. Кроме того, в состав улуса Джучи вошел ряд оседлых областей со старыми центрами ремесла и культуры: Северный Кавказ, Крым, Молдавия, Волжская Болгария, мордовские земли, левобережный Хорезм. Все эти области составили правое крыло улуса (позднее Ак-Орда), где правили потомки сына Джучи хана Бату — завоевателя Восточной Европы. Низовья Сырдарьи вошли во владения другого сына Джучи — Орды и составили левое крыло улуса Джучи (Кок-Орда или Синяя Орда русских источников).

В зависимом от Орды положении оказалась Русь. Позднée государство улус Джучи стало называться Золотой Ордой.

Золотая Орда объединяла два совершенно различных культурных и хозяйственных мира: степных кочевников-скотоводов и оседлые сельскохозяйственные земли с городами — центрами ремесла и торговли. Эти два мира резко отличались друг от друга. Они были мало связаны хозяйственно и объединялись в рамках одного государства главным образом деспотической властью золотоордынских ханов. Первоначально монгольская аристократия вела кочевой образ жизни, заменив в половецкой степи вытесненную и уничтоженную ею половецкую племенную аристократию. Джучидская династия во второй половине XIII в. приобрела все права суверенитета, полностью собирала в свою пользу налог и обратилась к управлению городскими и сельскохозяйственными землями, а также к строительству новых городов. Расцвета государство Золотая Орда достигло в первой половине XIV в. при ханах Узбеке и Джанибеке, когда максимально развивается городская жизнь, торговля, денежное обращение. В это время наблюдается определенное единство в политической жизни государства.

Основным населением Золотой Орды и главным образом ее степной части оставались прежние кипчакские (половецкие) племена. Исследовано большое количество курганов в степях, относящихся к XIII — началу XV в. Установлено, что обряды и наборы вещей, характерные для половцев XII — начала XIII в., существовали и в золотоордынский период. Пришлые монголы оставили некоторые погребения и группы курганов, но не внесли существенных изменений в этнический состав населения степей. С пришлым с монголами из Сибири этносом можно, видимо, связывать погребения с северной ориентировкой, подбойные могилы (рис. 97, *5*), встречающиеся иногда в могилах вырезанные из листовой бронзы идольчики и головные уборы типа описанной Карпини шапки-бокки (рис. 98, *6*). Но эти черты пришлого восточного этноса не образуют устойчивого комплекса и растворены среди половецких погребений. Отмечено, что монгольское завоевание вызвало перераспределение кочевого населения в Дешт-и-Кипча. Так, например, массы Черных Клобуков переселились из районов Роси на Волгу. Значительно увеличилось кочевническое население степного Нижнего Поволжья в связи с переносом сюда основных центров Золотой Орды. Но вместе с тем ряд локальных признаков в половецкой степи, сложившихся до монгольского завоевания, сохраняется и развивается в XIII—XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966а]. Возникшее в домонгольский период основное этническое членение восточноевропейской и казахстанской степей (областей западных половецких и восточных кипчаков) и гузов в Приаралье повторилось в основном членении улуса Джучи на улус Бату (Восточная Европа), улус Шибана (Сибирь и Казахстан) и улус Орды (Приаралье).

Археологические материалы кочевников XIV в. достаточно полно изучены в настоящее время. К числу характерных для XIV в. вещей в кочевнических погребениях следует отнести серьги в виде знака вопроса, костяные накладки на колчаны с резным, иногда ажурным и раскрашенным в разные цвета орнаментом [Малиновская Н. В., 1974] (рис. 99), круглые металлические зеркала с репликами китайских или среднеазиатско-иранских узоров на обратной стороне, стремена с арочной дужкой и широкой подножкой и т. п.

Вторым компонентом археологии Золотой Орды являются древности, связанные с золотоордынскими городами. В Золотой Орде были такие старые культурные центры городской жизни, как Ургенч, Болгары, разрушенные монголами, но быстро восстановленные и ставшие в первый период золотоордынской истории, вплоть до конца XIII в., главными торгово-ремесленными центрами улуса Джучи. Их культура претерпела значительные изменения в золотоордынский период, но все же сохраняла основные традиции предшествовавшего времени, являя собой единую линию развития.

Другую картину представляют построенные ханами во второй половине XIII в. и ставшие основными центрами экономики и политики государства в XIV в. степные, собственно золотоордынские города в низовьях Волги и Урала. Они возникли в течение недолгого периода в результате строительной активности ханской власти и на новых местах (на золотоордынских городищах не обнаружено подстилающего домонгольского слоя). Центральная власть видела в них, с одной стороны, центр управления вновь созданным государством, с другой стороны, пункты, где огромные людские и материальные ресурсы, захваченные в результате походов и завоеваний, могли быть реализованы в строительстве, ремесле и торговле.

Особенностью золотоордынских городов было строительство их силами пригнанных пленных ремесленников и рабов. Это обеспечило быстрое возведение больших новых городов, а также определило своеобразие пути их развития. По археологическим данным золотоордынских городищ на нижней Волге, можно предположительно выделить два периода их развития: 1) период возведения дворцов правителей-ханов и их ближайшего аристократического окружения и создание больших поселений рабов-ремесленников и строителей рядом с ними; 2) период превращения усадеб в ячейки городской застройки аристократических кварталов с развитием внутри них усадебного ремесла и превращения поселений рабов-строителей и ремесленников в кварталы полусвободного городского плебса — мелких торговцев и ремесленников — с уличной планировкой.

Элемент рабовладения, который усилился в связи с завоевательными войнами, отразился не только в коротких сроках строительства золотоордынских городов, не только в смешанности их культуры, в которой сплавились традиции культур многих завоеванных народов, не только в социальной топографии города, но и в организации ремесел. В частности, в золотоордынских городах, так же как и в Иране эпохи монгольского владычества, были крупные рабские ремесленные мануфактуры с участием большого количества рабов, принадлежавшие ханам, аристократии или богатым купцам.

Характерной особенностью золотоордынских, так же как и центральноазиатских монгольских городов, было отсутствие, неразвитость или позднее возведение крепостных стен и других линий фортификации. Для столичных городов это объясняется силой центральной власти в период расцвета этих городов, которая делала ненужными укрепления, обеспечивала внутренний мир в государстве, а для периферийных городов — политикой ханов, боявшихся стремления к автономии и к сепарации городов и их округи.

Пока была сильна центральная власть, города процветали. Но стоило этой власти пошатнуться и ослабнуть — они сразу пришли в запустение. Их неспособность пережить ослабление политической власти была следствием того, что они строились на пустом месте, на привозных материальных и людских ресурсах, не были связаны с окружающими их кочевыми степями, искусственно поддерживались правительством. Золотордынские города, пышно расцветшие в XIV в., оказались историческим «пустоцветом» и в XV в. не оставили после себя ничего, кроме величественных руин и воспоминаний. В оседлых районах, в Крыму, Волжской Болгарии, культура золотоордынских городов оказалась более устойчивой, пережила Золотую Орду и составила важный компонент более поздних культур Казанского и Крымского ханств [Федоров-Давыдов Г. А., 1964, 1974; Егоров В. Л., 1969].

Первой столицей Золотой Орды был г. Сарай, иногда называвшийся, судя по выпускавшимся им монетам, Сарай ал-Махруса (Сарай Богохранимый) С этим городом связывают огромное городище у с. Селитренного на левом берегу Ахтубы в Астраханской обл. Городище исследовалось ранее небольшими эпизодическими раскопками, в частности Ф. В. Баллода в 1922 г. [Баллод Ф. В., 1923б], а систематически — только Поволжской археологической экспедицией под руководством Г. А. Федорова-Давыдова.

На Селитренном городище был раскопан ремесленный комплекс XIV в.— часть целого района, занятого керамическими мастерскими. Комплекс представлял собой большую ремесленную мастерскую типа «кархана», занимавшую целый квартал, отгороженный арыками и дренажными сооружениями в виде деревянных труб, врытых в землю. На месте мастерской были обнаружены горны разных типов — от простых двухъярусных, известных на Руси и в Волжской Болгарии, до сложных инженерных конструкций с каналами внутри стенок обжигательных камер и сложными приспособлениями для регулировки температурного режима. Все виды поливной и неполивной посуды и архитектурной керамики обжигались в одной этой большой мастерской. Здесь были обнаружены землянки — возможно, жилища ремесленников, отделенные от производственных сооружений капитальной кирпичной стеной. На месте одной из землянок стояло большое кирпичное сооружение, видимо помещение для работы ремесленников-керамистов. В его подвале были обнаружены ниши в стенах, где, вероятно, раскладывали полуфабрикаты и хранили орудия производства, краски, фритта и т. п. На полу этого подпольного этажа были найдены кучи сырья для изготовления кашина и алебастровых форм, в которых оттискивались чаши и изразцы. Было обнаружено множество обломков форм для изготовления белоглиняной штампованной керамики, мельничные жернова для перетирания бракованной кашинной керамики (для изготовления кашина из вторичного сырья), ямы, заполненные глиной и отбросами производства, сосудики с краской, формы для изготовления сосудов и тандыров [Булатов Н. М., 1971, 1974].

На Селитренном городище был исследован также комплекс стеклоделательной мастерской, которая производила бусы, браслеты и медальоны [Бусятская Н. Н., 1972, 1973]. Обнаружены следы мастерской косторезов и ювелиров, мастерских по обработке полудрагоценных камней (сердолика, бирюзы и т. п.).

Кроме ремесленных мастерских, изучалась большая богатая усадьба. Открыт полностью центральный дом этой усадьбы, сложенный из сырцового кирпича, размером более 600 кв. м. С юга в центре фасада находился зал для парадных приемов. Перед

ним располагалась большая комната, выстланная кирпичом, с бассейном в центре. Вода поступала в бассейн и отводилась из него при помощи тщательно сделанных подпольных каналов, присоединенных к внешней водопроводной системе. За бассейном высилась платформа с кирпичным настилом для сидения самого хозяина дома. Над этим местом был возведен шатер или балдахин, четыре деревянных столба от которого обнаружены при раскопках. Двери справа и слева вели во внутренние покои дома. Большие комнаты, также вымощенные кирпичом, отапливаемые жаровнями, служили общими помещениями для семьи и домочадцев. Меньшие комнаты имели печи и лежанки с канами для их обогрева. В жилых помещениях, кроме того, были умывальники (рис. 100, *1*).

Прослежено три периода перестройки дома, с закладкой и вторичным открытием старых проходов и прорубкой новых проходов. Перестройки связаны с социальными изменениями внутри этой богатой усадьбы. В последний период своего существования дом был в запустении. После полной гибели усадьбы на ее месте возникло кладбище, к которому относится раскопанный здесь мавзолей — однокамерная квадратная в плане усыпальница с порталом-пештаком, украшенным мозаикой. В мавзолее было несколько погребений, в одном из которых найдена сердоликовая перстневая печать. Вокруг мавзолея располагалось мусульманское кладбище с захоронениями в грунтовых ямах или кирпичных склепах, иногда с кирпичными выкладками-надгробиями. Дом усадьбы относится к середине XIV в., кладбище и мавзолей — к концу этого столетия.

Кроме этого мавзолея, на городище обнаружено несколько других подземных однокамерных мавзолеев с купольным перекрытием [Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А., 1972].

В Сарае, как и в других золотоордынских городах, функционировали водопроводы.

Наиболее полно изучена вторая столица Золотой Орды — г. Новый Сарай (Сарай ал-Джедид), который вслед за источниками в литературе иногда называют Сарай-Берке в отличие от Сарая, который называют Сарай-Бату (рис. 95, *3*). Новая столица была построена Узбеком, но центром государства стала в 1340-х годах при Джанибеке, когда в городе началась чеканка своей монеты. Этот город отождествляется с Царевским городищем, расположенным выше Селитренного городища на левом берегу Ахтубы в южной части Волгоградской обл. После нескольких сенсационных случайных находок, в частности золотого венца, получившего название «короны Джанибека», сделанных на этом памятнике в начале XIX в., здесь были организованы археологические раскопки А. В. Терещенко в 1840—1850-х годах, которые длились 9 лет [Терещенко А. В., 1850, 1854; Григорьев В. В., 1845, 1847]. Затем в 1920-х годах небольшие раскопки на Царевском городище провел Ф. В. Баллод [Баллод Ф. В., 1923б] и, наконец, крупные систематические раскопки здесь в 1959—1973 гг. проводились Поволжской археологической экспедицией [Жиромский Б. Б., 1959; Федоров-Давыдов Г. А., 1964, 1974; Гусева Т. В., 1975].

Были исследованы усадьбы знати — окруженные четырехугольной земляной оградой дворы с обязательным бассейном, с богатыми домами в центре. Часто в усадьбах имелось по два симметрично поставленных дома. Дома воздвигали или сплошь из сырцового кирпича, или с кирпичными цоколями, на которые ставили деревянные панельные стены (рис. 100, *2—6*). Внутри домов всегда имелась П-образная лежанка — суфа — вдоль трех стен, печь с горизонтальными дымоходами-канами, вделанными в суфу для ее обогрева. Полы, земляные или кирпичные, имели иногда в центре отверстие для умывальника—тошны, сделанного в виде резервуара, куда стекала вода. На внутренних обмазках печей иногда делались насечки для печения лепешек.

Во дворе одной богатой усадьбы с многокомнатным домом были обнаружены землянки для рабов без систем отопления, а во дворе — следы от юрт в виде кругов из обломков кирпичей, которыми выкладывались юрты — реминисценция кочевого быта у перешедшей к оседлости монгольской знати (рис. 100, *10*, *11*).

В восточном пригороде Нового Сарая раскопаны три усадьбы, по которым можно проследить постепенное развитие застройки улицы. Сначала была построена усадьба с двумя симметричными домами для хозяев, обнесенная стеной. Затем вдоль стены появились дома, в которых, по нашему предположению, жили рабы или вольноотпущенники—клиенты, все те, кто обслуживал усадьбу. Эти дома были значительно беднее хозяйских, с деревянными стенами и внутренними кирпичными конструкциями суф и канов. К усадьбе была пристроена вторая усадьба с богатым господским домом и домами зависимых людей, построенных одновременно, по единому плану. В первой усадьбе работал ремесленник-косторез, во второй — косторез и ювелир (найдены обломки тиглей с каплями золота, обрезки золотых пластин и проволоки, заготовки, бронзовые матрицы, инструменты, готовые изделия из золота, разрушенный горн ювелира). Наконец, возникает третья усадьба (вторая же пришла в запустение). По-видимому, золотых дел мастер перешел работать в эту усадьбу. Жил он сначала в землянке, потом в большом деревянном доме. Затем его деятельность, должно быть, прекратилась. На месте его мастерской возникла гончарная, от которой сохранились два прямоугольных двухъярусных горна для обжига поливной красноглиняной посуды и белоглиняной штампованной керамики [Гусева Т. В., 1974].

Производство некоторых приусадебных ремесленников было мелкое, не рассчитанное на большой рыночный спрос. Однако можно предположить, что часть ремесленников уже высвободилась из-под власти усадебной администрации и перешла на положение полусвободных городских жителей.

Наряду с мелким усадебным ремеслом и крупными ремесленными мануфактурами типа «кархана» в городах Золотой Орды существовало и мелкое свободное городское ремесло. Кварталы таких ремесленников и мелких торговцев были раскопаны в центральной части города. Здесь открыта мастерская мелкого ремесленника—специалиста по изготовлению кашинных плиток для мозаик и керамических фигурок животных— детских игрушек.

Здесь же, в центральной части города, был раскопан перекресток двух улиц с арыками. Выяснилось, что еще до возникновения уличной планировки на этом месте находились обширные землянки, которые отапливались только жаровнями. Они, очевидно, были жилищами рабов, пригнанных для строительства города и вначале составлявших главную часть рядового населения. Но вскоре в силу общей тенденции развития города в эпоху феодализма это население превратилось в полузависимый городской плебс. Оно строило сначала полуземлянки (рис. 100, *7—9*), а потом наземные деревянные дома (рис. 100, *6*). Одновременно возникла уличная планировка с арыками и водоемами на перекрестках и площадях. Эта общественная система водопользования характерна для бедняцких кварталов города. В аристократических районах имелись собственные усадебные водоемы.

Оборонительный вал и ров были построены вокруг Нового Сарая только в 1360 г., когда возникли феодальные смуты и центральная власть стала ослабевать.

Остатки небольшого провинциального города Золотой Орды исследовала Поволжская археологическая экспедиция. Это Водянское городище в Волгоградской обл. на правом берегу Волги у г. Дубовка (рис. 95, *4*). Его сопоставляют с древним городом Бельджаменом. На этом городище раскопан участок, заселенный русскими, о чем говорит славянская керамика, христианский некрополь и находки предметов христианского культа. Болгарский компонент представлен большими колоколовидными зерновыми ямами, некоторыми особенностями строительной техники и погребальных обычаев, зафиксированных на раскопанном мусульманском городском кладбище [Егоров В. Л., Полубояринова М. Д., 1974; Яблонский Л. Т., 1975].

На Водянском городище была раскопана баня с подпольной системой отопления типа римских гипокаустов, характерная для болгарского строительства, а также много типично золотоордынских домов с суфами, канами, тандырами.

Вне городища был обнаружен мавзолей с купольным перекрытием усыпальницы, с пештаком-порталом, украшенным мозаикой, и с вестибюлем, суфами и дополнительными погребениями в нем. Над главным погребением было сооружено надгробие, украшенное майоликовыми изразцами.

Раскопана полностью большая соборная мечеть (вторая половина XIV в.) размером 26×35 м [Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А., 1976]. Ее стены были сложены из резного камня на глиняном растворе. Изнутри и снаружи они были покрыты белой алебастровой штукатуркой. В плане мечеть представляла собой прямоугольное помещение, расчлененное колоннами на шесть нефов. Сохранились ряды каменных баз, на которых покоилось деревянное перекрытие мечети. Пол был выстлан досками. В южной стене имелась облицованная штукатуркой кирпичная ниша-михраб. Над ней была алебастровая панель с коранической надписью. Перед михрабом располагалась прямоугольная постройка из дерева с колоннами, которые опирались на каменные базы. В центре этой постройки, строго против михраба, была вкопана большая мраморная колонна. Ее привезли, очевидно, из какого-то захваченного монголами города Причерноморья, где были богатые античные руины. Под колонной оказалась мраморная капитель ранневизантийского типа.

К северо-восточному углу мечети примыкал прямоугольный, почти квадратный цоколь минарета, сложенный из больших каменных плит, чередовавшихся со слоями мелкого необработанного камня. Выше цоколя, очевидно, находился круглый ствол минарета, сложенный из обожженных кирпичей. Среди их развала были найдены плитки с бирюзовой поливой, украшавшие поверхность минарета, и чередовавшиеся с ними вставки из алебастра с оттиснутыми на них надписями. Декор минарета дополняли алебастровые панели с меандровым орнаментом.

Новый Сарай и Бельджамен погибли в результате тимуровского нашествия в 1395 г. Сохранились следы этого погрома: скелеты небрежно похороненных или просто брошенных убитых людей, отдельные части скелетов, черепа среди развалин зданий. Сарай существовал еще в первой половине XV в.

Остальные города степной центральной части Золотой Орды исследованы значительно менее полно. По Волге было расположено множество мелких золотоордынских городов, которые обследовались поверхностно Ф. В. Баллодом, Н. Арзютовым, И. В. Спицыным.

Есть золотоордынские поселения в самом Волгограде, у селений Мечетное, Винновка, Терновка, Песковатка, Даниловка, Пролейка и др. У Мечетного исследовался золотоордынский мавзолей и дома. На Терновском городище в могиле городского некрополя найдена рукопись на бересте, написанная на монгольском языке уйгурскими буквами и содержащая отрывки стихотворного текста [Баллод Ф. В., 1923а; Арзютов Н., 1926]. У Саратова на правом берегу Волги находятся развалины крупного золотоордынского города Увека, чеканившего свою монету, где в 1913 г. А. А. Кротковым был открыт богатый золотоордынский мавзолей, а позднее Ф. В. Баллодом — большой горн для производства плиток для мозаик и отдельные здания золотоордынского типа [Голицын Л. Л., Краснодубский, 1891; Кратков А. А., 1915; Баллод Ф. В., 1923а].

На юге Астраханской обл. находятся развалины золотоордынского городища Шареный Бугор, которое отождествляют с г. Хаджи-Тарханом. Здесь в результате работ Астраханской экспедиции под руководством В. А. Филипченко и А. М. Мандельштама открыты золотоордынские дома и землянки. В Астраханской обл. исследовались Е. В. Шнайдштейн гончарные горны для производства неполивной красноглиняной керамики и большой могильник у местечка Кан-Тюбе. Известны золотоордынские поселения у сел Лепас и Красный Яр в Астраханской обл.

Ряд золотоордынских поселений известен на Урале, среди которых главное — развалины золотоордынского города Сарайчика, где были исследованы керамические мастерские и жилые постройки Н. Арзютовым и Г. И. Пацевич [Пацевич Г. И., 1957]. В районах Нижнего Приуралья исследованы золотоордынские мавзолеи [Смирнов А. П., 1957]. На Северном Кавказе В. А. Городцовым изучался

Маджар — крупный центр Золотой Орды, чеканивший свою монету. Здесь исследованы жилые комплексы и некрополи. В окрестностях Маджара изучены золотоордынские мавзолеи [Ртвеладзе Э. В., 1969; Ртвеладзе Э. В., Гражданкина Н. С., Волкова И. Г., 1971; Волкова И. Г., 1972].

Эпизодическим раскопкам подвергалось Азовское городище — остатки золотоордынского города Азак, также выпускавшего свою монету. Здесь, кроме золотоордынских гончарных горнов и домов, были раскопаны каменные ворота итальянской колонии Тана. Раскопки в 1930-х годах проводились Б. В. Луниным и С. А. Вязигиным и в 1960—1970-х годах — Л. Л. Галкиным и Н. М. Булатовым.

Археологические работы под руководством Е. И. Крупнова и О. В. Милорадович велись на городище Верхний Джулат, отождествляемом с золотоордынским городом Дедяковым. Здесь обнаружена небольшая мечеть.

Золотоордынское поселение было исследовано В. И. Довженко на Днепре близ Запорожья. Открыты мечеть и баня, напоминающие аналогичные сооружения на Водянском городище, и большой многокомнатный дом из кирпича с угловыми колоннами, похожий на большие дома усадеб на Царевском и Селитренном городищах [Довженко В. Н., 1961].

Золотоордынским опорным пунктом в мордовских землях был город Мохша близ г. Наровчата в Пензенской обл. В результате его раскопок А. Е. Алихова открыла несколько бань и жилых домов золотоордынского типа со строительными элементами и керамикой, сближающими их с памятниками XIV в. в Волжской Болгарии [Алихова А. Е., 1969, 1976].

В Старом Крыму, бывшем центром золотоордынского Крыма, от золотоордынского периода остались медресе и мечеть эпохи Узбека [Бороздин И. Н., 1917; Башкиров А. С., 1914, 1927]. Изучается золотоордынский слой в Белгороде Днестровском. Большие раскопки проводятся на памятниках золотоордынского времени в Молдавии: исследованы крупные архитектурные сооружения в г. Старый Орхей, гончарные комплексы на городище Костеншты и др. [Бырня П. П., 1974а, 1974б; Полевой Л. Л., 1969; Полевой Л. Л., Бырня П. П., 1974] (рис. 101).

Материальная культура собственно золотоордынских городов изучена сейчас довольно подробно. Для нее характерно прежде всего смешение различных черт и традиций, заимствованных завоевателями у покоренных народов, с элементами, принесенными монголами из глубин Центральной Азии. Последние наличествуют в домостроительстве. Так, общий тип дома и ряд строительных приемов, в частности оформление входов Г-образными стенками, каны, видимо, восточного происхождения. Такие черты, как угловые башни по фасаду, тандыры и умывальники типа тошна, суфы,—среднеазиатского происхождения [Егоров В. Л., 1970]. Планировка соборной мечети на Водянском городище близка Болгарской, так же как и подпольное отопление бани. Купольные мавзолеи с пештаками имеют четкие аналогии в среднеазиатских.

Для неполивной керамики характерна большая стандартизация, четкость форм и простота орнаментации, сводящейся главным образом к линейно-волнистому орнаменту. Это наряду с хорошим обжигом и высоким качеством глины говорит о крупном ремесленном производстве ее. Формы имеют аналогии главным образом в памятниках Северного Кавказа XII—XIII вв. Есть заимствования из керамики Волжской Болгарии, Хорезма и Монголии (рис. 101).

Поливная керамика из красной глины, орнаментированная резьбой под поливой по ангобу, техникой резерва или росписью ангобом и полихромной росписью под поливой имеет черты заимствования в керамике Закавказья и византийско-херсонесского круга. Поливная керамика из кашинного теста очень близка хорезмской керамике такого же типа, что было отмечено еще А. Ю. Якубовским. Кашинная керамика с надглазурной росписью несет на себе влияние иранской керамики, выполненной в технике «минаи», и посуды с люстровой росписью. В золотоордынском гончарном ремесле в XIV в. складывается самостоятельный вариант росписи ультрамариновой краской по белому фону, ставшей потом характерным для так называемой тимуридской керамики. Среднеазиатское происхождение имеет штампованная сероглиняная посуда, иногда украшениая поливой (рис. 100; 102, *1—9*, *12*) [Булатов Н. М., 1968, 1971, 1974; Михальченко С. Е., 1973].

Для архитектурного декора золотоордынских зданий характерны майоликовые кашинные изразцы с надглазурными и подглазурными орнаментами, имеющими сходство со среднеазиатскими изразцами, резные мозаики с характерным включением красного цвета, имеющие аналогии в закавказской и среднеазиатской архитектуре, плитки резной терракоты, обычно покрытые поливой с растительным и эпиграфическим орнаментом (рис. 102, *10*, *11*, *13—19*). Применялся резной камень, резной ганч. В целом архитектурный декор носит ярко выраженный среднеазиатский характер с чертами влияния архитектуры Закавказья и Ирана [Воскресенский А. С., 1967; Федоров-Давыдов Г. А., 1976б; Носкова Л. М., 1971, 1972а, б].

Металлические изделия имеют аналогии как в Волжской Болгарии (замочки в виде зверей) (рис. 98, *8*), так и на Руси (железные замки). Широко было распространено производство чугунных котлов и чугунных втулок для колесниц. Оружие представлено стрелами так называемых монгольских типов, в том числе типичными для XIII—XIV в. широкоперными стрелами. Известны сабли с характерными перекрестиями, концы которых загнуты в сторону клинка, в частности сабля с именем Узбека, бронзовые шестоперы, кольца для натягивания лука. Искусство торевтики представлено серией золотых и серебряных сосудов с орнаментацией, восходящей к китайским орнаментам и мотивам. Но известно также множество сосудов и изделий со среднеазиатскими и передневосточными мотивами. Пышно развивается искусство скани и зерни, создавшее своеобразный золотоордынский стиль сложных вычурных форм ювелирных изделий (Крамаровский М. Г., 1973; 1975; Спицын А. А., 1909б; Федоров-Давыдов Г. А., 1976б, с. 162—188].

В золотоордынских городах была распространена иранская литература и язык, ярким примером чему являются не только переводы поэм на кипчакский язык, но и персидские стихи на изразцах и блюде

из Нового Сарая. Найденные в золотоордынских городах эпиграфические памятники отличаются большим языковым разнообразием — иранские и арабские надписи на вещах, половецкие надписи, уйгурское письмо и монгольские тексты, тамги на сосудах, восходящие к хазарским знакам (рис. 98, *3*).

Находки астрономических инструментов (квадранта и астролябий арабского типа) говорят о развитии наук. Огромное число монетных находок свидетельствует о развитии мелкого городского торга. Привозные вещи, такие, как китайский фарфор и шелк, византийские иконки, итальянские и сербские вещи, сирийско-египетское стекло, украшенное эмалями, индийские золотые монеты, серебряная монета XIII в. из Бейрута, арабские ткани, свидетельствуют о том, что золотоордынские города на нижней Волге были центрами оживленной международной торговли, связывавшей Восток и Запад [Федоров-Давыдов Г. А., 1960, 1963, 1976б; Янина С. А., 1954, 1958, 1960, 1962; Савельев П. С., 1857—1858; Френ X. М., 1832].

Итак, собственно золотоордынская культура относится полностью к XIV в. — времени расцвета этого государства. Удары русских войск на Куликовом поле по армии Мамая в 1380 г. и разгром основных центров Золотой Орды в 1395 г. Тимуром положили конец могуществу Золотой Орды. В XV в., несмотря на некоторые попытки объединения, предпринятые Едигеем, Золотая Орда, раздираемая междоусобной борьбой и смутами, ослабла экономически. С трудом удерживала она власть над покоренными народами, которые, как, например, Русь, в течение этого столетия сумели окончательно сбросить ее иго. К концу XV в. Золотая Орда распалась на ряд государств: Астраханское, Казанское, Крымское и Сибирское ханства, Узбекское кочевое ханство, Большая Орда [Егоров В. Л., 1972; Федоров-Давыдов Г. А., 1973; Греков И. Б., 1975; Сафаргалиев М. Г., 1960].

Монгольское завоевание было реакционным историческим явлением. Оно отбросило назад в историческом развитии покоренные монголами народы, задержало их экономический и социальный прогресс, привело к уничтожению массы материальных ценностей и производительных сил. И, хотя в кочевнической степной части Золотой Орды завоевание и перераспределение пастбищ и кочевых угодий способствовало развитию феодальных отношений, в целом государство Золотая Орда не имело исторических перспектив, было паразитическим наростом, задержавшим ход исторического развития Восточной Европы.

Но тем не менее его историческое и археологическое изучение весьма важно. Оно оставило значительный след в истории народов Восточной Европы, Казахстана и Сибири, и без учета этих явлений не может быть понята их дальнейшая историческая судьба.

Заключение

История народов, заселявших в эпоху средневековья евразийские степи, еще не написана. Объяснить это обстоятельство можно необъятностью источниковедческой базы и множеством встающих перед исследователями проблем. В настоящее время мы можем назвать только двух советских ученых, которые сделали попытку охватить в своих монографиях многовековую историю огромных массивов племен и народов, кочевавших на тысячекилометровых степных просторах Сибири и Европы. Это С. В. Киселев, написавший «Древнюю историю Южной Сибири» [М., 1949] и М. И. Артамонов, создавший поистине энциклопедический труд «История хазар» [Л., 1962]. Стремлением обобщить как можно более обширный хронологически и территориально материал ограничивается сходство этих двух работ. Книга С. В. Киселева исходит из обработанного и осмысленного им археологического материала, поскольку она посвящена в значительной степени бесписьменному периоду истории (начинается с неолита). Книга М. И. Артамонова полностью базируется на анализе письменных источников, археологические данные превращены в ней в иллюстративное сопровождение текста. Таким образом, даже эти работы, несомненно являющиеся первыми опытами широкого охвата материала, не смогли вместить в себя полный анализ всех имеющихся в распоряжении исследователей источников, не отразили все их многообразие и не использовали всей информации, которую эти источники могли бы дать.

Работы других исследователей обыкновенно посвящены отдельным более или менее крупным проблемам: истории каганатов и иных кочевнических государственных образований, всесторонней характеристике степных археологических культур, экономике и культуре того или иного кочевого объединения. В лучших из них поднятые проблемы рассматриваются очень глубоко, с максимальным использованием разносторонних данных: письменных, археологических, этнографических, антропологических, лингвистических и пр. В какой-то степени вопросы, поставленные или решенные в них, касаются всего степного населения, поскольку процессы, протекавшие в одном кочевом обществе, были в целом характерны и для другого. Тем не менее общего представления о кочевых и полукочевых народах степей за тысячелетний период раннего и развитого средневековья они, естественно, не дают.

В данном томе впервые сведены воедино все известные сейчас археологические материалы, служащие одним из источников, необходимых для написания обобщающей монографии.

Следует подчеркнуть, что источник этот представляет собой для кочевниковедения громадное значение. Письменные сведения, несмотря на большое число средневековых авторов, путешественников, хронистов, ученых и политиков, писавших о кочевниках, весьма отрывочны, а нередко фантастичны и противоречивы. Собственных хроник или каких-либо записей ни у одного степного народа не сохранилось. Исключение составляют знаменитые сибирские эпитафии, написанные на тюркском языке орхонскими рунами. Однако они отличаются лапидарностью и в отрыве от других источников не играют заметной роли в восстановлении политической истории той эпохи.

Можно уверенно говорить о том, что без археологических исследований полная история степных народов не может быть написана. Именно поэтому и была начата эта работа по объединению и осмыслению всей громадной массы археологических материалов и источников, имеющих отношение к этим народам.

Самым существенным итогом проведенного комплексного рассмотрения материалов является, несомненно, вывод об общности культур средневековых обитателей степей. Общность прослеживается как в экономике и быту, так и в воззрениях и эстетических вкусах степных народов.

Повсеместно в степях господствовала кочевая или полукочевая экономика. В тех случаях, когда тот или иной народ в силу различных обстоятельств переставал кочевать, сохранялось отгонное скотоводство, при котором часть населения летом продолжала, передвигаясь по степи, вести кочевой образ жизни. Кроме того, все степняки, и кочевые, и оседлые, продолжали оставаться всадниками в быту, на войне, при жизни и после смерти.

Все это находит яркое подтверждение в археологических материалах. Отсутствие остатков поселений и постоянных могильников в одних археологических культурах свидетельствует о круглогодичном кочевании населения. У оседающих кочевников на зимовищах господствующей формой жилища оставались привычные юрты, следы которых неоднократно находили в степях (как в европейских, так и в сибирских). Если при оседании заимствовалась и осваивалась иная форма жилого сооружения (полуземлянка или глинобитный наземный домик), то, как правило, неизменным оставался очаг — открытый, иногда обложенный камнем, расположенный в центре помещения, т. е. так, как в юрте. Всадники — пастухи, охотники и воины — неоднократно изображались как в прикладном искусстве (накладки на седла и сбрую, амулеты и пр.), так и в графических рисунках на скалах, стенах, костяных поделках. Очень отчетливо выступает «всадничество» в погребальном обряде: за редкими исключениями все степные культуры характеризуются погребениями с конями, с их чучелами или же с конской сбруей (удилами, остатками седел, стременами и пр.). Богатые погребения обычно сопровождаются типичным для степных воинов набором оружия и поясами, украшенными бляхами из разных металлов: бронзы, серебра, золота. Необычайно выразительно противопоставляется степное вооружение оружию воинов земледельческих стран в русской летописи в отрывке, повествующем о заключении мира между пече-

нежским ханом и русским воеводой Претичем в 968 г.: «И подаста руку межю собою, и въдасть печенежьский князь Прътичю: конь, саблю, стрелы. Он же дасть ему бронъ, щитъ, мечь» [ПВЛ, 1950, с. 48]. И действительно, сабли, остатки колчанов со стрелами, тяжелые луки с костяными накладками, остатки конской сбруи, скелеты и кости коней — все это характернейшие черты погребального обряда и инвентаря мужских (а иногда и женских) погребений степняков.

Сравнительный анализ погребального обряда говорит о близости идеологических представлений степного населения. Помимо обряда захоронений с конем, сбруей и оружием, эта близость выражается в распространении по степям отдельных ритуальных захоронений коней или их частей, в почти повсеместном сооружении над могилами курганов, в применении камня при сооружении этих курганов и могил, в изготовлении гробов-колод. Весьма характерным для тюрок является обычай строить поминальные храмики с каменными изваяниями умерших. Обычай этот, зародившийся у тюрок Сибири, дошел вместе с кипчаками-половцами до Причерноморья и берегов Днепра.

Общность художественных вкусов, общность степной «моды» нашли выражение как в скульптурных памятниках и рисунках-граффити, так и в одежде и украшениях. Причем если произведения изобразительного искусства отличаются абсолютной оригинальностью, то украшения и даже костюм нередко изменяются под воздействием «моды», распространенной в соседнем более развитом государстве, а иногда и под воздействием культуры побежденного народа, земли которого захватили кочевники.

Идентичность экономики и культурных традиций степных народов в значительной степени обусловливала и общность исторических судеб. Сложение различных каганатов, формирование новых этнических групп шло в степях одними путями, будь это в VIII или XIII в., в Азии или в Европе.

Как это ни парадоксально, но, несмотря на общность традиций и судеб степного населения, в целом для него характерно бесконечное разнообразие степных культур как в эпоху средневековья, так и в более раннее и более позднее время (вплоть до современности). Это разнообразие связано с общностью политической истории. Во «Введении» к данному тому уже говорилось, что кочевники не могли бы существовать, опираясь исключительно на кочевническую экономику. В силу чисто экономических причин они вынуждены были налаживать активные и разнообразные контакты с соседними странами и народами. Кроме того, захватывая на определенной стадии своего общественного развития земли, заселенные людьми, имевшими свои традиции и культуру, кочевники невольно воспринимали их с той или иной степенью полноты. Поскольку кочевники обитали и передвигались на территории, в длину равной почти четверти земного шара, то народы, с которыми они общались, отличались друг от друга весьма значительно этнически, лингвистически, культурно и т. п.

В результате различных влияний в степях в разные эпохи и периоды возникали все новые и новые культуры, причем кристаллизация одних шла по пути слияния с иной (какой-либо местной) культурой, других — под непосредственным воздействием высоко цивилизованного соседа. Чаще же при сложении новой культуры играли почти равную роль оба фактора.

Как правило, складывавшиеся в эпоху средневековья культуры были культурами образующихся государственных объединений. Поэтому их появление, расцвет и исчезновение находились в прямой зависимости от политической истории этих государств. Особенно четко эту закономерность удается проследить на хорошо изученной культуре Кыргызского каганата, разделенной археологами на три хронологических этапа: чаатас, тюхтятский, аскизский (VI—XIV вв.); культуре хазарского каганата, соответствующей пяти вариантам салтово-маяцкой (вторая половина VII — первая половина X в.), культурах Уйгурского каганата (середина VIII — середина IX в.) и Волжской Болгарии (X—XIV вв.). Даты культур и даты существования государств, устанавливаемые по письменным источникам, во всех перечисленных случаях абсолютно совпадают (см. сводную карту — рис. 103).

Ряд хорошо известных действительно существовавших объединений государственного типа не нашел отражения в археологических источниках. Причины этого кроются прежде всего в краткосрочности этих государств-каганатов или ханств. Таковыми являлись, например, Великая Болгария, венгерские Леведия и Ателькуза и др.

В огромных территориально государствах типа Тюркских каганатов или Монгольских Орд возможность сопоставлять археологические материалы с письменными проявляется только при анализе данных с отдельных памятников, поскольку археологические памятники этих государственных объединений изучены сравнительно с необъятностью занимаемых ими земель явно недостаточно.

Наконец, мы знаем археологические культуры, принадлежавшие народам, которые в эпоху раннего и развитого средневековья переходили к классовому (феодальному) общественному устройству, хотя и не создали и не возглавили, в отличие от хазар, кыргызов, кимаков, тюрок, монголов, крупных государственных объединений (см. сводные карты рис. 103, 104). Тем не менее их культура формировалась нередко даже активнее, чем у народов — создателей каганатов. Такова, например, аланская культура Предкавказья, развитие которой прослеживается, начиная с V в. вплоть до татаро-монголов и далее — до современности. Государство у алан сложилось только после гибели Хазарского каганата — в X в., тем не менее культура их в значительной степени легла в основу культуры этого мощного государства. Другой пример — высокоразвитые культуры прабашкир, близкие по общему уровню развития к культурам соседних государств. Как и аланы, они имели глубокие корни в древности и традиции их сохранились до наших дней. Объяснять жизнестойкость и силу культур этих народов, по-видимому, следует ранним оседанием этих кочевников и тесным слиянием их с оседлыми местными племенами. Развитие их текло по определенному руслу, и никакие катаклизмы не могли уничтожить эти вполне сложившиеся степные цивилизации. Политическое подчинение народа какому бы то ни было государству

не могло существенно изменить многовековые культурные традиции.

Следует сказать, что некоторые из таких народов с рано сложившейся культурой в соответствующих исторических условиях образовывали могущественные, причем весьма устойчивые, государства. Таким является Кыргызский каганат, просуществовавший почти тысячелетие. Характерно, что, несмотря на тотальный разгром государства монголами, тысячелетняя культура древних хакасов не была уничтожена, она переросла в современную этнографически хорошо известную культуру хакасов (рис. 103, 104).

Эпоха средневековья — это эпоха становления и господства феодализма. Только благодаря археологическим материалам и источникам можно в настоящее время говорить о степени развития феодальных отношений в различных синхронных или разновременных кочевых и полукочевых союзах и государствах. А это, в свою очередь, позволяет глубже проникнуть в историческую обстановку того времени, в каждом конкретном случае попытаться понять причины, побудившие тот или иной народ сниматься с уже насиженных мест и идти захватывать новые земли, новые пастбища.

Благодаря исследованиям этнографов известно, что для кочевнических обществ характерна своеобразная родо-племенная «вуаль», наброшенная на самые жесткие классовые отношения. В ряде случаев удается проследить эту «вуаль» и в средневековье при раскопках археологических памятников. Примером может служить Правобережное Цимлянское городище (остатки феодального замка в Хазарском каганате), где была обнаружена планировка куренем, свойственная еще для родо-племенного строя.

Вместе с феодализмом к евразийским степным народам проникали и укоренялись там «мировые религии»: мусульманство, христианство, иудаизм, буддизм, конфуцианство. И в этой духовной сфере, казалось бы трудно уловимой для науки о материальной культуре — археологии, удалось проследить интереснейшие явления и установить факты, о существовании которых без археологических исследований в лучшем случае можно было лишь предполагать. В период всего раннего средневековья, хотя письменные источники сообщают о принятии в различных каганатах мусульманства, христианства, иудаизма и других религий, на самом деле, судя по повсеместно распространенному в степях языческому погребальному обряду, среди населения господствовали языческие верования. Религию меняла только верхушка общества, народ не воспринимал новых догм и связанных с ними обрядов. При этом характерно, что и аристократия, формально признав новую религию, предпочитала хоронить своих родичей по языческому обычаю предков. Глубокое проникновение «мировых религий» в сознание степных народов началось только в эпоху развитого средневековья, что опять-таки устанавливается археологически: в погребальном обряде происходят соответствующие коренные изменения, которые прекрасно прослеживаются при раскопках средневековых погребений и могильников.

Почти никогда ни один средневековый автор, рассказывая о каком-либо народе или государстве, не пишет о его торговых связях с ближними и дальними странами. Эти вопросы всецело решаются археологическими и нумизматическими исследованиями. Картографирование находок привозных вещей, особенно бус и монет, дает картину широких международных связей степных государств и народов в разные эпохи. Удается установить не только просто факты экономических связей, но и конкретные торговые пути как внутри государств, так и вне их, а по интенсификации или затуханию этих связей точно улавливается экономический, а следовательно, и политический подъем или падение государств.

Наконец, археологические источники дают материалы для уточнения, а иногда и установления границ степных государств и объединений, а также исторических событий, сведения о которых совсем не попали на страницы письменных источников или отражены в них очень бегло и явно недостаточно. Примеры этому настолько многочисленны, что трудно выбрать из них наиболее выразительные и яркие.

Однако следует помнить, что археологический материал начинает «работать» как исторический источник только при условии его полной и правильной обработки, поэтому слабо исследованные культуры пока не могут дать ответов на стоящие перед учеными задачи изучения ряда степных государств.

Эта книга дает ясное представление как о достижениях, так и о многочисленных недоработках археологов-кочевниковедов. Несомненным и самым весомым вкладом советских кочевниковедов в мировую науку является марксистский метод обобщения археологических источников, заключающийся прежде всего в том, что каждый исследователь, обрабатывая новые археологические материалы и занимаясь «формальным вещеведением», ставит перед собой общие исторические задачи, касающиеся происхождения, общественного устройства, политической истории изучаемого им народа. Высокие требования, предъявляемые археологами к раскапываемому ими материалу, заставляют осваивать точные методы его обработки. По существу все эти методы объединены известной «археологической триадой», разработка которой была начата еще дореволюционными русскими учеными в начале XX в. и продолжена в 30—40-х годах наиболее талантливыми археологами-марксистами. Это — типология (выделение признаков), корреляция (сопоставление признаков) и картография отдельных признаков или их групп. В настоящее время работа в отдельных звеньях «триады» уточняется (иногда излишне усложняется), однако следует признать, что почти все кочевниковеды как старшего, так и младшего поколения широко пользуются «триадой» в своих исследованиях.

Это находит полное выражение в их монографиях и статьях и в какой-то мере отражается и в данном томе. Поэтому есть основания надеяться, что предлагаемые в нем хронология и локализация средневековых культур, народов и государств, а значит, и большинство предлагаемых авторами исторических выводов верны, а гипотезы — правомерны. Только новые, из года в год накапливаемые материалы позволят будущим поколениям археологов пересмотреть и скорректировать препарированные здесь археологические источники, уточнить выводы и опровергнуть или подтвердить высказанные гипотезы.

Подписи к рисункам и картам

Рис. 70. Погребения XI—XII и XIII—XIV вв. Карта

Рис. 71. Культура тюркизирующегося населения южнотаежной зоны Приобья XI—XII вв. (Еловский могильник)
4, 5—7, 12—18, 20, 21, 25, 36, 37 — железо; *8, 9, 22* — кость; *10* — глина; *11, 26* — бронза, кожа; *19* — бронза, железо, дерево; *23, 24* — кость, железо; *27—35, 38* — бронза; *39—41* — стекло белое, красное, коричневое
4 — меч; *5* — топор-тесло; *6* — котел; *7* — накладка колчана (?); *8, 9, 12—17, 20, 21, 25* — наконечники стрел; *10* — сосуд, половина нашивной бляхи; *18* — удила; *19* — навершие с остатками ножа; *22* — костяной предмет, подвеска; *23* — подпружная пряжка; *24, 27, 31, 34* — поясные пряжки; *26* — фрагмент поясного ремня с бляхами; *28* — височное кольцо; *29, 32, 33* — наконечники ремней; *30* — декоративная поясная бляшка; *35* — подвесная поясная бляха; *36, 37* — две части застежки; *38* — пуговица; *39—41* — бусы. Составил В. А. Могильников

Рис. 72. Культура кочевников Казахстана и Средней Азии в XI—XIV вв.
1—5, 8—11, 16, 17, 19, 21—26, 28, 29, 31—51, 63, 96, 97 — Ждановский могильник; *6, 89* — Беловодский курган; *7* — Пскент; *12, 13, 55, 60, 64, 67, 70, 75, 76, 94, 98, 99* — Тасмола IV; *14, 53, 56, 65, 66, 73, 78—80, 82—84, 86, 92* — Королевка; *15, 62, 69, 74, 85, 90, 93* — Жартас; *18* — Чуйская долина; *20, 27* — Леонтьевский могильник; *30, 52* — Качиры II; *54, 72, 91* — Кыз-тепе; *57—59, 71, 95, 100, 101* — Краснокутский курган; *61* — Вишневка; *68* — Дальверзин; *77, 81, 87, 88* — Халчаян
17, 41, 42, 61 — кость; *19, 21—25, 28, 29, 31—40, 43—51, 53—56, 63, 64, 66, 68—70, 72, 74—80, 84—89, 91—94* — железо; *20* — дерево; *26, 27* — золото; *18, 30, 60, 62, 83, 97, 99* — медь; *52* — свинец; *57—59, 71, 82, 95, 96, 98* — серебро; *65* — железо, кожа; *67* — железо, бронза; *73* — глина; *81* — олово; *90* — береста; *100* — серебро, кость; *101* — посеребренная бронза
17 — застежка от пут; *18* — крючок; *19* — гвоздь; *20* — основа седла; *21, 22* — скобы; *23, 43, 44, 64, 79, 91* — стремена; *24, 25, 63, 94* — удила; *26* — брошь; *27, 96—98* — серьги; *28, 29* — ножницы; *30* — бубенчик; *31—38, 55, 56, 74—77, 84—89* — наконечники стрел; *41, 42* — седельные канты; *45—48, 66—69* — ножи; *49—51, 70* — кресала; *52* — пряслице; *53, 54* — сабли; *57— 59, 95* — нашивные бляшки женской одежды; *60* — накладка несохранившегося предмета; *61* — накладка колчана; *62* — налобник уздечки; *65* — седельное кольцо для приторачивания; *71* — «бокка»; *72* — клевец, молоток; *73* — сосуд; *78* — скобель; *80, 93* — подпружные пряжки; *81* — декоративная бляха от пояса; *82* — чаша; *83* — подвеска; *90* — колчан; *92* — пряжка от пояса или колчана; *99* — колечко; *100* — кольца с кружками от петли зеркала; *101* — зеркало; *93* — язычок реконструирован. Составил В. А. Могильников

Рис. 73. Культура тюркоязычного населения Саяно-Алтая XIII—XIV вв.
1—3, 8, 10, 14—16, 18—20, 22, 23, 25—28, 30 — Кудыргэ; *4, 5, 7, 11, 24, 32* — Пазырык, большой курган 5, впускная могила; *6, 9, 12, 13, 17, 29, 31* — Часовенная Гора; *21* — Яконур
3—8, 11, 13, 18, 24—28 — железо; *9* — медь, кожа; *10* — дерево; *12, 15, 29* — кость; *14* — серебро, дерево; *16, 32* — медь; *17, 19, 21, 22* — серебро; *20* — медь с позолотой; *23* — сердолик; *30* — береста, серебро; *31* — кожа и агальматолит
3, 4 — удила; *5, 6, 12* — подпружные пряжки; *7, 8* — стремена; *9* — бляшка от перекрестия ремней; *10* — лука седла; *11* — седельное кольцо для приторачивания; *13* — топор-тесло; *14* — палочка в оправе; *15* — рукоять шила; *16* — зеркало; *17* — кубок; *18* — нож; *19* — украшение шапки; *20—22* — серьги; *23* — бусина; *24—28* — наконечники стрел; *29* — срединная накладка лука; *30* — колчан; *31* — пояс; *32* — пуговица. Составил В. А. Могильников

Рис. 74. Древности аскизской культуры
Малиновский этап (конец X—XII в.): *А* — Уйбатский город, здание 1, разрез-реконструкция; *Б* — Малиновка (курган с трупосожжением); *В* — Узун-хая (гротовое трупоположение; *1, 20, 21, 32, 34, 41, 44* — Малиновка; *2, 19, 29, 37, 43, 45, 46, 50, 56* — Уюк-Тарлык; *3, 9, 12* — Эйлиг-Хем III; *4* — Ак-Полак; *5, 22, 24, 28, 52* — Чернова; *6* — «Над Поляной»; *7* — Колмакова; *8, 47* — Све-таг; *10, 11, 13—15, 17, 18, 23, 25—27, 30, 35, 36, 38—40, 42, 48, 53—55* — Оглахты; *16, 33* — Самохвал; *31, 49* — Кизек-тигей; *51* — Лугавское; *57—74* — Узун-хая
Каменский этап (XIII—XIV вв.): *А* — Оглахты (курган с трупосожжением); *Б* — Сухаписха (курган с трупоположением, кыштымы); *1, 4, 8, 11—13, 16, 17, 21, 22, 24—26* — Каменка; *2, 10, 27—29* — Канско-Перевозинское; *3, 20, 23, 33, 35—37* — собрания ГИМ; *5—7, 18, 32* — собрание ММ; *9, 14, 19* — станция Минусинск; *15, 34* — Быстрая; *30* — Оглахты; *31* — Самохвал; *38—58, 65—67* — Часовенная Гора; *59—64* — Суханиха (по А. А. Гавриловой). Составили Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов

Рис. 75. Болгар и Биляр — города Волжской Болгарии
1 — план Болгара; *2* — план мечети («Четырехугольника»); *3* — реконструкция мечети; *4* — план Биляра; *5* — план караван-сарая; *6* — реконструкция караван-сарая. Составила С. А. Плетнева

Рис. 76. Волжская Болгария в домонгольское время (X — начало XIII в.). Карта

Рис. 77. Замки (городища) Волжской Болгарии
1 — Тигашевское; *2* — Старо-Татарско-Адамское; *3* — Савгачевское; *4* — Старо-Барановское; *5* — Атлашкинское. Составила С. А. Плетнева

Рис. 78. Хронологическая таблица древностей Волжской Болгарии
1—70 — оружие, сбруя, орудия труда, керамика; *71* — монеты болгарской чеканки золотоордынского времени; *72—76* — мусульманские погребения; *77* — мавзолей над мусульманским богатым погребением. Составила С. А. Плетнева

Рис. 79. Изделия болгарских ювелиров
1—3 — зеркала; *4—6* — серьги золотоордынского времени; *7* — браслет «болгарского», типа; *8* — серебряная пластинка с зернью и сканью; *9—16* — височные подвески или серьги домонгольского времени; *17, 18* — перстни домонгольского времени; *20, 23* — плетеные браслеты; *19* — капторга — нагрудная подвеска-коробочка; *21, 22* — литейные формы; *24—26* — замки. Составила С. А. Плетнева

Рис. 80. Керамика Волжской Болгарии.
По данным Т. А. Хлебниковой, А. Х. Халикова, Н. А. Кокориной (*1—27*). Составила С. А. Плетнева

Рис. 81. Восточноевропейские степи в половецкий период. Карта.

Рис. 82. Хронологическая таблица древностей восточноевропейских кочевников.
По материалам раскопок могильников Поросья, кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи, находок в слое Саркела — Белой Вежи, отдельных курганов в нижнедонских и нижневолжских степях (*1—126*). Составила С. А. Плетнева

Рис. 83. Комплекс вооружения и бытовых предметов воина-степняка половецкого времени (XII в.) (*1—40*).
Составила С. А. Плетнева

Рис. 84. Комплекс, характерный для женских погребений половецкого времени (конца XI—XII в.) (*1—30*).
Составила С. А. Плетнева

Рис. 85. Типы погребений восточноевропейских кочевников X — начала XIII в.
1—6 — печенеги; *7, 8* — мусульмане; *10* — торки (гузы); *9, 11—17* — погребения половецкого времени; *18* — остатки половецкого святилища на вершине кургана эпохи бронзы с двумя разбитыми статуями (мужчины и женщины). Составила С. А. Плетнева

Рис. 86. Распространение в европейских степях подкурганных погребений XI — начала XIII в. (по данным Г. А. Федорова-Давыдова) и каменных изваяний этого же времени. Карта

Рис. 87. Эволюционно-хронологическая таблица каменных мужских и женских изваяний половцев (*1—25*).
Составила С. А. Плетнева

Рис. 88. Половецкие изваяния мужчин-воинов (*1—14*). Из запорожского, днепропетровского, херсонского, московского и краснодарского музеев. Стоящие статуи (*1—5*) снабжены полным набором характерного для кочевников оружия: луком с налучем и саблей (слева), колчаном со стрелами (справа). Защитный доспех у стоящих статуй тот же, что и у сидящих.
Составила С. А. Плетнева

Рис. 89. Изваяния женщин-половчанок в роскошных головных уборах и кафтанах
1—8, 10 — из днепропетровского и московского музеев; *9* — статуя половецкой амазонки с набором наступательного оружия, но в «шляпе» и с гривнами, как у обычной женщины. Из николаевского музея. Составила С. А. Плетнева

Рис. 90. Культура «поздних кочевников» в Башкирии
1—5, 7—65 — из раскопок Башкир-Беркутовских, Ивановских, Каменноозерных, Каменнопольских, Каранаевских, Кушулевских, Лагеревских, Мряснмовских, Россыпинских курганов и могильника Шах-тау; *6* — Турналинское городище. Составили Н. А. Мажитов, С. А. Плетнева

Рис. 91. Археологические памятники Северного Кавказа X—XIII вв. Карта

Рис. 92. Планы поселений и жилых сооружений Центрального Предкавказья IX—XIII вв.
1, 3 — Инджур-Гата; *2* — Рым-Гора, *4* — Нижний Архыз; *5, 6* — Адиюх; *7* — Лыгыт; *8* — Указатель. Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 93. Планы культовых сооружений и эпиграфические памятники X—XIV вв.
1 — «Монастырь» на Мзымте; *2—5, 7* — хутор Ильич; *6* — с. Преградное; *8, 12* — Тхаба-Ерды; *9* — Гиляч; *10, 11* — Северный и Средний Зеленчукские храмы; 13 — Нижне-Архызское надгробие 1044 г.; *14, 18, 19* — мусульманские надгробия Дагестана; *16, 17* — Верхний Джулат. Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 94. Хронологическая таблица погребальных сооружений, конского снаряжения, орудий труда, оружия, поясных наборов, украшений, керамики и стеклянной посуды Северного Кавказа IX—XIII вв.
По материалам могильников Мартан-Чу (раскопки В. Г. Виноградова и Х. Х. Маммаева), Змейского, Агач-Кала, на р. Кривой, Колосовка, на р. Кяфар Индыш и поселений Адиюх, Гиляч, Указатель (*1—205*). Составила В. Б. Ковалевская

Рис. 95. Монгольские города
1 — Каракорум; *2* — Хирхиринское городище; *3* — Царевское городище; *4* — Водянское городище. Составили Г. А. Федоров-Давыдов и С. А. Плетнева

Рис. 96. Золотая Орда и схема походов монголов. Карта

Рис. 97. Погребения золотоордынского населения.
По материалам Водянского могильника
1—5 — погребения людей; *6* — кенотаф с захоронением барана. Составили Г. А. Федоров-Давыдов и С. А. Плетнева

Рис. 98. Вещи и надписи из культурного слоя Царевского городища
1, 2 — детали костяных щипчиков; *3* — рисунок и надпись на кости; *4, 5* — бронзовые ложечки; *6* — амулет; *7* — костяная пуговица; *8* — замок; *9* — кресало; *10, 11* — пряслица; *12* — серьга; *13* — костяное навершие; *14, 15* — ножи; *16—18* — альчики; *19—21* — бронзовые пуговицы; *22* — костяной наконечник стрелы; *23* — копье; *24* — мотыга; *25* — знаки на стенках и ручках сосудов. Составили Г. А. Федоров-Давыдов и С. А. Плетнева

Рис. 99. Костяные накладки на колчаны из поволжских погребений кочевников золотоордынского времени (XIII—XIV вв.) (*1—9*).
Составили Г. А. Федоров-Давыдов и С. А. Плетнева

Рис. 100. Жилище золотоордынских городов.
По материалам раскопок Царевского городища
1 — многокомнатное здание; *2, 3* — квадратные дома; *4, 5, 6* — дома на сырцовом цоколе; *7—9* — полуземлянки с печами; *10, 11* — остатки юрт. Составили Г. А. Федоров-Давыдов и С. А. Плетнева

Рис. 101. Гончарные печи и массовая керамика золотоордынских городов
1—3 — сельские гончарные печи (Лозово, Молдавия); *4—6* — городской гончарный горн (Костешты, Молдавия); *7—29* — различные типы золотоордынской керамики. Составила С. А. Плетнева

Рис. 102. Поливные блюда и архитектурный декор.
По материалам из раскопок Царевского и Селитренного городищ
1—5, 8, 9 — красноглиняная поливная керамика с зеленой поливой и подглазурной росписью ангобом; *6, 7* — заготовки под поливную керамику; *10—13, 15—19* — мозаики; *14* — терракотовая плитка. Составили Г. А. Федоров-Давыдов и С. А. Плетнева

Рис. 103. Степи в VIII — начале X в. Карта

Рис. 104. Степи в XII—XIII вв. Карта

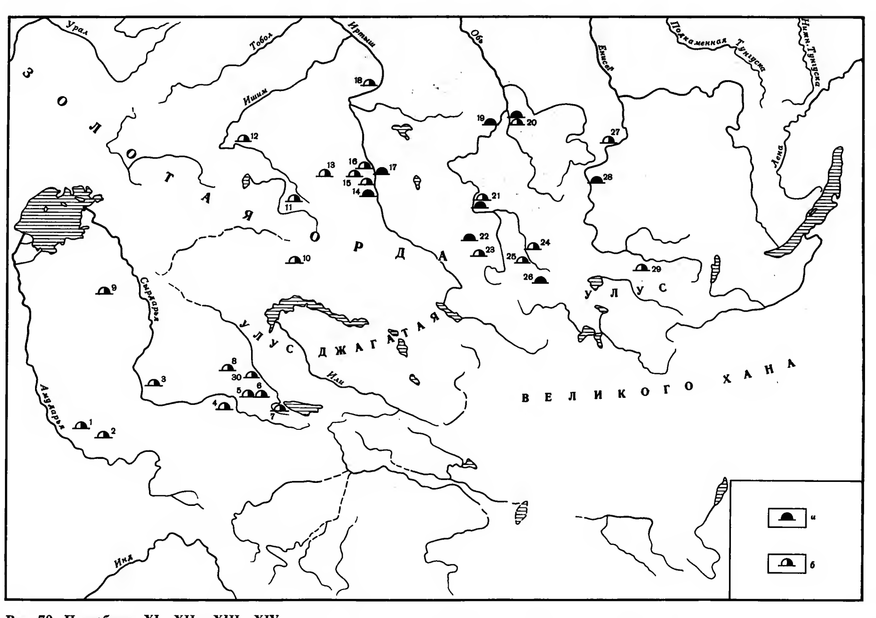

Рис. 70. Погребения XI—XII и XIII—XIV вв.

а — памятники XI—XII вв.; *б* — памятники XIII—XIV вв.; *1* — Кыз-тепе; *2* — Халчаян; *3* — Пскент; *4* — Дальверзин; *5* — Беш-Каракчи; *6* — Тош-Башат; *7* — Тарасу; *8* — Королевка; *9* — Уйгарак; *10* — Жартас; *11* — Вишневка; *12* — Беловодский; *13* — Тасмола; *14* — Ждановский; *15* — Леонтьевка; *16* — Краснокутский; *17* — Качиры; *18* — Каиркуль; *19* — Еловка; *20* — Басандайка; *21* — Осинки; *22* — Чарыш; *23* — Яконур; *24* — Кудыргэ; *25* — Пазырык; *26* — Узунтал; *27* — Часовенная Гора; *28* — Суханиха; *29* — Бай-Даг; *30* — Тегирмен-Сай. Составил В. А. Могильников

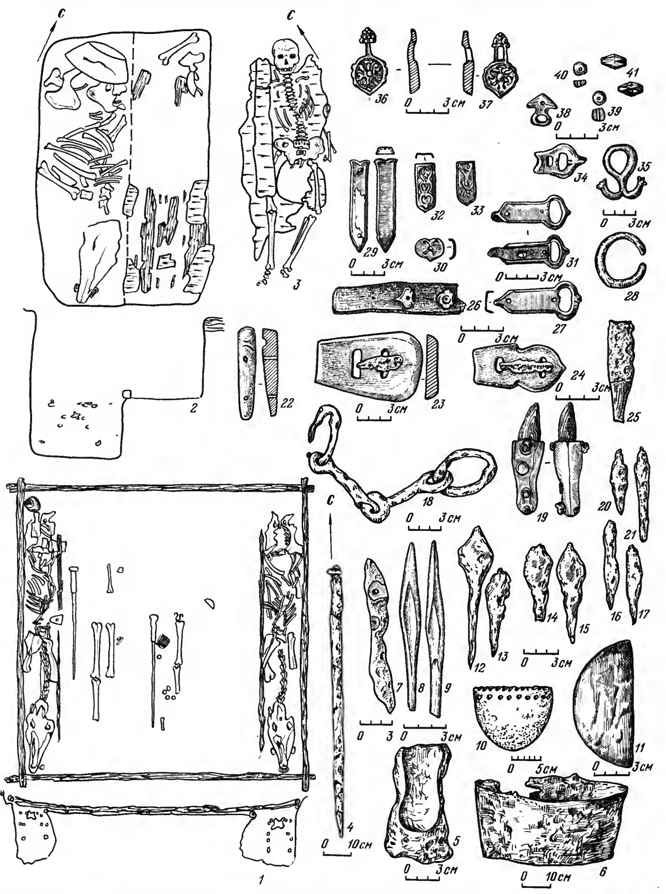

Рис. 71. Культура тюркизирующегося населения южнотаежной зоны Приобья XI—XII вв. (Еловский могильник)

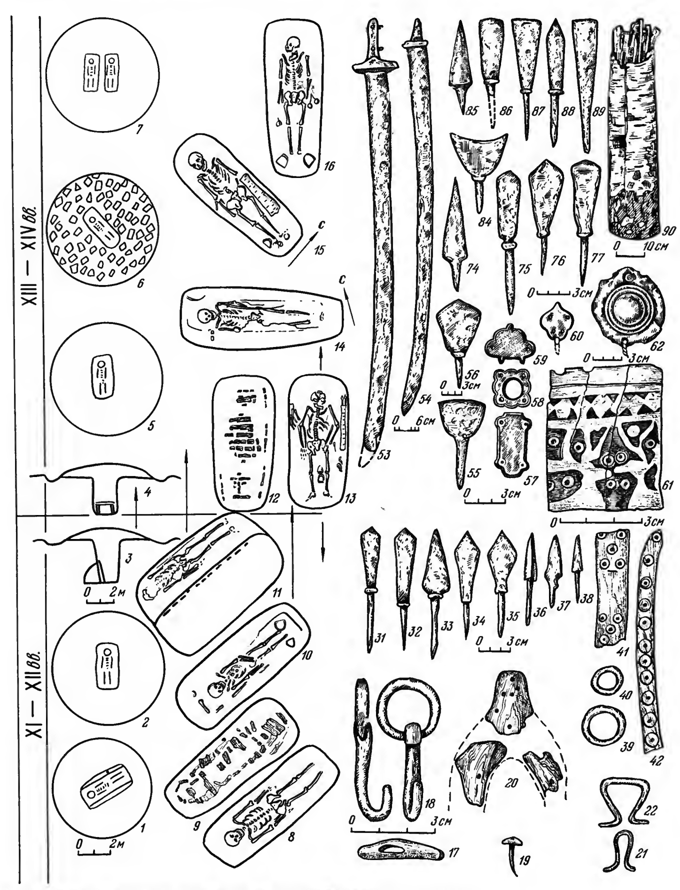

Рис. 72. Культура кочевников Казахстана и Средней Азии в XI—XIV вв.

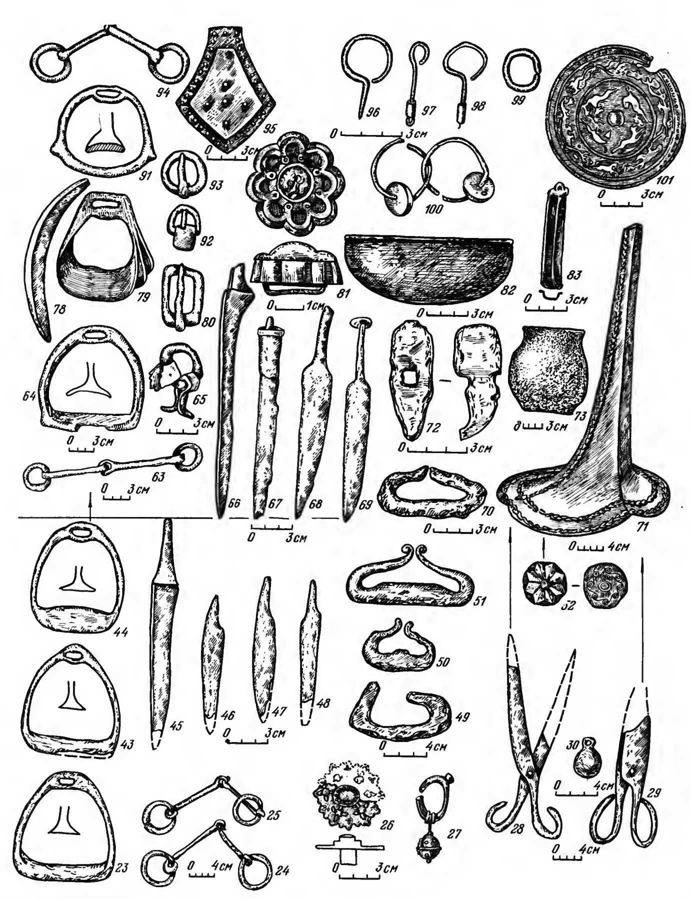

Рис. 72. (Окончание)

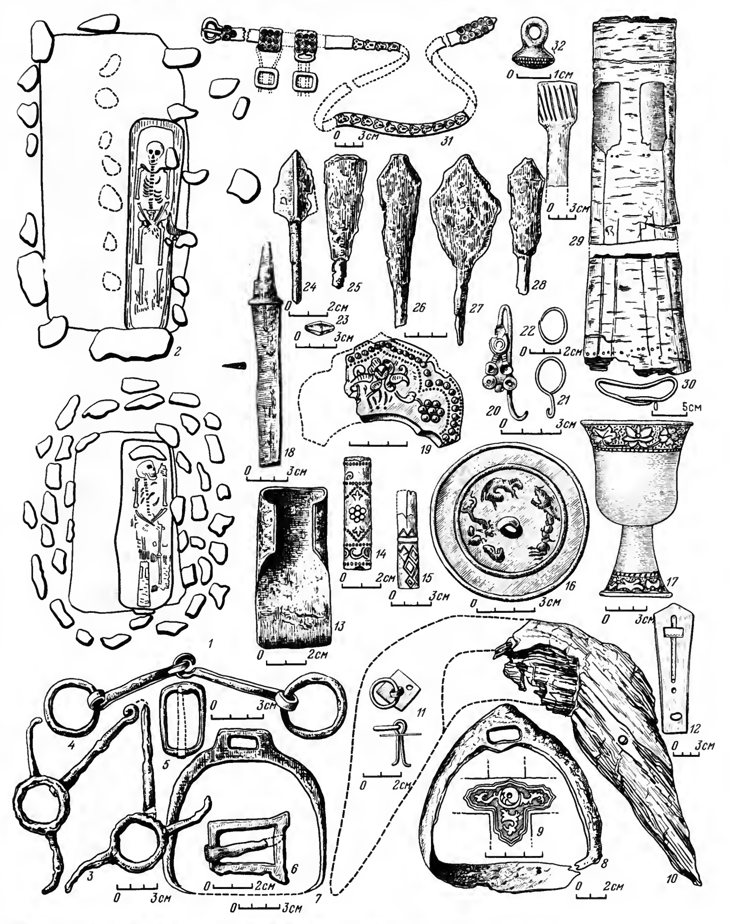

Рис. 73. Культура тюркоязычного населения Саяно-Алтая XIII—XIV вв.

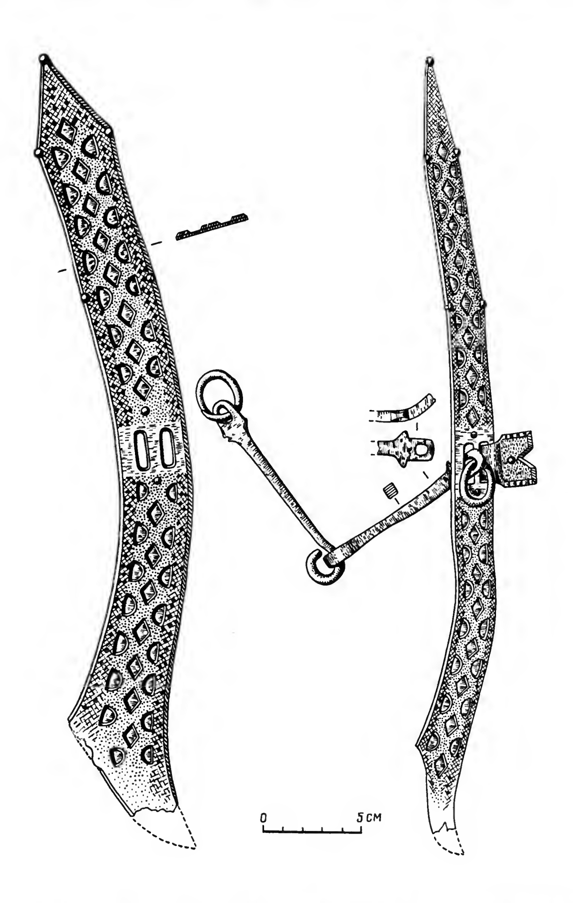

Рис. 73а. Аскизская культура. Удила XIII—XIV вв. Случайная находка в Хакасско-Минусинской котловине. Минусинский музей, инв. № 6074. Железо с серебряной аппликацией

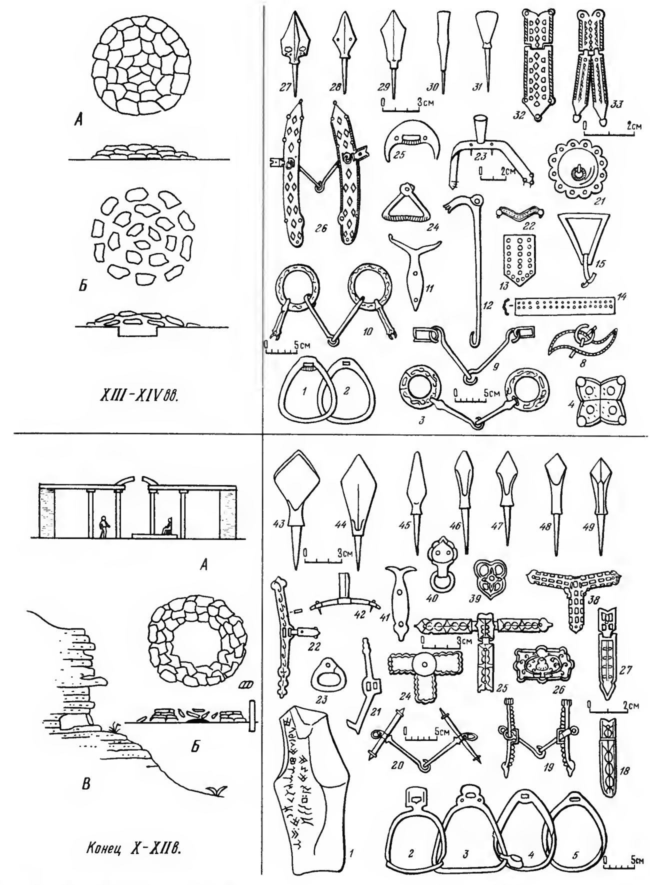

Рис. 74. Древности аскизской культуры

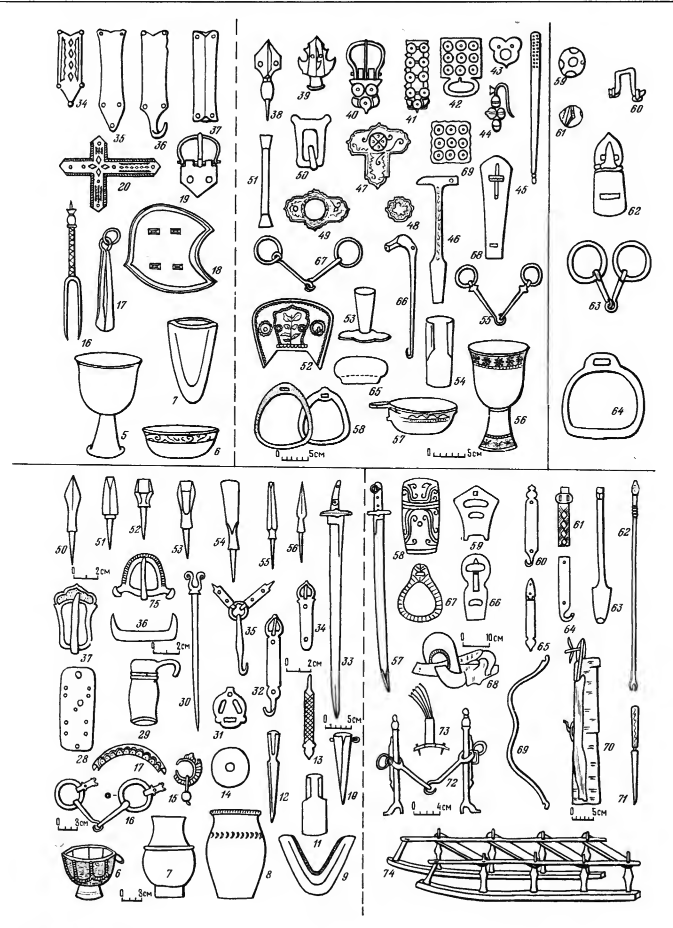

Рис. 74.(Окончание)

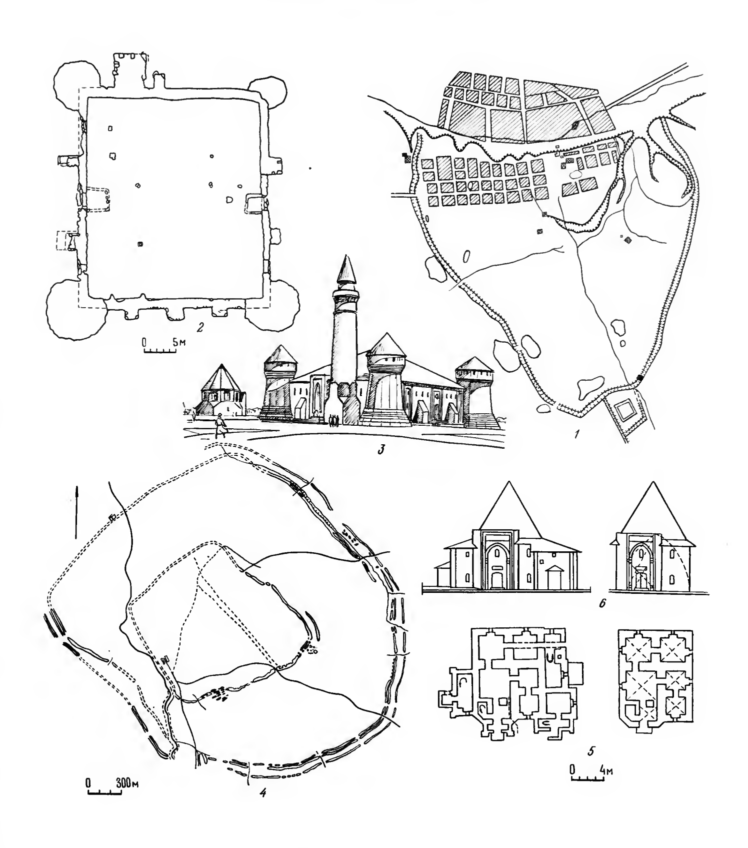

Рис. 75. Болгар и Биляр — город Волжской Болгарии

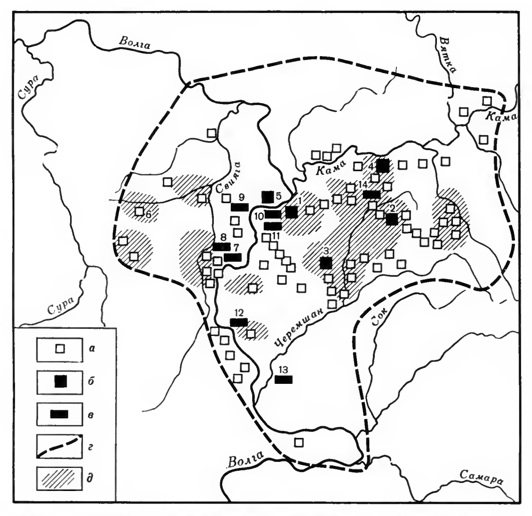

Рис. 76. Волжская Болгария в домонгольское время (X — начало XIII в.)

а — замки; *б* — города; *в* — раннеболгарские языческие могильники; *г* — границы государства; *д* — наиболее густо заселенные области; *1* — Болгар; *2* — Биляр; *3* — Сувар; *4* — Джукетау; *5* — Ошель (Ашлы); *6* — Тигашевское городище; *7* — I Больше-Тарханский; *8* — II Больше-Тарханский; *9* — Тетюшский; *10* — Танкеевский; *11* — Кокрятский; *12* — Кайбельский; *13* — Хрящевский; *14* — Больше-Тиганский. Составила С. А. Плетнева

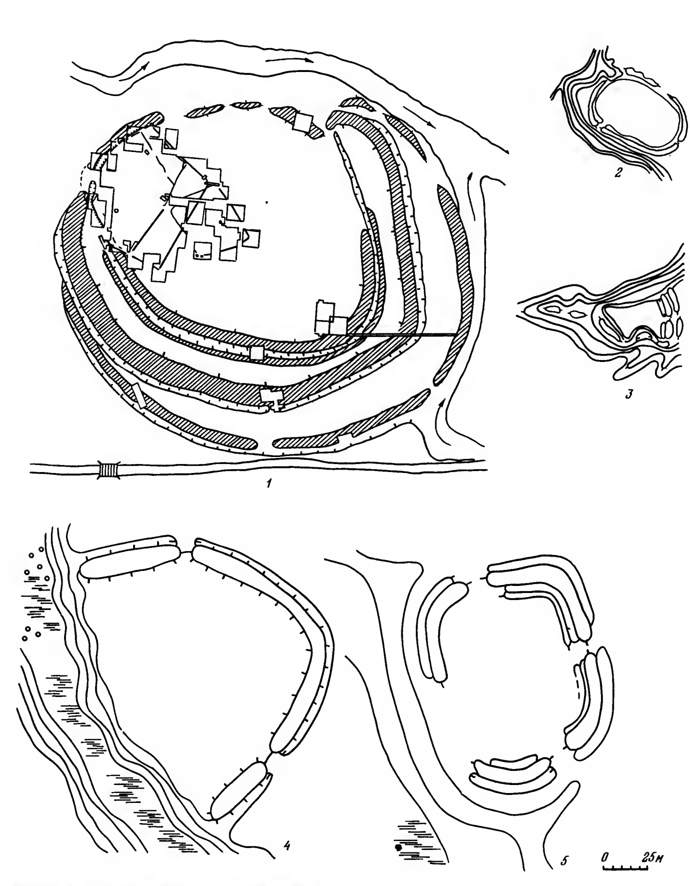

Рис. 77. Замки (городища) Волжской Болгарии

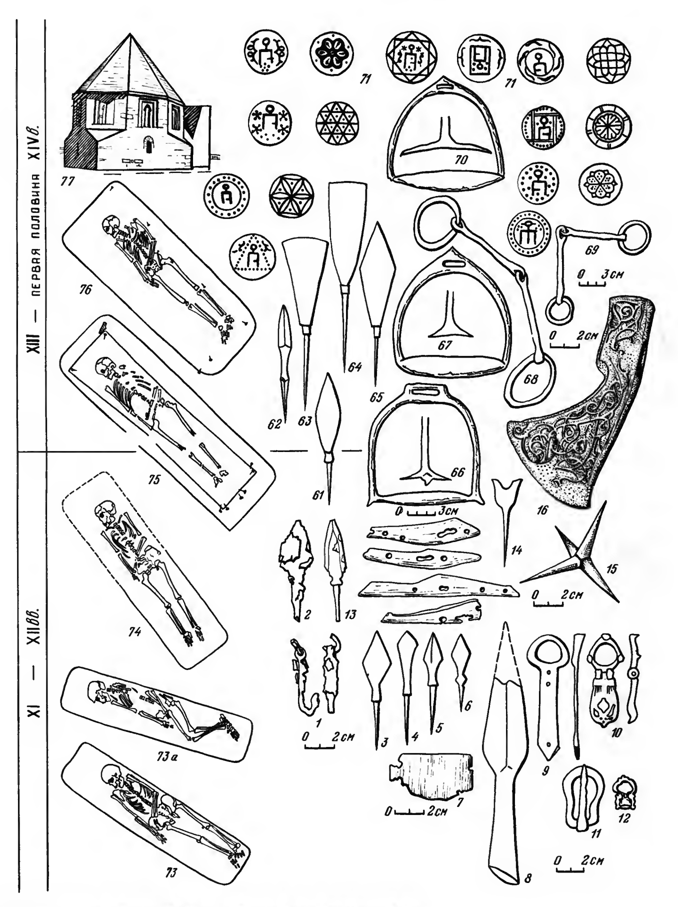

Рис. 78. Хронологическая таблица древностей Волжской Болгарии

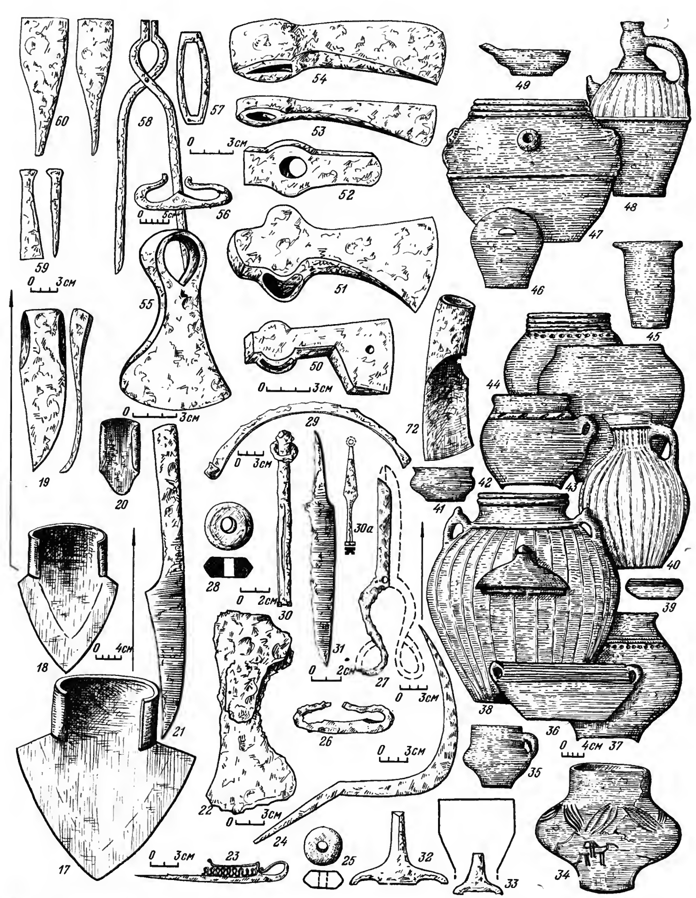

Рис. 78. (Окончание)

Рис. 79. Изделия болгарских ювелиров

Рис. 80. Керамика Волжской Болгарии. По данным Т. А. Хлебниковой, А. Х. Халикова, Н. А. Кокориной (*1—27*)

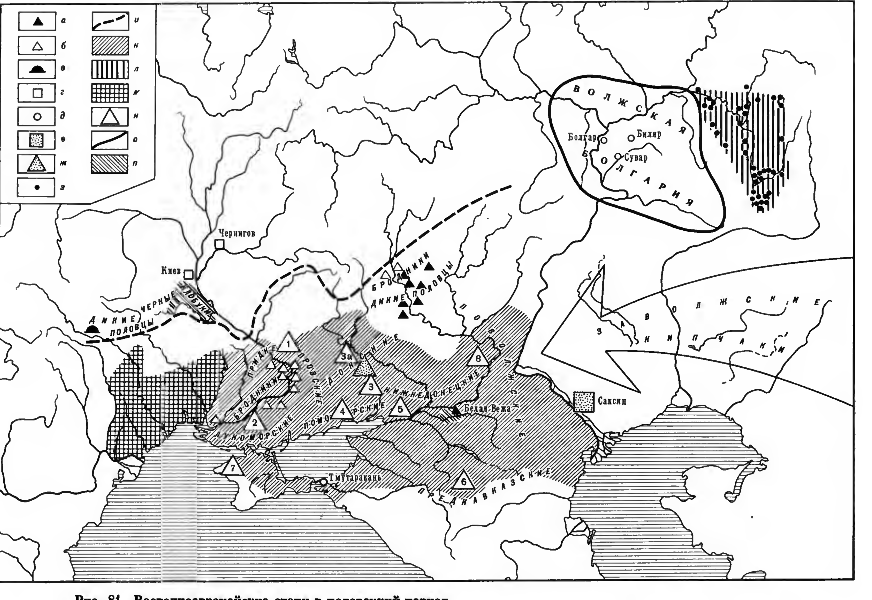

Рис. 81. Восточноевропейские степи в половецкий период

а — половецкие кочевья; *б* — поселения бродников; *в* — могильник «диких половцев» на Днестре; *г* — русские города; *д* — болгарские города; *е* — предполагаемое местоположение половецкого города Саксина; *ж* — предполагаемое крупное поселение половцев (с находками обломков русской керамики на нем); *з* — памятники XII—XIV вв. в Башкирии; *и* — граница лесостепи и леса; *к* — земли, занятые половцами; *л* — земли, занятые кочевниками в Башкирии; *м* — земли, занятые кочевниками (остатками печенего-торческих орд); *н* — номера союзов половецких орд, выделенные благодаря картографированию каменных изваяний; *о* — граница Волжской Болгарии; *п* — земли Черных Клобуков и других кочевых вассалов Руси. Составила С. А. Плетнева

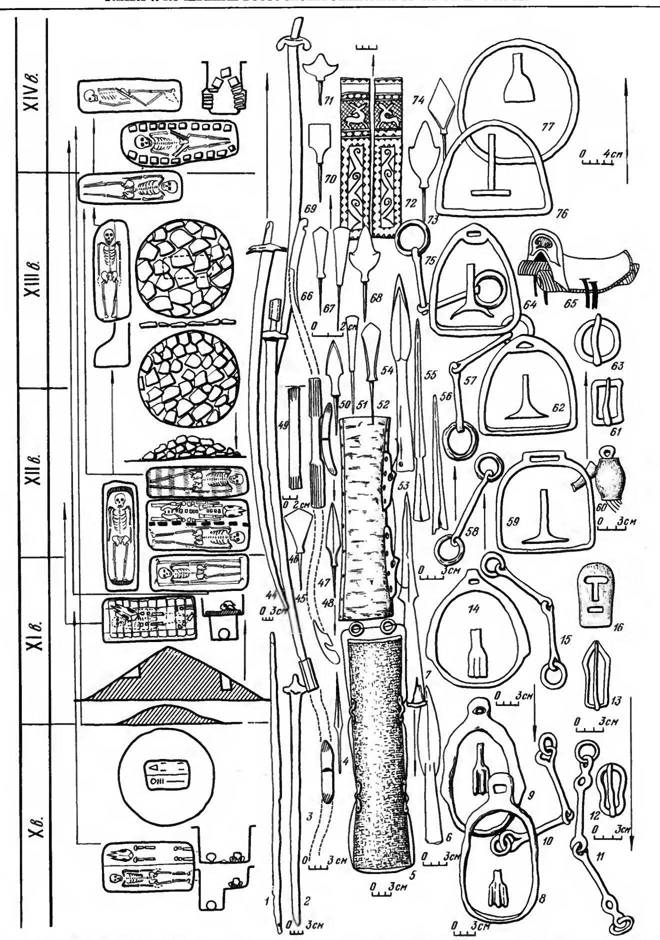

Рис. 82. Хронологическая таблица древностей восточноевропейских кочевников. По материалам раскопок могильников Поросья, кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи, находок в слое Саркела — Белой Вежи, отдельных курганов в нижнедонских и нижневолжских степях (*1—126*)

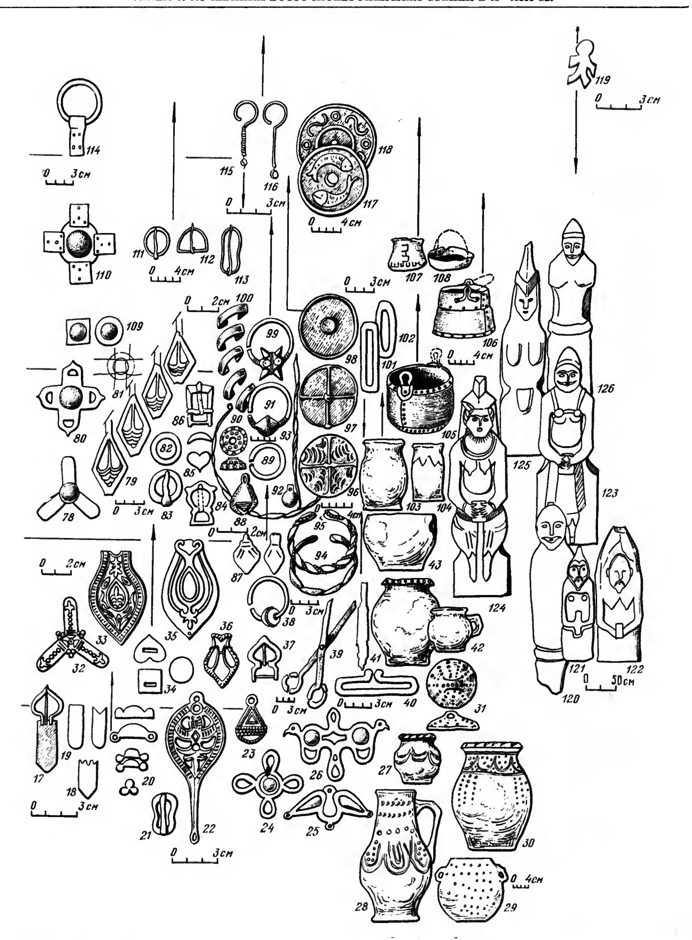

Рис. 82. (Окончание)

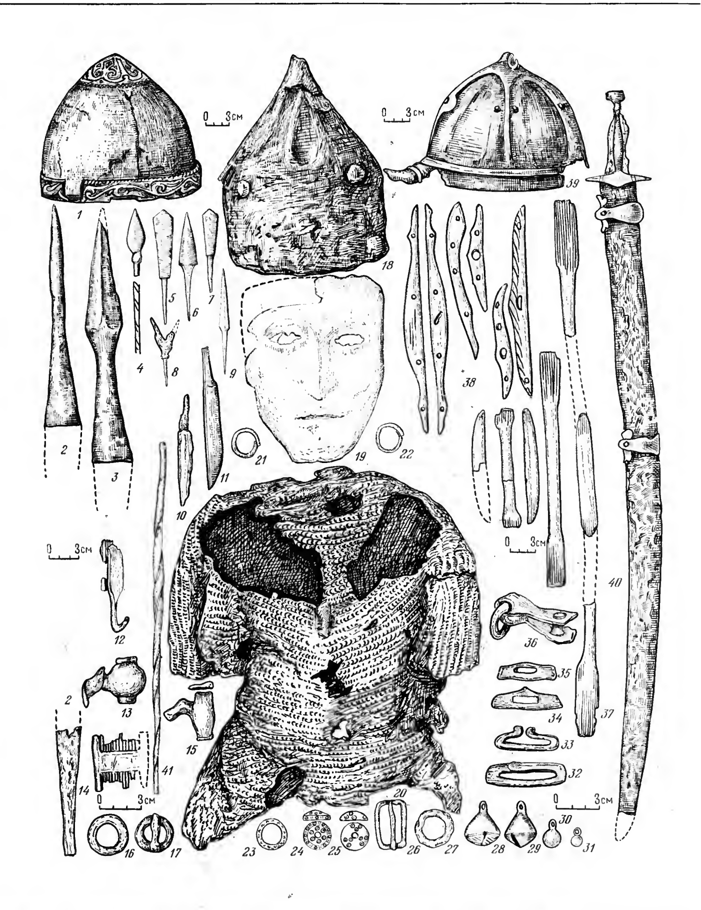

Рис. 83. Комплекс вооружения и бытовых предметов воина-степняка половецкого времени (XII в.) (*1—40*)

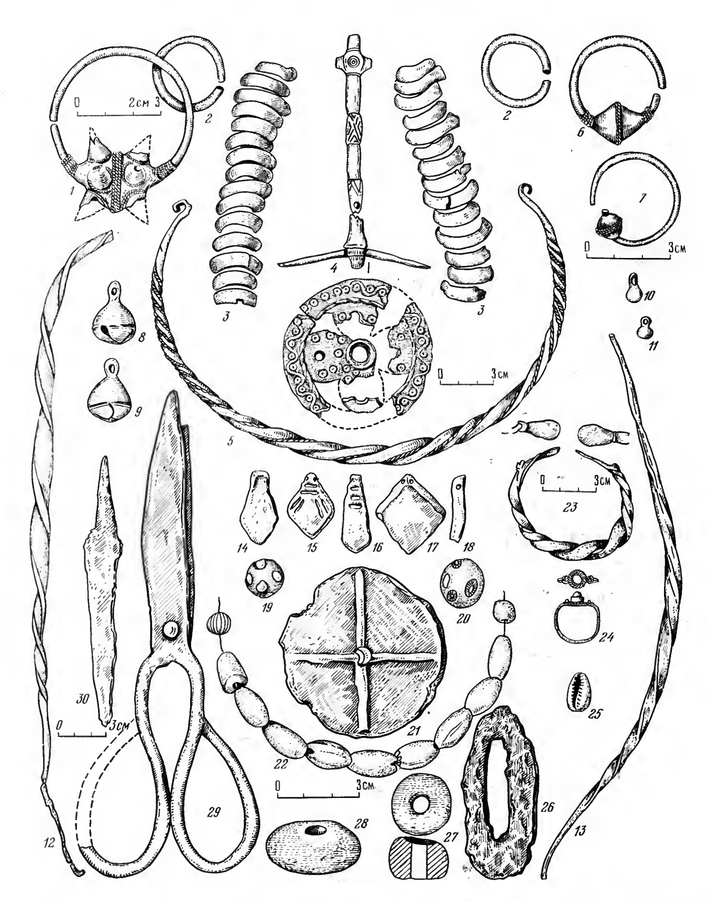

Рис. 84. Комплекс, характерный для женски погребений половецкого времени (конца XI—XII в.) (1—30)

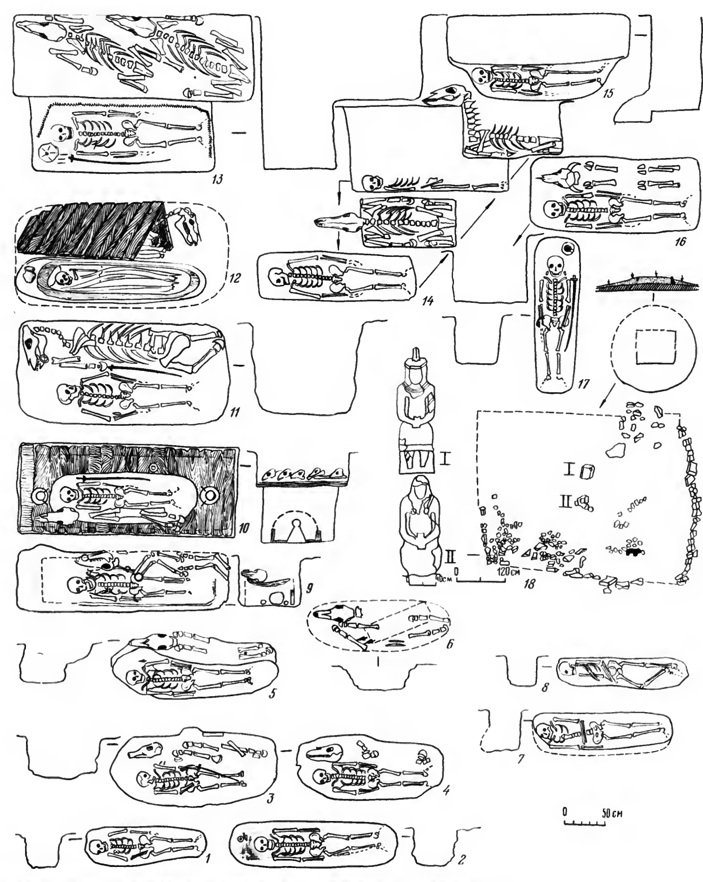

Рис. 85. Типы погребений восточноевропейских кочевников X — начала XIII в.

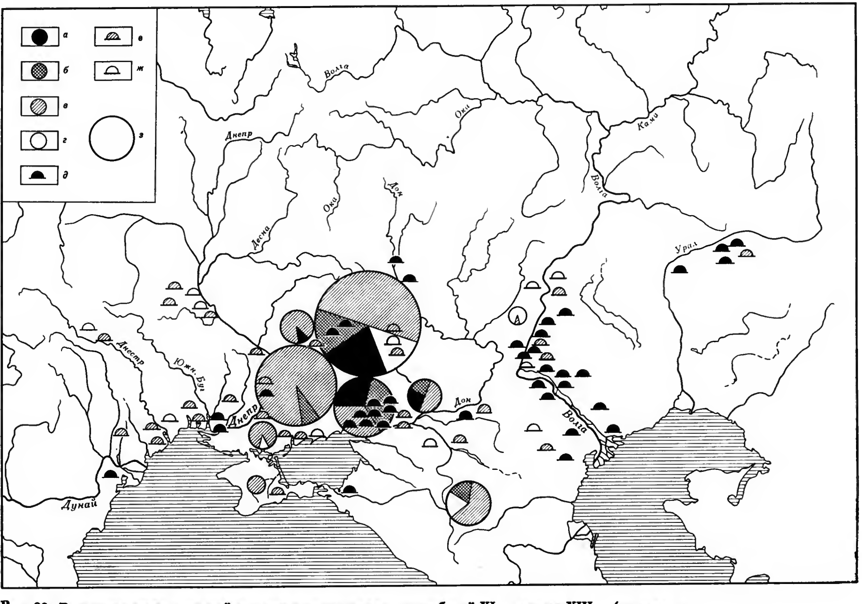

Рис. 86. Распространение в европейских степях подкурганных погребений XI — начала XIII в. (по данным Г. А. Федорова-Давыдова) и каменных изваяний этого же времени

а — изваяния XI в.; *б* — изваяния конца XI в.; *в* — изваяния XII в.; *г* — изваяния XIII в.; *д* — курганы XI в.; *е* — курганы XII в.; *ж* — курганы XIII в.; *з* — круг данной величины обозначает 10% от всех обнаруженных в степях изваяний. Составила С. А. Плетнева

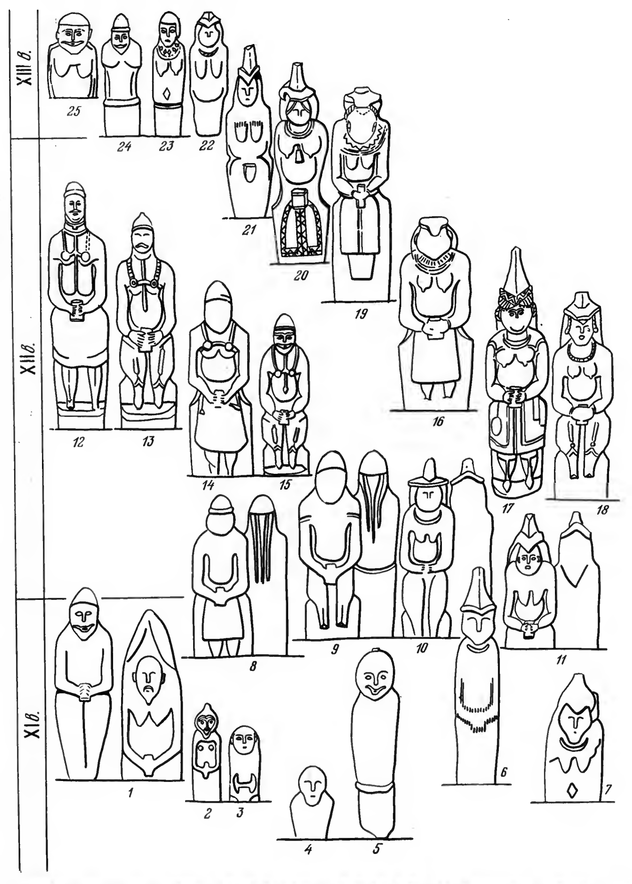

Рис. 87. Эволюционно-хронологическая таблица каменных мужских и женских изваяний половцев (*1—25*)

Рис. 88. Половецкие изваяния мужчин-воинов (*1—14*). Из запорожского, днепропетровского, херсонского, московского и краснодарского музеев. Стоящие статуи (*1—5*) снабжены полным набором характерного для кочевников оружия; луком с налучем и саблей (слева), колчаном со стрелами (справа). Защитный доспех у стоящих статуй тот же, что и у сидящих

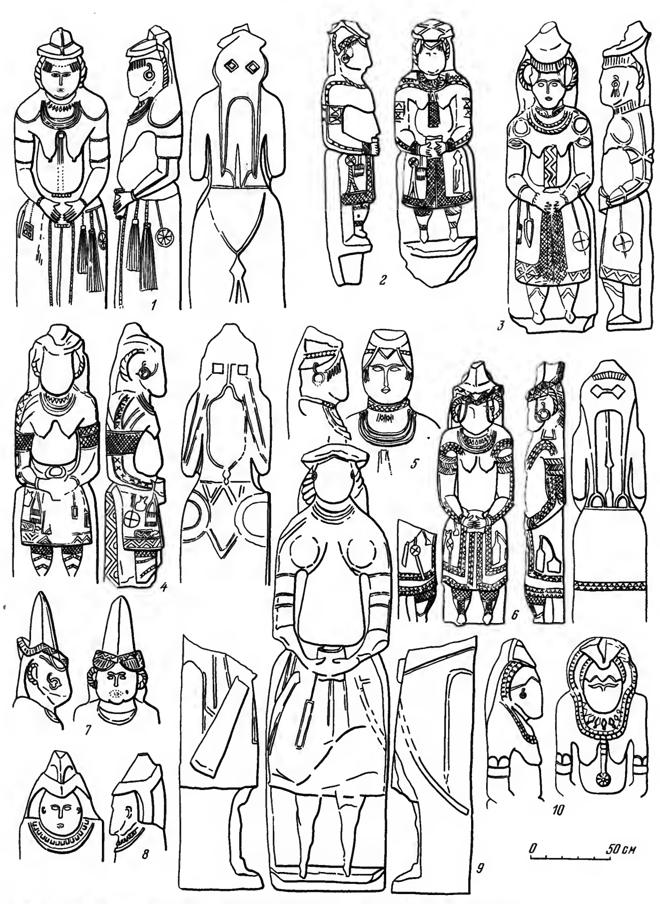

Рис. 89. Изваяния женщин-половчанок в роскошных головных уборах и кафтанах

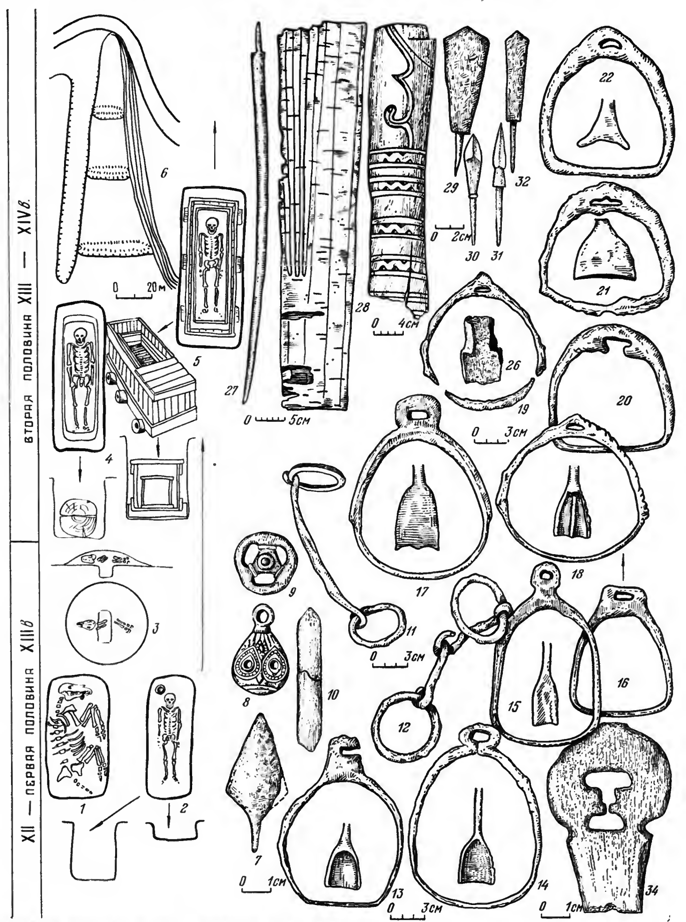

Рис. 90. Культура «поздних кочевников» в Башкирии

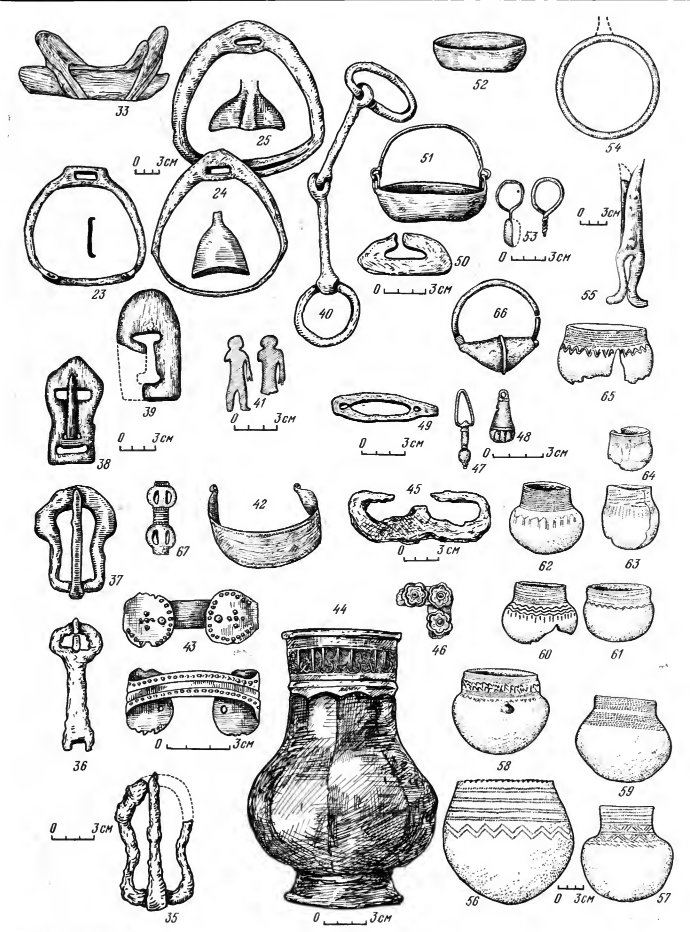

Рис. 90. (Окончание)

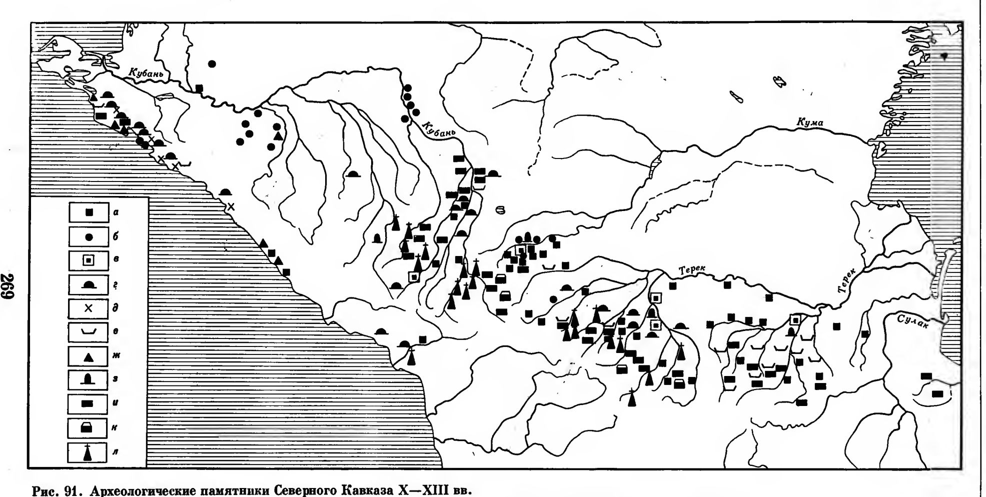

Рис. 91. Археологические памятники Северного Кавказа X—XIII вв.

а — укрепленные поселения; *б* — неукрепленные поселения; *в* — города; *г* — курганы; *д* — трупосожжения; *е* — грунтовые погребения; *ж* — случайные находки; *з* — катакомбы; *и* — каменные гробницы (полуподземные и подземные склепы); *к* — надземные склепы; *л* — храмы. Составила В. Б. Ковалевская

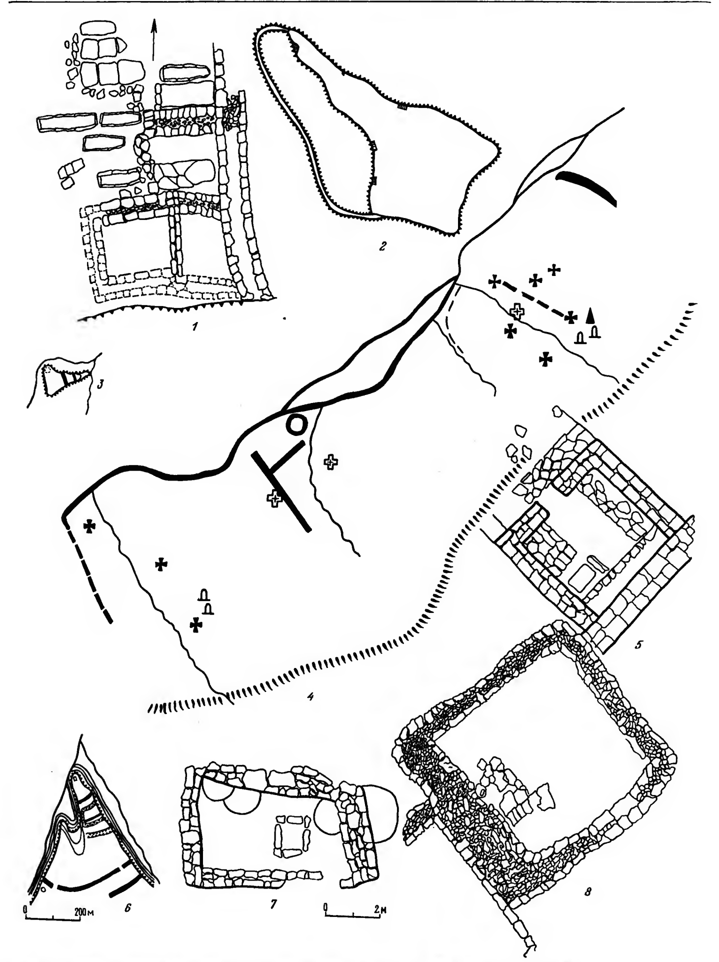

Рис. 92. Планы поселений и жилых сооружений Центрального Предкавказья IX—XIII вв.

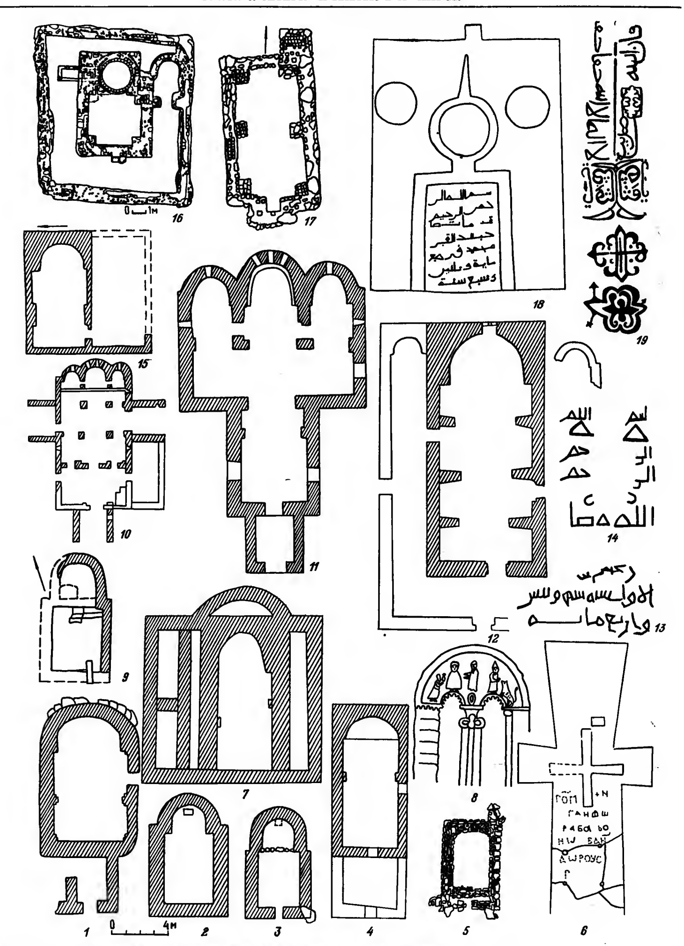

Рис. 93. Планы культовых сооружений и эпиграфические памятники X—XIV вв.

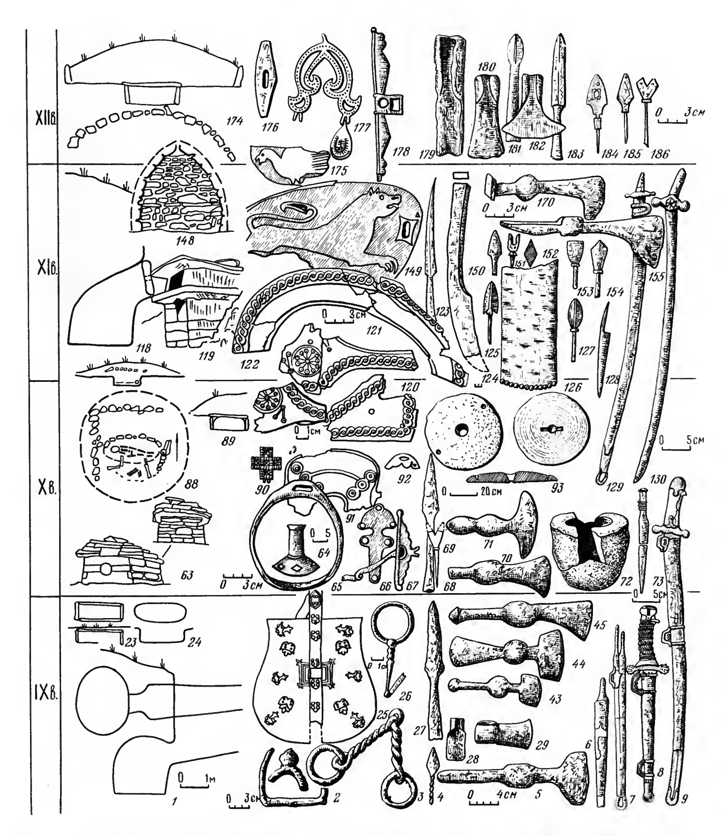

Рис. 94. Хронологическая таблица погребальных сооружений, конского снаряжения, орудий труда, оружия, поясных наборов, украшений, керамики и стеклянной посуды Северного Кавказа IX—XIII вв. По материалам могильников Мартан-Чу (раскопки В. Г. Виноградова и Х. Х. Маммаева), Змейского, Агач-Кала, на р. Кривой, Колосовка, на р. Кяфар Индыш и поселений Адиюх, Гиляч, Указатель (*1—205*)

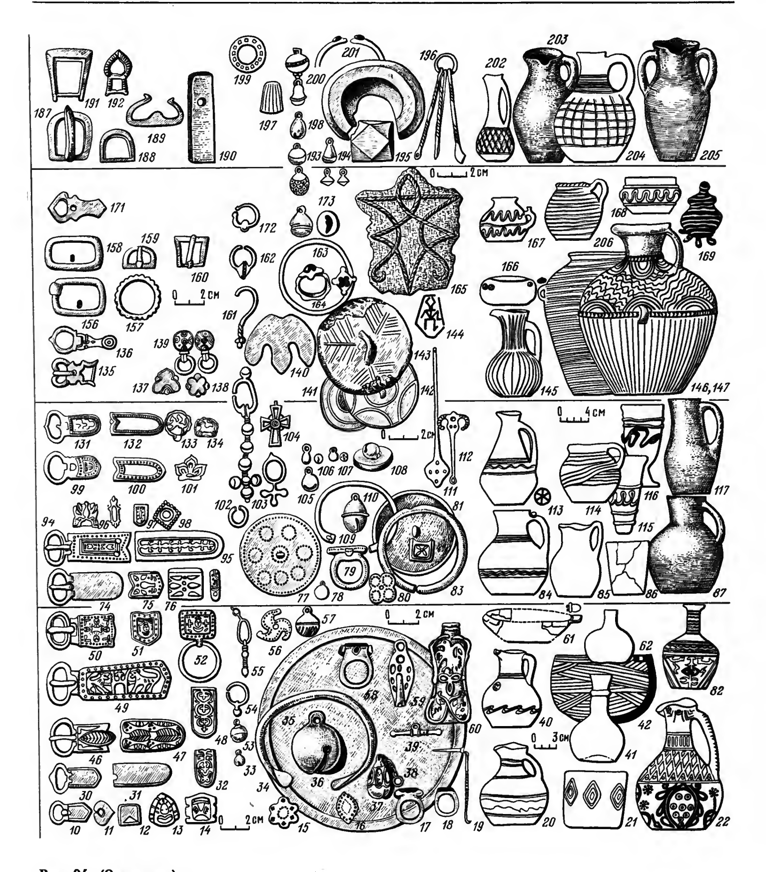

Рис. 94. (Окончание)

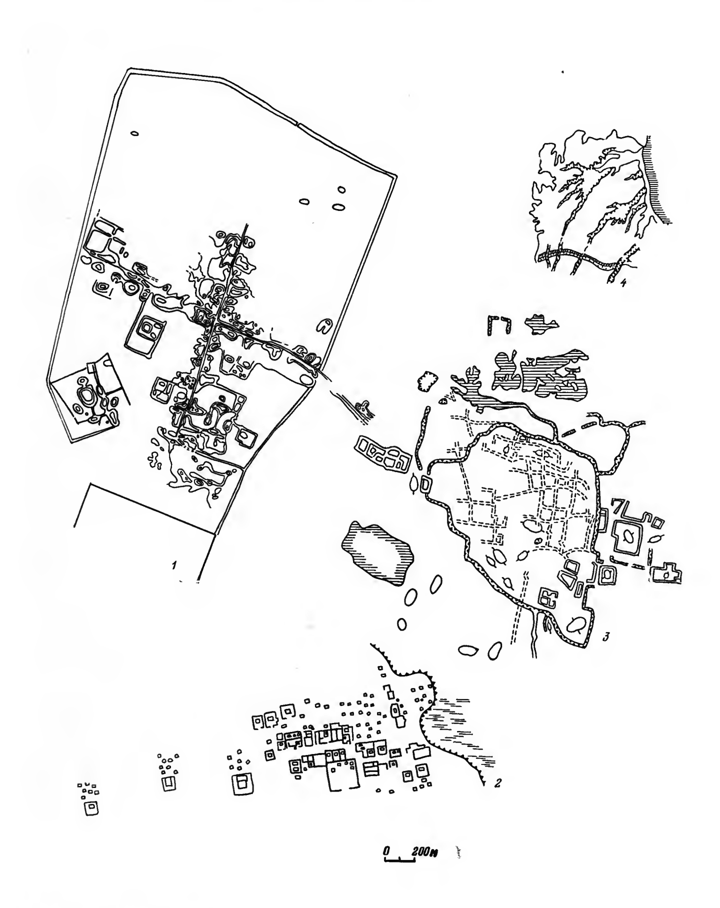

Рис. 95. Монгольские города

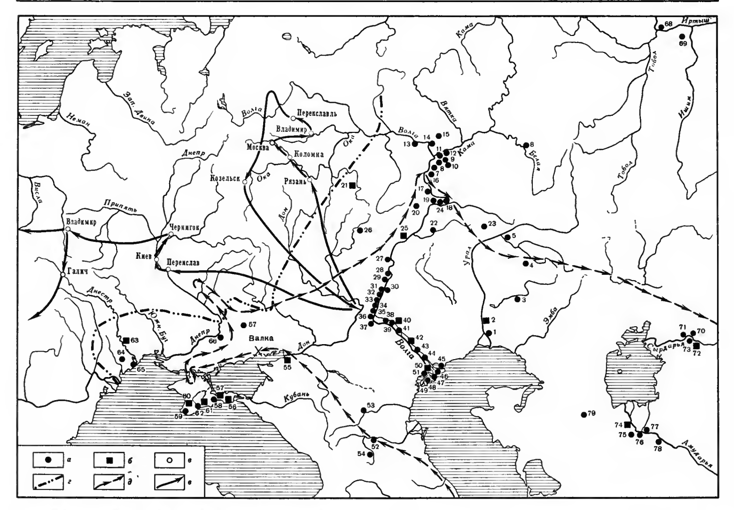

Рис. 96. Золотая Орда и схема походов монголов

а — золотоордынские города; *б* — крупные золотоордынские города, чеканившие монеты; *в* — русские города, у которых произошли крупные сражения; *г* — граница Золотой Орды с Русью и Венгрией; *д* — поход 1223 г.; *е* — походы Бату и Менгу 1238—1240 гг.; золотоордынские города и поселения: *1* — Тендыкское, *2* — Сарайчик, *3* — Мавлибердинское, *4* — Байтакское, *5* — Оренбургское, *6* — Абисово, *7* — Болгарское (Болгар), *8* — Кузнечиха (Сувар), *9* — Билярское (Биляр), *10* — Тубулгатау; *11* — Кашан, *12* — Жукотин (Джукетау), *13* — Чебоксарское, *14* — Казань, *15* — Иски-Казань, *16* — Крестово, *17* — Артухинское, *18* — Переволокское, *19* — Костычи, *20* — Канадейское, *21* — Наровчатское (Мохши), *22* — Пугачевское, *23* — Тептяри, *24* — Сухореченское, *25* — Увекское (Укек), *26* — Краснохуторское, *27* — Ахметовское, *28* — Даниловское, *29* — Терновское, *30* — Бережновское, *31* — Шишкин бугор, *32* — Пролейское, *33* — Песковатка, *34* — Ситниково, *35* — Водянское (Бельджамен), *36* — Городище, *37* — Мечетное, *38* — Ахтубинское, *39* — Бахтияровское, *40* — Царевское (Новый Сарай); *41* — Колобовка, *42* — Селитренное (Сарай), *43* — Лапас, *44* — Ак-Сарай, *45* — Красноярское, *46* — Новорычанское, *47* — Тумак-Тюбе, *48* — Самосдельное, *49* — Чертово, *50* — Шареный Бугор (Хаджи-Тархан); *51* — Кан-Тюбе; *52* — Нижний Джулат, *53* — Прикумское (Маджар), *54* — Верхний Джулат, *55* — Азовское (Азак), *56* — Феодосия (Кафа), *57* — Судак, *58* — Старый Крым (Крым), *59* — Херсонес (Херсон), *60* — Чуфут-Кале (Кырк-Ер), *61* — Бахчисарай, *62* — Чемдало, *63* — Старый Орхей (Янги-Шехр), *64* — Костешты, *65* — Белгород-Днестровский (Кермак), *66* — Запорожское, *67* — Конские воды, *68* — Искер, *69* — Ишимское, *70* — Сыгнак, *71* — Дженд, *72* — Янгикент, *73* — Сауран, *74* — Ургенч (Хорезм), *75* — Шемаха-кала, *76* — Шахерлик, *77* — Ходжеили, *78* — Джанбас-кала, *79* — Белеули. Составил Г. А. Федоров-Давыдов

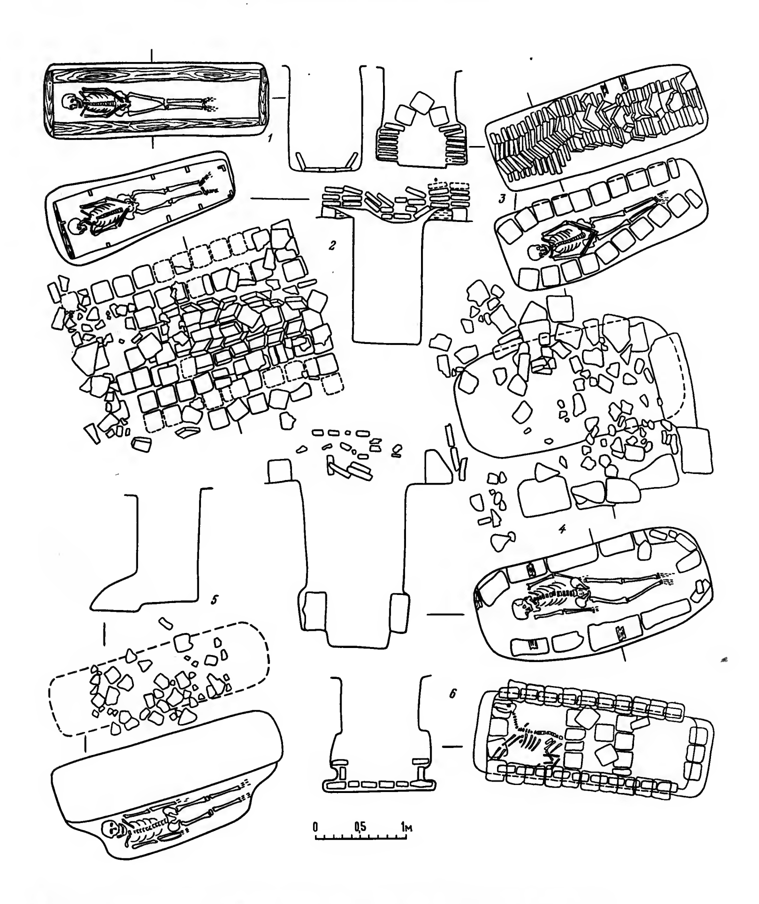

Рис. 97. Погребения золотоордынского населения. По материалам Водянского могильника

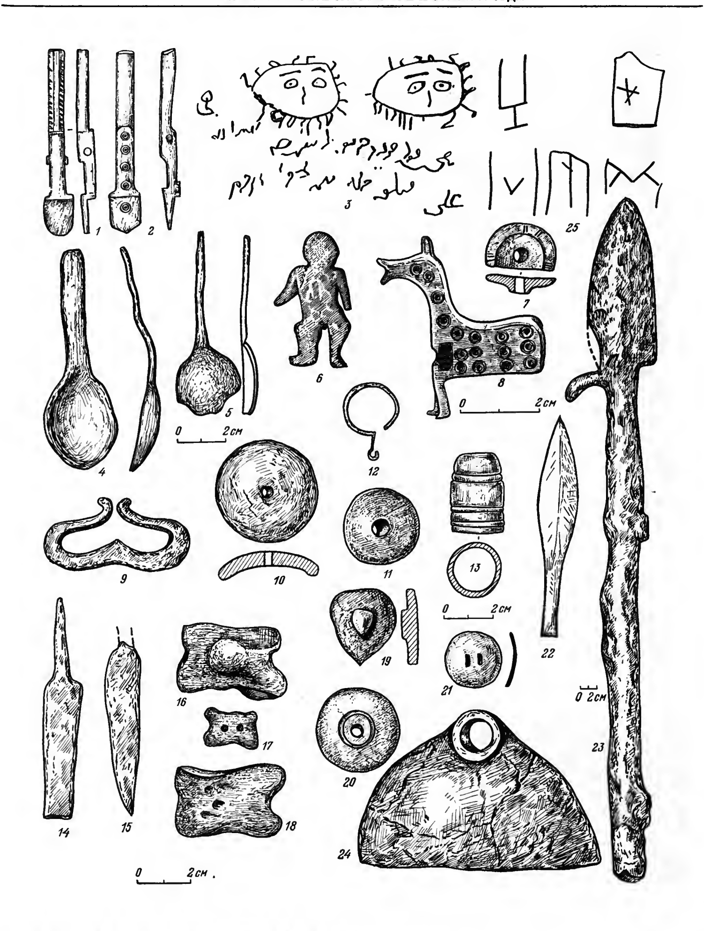

Рис. 98. Вещи и надписи из культурного слоя Царевского городища

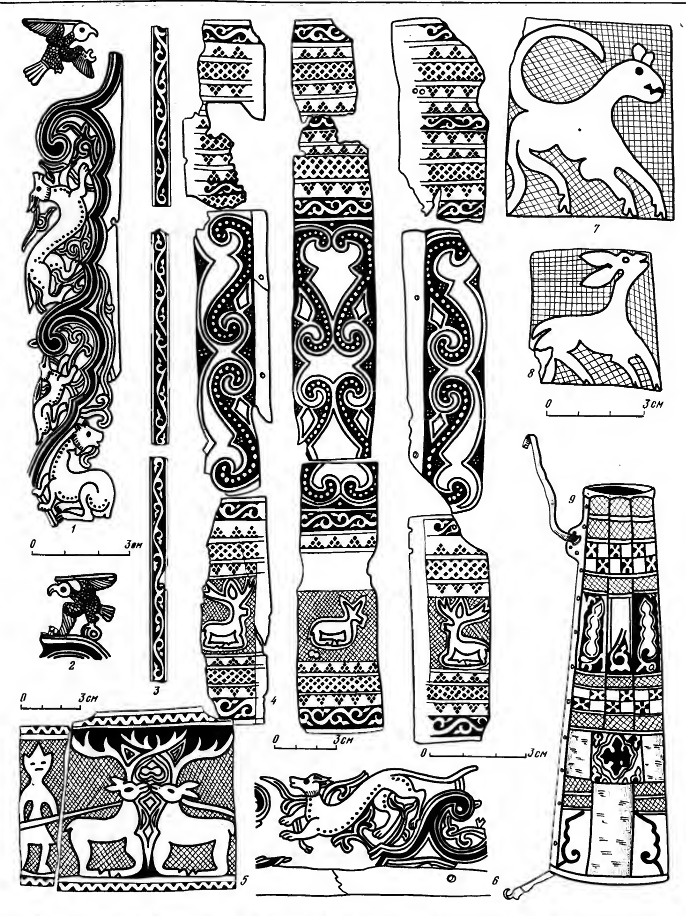

Рис. 99. Костяные накладки на колчаны из поволжских погребений кочевников золотоордынского времени (XIII—XIV вв.) (*1—9*)

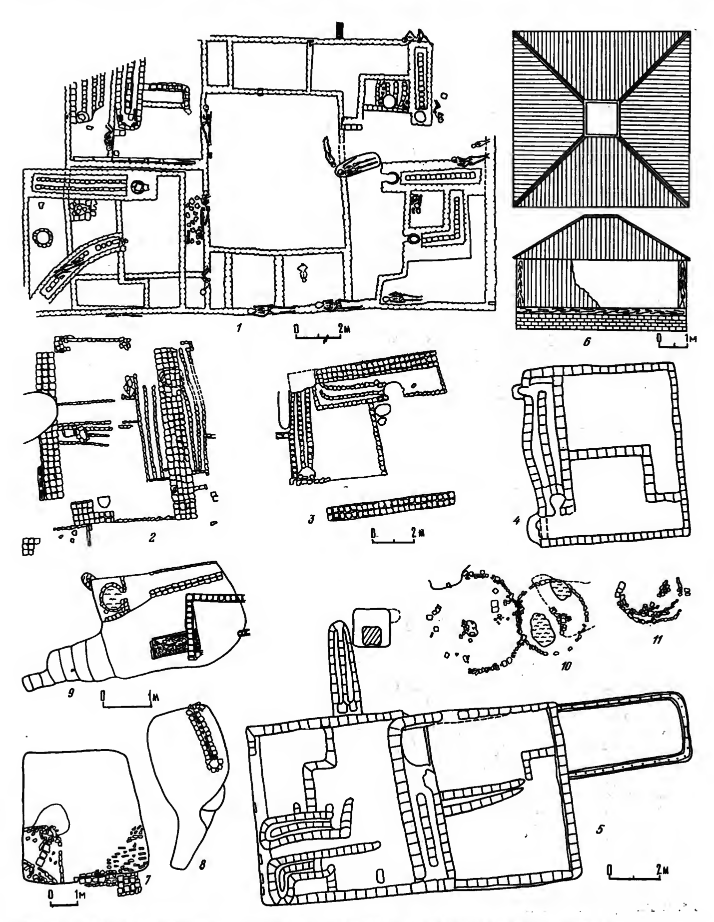

Рис. 100. Жилища золотоордынских городов. По материалам раскопок Царевского городища

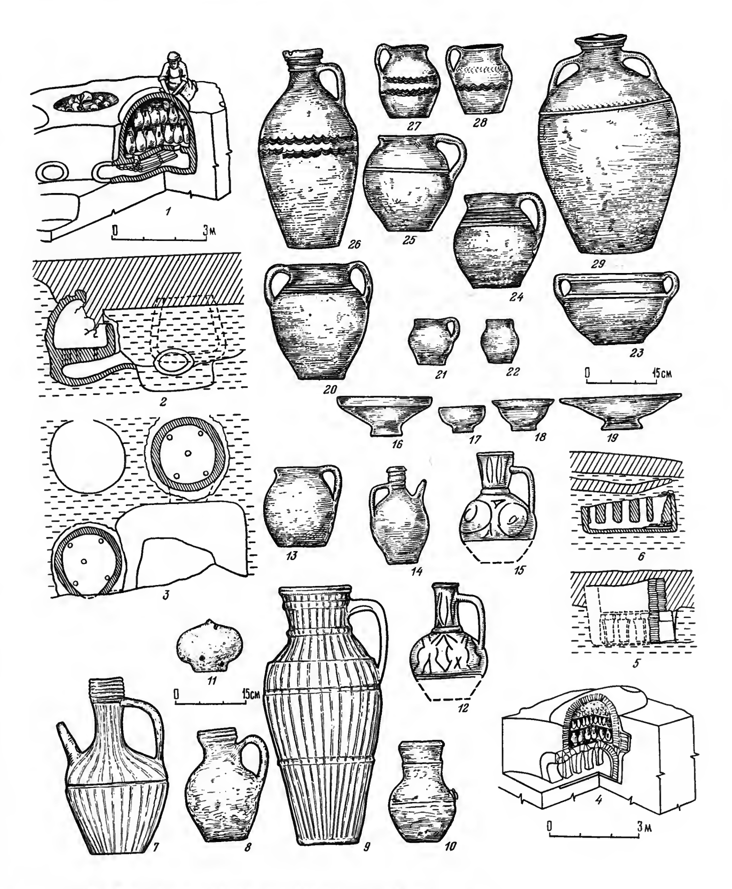

Рис. 101. Гончарные печи и массовая керамика золотоордынских городов

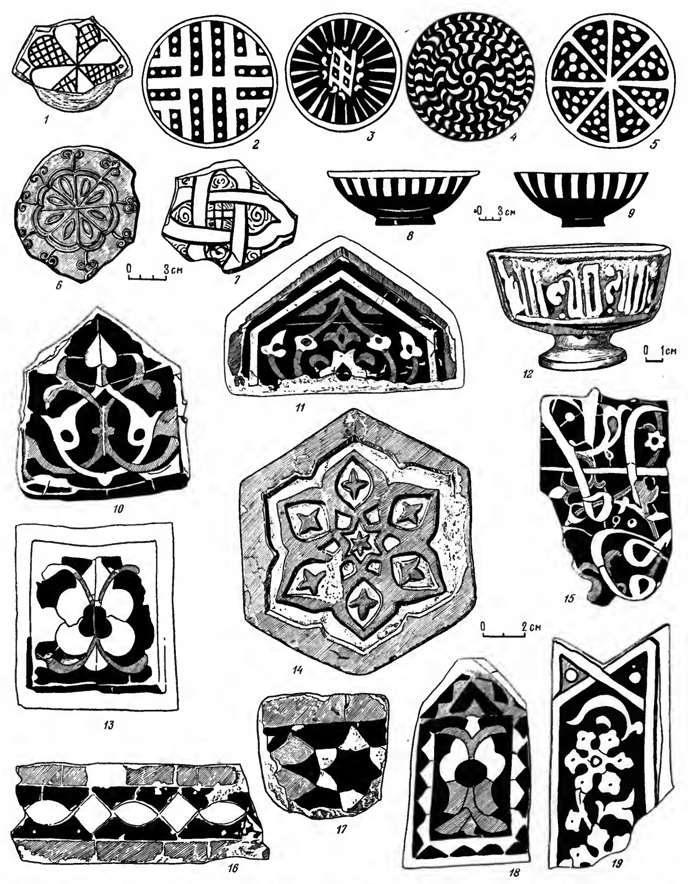

Рис. 102. Поливные блюда и архитектурный декор. По материалам из раскопок Царевского и Селитренного городищ

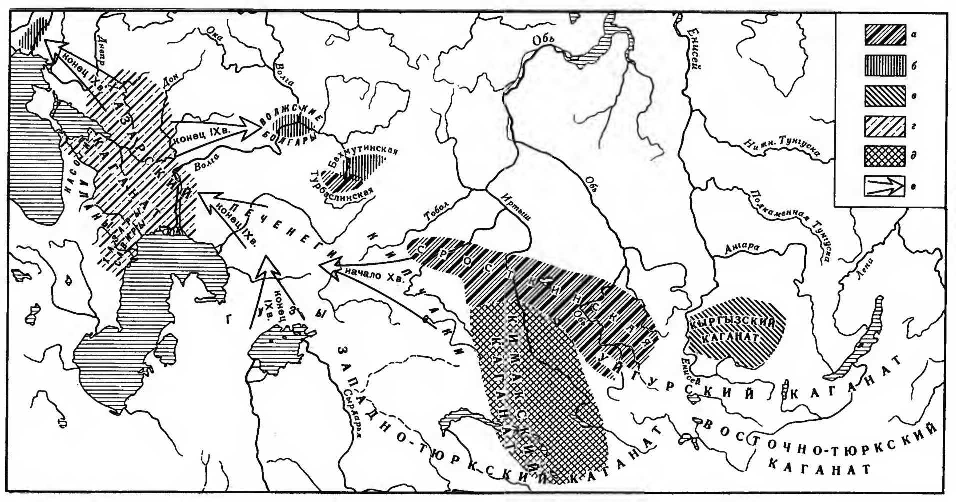

Рис. 103. Степи в VIII — начале X в.

а, б — культура народов, не образовавших еще государственных объединений; *в, г, д* — государственные культуры; *е* — передвижения народов; *ж* — народы и государства, археологические памятники которых исследованы еще недостаточно. Составила С. А. Плетнева

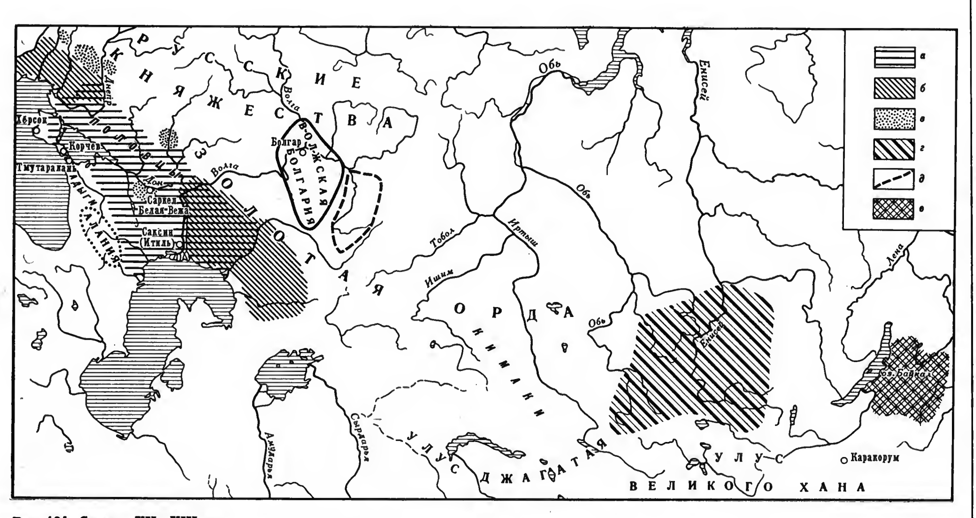

Рис. 104. Степи в XII—XIII вв.

а — половцы, *б* — памятники кочевников, родственных и синхронных половцам; *в* — Черные Клобуки и «дикие» половцы; *г* — средневековые хакасы; *д* — культура поздних кочевников на Южном Урале; *е* — культура забайкальских кочевников монгольского времени. Составила С. А. Плетнева

Список использованной литературы

Абаев В. И., 1949. Осетинский язык и фольклор. М.; Л. Т. 1.

Абетеков А. К., 1967. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины.— В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе.

Абетеков А. К., Кожомбердиев И., Мокрынин В. П., 1977. Памятники тюркского времени.— В кн.: Кетмень-Тюбе: Археология и история. Фрунзе.

Абрамзон С. М., 1971. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.

Абрамова М. П., 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик.

Абрамова М. П., 1975. Катакомбные погребения IV—V вв. н. э. из Северной Осетии.— СА, 1.

Агаджанов С. Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад.

Агеева Е. И., Пацевич Г. И., 1956. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 1.

Агеева Е. И., Максимова А. Г., 1959. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 7.

Агеева Е. И., Джусупов А., 1963. Интересная находка.— Учен. зап. Казах. ун-та, т. 4, вып. 12.

Адрианов А. В., 1886. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г.— Зап. Западно-Сибирского отд-ния РГО, кн. 7.

Адрианов А. В., 1888. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г.— Зап. РГО по общей географии, т. II.

Адрианов А. В., 1902—1924. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск.

Адрианов А. В., 1916. К археологии Западного Алтая.— ИАК, вып. 62.

Акимова М. С., 1964. Материалы к антропологии древних болгар.— В кн.: Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М.

Акимова М. С., 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.

Акишев К. А., 1959а. Археологические работы на территории Казахстана в 1958 году.— ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии, вып. 2 (10).

Акишев К., 1959б. Памятники старины Северного Казахстана.— ТИИАЭ КазССР, т. 7.

Алексеев В. П., 1962. Основные этапы истории антропологических типов Тувы.— СЭ, № 3.

Алексеева Е. П., 1955. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии.— КСИИМК, вып. 60.

Алексеева Е. П., 1960. Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии.— В кн.: К вопросу о происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик.

Алексеева Е.П., 1964. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии).— Тр. КЧНИИ, вып. IV.

Алексеева Е. П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии: (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М.

Алихова А. Е., 1965. Распад первобытнообщинных отношений и становление феодальных отношений у мордвы. Этногенез мордовского народа. Саранск.

Алихова А. Е. 1969. Гончарные горны города Мохши-Наровчата.— КСИИМК. вып. 120.

Алихова А. Е., 1976. Постройки древнего города Мохши.— СА, № 4.

Альбаум Л. И., 1975. Живопись Афрасиаба. Ташкент.

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н. э.— IV в. н. э.).— САИ, вып. Д1-30.

Амброз А. К., 1971а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. ч. I.— СА, № 2.

Амброз А. К., 1971б. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, ч. II.— СА, № 3.

Амброз А. К., 1973а. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VII вв.).— СА, № 4.

Амброз А. К., 1973б. Рец. на кн.: Erdélvi I.. Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino.— CA, N 2.

Аннинский С. А., 1940. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе.— В кн.: Исторический архив. М.; Л., т. 3.

Анфимов Н. В., 1941. Новые данные к истории Азиатского Боспора.— СА, VII.

Аристов Н., 1877. О земле половецкой.— ЗООИД, т. 3.

Арсланова Ф. Х., 1963а. Бобровский могильник.— ИАН КазССР. Сер. общественных наук, вып. 4.

Арсланова Ф. Х., 1963б. Средневековый могильник из Прииртышья.— В кн.: Сборник Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР: История, философия, экономика. Алма-Ата.

Арсланова Ф. Х.. 1968. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.

Арсланова Ф. Х., 1969. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.

Арсланова Ф. Х.. 1970. Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.

Арсланова Ф. Х., 1972. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье.— В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.

Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г., 1973. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья.— В кн.: Тюркологический сборник. М.

Арсланова Ф. Х., Чариков А. А., 1974. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья.— СА, № 3.

Арсланова Ф. Х., 1975. Курганы с «усами» Восточного Казахстана.— В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата.

Артамонов М. И., 1935. Средневековые поселения на Нижнем Дону.— ИГАИМК. вып. 131.

Артамонов М. И., 1940. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии.— СА. VI.

Артамонов М. И., 1958. Саркел — Белая Вежа.— МИА, № 62.

Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.

Артамонова О. А., 1963. Могильник Саркел — Белая Вежа.— МИА, № 109.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

Арциховский А. В., 1926. Сердоликовые бипирамидальные бусы.— ТСА РАНИОН, I.

Атаев Д. М., 1963. Височные привески с четырнадцатигранником.— СА, № 3.

Ахмеров Р. Б., 1951. Уфимские погребения VI—VIII веков нашей эры.— КСИИМК, вып. 40.

Ахмеров Р. Б., 1955. Могильник близ города Стерлитамака.— СА, XXII.

Ахмеров Р. Б., 1970. Уфимские погребения IV—VII веков н. э. и их место в древней истории Башкирии.— В кн.: Древности Башкирии. М.

Ахмеров Р. Б., 1974. Археологические находки в Башкирии.— СА, № 2.

Ашик Б. А., 1849. Боспорское царство. Одесса. Ч. III.

Бабенко В. А., 1907. Что дали нового раскопки в Верхнем Салтове.— Тр. XIII АС. М., т. I.

Бабенко В. А., 1914. Памятники хазарской культуры на юге России.— Тр. XV АС, М., т. I.

Багаев М. Х., 1976. Раннесредневековый могильник у селения Харачой.— В кн.: Археолого-этнографический сборник. Грозный. т. IV.

Багаев М. Х., 1977. Галайтинский клад VI—VII веков н. э.— СА, № 2.

Багалей Д. И., 1919. Русская история. Харьков. Ч. 1.

Багриков Г. И., Сенигова Т. Н., 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.).— ИАН КазССР. Сер. общественных наук, № 2.
Байпаков К., Ерзакович Л., 1971. Древние города Казахстана. Алма-Ата.
Баллод Ф. В., 1923а. Приволжские Помпеи. М.; Пг.
Баллод Ф. В., 1923б. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань.
Баранов И. А., 1973. Погребение V в. н. з. в северо-восточном Крыму.— СА, № 3.
Бартольд В. В., 1897. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. СПб.
Бартольд В. В., 1927. Киргизы. Фрунзе.
Бартольд В. В., 1930. Худуд-ал-Алам. Рукопись Туманского с введением и указателем. Л.
Бартольд В. В., 1963. Очерк истории Семиречья.— Соч. М., т. II, ч. 1.
Бартольд В. В., 1968. Кыпчаки.— Соч. М., т. V.
Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947.
Баскаков Н. А., 1970. Тюркские языки. М.
Батманов И. Б., 1971. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе.
Башкиров А. С., 1914. Историко-археологический очерк Крыма. Симферополь.
Башкиров А. С., 1927. Художественные памятники Солхата.— Крым, 1(3).
Башкиров А. С., 1929а. Экспедиция по изучению болгарско-татарской культуры летом 1928 г.— В кн.: Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Казань, вып. III.
Башкиров А. С., 1929б. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань.
Башкирское народное творчество: Эпос. Уфа. 1974, Т. 1.
Березин Н. И., 1853. Булгар на Волге. Казань.
Березин Н. И., 1854. Игорь, князь Северский.— Москвитянин, кн. 22.
Березин Н. И., 1864. Очерки внутреннего устройства Улуса Джучиева.— ЗВОРАО, VIII.
Березовец Д. Т., 1962. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг.— КСИА, вып. 12.
Бернштам А. Н., 1940. Кенкольский могильник. Л.
Бернштам А. Н., 1941а. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе.
Бернштам А. Н., 1941б. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата.
Бернштам А. Н., 1946. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.
Бернштам А. Н., 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции: «Чуйская долина».— МИА, № 14.
Бернштам А. Н., 1951. Находки у оз. Борового в Казахстане.— В кн.: Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., XIII.
Бернштам А. Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, № 26.
Биджиев Х. Х., Гадло А. В., 1975. Исследования в Карачаево-Черкесской автономной области.— АО 1974 г. М.
Биджиев Х. Х., Гадло А. В., 1976. Раскопки Хумаринского городища.— АО 1975 г. М.
Бичурин Н. Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., т. 1.
Бобринский А. А., 1914. Перещепинский клад.— МАР, 34.
Борисов А. Я., Луконин В. Г., 1963. Сасанидские геммы. Л.
Борисова В. В., 1959. Могильник у высоты «Сахарная головка».— В кн.: Херсонесский сборник, Симферополь, вып. V.
Боровка Г. И., 1927. Археологическое обследование среднего течения р. Толы.— Северная Монголия, Л., вып. 2.
Бранденбург Н. Е., 1895. К какому племени могут быть причислены те из языческих могил Киевской губ., в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей.— Тр. X АС, М., т. I.
Бранденбург Н. Е., 1908. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб.
Булатов Н. М., 1968. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов.— СА, № 4.
Булатов Н. М., 1971. Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища.— СА, № 1.
Булатов Н. М., 1974. Кобальт в керамике Золотой Орды.— СА, № 4.
Бурнашева Р. З., 1973. Монеты с городища Отрар-Тобе и Отрарского оазиса: (Материалы 1969—1970 гг.).— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
Бусятская Н. Н., 1972. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы.— Вестн. МГУ, № 2.
Бусятская Н. Н., 1973. Стеклянные бусы Селитренного городища.— СА, № 1.
Бырня П. П., 1974а. Усадьбы ремесленников XIV века в Старом Орхее.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
Бырня П. П., 1974б. Ювелирная мастерская XIV века из Старого Орхея.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
Вайнштейн С. И., 1954. Археологические раскопки в Туве в 1953 году.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, вып. 2.
Вайнштейн С. И., 1957. Очерк этногенеза тувинцев.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, вып. 5.
Вайнштейн С. И., 1958. Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1956—1957 гг.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, вып. 6.
Вайнштейн С. И., 1966а. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— ТТКАЭЭ. М.; Л.
Вайнштейн С. И., 1966б. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.— СЭ, № 3.
Вайнштейн С. И., 1972. Историческая этнография тувинцев. М.
Вайнштейн С. И., 1974. История народного искусства Тувы. М.
Васюткин С. М., 1968. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н. э.— СА, № 1.
Веймарн Є. В., 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана.— Археологічні пам'ятки УРСР, т. XIII.
Великанова М. С., 1965. К этнической антропологии Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— КСИА, вып. 105.
Веселовский Н. И., 1913. Загадочный Гюлистан Золотой Орды.— Зап. Вост. отд-ния РГО, т. XXI.
Веселовский Н. И., 1915. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах».— ЗООИД, т. XXXII.
Видонова Е. С., 1947. Ткани и шитье XIV в. Из раскопок в Болгарах.— КСИИМК, вып. 17.
Византийские историки, переведенные с греческого С. Дестунисом. СПб., 1860.
Винник Д. Ф., 1963. Тюркские памятники Таласской долины.— В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
Винник Д. Ф., 1975. Археологическая карта Тонской долины.— В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе.
Винник Д. Ф., Помаскина Г. А., 1975. К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккулья.— В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе.
Винников Я. Р., 1956. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории южной Киргизии.— ТККАЭЭ, М., т. I.
Вишневская О. А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. з. М.
Владимирцов Б. Я., 1934. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л.
Волкова И. Г., 1972. Маджары: Из истории городов Северного Кавказа.— В кн.: Кавказский этнографический сборник. М., вып. 5.
Воронов Ю. Н., Ситников Л. Л., Ситникова Л. Н., 1970. Археологические разведки в бассейне р. Мзымта.— АО 1969 г. М.
Воскресенский А. С., 1967. Полихромные мозаики золотоордынского Поволжья.— СА, № 2.
Вуич Л. Г., 1963. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 109.
Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н., 1966. Находки из погребений IV—V вв. в Крыму.— СА, № 3.
Вязигин С. А., 1940. Археологические раскопки и разведки у Азовского городского кладбища в 1939 г.— Изв. Рост. обл. музея краеведения, вып. 2.
Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф. та ін., 1960. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень».— Археологічні памятки УРСР, т. VIII.
Гаврилова А. А., 1964. Могилы поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее.— СА, № 2.
Гаврилова А. А., 1965. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.; Л.
Гаврилова А. А., 1968. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов.— КСИА, вып. 114.
Гадло А. В., 1963. Болгарские пояса.— В кн.: Сборник докладов на VI и VII ВАСК. М.

Гадло А. В., 1969. Раскопки раннесредневекового селища у дер. Героевка в 1964 г.— СА, № 1.
Гадло А. В., 1974. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала.
Гадло А. В., 1976. Археолого-этнографические исследования 1972 г. в западных районах Ставропольского края.— МИСК, вып. 14.
Генинг В. Ф., 1963. Азелинская культура III—V веков.— В кн.: Вопросы археологии Урала. Ижевск, вып. 5.
Генинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964. Ранние болгары на Волге. М.
Генинг В. Ф., 1967а. Ижевский могильник IV—V веков.— В кн.: Вопросы археологии Урала. Ижевск, вып. 7.
Генинг В. Ф., 1967б. Мазунинская культура в Среднем Прикамье.— В кн.: Вопросы археологии Урала. Ижевск, вып. 7.
Генинг В. Ф., 1972. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения).— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
Герасимов М. М., 1941. Река Абакан. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.; Л.
Голицын Л. Л., Красодубский С. С., 1891. Увек: (Доклады и исследования по археологии и истории Увека). Саратов.
Голубовский П. В., 1883. Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар.— Университетские известия, год 23, Киев, № 1.
Голубовский П. В., 1884. Об узах и торках.— ЖМНП, июль.
Голубовский П. В., 1889. Половцы в Венгрии.— Университетские известия, год 29, Киев, № 12.
Гольмстен В. В., 1929. Археологические памятники Самарской губернии.— ТСА РАНИОН, IV.
Городецкий В., 1926. Серебряные сосуды из курганов села Покровского Пишпекского уезда.— Изв. Средазкомстариса, Ташкент, 1.
Городцов В. А., 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ.— Тр. XII АС, М., т. I.
Городцов В. А., 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. 1903 г.— Тр. XIII АС, М., т. I.
Городцов В. А., 1911. Результаты археологического исследования на месте развалин города Маджар в 1907 г.— Тр. XIV АС, М., т. III.
Готье Ю. В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.
Грач А. Д., 1957. Петроглифы Тувы, I.— Сб. МАЭ, т. XVII.
Грач А. Д., 1958. Петроглифы Тувы, II.— Сб. МАЭ, т. XVIII.
Грач А. Д., 1960а. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве (полевой сезон 1957 г.).— В кн.: ТТКАЭЭ. М.; Л., т. I.
Грач А. Д., 1960б. Археологические исследования в Кара-Холе в Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.).— ТТКАЭЭ. М.; Л., т. I.
Грач А. Д., 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.
Грач А. Д., 1966. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге.— ТТКАЭЭ. М.; Л., т. II.
Грач А. Д., 1968а. Древнетюркские курганы на юге Тувы.— КСИА, вып. 114.
Грач А. Д., 1968б. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
Грач А. Д., 1969. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве.— КСИА, вып. 118.
Грач А. Д., 1971. Новые данные о древней истории Тувы.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, вып. XV.
Грач А. Д., 1973. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла.— В кн.: Тюркологический сборник. М.
Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.
Греков И. Б., 1975. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М.
Григорьев В. В., 1845. О местоположении столицы Золотой Орды. СПб.
Григорьев В. В., 1847. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая.— ЖМВД, ч. 19.
Гришин Ю. С., 1962. Древние памятники среднего течения р. Онона.— В кн.: Монгольский археологический сборник. М.
Грінченко В. А., 1950. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі.— Археологія, т. III.
Грязнов М. П., 1930. Древние культуры Алтая.— В кн.: Материалы по изучению Сибири, 2. Новосибирск.
Грязнов М. П., 1940. Раскопки на Алтае — АСГЭ, вып. 1.
Грязнов М. П., 1956. История древних племен Верхней Оби.— МИА, № 48.
Грязнов М. П., 1960. Археологические исследования на Оби в леже водохранилища Новосибирской ГЭС.— В кн.: Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока: (Тезисы докладов и сообщений). Иркутск.
Грязнов М. П., 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири.— АСГЭ, вып. 3.
Грязнов М. П., 1965. Работы Красноярской экспедиции.— КСИА, вып. 100.
Гумилев Л. Н., 1960. Некоторые вопросы истории хуннов.— ВДИ, № 4.
Гумилев Л. Н., 1967. Древние тюрки. М.
Гусева Т. В., 1974. Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая.— СА, № 3.
Гусева Т. В., 1975. История изучения Нового Сарая.— Вестн. МГУ, 6.
Даркевич В. П., 1974. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос.— КСИА, вып. 140.
Даркевич В. П., 1976. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М.
Дашевская О. Д., 1969. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма.— МИА, № 169.
Дебец Г. Ф., 1926. Могильник железного периода у с. Зарубино.— Бурятиеведение, № 2.
Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.
Деген-Ковалевский Б. Е., 1935. Отчет о работах на строительстве Баксанской гидроэлектростанции.— ИГАИМК, вып. 110.
Деген-Ковалевский Б. Е., 1939. Аланы в системе хазарского объединения.— В кн.: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М.; Л., т. 1, кн. II, IV.
Деопик В. Б., 1958а. Северокавказские аланы (с использованием материалов Б. Е. Деген-Ковалевского и Е. П. Алексеевой).— В кн.: Очерки истории СССР. М.
Деопик В. В., 1958б. Адыгские племена.— В кн.: Очерки истории СССР. М.
Деопик В. Б., 1959. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв.— СА, № 3.
Деопик В. Б., 1963. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв.— МИА, № 114.
Диенеш И., 1959. Пербетская находка: Каким был пояс венгров-завоевателей.— Archaeologiai Ertesitő, Budapest, v. 86.
Диенеш И., 1960. Могилы венгров — завоевателей родины в Надькёреше.— Archaeologiai Ertesitő, Budapest, v. 87.
Дитлер П. А., 1961. Могильник в районе пос. Колосовка на р. Фарс.— В кн.: Сборник материалов по истории Адыгеи. Майкоп, т. II.
Длужевская Г. В., 1976. Сопроводительный инвентарь и вопросы поло-возрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда).— В кн.: Из истории Сибири. Томск, вып. 21.
Довженок В. И., 1967. Татарськи міста на нижьому Дніпрі часів пізнього середньовіччя.— Археологічні пам'ятки УРСР, т. IX.
Древнемонгольские города. М., 1965.
Дульзон А. П., 1955. Остяцкие могильники XVI—XVII вв. у с. Молчаново на Оби.— Учен. зап. ТГПИ, т. XIII.
Евтюхова Л. А., 1939. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее.— Тр. ГИМ, вып. VIII.
Евтюхова Л. А., 1941. Каменные изваяния Северного Алтая.— Тр. ГИМ, вып. XVI.
Евтюхова Л. А., 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
Евтюхова Л. А., 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, № 24.
Евтюхова Л. А., 1957. О племенах Центральной Монголии в IX в.— СА, № 2.
Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1940. Чаатас ус. Копёны.— Тр. ГИМ, вып. XI.
Евтюхова Л. А., Киселев С. В., 1941. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г.— Тр. ГИМ, вып. XVI.
Егерев В. В., 1958. Архитектура города Болгара.— МИА, № 61.
Егоров В. Л., 1969. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв.— История СССР, № 4.
Егоров В. Л., 1970. Жилища Нового Сарая.— В кн.: Поволжье в средние века. М.
Егоров В. Л., 1972. Государственное и административное устройство Золотой Орды.— ВИ, № 2.

Егоров В. Л., Полубояринова М. Д., 1974. Археологические исследования Водянского городища.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.
Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. 1976. Исследование мечети на Водянском городище.— В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М.
Елькин М. Г., 1970. Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур.— Изв. лаб. археол. исслед., Кемерово.
Ефимова А. М., 1954. Гидротехнические сооружения древнего Болгара.— МИА, № 42.
Ефимова А. М., 1958. Черная металлургия города Болгар.— МИА, № 61.
Ефимова А. М., 1960. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары.— МИА, № 80.
Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.
Жиромский Б. Б., 1954. Ага-Базар.— МИА, № 42.
Жиромский Б. Б., 1959. Забытая страница в истории русской археологии.— Тр. Сарат. обл. музея краеведения, т. III.
Заднепровский Ю. А., 1967. Тюркские памятники в Фергане.— СА, № 1.
Заднепровский Ю. А., 1971. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э.— V в. н. э.— В кн.: Страны и народы Востока. М., вып. X.
Заднепровский Ю. А., 1975. Кочевническое погребение XIII—XIV вв. в Фергане.— СА, № 4.
Зайковский Б., 1908. Городище Бельджамен.— Тр. Сарат. учен. арх. комис., вып. 24.
Засецкая И. П., 1968а. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья.— СА, № 2.
Засецкая И. П., 1968б. Полихромные изделия гунского времени из погребений Нижнего Поволжья.— АСГЭ, вып. 10.
Засецкая И. П., 1971. Особенности погребального обряда гунской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья.— АСГЭ, вып. 13.
Засецкая И. П., 1975. Золотые украшения гунской эпохи. Л.
Засецкая И. П., 1977. О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV—V вв. н. э.— АСГЭ, вып. 18.
Засецкая И. П., 1978. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гунской эпохи.— СА, № 1.
Засыпкин В. Н., 1928. Памятники архитектуры крымских татар. 1. М.
Захаров А. А., 1926. Материалы по археологии Сибири: Раскопки ак. Радлова в 1865 г.— Тр. ГИМ, вып. 1.
Захарова И. В., Ходжаева Р. Д., 1964. Казахская национальная одежда. Алма-Ата.
Зуев Ю. А., 1962. Из древнетюркской этнонимики по китайским источникам.— В кн.: Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 15.
Зяблин Л. П., 1959. Средневековые курганы на Иссык-Куле.— ТТКАЭЭ. М., т. II.
Зяблин Л. П., 1961. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе.
Ивашина Л. Г., 1973. Работы в Бурятии.— АО 1972 г. М.
Ивашина Л. Г., 1974. Раскопки в районе Еравнинских озер.— АО 1973 г. М.
Ивашина Л. Г., 1975. Археологические раскопки Бурятского республиканского краеведческого музея в Еравне.— В кн.: Вопросы краеведения Бурятии. Улан-Удэ.
ИГАИМК, 1934, вып. 91. Константин Багрянородный. Об управлении государством.
Иерусалимская А. А., 1972. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л.
Иерусалимская А. А., 1976. Одежда раннесредневекового населения предгорий Северного Кавказа (по материалам могильника VIII—IX вв. Мощевая Балка): Тезисы IV крупновских чтений в Краснодаре. М.
Иессен А. А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, № 3.
Извлечение из отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855.
Иордан, 1960. О происхождении и деяниях гетов.— Getica, M.
Исследования Великого города. М., 1976.
История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977, Т. 1.
История Татарии в документах и материалах. М., 1937.
Ищериков П. Ф., Мажитов Н. А., 1962. Городище Уфа II.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, т. I.
Кабанов С. К., 1963. Погребение воина в долине р. Кашка-Дарья.— СА, № 3.
Кадырбаев М. К., 1959. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 7.
Кадырбаев М. К., 1975. Зооморфные костяные пластины из Северного Казахстана.— В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата.
Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З., 1970. Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
Казаков Е. П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
Казаков Е. П., 1975. Два погребения Чишминского могильника.— СА, № 4.
Калинин Н. Ф., Халиков А. Х., 1954. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань.
Каменецкий И. С., Кропоткин В. В., 1962. Погребение гуннского времени близ Танаиса.— СА, № 3.
Каргалов В. В., 1967. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М.
Картлис цховреба. Тбилиси, 1955.
Кибиров А. К., 1957. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда.— КСИЭ, XXVI.
Кибиров А. К., 1959. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане, 1953—1955 гг.— ТТКАЭЭ, М., т. II.
Кирьянов А. В., 1958. К вопросу о раннеболгарском земледелии.— МИА, № 61.
Киселев С. В., 1929. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году.— В кн.: Ежегодник Музея им. Н. М. Мартьянова. Минусинск, VI, 2.
Киселев С. В., 1949. Древняя история Южной Сибири.— МИА, № 9; 2-е изд. М., 1951.
Киселев С. В., 1957. Древние города Монголии.— СА, № 2.
Клейн Л. С., Раев Б. А., Семенов А. И., Субботин А. В., 1972. Катакомба скифского времени и салтовский курган на нижнем Дону.— АО 1971 г. М.
Клеменц Д. А., 1886. Древности Минусинского музея: Памятники металлических эпох. Томск.
Кляшторный С. Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
Кляшторный С. Г., 1971. Руническая надпись из Восточной Гоби.— In: Studia Turcica. Budapest.
Кляшторный С. Г., 1973а. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии.— В кн.: Тюркологический сборник. М.
Кляшторный С. Г., 1973б. Монета с рунической надписью из Монголии.— В кн.: Тюркологический сборник. М.
Кляшторный С. Г., Лившиц В. А., 1971. Согдийская надпись из Бугута.— В кн.: Страны и народы Востока. М., т. X.
Ковалева И. Ф., 1962. Погребение IV в. у с. Старая Игрень.— СА, № 4.
Ковалевская В. Б. (*Деопик*), 1965. Применение статистических методов к изучению массового материала.— В кн.: Археология и естественные методы. М.
Ковалевская В. Б., Воронов Ю. Н., Михайличенко Ф. Е., 1969. Исследования средневековых памятников северо-западного Кавказа.— АО 1968 г. М.
Ковалевская В. Б., 1970. К изучению орнаментики наборных поясов VI—IX вв. как знаковой системы.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
Ковалевская В. Б., 1972. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов).— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
Ковалевская В. Б., Краснов Ю. А., 1973. Рец. на кн.: Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino.— СА, № 2.
Ковалевский А. П., 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков.
Кожомбердиев И. К., 1960а. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе.— ИАН КиргССР. Сер. общественных наук, т. II, вып. 3.
Кожомбердиев И. К., 1960б. Новые данные о Кенкольском могильнике.— КСИА, вып. 80.
Кожомбердиев И. К., 1963. Катакомбные памятники Таласской долины.— В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе.
Кожомбердиев И. К., 1968. Кочевые племена I—V вв.— В кн.: История Киргизской ССР. Фрунзе, т. I.
Козырев А. А., 1905. Раскопка кургана в урочище Кара-Агач.— ИАК, вып. 16.

Коковцов П. К., 1932. Европейско-хазарскан переписка в X веке. Л.
Кондаков Н., 1896. Русские клады. СПб. I.
Кондукторова Т. С., 1973. Антропологическая характеристика Верхнечирюртовского могильника.— МАД. Махачкала, т. III.
Кононов А. Н., 1960. К истории русской тюркологии (до XIX в.).— В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.; Л.
Константинов М. В., Немеров В. Ф., 1976. Исследование в Западном Забайкалье.— АО 1975 г. М.
Копытова Л. И., 1974. Раскопки у с. Старая Преображенка.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, вып. 15.
Корзухина Г. Ф., 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, XXII.
Кормушин И. В., 1975. К основным понятиям тюркской рунической палеографии.— Сов. тюркология, № 2.
Корелов А. В., Хлебникова Т. А., 1960. К вопросу о черной металлургии у волжских болгар.— МИА, № 80.
Котвич В. Л., 1914. Поездка в долину Орхона летом 1912 г.— ЗВОРАО, XXII, 1-2.
Крамаровский М. Г., 1973. Золотоордынский ковш монгольского времени из Предкавказья.— АСГЭ, вып. XXXXI.
Крамаровский М. Г., 1975. К атрибуции золотоордынского ковша с тюркской надписью.— В кн.: Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л.
Красильников К. И., 1976. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры.— СА, № 3.
Кратков А. А., 1915. Раскопки в Увеке в 1913 г.— Тр. Сарат. учен. архивн. комис., т. XXXII.
Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР.— САИ, вып. Г4-4.
Кропоткин В. В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР.— САИ, вып. Е4-4.
Кропоткин В. В., 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М.
Кропоткин В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.).— САИ, вып. Д1-27.
Круглов А. П., 1938. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г.— Зап. ЧНИИЯЛИ, т. 1.
Крупнов Е. И., 1938. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов.— ВДИ, № 2(3).
Крупнов Е. И., 1953. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа.— В кн.: Против вульгаризации марксизма в археологии. М.
Кубарев В. Д., 1973. Еще раз о древнетюркской стеле из Кош-Агача.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
Кудряшов К. П., 1948. Половецкая степь. М.
Кузеев Р. Г., 1957. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа.
Кузеев Р. Г., 1974. Происхождение башкирского народа. М.
Кузнецов В. А., 1954. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 г.— МИСК, Ставрополь, вып. 6.
Кузнецов В. А., 1961. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.).— В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.
Кузнецов В. А., Пудовин В. К., 1961. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов».— СА, № 2.
Кузнецов В. А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, № 106.
Кузнецов В. А., 1971. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе.
Кузнецов В. А., 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв.— СА, № 2.
Кузнецов В. А., 1974. Аланы и тюрки в верховьях Кубани (о новой концепции истории алан Северного Кавказа).— В кн.: Археолого-этнографический сборник. Нальчик, вып. 1.
Кулаковский Ю. А., 1898. Христианство у алан.— Византийский временник, т. V, вып. 1-2.
Кумеков Б. Е., 1972. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата.
Кухаренко Ю. В., 1951. О некоторых археологических открытиях на Харьковщине.— КСИИМК, вып. 38.
Кушева-Грозовская А., 1928. Золотые древности Государственного Исторического музея из раскопок 1925—1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов.
Кызласов И. Л., 1975. Помииальные памятники таштыкской эпохи.— СА, № 2.
Кызласов И. Л., 1977а. Бусы средневековой Хакасии.— В кн.: Вопросы истории Хакасии. Абакан.
Кызласов И. Л., 1977б. Средневековая эпитафия из Малиновки (Тува).— Сов. тюркология, № 2.
Кызласов И. Л., 1978. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (аскизская культура в монгольское время).— СА, № 1.
Кызласов Л. Р., 1949. К истории шаманских верований на Алтае.— КСИИМК, вып. XXIX.
Кызласов Л. Р., 1951. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана.— ИАН КазССР, вып. 3.
Кызласов Л. Р., 1955. Сырский чаатас.— СА, XXIV.
Кызласов Л. Р., 1958. Этапы древней истории Тувы.— Вестн. МГУ. Сер. историко-филологическая, № 4.
Кызласов Л. Р., 1959а. Средневековые города Тувы.— СА, № 3.
Кызласов Л. Р., 1959б. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— ТККАЭЭ, М., т. II.
Кызласов Л. Р., 1960а. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.— Учен. зап. ХНИИЯЛИ, вып. VIII.
Кызласов Л. Р., 1960б. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г.— Учен. зап. ХНИИЯЛИ, вып. VIII.
Кызласов Л. Р., 1960в. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.).— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, вып. VIII.
Кызласов Л. Р., 1960г. Новая датировка памятников енисейской письменности.— СА, № 3.
Кызласов Л. Р., 1960д. Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.). Вестн. МГУ Сер. IX. История, № 1.
Кызласов Л. Р., 1963. Памятник мусульманского средневековья в Туве.— СА, № 2.
Кызласов Л. Р., 1964а. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей.— СА, № 2.
Кызласов Л. Р., 1964б. Этапы средневековой истории Тувы.— Вестн. МГУ. Сер. IX. История, № 4.
Кызласов Л. Р., 1964в. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.).— В кн.: История Тувы. М., т. 1.
Кызласов Л. Р., 1964г. Хозяйство, культура и быт населения Тувы в XIII—XIV вв.— В кн.: История Тувы. М., т. 1.
Кызласов Л. Р., 1964д. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров.— В кн.: Древняя Сибирь: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ.
Кызласов Л. Р., 1965а. Новый памятник енисейской письменности.— СЭ, № 2.
Кызласов Л. Р., 1965б. О датировке памятников енисейской письменности.— СА, № 3.
Кызласов Л. Р., 1965в. Из истории племен Алтае-Саянского нагорья в XIII—XIV вв.— Учен. зап. ХНИИЯЛИ, вып. XI.
Кызласов Л. Р., 1966. О численности древних хакасов в IX—XI вв. и в XIII в.— Учен. зап. ХНИИЯЛИ, вып. XII.
Кызласов Л. Р., 1968а. Уйгуры.— В кн.: История Сибири. Л., т. 1.
Кызласов Л. Р., 1968б. О литературе и фольклоре средневековых хакасов.— Вестн. МГУ. Сер. IX. История, № 2.
Кызласов Л. Р., 1968в. Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII вв.— Народы Азии и Африки, № 4.
Кызласов Л. Р., 1969а. История Тувы в средние века. М.
Кызласов Л. Р., 1969б. Древние крепости Хакасии.— АО 1968 г. М.
Кызласов Л. Р., 1972. Каменные «старушки» Хакасии.— АО 1971 г. М.
Кызласов Л. Р., 1974. Раскопки средневекового здания в Хакасии.— АО 1973 г. М.
Кызласов Л. Р., 1975а. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура).— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.
Кызласов Л. Р., 1975б. Средневековые архитектурные сооружения Хакасии.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, ч. III.
Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1973. Исследования на территории Хакасии.— АО 1972 г. М.
Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1976. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия).— Сов. тюркология, № 1.
Кызласов Л. Р., Смирнова О. М., Щербак А. М., 1958. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (КиргССР) в 1953—1954 гг.— Учен. зап. ИВАН, т. XVI.
Кюнер Н. В., 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.

Левашева В. П., 1939. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск.
Левашева В. П., 1952. Два могильника кыргыз-хакасов.— МИА, № 24.
Левашева В. П., 1960. Золотоордынские памятники в Воронежской обл.— Труды ГИМ, вып. 37.
Левина Л. М., 1971. Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в I тысячелетии н. з. М.
Липский А. Н., 1949. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 г.— КСИИМК, вып. XXV.
Лисицына Г. Н., Костюченко В. П., 1976. Почва как источник информации при изучении древнего земледелия (по материалам работ в аридных районах СССР в 1969—1973 гг.).— СА, № 1.
Лубо-Лесниченко Е. И., 1969. Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время.— В кн.: Страны и народы Востока. М., вып. VIII.
Лубо-Лесниченко Е. И., 1975а. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея).— В кн.: История и культура Востока Азии. Новосибирск, т. III.
Лубо-Лесниченко Е. И., 1975б. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.
Ляпушкин И. И., 1941. Славяно-русские поселения на Дону и Тамани по археологическим памятникам.— МИА, № 6.
Ляпушкин И. И., 1958а. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.— МИА, № 62.
Ляпушкин И. И., 1958б. Карнауховское поселение.— МИА, № 62.
Ляпушкин И. И., 1958в. Средневековое поселение близ ст. Суворовской.— МИА, № 62.
Магомедов М. Г., 1975а. Хазарские поселения в Дагестане.— СА, № 2.
Магомедов М. Г., 1975б. Древние центры Хазарии.— СА, № 3.
Мажитов Н. А., 1959. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы.— В кн.: Башкирский археологический сборник. Уфа.
Мажитов Н. А., 1962. Поселение Ново-Турбаслинское II.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, т. I.
Мажитов Н. А., 1964а. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. з.— В кн.: Археология и этнография Башкирии.— Уфа, т. II.
Мажитов Н. А., 1964б. Новые материалы о ранней истории башкир.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, т. II.
Мажитов Н. А., 1968. Бахмутинская культура. М.
Мажитов Н. А., 1971. Происхождение башкир.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, т. IV.
Мажитов Н. А., 1973. Тайны древнего Урала. Уфа.
Мажитов Н. А., 1977. Южный Урал в VII—XIV вв. М.
Макарова Т. И., 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв.— АСГЭ, т. 4.
Макаренко Н. Е., 1906. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г.— ИАК, вып. 19.
Макаренко Н. Е., 1911. Археологические исследования 1907—1909 гг.— ИАК, вып. 43.
Максимов Е. К., 1956. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья.— Тр. Сарат. обл. музея краеведения, вып. 1. Археологический сборник.
Максимов Е. К., 1969. Позднекочевнические погребения урало-волжского района.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.
Максимова А. Г., 1958. Наскальные изображения ущелья Тамгалы.— ВАН КазССР, № 9.
Максимова А. Г., 1965. Погребение воина XIV в.— ВАН КазССР, № 6.
Максимова А. Г., 1968. Средневековые погребения Семиречья.— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1968. Древности Чардары. Алма-Ата.
Малиновская Н. В., 1974. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.
Малов С. Е., 1926. Замок из Билярска с арабской надписью.— Записки коллегии востоковедов при Арабском музее, Л., т. II.
Малов С. Е., 1951. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л.
Малов С. Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.
Малов С. Е., 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.
Маммаев М. М., 1970. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960—1964 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии.
Мандельштам А. М., 1956. Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху бен Хакану» аль-Джахиза.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 1.
Мандельштам А. М., 1972. Исследования на могильнике Аймырлыг.— В кн.: АО 1971 г. М.
Маннай-оол М. Х., 1963. Итоги археологических исследований Тувинского НИИЯЛИ в 1961 г.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, вып. X.
Маргулан А. Х., 1950. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата.
Маргулан А. Х., 1951. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане.— ИАН КазССР. Сер. археол., вып. 3.
Маргулан А. Х., 1959. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 7.
Маргулан А. Х., 1973. Джезказган — древний металлургический центр (городище Милыкудук).— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
Маршак Б. И., 1961. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв.— Тр. ГЭ, V.
Маршак Б. И., Скалон К. М., 1972. Перещепинский клад. Л.
Массон М. Е., 1953. Ахангеран. Ташкент.
Массон М. Е., 1959. Серебряные монеты XIV века из погребений могильника в бассейне р. Нуры.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 7.
Массон М. Е., 1965. К вопросу об изучении языческих курганных погребений.— ВАН КазССР, № 1.
Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1950. Гумбез Манаса. М.
Матвеева Г. И., 1968а. Исследования в центральной Башкирии.— В кн.: АО 1967 г. М.
Матвеева Г. И., 1968б. Шареевский могильник.— В кн.: Из истории Башкирии. Уфа.
Матвеева Г. И., 1969. Население лесной и лесостепной Башкирии в III—VIII вв. н. з.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии.
Матвеева Г. И., 1971. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н. з.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, т. IV.
Матвеева Г. И., 1973. Памятники железного века в бассейне р. Зилим.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, т. V.
Матвеева Г. И., 1975. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье.— В кн.: Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, вып. V.
Матющенко В. И., Старцева Л. М., 1970. Еловский курганный могильник I эпохи железа.— В кн.: Вопросы истории Сибири, Томск, вып. 5.
Мацулевич Л. А., 1926. Серебряная чаша из Керчи. Л.
Мацулевич Л. А., 1927. Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжки.— In: Seminarium Kondakovianum. Prague, v. I.
Мацулевич Л. А., 1934. Погребение варварского князя в Восточной Европе.— ИГАИМК, вып. 112.
Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв.— САИ, вып. Е1—36.
Мелиоранский П. М., 1900. Памятник в честь Кюль-Тегина.— ЗВОРАО, т. XII.
Мерперт Н. Я., 1951. О генезисе салтовской культуры.— КСИИМК, вып. XXXVI.
Мерперт Н. Я., 1957. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань.
Мерщиев М. С., 1970. Поселение Кзыл-Кайнар-Тобе I—IV вв. и захоронение на нем воина IV—V вв.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
Мец Н. Д., 1948. К вопросу о торках.— КСИИМК, вып. XXII.
Миллер Г. Ф., 1937. История Сибири. М.; Л.
Милютин А. И., 1909. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище.— ИАК, вып. 29.
Минаева Т. М., 1927. Погребения с сожжением близ города Покровска.— Учен. зап. СГУ, т. VI, вып. 3.
Минаева Т. М., 1949. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности.— МИСК, Ставрополь, вып. 1.

Минаева Т. М., 1950. Могильник Байтал-Чапкап.— МИСК, Ставрополь, вып. 2-3.
Минаева Т. М., 1951. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани.— МИА, № 23.
Минаева Т. М., 1956. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии.— СА, XXVI.
Минаева Т. М., 1957. Находки близ ст. Преградной иа р. Уруне.— КСИИМК, вып. 68.
Минаева Т. М., 1960. Поселение в устье р. Узуи-Кол.— СА, № 2.
Мінаева Т. М., 1961. Кераміка балки Канцирка в світлі археологічних досліджеиь на Півиічному Кавказі.— Археологія, т. XIII.
Минаева Т. М., 1965. Новый вид погребальных сооружений в бассейие верхней Кубани.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этиографических исследований 1964 г. в СССР: (Тезисы докладов). Баку.
Минаева Т. М., 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.
Михальченко С. Е., 1973. Систематизация массовой иеполивной керамики золотоордынских городов Поволжья.— СА, № 3.
Михлин Б. Ю., 1972. Гуниський амулет з Ждановського музею.— Археологія, вип. 5.
Могильников В. А., 1972. Археологические исследоваиия на Верхнем Алее.— В кн.: Археология и краеведеиие Алтая. Барнаул.
Могильников В. А., 1976. Кочевиики юга Западиой Сибири и Казахстана в раиием средневековье и их западные связи.— В кн.: Этническая история народов Урала и Поволжья. Уфа.
Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П., 1975. Древнетюркские памятиики долины р. Тон.— В ки.: Археологические памятники Прйисыккулья. Фрунзе.
Монгайт А. Л., 1951. Археологические заметки.— КСИИМК, вып. XLI.
Мордухай-Болтовский А., Дублицкий Б., 1928. Курган скифского типа, вскрытый осенью 1928 г. Алма-Атинским окружным музеем. Алма-Ата.
Мошкова М. Г., Максименко В. Е., 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. М., т. II.
Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А., 1970. Раскопки богатой усадьбы на Новом Сарае.— СА, № 3.
Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А., 1972. Склеп с кладом татарских монет XV в. из «старого» Сарая.— В кн.: Новое в археологии. М.
Мухамадиев А. Г., 1974. Раскопки двойиого дома на Водянском городище в 1970 г.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М.
Наделяев В. М., 1973. Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача.— Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, вып. 2, № 1.
Народы Средней Азии и Казахстана.— В кн.: Народы мира. М., 1962, т. 1.
Насонов А. Н., 1940. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.; Л.
Новоструев К. И., 1869. О городищах Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губ. Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской.— Тр. I АС, М., т. I.
Намеров В. Ф., Белькова Г. З., Шадрин С. Д., 1976. Могильник поздних кочевников у с. Зугмара.— В кн.: Научно-теоретическая конференция Иркутского государственного университета. Иркутск.
Нефедов Ф. Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887—1888 гг.— В кн.: МАВГР. М., т. III.
Нечаева Л. Г., 1961. Об этнической принадлежиости подбойных и катакомбных погребеиий сарматского времеии в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л.
Нечаева Л. Г., 1966. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Арты.— ТТКАЭЭ. М.; Л.
Николаев Р. В., 1972. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусииск.— СА, № 2.
Носкова Л. М., 1972а. Поливиой архитектурный декор из Сарая-Бату (Селитреииого городища).— СА, № 1.
Носкова Л. М., 1972б. Терракотовый и гаичевый декор в городах Золотой Орды.— Вестн. МГУ. Сер. IX. История, № 5.
Нудельман Г. А., 1967. Гуннский котел из Молдавии.— СА, № 4.
Оборин В. А., 1953. Рождествеиское городище и могильиик.— Учен. зап. Молотовского ун-та, ч. IX. вып. 3.
Овчинникова Б. Б., 1974. Исследование средиевековых погребений на могильиике Аймырлыг.— АО 1973 г. М.
Окладников А. П., 1950. О раскопках в долине р. Селенги летом 1947 г.— Зап. Бурят-Монгольского науч.-исслед. ии-та культуры, вып. 10.
Окладников А. П., 1951. Археологические исследоваиия в Бурят-Монголии.— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, т. VIII, № 5.
Окладников А. П., 1962. Древиемонгольский портрет, иадписи и рисунки на скале у подиожия Богдо-уула.— В кн.: Моигольский археологический сборник. М.
Д'Оссон К., 1937. История монголов. Иркутск. Т. 1.
ОАК за 1889 г. СПб., 1892.
ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
ОАК за 1895 г. СПб., 1897.
ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
Очерки истории Каракалпакской АССР. Нукус, 1964, т. 1.
Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956, ч. I, т. 1.
Паллас П. С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб. Ч. III, половиив 1.
Папа-Афанасопуло К. Н., 1925. Золотоордынская керамика (опыт систематизации и описания золотоордынской посуды).— Учеи. зап. СГУ, т. III, вып. 3.
Пацевич Г. И., 1948. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе.— ИАН КазССР. Сер. археол., вып. 1, № 46.
Пацевич Г. И., 1957. Печь для обжига кирпича в древием городе Сарайчика.— КСИИМК, вып. 69.
ПВЛ, 1950. М.; Л. Ч. 1.
Пешанов В. Ф., 1961. Мелитопольская диадема.— КСИАУ, вып. 11.
Пешанов В. Ф., Телегин Д. Я., 1968. Жертвенное место аланогуннского времеии в урочище Макартет.— АО 1967 г. М.
Пискарев А. И., 1851. О местоиахождении камеиных баб в России.— ЗРАО, т. III.
Плетнева С. А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62.
Плетнева С. А., 1959. Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 75.
Плетнева С. А., 1963а. Средневековая керамика Таманского городища.— В ки.: Керамика и стекло древией Тмутаракани. М.
Плетнева С. А., 1963б. Кочевнический могильник Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 109.
Плетнева С. А., 1964. О юго-восточных окраииах русских земель домонгольского времени.— КСИА, вып. 99.
Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам.— МИА, № 142.
Плетнева С. А., 1972. Об этнической неоднородности иаселения северо-западиого хазарского пограничья.— В ки.: Новое в археологии. М.
Плетнева С. А., 1973. Древиости черных клобуков.— САИ, вып. Е1—19.
Плетнева С. А., 1974. Половецкие камениые изваяиия.— САИ, вып. Е4—2.
Плетнева С. А., Николаенко А. Г., 1976. Волоконовский древнеболгарский могильник.— СА, № 3.
Покровский А. М., 1905. Верхне-Салтовский могильпик.— Тр. XII АС, М., т. I.
Покровский М. В., 1936. Пашковский могильник № 1.— СА, № 1.
Полевой Л. Л., 1969. Городское гончарство Пруто-Диестровья в XIV в. Кишинев.
Полевой Л. Л., Бырня П. П., 1974. Средиевековые памятники XIV—XVII вв. Кишинев.
Полубояринова М. Д., 1973. Русские вещи иа территории Золотой Орды.— СА, № 2.
Попов Н. И., 1874. О рунических письмеиах в Минусинском крае.— Изв. Сиб. отд-ния РГО, т. V, № 2.
Потапов Л. П., 1953. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.
Потапов Л. П., Грач А. Д., 1964. Тува в составе Тюркского каганата.— В кн.: История Тувы. М., т. 1.
Приск Панийский, 1861. Сказаиия.— Учен. зап. II отд-ииия АН, кн. VII, вып. 1.
Прозрителев Г. Н., 1906. Маджары. Ставрополь.
Прокопий из Кесарии, 1950. Войиа с готами. М.
Пугаченкова Г. А., 1967. Погребение моигольского времени из Халчаяна.— СА, № 2.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
Пчелина Е. Г., 1929. Два погребения времени алано-хазарской культуры из с. Лац.— ТСА РАНИОН, IV.
Пятышева Н. В., 1964. Железная маска из Херсонеса. М.
Радлов В. В., 1982—1899. Атлас древностей Монголии. СПб., вып. 1—4.
Радлов В. В., Мелиоранский П. М., 1897. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме.— В кн.: Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., IV.
Ранов В. А., 1960. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир).— Изв. Отд-ния обществ. наук АН ТаджССР, вып. 1(22).
Раппопорт П. А., 1959. Крепостное сооружение Саркела.— МИА, № 75.
Расовский Д. А., 1935—1938. Половцы.— Seminarium Kondakovianum. Praga, t. VII—X.
Рау П. Д., 1928. Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья.— ТСА РАНИОН, т. IV.
Рашид ад-Дин, 1952, 1960. Сборник летописей. М.; Л., т. 1, 2.
Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г., 1971. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев.
Ртвеладзе Э. В., 1969. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорска.— СА, № 4.
Ртвеладзе Э. В., Гражданкина Н. С., Волкова И. Г., 1971. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара.— СА, № 1.
Руденко С. И., Глухов А. Н., 1927. Могильник Кудыргэ на Алтае.— МЭ. Л., III, 2.
Руденко С. И., 1930. К палеоантропологии Южного Алтая.— В кн.: Казаки. Л.
Руденко С. И., 1955. Башкиры. М.; Л. Т. II.
Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
Руденко С. И., 1962. Сибирская коллекция Петра I.— САИ, вып. ДЗ-9.
Рутковская Л. М., 1968. Археологические памятники пограничья лесостепи и степи.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев.
Рутківська Л. М., 1969. Кочовики та землероби на території степової України.— Археологія, т. XXII.
Рыбаков Б. А., 1952. Русские земли по карте Идриси.— КСИИМК, вып. 43.
Рыков П. С., 1929. Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки Саратовской губ. Петровск.
Савельев П. С., 1857, 1858. Монеты Джучидов, Джагатидов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., вып. 1, 2.
Савинов Д. Г., 1964. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири (некоторые общие вопросы изучения).— ВЛГУ, № 20. Сер. истории, языка и литературы, вып. 4.
Савинов Д. Г., 1971а. Осинковский могильник XI—XII вв. на северном Алтае: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси.
Савинов Д. Г., 1971б. Осинковский могильник на Северном Алтае.— АО 1970 г. М.
Савинов Д. Г., 1972а. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени.— В кн.: Этническая история народов Азии. М.
Савинов Д. Г., 1972б. Археологические памятники в районе хребта Чихачева.— АО 1971 г. М.
Савинов Д. Г., 1973а. К вопросу этногеографии севера Центральной Азии в предмонгольское время.— В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., вып. 2.
Савинов Д. Г., 1973б. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время.— В кн.: Тюркологический сборник. М.
Савинов Д. Г., 1973в. К этнической принадлежности сросткинской культуры.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
Савинов Д. Г., 1974. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X—XII вв.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л.
Савинов Д. Г., 1976. Расселение кимаков в IX—X веках по данным археологических источников.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
Савинов Д. Г., 1977. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н. э.).— СЭ, № 1.
Сальников К. В., 1952. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск.
Сальников К. В., 1958. К вопросу об этническом составе населения южной Башкирии в I тысячелетии н. э.— СА, № 4.
Сальников К. В., 1964. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, т. II.
Самойлович А. А., 1913. Среднеазиатско-турецкая надпись из Сарайчика.— ЗВОРАО, т. XXI, вып. 1.
Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы Русской земли. М.
Сафаргалиев М. Г., 1960. Распад Золотой Орды. Саранск.
Саханев В. Б., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг.— ИАК, вып. 56.
Свинин В. В., 1976. Периодизация археологических памятников Байкала.— Изв. Вост.-Сиб. отд-ния Геогр. о-ва СССР, т. 69.
Семенов Л. Ф., 1930. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа.— Вестн. Центрального музея Казахстана, № 1.
Сенигова Т. Н., 1970. Новые находки в Семиречье.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
Сибилев Н. В., 1926. Древности Изюмщины. Изюм. Вып. 1.
Синицын И. В., 1936. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья.— Изв. Сарат. Нижне-волжского ин-та краеведения, VII.
Синицын И. В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов.
Синицын И. В., 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 1.
Синицын И. В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда 1951—1953 гг.— МИА, № 60.
Синицын И. В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, № 78.
Сиротенко В. Т., 1961. Византия и булгары в V—VI вв.— Учен. зап. Перм. ун-та, вып. 4.
Ситников Л. Л., Ситникова Л. Н., 1971. Разведка у Красной Поляны.— АО 1970 г. М.
Ситников Л. Л., Ситникова Л. Н., 1972. Разведка в бассейне р. Мзымты.— АО 1971 г. М.
Скадовский Г. Л., 1897. Белозерское городище Херсонского у. Белозерской волости и соседние городища и курганы.— Тр. VIII АС, СПб., т. III.
Скалон К. М., 1962. Изображения дракона в искусстве IV—V вв.— СГЭ, вып. 22.
Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959.
Сміленко А. Т., 1965. Глодоські скарби. Київ.
Смиленко А. Т., 1968. Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары.— В кн.: Славяне и Русь. М.
Сміленко А. Т., 1975. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст). Київ.
Смирнов А. П., 1940. Очерки по истории древних болгар.— Тр. ГИМ, вып. II.
Смирнов А. П., 1947. Новый сасанидский золотой сосуд.— КСИИМК, вып. XIV.
Смирнов А. П., 1951а. Волжские булгары. М.
Смирнов А. П., 1954. Основные этапы истории города Болгары и его историческая топография.— МИА, № 42.
Смирнов А. П., 1957. Железный век Башкирии.— МИА, № 58.
Смирнов А. П., 1958. Армянская колония города Болгара.— МИА, № 61.
Смирнов А. П., 1968. Древняя Русь и Волжская Болгария.— В кн.: Славяне и Русь. М.
Смирнов А. П., 1971. Из этнической истории западного Приуралья в I тысячелетии н. э.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, т. IV.
Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А., 1959. Задачи археологического изучения Золотой Орды.— СА, № 4.
Смирнов К. А., 1958. Святилище в урочище Ага-Базар.— МИА, № 61.
Смирнов К. Ф., 1951. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана.— КСИИМК, вып. XXXVII.
Смирнов К. Ф., 1959. Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, № 60.
Смирнов К. Ф., 1960. Курганн біля м. Великого Токмака.— Археологічні пам'ятки УРСР, т. VIII.
Смирнов Я. И., 1909. Восточное серебро. СПб.
Смолин В. Ф., 1926. По развалинам древнего Булгара. Казань.
Сорокин С. С., 1977. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка.— АСГЭ, т. 18.

Спицын А. А., 1899. Курганы киевских торков и берендеев.— ЗРАО. Новая серия, т. XI, вып. 1-2.
Спицын А. А., 1907а. Могильник V в. в Черноморье.— ИАК, вып. 23.
Спицын А. А., 1907б. Могильник VI—VII вв. в Черноморской области.— ИАК, вып. 25.
Спицын А. А., 1909а. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца.— ЖМНП, № 1.
Спицын А. А., 1909б. Бухарский клад и мономахова шапка.— ИАК, вып. 1, № 29.
Спришевский В. И., 1951. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека.— Тр. Музея истории народов Узбекистана, т. 1.
Старостин П. Н., 1967. Памятники именьковской культуры.— САИ, вып. Д1-32.
Старостин П. Н., 1971. Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
Стоколос В. С., 1962. Курган на озере Синеглазово.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, т. I.
Сум П., 1846. Историческое рассуждение об узах и половцах.— Чтения общества истории и древностей российских, М., № 1.
Сунчугашев Я. И., 1974. Древнее производство железа в районе города Минусинска.— Учен. зап. ХНИИЯЛИ, вып. XIX.
Сухобоков О. В., 1976. Славяне Днепровского левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев.
Талько-Грынцевич Ю. Д., 1902. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Иркутск, IV.
Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
Теплоухов С. А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— МЭ, Л., т. IV, вып. 2.
Тереножкин А. А., 1940. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале.— Изв. Узб. филиала АН СССР, № 3.
Терещенко А. В., 1850. Археологические поиски в развалинах Сарая.— Зап. Санктпетербургского археолого-нумизматического о-ва, II.
Терещенко А. В., 1854. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-и-Кыпчакского царства.— Учен. зап. АН по I и III отд-ниям, т. II.
Тизенгаузен В. Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т. I. Извлечения из сочинений арабских.
Тизенгаузен В. Г., 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л. Т. II. Извлечения из персидских сочинений.
Тиханова М. А., Черняков И. Т., 1970. Новая находка погребения с диадемой в северо-западном Причерноморье.— СА, № 3.
Толстов С. П., 1935. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.— Проблемы истории докапиталистических обществ, М., № 9—10.
Толстой И. И., Кондаков Н. П., 1890. Русские древности в памятниках искусства. СПб. Вып. 3.
Тревер К. В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.
Трифонов Ю. И., 1971. Древнетюркская археология Тувы.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, вып. XV.
Трифонов Ю. И., 1973. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени.— В кн.: Тюркологический сборник. М.
Трифонов Ю. И., 1975а. Работы в Туве и в Хакасии.— АО 1974 г. М.
Трифонов Ю. И., 1975б. Конструкция древнетюркских курганов Центральной Тувы.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.
Троицкая Т. Н., 1973. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тысячелетия н. з.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
Тр. Вост. комис. Моск. археол. о-ва, 1889—1893, т. I, вып. 1—3.
Трутовский В. К., 1911. Гюлистан — монетный двор Золотой Орды.— В кн.: Нумизматический сборник. М., т. I.
Тургиев Т. Б., 1968. О скотоводстве у алан.— МАДИСО. Орджоникидзе, т. II.
Тухтина Н. В., 1960. Раскопки 1957 г. близ с. Криуши Ульяновской обл.— МИА, № 80.
Убрятова Е. И., 1974. Древнетюркская руническая надпись из Бичикту-Бома.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
Уваров А. С., 1871. Сведения о каменных бабах.— Тр. I АС, М., т. I (II).
Уварова П. С., 1900. Могильники Северного Кавказа.— МАК. М., VIII.
Уварова П. С., 1908. К вопросу о каменных бабах.— Тр. XIII АС, М., т. II.
Уманский А. П., 1964. Археологические раскопки Ледебура в Горном Алтае.— Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛИ, вып. 6.
Уманский А. П., 1970. Археологические памятники у с. Иня.— Изв. Алтайского отд-ния Геогр. о-ва СССР, вып. II.
Уманский А. П., 1978. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
Фанагория.— МИА, 1956, № 57.
Фахрутдинов Р. Г., 1969. Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Закамской Татарии.— СА, № 1.
Фахрутдинов Р. Г., 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань.
Федоров Г. Б., Полевой Л. Л., 1973. Археология Румынии. М.
Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф., 1974. Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Кишинев.
Федоров-Давыдов Г. А., 1960. Клады джучидских монет.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., т. I.
Федоров-Давыдов Г. А., 1962. Тигашевское городище.— МИА, № 111.
Федоров-Давыдов Г. А., 1963. Находки джучидских монет.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., т. IV.
Федоров-Давыдов Г. А., 1964. Культура и общественный быт золотоордынских городов. М.
Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
Федоров-Давыдов Г. А., 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
Федоров-Давыдов Г. А., 1974. Три средневековых нижневолжских города.— ВИ, № 3.
Федоров-Давыдов Г. А., 1976а. Общественный строй кочевников в золотоордынскую эпоху.— ВИ, № 8.
Федоров-Давыдов Г. А., 1976б. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.
Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1970. Ранние булгары на Северном Кавказе.— В кн.: Из истории Карачаево-Черкесии. (Тр. КЧНИИ; Вып. VI).
Федоровский А. С., 1913, 1914. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—IX вв.— Вестн. Харьк. ист.-филол. о-ва, вып. 3, 5.
Феофилакт Симокатта, 1957. История. М.
Флеров В. С., 1972—1975. Раскопки Семикаракорского городища.— В кн.: АО 1971; АО 1972 г.; АО 1973 г.; АО 1974 г. М.
Френ X. М., 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб.
Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Халиков А. X., Безухова Е. А., 1960. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький.
Халикова Е. А., 1971. Погребальный обряд Танкеевского могильника.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
Халикова Е. А., 1976. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья.— СА, № 2.
Хамзина Е. А., 1969. Телятниковский могильник.— В кн.: Этнографический сборник. Улан-Удэ.
Хамзина Е. А., 1970. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ.
Хлебникова Т. И., 1958. Пальцинские селища X—XIII вв.— МИА, № 61.
Хлебникова Т. И., 1962. Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII в.— МИА, № 111.
Хоанг Ван Кхоан, 1974. Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э.— XII в. н. э.).— СА, № 4.
Хованская О. С., 1954а. Гончарное дело города Болгара.— МИА, № 42.
Хованская О. С., 1954б. Бани города Болгара.—МИА, № 42.

Хованская О. С., 1958. Оборонительная система города Болгара.— МИА, № 61.
Худяков М. Г., 1919. Разведки в Биляре летом 1915 г.— Изв. о-ва истории, археологии и этнографии при Казанском ун-те, т. 30, вып. 1.
Худяков М. Г., 1921. Развалины Великого города (Болгары).— Казанский музейный вестник, № 1-2.
Худяков М. Г., 1922. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань.
Хынку И. Г., 1973. Кэпрэрия — памятник культуры X—XII вв. Кишинев.
Чеботаренко Г. Ф., 1973. Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев.
Чернецов В. Н., 1959. Представление о душе у обских угров.— В кн.: Исследования и материалы по вопросам религиозных верований. М.
Черников С. С., 1952. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г.— КСИИМК, вып. XLVIII.
Чеченов И. М., 1969. Древности Кабардино-Балкарии: (Материалы к археологической карте). Нальчик.
Чулошников А. П., 1924. Очерки по истории казахско-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами тюркских племен. Оренбург. Ч. 1.
Шелов Д. Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
Шер Я. А., 1963. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Тянь-Шане.— СА, № 2.
Шер Я. А., 1964. Археологические разведки на озере Сон-Куль.— КСИА, вып. 98.
Шер Я. А., 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.
Шилов В. П., 1959. Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60.
Шилов В. П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
Шмидт А. В., 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук.— Хозяйство Башкирии, № 8-9.
Шпилевский С. М., 1877. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань.
Щепинский А. А., Черепанова Е. Н., 1967. Исследования в Северном Крыму.— В кн.: АО 1966 г. М.
Щепинский А. А., Черепанова Е. Н., 1969. Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до н. э. Симферополь.
Щербак А. М., 1954. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону.— СА, XIX.
Щербак А. М., 1960. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска.— ВДИ, № 2.
Эварницкий Д. И., 1907. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губ.— Тр. XIII АС, М., т. I.
Юсупов Т. В., 1960. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.
Яблонский Л. Т., 1975. Типы погребального обряда на городских мусульманских некрополях Золотой Орды.— Вестн. МГУ. Сер. IX. История, № 2.
Ядринцев М. Н., 1885. Древние памятники и письмена в Сибири.— Литературный сборник, издание редакции «Восточного обозрения». СПб.
Якубовский А. Ю., 1931. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке.— ИГАИМК, VII, вып. 1-2.
Якубовский А. Ю., 1932. Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды Сарай-Берке. Л.
Якубовский А. Ю., 1948. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX—X вв.— СА, X.
Якобсон А. Л., 1954. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму.— КСИИМК, вып. 54.
Якобсон А. Л., 1955. Средневековые гончарные печи в районе Судака.— КСИИМК, вып. 60.
Янина С. А., 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг.— МИА, № 42.
Янина С. А., 1958. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг.— МИА, № 61.
Янина С. А., 1960. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г.— МИА, № 80.
Янина С. А., 1962а. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946—1958 гг.).— МИА, № 111.
Янина С. А., 1962б. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X века.— МИА, 111.

Abramowicz A., Dąbrowski K., Jażdżewski K., Nosek S., 1959. Periode des migrations des peuples.— Invent. archaeol. pol., fasc. II.
Alföldi A., 1932. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung.— Archaeol. hung., v. IX.
Appelgren-Kivalo H., 1931. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors.
Arrhenius B., 1971. Granatschmuck und Gemmen aus nordischen Funden des frühen Mittelalters. Stockholm.
Aspelin I. R., 1889. Inscriptios de l'Ienissei. Helsingfors.
Aspelin I. R., 1912. Die Steppengraber im Kreise Minousinsk am Ienissei.— In: Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsingfors, Bd. XII, H. 1—2.
Atlas zu Ledebours Reisen. Berlin, 1820.
Baranowski T., 1973. Rząd koński z wodzami 'ańcuchowymi na terenie Europy środkowej w okresie wp'ywów rzymskich.— Archeol. Polski, t. XVIII, z. 2.
Bóna I., 1970. Grave of an avar horseman at Iváncsa.— Archaeol. ért., k. 97, f. 2.
Bóna I., 1971. Ein Vierteljahrhundert Völkerwanderungszeitforschung in Ungarn (1945—1969).— Acta archaeol., Budapest, t. XXIII, f. 1—4.
Cilinská Z., 1973. Frühmittelaterliches Gräberfeld in Želovce. Bratislava.
Csallány D., 1953. Trouvaille d'objets incinérés de l'epoque avare à Bácsújfalu. Contributions à l'etude des rites funéraires et au legs archéologique des Koutourgours-Bulgares (Huns).— Archaeol. ért., 80, sz. 2.
Dragomir I. T., 1966. Descoperire hunice la Bălteni.—Stud. şi cerc. istorie veche, Bucureşti, v. 17, f. 1.
Erdélyi I., 1965. Az 1963 evi Mongol-Magyar z regeszeti expedicio eredmenyei.— Archaeol. ért., k. 92, f. 1.
Fettich N., 1932. Der zweite Schatz von Szilágy-Somlyo.— Archaeol. hung., v. III.
Fettich N., 1937. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn.— Archaeol. hung., v. XXI.
Fettich N., 1953. Le découverte de tombes princières hunniques à Szeged-Nagyszéksós.— Archaeol. hung., v. XXXII.
Harmatta J., 1951. The golden bow of the huns.— Acta archaeol., Budapest, t. I, f. 1-2.
Harmatta J., 1952. The dissolution of the hun empire.— Acta archaeol., Budapest, t. II, f. 4.
Heikel A. O., 1912. Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tasheba.— Z. Finn. Altertumsges., Helsinki, XXVI.
Jamgerchinov B. D., Kozhemyako P., Aitbaev M. T., Kozhemberdiev E., Vinnik D. F., 1963. The history of cultural relations of Kirghizstan with some countries of Asia in connection with the latest archaeological data.— В кн.: Труды XXV международного конгресса востоковедов. М., т. 3.
Jisl L., 1960. Výzkum Külteginova památniku v Mongolske Lidove Republice.— Archeol. rozhl., r. XII, s. 1.
Kollautz A., 1955. Der Schamanismus der Awaren. Beitrage zur Religion der Awaren.— New Studies in ancient eurasien history Paleologia, Osaka, v. VI, N 3/4.
Kovrig I. L., 1972. Hunnischer Kessel aus der Umgebung von Várpalota.— Folia archaeol., t. XXIII.
Kubitschek W., 1911. Grabfunde in Untersiebenbrunn (auf dem Marchfeld).— Jahrb. Altertumsk., Wien, Bd. 5, H. 1—3.
Kurznecova A., 1930. Altertümer aus dem Tal mittleren Inja.— In: Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki, t. V.
Laszló G., 1943. Der Grabfund von Koronco und der althungarische Sattel.— Archaeol. hung., v. XXVII.
Lásló Gy.. 1951. The significance of the hun golden bow.— Acta archaeol., t. I, f. 1-2.
Lásló Gy., 1955. Études archéologiques sur l'Histoire de la Société des Avars.—'Archaeol. hung., v. XXXIV.
Ledebourg G. Fr., 1829—1830. Reise durch das Altai-Gebirge und die Soongariche Kirgisen-Steppe (1826). Berlin. Bd. I—II.

Liu-Mau-Tsai, 1958. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kue). Wiesbaden, I—II.

Mészáros Gy., 1970. Das Fürstengrab von Regöly aus der Frühvölkerwanderungszeit.— Archeol. ért., f. 97, k. 1.

Minajeva T. M., 1929. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo.— In: Eurasia septentrionalis antiques. Helsinki, t. IV.

Minorsky V., 1937. Hudud al-Alam. «The Region of the World». A Persian Geography 372 A. H.— 982 A. D. London (GMS, XI).

Párducz M., 1959. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn.— Acta arhaeol., Budapest, t. XI, f. 1—4.

Posta B., 1905. Archaeologische Studien auf russichem Boden. Budapest. T. 2.

Ramstedt G. I., 1913. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei.— J. Soc. Finno-Ougr., Helsingfors, XXX.

Rau P., 1927. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk.

Rostovtzeff M., 1923. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain.— Monuments et mémoires publiés par l'Academie des inscriptions et belles-lettres. Paris, v. 26.

Salamon A., 1976. Geweihmanufaktur in Intercisa.— Archaeol. ért., k. 103, sz. 2.

Serestyén K. G. 1930. Rätselhafte Beinplatten in Gräbern der Völkerwanderungszeit.— Dolgozatok, Szeged, VI, 1—2.

Tallgren A. M., 1917. Collection Tovostine des antiquites préhistorique de Minoussinsk conserves cher le Dr. Karl Hedman a Vasa. Helsingfors.

Tejral J., 1973. Mähren im 5. Jahrhundert. Praha.

Thompson E. A., 1948. A History of Attila and the Huns. Oxford.

Tóth E. H., 1971. A Kunbábonyi avar fejedelem. Budapest; Kecskemét.

Várady L., 1969. Das letzte Jahrhundert Pannoniens (376—476). Budapest.

Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München.

Werner J., 1960. Die frühgeschichtlichen Grabfunde von Spielberg und von Fürst.— Bayer. Vorgeschichts-Blätter, München, H. 25.

Werner J., 1974. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden.— In: Problemi attuali di scienza e di cultura. Quaderno N 189. Atti del convegno internazionale sul tema: La civiltà dei longobardi in Europa. Roma.

Список сокращений

АКК — Археологическая карта Казахстана
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАН — Вестник Академии наук
ВАСК — Всесоюзная студенческая археологическая конференция
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
Вестн. ЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
Вестн. МГУ — Вестник Московского государственного университета
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИВАН — Институт востоковедения Академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КЧНИИ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК — Материалы по истории Ставропольского края
ММ — Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова
МЭ — Материалы по этнографии
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПВЛ — Повесть временных лет
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский государственный университет
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
ТГПИ — Томский государственный педагогический институт
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
ТККАЭЭ — Труды Комплексной киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Тр. АС — Труды Археологического съезда
ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских общественных наук
ХНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЧНИИЯЛИ — Черкесский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Acta archaeol. — Acta archaeologica. Budapest
Arch. hung. — Archaeologia hungarica. Budapest
Archaeol. ért. — Archaeologiai értesitõ. Budapest
Archeol. Polski — Archeologia Polski. Wrocław — Warszawa — Krakow — Grańsk
Archeol. rozhl. — Archeologické rozhledy. Praha
Bayer. Vorgeschichts-Blätter — Bayerische Vorgeschichts-Blätter. München
Folia archaeol. — Folia archaeologica. Budarect
Invent. archaeol. pol. — Inventaria archaeologica: Pologne. Łódź
J. Soc. Finno-Ougr. — Journal de la Society Finno-Ougrienne. Helsingfors
Jahrb. Altertumsk. — Jahrbuch für Altertumskunde. Wien.
Stud. şi cerc. istorie veche — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti
Z. Finn. Altertumsges. — Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft. Helsinki

Указатели

Указатель географических и этнических названий*

* В указателе, кроме общепринятых, используются сокращения: дол.— долина, др.— древний, котл.— котловина, плем.— племенной, с.— союз, ур.— урочище, ущ.— ущелье, ц-во — царство.

Составитель *С. С. Ширинский*

Указатель археологических культур и памятников*

* В указателе, кроме общепринятых, используются сокращения: гор-ще — городище, др.— древний, мог-к — могильник, ущ.— ущелье.

Составитель *С. С. Ширинский*

Оглавление

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Степи Евразии в эпоху средневековья

*

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства
Е. П. Прохоров

Художник
Б. И. Астафьев

Художественно-технический редактор
Т. А. Прусакова

Корректоры
Ф. А. Дебабов, Г. Н. Лащ

ИБ № 15243

Сдано в набор 25.04.80
Подписано к печати 28.11.80
Т-19623. Формат 60×90¹/₈
Бумага для глубокой печати
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 38,5. Уч.-изд. л. 44,5
Тираж 31.500 экз.
Тип. зак. 3260
Цена 3 р. 70 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10